KUNSTKAMERA PETROPOLITANA

Я. В. Васильков

.«БУРЕБОРСТВЕННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК» ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ГЕРАСИМА СТЕПАНОВИЧА ЛЕБЕДЕВА (1749–1817)

2017

КУНСТКАМЕРА

Российская академия наук

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Я. В. Васильков

«БУРЕБОРСТВЕННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК». ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ГЕРАСИМА СТЕПАНОВИЧА ЛЕБЕДЕВА (1749–1817)

Санкт-Петербург
2017

УДК [39+78+79+81+94(4)]
ББК 63.3+63.5+70/72+85
В19

Рецензенты:
д-р ист. наук *М.Ф. Альбедиль* (МАЭ РАН)
канд. филол. наук *Е.К. Бросалина* (СПбГУ)

Васильков Я.В.
«Буреборственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817). — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — 508 с., ил. — (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-88431-341-5

Книга является первой в России монографией о Г.С. Лебедеве — первом русском индологе, этнографе и этномузыкологе, просветителе, музыканте-виртуозе и композиторе, создателе первого в Индии театра нового типа, друге, оставившем по себе в Индии добрую память. В первом разделе суммировано все, что было сделано к настоящему времени для изучения жизни и наследия Лебедева учеными Индии, России и Запада. Далее, излагая последовательно биографию Лебедева, автор заполняет значительное число имевшихся в ней лакун по результатам своей многолетней работы в российских и зарубежных архивах. В книге предлагается взгляд на Лебедева как посредника между культурами, творца «гибридных», индийско-европейских культурных форм в области драматургии, театра, сценического дизайна и музыки, в чем он, очевидно, опирался на российский опыт. Впервые раскрывается истинная причина преследований Лебедева со стороны колониальной администрации. Совместная с бенгальскими культурными деятелями работа Г.С. Лебедева по созданию национального театра обоснованно рассматривается в работе как первое выражение тенденции, получившей в XIX в. полное развитие в феномене бенгальского и общеиндийского культурного Возрождения. Впервые публикуется ряд материалов, свидетельствующих о деятельности Лебедева как композитора, этномузыколога и популяризатора индийской музыки в Европе. Выход книги приурочен к двухсотлетию со дня смерти нашего замечательного соотечественника. Одна из целей, которые ставил перед собой автор, — вернуть полузабытое имя Г.С. Лебедева в культурную память российского общества.

© Васильков Я.В., 2017
© МАЭ РАН, 2017

Памяти Никиты Владимировича Гурова,
возродившего интерес к наследию Г.С. Лебедева
в Санкт-Петербурге

Друг, о котором помнит Индия

Двадцать второго февраля 2011 г. в столице штата Западная Бенгалия городе Колката, который прежде носил унаследованное от колониальной эпохи англизированное имя «Калькутта» (Calcutta), в университете, сохранившем свое историческое название «Калькуттский университет» (University of Calcutta), происходило нечто исключительное. Впервые индийские и русские ученые встретились на индийской земле, чтобы воздать должное человеку, который много лет назад, в конце XVIII в., прочно связал две наши культурные традиции и оставил о себе в Индии добрую память.

Для российских участников, многие из которых к этому времени уже давно занимались изучением трудов и биографии Г.С. Лебедева, международный семинар «Герасим Лебедев и его наследие: хроника индо-российских отношений» стал настоящим откровением. До этого мы просто не могли себе представить, каким уважением окружена память о Г.С. Лебедеве в Индии, особенно в Бенгалии. Именем Лебедева не так давно была названа улица в самом центре Колкаты (бывшая Соборная — Cathedral Street). На Эзра-стрит, где Лебедев когда-то открыл свой «Бенгальский

театр», установлена большая мемориальная стела. Но сильнее всего поражало количество индийских специалистов, изучающих наследие Г.С. Лебедева. Среди участников семинара были два автора монографий о нашем соотечественнике, написанных на бенгальском языке. Книга Алоке Кумара Чакраборти (Калькутта, 1989) носит примечательное название «Друг Индии Лебедев». Автор более ранней и более известной монографии «Герасим Степанович Лебедев» (Дакка, 1985), бенгальский поэт, прозаик, литературный критик и филолог-русист Хаят Мамуд, привез на семинар из Бангладеш незадолго до того вышедшее третье издание своей книги (Дакка, 2010). Поскольку в составе делегации из Ярославля (предполагаемой родины Лебедева) был директор местного книгоиздательства М.А. Нянковский, ранее осуществивший первое печатное переиздание главного лебедевского труда «Беспристрастное созерцание…» (Ярославль, 2009), удалось там же договориться с Х. Мамудом об издании в России перевода его книги с бенгальского. Когда в 2012 г. этот перевод, выполненный и подготовленный к изданию силами петербургских индологов, увидел свет, россияне наконец получили возможность увидеть и удивиться тому, какая богатая литература о Лебедеве существует в Индии. Библиография работ о Лебедеве, как она представлена в книге Х. Мамуда, доходит только до начала 1980-х годов. С тех пор она сильно разрослась, включая литературу на бенгальском, хинди и английском языках. Кроме вышеупомянутых двух монографий о Г.С. Лебедеве существуют как минимум еще две (О. Шаннела и Ч.Р. Гхоша), а разделы или главы о его театральной деятельности есть практически во всех работах по истории индийского театра нового времени. Переизданы в Индии основные труды Г.С. Лебедева. Не обходятся без рассказа о нем книги и статьи по истории культурных связей Индии с Россией. Можно встретить имя Лебедева также в работах по истории изучения языка хинди.

Удивительно, но память о нашем земляке в Индии гораздо более сохранна и почитаема, чем в современной России. Достаточно сказать, что если в Индии издано несколько монографий о нем, у нас пока что ни одной. А главное: память о Лебедеве жива в индийском народе, по крайней мере среди образованных людей.

Для них Герасим Лебедев — один из символов русско-индийской дружбы и сотрудничества. Когда-то он был таким и для нас. Но сейчас о нем помнят в основном специалисты-индологи. Прошло то время, когда о Лебедеве писали романы и пьесы, а сообщения о новых находках его документов публиковались в центральных газетах. Славу его совершенно затмил, прежде всего благодаря советско-индийскому фильму «Хождение за три моря», когда-то равный Лебедеву по своему символическому значению образ тверского купца XV в. Афанасия Никитина. Но, отдавая должное бесценным по своей исторической информативности запискам Афанасия и его роли первопроходца, следует все-таки заметить, что он попал в Индию не по своей воле, будучи вынужден к этому коммерческой необходимостью. А Герасим Лебедев — первый из россиян (и один из первых европейцев), приехавший в эту дальнюю страну с четко осознанной целью: изучать ее языки и культуру, по его словам, «дабы распознать Брамгенские науки», «проникнуть во все нравы жителей», а также «приобрести нужные сведения об их языках и учености».

Одна из задач этой книги — вернуть образ Герасима Лебедева в культурную память наших соотечественников. Необходимо также суммировать здесь все то новое, что мы узнали о Герасиме Лебедеве за последние 10–15 лет стараниями в основном российских и индийских ученых. Но прежде в целях ясности изложения приведем вкратце основные факты биографии Г.С. Лебедева, установленные исследователями в предшествующие годы.

Русский музыкант-виолончелист, с 1777 г. гастролировавший по странам Европы, Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) оказался в 1782 г. в Париже, где был представлен цесаревичу Павлу Петровичу, путешествовавшему по Европе под именем «графа Северного». Привел музыканта к Павлу кто-то из трех ближайших в то время к великому князю лиц: это были духовник великокняжеской четы и «капеллан» в свите Павла Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815), а также два друга детства цесаревича, князь А.Б. Куракин (1752–1818) и морской офицер С.И. Плещеев (1752–1802). Этим трем персонам Лебедев писал впоследствии письма, находясь в Индии и Южной Африке.

Заручившись покровительством и рекомендациями столь знатных особ, Лебедев в 1785 г. на корабле британской Ост-Индской компании из Лондона прибывает в Мадрас, откуда через два года перебирается в Калькутту. Там, продолжая концертную деятельность, он в то же время находит себе бенгальских наставников, у них получает некоторые знания о санскрите, традиционной индийской культуре, науке и об индуизме как религии. При этом он осваивает язык бенгали и местный разговорный хиндустани, что позволяет ему открыть через несколько лет в Калькутте первый индийский театр европейского типа. Пьесы для театра Лебедев сам переводил с английского на бенгали, полностью переложив сюжет по крайней мере одной из них «на индийские нравы». После того как прошли с успехом два первых представления театра Лебедева, против него была развязана интрига. Все началось с провокации, организованной руководством английского театра Ост-Индской компании, отчего до недавнего времени считалось, что и все последующие беды Лебедева, необоснованные судебные преследования, доведшие его до окончательного разорения и ликвидации театра, были каким-то образом организованы его завистливыми конкурентами. В 1797 г. по просьбе Лебедева генерал-губернатор Джон Шор распорядился взять его почти бесплатным пассажиром на корабль Компании «Лорд Тёрлоу», направлявшийся в Лондон. В пути Лебедев претерпел притеснения и издевательства, отчего вынужден был сойти на берег в Капстаде (Кейптауне), главном городе Капской колонии на южной оконечности Африки, близ мыса Доброй надежды.

За восемь месяцев, проведенных в Южной Африке, Лебедев дал несколько концертов, что позволило ему собрать деньги на дальнейшее путешествие до Лондона. В феврале 1799 г. он прибыл в Лондон и через русское посольство сообщил императору Павлу I о своем возвращении, на что был дан ответ: император обещал издать труды Лебедева по приезде его в Россию «на казенной кошт», а также выдать ему денежную компенсацию его расходов. Однако вскоре Лебедев в силу стечения обстоятельств впал в немилость у Павла I, что и вынудило его задержаться в Лондоне на два года. Здесь он издал на английском языке свою «Грамматику чистых и смешанных диалектов Восточной Индии» [Lebedeff

1801]. Вернувшись в Россию после смерти Павла I, Г.С. Лебедев был благосклонно принят Александром I, ему выделены средства на устройство типографии для печатания в ней собственных трудов, и сам он определен коллежским асессором в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел. В 1805 г. Лебедев издает в своей типографии книгу «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» [Лебедев 1805], в которой впервые в Европе был использован индийский (бенгальский) шрифт. Это первая индологическая работа, написанная уроженцем России на русском языке[1]. В ней, наряду с описанием индуистской религии и философии, довольно много этнографического материала. Открыто выражены в этой книге и социально-политические взгляды Лебедева: он осуждает колониальное угнетение индийцев и то пренебрежение, с которым «просвещенные» колонизаторы относятся к индийцам и их традиционной культуре.

Такова в общих чертах канва биографии Г.С. Лебедева, в которой, к сожалению, остается до сих пор множество лакун. Но немало лакун, зиявших прежде, в последние годы удалось заполнить, что и будет показано в этой книге. По целому ряду пунктов в биографии Лебедева, по вопросам оценки его наследия до сих пор продолжаются дискуссии. Неоспоримым является лишь то, что при всем несовершенстве своих трудов и отсутствии научной подготовки он остается первым русским индологом и, что еще более важно, первым россиянином, внесшим свой вклад в культуру Индии и навсегда оставшимся в памяти ее народа. Г.С. Лебедев был ранним живым свидетельством того тяготения к индийской культуре, глубокой симпатии к ней и интуитивного ощущения ее необъяснимой близости к нашей собственной традиции, которые были присущи впоследствии россиянам многих поколений.

Современный индийский исследователь Амартья Мукхопадхьяй в аннотации к своей книге «Индия в русском ориентализме» [Mukhopadhyay 2013] пишет: «Исследования, по-

[1] Ранее в России публиковались индологические работы, например труды Г.З. Байера, см. о нем: [Пумпян, Федосеева 1996; Карпеев 1997; Babinger 1915], но они были написаны по-немецки или на латыни и представляли немецкую индологию в России (см.: [Вигасин 2008: 139]).

священные самому любимому индийцами из всех путешественников, Лебедеву, предпринятые в России, Германии и Индии, не перекликаются друг с другом (do not talk with each other), тогда как работы европейских и американских ориенталистов-индологов попросту игнорируют его». До недавнего времени положение действительно было таким, но сейчас книга Х. Мамуда пришла в Россию [Мамуд 2012] и познакомила нас с богатой литературой о Лебедеве в Индии (в основном на бенгальском).

В англо-американской индологической традиции о Лебедеве действительно было принято до сих пор умалчивать, хотя сведения о нем лежали под рукой: в старых калькуттских и лондонских газетах, в архивах. Сказывалось, видимо, закрепившееся за ним в британской традиции определение adventurer, «искатель приключений». Однако в недавние годы в англоязычной литературе появились работы, в которых уделено серьезное внимание Лебедеву. Ранее других появилась статья американского театроведа Р. Соломона, в которой утверждалась преемственность национальных театров, возникших в разных регионах Индии во второй половине XIX — начале XX в., от лебедевского театра в Калькутте [Solomon 1994].

Толчок к дальнейшим исследованиям лебедевского наследия дала книга известного индийского театрального деятеля Судипто Чаттерджи на основе его диссертации, которая была защищена в Университете Нью-Йорка. В ее первой главе обстоятельно рассказывается о «Бенгальском театре» Лебедева [Chatterjee 2007: 25–36]. Целиком посвящена Г.С. Лебедеву статья театроведа Лоуренса Сенелика [Senelick 2012]. Обе работы обнаруживают знакомство с книгой Х. Мамуда, а тем самым с бенгальскими и в какой-то мере с русскими исследованиями лебедевских материалов. Л. Сенелик кроме того знаком и с некоторыми недавними русскими работами, в частности с книгой ярославского историка театра М.Г. Ваняшовой [Ваняшова 2000]. Наконец, несколько страниц посвятила Г.С. Лебедеву в своей недавней монографии канадский культуролог Шерри Саймон, которая высоко оценивает его как посредника между культурами, «талантливого практика контактных форм» и ставит интерес Лебедева к «контактному языку своего времени», к «смешанным языковым кодам калькутт-

ских улиц» в связь с его смелым «использованием смешанных и гибридных форм в музыке и театральном дизайне» [Simon 2013: 32, 35].

Тридцать пять лет назад историк российской науки о Востоке А.М. Куликова завершила свою статью о ранее неизвестной «автобиографии» Лебедева словами: «Создание монографии о первом отечественном индологе — долг историков востоковедной науки» [Куликова 1981: 30]. Еще более остро необходимость такого издания ощущается сейчас. Возродившиеся и развивающиеся в последние 15 лет исследования лебедевского наследия в России не только не стали известны в Индии и на Западе, но не были пока еще обобщены и подытожены. Эту цель и преследует наша книга. Мы постараемся в ней описать жизненный путь Лебедева, охарактеризовать его музыкальную, театральную и научную деятельность в свете новейших исследований и архивных находок. Но прежде представляется целесообразным показать, как развивалось изучение биографии Г.С. Лебедева и его наследия, как постепенно накапливались сведения о нем в русской, индийской и западной науке.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ И НАСЛЕДИЯ Г.С. ЛЕБЕДЕВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XXI В.)

Лебедевские исследования в дореволюционной России

Никакими сведениями о реакции русского общества на выход в свет главного труда Г.С. Лебедева «Безпристрастное созерцание» [Лебедев 1805] мы не располагаем. Если книга и была замечена широкой публикой, реакция едва ли была положительной. Язык Лебедева даже для конца XVIII в. был крайне архаичен, а карамзинская реформа русского языка тем более сделала текст книги неудобочитаемым, хотя он и подвергся незначительной «модернизирующей» правке.

Тем не менее и книга, и богатая приключениями биография Г.С. Лебедева, по-видимому, привлекли внимание по крайней мере некоторых петербургских ученых. Иначе трудно объяснить тот факт, что всего через год после выхода «Безпристрастного созерцания» известный немецкий лингвист Иоганн Кристоф Аделунг (1732–1806) опубликовал кое-какие сведения о Лебедеве и упомянул обе его книги в первом томе своего четырехтомного труда «Митридат, или Общее языкознание с краткими замечаниями о пятистах языках мира и переводами молитвы “Отче наш” на эти языки» [Adelung 1806–1817]. Биографические данные о Лебедеве здесь большей частью недостоверны. Но очевидно, что они получены из России, скорее всего от племянника И.К. Аделунга, петербургского историка, филолога и библиографа Фридриха (Федора Павловича) Аделунга (1768–1843). По-видимому, младший Аделунг передал старшему в основном слухи, ходившие в Петербурге о Лебедеве. Приводим текст из книги «Митридат»:

Сюда же относится составленная надворным советником Его Императорского Величества Герасимом Лебедевым «Грамматика чистых и смешанных диалектов Восточной Индии...». Ее автор в течение нескольких лет был директором театра у Великого Могола. Этот незаурядный человек происходил из крестьянского сословия и был родом из Украины. Поскольку он с юных лет проявил склонность к музыке, его господин, граф Разумовский, который направлялся в качестве российского посла в Неаполь, взял его с собой в Италию. Там он особо преуспел в игре на виолончели. Через какое-то время Лебедев оставил Разумовского и отправился в Париж. Не добившись там успеха, он перебрался в Лондон и поступил на службу к некоему лорду, которому предстояло вскоре занять пост губернатора в Индии. Лебедев последовал за своим новым господином в Калькутту. Он быстро выучил местный язык и благодаря своему музыкальному таланту приобрел много полезных знакомых среди именитых горожан. Благодаря своим связям ему удалось открыть собственный театр, а позднее стать театральным директором у Великого Могола. Он пробыл в Индии двадцать лет, после чего вернулся в Европу, свел знакомство с несколькими влиятельными персонами, и благодаря их рекомендательным письмам ему удалось издать свою «Грамматику» в Лондоне. Лебедев был представлен послу России графу Воронцову. Тот снабдил его самыми лестными рекомендациями, и по приезде в Санкт-Петербург Лебедев был зачислен в Коллегию иностранных дел с жалованием 1800 рублей (в год), а также получил в дар от Государя Императора сумму в 20 000 рублей. На эти деньги он открыл собственную санскритскую типографию, где вскоре был издан его труд об источниках брахманской мудрости [Adelung 1806: 184–186].

Из всего этого неоспоримыми фактами являются только издание Лебедевым двух книг и сумма его жалования в Коллегии иностранных дел. Лебедев не был директором театра у Великого Могола, происхождение его до сих пор точно не установлено, надворным советником он стал только в 1811 г. (через пять лет после смерти И.К. Аделунга), до Италии с Разумовским не доехал, прежде чем появиться в Париже, долго гастролировал в других европейских странах, в Индию ехал не как служитель у «некоего лорда», а как независимый музыкант, пробыл в Индии не двадцать лет, а двенадцать и т.д.

Через девять лет после выхода в свет первого тома «Митридата» написал о Г.С. Лебедеве и сам Аделунг-младший. В его опубликованной в Петербурге книге «Заслуги Екатерины Великой в области сравнительного языкознания» [Adelung 1815] Лебедеву посвящены один абзац основного текста и два пространных примечания. В основном тексте сказано:

> Герасим Степанович Лебедев — надворный советник в Коллегии иностранных дел. После двадцатилетнего пребывания в Индии он в 1801 г. приехал в Лондон, где опубликовал на английском языке составленную им Индостанскую грамматику. По возвращении в Санкт-Петербург получил от Государя Императора значительную сумму на открытие специальной типографии, где предполагалось опубликование привезенных им с собою доселе неизвестных образцов из сокровищницы санскритской словесности. До настоящего времени эти его надежды остаются неосуществленными.

К словам о «двадцатилетнем пребывании в Индии» дано примечание:

> Вместе с неким богатым англичанином он прибыл в Калькутту. Здесь ему посчастливилось благодаря музыке самому нажить небольшое состояние. Вскоре он приступил к изучению местных языков, и у него возникла идея познакомить жителей Калькутты с пьесами европейского образца. С этой целью Лебедев решил основать свой собственный театр. На изучение санскрита, бенгальского, тамильского и малабарского языков у него ушло шесть лет, после чего на все эти языки он перевел с английского несколько пьес. В работе над переводами он постоянно пользовался помощью и советами местных знающих эти языки людей, и когда наконец состоялось открытие театра, то это событие было воспринято доброжелательно и вызвало большой интерес. Вечерами люди заполняли зрительный зал, чтобы смотреть пьесу, каждый акт в которой исполнялся то на одном, то на другом языке. Представление вызвало такое восхищение публики, что это навлекло на Лебедева немилость руководителей всех прочих театров города. Они не успокоились, пока своими интригами не добились уничтожения театра. В конце концов, опасаясь утраты свободы и полного разорения, Лебедев, пока у него оставались какие-то средства, почел за благо уехать из страны.

Во время своего первого плавания в Индию мой добрый друг господин Крузенштерн лично встречался с Лебедевым в Калькутте. Именно через него я и смог получить эти сведения и, таким образом, уточнить ту информацию, которая была о Лебедеве в «Митридате».

О существовании театра Великого Могола, руководителем которого якобы был Лебедев, не может быть и речи. В настоящий момент единственный и последний представитель династии Моголов является узником. К тому же он слеп. Вероятно, результатом подобного заблуждения стало имеющееся в моем распоряжении весьма странное письмо. Оно написано на французском и адресовано «бывшему директору придворного театра Великого Могола, директору новой индийской типографии в Санкт-Петербурге господину Лебедеву». Письмо отправлено из Страсбурга и содержит грандиозный план создания специальной типографии для издания текстов на санскрите и других языках на совместных началах. Проект предусматривал переводы лучших образцов мировой литературы ради просвещения народов, живущих на берегах Ганга [Adelung 1815: 205–206].

В этом примечании содержится косвенное признание автора в том, что именно от него исходили посланные дяде, Аделунгу-старшему, недостоверные сведения, в частности сообщение о «театре Великого Могола», основанное на документе, который находился в личном владении младшего Аделунга. В своей же книге он стремится по возможности исправить неточности, опираясь на сведения, сообщенные ему И.Ф. Крузенштерном, и, по-видимому, на предисловие Лебедева к его грамматике. В двух других примечаниях он приводит полные названия «Грамматики» (на английском)[2] и «Безпристрастного созерцания» (на рус-

[2] Полное английское название «Грамматики» см. в списке литературы в конце книги. Здесь же приведем его русский перевод: «Грамматика чистых и смешанных диалектов Восточной Индии с добавлением диалогов, используемых во всех восточных странах; систематизирована в Калькутте согласно принципам брахменской системы шамскритского языка; включающая буквальные разъяснения сложных слов и иносказательных фраз, необходимые для постижения идиоматики данного языка и проч.; предназначена для использования европейцами; с замечаниями по поводу ошибок в прежних грамматиках и диалогах на смешанных, мавританских или маврских (Moorish or Moors’) диалектах, составленных различными европейцами, вкупе с воспроизведением утверждений сэра Уильяма Джонса касательно шамскритского алфавита и несколькими образцами

ском языке: «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. Всеавгустейшему Монарху посвящается. По Высочайшей Воле Его Императорского Величества напечатано в Санкт-Петербурге, в типографии Герасима Лебедева в 1805 г. с одной литографией и двумя виньетками»).

Интерес Ф. Аделунга к творчеству Г.С. Лебедева свидетельствуется тем, что в его архиве сохранился французский перевод «Введения» к лебедевской «Грамматике». Х. Мамуд вслед за В.С. Воробьевым-Десятовским [Воробьев-Десятовский 1956: 40] ошибочно считает этот перевод выполненным самим Лебедевым. Но Герасим Степанович французского, судя по всему, не знал. Этот перевод говорит не о том, что «Лебедев владел французским» [Мамуд 2012: 201], а скорее о том, что Ф. Аделунг, возможно, был не силен в английском. Отсюда могли возникнуть и некоторые ошибочные утверждения в тексте Ф. Аделунга, например о «двадцатилетнем» пребывании Лебедева в Индии или о том, что Лебедев перевел «на все эти языки» («санскрит, бенгальский, тамильский и малабарский») «несколько пьес». О том, что Ф. Аделунг продолжал интересоваться Лебедевым и после издания книги о «заслугах Екатерины Великой», свидетельствует присутствие в его архиве, хранящемся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, набело переписанной и переплетенной копии лебедевского перевода пьесы «Притворство» [ОР РНБ. Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 79]. Скорее всего, эта рукопись попала в руки Аделунга уже после смерти Г.С. Лебедева в 1817 г. [Воробьев-Десятовский 1956: 66].

Первая биографическая статья о Г.С. Лебедеве в русской печати появляется в 1832 г. в альманахе «Воспоминания», издававшемся литератором и историком С.В. Руссовым (см. о нем: [Смирнов 1918]). Статья «Путешествие Герасима Лебедева в Индию» [Воспоминания 1832: 64–78] подписана инициалами Н.М.[3] Впервые она дает обстоятельную и в основном достоверную

восточной поэзии, опубликованными в “Азиатских исследованиях”. Сочинение Герасима Лебедева (Herasim Lebedeff), Лондон, типография Дж. Скирвена, 1801».

[3] Высказывалось предположение [Ямпольский 1973: 240], что автором ее был археолог и палеограф А.Ф. Малиновский, занимавшийся около этого времени русско-индийскими связями [Малиновский 1837].

картину жизни и деятельности Г.С. Лебедева, опираясь на текст «Безпристрастного созерцания». Автор статьи не только черпает оттуда биографические данные о Лебедеве, но и отмечает некоторые существенные особенности содержания книги. В частности, одним из «наиболее примечательных разысканий» Лебедева ему кажется следующее: «Книга о Богопознании индейцев есть не иное что, как Библия; или книги Священного писания Ветхого и Нового Завета, по временам перепорченные и смешанные с языческими мнениями» [Воспоминания 1832: 69]. Здесь подмечена специфика восприятия Г.С. Лебедевым индуизма как наследия богооткровенного «адамического» прамонотеизма, «первоначального христианства», о причинах и существе которой будет сказано далее в этой книге. Статья из альманаха С.В. Руссова свидетельствует, что главный труд Лебедева не остался без отклика в русской литературе и культуре, чего можно было бы опасаться: 27 лет спустя после выхода в свет «Беспристрастного созерцания» эта книга еще могла найти заинтересованного, размышляющего над нею читателя.

Именно к статье в альманахе С.В. Руссова восходит, по-видимому, короткая статья о Герасиме Лебедеве в «Словаре русских светских писателей» митрополита Киевского и известного ученого Евгения (Болховитинова):

> **Лебедев Герасим**, коллежский ассесор, бывший несколько лет в Ост-Индии при Ост-Индской компании, сочинил и издал на русском языке *Безпристрастное созерцание*[4] *систем Восточной Индии Брамгенов, Священных обрядов их и народных обычаев*, в 3 частях, напеч. 1805 г., в С.-Петербурге; а также на английском языке *Грамматику Индейского языка* [Евгений 1845: 4].

Словарь был издан М.П. Погодиным после смерти митрополита Евгения (1767–1837), а составлялся в последние годы жизни автора, т.е. в годы, непосредственно следующие за изданием «Воспоминаний на 1832 год».

Много лет спустя крохотная статья о Лебедеве в словаре митрополита Евгения вкупе с книгами старшего и младшего Аделунгов

[4] В словаре опечатка: «сокращение».

послужила источником для статьи в «Справочном словаре о русских писателях и ученых» Г.Н. Геннади:

> **Лебедев Герасим Степанович**. После 20 летнего пребывания в Индии он издал в 1801 г. в Лондоне книгу: A grammar of the pure and mixed East Indian Dialects, 4°. Будучи в Калькутте, устроил театр, и одна из драм, переведенных им с английского на бенгальский, Притворство, хранится в СПб. пуб. библиотеке. По возвращении в Петербург он служил в мин-ве ин. дел и, получив из казны 20 000 р. на заведение типографии для печатания своих рукописей, напечатал в ней книгу: Безпристрастное созерцание систем восточной Индии брамгенов, обрядов их и народных обычаев. 1805, 4°. С рис. В 1815 значится кол. советником [Геннади 1880: 220].

Ссылки даны на словарь митрополита Евгения, книгу Ф. Аделунга и на предисловие Лебедева к «Безпристрастному созерцанию». Г.Н. Геннади воспроизводит некоторые ошибки предшественников: «двадцатилетнее пребывание в Индии», 20 000 рублей на печатание трудов (в действительности выдано из казны было 10 тысяч), и добавляет свою: «В 1815 значится кол[лежским]. советником» (Лебедев с 1806 г. был коллежским ассесором, с 1811 г. — надворным советником. «Коллежский советник» — это следующий, более высокий ранг). Но при этом Г.Н. Геннади вводит и новую, вполне достоверную информацию: о том, что лебедевский перевод «Притворства» хранится в Публичной библиотеке (ныне РНБ). Согласно В.С. Воробьеву-Десятовскому, «рукопись эта, очевидно, после смерти Г.С. Лебедева была приобретена Ф.П. Аделунгом и затем в составе его коллекции поступила в Публичную библиотеку в Петербурге [Воробьев-Десятовский 1956: 66, примеч. 7]. Ф.П. Аделунг скончался в 1843 г., и вскоре его книги и рукописи были переданы в библиотеку.

В тот же год, что и маленькая словарная статья Г.Н. Геннади, появляется в журнале «Исторический вестник» большая статья о Г.С. Лебедеве известного историка литературы и культуры, журналиста, театрального критика Ф.И. Булгакова. Это уже не просто пересказ сведений, сообщенных самим Герасимом Степановичем в своих сочинениях, а подлинно исследовательская работа, опира-

ющаяся, помимо прочего, и на рукописные материалы. В примечании на первой странице статьи Ф.И. Булгаков пишет:

> При составлении настоящего очерка мы пользовались любезно предоставленными в наше распоряжение рукописными документами, принадлежащими князю П.П. Вяземскому. Вот перечень и содержание этих любопытных документов, заключающихся в пяти больших переплетенных тетрадях: 1. Memorandum на английском языке, вкратце представляющий все превратности судьбы, постигшие Лебедева во время пребывания его в Индии. В той же тетради помещен перевод на бенгальский язык комедии «Притворство» параллельно с английским переводом и русской транскрипцией. 2. Переписка Лебедева по поводу уничтожения построенного им в Калькутте театра: на русском языке — обширное письмо к отцу Андрею Афанасьевичу Самборскому; письмо к полномочному посланнику в Лондоне графу С.Р. Воронцову и письмо к о. Якову Ивановичу Смирнову; на английском языке — переписка с местными судебными местами. 3. Третья тетрадь заключает в себе обширный труд, нечто вроде сравнительной грамматики и словаря в области языков гиндустани, бенгальского, английского и русского; индийский календарь и изложение арифметических действий. 4. Не менее обширный труд, свидетельствующий о замечательной усидчивости и любознательности Лебедева, представляет собою подстрочный перевод с русской транскрипцией «Бидде Шундор» (Красота Мудрости), сочинения «Брагмена Шри Бгарот Чондро Рай, по просьбе Бордгманскаго государя, именуемого Бир-Шинго, на бракосочетание его дочери Бидде Шундор». 5. Пятая тетрадь заключает в себе любопытные афиши и воззвания к местной публике поощрить предприятие Лебедева посещением его театра, а также изложение пьесы «Притворство» на бенгальском и английском языках. Сверх того материалом служила нам книга, составленная Лебедевым и изданная им в 1805 году в Петербурге, в его типографии, по «высочайшей воле» Александра I, под заглавием «Безпристрастное созерцание систем восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев, всеавгустейшему монарху посвященное».

Таким образом, в распоряжении Ф.И. Булгакова уже была бóльшая часть документов, относящихся к периоду пребывания Г.С. Лебедева в Индии. Эти документы в составе семейного архива князей Вяземских, известного под названием «Остафьевского

архива», вошли в фонд № 195 ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), частично же были переданы в 1941 г. (одна тетрадь из пяти) в ЦГИАМ (ныне ГАРФ). Часть документов фонда № 195 ЦГАЛИ была издана в 1956 г. [Антонова 1956], более полная публикация была предпринята в 1965 г. [Русско-индийские отношения 1965].

Как пишет в начале статьи Ф.И. Булгаков, имя Г.С. Лебедева до тех пор оставалось «почти неизвестным». Действительно, и «Безпристрастное созерцание», и «Воспоминания на 1832 год» с основанной на этой книге статьей в альманахе С.В. Руссова давно перешли в разряд библиографических редкостей. Использование рукописных источников, прежде всего лебедевского «Меморандума» и большого числа писем, позволило Ф.И. Булгакову выстроить достаточно надежную, хотя, разумеется, не без лакун, канву биографии Г.С. Лебедева от его рождения (местом которого Булгаков впервые объявляет Ярославль) до 23 июля 1797 г., когда оставшийся без театра, разоренный Г.С. Лебедев письменно обращается к русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову с предложением организовать при поддержке «подданных России, здесь (т.е. в Индии. — *Я.В.*) находящихся»[5] закупку нужных товаров и снаряжение кораблей для открытия прямой торговли между Восточной Индией и Россией без посредства англичан[6]. Свою статью Ф.И. Булгаков заключает словами:

> Мы не знаем, имело ли успех приведенное ходатайство Лебедева, как и вообще его дальнейшая судьба остается неизвестной, по крайней мере насколько можно судить но находящимся в нашем распоряжении документам. Факт, однако, тот, что Лебедев впоследствии жил в Петербурге и имел свою типографию не из второстепенных, как показывает вышеупомянутое им изданное «Безпристрастное созерцание систем восточной Индии».
>
> Но и то, что пока известно о Лебедеве, нам кажется достаточным, чтобы заслуги этого предприимчивого и даровитого русского челове-

[5] Вероятно, армянских купцов.

[6] Ф.И. Булгаков цитировал письмо С.Р. Воронцову по лебедевскому черновому автографу из тетради в архиве Вяземских (издано полностью в: [Антонова 1956: 175–177]). Это письмо в том же 1880 г. было издано в чистовом варианте, полученном адресатом [Архив князя Воронцова 1880: 174–178; Русско-индийские отношения 1965: 459–461].

ка, обязанного своим образованием только себе, не были забыты его соотечественниками. Нам остается разве выразить уверенность, что владетели документов, относящихся к Г.С. Лебедеву, не преминут дополнить настоящий очерк, осветить дальнейшую судьбу этой в своем роде замечательной личности [Булгаков 1880: 524].

Статью Ф.И. Булгакова можно считать началом научного изучения в России биографии и наследия Г.С. Лебедева. Большинство открытых впоследствии лебедевских документов дополняют сведения, собранные Булгаковым, и относятся преимущественно к моменту отъезда Лебедева из Индии, к пребыванию его в Южной Африке, Лондоне и на родине.

Шагом назад по сравнению с исследовательской статьей Ф.И. Булгакова является значительно более поздняя статья о Г.С. Лебедеве анонимного автора в «Русском биографическом словаре». Она основывается не столько на предисловии к «Беспристрастному созерцанию», сколько на книге Ф. Аделунга. Отсюда и упоминание о том, что Лебедев якобы отправился в Индию, сопровождая некоего «богатого англичанина», и о переводе Лебедевым на местные наречия «нескольких пьес», «ежедневные представления»[7] которых он будто бы давал в переполненном театре [Русский биографический словарь 1914: 104–105]. В конце статьи о вышедшем в 1805 г. «Безпристрастном созерцании» сказано: «В том же году появилась эта книга на немецком языке; в свое время она обращала на себя внимание европейских ученых». Скорее всего, это утверждение, как и сообщение словаря П. Ларусса об издании книги на французском [Larousse 1873: 286; Воробьев-Десятовский 1956: 60], есть результат недоразумения: увиденное в печати название книги Лебедева, переведенное на немецкий или французский, могли воспринять как сообщение об издании книги на этом языке.

Начатую Ф.И. Булгаковым линию научного исследования лебедевского наследия блистательно развил известный лингвист С.К. Булич, посвятивший Лебедеву насколько страниц первого

[7] «Бенгальский театр» Г.С. Лебедева дал всего два представления: 27 ноября 1795 г. (сокращенный одноактный вариант пьесы «Притворство») и 21 марта 1796 г. (полное представление пьесы в трех актах).

тома своего «Очерка истории языкознания в России» [Булич 1904: 501, 504–505, 618–625]. С.К. Булич, приведя в целом точные биографические данные о Г.С. Лебедеве[8], представил затем критический анализ обеих книг нашего индолога-самоучки с точки зрения профессионального лингвиста.

О «Грамматике» Г.С. Лебедева он пишет: «Книга эта интересна как первый печатный труд русского автора, основанный на самостоятельном изучении одного из новоиндийских языков» [Булич 1904: 619]. В предисловии Лебедева к «Грамматике» С.К. Булич выявляет «несколько любопытных черт для характеристики самого автора, принадлежащего к числу довольно неожиданных и отнюдь недюжинных личностей, выдвинутых русским обществом конца XVIII в. По его словам, его привлекло в Индию естественное стремление человеческого духа узнать мир так же хорошо, как и свою родину. При этом он нашел, что “природа не ограничивает своих наставлений какой-нибудь отдельной страной или классом людей, но развертывает свои сокровища с самой высокой целью, а именно для общего блага всего человеческого рода; она открывает широкий вид за горизонтом этого мира и расширяет область нашего познания”. В разысканиях этого рода научились самые замечательные люди всех стран и времен уважать истину природы и “приближаться к ее священному местопребыванию с благоговейным чувством”. Движимый желанием принести посильную пользу, наш автор предпринял и свои занятия индийскими языками и литературой, первым плодом которых и была рассматриваемая книга» [Там же]. Эта характеристика одной из «недюжинных личностей… конца XVIII века» впервые представляет Г.С. Лебедева, говоря современным языком, как *человека эпохи Просвещения*.

Немаловажно, что С.К. Булич, обнаружив в предисловии к «Грамматике» упоминание о переводе Лебедевым «словаря ин-

---

[8] Можно отметить лишь одну неточность: буквально следуя предисловию Лебедева к изданной в Англии «Грамматике», С.К. Булич не касается темы его конфликта с британской элитой Калькутты, но пишет, что Лебедев обнаружил в грамматиках, изданных предшественниками, много ошибок и отправился из Индии в Европу для того, чтобы сделать свои знания достоянием научной общественности [Lebedeff 1801: VII–VIII; Булич 1904: 505].

дийских смешанных диалектов и бенгальского языка», указал, что рукопись этого словаря была упомянута Ф.И. Булгаковым в числе лебедевских рукописей в домашнем архиве князей Вяземских [Булгаков 1880: 515–516; Булич 1904: 629]. Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

К страницам, посвященным Г.С. Лебедеву в книге С.К. Булича, восходит короткая справка о нашем первом индологе в энциклопедической по своему содержанию книге В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России» [Бартольд 1911: 242; 1977: 463]. К сожалению, достоверным данным о пребывании Лебедева в Индии и о публикации им в Англии и в России своих основных сочинений предшествует фраза, содержащая информацию ошибочную и неизвестно откуда почерпнутую: «Столь же случайно, как в XV в. Афанасий Никитин, проник в Индию в конце XVIII в. другой русский путешественник, музыкант Герасим Лебедев, прибывший в Англию в свите русского посольства и оттуда из страсти к путешествиям направившийся в Индию». С.К. Булич, конечно, писал, что Лебедева «привлекло в Индию естественное стремление человеческого духа узнать мир», но тут же замечал, что Лебедев в своих занятиях был движим «желанием принести посильную пользу». Мы уже писали выше и в дальнейшем приведем немало подтверждений того факта, что Г.С. Лебедев направлялся в Индию именно с целью изучения индийской культуры. Посольство А.К. Разумовского двигалось, конечно, не в Англию, а в Неаполь, и надолго задержалось в Вене, где Лебедев с ним и расстался.

Книгой С.К. Булича заканчивается история творческого изучения биографии и наследия Г.С. Лебедева в дореволюционной России. На протяжении более чем сорокалетнего периода имя Г.С. Лебедева на его родине пребывает в забвении. Но как раз после выхода в свет книги С.К. Булича имя Г.С. Лебедева, как пишет Хаят Мамуд, возвращается из безвестности на Индийский субконтинент [Мамуд 2012: 71]. В этот самый отрезок времени, с начала XX в. до конца 1940-х годов, в Индии зародилась и оформилась традиция изучения лебедевского наследия в контексте истории

нового индийского театра. Целесообразно рассказать здесь вкратце об этих индийских исследованиях, опираясь в значительной мере на книгу Хаята Мамуда[9].

Изучение лебедевского наследия в Индии (с 1882 до 1946 г.)

Первое упоминание в англо-индийской печати о театре Г.С. Лебедева через многие годы после его закрытия содержится в книге Уильяма Генри Кэри «Добрые старые времена достопочтенного “Джона Компани”[10]». Составитель этой огромной коллекции деталей колониального быта, местных обычаев, курьезов и анекдотов поместил здесь в разделе сведений о театрах объявление, найденное им, по-видимому, в “Calcutta Gazette” от 5 ноября 1795 г. После короткого рассказа о «Калькуттском театре» Ост-Индской компании, Кэри пишет:

> В 1795 г. в Калькутте был еще один театр. Он находился в Домтолла, переулке, шедшем от Старого китайского базара. В тот год антрепренер поместил объявление о совершенно уникальном спектакле:
>
> «С соизволения почтенного генерал-губернатора вскоре состоится открытие оформленного в бенгальском стиле Нового Театра г-на Лебедева в Домтолла. В день открытия будет разыграна пьеса под названием “The Disguise” («Обманчивая внешность»). В исполне-

[9] В разделах, посвященных лебедевским исследованиям в Индии, и далее в этой книге все цитаты из книги Х. Мамуда даны по ее русскому переводу, который был выполнен Е.К. Бросалиной, Е.А. Костиной и А.Л. Сладковым под общей редакцией Е.К. Бросалиной.

[10] «Джон Компани» — прозвище Ост-Индской компании, для англичан — шутливое, но в их общении с индийцами — персонификация, облегчавшая им иногда задачу растолковать «туземцам», кому они должны платить налоги, продавать за бесценок дорогие ткани и т.д. — «Джону Компани», мифическому хозяину страны (см.: [Yule, Burnell 1996: 452]).

нии ролей заняты актеры обоих полов. Перед началом спектакля будет исполнена вокально-инструментальная композиция, именуемая “Индийская серенада”. Помимо музыкальных инструментов, принятых в Бенгалии, будут использованы и европейские. На музыку положены стихи прославленного поэта Шри Бхаротчондро Рая (у Кэри — Shree Bharut Chundro Roy. — *Я.В.*). В антрактах между действиями будут показаны забавные сценки”» [Carey 1882: 132].

И больше об этом ни слова. Можно присоединиться к Хаяту Мамуду, выразившему сожаление, что у Кэри не сказано, например, о том, сохранилось ли в его время хоть что-нибудь от театра на Домтолла возле Старого китайского базара [Мамуд 2012: 72–73].

В 1903 г. в журнале “Indian Antiquary”, выходившем одновременно в Бомбее и Лондоне, была напечатана частями работа выдающегося индолога-лингвиста Джорджа А. Грирсона «Библиография западного хинди, включая хиндустани». Грирсон не только включил в библиографию «Грамматику» Г.С. Лебедева, но и дал во введении краткую биографию автора. «Работа Лебедева, — пишет Грирсон, — заслуживает большего, чем простое упоминание в общем списке, по причине того, что жизнь ее автора была полна необычайных приключений. Этот замечательный (remarkable) человек поместил в предисловии к книге свою автобиографию, откуда мы узнаем, что свою индийскую карьеру он начал в 1785 году в Мадрасе (по-видимому, в качестве руководителя оркестра)». В изложении дальнейшей судьбы Лебедева Грирсон явно зависит от «Митридата» И.К. Аделунга. К лебедевской книге он, как лингвист, относится критически: «Следует надеяться… что знание им санскрита и бенгали было более солидным, чем знание хиндустани, продемонстрированное им в “Грамматике”» [Grierson 1903: 22–23]. Все, сказанное о Лебедеве в этой статье, Грирсон позднее воспроизвел слово в слово в IX томе издававшегося им «Лингвистического обзора Индии» [Grierson 1916: 10].

К англо-индийской литературе можно отнести и «Индийский биографический словарь» Ч. Бакленда. Книга вышла в Лондоне, но написана человеком, много лет прослужившим в Британской Индии, и адресована прежде всего читательской аудитории ан-

глоиндийцев. Статья о Г.С. Лебедеве [Buckland 1906: 248] дает краткую биографическую справку о нем. К сожалению, источниками этой статьи явно послужили книги старшего и младшего Аделунгов, в особенности «Митридат», здесь аккуратно воспроизведены допущенные там неточности («из украинских крестьян», «театральный директор у Великого Могола» и т.д.).

Первое упоминание о Лебедеве в литературе на бенгальском языке датируется 1904 г. В 16-м томе «Бенгальской энциклопедии», издававшейся Ногендронатхом Бошу (Nagendranath Basu), в разделе, посвященном бенгальской сцене, есть статья о Г.С. Лебедеве и его театре [Bangla Visvakosh 1904: 172]. Автор статьи не указан, ее иногда приписывают издателю энциклопедии Н. Бошу, но многие считают, что ее написал театровед Б. Мустофи (Mustafi). Статья в основном воспроизводит информацию из книги Уильяма Кэри, однако Хаят Мамуд находит в ней и исследовательский момент. По поводу слов Кэри о «стихах прославленного поэта Шри Бхаротчондро Рая» автор статьи замечает, что здесь имеется в виду, скорее всего, именно история о Бидде и Шундоре (которую, как мы знаем, действительно переводил Г.С. Лебедев), а не другое какое-нибудь место из поэмы Бхаротчондро Рая «Благодарение Онноде»[11] [Мамуд 2012: 73].

Годом позже в калькуттской газете “The Statesman” появилась статья Элиота Уолтера Мэджа «Калькуттская сцена: несколько глав из ее ранней истории». Информация о Лебедеве в ней восходит к книге У. Кэри, но дополняется двумя ценными наблюдениями. Во-первых, здесь указано, что переулок Домтола (местонахождение театра Лебедева) находился там, где в начале XX в. проходила и где сейчас находится Эзра Стрит. Во-вторых, Э.У. Мэдж пришел к исключительно важному выводу: «Если принять во

[11] «Биддешундор» (Vidyāsundar) — романтическая поэма о любви царевича из Канчи Шундара (Sundar), чье имя значит «Прекрасный», и царевны из княжества Бурдван в Бенгалии по имени Бидде (Vidyā), имя которой означает «Наука», «Ученость». Эта поэма составляет одну из трех частей большой поэмы (или, скорее, трилогии) под общим названием «Оннодамонгол», т.е. «Благодарение (богине) Онноде (Annadā)», бенгальского поэта XVIII в. Бхаротчондро Рая (Bharatcandra Rāy). Название «Биддешундор» может интерпретироваться как «Красота учености».

внимание, что театр г-на Лебедева, как указано в объявлении, был устроен согласно вкусам бенгальской публики и в качестве увертюры предлагалось музыкальное сочинение под названием “The Indian Serenade”, к тому же на музыку были положены стихи бенгальского поэта и привычные для Бенгалии музыкальные инструменты использовались наряду с европейскими, то этот театр тоже *вполне может считаться первым национальным бенгальским театром* (курсив наш. — *Я.В.*)» [Madge 1905; Мамуд 2012: 75]. Несколько позже об открытии в 1795 г. театра господина Лебедева на «Думталла, переулке, отходящем от Китайского базара и в наши дни скрывшемся под названием Эзра Стрит», упомянул в своем фундаментальном сочинении «Калькутта, старая и новая» известный калькуттский юрист Х.Э.А. Коттон [Cotton 1907: 152]. Автор рецензии на книгу Коттона У. Корфилд также упоминает о театре Лебедева, его декорациях «в бенгальском стиле» и об «Индийской серенаде», а также приводит другие имеющие отношение к нашей теме детали. Например, он говорит о существовавших в 1790-е годы в Калькутте параллельно с «Калькуттским театром» частных театрах, а также о спектакле-бенефисе, устроенном в «Калькуттском театре» для «ветерана на деревянной ноге, носящем весьма подходящую ему фамилию “Бэттл”» (англ. battle означает «битва») [Corfield 1908: 179].

Наконец, в бенгальском театральном журнале «Ронгомончо» в 1910 г. появилась статья «История бенгальской сцены» за подписью Б. Мустофи (Mustafi). В ней, как и в статье 1904 г. из «Бенгальской энциклопедии», утверждалось, что темой стихов Бхаротчондро, которые Лебедев положил на музыку и приспособил для хорового исполнения («Индийская серенада»), могла быть только история о Бидде и Шундоре. Кроме того, Б. Мустофи поднял вопрос, который впоследствии будет не раз обсуждаться в индийских исследованиях лебедевского театра. Это вопрос о том, оказала ли влияние на форму лебедевского спектакля традиция исконно бенгальских народных представлений (*джатра*), одним из наиболее популярных сюжетов которых была как раз история о Бидде и Шундоре. Дело в том, что в представлениях джатры при смене картин обычно разыгрывались «забавные сценки», что, как мы знаем, имело место и в театре Лебедева. В этой статье впервые

индийский автор фактически провозгласил Г.С. Лебедева основоположником нового индийского театра: «Именно в этом театре и англичане, и индийцы совместно научились получать удовольствие от спектакля европейского типа. Именно с этого времени в сердцах бенгальцев постепенно стало пробуждаться желание смотреть европейские пьесы» [Мамуд 2012: 74].

Похоже, что до определенного времени бенгальские авторы не имели представления о происхождении Г.С. Лебедева, принимая «Mr. Lebedeff», скорее всего, за англичанина. Впервые в бенгальской прессе обнародовал истину автор анонимной статьи в газете «Башонти» (воскресный номер от 22 числа месяца джойштхо / джьештха 1921 г.). В статье явно сказывается знакомство ее автора с биографией Лебедева в словаре Бакленда. Называлась статья «О минувших временах: первый театральный деятель Бенгалии». Уже в первых ее словах звучит энтузиазм первооткрывателя:

> Тот, о ком я сейчас поведу речь, не житель Индии и даже не англичанин. Он из России. Да, Герасим Лебедев по национальности русский, но его жизнь неразрывно связана с Индией и особенно с Бенгалией. Бенгальцы его не знают, даже имя его им ни о чем не говорит. Однако в истории бенгальской драматургии это имя должно быть упомянуто ранее всех прочих, поскольку именно он написал первую пьесу на бенгальском, и ее сценическое воплощение — это тоже его заслуга.

Далее излагается биография Г.С. Лебедева (в основном по Бакленду), а завершается статья словами:

> О том, что сделал для нашей страны человек по имени Герасим Лебедев, забывать не следует. Сто четыре года тому назад его не стало [Мамуд 2012: 75–76].

Х. Мамуд пишет, что автором этой статьи был Оморендронатх Рай (Amarendranāth Rāy). Как можно понять из примечания 13 к этой главе его книги [Мамуд 2012: 100–101], установил этот факт в 1923 г. известный публицист и историк бенгальской литературы Шайлендронатх Миттро (Shailendranāth Mitra).

Оживлению интереса к Лебедеву содействовал Дж.А. Грирсон, опубликовавший в 1923 г. в журнале “Calcutta Review” статью, явившуюся дополнением к ранее опубликованной там же статье Мохинимохана Мукхопаддхая «Ранний английский театр и бенгальская драма», в которой имя Лебедева не упоминалось. В отличие от прежних своих публикаций, в которых речь шла преимущественно о Лебедеве как авторе «Грамматики», здесь выдающийся индолог-лингвист счел нужным высказаться о нем как о театральном деятеле. В заключение своей статьи Дж.А. Грирсон поставил ряд вопросов, которые впоследствии долго еще будут обсуждать индийские исследователи наследия Г.С. Лебедева.

> Было бы любопытно выяснить, сохранились ли в наши дни какие-либо следы театра на Дом-Толла и можно ли обнаружить какие-либо упоминания относительно тех двух пьес. Похоже на то, что эти пьесы являются первым примером адаптации европейской драмы на бенгальской сцене. Интересно было бы также выяснить, кто был этот “Голакнат-Даш”. Возможно, он (Лебедев. — *Я.В.*) имеет в виду Голокнатха Шарму, автора перевода на бенгальский «Хитопадеши», опубликованного в Серампоре[12] в 1801 г. [Мамуд 2012: 78–79].

Уже в следующем номере того же журнала ответ на эти вопросы постарался дать бенгальский историк и филолог Шойлендронатх Миттро (Śailendranāth Mitra). Он заявлял, что «к глубокому сожалению, никаких следов театра на Дом Толла не сохранилось, и о том, кто был этот Голокнатх Даш, которого он (Лебедев. — *Я.В.*) называл “своим лингвистом”, тоже нельзя сказать ничего определенного». Однако этот ответ не был окончательным: споры о том, где именно находился театр Лебедева и о личности Голокнатха Даша будут продолжаться многие годы.

---

[12] Серампор (Серампур) — исторический Шрирампур, город ныне в штате Западная Бенгалия, в конце XVIII в. — центр датской колонии. Здесь нашли приют английские миссионеры-баптисты во главе с Уильямом Кэри (William Carey, 1761–1834), когда их деятельность была запрещена на территориях, подвластных Ост-Индской компании. При миссии была создана типография (1800), на протяжении более 50 лет издавшая сотни книг на языках народов Индии, в том числе переводы Библии и других христианских текстов.

С этого момента начинается период активного интереса к Г.С. Лебедеву и его театру, статьи о нем прочно закрепляются в бенгальской печати. Выделяется группа филологов и историков, которые становятся прямо-таки специалистами по Лебедеву, много пишут о нем, полемизируя друг с другом. В их числе необходимо назвать имена литературоведа, историка театра и библиографа, автора десятка статей о Лебедеве Хемендронатха Дашгупто (Hemendranāth Dasgupta), театроведа, публициста и библиографа Броджендронатха Бондопадхьяй (Brajendranāth Bandopadhyay/ Brajendra Nath Banerjee), журналиста Омуллочорона Биддебхушана (Amūlyacharan Vidyābhūṣan) и известного литературоведа, профессора Университета Дакки Сушила Кумара Де. Мы воздержимся здесь от описания перипетий полемики и последовательности выхода в свет статей и разделов книг разных авторов, посвященных Лебедеву, с этим можно ознакомиться в книге Х. Мамуда (см. также: [Das Gupta 1934: 228–231]). Основными темами обсуждения были местоположение театра Лебедева и переулка Домтола, социальный состав зрителей лебедевских спектаклей, значение, которое театр Г.С. Лебедева имел для последующего развития бенгальского национального театра. Но наиболее важным достижением этого периода явилось вовлечение в поле исследования индийскими учеными (Омуллочороном Биддебхушаном, Броджендронатхом Бондопадхьяем, Хемендронатхом Дашгупто) новой информации о Лебедеве, а именно найденных в архивах объявлений о концертах Лебедева и о спектаклях его театра, которые он помещал на страницах «Кэлката гэзет» [Kemp 1958: 120; Мамуд 2012: 82].

Следует отметить, что Хемендронатх Дашгупто в своей англоязычной работе «Индийский театр» [Das Gupta 1934], увлеченный бенгальским патриотизмом, приписывал заслугу перевода английских пьес на бенгальский не только Г.С. Лебедеву, но и отчасти его наставнику Голокнатху Дашу [Das Gupta 1934: 238; Kemp 1958: 119–120]. Эта тенденция проявит себя в работах некоторых бенгальских авторов и в последующие годы. Для Х. Дашгупто в данном случае может служить оправданием то, что он, как и другие индийские исследователи — его современники, не знал о существовании рукописей «Притворства», засвидетель-

ствовавших работу Г.С. Лебедева над переводом пьесы. Не было тогда известно в Индии и о преследовании Г.С. Лебедева колониальными властями: подобно С.К. Буличу в России (см. примеч. 8), Х. Дашгупто принимает на веру слова Лебедева в предисловии к опубликованной в Англии «Грамматике» о том, что он расстался с театром и покинул Индию лишь для того, чтобы обнародовать в Европе накопленные им знания [Das Gupta 1934: 237]. Как и некоторые индийские авторы до него (например, Ш.П. Мукерджи [Mukherji 1924: 109] или П. Гуха-Тхакурта [Guha-Thakurta 1930: 44]), Х. Дашгупто использовал определение, закрепленное за Лебедевым британской колониальной историографией: Russian adventurer — «русский искатель приключений» [Das Gupta 1934: 231].

Состояние знаний индийских ученых о Лебедеве и его театре в этот период отражено также в англоязычной монографии Броджендронатха Бондопадхьяя «Бенгальская сцена: 1795–1873». Уже из названия книги видно, что отсчет истории бенгальского национального театра ведется здесь именно от театра Лебедева. Однако, как пишет автор, история открывшегося в 1795 г. «Бенгальского театра» представляла собой лишь кратковременный и изолированный эпизод. Причиной же этого было, по мнению Б. Банерджи, то, что основателем театра был не индиец, а «искатель приключений (adventurer) из далекой России» по имени Герасим Лебедев (Herasim Lebedeff). Рассказ самого Лебедева о работе над переводом пьесы “The Disguise” и о создании им театра приведен в книге по тексту лебедевского предисловия к «Грамматике». Далее Банерджи поместил тексты двух объявлений Лебедева о предстоящем первом представлении театра в “Calcutta Gazette” от 5 и 26 октября 1795 г. В первом из них, предварительном, сообщалось о предстоящем вскоре открытии нового театра. Это то самое объявление, которое впервые было опубликовано еще Уильямом Кэри (см. выше; приложение 2). Во втором объявлении говорилось о том, что первое представление «Бенгальского театра» (Bengally Theatre) состоится «завтра, в пятницу 27-го» ноября. Далее Б. Банерджи пишет: «Спектакль, по-видимому, имел большой успех, так как ко второму представлению 21 марта 1796 года Лебедев поднял цены на билеты до одного золотого муху-

ра». Вслед за этим Б. Банерджи привел короткое письмо, которое Лебедев опубликовал через три дня после второго представления пьесы, 24 марта 1796 г. в той же “Calcutta Gazette”, обращаясь со словами благодарности к тем представителям британской знати, которые своей подпиской поддержали его начинание. После этого следует фраза, завершающая главку о Лебедеве: «Отправив это прощальное послание, благородный иностранец навсегда исчез из поля зрения жителей Калькутты» [Banerjee 1943: 3–5]. Но, как мы знаем, Лебедеву предстояло прожить в Калькутте еще почти два года, полные тяжелых испытаний.

После того как в 1946 г. был опубликован на бенгальском фундаментальный труд Х. Дашгупто «История бенгальской драмы» («Бангла натокер итибритто»), интерес индийских ученых к Лебедеву заметно спал. Надо полагать, это случилось в силу того, что доступные им источники казались исчерпанными. Но как раз в это время, в конце 1940-х годов, начинается расцвет «лебедевских» исследований в СССР. Были критически осмыслены прежние публикации, раскрыт немалый фонд архивных материалов, содержащих важнейшую новую информацию. Пройдет десяток лет, и вся эта информация начнет постепенно приоткрываться и индийским ученым, что даст толчок к новому витку «лебедевских» исследований в Индии.

Изучение лебедевского наследия в СССР (1946–1965 гг.)

Прежде чем обратиться к началу лебедевских исследований в СССР в послевоенный период, необходимо упомянуть здесь об одном проекте, начатом двадцатью годами раньше и очень много обещавшем, но прервавшемся в силу трагических обстоятельств.

По возвращении в МАЭ после длительного пребывания в Индии и на Дальнем Востоке Александр Михайлович Мерварт в 1926 г. занимался организацией выставки «Театр народов Востока».

В ходе подготовительной работы он познакомился с некоторыми материалами о Лебедеве и его театре, опубликованными в дореволюционной России (в частности, со статьей Ф.И. Булгакова). В новейшей работе петербургских индологов-этнографов, посвященной экспедиции супругов Мервартов и ее научным результатам [Краснодембская, Котин, Соболева 2017], впервые публикуется письмо А.М. Мерварта к секретарю Азиатского общества Бенгалии с предложением совместно исследовать тему деятельности Лебедева в Калькутте на базе, с одной стороны, российских архивов и, с другой стороны, индийских архивов и калькуттской прессы. Работу в российских архивах Мерварт уже начал с помощью талантливой сотрудницы Татьяны Александровны Корвин-Круковской (1900–1938). Репрессии прервали работу над проектом, который, будь он реализован, соединил бы российские и индийские данные о Лебедеве на 50 лет раньше, чем смог это сделать в своей монографии 1985 г. Хаят Мамуд.

Возрождение интереса к Лебедеву во второй половине 1940-х годов и затем стремительное развитие исследований лебедевских материалов в архивах, по-видимому, прямо связаны с перипетиями становления дипломатических отношений между СССР и независимой Индией.

Вряд ли может быть случайным совпадением то, что первое упоминание о Лебедеве в советской научной печати появилось именно в 1946 г., когда было создано Временное правительство Индии и Джавахарлал Неру, занимавший в нем должности вице-премьера и министра иностранных дел, обратился к властям СССР с инициативой по установлению дипломатических отношений [Горошко, Скосырев 1999: 8–9]. Советское правительство взяло паузу, во время которой, вероятнее всего, запросило лидера советской индологии в те годы академика А.П. Баранникова о российско-индийских связях в прошлом. Статья академика, в которой впервые в советский период говорилось о Г.С. Лебедеве [Баранников 1946: 462], основывалась, возможно, на материалах исторической справки, составленной по запросу правительства. В статье содержится добротная сводка сведений о Лебедеве, почерпнутая из предисловия к «Грамматике» и из предшествовавших русских публикаций. Деятельности Г.С. Лебедева дана в це-

лом высокая оценка: он сумел собрать, причем непосредственно в самой Индии, «значительные по тому времени сведения об этой стране и способствовал распространению их в русском обществе». Важным для всего последующего является упоминание А.П. Баранникова о том, что в архивах сохранилось много лебедевских материалов.

Относящиеся к лебедевской теме публикации Е.Л. Штейнберга [Штейнберг 1947; 1948] выходили уже в условиях, когда в Москве действовало посольство Индии. Правда, полноценному развитию советско-индийских отношений в те годы препятствовало неприязненное отношение Сталина к возглавлявшей освободительное движение в Индии партии Национальный конгресс и ее виднейшим представителям. Лишь в начале 1950-х годов, благодаря деятельности в Москве посла независимой Индии, выдающегося политического деятеля и философа Сарвепалли Радхакришнана, отношения немного смягчились.

Все изменилось после смерти Сталина, в пору начавшейся и нараставшей «оттепели». В 1955 г. руководящие деятели Индии и СССР впервые обменялись визитами. Индия оказалась первой страной, которую жители СССР увидели за приоткрывшимся «железным занавесом». Встреча с дружественным великим народом вызвала небывалый взрыв энтузиазма. Лозунг «Хинди руси бхаи бхаи!» («Индийцы и русские — братья!») был тогда в СССР понятен каждому. Тут и пришла пора сделать всеобщим достоянием память о человеке, который всей своей жизнью явил высокий пример российско-индийской дружбы.

Тридцатого ноября 1955 г. советский лидер Н.С. Хрущев, выступая перед многотысячной аудиторией в Калькутте, произнес слова, имевшие огромное значение для развития в СССР лебедевских исследований: «В вашем городе жил и работал наш соотечественник Герасим Лебедев, который в 1795 году вместе с передовыми представителями индийской интеллигенции основал первый бенгальский театр»[13].

Эта речь партийно-государственного деятеля дала дополнительную санкцию уже разворачивавшимся исследованиям биографии

[13] «Правда», 1 декабря 1955, № 1955; см. также: [Булганин, Хрущев 1955: 94].

Г.С. Лебедева и его творчества (см.: [Антонова 1956: 156; Гусева 1956: 116; Соловьев 1959: 174]). Начальным толчком, возможно, стал еще визит в СССР Джавахарлала Неру, который начался 7 июня 1955 г. (см. об этом: [Гамаюнов 1955: 38–40]). В этом году появились содержащая обстоятельные сведения о Г.С. Лебедеве брошюра Л.С. Гамаюнова [Гамаюнов 1955: 10–15], небольшая музыковедческая статья И.М. Ямпольского [Ямпольский 1955]. Молодой ленинградский индолог В.С. Воробьев-Десятовский опубликовал на английском языке в журнале Общества индо-советских культурных связей (ISCUS), выходившем в Индии, небольшую заметку о ранних культурных связях России с Индией, уделив особое внимание Г.С. Лебедеву [Vorobyov-Desyatovsky 1955].

Но наибольшей интенсивности достигли лебедевские исследования в следующем, 1956 г. Здесь можно упомянуть и небольшую статью Н.Р. Гусевой, посвященную главным образом «Безпристрастному созерцанию» в его этнографическом аспекте [Гусева 1956], и две статьи Л.С. Гамаюнова [Гамаюнов 1956а; 1956б]. Из них важнейшей является до сих пор не утратившая своего научного значения вторая статья Л.С. Гамаюнова — «Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г.С. Лебедева)», напечатанная во втором выпуске сборника «Очерки по истории русского востоковедения». Изложение в ней биографии Лебедева в целом точно и построено на сопоставлении данных из «Предуведомления» к «Безпристрастному созерцанию» с известными на тот момент в России архивными документами. Л.С. Гамаюнов решительно опротестовал мнение В.В. Бартольда о том, что Лебедев попал в Индию столь же случайно, как и Афанасий Никитин. Он приводит целый ряд высказываний Лебедева, свидетельствующих, что «ясно осознанная цель, а не случай» привела Лебедева в Индию и что цель эта состояла в изучении страны, языков населяющих ее народов и ее древней культуры [Гамаюнов 1956б: 91–93]. Добытые им знания, как полагал Лебедев, должны были принести немалую пользу российскому обществу и всему просвещенному человечеству[14].

---

[14] Упомянем, однако, о том, что Л.С. Гамаюнов, отметив многократно декларированное Лебедевым стремление принести своей родине посильную пользу, сде-

Л.С. Гамаюнов впервые (или одним из первых) поднимает вопрос о мировоззрении Лебедева, характерной особенностью которого, как он пишет, «были идеи гуманизма, всеобщего блага, естественного права человека. Об этом свидетельствуют отдельные его высказывания, но в особенности его деятельность в Индии. Очевидно, что Лебедев не остался в стороне от передовых веяний своей эпохи» [Гамаюнов 1956б: 89]. Это определение совершенно верно, хотя в свете новых данных может быть конкретизировано.

Интересна и данная Л.С. Гамаюновым характеристика социально-политических взглядов Лебедева. Вполне обоснованным можно считать его мнение, что политическим идеалом Г.С. Лебедева был просвещенный абсолютизм. В то же время Л.С. Гамаюнов считал Лебедева близким по взглядам к тем людям, которые «весьма внимательно относились к английскому буржуазному прогрессу». Однако личное столкновение с системой британского правосудия заставило Лебедева, искренне верившего ранее в ее совершенство, испытать глубокое разочарование и выступить с обличениями «меркантильного духа, власти денег, стяжательства и алчности», господствовавших в «купеческом государстве» [Гамаюнов 1956б: 89–90].

Несмотря на то что сам Лебедев называл главными виновниками своих бедствий владельцев и менеджера «Калькуттского театра», будто бы опасавшихся его как конкурента, Л.С. Гамаюнов весьма проницательно указал, что круг гонителей Лебедева был

лал тут же неосторожное и абсолютно ни на чем документально не основанное предположение, что намерение Лебедева посетить Индию могло заинтересовать «русские правительственные круги» и русских дипломатов в Англии. Они будто бы рассчитывали, что через русского музыканта смогут получать сведения о политической ситуации в Индии. «Однако, — пишет Л.С. Гамаюнов, — Лебедев не оправдал этих ожиданий» [Гамаюнов 1956б: 92]. Мы ровным счетом ничего не знаем о пребывании Лебедева в Англии перед его отъездом в Индию, поэтому допущение Л.С. Гамаюнова является чистым домыслом. Тем не менее много лет спустя Хаят Мамуд, ссылаясь на него, напишет: «Русскую дипломатическую службу в Лондоне чрезвычайно интересовала деятельность англичан в Индии. Они наверняка надеялись, что приезд в Калькутту Лебедева даст им возможность получить более достоверную и полную картину происходящего там». Но тут же Х. Мамуд добавляет: «Хотя российские исследователи не обнаружили никаких доказательств шпионской деятельности Лебедева» [Мамуд 2012: 139].

гораздо более широким: «Против Лебедева ополчилось все английское общество в Калькутте, и в конце концов совместными усилиями дельцы Ост-Индской компании погубили театр Лебедева, а самого его довели до разорения» [Гамаюнов 1956б: 98].

В том же втором выпуске сборника «Очерки по истории русского востоковедения» была опубликована имевшая большое значение и надолго ставшая образцовой, базовой для лебедевских исследований статья В.С. Воробьева-Десятовского «Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817)». Это одна из последних работ исключительно одаренного молодого ученого, безвременно ушедшего из жизни в том же 1956 г. в возрасте двадцати восьми лет. За недолгий срок, отпущенный ему судьбой для научной работы, он блистательно проявил себя в разных отраслях индологии и тибетологии (см. о нем: [Зограф 1974]).

Одним из направлений в широком круге его интересов была история российского востоковедения. Заинтересовавшись биографией и наследием Г.С. Лебедева, Воробьев-Десятовский не ограничил себя опубликованными к тому времени материалами. Он предпринял самостоятельный поиск во всех доступных ему архивах и обнаружил, в частности, целый ряд документов, относящихся к периоду возвращения Лебедева в Россию, устройства его в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел и последующего продвижения по службе. Он же впервые точно определил местонахождение созданной Лебедевым в Петербурге типографии, где было напечатано «Безпристрастное созерцание» [Воробьев-Десятовский 1956: 58–59, 62].

В.С. Воробьев-Десятовский исправил некоторые ошибки, допущенные ранее писавшими о Лебедеве авторами, изложенная им в статье биография Лебедева до сих пор остается наиболее достоверной и полной из всех существующих на русском языке. Он кратко и точно изложил содержание не только двух печатных трудов Лебедева, «Грамматики» и «Безпристрастного созерцания», но и рукописей, которые Лебедев готовил к изданию: комедии «Притворство», «Арифметических восточных индийцев таблиц» и «Систематических восточных индийцев начальных умозрительных и существенных оснований арифметики». Будучи сам хорошо знаком с рукописными хранилищами Ленинграда, В.С. Воробьев-

Десятовский впервые перечислил и охарактеризовал привезенные в Россию Лебедевым семь индийских рукописей, положивших начало собранию индийских рукописей Азиатского музея (ныне Институт восточных рукописей РАН) [Воробьев-Десятовский 1956: 57].

Другим важнейшим достижением явилась осуществленная в начале 1956 г. московским индологом-историком К.А. Антоновой публикация двадцати лебедевских писем и документов из фонда семьи Вяземских в ЦГАЛИ («Остафьевский архив»; ныне РГАЛИ, ф. 195) [Антонова 1956]. Таким образом, общим достоянием историков науки стали «Меморандум» Г.С. Лебедева и его письма разным лицам (А.А. Самборскому, Я.И. Смирнову, черновик письма С.Р. Воронцову), проливающие свет на обстоятельства его жизни и деятельности в Индии. Особое значение имели афиша первого представления «Притворства», детальная программа второго представления и обращение Лебедева к публике на английском и бенгальском языках, в котором он приглашал на третье, несостоявшееся представление пьесы «только азиатских жителей Калькутты». Кроме того, опубликованные К.А. Антоновой документы и записи Лебедева, относящиеся к последнему периоду его пребывания в Индии, позволяли проследить в деталях и поэтапно кампанию преследований Лебедева колониальными властями, которая привела в итоге к гибели «Бенгальского театра» и отъезду его создателя из Индии.

Интерес к Лебедеву проявляли и музыковеды. Известный виолончелист, музыковед и педагог Л.С. Гинзбург включил во второй том своей «Истории виолончельного искусства» небольшой рассказ о Лебедеве [Гинзбург 1957: 110–111], основанный на ранней статье И.М. Ямпольского [Ямпольский 1955], а также на статьях В.С. Воробьева-Десятовского и Л.С. Гамаюнова.

Имя Г.С. Лебедева обрело широкую известность в СССР. Одно за другим стали появляться в эти годы художественные произведения на «лебедевскую» тему: исторические романы Е.Л. Штейнберга «Индийский мечтатель» [Штейнберг 1956] и В.А. Смирновой-Ракитиной «Герасим Лебедев» [Смирнова-Ракитина 1959], впоследствии дважды переиздававшийся — в 1969 и 1980 гг. В 1958 г. была написана первая пьеса начинающего дра-

матурга Эдварда Радзинского «Мечта моя… Индия» (поставлена в 1960 г. Московским театром юного зрителя). Э.С. Радзинский перед этим защитил в Московском историко-архивном институте дипломную работу о Лебедеве, на основе которой написал статью, опубликованную на английском и французском в серии информационных брошюр ЮНЕСКО [Radzinski 1958a; 1958b[15]]. Английский вариант стал вскоре известен в Индии [Lebedev 1963: XXII], а французский нашел позднее заинтересованного читателя в Уругвае [Altuchow 1981: 12]. Бенгальский перевод английского варианта статьи был опубликован в 1969 г. в «Литературном журнале» («Шахитто потрика», вып. 13, № 2), выходившем в Дакке — тогда еще главном городе Восточного Пакистана [Мамуд 2012: 62].

В последующие годы уже не с такой интенсивностью, но появлялись новые статьи о Лебедеве и публикации новых архивных находок. Статья индолога-лингвиста В.М. Бескровного открыла новый этап в изучении и переоценке лебедевской «Грамматики» [Бескровный 1957: 38–40] (позднее это направление нашло свое продолжение и развитие в работах Г.А. Зографа [Зограф 1961; 1963]). Уделили внимание Лебедеву в своих книгах историки [Антонова 1958: 304–306; Соловьев 1958: 39–43]. Существенным вкладом стала публикация Р.В. Овчинниковым результатов своего исследования обстоятельств жизни Лебедева в первые месяцы его пребывания на родине (1801–1802) по документам из канцелярии статс-секретаря Д.П. Трощинского, обнаруженным в Центральном государственном архиве древних актов [Овчинников 1960].

Почти одновременно с находками в ЦГАДА большой комплекс документов Г.С. Лебедева, его так называемый «Африканский дневник», был обнаружен в отделе рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), в фонде редакции журнала «Русская старина». Первоначально находка нашла отражение лишь в научно-популярной статье в приложении к газете «Известия» «Неделе» [Медведев, Рогова 1960], а также в беллетризованном рассказе о Лебедеве на страницах научно-популярного журнала «Вокруг света» [Лебедев 1963]. Эта вторая статья

[15] В библиографии работ о Лебедеве у Х. Мамуда ошибочно: Rezhinsky [Мамуд 2012: 61].

подписана псевдонимом «Михаил Лебедев», за которым скрывался тот же московский историк-архивист М.М. Медведев. Он изучал наследие Лебедева, первым обнаружил в ЦГАЛИ, в фонде А.С. Шишкова лебедевский перевод поэмы Бхаротчондро Рая «Биддешундор» [Лебедев 1963: 49] и в своих научно-популярных статьях демонстрировал знание таких деталей лебедевской биографии, которые были неизвестны другим исследователям и надолго остались неучтенными. За этим стояла, по-видимому, большая работа с архивными материалами и старыми английскими газетами. К сожалению, в научно-популярных изданиях не принято указывать использованные источники, а научных работ, посвященных Лебедеву, М.М. Медведев не оставил.

В 1963 г. ленинградский литературовед М.Г. Альтшуллер опубликовал статью на материале лебедевских документов, обнаруженных им в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки (ныне РНБ). Все эти документы попали в рукописные хранилища из обширного архива Гавриила Романовича Державина. Благодаря им открылась еще одна неизвестная страница жизни Г.С. Лебедева, относящаяся к его последним годам. Работая над теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии», Г.Р. Державин собирал сравнительный материал из различных литературных традиций Запада и Востока. За сведениями об индийской поэзии он обратился к Г.С. Лебедеву, который составил для него несколько записок на эту тему и передал образцы своих переводов. Таким образом, М.Г. Альтшуллером был установлен «факт интенсивного общения Державина и Лебедева в 1815–1816 гг.». Державин включил в свою рукопись пересказ сведений, сообщенных ему Лебедевым, и фрагменты его переводов. Однако, как написал, завершая свою статью М.Г. Альтшуллер, «смерть поэта, последовавшая 9 июля 1816 г., помешала своевременному ознакомлению русской публики с полученными им из первых рук сведениями об индийской поэзии» [Альтшуллер 1963: 129].

Наконец, в 1965 г. увидел свет практически полный свод всех известных на то время лебедевских документов с 1796 по 1817 г. в архивах СССР (за исключением рукописей его научных работ и

документов из архива Державина). Здесь были переизданы многие документы «Остафьевского архива», опубликован почти полностью «Африканский дневник», называемый так условно, поскольку в этот комплекс документов входят также дневниковые записи и письма, относящиеся к периоду пребывания Г.С. Лебедева в Лондоне по возвращении его из Индии и Южной Африки. Здесь же впервые изданы документы о жизни и деятельности Лебедева в Петербурге (1801–1817 гг.), ранее найденные В.С. Воробьевым-Десятовским в ЦГАДА и Р.В. Овчинниковым в отделе рукописей Пушкинского Дома. Содержащий всю эту подборку сборник «Русско-индийские отношения в XVIII веке» [Русско-индийские отношения 1965: 424–513] готовился сотрудниками центральных государственных архивов и Института востоковедения/Института народов Азии АН СССР начиная с середины 1950-х годов (см.: [Антонова 1956: 158]). В приложениях к сборнику, вышедшему под общей редакцией К.А. Антоновой и Н.М. Гольдберга, были помещены избранные тексты из «Безпристрастного созерцания»: посвящение императору Александру I, предуведомление и заключительная, третья, часть книги [Русско-индийские отношения 1965: 539–562]. В Предисловии к сборнику редакторы особо оговорили, что «в сборник не включены рукописи научных трудов Г.С. Лебедева, сохранившиеся в архивах и рукописных собраниях <…> Публикация научного наследия Г.С. Лебедева является специальной и почетной задачей советских ученых-индологов, и она не может быть выполнена в данном сборнике документов» [Русско-индийские отношения 1965: 24].

Эта задача начала постепенно решаться только сорок лет спустя.

В публикацию 1965 г. не вошли записки Г.С. Лебедева об индийской поэзии из архива Г.Р. Державина. Возможно, составители расценивали их как рукописи научных трудов. Возможно также, что, когда в 1963 г. в главном востоковедном журнале страны «Народы Азии и Африки» появилась статья М.Г. Альтшуллера, сборник «Русско-индийские отношения в XVIII веке» проходил уже редакционную подготовку в издательстве, а для копирования в ленинградских архивах и изучения записок Лебедева требовалось время…

То ли издание свода документов исчерпало на какое-то время возможности новых открытий, то ли на интересе к Лебедеву сказался внезапный конец эры Н.С. Хрущева, чья речь в свое время явилась стимулом к развитию лебедевских исследований (см.: [Антонова 1956: 156; Гусева 1956: 116]), но с середины 1960-х годов в советско-российских лебедевских штудиях наступило затишье, длившееся по меньшей мере три с половиной десятилетия. Разумеется, отдельные исследовательские статьи о Лебедеве и разделы в коллективных работах появлялись и в этот период (о них мы скажем чуть позже). Но до такого размаха и интенсивности изучения жизни и деятельности Г.С. Лебедева, какие наблюдались в годы с 1955 по 1965, или позднее — с 2000 г. по настоящее время, «годам застоя» было далеко. Инициатива в этот период вновь оказалась на стороне индийских исследователей, главным образом ученых Бенгалии.

Изучение лебедевского наследия в Индии (с 1955 г. по настоящее время)

Новый взлет исследований, посвященных Лебедеву, в Бенгалии несомненно был подготовлен и предопределен установлением дружественных отношений между Индией и СССР. Можно ли считать случайным то, что именно в 1955 г., в год первого обмена визитами на высшем уровне, в Калькутте состоялось организованное Ассоциацией театральных деятелей большое собрание в честь 160-летней годовщины со дня первого представления лебедевского театра? Вслед за этим появилась серия статей Робиндрокумара Дашгупто, среди них его наиболее известная статья в “Oxford Slavonic Papers” [Dasgupta 1957] и две статьи в бенгальском литературном журнале «Деш». Из этих двух Х. Мамуд особо выделяет первую, напечатанную в «Деш» в 1955 г. и озаглавленную «Герасим Степанович Лебедев». В отличие от всего

написанного о Лебедеве ранее как на бенгальском, так и на английском языках, эта статья впервые содержит сведения, почерпнутые из русских источников. В частности, Р. Дашгупто приводит здесь текст письма Г.С. Лебедева генерал-губернатору Джону Шору с просьбой приказать капитану корабля «Лорд Тёрлоу» принять его на борт в качестве «частного пассажира», которое, как известно, хранится в архивном фонде семьи князей Вяземских[16]. Автор статьи обнаруживает знакомство и с «Грамматикой», и с «Беспристрастным созерцанием». Но наиболее важным нам вслед за Х. Мамудом представляется то, что Р. Дашгупто прямо ставит в этой статье вопрос: «Можем ли мы считать Лебедева отцом-основателем бенгальского театра, или нет?» Он сам и отвечает на этот вопрос: «Взвесив все факты, я полагаю, что мы вправе считать Лебедева основателем бенгальского театра». Ближе к концу статьи Р. Дашгупто также пишет: «Я убежден, что пьеса, им поставленная, — это истинно бенгальская пьеса, и театр, им созданный, — это истинно бенгальский театр» [Мамуд 2012: 88–89].

Статья в “Oxford Slavonic Papers” содержит перепечатку нескольких объявлений о концертах и представлениях театра, опубликованных в “Calcutta Gazette”, но в целом посвящена Лебедеву как индологу. Опираясь на русские источники, автор приходит к выводу, что «именно лебедевский интерес к изучению индийских языков и опубликованный им материал положили начало индологии в России» [Dasgupta 1957: 14].

В 1961 г. Р. Дашгупто поместил вторую статью на бенгальском в журнале «Деш», которую Х. Мамуд характеризует как расширенный вариант его статьи в “Oxford Slavonic Papers”. Здесь со всей очевидностью засвидетельствовано знакомство автора с публикацией К.А. Антоновой 1956 г. в «Историческом архиве», поскольку Дашгупто воспроизвел некоторые фотографии лебедевских рукописей. Как и в статье на английском, Дашгупто поместил здесь иллюстрацию из «Безпристрастного созерцания» с изображением богини Дурги. Хаят Мамуд, как, вероятно, и сам Дашгупто, ошибочно полагал, что это рисунок самого Лебедева [Мамуд 2012: 89]. Однако рисунки, иллюстрирующие «Беспристрастное созер-

[16] Хаят Мамуд называет это письмо «хранящимся в воронцовском архиве».

цание», не принадлежат Лебедеву. Из двух рисунков, изображающих, согласно Лебедеву, богиню, лишь на первом действительно представлена Дурга (происхождение этого рисунка нам неизвестно). Во втором же случае Лебедев использовал, развернув по горизонтали, старую гравюру Бернара Пикара (Bernard Picart, 1673–1733) из его знаменитого труда *Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde*, изображавшую Шиву. (Обе иллюстрации из книги Лебедева и гравюру Пикара см. ил. 37–39.)

Первые статьи Р. Дашгупто (Р.К. Дасгупты) знаменуют собой начало нового периода. Политическое и экономическое сближение двух стран имело важные следствия для науки и культуры. В частности, стал возможен обмен книгами и научной информацией, а также поездки индийских ученых в СССР и некоторых советских — в Индию. С этого времени в статьях бенгальских авторов все чаще встречаются ссылки на статьи советских исследователей и даже на рукописи, хранящиеся в российских архивах.

Расширению и углублению тематики лебедевских исследований в Индии способствовала и изданная в Калькутте Обществом индо-советских культурных связей книга английского историка марксистского направления Филлис Мэри Кемп (Ашраф) «Бхарат — Русь: введение в историю индо-российских связей и путешествий от Средневековья до Октябрьской революции» [Kemp 1958]. Будучи супругой историка-марксиста Кунвара Мухаммада Ашрафа, Ф.М. Кемп в 1950-х годах работала в Индии[17]. В ее книге главы IX–XIX (с. 119–183) посвящены Г.С. Лебедеву. Как профессиональный историк хорошей европейской выучки, она, конечно, не могла согласиться с тем, что в большинстве индийских работ значение Лебедева сводилось лишь к его театральной деятельности [Kemp 1958: 119–120]. Она была знакома в некоторой мере с русской литературой о Лебедеве и хорошо представляла себе его значение как распространителя знаний об индийской культуре в Европе и в России[18], как первопроходца в изучении новоиндий-

[17] Впоследствии профессор Университета Гумбольдта в Восточной Германии (ГДР).

[18] «По возвращении в Европу он заявлял не об отсталости Индии и не о потребности ее в миссионерах, но о ее вкладе в [мировую] цивилизацию» [Kemp 1958: 134].

ских языков, а также как яркого и последовательного выразителя идей, характерных для европейского Просвещения. Х. Мамуд в своей книге цитирует «доктора Шунитикумара Чоттопадхая» (выдающегося индийского ученого, более известного в мире как Сунити Кумар Чаттерджи; см., напр.: [Чаттерджи 1977]), в 1963 г. написавшего в своем предисловии [Chatterji 1963] к переизданию в Индии лебедевской «Грамматики» [Lebedeff 1963]: «Что касается Лебедева, то наиболее полным и достоверным источником по этой теме до сих пор остается книга мадам Кемп. В ее подробном исследовании содержится обширный материал о нем как об ученом, как о мыслителе, как о фигуре мирового масштаба» (цит. по: [Мамуд 2012: 97]). Сам Х. Мамуд пишет в своей книге: «Пожалуй, по точности, полноте и тщательности научного анализа интересующего нас материала эту книгу (Ф.М. Кемп) следует поставить на первое место» [Там же].

Необходимо, правда, отметить, что Ф.М. Кемп во время написания своей книги была знакома главным образом с дореволюционной русской литературой о Лебедеве. Из поднявшейся в 1955 г. «новой волны» она успела учесть только две англоязычные статьи В.С. Воробьева-Десятовского в журнале ISCUS. Некоторые другие недочеты книги Ф.М. Кемп отметил Х. Мамуд: она, в частности, соединила в одну персону старшего и младшего Аделунгов и не только приписала Ф. Аделунгу авторство «Митридата», но и всерьез восприняла изложенные там сведения о службе Лебедева у Великого Могола. Большое внимание Ф.М. Кемп уделила сотрудничеству Г.С. Лебедева с представителями бенгальской интеллигенции, в мировоззрении которых она усматривала предвосхищение грядущего «Бенгальского Ренессанса». Правдоподобно выглядит ее предположение о том, что именно в общении с ними Лебедев мог проникнуться антипатией по отношению к колониальному режиму, которая, как мы увидим в дальнейшем, и привела его к разрыву с британской элитой Калькутты. Но совершенно необоснованным является ее допущение, что не Лебедев, а именно его сотрудники, «бенгальские драматурги», перенесли действие европейской пьесы на индийскую почву и вообще «полностью переписали текст пьесы» [Kemp 1958: 173]. Эта ошибка была вызвана тем, что Ф.М. Кемп не смогла определить первоисточник,

взятый Лебедевым для перевода, т.е. пьесу Р. Джодрелла, и не была знакома с рукописями лебедевского перевода, которые не оставляют сомнений в том, что переводил он сам и при этом почти дословно, заменяя лишь испанские имена и реалии на индийские.

Немногие недочеты никак не снижают огромной значимости книги Ф.М. Кемп для последующих лебедевских исследований в Индии. Эта книга дала индийскому читателю наиболее полную картину жизни Лебедева и его деятельности в разных аспектах. В ней также дан тщательный и разносторонний анализ содержания главной работы Лебедева — «Безпристрастного созерцания». Книга имела большой успех в Индии и скоро стала библиографической редкостью: когда Хаят Мамуд работал над своей книгой, примерно в начале 1980-х годов, профессор Бихарского университета Нагендра Варма привез ему из Москвы (!) в подарок книгу Ф.М. Кемп, которую, по-видимому, в Калькутте уже было невозможно достать [Мамуд 2012: 42]. В высшей степени положительной была реакция на эту книгу и со стороны российских исследователей, о чем может свидетельствовать, например, рецензия на нее, довольно скоро появившаяся в журнале «Вопросы истории» [Соловьев 1959].

С 1959 г. начинает публиковать свои статьи о Лебедеве индийский филолог Мохадебопрошад Шаха (Mahadev Prasad Saha). Уже в своей ранней статье «Основатель бенгальской сцены», опубликованной в газете «Шадхинота» от 27 ноября 1959 г., он делает достоянием бенгальской научной общественности новую информацию: Лебедев выбрал “The Disguise” для перевода из шести пьес, вошедших в собрание избранных пьес английского драматурга Ричарда Пола Джодрелла [Jodrell 1787]. Несмотря на то что Х. Мамуд 26 лет спустя выскажет сомнение в этом исходя из своей гипотезы о том, что пьесу написал не Ричард Пол, а какой-то другой Джодрелл («М. Джодрелл»), прав, как мы увидим в дальнейшем, именно М. Шаха (или Махадев Прасад Саха).

Несколькими годами позже Махадев Прасад Саха внес весомый вклад в дело изучения лебедевского наследия, переиздав в Индии лебедевскую «Грамматику» [Lebedev 1963]. Теперь индийские читатели могли из первых рук получить рассказ Г.С. Лебедева о своей жизни в Индии до момента его отъезда из Калькутты (правда,

с умолчанием о неприятностях, побудивших его к отъезду). Они могли также непосредственно убедиться в том, что Г.С. Лебедев, встав на сторону своих бенгальских учителей, настаивал на том, что бенгальское произношение санскрита является единственно правильным, тем самым выступив против Азиатского общества и покойного Уильяма Джонса, которые усвоили северное («бенаресское») произношение, ставшее затем общепринятым в мировой индологии.

Предисловие к переизданию, подготовленному М.П. Саха, написал крупнейший индийский лингвист, уже упоминавшийся Сунити Кумар Чаттерджи. Он отнесся к «Грамматике» Лебедева как к сочинению, изобилующему ошибками в силу «чрезмерного доверия» автора к «недостаточно компетентному информанту». Но в то же время, писал С.К. Чаттерджи, «труд этот имеет определенную ценность, и значение его преимущественно историческое. Проницательный исследователь обнаружит здесь полезную информацию о том, как бенгальцы и другие жители Калькутты использовали базарный хиндустани, особенно в общении с европейцами. Эта книга займет подобающее место в индологии как вклад в изучение базарного хиндустани, настоящего *Lingua Franca* для индийцев, говорящих на индоарийских языках» [Chatterji 1963: XXVII; Мамуд 2012: 261].

Взгляд на «Грамматику» Лебедева как на памятник, зафиксировавший калькуттский базарный хиндустани конца XVIII в., был в те годы представлен в работах ленинградского индолога-филолога Г.А. Зографа [Зограф 1961; 1963].

Индийское переиздание «Грамматики» предваряла, наряду с вышеупомянутым лингвистическим «Предисловием» Сунити Кумара Чаттерджи, еще и большая статья самого Махадева Прасада Саха «Герасим Степанович (Steppanovich) Лебедев» [Saha 1963]; последняя содержала краткий обзор ранних русско-индийских культурных связей, излагала биографию Лебедева и давала высокую оценку его деятельности.

В конце 1950-х годов в обсуждение лебедевского наследия включился еще один бенгальский ученый: доктор Модонмохон Гошшами (Madanmohan Goswami) с кафедры бенгальского языка и литературы Джадобпурского университета (Jadavpur University).

Как сообщает Х. Мамуд, именно Модонмохону Гошшами Сунити Кумар Чаттерджи (Шунитикумар Чоттопаддхая) передал микрофильм, сделанный им во время пребывания в России в 1956 г. с московской рукописи лебедевского перевода пьесы “The Disguise”. Сначала М. Гошшами (Госвами) выступил на семинаре с докладом «Первая бенгальская сцена», в котором предпринял критический анализ этой пьесы. Доклад был опубликован в сборнике научных сообщений Джадобпурского университета за 1959–1960 гг. А в 1963 г. тот же автор впервые не только в Индии, но и в мире издал бенгальский текст лебедевского перевода. В том, что был использован текст именно московской рукописи, убеждает бенгальский перевод названия “The Disguise”: «Калпоник шонбодол» («Обманчивая внешность»). В рукописи Российской национальной библиотеки в Петербурге, как мы можем увидеть, название короче: «Калпоник» (по сути это прилагательное: «Обманный», «Мнимый»).

Можно только присоединиться к критике, которой подверг эту публикацию М. Гошшами (Госвами) в своей книге Х. Мамуд. Дело в том, что М. Гошшами отредактировал лебедевский текст. Те места перевода, в которых он усмотрел ошибки Лебедева или которые считал не очень понятными читателю, он заменил собственным текстом. «Исправленные» фразы М. Гошшами отмечал диакритическим знаком *вирам* (подстрочная наклонная черточка), при этом, по собственному признанию, в своем переводе он «не пытался дословно передавать английский подлинник». М. Гошшами внес в бенгальский текст целый ряд «исправлений, дополнений, незначительных изменений и сокращений». В результате, как пишет Х. Мамуд, «узнать, где лебедевский перевод неточен, а также какого рода ошибки им допущены, не представляется возможным. Это достойно сожаления, ибо подобные сведения помогли бы глубже понять образ мыслей Лебедева, его характер, склонности и вкусы. Проведя “редактирование” текста, господин Модонмохон Гошшами нанес ему невосполнимый ущерб» [Мамуд 2012: 95]. Действительно, столь вольное обращение с текстом памятника недопустимо в издании, претендующем на статус научного.

На протяжении 1960–1970-х годов в бенгальской прессе время от времени появлялись статьи о Лебедеве[19]. Все они перечислены в книге Х. Мамуда, в его библиографическом списке [Мамуд 2012: 63–65]. Но главным событием этого периода стало появление первой не только в Индии, но и в мире монографии, посвященной Лебедеву: книги Оруна Шаннела «Бенгальская культура и Лебедев (Бангали шонскрити о Лебедеф)», вышедшей в Калькутте в 1972 г. Эта книга, по заключению Х. Мамуда, «написана добросовестно, с искренним желанием разносторонне осветить деятельность Лебедева, за что мы глубоко признательны автору». Однако О. Шаннел не знал русского языка, «поэтому полной информацией обладать не мог. Это более всего отразилось на той части его сочинения, где речь идет о биографии Герасима Степановича, там верно далеко не все» [Мамуд 2012: 96]. В частности, к реальным биографическим данным о Лебедеве в монографии О. Шаннела оказались примешанными вымышленные имена и истории из романа В.А. Смирновой-Ракитиной «Герасим Лебедев» [Смирнова-Ракитина 1959].

Недостаток, проявившийся в работе О. Шаннела, — слабое знакомство с российскими и советскими исследованиями лебедевских материалов по причине незнания русского языка — был присущ до некоторого времени всем индийским исследованиям, тематически связанным с фигурой Г.С. Лебедева. Исправить положение могло только появление специалиста, который был бы способен синтезировать в своей работе достижения индийской и российской традиций. Таким уникальным специалистом и стал Хаят Мамуд.

В отличие от своих предшественников, он начинал как специалист по русскому языку, для совершенствования в котором в 1969 г. приехал на стажировку в Ленинградский государственный университет. Здесь молодой бенгальский славист и заинтересовался Г.С. Лебедевым. Впоследствии Х. Мамуд приезжал в СССР еще дважды, проведя в стране в общей сложности около шести лет.

[19] В том числе статья Х. Мамуда «Лебедев: его грамматика восточных диалектов (Лебедеф: тано пурбобхароти анчолик бэкорон)» в журнале «Бангла экадеми потрика» (1971, вып. 16, № 1, с. 1–26).

Ему посчастливилось общаться со специалистами, которые своими работами внесли значительный вклад в изучение лебедевского наследия: К.А. Антоновой (Москва) и Г.А. Зографом (Ленинград). В архивных и библиотечных поисках ему содействовали бенгалисты Е.М. Быкова (Москва) и В.А. Новикова (Ленинград), индолог-литературовед С.Д. Серебряный (Москва). В итоге в поле зрения Х. Мамуда оказались почти все лебедевские материалы советских архивов и почти все исследования по лебедевской тематике, проведенные в России и СССР к началу 1980-х годов.

Однако осуществленный Х. Мамудом синтез бенгальской и российской исследовательских школ не сводился только к расширению базы используемых данных. В его монографии многое свидетельствует о том, что он усвоил в России и определенные навыки архивной работы, и, главное, методы критики источников, которые сделали выводы его работы гораздо более весомыми, чем заключения его предшественников. Впрочем, надо иметь в виду, что и Джадобпурский (Джадавпурский) университет г. Калькутты, при кафедре сравнительного изучения литератур которого Х. Мамуд с 1979 г. состоял диссертантом-соискателем, известен в Индии и в мире своей приверженностью современным научным методологиям.

Начав поисковую работу в архивах и библиотеках России, Х. Мамуд затем продолжил ее в Калькутте, где ему удалось обнаружить ряд документов и статей из современных Лебедеву калькуттских газет. Он был также первым из исследователей биографии Лебедева, кто нашел в Мемориальном музее королевы Виктории в Калькутте и исследовал дневники одного из покровителей Лебедева, судьи Джона Хайда[20]. Совершив поездку в Лондон, он изучил в библиотеках Британского музея и Департамента по делам Индии подшивки старых калькуттских газет, содержавших ранее не публиковавшиеся данные о Г.С. Лебедеве.

Монография Мамуда, вышедшая в 1985 г. в столице Бангладеш Дакке, стала высшим свершением бенгальской школы лебедевских штудий и во многих отношениях остается непревзойденной

[20] В некоторых источниках ранее указывалось, что эти дневники хранятся в библиотеке калькуттской Коллегии адвокатов (Bar Library).

до сих пор. Недаром в последующие годы она была дважды переиздана: в 1995 г. в Калькутте и в 2010 — снова в Дакке.

Исключительная ценность для нас книги Х. Мамуда состоит еще и в том, что она предоставляет в наше распоряжение тексты объявлений о концертах Лебедева и спектаклях его театра, рецензии на них и другие материалы из калькуттских газет того времени. До знакомства с книгой Х. Мамуда мы могли пользоваться в основном лишь документами, копии которых сохранились в бумагах самого Лебедева[21]. Благодаря Х. Мамуду мировой фонд лебедевских документов пополнился газетными материалами из архивов Колкаты и Лондона.

Всем лебедевским штудиям в Индии естественным образом свойственна сосредоточенность на роли Лебедева в создании нового индийского театра и на тексте его бенгальского перевода-переложения пьесы «The Disguise». Хаят Мамуд не исключение: в его книге мы находим детальнейший сопоставительный анализ имеющихся рукописных версий лебедевской пьесы. Знакомство с соответствующими разделами работы Х. Мамуда полезно для российских индологов, поскольку этот аспект лебедевского наследия у нас пока наименее изучен. В то же время некоторые выводы Х. Мамуда мы можем и оспорить, в частности о том, как соотносятся во времени московская и петербургская рукописи «Притворства».

В ряде случаев Х. Мамуд, как человек, прекрасно знающий историю и культуру старой Бенгалии, без труда смог скорректировать чтение и понимание отдельных мест в лебедевских текстах, опубликованных российскими индологами. Например, из одного нашего издания в другое переходил перевод слов Лебедева в его «Меморандуме» “On the Snow then returning from Malacca… we arrived in the River Ganges” как «На “Сноу” (или: «на корабле «Сноу»), возвращавшемся из Малакки… мы прибыли к реке Гангу» [Антонова 1956: 164; Воробьев-Десятовский 1956: 43; Русско-индийские отношения 1965: 436; Ваняшова 2000: 182]. То

[21] Лишь начиная с 2010 г. нам удалось найти в зарубежных архивах ряд новых, не учтенных Х. Мамудом лебедевских материалов в калькуттских и лондонских газетах.

есть Snow понимали как название корабля: «Снежок». В действительности, как справедливо заметил Хаят Мамуд, «сноу» (snow) в английском морском жаргоне и в «англо-индийском» диалекте того времени обозначало особый вид небольшого торгового судна.

Составив весьма полный свод данных о жизни и деятельности Г.С. Лебедева в Калькутте, Х. Мамуд оказался в состоянии сделать хорошо обоснованный и очень важный вывод относительно истинной причины злоключений Лебедева в последние годы его пребывания в Калькутте. До недавнего времени и индийские, и российские ученые считали основной причиной обрушившихся на Лебедева преследований боязнь конкуренции со стороны «Бенгальского театра», которую испытывали руководители и влиятельные пайщики английского «Калькуттского театра». С полным на то основанием Х. Мамуд утверждает: бесконечная череда провокаций, ложных обвинений, вызовов в суд по делу о взыскании несуществующих долгов была организована настолько тщательно, что это не могло быть инициативой каких-либо театральных деятелей. Скорее всего, за этим стояли британская администрация Бенгалии и действовавшая при ней секретная служба (Secret Department). Деятельность Лебедева, направленная на сближение и солидарность в культурных вопросах с индийцами, в глазах властей должна была выглядеть странной и возмутительной. Согласно предположению Х. Мамуда, они, по-видимому, подозревали Лебедева в шпионаже. «Если бы у них на руках имелись хоть какие-то доказательства его шпионской деятельности, — пишет Х. Мамуд, — то им бы ничего не стоило устроить над ним суд и добиться сурового приговора или же, по меньшей мере, принудительно посадить на корабль и отправить в Европу. У меня такое впечатление, что полное отсутствие каких-либо доказательств шпионской деятельности Лебедева при абсолютной уверенности компании в том, что Лебедев — шпион, поставило англичан в довольно затруднительное положение. Выдворить его из страны на законных основаниях они не могли, но и терпеть его в Калькутте тоже не желали. Тогда они прибегли к самому подлому способу — травле. Своими нападками, полным отказом в какой-либо помощи они запугали Лебедева настолько, что ему не оставалось ничего другого, как покинуть Индию» [Мамуд 2012: 140].

В качестве косвенного подтверждения своей гипотезы Х. Мамуд удачно ссылается на исторически первый подъем антирусских настроений в британской элите во время так называемого Очаковского кризиса (1792), что могло несколькими годами позже отозваться и в Калькутте. Представляется также весьма важным тот впервые установленный Мамудом факт, что менеджер «Калькуттского театра» Томас Роуворт, игравший в интриге, затеянной против Лебедева, одну из ключевых ролей, по крайней мере перед своим отъездом в Индию, в 1790 г., определенно числился сотрудником британской секретной службы. Немаловажны и приводимые Мамудом данные, свидетельствующие об активности в Калькутте времен Лебедева секретной службы, в числе агентов которой был один выходец из России.

Забегая вперед, заметим, что предположение Х. Мамуда об организации травли Лебедева колониальными властями вполне подтверждается новооткрытыми архивными документами.

У книги Х. Мамуда есть лишь один изъян, в котором автор не повинен. Книга вышла в 1985 г., а написана была, по-видимому, несколькими годами раньше. Хронологически организованный список научной литературы, на которую ссылается автор, обрывается на самом начале 1980-х годов. Источники на русском языке вообще заканчиваются на своде лебедевских документов в книге «Русско-индийские отношения в XVIII веке», изданной в 1965 г. При переизданиях 1995 и 2010 гг. никаких существенных изменений в книгу, насколько мы можем судить, не вносилось. Очевидно, вне поля зрения Х. Мамуда оказались все исследования российских ученых на «лебедевскую» тему за более чем четверть века, истекшую со времени выхода в свет первого издания.

По-видимому, Х. Мамуду не позволяла вернуться к лебедевской теме его интенсивная многосторонняя деятельность как поэта, писателя, литературного критика и филолога. Отчасти здесь повинны, возможно, и внешние обстоятельства. После распада СССР на какое-то время ослабли развивавшиеся и укреплявшиеся на протяжении десятилетий русско-индийские культурные и научные связи, значительно сократился обмен научной литературой. Поэтому все новое о Герасиме Лебедеве, что было открыто за этот период российскими исследователями, просто не могло дойти до

Х. Мамуда. По этой же причине и его книга пришла к нам с опозданием более чем на четверть века.

Но в самой Индии книга Хаята Мамуда безусловно вывела лебедевские исследования на новый уровень. Через ее посредство индийские авторы ознакомились с русскими источниками, в результате чего освещение жизни и деятельности Лебедева в их трудах стало более многосторонним. Утвердилось сознание того, что без использования русских исследований о Г.С. Лебедеве картина его деятельности не может быть полной.

Образцом этого нового подхода может служить третья индийская монография о Г.С. Лебедеве: книга Алоке Кумара Чакраборти «Друг Индии — Лебедев» (Бхаратпремик Лиебедеф. Каликата, 1989)[22]. Здесь к кругу источников из России, таких как, например, «Африканский дневник», добавляется не успевшая отразиться в монографии Х. Мамуда книга Г.М. Бонгард-Левина и А.А. Вигасина “The Image of India: The Study of Ancient Indian Civilisation in the USSR” («Образ Индии: изучение древнеиндийской цивилизации в СССР»), изданная на английском языке в Москве в 1984 г. А.К. Чакраборти целиком воспроизвел из этой книги раздел о Г.С. Лебедеве, написанный А.А. Вигасиным, где, в частности, поднимается вопрос о причинах, побудивших Лебедева последовательно интерпретировать индуизм как особого рода христианство [Bongard-Levin, Vigasin 1984: 42–44]. Русскоязычные лебедевские документы Чакраборти приводит в бенгальском переводе, а объявления о концертах Лебедева и спектаклях его театра из калькуттских газет, переписку с судебными инстанциями и тексты из «Африканского дневника» воспроизводит на английском, как они и были написаны. В приложении помещены английские тексты лебедевского «Меморандума» и предисловия к «Грамматике», а также бенгальский текст «Притворства» в одноактном варианте, предназначавшемся для первого представления, и в полном, трехактном варианте.

Еще одна бенгальская монография о нашем герое известна нам, к сожалению, только по упоминаниям о ней в ярославском

---

[22] Название может быть также понято как «Влюбленный в Индию Лебедев» или «Патриот Индии — Лебедев».

издании «Безпристрастного созерцания» [Лебедев 2009: 112]. Называется она просто «Герасим Лебедев», автор — Ч.Р. Гхош. Книга издана в Колкате, год издания не указан, объем — 120 страниц. Экземпляр хранится в Музее истории города Ярославля, очевидно, подарен музею автором.

В контексте бенгальской традиции следует рассматривать и уже упоминавшуюся книгу известного актера, режиссера, теоретика театра Судипто Чаттерджи, посвященную театру в колониальной Калькутте. Книга написана на основе диссертации, защищенной автором в Университете Нью-Йорка, впоследствии С. Чаттерджи стал профессором британского Университета Лафборо (Loughborough University) и все эти годы постоянно ездил в Индию. По собственным его словам, он житель сразу трех континентов[23]. Его книга, опубликованная издательством “Seagull Books”, вышла одновременно в Лондоне, Нью-Йорке и Колкате. В ней, разумеется, есть глава, в которой идет речь о Г.С. Лебедеве и его «Бенгальском театре» [Chatterjee 2007: 25–36]. Здесь благотворно сказывается влияние книги Хаята Мамуда, хотя в одной мелочи автору лучше было бы ей не следовать: вслед за Х. Мамудом Чаттерджи атрибутирует пьесу “The Disguise” мифическому «М. Джодреллу».

Гораздо важнее, однако, то, что, по мнению С. Чаттерджи, именно после второго представления «Притворства» на Лебедева обрушились преследования. Он приводит точку зрения Х. Мамуда, предположившего, что колониальные власти могли заподозрить Лебедева в шпионаже, но выдвигает и сам правдоподобную гипотезу о причине преследования Лебедева англичанами. С. Чаттерджи полагает, что тут сказались усилившиеся к концу XVIII в. расистские настроения британской элиты, глубоко презиравшей культуру «черных» жителей Калькутты. Раздражение у них могло вызвать уже то, что «туземцы» представляют свои «вульгарности» на сцене театра европейского типа [Chatterjee 2007: 35]. Мы предложим впоследствии свое объяснение связи между вторым спектаклем «Бенгальского театра» и последовавшей за ним травлей Лебедева. Оно покажет, что гипотезы, пред-

[23] В настоящее время С. Чаттерджи живет и работает в Индии.

ложенные Х. Мамудом и С. Чаттерджи, не отменяют, а дополняют одна другую.

Нельзя не сказать здесь и о книге А. Мукхопадхьяя «Индия в русском ориентализме» [Mukhopadhyay 2013]. Ее автор — профессор Калькуттского университета, разносторонний ученый: политолог, специалист по международным отношениям, культуролог, литературовед. В книге А. Мукхопадхьяя Г.С. Лебедев рассматривается в ряду других русских путешественников и ученых, оставивших дневники или описания своих поездок в Индию, от купца Афанасия Никитина до профессора И.П. Минаева. К каждому из них примеривается концепция ориентализма, выдвинутая в свое время Э. Саидом, который понимал ориентализм как востоковедение, обслуживавшее интересы колониальных держав. Но если, например, И.П. Минаева, совершавшего свои поездки в Индию по заданию военного ведомства [Вигасин 2008: 161–191], еще можно заподозрить в причастности к геополитической «Большой игре», то вся деятельность Г.С. Лебедева была по своему духу абсолютно противоположна тому, что принято понимать под термином «ориентализм». Позиция А. Мукхопадхяя по этому вопросу совпадает с точкой зрения, которой придерживаются и российские ученые.

Новое слово в изучении театральной деятельности Г.С. Лебедева сказано недавней статьей профессора Делийского университета Шормиштхой Панджа [Panja 2014]. Статья посвящена трем новаторам, которых автор называет «путешественниками на индийской сцене»: Лебедеву, Джоффри Кендалу и Утпалу Датту, но Лебедеву уделено больше всего внимания. Надо признать, что Ш. Панджа, по-видимому, не знакома с книгами Х. Мамуда и А.К. Чакраборти. Из предшественников она ссылается главным образом на «Индийский театр» Х. Дас Гупты [Das Gupta 1934], на книгу Ф.М. Кемп [Kemp 1958], а также на второе калькуттское переиздание «Грамматики» Лебедева с сопроводительной статьей к ней П.Т. Наира [Nair 1988]. Поэтому в статье появляется, например, упоминание о мифическом директорстве Лебедева в «театре Великого Могола» или о том, что его «Бенгальский театр» якобы был уничтожен пожаром. Но все это окупается глубоким пониманием театрального новаторства Г.С. Лебедева и тех чувств, умонастроений, мотивов, которые им руководили.

Ш. Панджа отмечает прекрасное знание Лебедевым потребностей и вкусов бенгальцев. Среди калькуттских индийцев народился многочисленный «средний класс», который, с одной стороны, бенгальская знать не приглашала на свои домашние музыкально-танцевальные представления, с другой стороны, англичане не допускали в свой «Калькуттский театр», а традиционные мистериальные представления, *джатры*, богатые калькуттцы посещали редко, считая это зрелище «сельским» и простонародным. Лебедевский театр был единственным театром в Калькутте с этнически неоднородной аудиторией. Англичан притягивала к нему возможность увидеть экзотическое представление на бенгальском и в исполнении бенгальцев, а индийцам здесь предоставлялся случай приобщиться к запретному для них плоду: театру европейского типа.

Еще одна новация Лебедева, отмечавшаяся и ранее, — это исполнение женских ролей женщинами, а не мужчинами, чего не бывало ни в классических формах индийского театра, ни в мистериях типа джатры. Однако кое-что Лебедев взял и от индийской театральной традиции. Он, например, понял, что индийская аудитория не мыслит театра без пения и музыки, вот почему ввел в спектакль «Индийскую серенаду», в которой соединил звучание индийских и европейских музыкальных инструментов. Наконец, по мнению Ш. Панджа, Лебедев продемонстрировал исключительную степень уважения к бенгальской культуре, включив в состав «Индийской серенады» песни на стихи высокочтимого, популярнейшего бенгальского поэта Бхаротчондро Рая и изготовив собственноручно для спектакля декорации «в бенгальском вкусе».

Шормиштха Панджа не исключает из числа причин, приведших Лебедева к катастрофе, интригу со стороны владельцев «Калькуттского театра», но тут же добавляет: «Возможно, именно нескрываемое сочувствие со стороны белого человека (a Caucasian) делу угнетаемых индийцев побудило представителей британских властей лишить его всякой поддержки. <…> В 1797 г. британцы изгнали его из Индии».

К сожалению, результаты исследований, предпринятых в XXI в. российскими индологами, изучающими наследие Г.С. Лебедева, пока что практически неизвестны в Индии. Индо-российский се-

минар, состоявшийся в Колкате в 2011 г., имел значительные последствия в России, достаточно упомянуть о переводе на русский и издании совместными усилиями петербуржцев и ярославцев книги Хаята Мамуда. Но материалы калькуттского семинара по какой-то причине остались неизданными. Правда, в Калькутте в 2013 г., в университетском издательстве вышел новый бенгальский перевод «Безпристрастного созерцания», выполненный московским индологом Смитой Сенгупта и заведовавшим в то время отделением русского языка в Калькуттском университете Арчаном Саркаром. Но непосредственных контактов и обмена новой информацией между учеными двух стран с 2011 г. практически не было.

Вот почему представляется совершенно необходимой международная (русско-индийская) конференция, посвященная Г.С. Лебедеву. Мы планировали организовать ее в Санкт-Петербурге в 2017 г., в 200-летнюю годовщину смерти Г.С. Лебедева, но в силу ряда обстоятельств придется перенести ее на 2018 г. Результаты конференции должны быть закреплены изданием доступного научной общественности обеих стран сборника статей. Индологам России, изучающим наследие Лебедева, есть чем поделиться с индийскими коллегами. В следующей главе будет дано краткое описание российских исследований жизни и трудов Г.С. Лебедева, ставших особенно интенсивными в первые полтора десятилетия XXI в.

Исследования биографии и трудов Г.С. Лебедева в России в XXI в.

Между «бумом» лебедевских исследований в СССР, который можно считать закончившимся в 1965 г. с опубликованием массы документов в сборнике «Русско-индийские отношения в XVIII веке», и новым подъемом интереса к Лебедеву и его наследию на рубеже тысячелетий прошло около 35 лет. Разумеется,

отдельные исследования, имевшие немаловажное значение, появлялись и в «годы застоя», и в период «перестройки», но эти обращения к лебедевской тематике были разрозненными, их предпринимали одиночки. Только в начале XXI в. наследием Лебедева стали заниматься целые научные коллективы. Впрочем, внезапный взлет интереса к Лебедеву и интенсификация исследований стали возможны именно благодаря подготовившему для них почву накоплению материала отдельными учеными в предшествующий период. Поэтому, прежде чем обратиться к поискам и находкам последних полутора десятилетий, резонно проследить, как постепенно пополнялась информация о Лебедеве усилиями авторов 1970–1990-х годов.

В 1973 г. вышла большая статья о Лебедеве известного музыковеда И.М. Ямпольского, все значение которой раскрывается только сейчас, после некоторых новейших находок. В самом начале статьи И.М. Ямпольский писал о Лебедеве: «Он был первым русским исполнителем, с успехом выступившим не только в Западной Европе, но и в Азии, и в Африке, театральным деятелем, *композитором* и *фольклористом*, оставившим заметный след в истории художественной культуры Индии (курсив мой. — *Я.В.*)» [Ямпольский 1973: 239]. Утверждение о том, что Лебедев был композитором, основывалось в данном случае лишь на том, что он, по его собственным словам, «сочинял музыку» для интермедий в представлениях «Притворства», так называемую «Индийскую серенаду». О том же, что Лебедев делал записи музыкального фольклора, свидетельствовало, по мнению И.М. Ямпольского, объявленное им по возвращении из Индии в Лондон намерение издать сборник «индостанских и бенгальских арий». Впоследствии мы приведем новые данные, вполне подтверждающие, что Лебедев был и композитором, и пионером этномузыкологии. Немаловажна также информация, приводимая И.М. Ямпольским по картотеке Н.Ф. Финдейзена, о том, что Лебедев был не только виолончелистом, но и скрипачом. Это подтверждается новыми данными.

Установлено, что в последние годы жизни И.М. Ямпольский работал над книгой о Лебедеве[24]. Но в 1976 г. он скончался, и со-

[24] См.: Рукописный отдел РИИИ. Ф. 102. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 8. Здесь упомянуто письмо Н.Л. Слонимского к И.М. Ямпольскому от 28 июля 1974 г. «О книге

хранилась ли рукопись или подготовительные материалы к книге, сведений нет.

Новый взгляд на жизнь Г.С. Лебедева, особенно в африканский период, и ряд интересных, неожиданных данных представлены были в научно-популярной книге «Зов дальних морей», вышедшей в 1979 г. [Давидсон, Макрушин 1979: 247–274]. Ценность ее состоит, в частности, в том, что обстоятельства жизни и деятельности Лебедева в Южной Африке, описанные в «Африканском дневнике», получили здесь надежный и убедительный исторический комментарий, были помещены в контекст истории Южной Африки, что и неудивительно, поскольку один из авторов книги — известный российский историк-африканист А.Б. Давидсон. Кроме того, авторы приводят некоторые неизвестные по другим источникам сведения о раннем периоде жизни Лебедева. Эти сведения почерпнуты из статьи о Лебедеве, написанной ленинградским музыковедом Г.Ф. Фесечко[25]. С разрешения автора, предоставившего в их распоряжение свою статью, А.Б. Давидсон и В.А. Макрушин привели и прямые цитаты из нее, и пересказали кое-что своими словами.

К сожалению, Г.Ф. Фесечко не успел при жизни опубликовать свою статью, и где находится сейчас ее рукопись или машинопись, сохранилась ли она вообще, неизвестно. Совершенно неожиданными выглядят такие, например, утверждения: «Смолоду у Лебедева был хороший голос. За то и взяли его в капеллу. А уж там вместе с пением занимался он и на виолончели» [Давидсон, Макрушин 1979: 253]. Расставшись в Вене с Разумовским, Лебедев отправился на гастроли по Европе именно как вокалист: «Лебедев пел, пока не потерял голос в Париже из-за дурной медицинской помощи. Потом только играл на виолончели» [Там же: 251]. Очень жаль, что мы не знаем, откуда Г.Ф. Фесечко взял эту информацию, поскольку он основывал свои выводы обычно на архивных документах. Например, если он писал, что Герасим Лебедев, вопреки

Израиля Марковича о первом (русском) музыканте в Индии. О библиографии к этой работе».

[25] Скрипач, участник знаменитого исполнения Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде. В 1943–1944 гг. исполнял обязанности директора Консерватории. Как музыковед занимался русской музыкой XVIII в.

мнению многих предшествующих авторов, никогда не числился в Придворной певческой капелле, то сейчас, когда списки придворных певчих опубликованы [Чудинова 1998], это полностью подтверждается. «Капеллой», в которую взяли Лебедева за его вокальные данные, была, по предположению Г.Ф. Фесечко, домашняя капелла семьи Разумовских [Давидсон, Макрушин 1979: 254].

Сообщение об открытии нового лебедевского текста[26] опубликовала в 1981 г. сотрудница Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, историк отечественной науки о Востоке А.М. Куликова. Среди «формулярных списков» сотрудников Азиатского департамента Коллегии иностранных дел, хранившихся в Архиве внешней политики России (ныне Архив внешней политики Российской империи) она обнаружила «Список Герасима Лебедева», его автограф на двух листах с авторской подписью, по существу краткую автобиографию[27]. Текст имеет точную дату составления: 3 декабря 1803 г.

Эта «автобиография», изложенная в виде «формулярного списка», вносит ряд ценных уточнений в событийную канву жизни Лебедева. Здесь, например, впервые перечислены страны, в которых он странствовал после отъезда из Вены в 1777 и до появления в Париже в 1782 г. (Австрия, Голландия, Англия). В соответствующей графе конкретно сказано о происхождении его «из древней благородной священнической фамилии Лебедевых», что исключает версию о происхождении Лебедева из крепостных крестьян. Некоторые сообщаемые им в «формулярном списке» данные противоречат сведениям, которые содержатся в других документах. Так, если в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» Лебедев позднее напишет, что выехал из России в 1775 г. с «посольством к Неаполитанскому двору», то здесь он сообщает, что «в 1775 г. отправился… в чужие краи на собственном иждивении, для познания наук и языков». Что касается посольства в Неаполь во главе с А.К. Разумовским, то оно, по надеж-

[26] О существовании этого документа ранее упоминал И.М. Ямпольский [Ямпольский 1973: 242, примеч. 2], но содержащаяся в нем информация почему-то осталась вне поля внимания исследователей.

[27] АВПР (АВПРИ). Ф. 159 «Дела личного состава и хозяйственные документы». Оп. 464. Ед. хр. 1962. Л. 1–2 [Куликова 1981; 2001: 16].

ным историческим данным, выехало из России только в 1777 г. [Васильчиков 1882: 51–53]. Так что возникает вопрос, как связать все эти противоречивые сведения. Указанный Лебедевым в графе о собственности адрес приобретенного им деревянного дома «в Рождественской части в четвертом квартале под № 398» не совпадает с тем адресом, который указала в своем прошении о назначении ей пенсии, поданном в Коллегию иностранных дел, вдова Лебедева Настасья (Анастасия) Яковлевна: «в Рождественской части в 4-м квартале под № 439» [Русско-индийские отношения 1965: 514]. Это объясняется сменой нумерации домов в Рождественской (Рожественской) части, имевшей место в 1804 г. [Воробьев-Десятовский 1956: 59].

Впоследствии сообщение об «автобиографии» Г.С. Лебедева в новой редакции вошло в состав книги А.М. Куликовой «Российское востоковедение в лицах» [Куликова 2001].

Мы уже упоминали книгу Г.М. Бонгард-Левина и А.А. Вигасина «Образ Индии: изучение древнеиндийской цивилизации в СССР», на английском языке, вышедшую в московском издательстве «Прогресс» в 1984 г. [Bongard-Levin, Vigasin 1984]. Раздел о Г.С. Лебедеве, написанный А.А. Вигасиным, сделал доступными исследователям за пределами СССР, прежде всего индийским, документально выверенные сведения о Лебедеве по известным на тот момент русским источникам. Как уже было сказано, А.А. Вигасин впервые детально обсуждает здесь вопрос о причинах того, что Лебедев «постоянно сравнивает религиозные концепции индуизма с христианскими», видит в них божественное Откровение, дарованное индийцам даже раньше, чем европейцам. С одной стороны, по мнению А.А. Вигасина, Лебедев, возможно, сближал индуизм с христианством для того, чтобы избежать конфессиональной предубежденности по отношению к индуизму со стороны своих православных читателей. Но, с другой стороны, согласно приводимому тут же очень проницательному и глубоко верному замечанию автора, Лебедев в своей «монистической интерпретации индийской религиозной философии» и в ее сближении с христианством был не одинок: сходных идей придерживался Уильям Джонс и многие другие европейцы той эпохи. Более того, эти идеи могли разделять и сотрудничавшие с Лебедевым

представители бенгальской интеллигенции, предвосхищая тем самым идеи Бенгальского Ренессанса, выразителем которых позднее выступил Раммохан Рой [Bongard-Levin, Vigasin 1984: 42–44].

В самом конце этого небогатого лебедевскими публикациями периода или уже в начале нынешнего, изобильного, полезную биографическую статью о Лебедеве, с точными отсылками к архивным фондам поместил в «Словаре русских писателей XVIII века» старший научный сотрудник Библиотеки РАН М.П. Лепехин [Лепехин 1999а]. В этом же томе тем же автором опубликована богатая информацией статья о человеке, причастном к судьбе Г.С. Лебедева, — Сергее Ивановиче Плещееве, морском офицере, друге юности цесаревича Павла Петровича, свидетеле встречи (или встреч) Лебедева с будущим императором [Лепехин 1999б].

С 1998 г. ведется работа по лебедевской тематике на предполагаемой родине «буреборственного путешественника» — в Ярославле. Инициатором выступила историк-архивист и краевед Н.С. Землянская, а организатором общероссийской конференции 1999 г. (к 250-летию со дня рождения) и всей последующей работы по проекту — профессор В.В. Черновская. Годом позже увидела свет книга профессора Ярославского государственного театрального института М.Г. Ваняшовой «Мельпомены ярославские сыны», в которой заключительный раздел посвящен Г.С. Лебедеву [Ваняшова 2000: 177–204].

Работа М.Г. Ваняшовой явилась существенным вкладом в изучение лебедевского наследия, поскольку впервые в России театральная деятельность Лебедева в этой книге была рассмотрена с позиций театроведения. При таком подходе сразу выявились новые интересные факты. Например, описание Лебедевым постройки им своего театра поразительно, до буквальности совпадает с описанием того, как строил свой театр ярославец Федор Волков, в биографии первого русского театрального деятеля, составленной Н.И. Новиковым [Новиков 1772: 36].

Этот факт влечет за собой важные следствия: позволяет, например, предположить, что тяга к познанию окружающего мира и странствиям зародилась у юного музыканта в результате чтения им изданий великого просветителя Н.И. Новикова, в которых, особенно в журналах, систематически публиковались сведения об

Индии [Западов 1956]. Кроме того, если Лебедев знал о деятельности Ф. Волкова из книги, то становится еще менее вероятным его личное знакомство с великим актером, и без того сомнительное, поскольку, когда Волков умер, Лебедеву было всего четырнадцать лет. Как театровед, М.Г. Ваняшова первой из российских исследователей коснулась того, как память о Лебедеве сохранялась в театральном мире Индии XX в. Она приводит слова благодарности Лебедеву известного индийского актера, режиссера и хореографа Таруна Рая, который в 1965 г. поставил в «Театральном центре» города Калькутты спектакль, рассказывавший о жизни и деятельности Герасима Степановича в Индии. Прекрасно принятый индийским зрителем, спектакль «Лебедев» «показывался свыше трехсот дней по четыре раза в день» [Ваняшова 2000: 204].

Очень важный и ранее неизвестный лебедевский документ был опубликован в 2002 г. П.А. Дружининым. Это письмо от 11 июня 1801 г., еще из Лондона, князю А.Б. Куракину, в котором Лебедев с подробностями вспоминает о том, как они вместе путешествовали в свите цесаревича Павла от Парижа до Монбельяра, где Лебедев «был определен ободрениями… великих Российских Государей (т.е. Павла Петровича и Марии Федоровны. — *Я.В.*)» к собиранию в Индии сведений о местной культуре [Дружинин 2002: 185–194]. Этот документ вкупе с письмами Лебедева к А.А. Самборскому и С.И. Плещееву, тоже сопровождавшим Павла в его путешествии, лишает всякого правдоподобия предположение Ф.М. Кемп (к сожалению, повторяемое многими) о том, что Лебедев якобы выдумал эпизод встречи с Павлом, чтобы снискать благорасположение Александра I ссылками на доброе к себе отношение его отца.

В 2005 г. по инициативе и под руководством Н.В. Гурова группа петербургских индологов (Е.К. Бросалина, Я.В. Васильков, Е.Р. Крючкова) приступила к работе по проекту «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817)» (грант РГНФ № 05-03-03322). За три года исследований удалось сделать немало, в частности ввести в научный оборот целый ряд лебедевских архивных материалов, которые ранее даже не были правильно идентифицированы или оставались известны лишь по названиям. Так, в лебедевской тетради из архива П.П. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6081) среди материалов, относящих-

ся к задуманному Лебедевым русско-бенгальско-«индостанскому» разговорнику, был выявлен связный текст, представляющий собой перевод с английского на русский, бенгальский и «индостанский» ряда стихов из библейской «Книги Екклезиаста». Как установил Н.В. Гуров, этот текст, относящийся к 1790–1795 гг., представляет собой самый ранний образец перевода текста из Ветхого Завета на новые индоарийские языки [Гуров 2006].

Выяснилось также, что первая часть двухчастной «математической» рукописи из Архива востоковедов в Институте восточных рукописей РАН, озаглавленная «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания арифметики…» (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2), содержит сжатое описание религиозно-философского учения индуизма, включая частичный пересказ «Бхагавадгиты» [Васильков 2006].

Изданное Лебедевым в виде брошюры небольшое стихотворение, записанное бенгальским шрифтом, транскрибированное в кириллице и переведенное на русский, ранее было определено М.Г. Альтшуллером как «бенгальские стихи», предположительно принадлежащие Бхаротчондро Раю [Альтшуллер 1963: 127]. В действительности, как выяснилось, языком стихотворения является санскрит, и принадлежит этот известный текст («Мохамудгара» — «Молот, [дробящий] заблуждение») великому индийскому философу и религиозному реформатору Шанкаре (Шанкара-ачарье), жившему на рубеже VIII–IX вв. Перед нами, таким образом, не только, как писал М.Г. Альтшуллер, «первая в России попытка напечатать произведение индийской художественной литературы, переведенное с языка оригинала», но и первый русский перевод непосредственно с санскрита [Васильков, Гуров 2007].

Е.К. Бросалина в период работы над грантовым проектом предприняла исследование лебедевского перевода с бенгальского поэмы крупнейшего бенгальского поэта первой половины XVIII в. Бхаратчондро Рая «Биддешундор» («Бидде и Шундор» — по именам героини и героя, допустим также перевод «Красота познания / учености»)[28]. В ходе текстологического анализа выяснилось, что

[28] Точнее сказать, «Биддешундор» — это средняя часть в трехчастной поэме Бхаратчондро Рая «Оннодамонгол» («Поэма о благодарении [богине] Онноде»).

избранный Лебедевым для перевода текстовой вариант не совпадает ни с одним из опубликованных до сих пор вариантов поэмы. На основании этого Е.К. Бросалина выдвинула предположение, которое наверняка очень заинтересует бенгальских исследователей: перевод Лебедева, по-видимому, «сделан на основании одного из списков, использовавшихся в качестве сценариев для представлений народной драмы в Калькутте того времени. Издание рукописи Г.С. Лебедева в силу этого будет интересно как публикация неизвестного до сих пор варианта классического произведения бенгальской литературы XVIII в.» [Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 354–356].

В тот же период Е.Р. Крючкова выявила среди бумаг Лебедева грамматического и лексикографического характера в фонде Вяземских подготовительные материалы к планировавшейся (но, к сожалению, так и не написанной) грамматике бенгальского языка (РГАЛИ, ф. 195, ед. хр. 6081 и др.). Эти материалы характеризуют Лебедева как первопроходца, вынужденного изобретать собственную терминологию для обозначения по-русски различных грамматических явлений. Для характеристики различных видовременных форм глагола он использовал, например, такие термины, как «таперешнее», «минувшее несовершенное», «давно исполненное» и «уповательно исполненное» [Крючкова 2007: 195–197]. О хранящихся в том же архиве подготовительных заметках на русском языке к грамматическому описанию «калькуттского хиндустани» Н.В. Гуров, обнаруживший в них сходную терминологию, писал: «Мы можем теперь с абсолютной точностью сказать, когда в нашей науке были сделаны первые шаги к созданию метаязыка индоарийской лингвистики» [Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 358].

С результатами деятельности группы в 2005–2007 гг. можно ознакомиться на сайте Института лингвистических исследований РАН, где помещены в формате PDF тексты основных работ Г.С. Лебедева и статьи о нем участников проекта.

Успешно завершив проект, его участники продолжали и в последующие годы работать с лебедевскими материалами. Одним из основных направлений стало на этом этапе изучение мировоззрения Г.С. Лебедева. Предстояло найти убедительное объяснение

своеобразной интерпретации Лебедевым индуизма как некоего «первоначального христианства», восходящего непосредственно к Откровению, которое дано было при сотворении мира первочеловеку. Прежним попыткам объяснить эту интерпретацию либо хитростью Лебедева (пытавшегося будто бы замаскировать нехристианскую сущность индуизма), либо его беспредельной наивностью не доставало, на наш взгляд, убедительности. Последнюю из этих двух точек зрения косвенным образом поддерживает, к сожалению, и Х. Мамуд. Он объясняет сближение Лебедевым индуизма с христианством тем, что Лебедев видел в индуизме и в родном для него русском православии сходные проявления религиозно-мифологического мышления, что он нашел индийцев такими же «ленивыми и богобоязненными», «непритязательными, безынициативными и во всем полагающимися на волю Божию, как русские[29]» [Мамуд 2012: 245–247].

Более близким к истине представляется нам мнение Ф.М. Кемп, которая считала, что стремление Лебедева сблизить индуизм с христианством базируется на его убеждении в изначальном единстве человеческого рода, а это убеждение, в свою очередь, восходит к «некоторым тенденциям (в идеологии) Просвещения XVIII века» [Kemp 1958: 151].

Конкретизировать ту мировоззренческую тенденцию в рамках Просвещения, которой следовал Г.С. Лебедев, впервые удалось Н.В. Гурову (1935–2009)[30]. В своих последних, посмертно изданных статьях [Гуров 2010; 2013][31] он сосредоточил внимание на идеях, разделявшихся кругом лиц, которые, судя по всему, направили Лебедева в Индию и которым он писал оттуда письма. Все эти люди, окружавшие цесаревича Павла Петровича во время

[29] Заметим, что Х. Мамуд черпает этнопсихологическую характеристику русских и вообще славян из книг пристрастных западных историков 1970-х годов, таких как Тимоти Уэар (Timothy Ware) и Ричард Пайпс. Притом эта характеристика относится к средневековому обществу или к околоцерковным кругам более позднего времени, но никак не к просвещенным представителям высшей дворянской элиты второй половины XVIII в., в круг которых, как мы увидим, был вхож Г.С. Лебедев.

[30] См. о нем: [Васильков 2013].

[31] При жизни Н.В. Гурова были опубликованы тезисы доклада на эту тему: [Гуров 2009].

его поездки по Европе в 1782 г., были, подобно многим другим представителям российской и европейской знати того времени, «вольными каменщиками», т.е. принадлежали к религиозному (в отличие от скептически-материалистического, вольтеровского) масонскому крылу Просвещения. Они декларировали единство человечества, равенство всех людей и всех народов, общее происхождение всех религий. Особое внимание при этом уделялось индийской религии, сохранившей, как полагали, лучше многих других суть Откровения, дарованного некогда Богом первочеловеку Адаму.

Никита Владимирович Гуров скончался 4 декабря 2009 г., в канун отъезда возглавляемой им петербургской группы индологов на конференцию по Лебедеву в Ярославле с участием индийских ученых. Но он успел передать коллегам свою увлеченность лебедевской тематикой. Члены группы продолжили и продолжают по сей день исследования биографии и деятельности Г.С. Лебедева. Я.В. Васильков первоначально двигался в направлении, намеченном Н.В. Гуровым, изучая истоки мировоззрения Г.С. Лебедева, прослеживая его личные и идейные связи.

Удалось установить, что не только в России, но и в Индии, в Калькутте Лебедев был в ранний период своего пребывания там связан с видными деятелями местной масонской общины, которые покровительствовали его концертной деятельности [Васильков 2010б; 2011; Vassilkov 2011]. В библиотеках и архивах были проведены поиски по старым калькуттским газетам материалов о жизни Г.С. Лебедева в Индии, найдены новые данные о его участии в концертах и прямое подтверждение того, что он сам писал исполнявшуюся им музыку. В Российском государственном архиве Военно-морского флота были скопированы, исследованы и впервые опубликованы с большой сопроводительной статьей письма Г.С. Лебедева будущему кругосветному мореплавателю, а в ту пору молодому русскому офицеру, стажировавшемуся на британском корабле, И.Ф. Крузенштерну. Эти письма позволили добавить немало нового к тому, что было ранее известно об обстоятельствах отъезда Лебедева из Калькутты и о тяжелых испытаниях, пережитых им в пути [Васильков 2012].

Внимательное изучение ранее игнорировавшейся исследователями третьей сцены второго акта пьесы «Притворство» — сцены в адвокатской конторе, игравшейся на английском языке, позволило сделать вывод о том, что причиной решения колониальных властей любой ценой избавиться от Лебедева могла стать именно эта сцена, расцениваемая как резкий антиколониальный выпад [Васильков 2016]. Наконец, по электронной базе данных Библиотеки Принстонского университета посчастливилось найти в лондонских газетах серию объявлений и программу организованного Лебедевым концерта в Лондоне 17 марта 1800 г. Эта программа свидетельствует об очень высоком уровне Лебедева как музыканта, поскольку с ним вместе выступали выдающиеся лондонские музыканты и певцы. Лебедев представлял не только собственный виолончельный концерт, но и свою «Индийскую серенаду», в которой он экспериментально сочетал звучание индийских и европейских музыкальных инструментов. Таким образом, открылась новая, совершенно неизвестная страница творческой биографии Г.С. Лебедева [Васильков 2017].

Участники петербургской группы разрабатывают в последние годы и другие аспекты лебедевской темы. Е.Р. Крючкова на основе опубликованных сочинений Г.С. Лебедева и архивных материалов дала краткую характеристику его как лингвиста [Крючкова 2010], а затем приступила к изучению (до того никем не предпринимавшемуся) «Арифметических таблиц», т.е. той из двух «математических рукописей», в которой Г.С Лебедев излагает индийские правила счета [Крючкова 2011]. Продолжая исследование лебедевского перевода «Биддешундор», Е.К. Бросалина в статье, написанной совместно с молодым бенгалистом А.Л. Сладковым [Бросалина, Сладков 2009], дала наиболее полное на сегодня описание рукописи Г.С. Лебедева «Красота учености», состоящей из бенгальского текста, его кириллической транскрипции и пословного перевода (РГАЛИ, ф. 1673 [А.С. Шишков], оп. 1, № 12). Здесь, как и в более поздней статье того же автора [Бросалина 2010], высказывается перспективное предположение о том, что «именно популярность этой любовной истории (о Бидде и Шундоре, героях поэмы Бхаротчондро Рая. — *Я.В.*) в формате народного театрального действа (джатры. — *Я.В.*) навела Г.С. Лебедева на мысль исполь-

зовать некоторые его приемы (музыкальное оформление, традиционные хоровые и танцевальные интермедии, отдельные стихотворные фрагменты) при постановке пьесы Р.П. Джодрелла, что и обеспечило его представлениям шумный успех среди местной элиты».

В 2009 г. благодаря активной научно-организационной деятельности ученых-историков и культурной общественности города Ярославля, прежде всего координатора всех усилий профессора В.В. Черновской, начался новый этап изучения жизни и деятельности Г.С. Лебедева российскими учеными. 15–16 декабря в Ярославле состоялась Международная конференция «Герасим Лебедев и его время», на которой российские исследователи впервые встретились с некоторыми коллегами из Индии. Это были профессор Арчан Саркар и доктор Лили Банерджи из Калькуттского университета, профессор Д. Трипатхи из Ахмедабада и Гаутам Гхош, сотрудник российского культурного центра «Горки садан» в Колкате. Их доклады были посвящены описанию культурной среды современной Лебедеву Калькутты, вкладу Лебедева в развитие индийского (бенгальского) театра, а также его индологическим трудам. Таким образом, были установлены наши первые контакты с индийскими коллегами.

Петербургские индологи впервые познакомились на этой конференции и с учеными-историками города Ярославля, к тому времени уже более десяти лет занимавшимися биографией и наследием Г.С. Лебедева. М.Г. Ваняшова в докладе «Герасим Лебедев: режиссерские интерпретации пьес Мольера и Р. Джодрелла на сцене бенгальского театра (к проблеме единства творческой и бытийной биографии)» (см.: [Ваняшова 2010]) высказала и развила в числе других одну чрезвычайно плодотворную идею. Она последовательно рассмотрела выбор Лебедевым для перевода определенных европейских пьес, характер их адаптации и режиссерского прочтения в прямой связи с мироощущением Лебедева, его судьбой, личными переживаниями и «экзистенциальными признаниями», которые не раз прорываются в таких его текстах, как «Меморандум» или письмо к А.А. Самборскому.

Результаты большой, кропотливой работы в архивах суммированы в докладе Н.С. Землянской «К вопросу о происхожде-

нии Г.С. Лебедева». К сожалению, не все архивы, содержащие исповедные росписи, метрические и клириковые книги церквей Ярославской области, оказались доступны автору, и итоговая картина неполна. Возможно, именно поэтому семью священника Степана (Стефана) и Парасковьи Лебедевых с детьми Антонидой, Афанасием, Герасимом и Трефилом в старом Ярославле или Ростове обнаружить пока не удалось. В статье по докладу [Землянская 2010] даются, однако, сведения о распространении фамилии «Лебедев», имен «Герасим», «Стефан» «Прасковья» в Ростове и Ярославле главным образом в среде духовенства. Интересна попытка Н.С. Землянской примирить две основные гипотезы происхождения семьи Лебедевых: «ярославскую» и «украинскую». Она считает возможным, что представители этого рода могли прибыть с Украины и преподавать в Ростове или Ярославле в одном из духовных учебных заведений. Интересно и предположение о том, что «утеснение родителя», из-за которого юный Герасим до 1763 г. не получал никакого образования, может быть связано с деятельностью митрополита Арсения Мациевича, который отличался необычайной требовательностью и строгостью в отношении преподавателей возглавлявшейся им Ярославской духовной семинарии. Примечательно, что низвержение митрополита (лишение сана, ссылка, затем арест и заточение в крепость) имело место именно в 1763 г., а главную роль в его окончательном падении сыграл иеродиакон с фамилией «Лебедев» (Иоасаф Лебедев). В конце статьи, написанной по материалам доклада, Н.С. Землянская приводит полезный список архивов, в которых следует искать документы, относящиеся к происхождению Г.С. Лебедева.

Во время конференции петербургские индологи впервые познакомились и с переизданием «Безпристрастного созерцания», увидевшим свет в Ярославле в том же году [Лебедев 2009]. Эта книга была издана в основном усилиями двух человек. В.В. Черновская написала предисловие «Об авторе и его книге», в котором вкратце рассказано о пребывании Лебедева в Индии, причем ответственность за уничтожение «Бенгальского театра» и травлю его основателя справедливо возложена здесь не на менеджера театра Ост-Индской компании Т. Роуворта, но на коло-

ниальные власти Британской Индии. Причиной названо то, что «метрополия навязывала индийцам превосходство своей цивилизации. Театр, устроенный Г.С. Лебедевым, утверждал идею равенства европейцев и индийцев, диалог культур, что было чуть ли не оскорблением национальной гордости англичан» [Черновская 2009: 6]. Далее в статье характеризуется содержание каждой из частей книги Лебедева, а также уделено особое внимание редко затрагиваемой исследователями теме: лебедевскому проекту установления прямых торговых связей между Россией и Индией. В самом начале статьи есть одно ценное наблюдение: посвящение книги императору Александру I свидетельствует, что лебедевский труд проходил, по установленному порядку, экспертизу в том ведомстве, в котором служил автор. Обосновать значимость сочинения Лебедева должен был глава МИД и государственный канцлер А.Р. Воронцов. Таким образом, «формула посвящения монарху, которой удостоилось “Беспристрастное созерцание”, заключала в себе официальное признание заслуг Г.С. Лебедева перед отечеством» [Черновская 2009: 4].

Вкладом В.В. Черновской является также составление комментариев к книге и удачный подбор цветных иллюстраций с видами современной Лебедеву Калькутты и других городов Индии.

Вторым деятельным участником этого издания стал директор выпустившего книгу издательства «Академия развития», филолог по образованию М.А. Нянковский. Он взял на себя непростой труд «модернизировать» язык Герасима Лебедева, сделать его доступным и понятным современному читателю. Надо признать, что сделал он это осторожно и вдумчиво, строго следуя принципам, которые были позднее изложены в его сообщении на конференции [Нянковский 2010][32].

---

[32] Вызывает, однако, возражение замена в названии книги слова «Брамгенов» на «Брагменов», по-видимому, с целью сделать читателю понятным, что речь идет о брахманах. В написании слова Лебедевым нет случайной ошибки, в нем отражена характерная бенгальская метатеза hm > mh. Возможно также, что издатели воспроизвели опечатку в тексте книги, набранном Е.Р. Крючковой на сайте Института лингвистических исследований <https://iling.spb.ru/projects/lebedev.html>.

Контакты российских ученых с индийскими продолжились и расширились в ходе семинара, организованного в Калькуттском университете в 2011 г. С рассказа об этом событии мы и начали книгу. Можно было бы сказать, что уже тогда начался обмен идеями между специалистами из двух стран, если бы не одно грустное обстоятельство. Результаты семинара по неизвестным нам причинам не были закреплены в виде сборника статей, хотя тексты многими участниками были сданы организаторам конференции. Впрочем, благими следствиями встречи в Колкате можно считать издание в Индии бенгальского перевода «Безпристрастного созерцания» и издание в России русского перевода книги Хаята Мамуда [Мамуд 2012].

Мы не оставляем надежды на то, что в ближайшем будущем нам удастся завязать активный диалог с индийскими коллегами. С этой целью мы готовим сейчас всероссийскую конференцию по Г.С. Лебедеву с участием индийских ученых в Петербурге. По материалам конференции предполагается подготовить и опубликовать затем сборник статей на русском и английском языках.

Завершая на этом рассказ о проблемах, истории и современном состоянии изучения лебедевского наследия в России и Индии, приступим теперь к последовательному изложению биографии Г.С. Лебедева, такой, как она видится сегодня. Особое внимание будет уделено тем проблемам, которые и сейчас остаются спорными, а также находкам, которые удалось сделать в последние годы.

ЖИЗНЬ ГЕРАСИМА ЛЕБЕДЕВА

Туманная юность

На заре туманной юности…
А.В. Кольцов

Трудно сказать, что имел в виду поэт: то ли заря его юности была туманной, то ли сама юность. Но применительно к Г.С. Лебедеву приходится сказать, что и юность его, и молодость до появления в 1777 г. в Вене скрыты от нас в непроницаемом тумане. Достоверно известно только то, что он родился в 1749 г.[33] Отец его был священником. Как уже говорилось, в формулярном списке 1803 г. Лебедев утверждал, что «происходит из древней благородной священнической фамилии Лебедевых», а в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» писал, что его происхождение — «от рода духовного, купно и благородно» [Русско-индийские отношения 1965: 541]. Иными словами, Лебедев хотел сказать, что предки его были священниками, но по происхождению дворянами. Такое было вполне возможно: например, знакомый Лебедева по Лондону священник православной церкви при русском посольстве Я.И. Смирнов (Линицкий) был в состоянии, когда возникла необходимость, доказать свое благородное происхождение, поскольку два его брата, один из которых был протоиереем, были внесены в дворянские родословные книги [Бартенев 1879: 355]. Конечно, фамилия «Лебедев» была особенно распространена среди духовенства [Унбегаун 1995: 169, 175][34]. Но между тем это вообще одна из самых употребительных

[33] По данным формулярного списка 1803 г. ему было 54 года [Куликова 1981: 26], а по списку 1811 г. — 62 [Воробьев-Десятовский 1956: 37], то и другое указывает на 1749 г. Противоречит этому только эпитафия на могиле Г.С. Лебедева, где указан 1747 г., но это можно счесть ошибкой памяти его вдовы, Анастасии Яковлевны Лебедевой (урожд. Мордвиновой).

[34] В романе А. Чудакова дед отвечает на вопрос внука, как в семинарии будущим священникам давали такие фамилии, как Алмазов или Элефантов: «— У нас

русских фамилий [Там же], она встречалась у людей разных сословий и вполне могла быть образованной от прозвища. Версия о происхождении Лебедева из крепостных крестьян (см., напр.: [Grierson 1903: 22–23; Buckland 1906: 248; Ямпольский 1973: 241–242]), восходящая к «Митридату» И.К. Аделунга, не выдерживает критики. Лебедев не мог в «Безпристрастном созерцании» и в служебных формулярах ложно приписывать своим предкам дворянское происхождение, ведь в Петербурге были люди, такие как о. А.А. Самборский, которые, по-видимому, давно знали его семью[35].

Нельзя считать окончательно решенным вопрос о месте рождения Г.С. Лебедева. Большинство авторов, писавших о Лебедеве, считают его уроженцем Ярославля (см.: [Баранников 1946: 462; Гамаюнов 1956: 86; Соловьев 1958: 39; Медведев, Рогова 1960: 11; Медведев 1963: 49; Черновская 2012] и др.). Впервые высказал эту мысль Ф.И. Булгаков [Булгаков 1880: 516], основанием послужила, видимо, фраза из письма Лебедева к А.А. Самборскому[36]: «Я… на отделенном для представления явлениев полу, подобно моему земляку ярославцу Федору Совкову, в Калкуте, будто в Москве, намолевал ширмы в бенгальском вкусе». Полагают, что фамилия «Совков» — результат ошибки памяти Лебедева, в действительности же имеется в виду Федор Волков, основавший в Ярославле первый русский театр (см.: [Воробьев-Десятовский 1956: 37; Антонова 1956: 169; Русско-индийские отношения 1965: 445]). Такое предположение приобретает особую убедительность, если учесть, что в том же письме Самборскому в предшествующем абзаце содержится фраза, бесспорно свидетельствующая о знакомстве Лебедева с жизнеописанием Ф. Волкова в «Опыте словаря российских писателей» Н.И. Новикова [Новиков 1772: 36;

в семинарии говорили: по церквам, по камням, по скотам и яко восхощет его преосвященство. — По скотам — это как? — Лебедев, Павлинов, Единорогов, тот же Элефантов» [Чудаков 2012: 302].

[35] Статья в альманахе С.В. Руссова сообщает, что отец Г.С. Лебедева «принадлежал к Императорской придворной капелле» [Воспоминания 1832: 65] (ср.: [Воробьев-Десятовский 1956: 38; Ямпольский 1973: 242]), но, как уже говорилось, в списках певчих Степана или Стефана Лебедева найти не удалось.

[36] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6077. Л. 40 об. — 53.

Ваняшова 2000: 188]. Добавим к этому, что в том же сочинении Новикова говорится и об учреждении Ф. Волковым в 1759 г. российского театра в Москве [Новиков 1772: 39].

Ряд исследователей, однако, отмечали, что Лебедев писал письмо Самборскому в Калькутте, что «понятие “земляк” на чужбине имеет более широкий смысл» [Землянская 2010: 128] и поэтому «земляк… ярославец» «мог обозначать просто русского человека» (Г.Ф. Фесечко по книге: [Давидсон, Макрушин 1979: 253]). Ссылались и на то, что имени Г.С. Лебедева нет в очень обстоятельной краеведческой работе [Огурцов 1924], где перечислялись многие знаменитые деятели, происходившие из города Ярославля и окрестностей [Воробьев-Десятовский 1956: 37; Давидсон, Макрушин 1979: 253]. Но Герасим Лебедев в Ярославле мог провести разве что свои детские годы, ничем особым не отметясь, а статья Ф.И. Булгакова могла остаться Н.Г. Огурцову неизвестной. Поэтому этот аргумент против ярославского происхождения Лебедева нельзя признать весомым.

Противостоящая гипотеза об украинском происхождении Лебедева (см., напр.: [Ямпольский 1973: 241–242] и Г.Ф. Фесечко согласно книге: [Давидсон, Макрушин 1979: 253]) имеет отправной точкой труд И.К. Аделунга [Adelung 1806: 185] — источник, как мы знаем, ненадежный. Но аргументом, ее подкрепляющим, является наличие у Лебедева явных украинских связей [Вигасин 2008: 38]. Он, как уже говорилось, выехал из России в свите направленного послом (полномочным министром) в Неаполитанское королевство молодого графа Андрея Разумовского, представителя возвеличенной при Елизавете Петровне украинской семьи, сына гетмана Кирилла Разумовского. Не исключено, что представил Лебедева Павлу Петровичу в Париже сопровождавший великокняжескую чету священник А.А. Самборский, которого Лебедев считал своим благодетелем, а отплытию Лебедева из Англии во многом способствовал, по-видимому, другой украинец — священник посольской миссии в Лондоне, воспитанник Самборского Яков Смирнов (Линицкий). Примечательно, что в письме к Самборскому Лебедев называет своего отца не Степаном, а Стефаном, а Я.И. Смирнов в своем письме обращается к Лебедеву как к «Герасиму Стефановичу». То есть в обоих

случаях употреблена форма имени, распространенная в то время особенно на Украине[37]. Весьма возможно, что у Лебедева были какие-то украинские корни. В этой связи интересна уже упомянутая нами в предшествующей главе выдвинутая Н.С. Землянской «промежуточная версия», третья гипотеза: «Г.С. Лебедев происходил из рода священнослужителей Архиерейского дома г. Ростова, представители которого прибыли на службу из южных земель» [Землянская 2010: 129].

При нынешнем состоянии наших знаний нам остается только повторить сказанное В.С. Воробьевым-Десятовским шестьдесят лет назад: происхождение Г.С. Лебедева из Ярославля кажется более вероятным, «хотя вопрос этот и требует дальнейшего выяснения» [Воробьев-Десятовский 1956: 37–38]. Ясность может внести ознакомление с архивными фондами А.А. Самборского и Я.И. Смирнова (Линицкого) в Харькове, с фондами семьи Разумовских, с архивом, если он существует, певческой школы в Глухове. В случае если поиски следов Лебедева и его семьи по этим архивам дадут отрицательный результат, это значительно укрепит ярославскую версию.

В «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» Лебедев сообщает, что на пути его юношеского стремления к познанию мировой культуры было существенное препятствие. Оно состояло в том, что «я до времяни моего путешествия своих национальных словесностей пособиями не довольно был снабден, ибо, хотя произведение мое от рода духовного купно и благородно позволяло мне иметь приличное воспитание, но по насильственному утеснению моего родителя едва мог я по рождении моем в 1749 году чрез пятнадцать лет научиться национальной тогдашнего времени грамоте и случайно музыкальному искусству» [Русско-индийские отношения 1965: 541].

Некоторые индийские исследователи, воспринявшие это высказывание Лебедева через неточный английский перевод, поняли его в том смысле, что он не мог получить должного образова-

[37] Впрочем, в соседнем с Ярославлем городе Ярославского края Ростове издавна существовал храм Святого архидьякона Стефана, вследствие чего имя «Стефан» встречалось в Ростове, очень редкие случаи его употребления засвидетельствованы и в Ярославле [Землянская 2010: 132–133].

ния в результате дурного обращения и притеснений со стороны отца. Из российских авторов сходным образом понимал слова Лебедева автор статьи в альманахе С.В. Руссова [Воспоминания 1832: 65]: «*По небрежению отца* его до пятнадцатилетнего возраста ничему не выучился, кроме российской грамоты и случайно музыки» (курсив мой. — *Я.В.*). Большинство, однако, понимает слова «по насильственному утеснению… родителя» так: Лебедев не мог получить подобающее его происхождению образование потому, что *его отец подвергался* «насильственному утеснению», а потому и вся семья переживала тяжелые времена [Воробьев-Десятовский 1956: 38; Ямпольский 1973: 242; Мамуд 2012: 198]. Предположение о том, что отец Лебедева принадлежал к ростовско-ярославской священнической семье Лебедевых и подвергся гонению со стороны митрополита Арсения Мациевича, ректора духовной семинарии в Ярославле [Землянская 2010: 131–132], остается пока неподтвержденной и довольно смелой гипотезой[38].

Ясно одно: около 1764 г. Герасим Лебедев получил возможность учиться грамоте и музыке. Вопрос в том, где именно проходило его становление как музыканта. Придворную певческую капеллу можно исключить: по данным Г.Ф. Фесечко, в списках певчих с года рождения Лебедева (1749) по 1777 г. нет ни фамилии «Лебедев», ни имени «Герасим» [Давидсон, Макрушин 1979: 253–254]. Единственный Лебедев — Филипп — пел в Придворной капелле в 1784–1793 гг. [Чудинова 1998б: 472], когда Герасима Лебедева в России не было.

Другие возможные варианты требуют дополнительной проверки. В 1764 г. при Академии художеств открылось Воспитательное училище для мальчиков, в котором обучали и музыке [Петровская

[38] Дата смещения с должности и высылки Мациевича приблизительно совпадает с окончанием «насильственного утеснения» семьи, а окончательно погубил митрополита донос некоего иеродьякона Иоасафа Лебедева. По предположению Н.С. Землянской, гонения заставили отца Г.С. Лебедева оставить семью и уехать на заработки в Петербург, где он «поступил в придворную капеллу гр. К.Г. Разумовского» [Землянская 2010: 133]. После падения Мациевича, в 1763–1764 гг. семья могла переехать в Петербург. Интересно, что с домом Разумовских связывал отца Лебедева, правда, в качестве священника, и Г.Ф. Фесечко [Давидсон, Макрушин 1979: 254], а также Хаят Мамуд [Мамуд 2012: 105].

1996]. Правда, отдельных музыкальных классов не было, были классы-уроки, которые посещали воспитанники живописного, скульптурного и архитектурного классов. Первым преподавателем музыки был (в 1764 г.) И.Е. Хандошкин, обучавший 12 учеников игре на скрипке[39]. За ним последовали А. Бабошин (1765–1769), А. Балахнин (1770–1772), И. Гейст (1773–1775), М. Буини (1774–1777) и Миллер (Мюллер) (1775–1777). Мог ли Лебедев учиться в музыкальных классах Академии художеств? В принципе мог, если учесть, что при перестройке арендованного дома под театр и при собственноручной раскраске декораций он проявил некоторые архитектурные и художественные навыки. Однако в свое время историей музыкальных классов при Академии художеств активно занимался Г.Ф. Фесечко, автор монографии о И.Е. Хандошкине [Фесечко 1972] и статьи о двух воспитанниках училища, ставших композиторами [Фесечко 1966]. Вряд ли имя Лебедева, будь оно в списках, могло пройти мимо его внимания. Но проверить стоит.

Обучали музыке также в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (размещался в бывшем дворце А.Д. Меншикова и прилегающих зданиях на Васильевском острове). Принимали туда не только дворян (шляхетство), но и простолюдинов разных категорий, причем последних обучали именно музыке, готовя из них исполнителей-оркестрантов, полковых капельмейстеров, учителей музыки для корпуса и других учреждений [Петровская 1999]. С Академией художеств Кадетский корпус состоял в отношениях взаимовыгодного обмена: из академии переводились в Кадетский корпус воспитанники, не успевающие в художествах, но склонные к наукам [Петровская 1996: 20]. Из корпуса в академию передавали воспитанников, наиболее способных к искусствам, в том числе и к музыке [Петровская 1999: 117].

Учитывая успешную деятельность Лебедева впоследствии по созданию в Индии своего театра, не лишним будет отметить здесь, что в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе воспитанников обучали драматическому искусству, преподавателем был молодой И.А. Дмитревский — ярославец, соратник Федора Волкова,

[39] Заметим, что вторым инструментом у Г.С. Лебедева была скрипка.

в 1760-х — уже первый актер России, пропагандист театрального дела, педагог. Учащиеся Кадетского корпуса постоянно участвовали в драматических спектаклях [Рыцарева 1979: 34, 36].

С точки зрения «украинской гипотезы» немаловажным может оказаться тот факт, что в 1763 г. в Малороссию был направлен для поиска новых певчих Р. Богданович. Конечно, мы знаем, что певчим Придворного хора Лебедев не стал, но в его возрасте мутация могла пройти неудачно, а «спавших с голоса» певчих в случае наличия у них выдающихся музыкальных способностей нередко отдавали на обучение педагогам-инструменталистам [Фесечко 1972: 24; Чудинова 1998а: 462, 463–464].

Так или иначе, а около 1764 г. «утеснение» семьи прекратилось, Герасим начал заниматься музыкой и выучился читать. О последующих годах сам он пишет в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» только то, что испытывал «ревность к обозрению света, к усовершению природных моих склонностей», но при этом «до времяни моего путешествия своих национальных словесностей пособиями не довольно был снабден» [Русско-индийские отношения 1965: 541]. Автор статьи в альманахе Руссова интерпретирует это следующим образом: «К наукам и паче к путешествиям имел он страстную охоту, но в течение 20 лет, кажется, ничего не мог сделать, как только читать книги по предмету им желаемому» [Воспоминания 1832: 65–66].

Что за книги он мог читать? В «Предуведомлении» упомянуты труды М.В. Ломоносова, П.С. Палласа и А.С. Агафонова, однако книгу последнего [Агафонов 1788] он мог прочесть только после своего возвращения в Россию. Интересуясь книгами о путешествиях, он мог еще до отъезда за границу ознакомиться с первой частью дневников П.С. Палласа [Паллас 1773], но это, как и то, что Лебедев мог до отъезда читать Ломоносова, остается неподтвержденным предположением.

Зато с полной уверенностью, после открытия М.Г. Ваняшовой [Ваняшова 2000: 188], мы можем сказать теперь, что Лебедев до отъезда читал «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова [Новиков 1772]. И это позволяет нам уже определеннее судить о круге чтения молодого Лебедева. Заметим, что использование им, например, в письме из Индии

А.А. Самборскому таких выражений, как «общее благо», «полезный для общества член», и заявление его о том, что все свои труды он предпринимал, чтобы «не друзей только российских обществ и человеческого рода позабавить, а больше для пользы возрастающих во обширно цветущей России» [Русско-индийские отношения 1965: 444], свидетельствует о том, что он читал, скорее всего, просветительскую литературу, которая была в ту пору представлена прежде всего изданиями того же Н.И. Новикова (помимо вышеупомянутой книги, это журналы «Трутень» и «Живописец» и другие издававшиеся в Петербурге). Как мы вскоре убедимся, принесенное Лебедевым в Индию представление о том, что эта страна есть прародина человечества и что в индийской религии сохраняется божественное Откровение, данное Богом Адаму, тоже характеризует его как человека, воспитанного на идеях Просвещения. Не случайно позднее, в письме Александру Первому, написанном вскоре после возвращения на родину, он употребляет именно это слово, говоря о своих годах учения: «Творцем всяческого рожденное в чувствиях моих желание от младенчества вело меня в жизни разными путями к просвещению» [Русско-индийские отношения 1965: 492].

В конце концов усилия Лебедева по совершенствованию в музыке и самообразованию были вознаграждены. Как он сам писал, «с одной стороны, воспламеняемая ревность к обозрению света, к усовершенствованию природных моих склонностей и к снисканию для меня, как и для соотчичей моих, полезнейших сведений, с другой стороны, очевидный Всевышнего Правителя судеб промысел невозможное для человека сделали возможным» [Русско-индийские отношения 1965: 541].

В Вене

В начале 1777 г. Г.С. Лебедев выехал за границу в свите молодого графа Андрея Кирилловича Разумовского, который был направлен послом («полномочным министром и чрезвычайным посланником») в Неаполитанское королевство. Это посольство, как писал Лебедев, «доставило случай выполнить охоту моего странствования». Вот только Лебедев почему-то указал, что это произошло в 1775 г. Здесь явная ошибка, так как в 1775 г. Андрей Кириллович Разумовский, племянник фаворита Елизаветы Петровны Алексея Разумовского, блистал в Петербурге при императорском дворе, где сам выступал в роли фаворита великой княгини Натальи Алексеевны, первой жены цесаревича Павла Петровича. А следующий, 1776 г., после смерти при родах великой княгини и скандала, вызванного обнаружением писем к ней Разумовского, молодой граф провел в ссылке, сначала в Ревеле, а потом в семейном гнезде Разумовских, гетманской столице[40] Батурине, на севере Украины. Указ о его назначении в Неаполь был издан 1 января (по старому стилю) 1777 г. [Васильчиков 1882: 51]. Известно также, что по своему назначению А.К. Разумовский выехал прямо из Батурина: сначала в Варшаву, а затем в Вену. Выехал ли и Лебедев из Батурина вместе с ним?

Удивляет последовательность, с какой Лебедев указывал в документах 1775 г. как дату своего отъезда из России. В формулярном списке 1803 г. («Автобиографии») сказано: «В 1775 г. отправился я в чужие краи на собственном иждивении» [Куликова 1981: 26; 2001: 13]. Ту же дату начала своих странствий «на своем иждивении» привел Лебедев и в 1816 г., в прошении на имя возглавлявшего Министерство иностранных дел К.В. Нессельроде [Русско-индийские отношения 1965: 510]. Можно, конечно, предположить, что Лебедев действительно выехал за границу в 1775 г. и только присоединился к А.К. Разумовскому уже в Вене, но пу-

[40] Отец князя Андрея, Кирилл Григорьевич Разумовский, по происхождению простой днепровский казак, возвеличенный вместе с братом Елизаветой Петровной, был последним гетманом Украины (1750–1764).

тешествовать по Европе «на собственном иждивении» сын бедного священника никак не мог. Здесь придется сделать еще одно ничем не подкрепленное предположение: его отправили на учебу за границу те же Разумовские или какие-то иные состоятельные покровители.

Зачем же Лебедев по возвращении в Россию начинает в официальных документах утверждать, что путешествовал по европейским странам за свой счет? Здесь ответ более или менее ясен. С 1802 г. он чиновник Коллегии иностранных дел, по именному указу императора Александра I возведенный сразу в ранг коллежского асессора, минуя шесть предшествующих рангов, что давало ему возможность при повышении в следующий чин — надворного советника (что и случилось в 1811 г.) обрести дворянское достоинство. Скорее всего, именно поэтому Лебедев теперь и избегает всякого упоминания в официальных бумагах о том, что некогда он, как музыкант, состоял в услужении у графа А.К. Разумовского. Вопрос же о том, выехал ли он за границу еще в 1775 г., а если нет, то по какой причине указывал везде неправильную дату, остается открытым.

Второй после года рождения достоверной датой в биографии Г.С. Лебедева все-таки можно считать только 1777 г., когда он является на свет истории в Вене, состоя при посольстве А.К. Разумовского (возможно, в составе капеллы или собственного оркестра графа). Посольству пришлось задержаться в Вене на длительное время, как писал Лебедев в «Предуведомлении», «по причине военных действий Венского двора с Прусским» [Русско-индийские отношения 1965: 541]. Биограф А.К. Разумовского называет иную причину: церемониал предполагал обмен послами, но назначение и отъезд неаполитанского посланника задержались более чем на два года [Васильчиков 1882: 55]. У Лебедева сказано, что поскольку посольство «оставалось тогда в Вене более года, то я и решился продолжать из Вены странствование свое на собственном моем иждивении, надеясь, что музыкальное мое искусство может доставить мне пропитание». Отсюда можно заключить, что Лебедев провел более года в Вене, при Разумовском, прежде чем пустился странствовать за свой счет. Начальные средства для этого он, по-видимому, заработал службой у А.К. Разумовского.

Столь длительное пребывание в Вене, в то время одной из музыкальных столиц мира, едва ли могло пройти бесследно для Лебедева. Граф Андрей Разумовский был сразу же принят высшим венским обществом, несмотря на то что иностранцев в этот круг допускали редко. Но сказалась, возможно, его репутация красавца и ловеласа, а кроме того, его ввел в венское общество российский посол князь Д.М. Голицин, который за 12 лет жизни в Вене давно стал для местной аристократии «своим». Разумовский вел здесь светскую жизнь, полную удовольствий, одним из которых для него с юных лет была музыка. Он и сам неплохо играл на скрипке. Уже в первые дни своего пребывания в Вене [Васильчиков 1882: 58] Разумовский оказался вхож в знаменитый аристократический салон графини Марии-Вильгельмины фон Тун-Гогенштейн (1744–1800). У семьи Тунов были давние связи с выдающимися людьми искусства, они поддерживали Глюка, Гайдна, Моцарта и Бетховена, отец Моцарта, Леопольд, был капельмейстером в доме свекра Марии-Вильгельмины, графа Йоганна Йозефа фон Туна, там же родился и провел детские годы сам Вольфганг Амадей Моцарт. Все три дочери Марии-Вильгельмины, тогда еще девочки-подростки, усердно занимались музыкой и стали со временем лучшими исполнительницами из числа венских аристократов-любителей. Именно общая страсть к музыке способствовала уже в этот первый приезд Разумовского в Вену его сближению с семейством Тунов [Васильчиков 1882: 455: Івченко 2004: 46–47], с которым через десять лет вернувшийся в Вену граф породнился, женившись на старшей из дочерей — Елизавете.

Вряд ли можно сомневаться в том, что музыканты, приехавшие с Разумовским в Вену, играли как в гостиной Марии-Вильгельмины Тун, так и в других аристократических домах, известных своей любовью к музыке (например, связанные с семьей фон Тунов семьи Лобковицев, Лихновских и Эстергази). Именно здесь, по-видимому, Лебедев по-настоящему проявил себя, обрел опыт выступлений перед знатной европейской публикой и уверенность в том, что способен сам добыть себе средства на жизнь своим музыкальным искусством.

После года жизни в Вене Лебедев, стремившийся к новым знаниям и впечатлениям, решился отпроситься у Разумовского

и пуститься в странствие по Европе в одиночку. Насколько уважительно относился к нему А.К. Разумовский, видно из того, что он не просто отпустил музыканта, но и оказал ему максимально возможное содействие. В «Предуведомлении» Лебедев пишет об этом так: «Сию отважную мою и предприимчивую мысль <…> подкрепили рекомендательными письмами находящийся при Венском дворе российский посол князь Голицын[41] и <…> граф Разумовский; посредством оных имел я случаи при многих европейских дворах удостоиться от великих владетельных и прочих высоких особ благоволения» [Русско-индийские отношения 1965: 541].

Итак, в 1778 г. началось самостоятельное путешествие Г.С. Лебедева по Европе. Почти все, что мы знаем о его маршруте, это слова из формулярного списка 1803 г.: «странствовал в Австрии, Голландии и Англии до 1782 года» [Куликова 1981: 26; 2001: 13]. Наиболее важна здесь информация о том, что Лебедев приехал в Париж («на собственном коште в 1782 г. был в Париже» [Там же]) из Англии. Это значит, что он был знаком с Я.И. Смирновым (Линицким), священником посольской церкви в Лондоне, воспитанником А.А. Самборского, еще до поездки в Париж.

Уточнение маршрута Лебедева дает рекомендательное письмо князя Александра Борисовича Куракина, адресованное графу С.Р. Воронцову и данное им Лебедеву 29 августа 1782 г. В нем, в частности, сказано:

> Похвальное желание знания свои в музыке распространить и в оной учинить себя способнея, было причиною, что он отечество наше покинул. 4 годы уже употребил он в достижени[и] до сего предмета в некоторых городах Немецкой земли и в Лондоне, а теперь намерен он еще год употребить в Итальи [Русско-индийские отношения 1965: 487].

[41] Князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793) — на протяжении 32 лет чрезвычайный посол России при венском дворе, оставивший по себе в Вене добрую память (его именем даже была названа улица). Любитель музыки, меценат, покровитель юного Моцарта [Климовицкий 1998: 226, 227].

Отсюда мы можем заключить, что в числе «многих европейских дворов», упоминаемых Лебедевым в «Предуведомлении», были дворы некоторых германских княжеств. Письмо Куракина содержало просьбу к С.Р. Воронцову, который в 1782 г. возглавлял российскую дипломатическую миссию в Венеции, посодействовать Лебедеву в Италии. Но, судя по всему, до Италии Лебедев не добрался. Иначе он там и передал бы письмо С.Р. Воронцову, а не в Лондоне, по возвращении из Индии, 17 лет спустя.

Париж и встреча с «графом Северным»

С какой целью Г.С. Лебедев приехал в 1782 г. в Париж? В Лондоне он несомненно общался с Я.И. Смирновым, в обязанности которого входило помогать всем приезжающим русским, человеком, искушенным в дипломатии и политике (см. о нем: [Александренко 1897: 425–428 и др.; Орлов 2005: 45–78; 2008]). Поэтому вряд ли случайным совпадением явился приезд Лебедева в Париж именно в тот год, когда ожидалось появление здесь «графа и графини Северных» (Le comte et la comtesse du Nord), т.е. цесаревича Павла Петровича с супругой. Есть, правда, другая версия, восходящая, по-видимому, к не найденной до сих пор статье Г.Ф. Фесечко: Лебедев был в первую очередь вокалистом, но «в Париже потерял голос из-за дурной медицинской помощи. Потом только играл на виолончели» [Давидсон, Макрушин 1979: 251]. Исходя из этого Лебедев мог приехать в Париж либо для того, чтобы петь в концертах, либо для лечения. Но до тех пор, пока не выявлен источник, который использовал Г.Ф. Фесечко, и не найдена его собственная рукопись, мы не вправе принимать эту информацию во внимание.

Самого же Лебедева можно понять так, что он, если не приехал специально для встречи с наследником русского престола, то получил аудиенцию у него сразу после приезда: «По прибы-

тии же моем в Париж 1782 года в майе месяце был я представлен к высочайшим путешественникам, именовавшимся тогда графом и графинею Северными, вечно достойной памяти Государю Императору Павлу Петровичу и ныне благополучно здравствующей Государыне Императрице Марии Федоровне» [Русско-индийские отношения 1965: 541].

Встреча с «графом Северным» и людьми из его ближайшего окружения сыграла в судьбе Лебедева исключительно важную роль. Она задала направление всей его дальнейшей деятельности. Словами об этом Лебедев начинает обращение к императору Александру I, предваряющее рукопись, озаглавленную «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания арифметики, называемой Нам мата, сокращенно Намта, или Гунона, на шомскрито, бенгальском и российском языках» (первый том «Арифметических таблиц», 1816 г.).

> Всемилостивейший Государь!
>
> Блаженныя и вечнодостойныя памяти Вашего Императорского Величества Родитель, с неизреченным для меня Монаршим благоволением, в 1782м году путешествуя по Европе, во время пребывания своего в Париже, Всемилостивейше одобрив мое предприятие странствовать для снискания соразмернаго моим дарованиям просвещения в пользу Отечества, соизволил объявить мне Монаршую волю, чтоб ехал в Восточную Индию, в которой я не своем иждивении прожил 14 лет в безпрестанном выведывании от Брамгенов всего того, что восточная Индия в отношении учености имеет сокровеннаго и любопытнаго для просвещеннаго ума. Главным для меня предметом было проникнуть там во нравы жителей, а с тем вместе приобрести нужныя сведения в их языках и учености, в чем и получил посильный успех [АВ ИВР РАН. Ф. 90. № 2 — 1226/2].

Здесь со всей определенностью сформулированы три важнейших положения.

Во-первых, до своей встречи с цесаревичем у Лебедева была одна цель: «странствовать для снискания соразмернаго моим дарованиям просвещения в пользу Отечества». Это вполне соответствует тому, что он ранее писал в «Предуведомлении»: для

него с юных лет характерна была «ревность к обозрению света… и к снисканию для меня, как и для соотчичей моих, полезнейших сведений».

Во-вторых, Павел Петрович не только одобрил лебедевское «предприятие», но и поставил перед ним конкретную задачу: «соизволил объявить мне Монаршую волю, чтоб ехал в Восточную Индию». То есть именно Павел был инициатором дальней поездки Лебедева.

В-третьих, Лебедев далее указывает цель этой поездки: «проникнуть там во нравы жителей» и выведать все, «что восточная Индия в отношении учености имеет сокровеннаго и любопытнаго для просвещеннаго ума».

Здесь гораздо более конкретно, чем ранее, в «Предуведомлении», сказано, что Лебедева послал в Индию Павел Петрович, наследник российского престола. Туманная фраза в «Предуведомлении»[42] дала в свое время повод Ф.М. Кемп усомниться в том, что Лебедев, намекая Александру, что он, отправившись в Индию, выполнял волю его отца, говорил правду. Она считала это лишь уловкой, с помощью которой Лебедев рассчитывал добиться от императора поддержки своих исследований. Истинным мотивом поездки Лебедева в Индию она считала его стремление хорошо заработать там своим музыкальным искусством [Kemp 1958: 169–170]. Поскольку книга Ф.М. Кемп оказала большое влияние на многих индийских исследователей, это ее мнение на раз воспроизводилось. Даже Хаят Мамуд, в отличие от Ф.М. Кемп знакомый с большинством русских источников, пишет в своей книге: «Я никогда не соглашусь с теми исследователями, которые утверждают, будто бы Лебедев направился в Индию с единственной целью пополнить свои знания. Гораздо более убедительным для меня является высказывание в “Меморандуме”, где он пишет о том, что едет в Калькутту “не без честного намерения улучшить свои финансы”. Хотя эти слова и относились непосредственно к переезду

[42] «[Б]лаженныя памяти В.И.В. вселюбезнейший Родитель, с восхитительным для верноподданнаго Монаршим благоволением ободрив мои предприятия к снисканию общеполезных сведений, всемилостивейшее соизволил руководствовать меня достойными Величества своего предначертаниями до самой Восточной Индии» [Лебедев 1805, I].

в Калькутту, но я убежден в том, что при этом он имел в виду поездку в Индию как таковую, в ту самую страну легендарных сокровищ, где горсть пыли чудесным образом могла обратиться в пригоршню золотых монет. Для меня очевидно, что именно эта вполне практическая надежда на быстрое обогащение и явилась главным основанием для его решения отправиться в Индию» [Мамуд 2012: 236]. В примечании к этому месту Х. Мамуд даже выражает согласие «с мнением Джорджа Грирсона (см. «Калькуттское обозрение», октябрь-декабрь 1923 г.), назвавшего его “искателем приключений”. И здесь поклонникам Лебедева нечего стыдиться, ведь это свидетельствует лишь о том, что он был человеком своей эпохи» [Мамуд 2012: 288].

Вышеприведенные высказывания Лебедева убедительно свидетельствуют о том, что он ехал в Индию с целью приобщиться индийской мудрости и учености. Правда, утверждению о том, что предложение ему поехать в Индию исходило от Павла, противоречат некоторые данные в формулярном списке Лебедева («Автобиографии») 1803 г. Там Г.С. Лебедев сообщает, что он прибыл в 1782 г. в Париж, имея план «касательно поездки в восточную Индию, для приобретения сведений как в языках, так и в науках той страны», и что именно этот план удостоился «подкрепления» цесаревича Павла [Куликова 1981: 27; 2001: 14]. Трудно сказать, почему именно в этом документе он заявил о том, что идея поездки с научной целью принадлежала ему, а не исходила от Павла, и было ли это правдой. Может быть, он хотел таким образом придать себе больше веса в глазах новых коллег. Но в любом случае ехал он в Индию именно для изучения языков и культуры страны. И был одним из первых европейцев, наряду разве что с Анкетилем дю Перроном, приехавших сюда из-за океана только за знаниями.

Можно допустить, что мысль о необходимости обогатить европейскую культуру знакомством с культурой индийской Лебедев привез из Англии, где почерпнул ее из кругов, связанных с определенными тенденциями в идеологии Просвещения. В таком случае мы должны признать, что в Париже эта мысль оказалась абсолютно созвучной тогдашнему умонастроению цесаревича Павла Петровича и лиц из его ближайшего окружения, которые, несомненно, и направили Лебедева в Индию. Именно этим лицам пи-

сал Лебедев из Индии письма, подчас похожие на отчеты о проделанной работе. Чтобы понять, какие идеи руководили Лебедевым в его деятельности, нам нужно пристальнее рассмотреть мировоззрение цесаревича Павла Петровича и людей, окружавших его во время заграничной поездки.

В 1781 г. императрица Екатерина II приняла решение отправить сына, цесаревича Павла Петровича, и его вторую супругу Марию Федоровну (до брака — Софию-Доротею-Августу-Луизу, принцессу Вюртемберг-Монбельярскую) в европейское турне по тем странам, которые Екатерина в будущем рассчитывала иметь своими союзниками [Песков 2005: 297]. Это отвечало желаниям молодой четы: Павел горел любознательностью, желанием побывать в европейских столицах, а София-Доротея стремилась повидать свою многочисленную германскую родню. Впервые за долгое время достигнутое взаимное согласие имело следствием то, что Екатерина сама включила в число сопровождавших лиц ряд близких Павлу людей, товарищей его детства и юности. Все это были люди молодые и, как выясняется, объединенные одним общим увлечением. Имя этому увлечению было «масонство».

Вторая половина 1760-х и 1770-е годы — время, когда закончился первый период существования масонства в России. На протяжении этого периода оно оставалось модной забавой, «одним из многочисленных проявлений моды на все европейское, точно таким же, каким было тогда и русское вольтерьянство, другими словами, поверхностным, даже карикатурным повторением чужого» [Новиков 1998: 6]. Показательна характеристика этого периода И.П. Елагина, одного из главных деятелей русского масонства 1770-х годов. Он вступил в общество «свободных каменщиков» еще в юные годы, по собственным его словам, из любопытства и тщеславия: «[Д]а буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами и знаками от меня удалены суть. <…> [О]ткрылась мне токмо та истина, что ни я, ни начальники лож иного таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложе шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятные песни реветь и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится празднеством

Вакху» [Новиков 1998: 227–228]. Разочаровавшись в масонстве, И.П. Елагин надолго сделался вольтерьянцем и вернулся в общество «вольных каменщиков» лишь тогда, когда масонское учение обрело глубину и явилось в России «первой нравственной философией», «первым идеалистическим течением русской общественной мысли» [Семека 1915: 125, 135]. Сходный путь от вольтерьянства, насаждавшегося в России Екатериной II, к масонскому идеализму прошли многие мыслители и деятели того времени[43]. «Это был не только эпизод, но этап в истории нового русского общества. К концу семидесятых годов масонское движение охватывает почти весь тогдашний культурный слой» [Флоровский 1988: 115]. По приблизительным подсчетам Г.В. Вернадского, «в годы масонского расцвета (конец 1770-х — начало 1780-х гг.)» в России действовало около ста лож, в которых состояло не менее 2500 человек [Вернадский 1999: 126].

Ближайшие друзья Павла Петровича, сопровождавшие его в путешествии по Европе, были яркими представителями этого преображенного, просвещенного франкмасонства. Впервые обратил на это внимание в связи с мировоззрением Г.С. Лебедева и интерпретацией им индуизма Никита Владимирович Гуров [Гуров 2009; 2013]. Если мы взглянем на список спутников цесаревича в его путешествии, составленный одним из них, капитаном флота С.И. Плещеевым[44], то увидим, что Павла Петровича окружа-

---

[43] Идеология Просвещения имела две основные ветви: материалистически-скептическую (Вольтер, французские энциклопедисты и пр.) и религиозно-мистическую (франкмасонство), которые остро соперничали между собой. Екатерина II, вопреки обывательскому мнению, преследовала масонов не как поборница православия, а как ученица Дидро и Вольтера. Историк-масон князь М.М. Щербатов писал о Екатерине II, что мораль ее основана на учении «новых философов», а не «на твердом камне закона Божьего» [О повреждении нравов в России 1984: 79; Новиков 1998: 13].

[44] ОР РНБ. Ф. 487. Собрание рукописей Н.М. Михайловского. № 89. «Тракты в Европейских областях для Путешествия их Императорских величеств государя Великого Князя и государыни Великой Княгини, приемших (принявших?) инкогнито имя графа и графини Северных, собранные и поднесенные флота капитаном Сергеем Плещеевым, 1781–1782». Л. 1 об.: Имена составляющих свиту ИИВ. Биографические сведения о лицах, официально составлявших свиту цесаревича, см. в статье: [Зотов].

ли в основном его друзья и ровесники. Из них князь Александр Борисович Куракин, 30 лет, друг детства Павла, племянник его наставника Н.И. Панина, — масон с юности, шотландский мастер в Великой английской ложе И.П. Елагина, в 1777 г. был послан в Швецию для «нотификации» короля Густава III о бракосочетании Павла Петровича с принцессой Софией-Доротеей. Из Стокгольма он привез в Петербург конституцию для введения шведской системы масонства, в результате в 1778 г. был основан Капитул Феникса, иначе называвшийся Великой национальной ложей шведской системы. Какое-то время А.Б. Куракин был мастером стула в подчиненной этому капитулу петербургской ложе св. Александра [Семека 1915: 150–151; Шумигорский 1915: 140]. Некоторые историки считают его главой «шведского» масонства в России [Сорокин 2005: 24][45]. Влияние А.Б. Куракина на Павла в это время было очень велико: Павел называл его своей «душой» [Шумигорский 1907: 89; 1915: 139].

Капитан флота (и будущий адмирал) С.И. Плещеев, 30 лет, был посвящен в масоны в 1772 г. в Ливорно (Италия), в 1776 г. — член ложи Озириса в Петербурге, впоследствии розенкрейцер [Серков 2001: 546–647, 956, 969, 993], с 1787 г. прилагал усилия к тому, чтобы сблизить Павла с кружком Н.И. Новикова [Лепехин 1999а]. По возвращении из поездки с великокняжеской четой издал «иждивением сочинителя» в типографии Императорской Академии наук «Начертание» их путешествия, представляющее собой точное описание их маршрута по дням, с указанием тех мест или домов, где они останавливались [Плещеев 1783].

Два других спутника «графа и графини Северных», близких Павлу по возрасту: полковник Христофор Иванович Бенкендорф (1749–1823), женатый на подруге детства Марии Федоровны, приехавшей вместе с ней из Монбельяра, и камер-юнкер Ф.Ф. Вадковский, тогда двадцати пяти лет от роду, по-видимому, тоже не были чужды масонству и являлись близкими друзьями Павла Петровича. Об отношении к масонству близкого к Павлу по возрасту князя Николая Борисовича Юсупова (1750–1831), бо-

[45] О масонской деятельности А.Б. Куракина см. более подробно в: [Смольянинов 1899: VI–IX].

гача, коллекционера и мецената, содействовавшего Екатерине II и Павлу Петровичу при покупке произведений искусства, сведений нет. Судя по тому, что по возвращении из поездки он был отправлен Екатериной в почетную ссылку — посланником в Турин, а Павел, став императором, сделал его министром уделов, Юсупов в 1782 г. был скорее «человеком Павла», чем «человеком Екатерины». Из старших членов свиты «человеком Екатерины», чьей задачей было присматривать за Павлом, являлся, скорее всего, генерал Николай Иванович Салтыков (1736–1816), сменивший в 1773 г. в заведовании великокняжеским двором учителя Павла, дипломата и масона Никиту Ивановича Панина.

Зато другой из старших спутников Павла, духовник Павла и Марии Федоровны во время их европейского вояжа священник Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815), заслуживает нашего особого внимания. В 1765 г. Екатерина II приветствовала создание Вольного экономического общества, одной из задач которого она видела внедрение передовых агрономических знаний и технологий в отсталое сельское хозяйство России. Выпускник Киевской духовной академии Андрей Самборский попал в группу перспективных будущих сельских пастырей, отправленных в Англию для изучения агрономии, с тем, чтобы потом они могли проповедовать агрономические знания в русских деревнях. В 1769 г. рукоположен в священнический сан (для этого вызван в Петербург) и утвержден настоятелем Русской православной церкви при посольстве. На протяжении следующих десяти лет Самборский, помимо отправления церковной службы, должен был также помогать многочисленным приезжим из России устроиться на учебу, найти жилье, приспособиться к местным условиям, познакомиться с достопримечательностями и жизнью Лондона[46]. Осенью 1779 г. о. Андрей Самборский вернулся в Россию, мечтая о создании на родине агрономической школы. В 1781 г. он издал в Университетской типографии Н.И. Новикова «Описание практического аглинского земледелия, собранное из разных аглинских писателей Андреем Афанасьевичем Самборским, протоиереем, находящимся при Российском посольстве в Лондоне».

[46] Подробнее о нем см. в кн.: [Cross 1980: 39–44 ff.; Кросс 1996: 53–59 и сл.].

А.А. Самборский также развил активную деятельность в Вольном экономическом обществе, но в 1782 г. императрица повелела ему сопровождать в качестве «капеллана» и духовника «графа и графиню Северных».

Поскольку по возвращении в Россию Екатерина II наградила Самборского особенным крестом из синей финифти, осыпанным бриллиантами, на голубой ленте, высказывалось предположение, что ему, возможно, было поручено следить за действиями Павла и его окружения [Зотов]. Однако, как нам удалось установить, Самборский в свите Павла Петровича вряд ли играл роль «человека Екатерины». По своему мировоззрению он в те годы был близок к кружку окружавших Павла молодых вольнодумцев. Есть факты, свидетельствующие о том, что он во время пребывания в Англии, по-видимому, участвовал в деятельности английских масонских лож и приобщал к ней приезжих русских — гостей посольства[47]. Кроме того, статья в «Русском гуманитарном энци-

[47] В 1774 г. граф Н.С. Мордвинов, в будущем адмирал и видный государственный деятель, а тогда морской офицер, был послан для учебы в Англию [Захарова 2013: 148]. Там ему много помогал А.А. Самборский, передавший ему, в частности, страсть к занятиям правильным земледелием, которое позднее Н.С. Мордвинов и практиковал в своих имениях, а также распространял через Вольное экономическое общество. Через несколько лет вернувшись на родину, Мордвинов писал Самборскому в Лондон с просьбой прислать оставленные им там «украшения». При этом, по-видимому в целях «конспирации», он переходит отчасти на английский: «Украшения мои, the Ruband & the Worshiper of God & the Citizen of the World, пришлите consi(g)ned to Mr Hynam; I will go here in my glory" [РО ИРЛИ РАН. Ф. 620. № 127. Л. 4 об.]. Через месяц в другом письме Мордвинов просил прислать «мои украшения of Royal Archer», т.е. масона высокой степени, «Королевской арки» или «Царственного свода» (см. о ней: [Пятигорский 2009: 167–208; Кузьмишин 2016: 176–184]). Э. Кросс считал эти строки свидетельством принадлежности Мордвинова к братству, он предположил также, что the Ruband — это название книги, а прочее не комментировал [Cross 1980: 268, 315]. Следует, однако, учесть, что главным украшением — «Драгоценностью» (Jewel) посвященного «компаньона» ордена Королевской арки была носимая на особой ленте золотая медаль. Она представляла собой два вписанных в круг переплетенных треугольника, на одном из которых имелась латинская надпись "inventimus cultor dei civis mundi", ее традиционный английский перевод: "We have found the Worship of God, o Citizen of the World" [Perfect Ceremonies 1907: 63]. Таким образом, Н.С. Мордвинов, чтобы затемнить смысл для непосвященных, косвенно называл главную орденскую эмблему, цитируя (правда, не совсем точно) надпись

клопедическом словаре» называет «свящ. А.А. Самборского, долгое время жившего в Англии и женатого на англичанке», в числе известных масонов в царствование Александра [Русский гуманитарный энциклопедический словарь 2002, II: 431], из чего видно, что А.А. Самборский по крайней мере какое-то время оставался «вольным каменщиком» и по возвращении на родину. Есть, впрочем, основания полагать, что гораздо раньше, скорее всего, после разгрома Екатериной розенкрейцерского кружка Н.И. Новикова в 1792 г., он дистанцировался от прежних единомышленников.

Фигура А.А. Самборского важна для нас еще и в том отношении, что он вернулся в Лондон в июле 1784 г. и находился там до осени [Cross 1980: 42]. Таким образом, он вполне мог посодействовать Г.С. Лебедеву в подготовке его поездки в Индию. Оказавшись в тяжелой ситуации, Лебедев писал ему 8 мая 1797 г. из Индии: «Благоприятство твое прежнее позволяет мне искать твоего нового дружества» [Русско-индийские отношения 1965: 444]. Из этого же письма следует, что Самборский знал семью Лебедева, поскольку тот просит его как «доброго пастыря» «призреть родственников моих», перечисляя их при этом по именам [Там же: 449].

А что же можно сказать об отношении к учению вольных каменщиков самого Павла Петровича — человека, который то ли велел Лебедеву ехать в Индию, то ли благословил его на это предприятие? Прямых свидетельств о членстве наследника русского престола в масонском братстве не сохранилось. Если во время гонений на масонов в 1792 г. в массовом порядке уничтожались куда более безобидные документы из архивов лож, то что говорить о документах, столь опасных и копрометирующих! Существуют, однако, многочисленные косвенные данные, делающие принадлежность Павла к масонству в годы до и во время его заграничной

на ней; слово “Ruband”, возможно, является условным обозначением священной ленты — Ribbon. Для того чтобы понять смысл иносказания, А.А. Самборский должен был и сам, разумеется, быть членом ордена. «Мистер Хайнем» — английский друг А.А. Самборского, устроенный им на должность придворного часового мастера в Санкт-Петербурге. Слова «I will go here in my glory» выражают намерение Мордвинова покрасоваться в эмблеме «Королевской арки» перед «братьями» в российских ложах.

поездки в большой степени вероятной. Масонами великий князь был окружен с детства: это его воспитатель и руководитель граф Никита Иванович Панин, и его брат граф Петр Иванович Панин — «великий поместный мастер масонского ордена в России», и помощник Панина при воспитании Павла Т.И. Остервальд, это также родственники Панина, князья Н.В. Репнин и Г.П. Гагарин (см. о нем: [Сучков 2002]), оба видные масоны, а также вышеупомянутый А.Б. Куракин, который «несомненно посвятил его (Павла. — *Я.В.*) в таинства масонства и содействовал окончательному обращению его в вольные каменщики» [Шумигорский 1915: 138–139]. Посвящение Павла, по одной из версий, состоялось в 1776 г., когда он ездил в Берлин, чтобы познакомиться с невестой, Софией-Доротеей, подданной короля Пруссии. Там он встретился с наследным принцем, Фридрихом-Вильгельмом, ревностным масоном, которому вскоре (в 1787 г.) предстояло стать королем, и с дядей своей невесты, принцем Фердинандом, который был главой прусского масонства[48]. Именно принц Фердинанд как будущий родственник устроил для наследника русского престола особо торжественный прием в своем замке Фридрихсфельде, где, согласно данной версии, и состоялось посвящение Павла [Соколовская 1908: 89; Шумигорский 1915: 140; Проскурина 2003: 171; Сорокин 2005: 27–28]. Этот вариант считает наиболее вероятным авторитетнейший исследователь русского масонства А.И. Серков [Серков 2001: 993].

Согласно другой версии, Павел вступил в масонскую ложу в начале их с Марией Федоровной европейского путешествия: в ноябре-декабре 1781 г. в Вене, куда они приехали в связи с предстоящим бракосочетанием сестры великой княгини Елизаветы с эрцгерцогом Францем и где по этому поводу собралась вюртем-

[48] У принцессы Софии-Доротеи (Марии Федоровны) были, по-видимому, широкие масонские связи по линиям родства. В частности, мать Софии-Доротеи лично знала и была последовательницей Сен-Мартена, главы ордена мартинистов [Захаров 2007: 220–221; Глаголева 2012: 97]. Г.В. Вернадский предполагал, что именно эти связи и побудили Н.И. Панина выбрать принцессу Софию-Доротею в невесты наследнику русского престола [Вернадский 1999: 121; Сорокин 2005: 26]. В таком случае Мария Федоровна должна была играть значительную, если не главную роль в воздействии на Павла его масонского окружения.

бергско-монбельярская родня. Есть сведения о том, что цесаревич по крайней мере посещал там собрание масонского братства ([Серков 2001: там же]; см. также: [Engel 1906: 193]).

Многие исследователи полагают, что, скорее всего, Павел Петрович принял масонское посвящение на родине, в России. Это предположение основывается на сообщении В.И. Семевского: «В записке особенной канцелярии министерства полиции есть известие, будто бы цесаревич Павел был “келейно” принят в масоны сенатором Елагиным в собственном его доме в присутствии гр. Панина и будто бы он участвовал в масонских собраниях во время своего путешествия по Германии» [Семевский 1908: 11; Соколовская 1908: 92]. Произошло это, как полагают, после возвращения А.Б. Куракина из Стокгольма и визита в Петербург шведского короля-масона Густава III, которому русские «вольные каменщики» оказали восторженный прием. В этот момент под влиянием Н.И. Панина и А.Б. Куракина[49] Павел будто бы и принял решение вступить в орден. О записке, цитировавшейся В.И. Семевским, Е.С. Шумигорский писал: «Это известие кажется нам самым правдоподобным среди других версий о вступлении Павла Петровича в масонское братство уже потому, что вступление это действительно произошло и должно было произойти втайне и не за границей, а именно в России, среди русских людей, чем устранялось всякое толкование об иностранных влияниях. Вероятнее всего также, что событие это совершилось вскоре после отъезда шведского короля из Петербурга, летом 1777 года, и во всяком случае не позднее 1779 года» [Шумигорский 1915: 142]. Склоняются к этой версии о «русском эпизоде со шведскими корнями» и некоторые современные исследователи ([Проскурина 2003: 171]; ср. также: [Песков 2005: 379–381]).

У этой версии есть только одно слабое место. Записки, на которую, не указывая места ее хранения, ссылался Семевский, больше никто не видел. Если она существовала, то могла быть документом только гораздо более позднего времени. По данным

[49] Согласно записке, содержащейся в деле Н.И. Новикова, герцог Гессен-Кассельский в письме к главе московских масонов Шварцу писал в 1782 г., что «князь Куракин употреблен был инструментом по приведению великого князя в братство» [Шумигорский 1915: 141–142].

Ю.А. Сорокина, «министерство полиции как центральное административно-полицейское учреждение существовало в 1810–1819 гг.», его «особенная канцелярия» действительно осуществляла надзор за деятельностью масонских лож [Сорокин 2005: 36].

В статье Ю.А. Сорокина «Павел I и “вольные каменщики”» высказывается сомнение в том, что Павел был масоном и вообще разделял когда-либо масонские взгляды [Сорокин 2005]. Аргументами здесь являются отсутствие документов, прямо засвидетельствовавших принадлежность Павла к масонству (они, как уже говорилось, и не могли сохраниться), отрицание Павлом своей принадлежности к масонству во время следствия по делу Н.И. Новикова в 1792 г. (а зачем было цесаревичу признавать себя масоном, если он, скорее всего, отошел от масонства вскоре после возвращения из зарубежной поездки и высылки из Петербурга его друзей — А.Б. Куракина и С.И. Плещеева) и, наконец, настороженное отношение Павла к масонству в годы его царствования. Последний аргумент основан на подразумеваемом допущении, что мировоззрение Павла на протяжении всей жизни не менялось. Став императором, он, как известно, на следующий день после смерти Екатерины освободил Н.И. Новикова, затем амнистировал всех пострадавших по делу 1792 г., приблизил к себе А.Б. Куракина, видных масонов — князя Н.В. Репнина, князя Г.П. Гагарина и И.В. Лопухина. Правда, вскоре он к ним охладел. Масонов Павел I не преследовал, но и не поощрял, он явно утратил интерес к их учению и, более того, с неприязнью относился к новым его формам: иллюминатству и всякого рода «политическому масонству». Но это не значит, что прежде он не увлекался масонством, а главное, что и в свои поздние годы он не сохранил верность некоторым идеям, привитым ему масонством.

Нельзя не согласиться с А.М. Песковым, отметившим, что «масонские реминисценции можно наблюдать в коренных нравственных императивах Павла (честность, справедливость, верность), в его мистических прорицаниях и в его страхах смерти (*помни о смерти* — масонский призыв, лежащий в основе самоусовершенствования)» [Песков 2005: 281]. Мне представляется наиболее важным то, что, став императором России, Павел реализовал тот

самый идеал, к которому его направляли масоны — идеал «святого царя», царя-первосвященника[50].

Русские цари и до Павла I имели особый статус в русской церкви. Они, подобно византийским императорам, имели право причащаться вместе со священнослужителями в алтаре, входя в него «царскими дверями»[51], в которые «вообще могут входить лишь священнослужители и только в определенные моменты богослужения» [Успенский 1998: 175]. Но это не делало императора чином в духовной иерархии, просто в таинстве помазания над ним совершалось особое освящение, дававшее ему право на вышеупомянутое преимущество, которым могут пользоваться далеко не все духовные лица (см.: [Зызыкин 1924: 174; Успенский 1998: 175–176]).

Павел Петрович еще задолго до воцарения, в 1788 г., вместе с супругой Марией Федоровной, что засвидетельствовано ее подписью, составил акт о престолонаследии. Этот акт был им зачитан на церемонии коронации, 5 апреля 1797 г. Огласив этот акт, в котором российский император объявлялся *главой церкви*, Павел I облачился в далматик (одеяние византийских императоров, абсолютно схожее с архиерейским саккосом[52]), через царские двери вошел в алтарь и возложил документ на престол. Кроме того, необходимо отметить, что «Павел I специально приурочил свой въезд в Москву на коронацию к Вербной субботе, а самую коронацию — к Светлому Воскресению», приравняв тем самым «свое вступление в Москву к вступлению Христа в Иерусалим в каче-

---

[50] Как петербургские масоны шведско-прусской системы конца 1770-х годов, так позднее и московские мартинисты видели в Павле будущего «истинного», «святого» царя, одновременно являющегося главой русского масонства. В 1782 г. общемасонский конвент в Вильгельмсбаде зарезервировал для него место Великого Провинциального мастера русских лож [Семека 1915: 158]. Н.И. Новиков надеялся, что воцарение Павла будет началом «феократического правления» в России [Вернадский 1917: 225, 233, 234, 241].

[51] В русской традиции центральные двери, или врата, алтаря называются так потому, что «на литургии чрез них исходит Царь славы, т.е. Христос» [Успенский 1998: 175].

[52] Далматика не возлагал на себя перед входом в алтарь ни один из русских царей ни до, ни после Павла. Для последнего далматик очевидно символизировал его статус духовного лица.

стве Мессии, Царя и Искупителя, а свою коронацию — к окончательному прославлению Христа, воцарившегося и искупившего человечество» [Живов, Успенский 1996: 272–273]. В последующие два года Павел всегда, входя в алтарь, причащал сам себя из чаши, подобно священнослужителю. Кроме того, в первое время после коронации он, по-видимому, считал, что имеет право «служить литургию и принимать исповедь и отказался от этого лишь тогда, когда Синод обратил его внимание, что люди, вступившие во второй брак, не могут священнодействовать» [Успенский 1998: 176–183]. Все это не оставляет сомнений в том, что император Павел I осознавал себя священным царем православной России.

Еще более приблизился царь к намеченному идеалу, когда добавил в 1798 г. к своему статусу императора России, одновременно являвшегося главой ее Православной церкви, статус Великого магистра Ордена святого Иоанна Иерусалимского, т.е. католического Мальтийского ордена. Тем самым Павел I реализовал воспринятую им от масонов идею «власти Святого Царя» [Вернадский 1917: 248]. Он должен был в это время ощущать себя исполнителем одной из главных целей масонства — объединителем христианских церквей, царем-первосвященником всего христианского мира.

Наглядным свидетельством и выражением именно такого понимания Павлом своего статуса явился построенный им незадолго до его трагической гибели Михайловский замок. В архитектурной концепции, «образной структуре» этого сооружения, которая разрабатывалась в основном Павлом вместе с архитектором-масоном В.И. Баженовым, определенно присутствует идея храма. Об этом говорит и то, что замок представляет собой квадрат, в который вписан восьмиугольник внутреннего двора (сочетание символов Града Божия и Воскресения Иисуса Христа), и уже само название замка именем архангела Михаила, по преданию, велевшего Павлу построить здесь свой дворец. Такое наименование подобало бы церкви, а не светскому сооружению. Неслучайны и названия замковых ворот по церковным праздникам (Зачатейские, Рождественские, Воскресенские). Весьма красноречива надпись над главным фасадом замка: «Дому Твоему подобает Святыня Господня в долготу дней». Это измененная стро-

ка псалма (Пс 92.1): «Дому Твоему подобает Святыня, Господи, в долготу дней». Именно такая надпись прежде предназначалась для Исаакиевского собора. «Дому Твоему» в контексте псалма означало «Дому Божию», а в надписи над фасадом замка речь шла уже о доме Павла как «святого царя» (подробнее об этом см. в статье: [Хайкина 2000]).

К этому можно добавить, например, и то, что в Гатчинском парке, в павильоне «Темпль» (или «Павильон Орла»), который в целом довольно убедительно интерпретируется как «масонский храм» (построен в 1793–1796 гг.), на антаблементе над ведущей в павильон основной лестницей есть скульптурное изображение орла в императорской короне, держащего в когтях щит с вензелем Павла I [Сафонов б.г.]. Это свидетельствует о том, что Павел не только реализовал идеал царя-первосвященника, почерпнутый им в масонстве, но и сохранял в поздние годы благодарную память о тех, кто направлял его в стремлении к этому идеалу.

* * *

Настало время объяснить, для чего нам понадобился такой пространный экскурс в историю русского масонства XVIII в. и почему так важно было доказать, что цесаревич Павел Петрович во время его заграничного путешествия был искренне увлечен идеями «вольных каменщиков»?

Дело в том, что, не принимая во внимание мировоззрения эпохи Просвещения и идей, характерных для раннего масонства в частности, мы не сможем ответить на вопрос, для чего Павел Петрович и окружавшие его в ту пору люди отправили Г.С. Лебедева в Индию?

Эпоха великих географических открытий стремительно расширила известный европейцам мир и познакомила их с цивилизациями Азии. В результате этих контактов в Европе зародилась и постепенно сформировалась такая область научного знания, как востоковедение. Вопреки распространенному мнению, навязанному книгой Э. Саида [Said 1978], «ориентализм», т.е. европейское востоковедение, возникло отнюдь не в период политической и коммерческой «колонизации» стран Востока и не в связи с этим

процессом. Современные исследования показывают, что востоковедение зародилось задолго до того, как сформировалась идеология колониализма. Начало было положено в XVI в. деятельностью европейских миссионеров в Японии. Здесь европейцы впервые столкнулись с неавраамическими религиями и занялись серьезным их изучением, овладев языками (японским и классическим китайским) в достаточной мере, чтобы черпать информацию из первоисточников. Все это было им необходимо для того, чтобы противостоять местным «сектам», которые поражали их тем, что у них тоже были монастыри, монахи и монахини, четки, колокола, проповеди, храмовые службы, даже представления о рае и аде, но при этом отсутствовали идея Бога-творца и привычные для европейцев библейские представления об Адаме и Еве в раю, грехопадении, потопе, Вавилонской башне и т.д. [App 2009, VI; App 2010: 9–10].

В XVII в. в центре внимания европейцев, и уже не одних только миссионеров, оказались культура и религии Китая [Фишман 2003: 113–201; App 2010: 10–11]. Всех волновал прежде всего вопрос, как соотносятся эти непонятные религии, истоки которых теряются в глубине веков, с авраамической традицией, имеет ли их хронология какие-либо точки соприкосновения с укорененной в сознании европейцев библейской историей. Недостаток достоверных сведений о великих религиях Востока позволял представителям различных течений европейской мысли интерпретировать их по-своему: миссионеры-иезуиты, например, описывали конфуцианство как монотеистическую религию, которую можно согласовать с христианством, тогда как философы-деисты видели в том же учении Конфуция «философскую религию», ссылками на которую они оперировали в своей критике христианских церквей.

В XVIII в. интерес постепенно смещается в сторону той страны, откуда, как европейцам уже было известно из китайских источников, буддизм пришел некогда в страны Дальнего Востока. Германский миссионер-протестант Бартоломеус Цигенбальг (1683–1719), работавший в Южной Индии и овладевший тамильским, издавший грамматику этого языка, переведший на него Новый и часть Ветхого Завета, привез в Европу известия об индуизме, который он описывал как монотеистическую религию.

Он же впервые утвердил коренное различие, до того плохо осознававшееся, между индуизмом и буддизмом. В 1760 г. достигла Франции и оказалась в руках Вольтера рукопись сочинения под названием “Ezour-Vedam”. Этот текст представляли как перевод на французский с санскрита и как древнейший религиозный текст в мире. В действительности автором «Езур-веды» был французский миссионер, вероятнее всего Жан Кальметт (1692–1740), и написана она была по-французски, вероятно, для последующего перевода на санскрит или на какой-либо из новоиндийских языков. «Езур-веда» свидетельствует о состоявшемся в 1730-х годах первом знакомстве европейцев в лице французских миссионеров с древнейшими религиозными текстами Индии — Ведами. Это знакомство и побудило их, очевидно, на создание «Езур-веды» — своей «христианской Веды», в которой некий философ с монотеистических позиций оспаривает доктрины ведизма и индуизма. Ссылаясь на «Езур-веду» как на текст незапамятной древности, Вольтер стремился доказать неоригинальность, вторичность учения Библии.

В 1767 г. видный служащий Ост-Индской компании Джон З. Хоуэлл (John Zephaniah Holwell, 1711–1798), известный как один из немногих выживших в так называемой «Черной дыре» и оставивший описание событий при штурме Калькутты навабом Сирадж-уд-Доулой [Buckland 1906: 205–206; Антонова 1958: 85, 277, 288], издал фрагменты текста, происхождения столь же темного, как и «Езур-веда», под названием «Шаста Брамы» (“Shastah of Bramah”[53]). Публикацию предваряло предисловие, в котором утверждалось, что этот текст значительно превосходит древностью Веды [App 2010: 13].

Тексты-имитации, каковыми следует признать «Езур-веду» и «Шасту Брамы», вкупе с сообщениями о существовании в Индии подлинных священных текстов глубокой древности вызвали к жизни широко распространившееся в третьей четверти XVIII в. убеждение в том, что Индия является прародиной всего человечества или по крайней мере местом, где в той или иной мере сохра-

[53] *Shastah* — по-видимому, искаженное *шастра*, здесь: «доктрина», «учение» или «книга».

нилось наследие изначального, богооткровенного, лишь отчасти затемненного идолопоклонством и суеверием прамонотеизма.

Для христиан и масонов, большинство из которых в тот период оставались образцовыми христианами разных деноминаций, жизненно важным было выяснить, как соотносится индийская религия, которую представляли в основе монотеистической, с библейской историей и картиной мира. В самом первом абзаце основополагающего текста мирового масонства, «Конституций» Дж. Андерсона, священника шотландской пресвитерианской церкви в Лондоне, говорится о том, что «свободные науки, в особенности Геометрия» (подразумевается учение вольных каменщиков) «запечатлены были в сердце праотца нашего Адама, сотворенного по образу Бога, Великого Архитектора вселенной, и даже после грехопадения мы находим те же принципы живущими в сердцах его потомства». Масоны, таким образом, возводили свое учение к некой богооткровенной перворелигии человечества (ср.: [Пятигорский 2009: 256]). Через Ноя и его сыновей это учение передалось послепотопному человечеству, его сохраняли в Месопотамии жрецы — «халдеи и маги», строители пирамид — правители древнего Египта, мудрецы и пророки Израиля. Строители Соломонова храма, в котором «царское искусство» (the Royal Art) нашло свое наивысшее воплощение, рассеялись по всем близлежащим странам, распространяя учение, и *даже достигли Индии*! (см.: [Anderson 1734: 7–17]).

«Конституции» вышли первым изданием в 1723 г., когда религия Индии еще не оказалась в центре внимания просветителей как «вольтерианского», так и масонского толка. Позднее индийские хранители древнего знания упоминаются уже не на периферии, а среди мудрецов других стран. Так, глава русского масонства И.П. Елагин писал, что «премудрость, которая от начала мира у патриархов и от них преданная, в тайне священной хранилась в храмах халдейских, египетских, персидских… во всех мистериях или посвящениях эллинских… в пустыне и в Иерусалиме новою благодатию в откровении Спасителя преподавалась; и… она же… *у любомудрцев индейских*, китайских, арабских и у прочих науками славящихся народов пребывала» [Елагин 1998: 232]. В подобных перечнях носителей тайного знания индийцы фигу-

рируют постоянно. Так, в тексте из масонской «архивы» конца XVIII в. сказано, что истинная мудрость хранится «сонмом избранных мужей, коих… находим мы под именем мудрых прорицателей и Астрологов у халдеев, под именем философов у греков и римлян, *Браминов у Индиан*, Друидов и Бардов у Бриттян» [Сахаров 2000: 177]. Не случайно в 1788 г. в Университетской типографии знаменитого просветителя и главы масонства в России Н.И. Новикова печатается русский перевод самого поэтичного текста индуистской религиозной философии — «Бхагавадгиты», выполненный масоном А.А. Петровым (начало 1760-х — 1798; см. о нем: [Топоров 1989: 48–49; Бакунина 1991: 132]) с английского перевода Ч. Уилкинса всего лишь через три года после выхода его в Англии [Багуат-Гета 1788].

За этой-то «премудростью» Лебедев, как видно, и поехал (или был послан) в Индию. Индийскую религию он явно воспринимал через призму идей Просвещения в масонской их версии. Мы остановимся на этом подробно при анализе содержания лебедевских сочинений. Здесь же только скажем, забегая вперед, о самом главном. Лебедев находил в индуизме представление о едином Боге в трех или четырех ипостасях и иерархию ангельских чинов, а также пытался найти в «богословской системе» индуизма соответствие Софии, Премудрости Божией (Софию-Премудрость отождествляли масоны с сутью своего тайного учения, именуя себя при этом «женихами Софии»). В «Систематических основаниях… арифметики» Лебедев превращает диалог Кришны с Арджуной из «Бхагавадгиты» в откровение, которое второе лицо индийской «Троицы», по Лебедеву — Криштьо, возвещает только что сотворенному Богом-Отцом (Брормго = Брахма) Первочеловеку. Такая трансформация была бы совершенно необъяснима, если бы мы не знали, что согласно взглядам современного Лебедеву русского масонства, христианское учение вкупе с обрядовым таинством были даны как откровение Адаму до его грехопадения [Гагарин 2002: 133].

Лебедев полагал, что Откровение было дано то ли Первочеловеку, то ли послепотопным патриархам *в Индии* и оттуда распространилось в другие страны. Авраам пришел в Ханаан из Индии. «Брамгенская ученость, — писал Лебедев в «Систематических

основаниях», — своею системою доказывает, что из Восточной Индии распространена была в Египет, Китай, Грецию и Италию», потом была долгое время повсеместно в упадке, но теперь, во время правления «препрославленного… благочестивого Монарха Александра Первого», будучи вновь открыта, «способствует нераспространению лживых писателей учений, которыми во все времена оскверняем был закон Христианский, [и] руководствует знать оный в первообразной и не поврежденной его чистоте». От своих открытий Лебедев ожидал великих благ для всего человечества. Из предисловия к «Безпристрастному созерцанию», обращенного к императору Александру I, ясно, что Лебедев искренне верил: эта открытая им великая индийская мудрость, это забытое «первоначальное христианство» способно «соделать в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз, распространить во вселенной истинное понятие о Богопознании, правоверии и законе, подкрепить взаимную связь желаемого между народами дружелюбия и соединить способности к восстановлению всеобщего и всемирного блага».

Таким образом, Лебедев полагал свое «открытие» индуизма содействующим осуществлению высшей цели вольных каменщиков — обновлению христианства и выявлению общего стержня всех религий.

* * *

В «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию», вспоминая о встрече с «графом и графиней Северными», Лебедев писал: «Лучезарный их свет осенял меня не только в бытность мою в Париже и в Этюпе, лежащем близь Монтпельяра, но Высокомонаршею своею благостию сопровождал меня даже до самого востока» [Русско-индийские отношения 1965: 541]. В уже цитированном письме А.Б. Куракина к С.Р. Воронцову, написанном в Этюпе, сказано о Лебедеве: «Во время нашего пребывания здесь имел он частые случаи пред Их Императорскими Высочествами играть и Высочайшее благоволение их заслужить» [Там же: 487]. Нигде не говорится, что Лебедев сопровождал великокняжескую чету во всей их долгой поездке от Парижа, кото-

рый они покинули 7 июня 1782 г., по многим городам Франции, Голландии и Германии, до Монбельяра и Этюпа, загородной резиденции вюртемберг-монбельярских князей, куда они прибыли 21 июля. Здесь в идиллической обстановке и в окружении многочисленной родни Софии-Доротеи они пробыли месяц. Лебедев мог и не сопровождать их в поездке, а после встречи в Париже, присоединиться к ним в заранее оговоренный срок в Этюпе. Куракин вручил ему рекомендательное письмо к Воронцову за три дня до отъезда цесаревича со свитой из Этюпа, указывая, что Лебедев имел здесь (в Этюпе) частые случаи играть перед Павлом Петровичем с супругой. Возможно, в этот день или вскоре после Лебедев и простился со своими высокими покровителями.

Куда он направился оттуда, мы не знаем. В письме Куракина говорилось, что он собирается в Италию. Но едва ли Лебедев там побывал. Скорее всего, он вернулся в Англию. Надо заметить, что до поездки в Индию, Лебедев неплохо овладел английским. Готовиться к поездке ему помогал, вероятно, священник посольской церкви Яков Смирнов, в обязанности которого входило помогать русским подданным, находящимся в Англии. Я.И. Смирнов прекрасно вписался в лондонское общество и обладал обширными связями. Ему Герасим Лебедев впоследствии писал из Индии, благодаря за прежде оказанное «дружество». Следует заметить, что, вопреки мнению некоторых авторов (напр.: [Воробьев-Десятовский 1956: 41; Ямпольский 1973: 245, 246; Давидсон, Макрушин 1979: 252; Россия и Индия 1986: 85–88]), граф С.Р. Воронцов не мог оказывать содействие отъезду Лебедева в Индию, поскольку он, хотя и прибыл в Лондон, чтобы заступить на должность посла, в 1785 г., но только летом, 7 июня[54], когда Лебедева давно уже не было в Англии.

Совершенно фантастичным является сообщение И.К. Аделунга, повторенное некоторыми другими авторами, о том, что Лебедев в Лондоне «поступил на службу к некоему лорду, которому предстояло вскоре занять пост губернатора в Индии», а затем «по-

[54] Дату прибытия С.Р. Воронцова в Лондон сообщает в письме А.А. Самборскому в Петербург (на английском языке) от 23 июня Я.И. Смирнов [РО ИРЛИ РАН. Ф. 620. № 157. Л. 15].

следовал за своим новым господином в Калькутту» [Adelung 1806: 185; 1815: 205]. Согласно Ч. Бакленду, Лебедев отправился в Индию «очевидно, как капельмейстер (bandmaster)» [Buckland 1906: 248]. Это сообщение приобретает смысл, если учесть, что Аарон Апджон (Aaron Upjohn), современник Лебедева, газетчик и печатник, издавший в 1794 г. карту Калькутты, добрался до Индии на том же корабле «Родни», что и Лебедев, под командой того же капитана Уэйкмана, нанявшись музыкантом (фагот) судового оркестра (the band of captain Wakeman [Blechinden 1906: 184]). Возможно, что и Лебедев «купил» себе поездку в Индию ценой руководства оркестром капитана-меломана в течение длительного плавания. Устроить его в оркестр Уэйкмана могли какие-нибудь высокие покровители, которые, впрочем, могли и финансировать его проезд в качестве пассажира. Почти наверняка они снабдили русского музыканта рекомендательными письмами [Мамуд 2012: 111–112].

С полной уверенностью мы можем, однако, утверждать только то, что 12 февраля 1785 г. Г.С. Лебедев отплыл на судне Ост-Индской компании «Родни» (“Rodney”) под командованием капитана Генри Уэйкмэна из порта Грэйвсэнд в Портсмут, а оттуда 25 марта отправился в длительное плавание к Мадрасу, центру Мадрасского президентства на Коромандельском побережье Индии.

Мадрас

Подробности плавания Лебедева в Индию нам неизвестны, кроме одной: уже войдя в Индийский океан, моряки и пассажиры «Родни» «насладились очень кстати пришедшимся пятидневным пребыванием» на острове Джоханна (у Лебедева в «Меморандуме» и в предисловии к «Грамматике» — “Joana”). Так назывался в то время один из Коморских островов, недалеко от Мадагаскара

(ныне остров Анжуан). Здесь обычно останавливались для отдыха, ремонта и пополнения припасов корабли, направлявшиеся в Индию (см., напр.: [Козлов 2007: 169]). После этого 27 июля 1785 г. “Rodney” прибыл в Мадрас, называвшийся также Форт Сэйнт-Джордж, в честь святого Георга, покровителя Англии.

О дальнейшем предоставим возможность рассказать самому Г.С. Лебедеву.

> На следующий же день после прибытия чрезвычайно вежливо пригласил меня сойти на берег капитан Вильям Сиднэм (тогда комендант Мадраса, но потом заслуженно и к моей несказанной радости он получил высокий чин подполковника). Ему доставило удовольствие произведение, которое я ему сыграл, чтобы он узнал о моих музыкальных способностях. Тотчас же он оказал мне честь: не размениваясь на пустые хвалебные речи, предложил заключить контракт на целых два года на особых условиях, обозначенных им самим, которые я тогда считал и до сих пор с благодарностью считаю особо привлекательной оплатой, а именно: стабильное жалованье 200 фунтов в год без учета многих случайных, но ценных вознаграждений. Он самолично и упорно настаивал на том, чтобы я принял это предложение. (Английский текст см. в: [Русско-индийские отношения 1965: 431], русский перевод дан по: [Мамуд 2012: 411]).

Описание прибытия в Мадрас в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» немного отличается от вышеприведенного. Упомянув о встрече в Париже с «высочайшими путешественниками, именовавшимися тогда графом и графинею Северными», Лебедев затем пишет:

> Лучезарный свет их осенял меня не токмо в бытность мою в Париже и в Этюпе, лежащем близ Монтпельяра, но Высокомонаршею своею благостию сопровождал меня даже до самого востока, ибо еще на пути моем из Англии в Индию, по прибытии в 1785 годе августа 15 дня к городу Мадрасу, пред которым только что успел корабль, именуемый «Родней», на коем я с прочими плыл, стать на якорь, как тамошний градоначальник уже письменно пригласил меня в оный город, чрез нарочно присланного на боте, где по прибытии определен я был к месту, и в прожитии моем тамо двух лет я был за музыкальное мое искусство особенно снабжаем [Русско-индийские отношения 1965: 541].

Хаят Мамуд весьма убедительно доказал, что верная дата прибытия “Rodney” в Мадрас именно 27 июля, а не 15 августа, поскольку об этом свидетельствуют тогдашние калькуттские газеты [Мамуд 2012: 202]. Превращение военного коменданта города (town major) в градоначальника, может быть, вызвано желанием Лебедева повысить в глазах читателей статус своего благодетеля. Утверждение, будто приглашение сойти на берег поступило Лебедеву от коменданта, едва корабль успел стать на якорь, а не на следующий день, тоже объяснимо стремлением Лебедева приукрасить ситуацию. Но мысль Лебедева о том, что оказанный ему лестный прием вызван сопровождавшим его «лучезарным светом» великокняжеской четы, указывает, возможно, на то, что вплоть до Мадраса действовала цепочка весомых рекомендаций, начало которой было положено в Париже или Этюпе.

Не исключено, что Лебедев еще до отъезда в Индию мог узнать от некоего своего британского покровителя, что в Мадрасе нуждаются в хорошем музыканте, способном возглавить местный оркестр. Вполне допустимо, что в день прибытия корабля в Мадрас он передал с кем-то У. Сиднему рекомендательное письмо, чем и объясняется появление в этот день или на следующий посланца в шлюпке, привезшего Лебедеву приглашение от коменданта.

Жалование в 200 фунтов в год, назначенное по заключенному на два года контракту, было необычайно большим, как это убедительно показал Хаят Мамуд: «Следует отметить, что в означенный период заработная плата обычного служащего Компании — учетчика, служащего фактории или главного торгового агента — составляла соответственно 60, 70 и 80 фунтов. Денежное довольствие и прочие льготы, пожалованные Лебедеву, свидетельствуют о том, что его статус был совершенно иного рода, и что он не был рядовым служащим, как все остальные. Думается, не имей он при себе весомых рекомендательных писем к влиятельным английским чиновникам, этого никогда бы не произошло» [Мамуд 2012: 112].

О музыкальной деятельности Лебедева в Мадрасе никаких конкретных данных у нас нет, поскольку номеров газеты «Мадрасский курьер» за 1785–1787 гг. ни Хаяту Мамуду, ни мне во всех обследованных нами библиотеках обнаружить не удалось. Зато мы знаем, со слов самого Лебедева, что уже в Мадрасе он

прилагал усилия для осуществления главной цели своей поездки в Индию. В «Предуведомлении» к своей главной книге он писал: «Достигнув же достаточного состояния при помощи там живущих европейцов, несколько научился я мальбарскому народному языку, но к распознанию брамгенских наук определиться я не мог в Мадрасе, для того что основания оных, писанные духовным языком, никто из индийцов не был в состоянии истолковать мне на англинском языке» [Русско-индийские отношения 1965: 541–542].

Ф. Аделунг, вероятно, со слов И.Ф. Крузенштерна, называл в числе индийских языков, которыми овладел Лебедев, «тамильский и малабарский» [Adelung 1815: 205]. «Малабарским» в XVIII в. в России (например, в известном «Словаре Екатерины II») иногда называли малаялам. Исходя из этого С.К. Булич счел, что под «малабарским» языком Лебедев, скорее всего, имел в виду язык малаялам [Булич 1904: 495]. Но, согласно известному англо-индийскому словарю «Хобсон-Джобсон», термином «малабарский язык» обозначали малаялам авторы XVI и самого начала XVII в., тогда как на протяжении XVII и XVIII в. «малабарским» называли именно тамильский язык [Yule, Burnell 1996: 541, 542]. Поэтому следует признать правоту В.С. Воробьева-Десятовского, писавшего: «Можно предположить, что Г.С. Лебедев был первым русским, изучившим в Индии тамильский язык — один из дравидийских языков» [Воробьев-Десятовский 1956: 43].

Конечно, знание Лебедевым тамильского вряд ли было глубоким. Оно никак не отразилось в его дальнейшей деятельности. Найти среди местных индийцев учителя, который не только знал бы «брамгенские науки» и «духовный язык» (т.е. санскрит), но мог бы через посредство английского языка познакомить с ними Лебедева, оказалось невозможным. Англичан в Мадрасе было значительно меньше, чем в Калькутте, и контактов европейцев с индийцами здесь было намного меньше, чем в Калькутте во времена генерал-губернаторства Уоррена Хейстингса. Мотивации к тому, чтобы учить язык колонизаторов, у индийцев Мадраса не было. Надо полагать, Лебедев довольно скоро понял бесперспективность своего пребывания в Мадрасе с точки зрения основной цели его поездки. Оставалось только ждать окончания двухлетнего срока контракта.

Кроме всего прочего у Лебедева явно вызывало отвращение то, что творили в Мадрасе служащие Ост-Индской компании. В самом начале своего «Меморандума», перед описанием своего прибытия в Мадрас, Лебедев дает краткую справку об этом городе. Начав со спокойного изложения данных по истории города, он вдруг переходит к язвительному сарказму:

> Это поселение теперь второе по значению, хотя прежде оно было первым из принадлежащих английской Ост-Индской компании. Это следствие того, что королевская Палата юстиции, учрежденная между 1773 и 1777 г. (даты расходятся у разных авторов)[55] в Форте Уильям (т.е. в Калькутте. — *Я.В.*), заявила о своем верховенстве и, конечно, затмила собой мадрасские суды, во главе которых стоят только гражданский мэр и тучный Кабинетский совет. Последнему однажды надоело довольствоваться одним лишь навабовским (набобовским) пловом; и тогда, словно по наитию, они стали употреблять в пищу, кроме карри и риса, некоторые роскошные лакомства на золотых блюдах и всячески себя потчевать, что, безусловно, нужно признать, было наиболее правильным из всех возможных вариантов показать миру свою истинную ценность [Антонова 1956: 160; Русско-индийские отношения 1965: 431; Мамуд 2012: 410].

В словах Лебедева заключена издевка по отношению к членам Мадрасского совета Ост-Индской компании, которые правили значительной частью Южной Индии через своего ставленника, наваба (набоба) Карнатака Мухаммеда Али. Опутав его долгами, служащие компании в уплату сначала лишили его права сбора налогов, а затем постепенно и власти над всей территорией государства. Путем этого беспрецедентного ограбления многие нажили огромные состояния (см.: [Антонова 1958: 195–198]).

Можно считать это место в «Меморандуме» первым по времени проявлением антиколониальных настроений Лебедева. Он вполне сознавал остроту этого своего выпада, поэтому, используя начальные абзацы «Меморандума» для написания предисловия к изда-

---

[55] Правильной датой является только 1773 г., когда британским парламентом был принят «Закон об управлении», утвердивший главенство Бенгальского президентства и генерал-губернатора Бенгалии над подчиненными президентствами Мадраса и Бомбея, а также учредивший Верховный суд в калькуттском Форте Уильям (см., напр.: [Синха, Банерджи 1954: 326–327]).

ваемой в Лондоне «Грамматике», оставил от вышеприведенного отрывка лишь первую фразу. Кроме того, свой «Меморандум» Лебедев не дописал и не разослал предполагавшимся адресатам, возможно, именно потому, что перечитал текст с начала и понял, что высказался в нем чересчур откровенно.

Говоря о причинах отъезда Лебедева из Мадраса в Калькутту, обычно цитируют слова Лебедева из «Меморандума»:

> Когда два года, в течение которых мне было столь приятно работать, подходили к гармоничному завершению, я был полностью захвачен ходившими в народе слухами о том, что Бенгалия является более просторным, чем Мадрас, театром для энергичной деятельности смелого племени искателей приключений (Race of Adventurers), к классу которых по своему характеру я осмеливаюсь причислить и G.L. (по-русски так же — Г.Л.). Движимый желанием расширить свой багаж знаний о вещах и о людях, я тотчас же решил посетить эту местность, признаюсь, и не без искреннего намерения улучшить свое финансовое положение в том благодатном месте, где, как говорят, бесчисленные скитальцы почти изо всех стран быстро обретают приличное состояние [Антонова 1956: 160].

В предисловии к «Грамматике» он говорит почти то же самое, но короче и с немаловажным отличием: «Когда минули эти два приятно, можно сказать, гармонично проведенных года, я был полностью увлечен ходившими в народе слухами о том, что Бенгалия является более обширным, чем Мадрас, театром для энергичной деятельности смелого племени исследователей (race of Explorators). Побуждаемый желанием пополнить свой багаж знаний о вещах и о людях, я тотчас же решил посетить эту страну» [Lebedeff 1963: 2].

В дискуссии о том, чем именно был мотивирован переезд Лебедева из Мадраса в Калькутту, следует учитывать это уточнение, внесенное им в 1801 г. в прежний текст. Если раньше он считал, что наряду с научным интересом им двигали и практические соображения, почему он и причислял себя к классу «искателей приключений» (adventurers), то позже он уже не упоминал о своих надеждах «улучшить финансовое положение», подчеркивал только главный, ведущий мотив своих действий и видел себя принадлежащим к «племени исследователей» (explorators).

Когда срок контракта с Сиднэмом наконец истек, Лебедев не стал продлевать его и направился в Калькутту.

Русский музыкант в Калькутте

Согласно предисловию к «Грамматике», Лебедев прибыл в Калькутту в августе 1787 г. В «Меморандуме» он в нескольких словах описал это путешествие:

> На *сноу*, который возвращался из Малакки под командованием капитана Форстера, за 15 дней мы добрались до реки Ганг. Проплывая мимо Форта Вильям, капитан приказал салютовать и затем бросил якорь в Салки[56], как раз напротив города Калькутты, теперь главного города всей Могольской империи, хотя сам Великий Могол живет в Дели.

Многие авторы понимали слова “On the Snow then returning from Malacca…” как «На “Сноу”, возвращавшемся из Малакки» [Антонова 1956: 164; Русско-индийские отношения 1965: 436], «на корабле “Сноу” (Snow)» [Воробьев-Десятовский 1956: 43]. То есть представляли себе, что Лебедев плыл на судне под названием «Снежок». Однако в английском морском языке того времени snow — особая разновидность небольших торговых судов, «бриг с дополнительной мачтой позади грот-мачты, на которой натянут косой парус» [Мамуд 2012: 115–116, 206][57].

В Калькутте его ждал радушный прием, поскольку молва о его успешных выступлениях в Мадрасе давно достигла Калькутты.

---

[56] *Салки* — по-видимому, англизированное Салкия или Салкхия (бенг. *Солкия*, *Солкхия*) — в то время название деревни с гаванью на противоположном Калькутте берегу реки Хугли.

[57] См., например, перечень прибывших в порт судов в калькуттской газете “The World” (11 августа. 1792 г.), где «сноу» фигурирует как особый тип корабля, наряду с «бригом» и просто «судном»: “Snow *Fly*, Ship *Le Esperance*, Brig *Hind*, Snow *Industry*, Snow *Vigilant*, Ship *Neptune*”.

13 сентября 1787 г. «Калькуттская газета» (“Calcutta Gazette”) писала:

> Мы также рады сообщить о прибытии к нам джентльмена, прославившегося своими музыкальными талантами, кои он вскоре намерен продемонстрировать нашей публике. Надеемся, что столь существенный вклад сделает наш открывающийся театральный сезон особенно успешным, поскольку мы получили весьма впечатляющие отзывы о его музыкальных достоинствах [Cakrabartī 1989: 12–13; Мамуд 2012: 116].

Понятно, что речь здесь идет именно о Лебедеве, поскольку никакой другой музыкант в это время в Калькутту не приезжал. После этого мы ничего не слышим о Лебедеве до декабря того же года. Можно, однако, с уверенностью сказать, чем он занимался с августа по декабрь. Первое время по прибытии в Калькутту Лебедев был занят установлением связей с высокопоставленными людьми, в семьях которых он мог давать уроки музыки, и налаживанием взаимопонимания с коллегами.

Каким же образом приезжий музыкант мог не только сразу снискать расположение, но хотя бы просто получить доступ к лицам из высшей калькуттской знати и привлечь к себе их внимание? По данным современных исследований, любой иноземный путешественник, прибыв в Калькутту или в любой другой крупный колониальный центр Азии, прежде всего направлялся в масонскую ложу, так как это был лучший способ завоевать расположение местной элиты [Karpiel 2001]. Кроме того, Лебедев был бы всегда желанным гостем на собраниях «вольных каменщиков» и как искусный музыкант, поскольку именно в это время все более распространялась практика музицирования в ложах. Такие великие композиторы из числа современников Лебедева, как Гайдн, Моцарт или Иоганн Кристиан Бах, писали особую «масонскую музыку», исполнявшуюся в собраниях братства (см., например: [Чичерин 1971: 109–110, 225–228; Robin Landon 1982; Hurwitz 1996]). В России к масонству принадлежали во времена Лебедева многие деятели культуры: Сумароков, Федор Волков, Дмитревский, Баженов, Херасков, Карамзин, Новиков, Боровиковский и др. «Масонскую музыку» (включая будущий «русский духовный гимн» «Коль славен…») писал выдающийся русский композитор Д. Бортнянский [Рыцарева 1979: 189–192].

Знакомство с калькуттскими газетами того времени дает все основания заключить, что масонская община играла активную и весьма значительную роль в общественной и культурной жизни города[58]. Успех или провал бенефиса музыканта или театрального актера (актрисы) иногда определялся отношением лица, в пользу которого давался концерт или спектакль, к братству «вольных каменщиков»[59].

Понятно, что только в местной ложе, где действовали принципы масонского эгалитаризма, Лебедев мог лично познакомиться с наиболее высокопоставленными представителями калькуттской элиты и заручиться их поддержкой, что ему явно удалось. Здесь же, продемонстрировав свое искусство, он мог получить приглашения давать уроки музыки женам и детям влиятельных людей. Последнее было необходимо не только потому, что гарантировало ему скромный заработок. Ученики нужны были ему еще и по-

---

[58] Например, в каждом номере еженедельной газеты “Calcutta Chronicle and General Advertiser” публиковалось стандартное напоминание Великого магистра местной ложи «Усердие и постоянство» (“Industry and Perseverance”) о том, что в субботу вечером состоится очередное собрание братьев в Масонском зале собраний. Регулярно публиковались в газетах новости о наиболее важных событиях в жизни масонских общин Бомбея и Мадраса. В январе 1778 г., в день Св. Иоанна, “The Calcutta Gazette” описывала совместное шествие всех калькуттских лож к Новой церкви, священник которой преподобный мистер Джонсон, сам «вольный каменщик», прочитал «историческую проповедь», в которой возводил происхождение масонского братства к Древнему Египту [Seton-Karr 1864: 243]. В апреле 1790 г. “The India Gazette” писала о совместном обращении масонов Калькутты к правительству с просьбой предоставить участок земли для строительства нового Дома масонских собраний (Masons’ hall), в котором одновременно могла бы функционировать фондовая биржа, а в качестве компенсации за землю правительству предоставлялась бы возможность устраивать в нем балы. Власти провинции приняли предложение масонов (India Gazette. 1790. Vol. X. No. 490. April 5).

[59] Например, в апреле 1790 г. “The India Gazette”, сообщая о предстоящем бенефисе актрисы Калькуттского театра госпожи Хьюз, писала: «Мы можем предсказать, что зал будет полон, по нескольким причинам <…> [В частности], можно предвидеть благосклонное покровительство Масонского ордена по отношению к [госпоже Хьюз как] вдове одного из братьев, и они, несомненно, окажут ей в этом случае поддержку, особенно если вспомнить, какое необычное великодушие они прежде проявили к джентльмену, все заслуги которого перед этим Поселением сводились к тому, что он являлся членом братства» [Васильков 2011: 136].

тому, что без их участия, как и без содействия коллег-музыкантов, Лебедев не смог бы организовывать свои концерты-бенефисы, являвшиеся главным источником дохода музыканта-солиста в Калькутте.

Дело в том, что сольных концертов ни музыканты-инструменталисты, ни вокалисты в то время не устраивали. Обычной формой был смешанный вокально-инструментальный концерт-бенефис, организуемый в пользу того или иного музыканта. Участвовали в нем, помимо самого музыканта, его коллеги и ученики. Организовывались и «подписные серии» (subscription series), когда слушатели покупали заранее билеты на несколько концертов [McVeigh 1989]. В пору приезда Лебедева в Калькутту местная британская элита, следуя образцу Лондона, демонстрировала увлеченность музыкой. Поэтому, несмотря на то что европейское население города насчитывало всего от двух до трех тысяч человек, концерты и даже «подписные» серии приносили доход. Однако, судя по газетным рецензиям на концерты, значительная часть публики приходила для того, чтобы посмотреть выступления дам и девиц из знатных семей. И, разумеется, «себя показать». Об этом есть прямые свидетельства очевидца [Williamson 1810: 213].

В калькуттской печати имя Г.С. Лебедева впервые появляется в номере “India Gazette, or Calcutta Public Advertiser” (vol. VIII, no. 371) от 22 декабря 1787 г., в объявлении о его предстоящем концерте:

Концерт.
В пятницу 28 числа декабря месяца в Старом Здании Суда состоится
Вокально-инструментальный концерт-бенефис мистера Лебедева[60]
Билеты стоимостью в один мохур[61] можно приобрести у г-на Лебедева
по адресу Лал Базар, 9 или у господина Селби
в помещении Старого Суда.
Начало концерта — в 8 часов вечера [Мамуд 2012: 117].

---

[60] Имя «Лебедев» здесь и в оригиналах всех цитируемых далее переведенных с английского документах было дано в форме “Lebedeff”.

[61] Мохур, или мухур — золотая монета, выпускавшаяся Ост-Индской компанией в Бенгальском президентстве и эквивалентная по стоимости в разное время от 14 до 16 серебряным сикка-рупиям, как назывались рупии, чеканенные в Бенгалии в текущем году. Рупии прежних лет считались неполноценными (см.: [Yule, Burnell 1996: 573–574, 834–835]).

Концерт состоялся в назначенный день, а через три дня, в предновогоднем номере той же газеты, 31 декабря, появилась рецензия на него. Приведем сперва только то, что сказано в ней о Лебедеве, в самом начале рецензии, озаглавленной «Концерт господина Лебедева», и в ее конце:

> Будучи осведомлены об искусстве игры господина Лебедева на виолончели, многие дамы и господа из нашего поселения настоятельно рекомендовали его к общему вниманию и поощрению. <…> Дружеское расположение, которое проявили наши сограждане, придя на концерт, было в полной мере вознаграждено тем наслаждением, которое испытали все почитатели Гармонии. <…> Блестящее владение инструментом продемонстрировал нам господин Лебедев. Техника его игры на виолончели столь безупречна, что его вполне можно поставить в один ряд с такими, по общему мнению, доселе непревзойденными мастерами игры на этом инструменте, как Кросдилл и Черветто[62] [Мамуд 2012: 117–118; Woodfield 2000: 143].

Отметим, что степень комплиментарности по отношению к музыканту, в чью пользу устроен бенефис, здесь превышает обычную норму. Интерес для нас представляет, впрочем, и та «обязательная часть» этой рецензии, в которой описываются выступления участвовавших любителей и любительниц:

> Большое количество присутствовавших на этом концерте почтенных членов общества уже само по себе явилось убедительным доказательством успеха тех, кто принял в нем участие. <…> Выразим свое восхищение прежде всего прекрасным дамам, которые блестяще продемонстрировали свои вокальные данные в самом начале концерта при исполнении партий в опере Гайдна — композитора, чью музыку отличает изобилие сладких и изысканных переливов.
>
> Упомянем далее и песенку «Веселый танец» в исполнении мисс Принс. У нас не хватает слов, чтобы описать природную непосредственность в соединении с тонким профессиональным мастерством этой певицы. За этим последовало исполнение прекрасной песни

[62] Джон Кросдилл (1751–1825) и Джеймс Черветто (1747–1837) — два наиболее известных английских виолончелиста в 1770–1780-х годах.

«Чу! То жаворонка пенье!»[63]. Ее, как всегда блестяще, пропели хором леди Чэмберс, мисс Принс, капитан Хейнс, а также господа Бёрч, Бордье, Эдмонстон и Картер. Миссис Дан приятно удивила публику безукоризненным исполнением итальянской песни, а благодаря миссис Ши (Shee) мы получили возможность насладиться игрой на фортепиано: она исполнила Сонату и, думается, ее мастерство доставило бы удовольствие самому ее автору — мистеру Шрётеру[64].

Два имени в перечне участников и участниц хорового пения обращают на себя особое внимание. Это, во-первых, леди Чэмберс, супруга сэра Роберта Чэмберса, главного судьи Верховного суда, человека, который сначала был в числе покровителей Лебедева, а потом стал, возможно, одним из главных его гонителей. О нем разочарованный Г.С. Лебедев с горечью писал: «мой прежде великой знакомец» [Антонова 1956: 186]. Фанни Чэмберс очень любила музыку, не только пела, но и неплохо играла на клавикорде, устраивала дома музыкальные вечера, покровительствовала некоторым музыкантам, помогала организовывать подписные концерты [Head 1985: 549; Woodfield 2000: 63–64; Васильков 2016: 290–292, 296]. Второе примечательное имя: некто «мистер Бёрч» (Birch) — несомненно, не кто иной, как Richard Comyns Birch, внук уже упоминавшегося героя «Черной дыры» и впоследствии губернатора Бенгалии Дж.З. Холуэлла, юрист и бизнесмен, в 1780-х годах активный член Провинциальной Великой ложи, пользовавшийся всеобщим уважением как знаток масонских традиций, а в 1790-х годах — Провинциальный Великий мастер [Firminger 1906: XXXI, XXXII, XLIII и др.]. Известен был также как меломан и певец-любитель, участник домашних концертов [Woodfield 2000: 106–107]. Это его именем Лебедев позднее в «Меморандуме» открыл было список своих главных благодетелей, но потом побоялся сделать тем самым тайное явным и вычеркнул его [Васильков 2011: 177]. Таким образом, ко времени

---

[63] «Чу! То жаворонка пенье»» — начальные слова песни из пьесы Шекспира «Цимбелин». Ее положил на музыку (для многоголосого исполнения) Томас Чилкот в 1743 г.

[64] Иоганн Самуэль Шрётер (Schroeter) — популярный в Лондоне того времени музыкант (клавикордист; см.: [McVeigh 1989: 26; McVeigh 1993: 122, 146, 158, 186, 202]).

первого своего концерта Лебедев, по-видимому, располагал поддержкой по меньшей мере двух влиятельнейших людей в калькуттском обществе.

Можно также отметить, что упомянутый в рецензии Картер был, по-видимому, профессиональным вокалистом. В те же предновогодние дни он давал совместный подписной концерт с немецким органистом и пианистом Тринксом (“Calcutta Chronicle and General Advertiser” от 3 января 1788, no. 102) и это было лишь началом серии их совместных концертов [Woodfield 2000: 69].

Уже после Нового года откликнулась на этот концерт и “Calcutta Gazette” (3 января 1788, т. IX, № 201). Начиналась рецензия, разумеется, с восторгов по поводу выступлений знатных любителей и любительниц. Имена их автор не называл, давая самому читателю возможность угадать их, что, по-видимому, не составляло труда.

> Состоявшийся в пятницу концерт-бенефис господина Лебедева вполне оправдал ожидания публики, основанные на том, что в нем любезно согласились принять участие две представительницы прекрасного пола, которые принадлежат к числу лучших здешних вокалисток. Правда, скромные размеры помещения, большое количество слушателей и вполне естественное при первом появлении на широкой публике волнение исполнительниц явно помешали выступавшим раскрыть свои возможности в полной мере. Однако, к всеобщему удовольствию, они все же сумели продемонстрировать высокое владение техникой вокала. Одна из дам, уже заслужившая восхищение публики на наших музыкальных вечерах своей игрой на фортепиано, исполнила Сонату. Большое оживление и взрывы веселого смеха вызвало хоровое исполнение двух народных шуточных песенок. В нем приняли участие дамы, а также несколько искушенных в гармонии джентльменов.

И только в конце говорилось о выступлении музыканта, в пользу и в честь которого был устроен этот концерт:

> Исполненный господином Лебедевым сольный номер на виолончели убедил нас в том, что слухи о его необычайном мастерстве ничуть не преувеличены. Его блистательное исполнение показывает, что настойчивые старания персон, его рекомендовавших, по устрой-

ству концерта в его поддержку были вполне оправданны [Мамуд 2012: 118–119].

Обе эти рецензии на первый калькуттский концерт Лебедева были впервые опубликованы Хаятом Мамудом в 1985 г.

Добавлю к этому еще один отклик на первое публичное выступление Лебедева в Калькутте, обнаруженный мною в общем обзоре предновогодней культурной активности в газете “Calcutta Chronicle and General Advertiser” от 3 января 1788 (№ 102). Здесь было сказано:

> Бенефис м-ра Лебедева дал нам возможность насладиться наиболее элегантным зрелищем из показанных когда-либо в этой стране. Этим мы обязаны любезности и способностям леди Чэмберс, миссис Ши, мисс Принс, капитану Хейнсу, господам Картеру и другим выступавшим по этому случаю[65].

Следующее концертное выступление Лебедева состоялось в августе 1788 г. Предваряло его объявление, появившееся в “Calcutta Gazette” 31 июля (т. IX, № 231):

> Наши соотечественники, живущие как в здешнем поселении, так и в Мадрасе, уже давно оценили по заслугам мастерство музыканта — господина Лебедева, поскольку он не единожды демонстрировал им свое искусство, играя на виолончели. Учитывая редкость в наши дни общественных увеселений, мы с радостью сообщаем нашим читателям о том, что господин Лебедев намерен в ближайшее время обнародовать Программу музыкального вечера с угощением, причем, по нашему разумению, в нем согласились принять участие наиболее одаренные музыканты и вокалисты нашего поселения. Думается, концерт станет приятным маленьким подарком[66] для всех почитателей прекрасного, а также для тех, кто ему покровительствует [Saha 1963: 11–12; Māmūd 2010: 85; Мамуд 2012: 120].

Еще одно сообщение, имеющее отношение к тому же концерту, встретилось мне среди обзора культурных новостей в “Calcutta

---

[65] Английский текст см. в Приложении 2.

[66] В тексте: bonne bouche (франц.), букв. «лакомством», «конфеткой».

Chronicle, and General Advertiser” (вторник, 14 августа 1788 г., № 134):

> Как нам известно, в настоящее время репетируется концерт в пользу мистера Лебедева, и некий джентльмен исключительных способностей и мастерства, недавно прибывший в наши края, будет играть в этот вечер на клавикорде[67].

На этой же странице было помещено и объявление о концерте:

КОНЦЕРТ-БЕНЕФИС Г-НА ЛЕБЕДЕВА

Господин Лебедев выражает свое
глубочайшее уважение дамам и господам здешнего поселения,
которые намерены почтить его своим патронажем и содействием,
и имеет честь объявить о своем
вокально-инструментальном концерте
в следующий понедельник, восемнадцатого числа сего месяца,
в Здании Старого Суда.
Начало концерта — в восемь часов,
билеты можно приобрести по цене в один золотой мохур
в Калькуттской общественной библиотеке[68],
или у господина Лебедева, № 21, возле переулка Рейнмуди[69]

Это же объявление с некоторыми вариациями в тексте, напечатанное в “India Gazette” (т. VIII, № 405) 18 августа 1788 г., в самый день концерта, опубликовал в свое время Хаят Мамуд [Māmūd 2010: 85; 2012: 120].

Адрес Лебедева за эти полгода изменился, и впоследствии это будет повторяться. Как отмечает Хаят Мамуд, он всегда снимал жилье [Мамуд 2012: 126].

О состоявшемся концерте на третий день после него, 21 августа, в “Calcutta Gazette” (т. IX, № 234) появилось краткое и довольно замысловатое сообщение:

---

[67] Английский текст см. в Приложении 2.

[68] Не могу быть уверен в правильности своего перевода слов “Circulation library”.

[69] Английский текст см. в Приложении 2.

Весьма многочисленная аудитория почтила своим присутствием в понедельник вечером бенефис господина Лебедева. Среди нескольких превосходных исполнений, составивших это представление, наибольший восторг вызвало «Веселое скрипок звучанье»[70]. «Из розовых беседок»[71] не заставило слезу скатиться с «Плутона железной щеки»[72], но получило комплимент гораздо более лестный, заставив патетической прелестью своего исполнения сделаться «Бледными щечки красавиц» [Мамуд 2012: 120–121].

Крайне лаконичная заметка об этом концерте Лебедева была обнаружена мною в газете “Calcutta Chronicle, and General Advertiser” (т. III, № 135) за четверг, 21 августа 1788 г.:

Концерт

Подписной концерт м-ра Лебедева состоялся в минувший понедельник, вечером, в Старом Здании Суда и благодаря совместным усилиям, как вокальным, так и инструментальным, нескольких леди и джентльменов, оказавших ему услугу своим содействием, достиг намеченной благой цели[73].

После этого в хронике лебедевской концертной деятельности до недавнего времени зияла лакуна то ли до апреля 1790 г. (согласно М.П. Саха), то ли даже до марта 1791 г. (по Х. Мамуду). «В 1789 г. он совершенно точно концертов не давал, — пишет Хаят Мамуд, — иначе либо в “Calcutta Gazette” либо в “India Gazette” об этом наверняка сообщили бы» [Мамуд 2012: 121]. Но

---

[70] «Веселое скрипок звучанье» (“Jocund rebecks sound”) — цитата из стихотворения Дж. Мильтона “L’Allegro”, положенного на музыку Генделем (“L’Allegro, il Penseroso ed il Moderato”, 1740 г.).

[71] «Из розовых беседок» (“From Rosy Bowers”) — первые слова арии, написанной Генри Перселлом для пьесы Томаса д’Юрфи (1653–1723) «Комическая история Дон-Кихота».

[72] С «Плутона железной щеки» (from “Pluto’s iron cheek”) — искаженная цитата (в подлиннике: “Iron tears from Pluto’s cheek” — «Железные слезы со щеки Плутона») из стихотворения Мильтона “Il Penseroso”, текст которого использован в пасторальной оде Генделя (“L’Allegro, il Penseroso ed il Moderato”, 1740 г.). Источник следующей цитаты (о «бледных щечках красавиц») установить не удалось.

[73] Английский текст см. в Приложении 2.

газетные публикации о Лебедеве за 1789 г. существуют. В одной из них дается единственный известный мне неблагоприятный отзыв о бенефисе Лебедева.

> На концерте-бенефисе м-ра Лебедева вечером во вторник было мало публики. Те же, кто не пришли, немного потеряли: потому что музыка, за исключением одного или двух номеров, была нудной и монотонной, а в помещении стояла невыносимая духота (“Calcutta Gazette”, 20 августа 1789 г. [Woodfield 2000: 74]).

Поскольку в большинстве других газетных отзывов на концерты все внимание уделялось выступлениям местных любителей, мы можем, конечно, допустить, что они и ответственны в основном за негативное восприятие обозревателем общей атмосферы концерта, а на долю Лебедева приходятся как раз те самые «один или два номера». В дальнейшем мы убедимся в том, что он был музыкантом, даже для Лондона, очень высокого класса. Но в любом случае неожиданное и прежде не встречавшееся раздражение газетчика по поводу концерта не является случайным. Следует, вероятно, связать его с тем, что именно в это время, к концу 1780-х годов, спадает мода на посещение подписных концертов-бенефисов, они перестают приносить музыкантам доход [Woodfield 2000: 70–74]. Как сообщала 25 июня 1789 г. “Calcutta Gazette”, бенефис одного из лучших музыкантов, Уильяма Хэмильтона Бёрда, не собрал и необходимого минимума в сотню подписчиков, так что бенефицианту пришлось из собственного кармана покрывать все расходы. Музыкантам теперь нужно было искать какие-то новые формы, чтобы не потерять связь с публикой. Не остался в стороне от этих поисков и Г.С. Лебедев.

В 1787 г. в Англии вошла в моду форма «профессионального» концерта, которая через пару лет достигла и Калькутты. «Профессиональный концерт» изначально противопоставлялся концертам подписных серий. В Лондоне главное различие состояло в том, что профессиональные концерты организовывали не клубы любителей музыки, а сами музыканты. Общество “Professional Concerts” было известно высочайшим исполнительским уровнем своего оркестра, интернациональным составом участников и по-

пуляризацией музыки композиторов континентальных стран: Моцарта, Гайдна, Плейеля и др. [McVeigh 1989].

19 ноября 1789 г. Г.С. Лебедев с двумя другими музыкантами: клавесинистом и композитором Уильямом Хэмильтоном Бёрдом и скрипачом, пианистом и композитором Миллером — объявили в “Calcutta Gazette” о начале серии из трех «профессиональных» концертов по образцу лондонских [Woodfield 2000: 69]. Эти трое, по-видимому, были музыкантами наиболее высокого уровня в Калькутте, настоящими профессионалами. В Калькутте «профессиональный концерт» отличался от обычного концерта-бенефиса еще и тем, что в нем участвовали только профессиональные музыканты, любители, по-видимому, исключались. Планировались концерты каждого из трех устроителей по очереди. Первым планировался концерт Миллера. Объявление о нем было найдено мною в “Calcutta Chronicle, and General Advertiser” за вторник, 21 января 1790 г. (№ 209).

Профессиональный концерт.

Господа (Messrs.) Бёрд, Миллер и Лебедев,

приняв решение дать ТРИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕРТА, подобные тем, что устраиваются в Лондоне, и надеясь, что они окажутся более приемлемыми (satisfactory), чем ПОДПИСНЫЕ КОНЦЕРТЫ[74], имеют честь сообщить леди и джентльменам этого поселения, что вечер М-ра МИЛЛЕРА состоится во ВТОРНИК 18 числа этого месяца.

Билеты стоимостью по двадцать рупий можно получить в Общественной библиотеке (Circulation library) или у м-ра Миллера, Лал (Loll) базар[75].

Объявление содержит, как мне кажется, явную ошибку. Концерт не мог быть назначен на «18 число этого месяца», так как газета вышла 25 января. Скорее всего, вместо «18 числа» должно было быть «28 числа этого месяца». В пользу этого говорит и тот факт,

[74] Любопытно, что на той же странице газеты прямо под объявлением Берда, Миллера и Лебедева о серии профессиональных концертов помещено объявление о планируемой серии подписных концертов, организуемых двумя музыкантами: Ёме (Oehme) и Моро (Morreau).

[75] Английский текст см. в Приложении 2.

что газетная рецензия на профессиональный концерт-бенефис Миллера появилась в этой же газете 4 февраля 1790 г. Вероятнее всего, в этом концерте участвовали У.Х. Бёрд и Г.С. Лебедев, хотя в рецензии они не упомянуты. В ней лишь сказано, что публики на профессиональный концерт пришло немного, но зато это были истинные знатоки. Миллер был на высоте: пианофорте было расстроено, но он все равно сыграл на нем отлично. В характерной для глухой провинции манере исполнение популярного в Калькутте Миллера сравнивалось с игрой известных лишь понаслышке лондонских и европейских звезд: на скрипке он продемонстрировал «точность Крамера (Cramer)[76], тон Джардини (Giardini)[77], легкость и элегантность Ламотта (Lamotte)[78]». Вокалист м-р Коуплэнд (Copeland) с чувством исполнил шотландскую балладу “O Nanny wilt thou gang with me” (текст Томаса Перси, положен на музыку Томасом Картером в 1773 г.).

Концерт самого Г.С. Лебедева состоялся последним, 9 апреля 1790 г. Мы знаем о нем немного и только из биографической статьи о Лебедеве Махадева Прасада Саха, предваряющей переиздание им лебедевской «Грамматики». В ней сказано, что Лебедев назначил 9 апреля датой своего вокально-инструментального концерта в здании Старого суда, «почтительно рассчитывая на патронаж и поддержку» со стороны калькуттской знати. Билеты можно было приобрести «у Лебедева в его доме по адресу: Тиреттабазар, 47» (опять новый адрес!), в издательстве у гг. Купера и Апджона (Cooper and Upjohn), а также в здании Старого суда [Saha 1963: 12]. Упомянутый A. Upjohn был издателем “India Gazette”, но в ее номерах за апрель, выходивших по понедельникам, 5-го и 12-го апреля, ничего о концерте Лебедева не было. Возможно, объявление о нем было опубликовано в каком-нибудь неизвестном нам приложении к этой газете.

---

[76] Вильгельм Крамер (1746–1799) — популярный в Лондоне германо-британский скрипач и руководитель оркестра.

[77] Феличе Джардини (1716–1796) — итальянский скрипач и композитор, с большим успехом работавший в Лондоне в 1750–1780 гг. [McVeigh 1983; 1989a].

[78] Вероятно, Франц Ламотт (1751–1780) — фламандско-австрийский скрипач и композитор, автор ряда концертов, сонат и других сочинений для скрипки.

Зато рецензия на предшествовавший профессиональный концерт в пользу Уильяма Хэмильтона Бёрда содержит хотя и скупую, но чрезвычайно важную информацию о Г.С. Лебедеве.

Концерт Бёрда проходил в драматических обстоятельствах. Задолго до него У.Х. Бёрд начал взывать в газетах к лицам, подписавшимся в свое время на его издание «Хиндостанских арий», т.е. гармонизированных и адаптированных для исполнения на европейских инструментах популярных индийских мелодий, с просьбой выкупить предназначенные для них экземпляры. Дело шло плохо, возможно, в связи с уже упоминавшимся спадом интереса к музыке вообще. Можно предположить, что для издания своего труда Бёрд залез в долги и теперь оказался в тяжелом финансовом положении. В газетах публиковались призывы оказать поддержку концерту Бёрда, который сам в то время, когда Фортуна ему улыбалась, никогда не отказывал в помощи нуждающимся. 22 февраля 1790 г. “The India Gazette” (т. X, № 484) сообщила, что находящийся в бедственном положении Бёрд из-за «закоренелого упрямства» своих врагов лишен возможности участвовать в собственном концерте-бенефисе! Хорошо еще, что м-р Миллер согласился взять на себя руководство оркестром и уверяет, что концерт доставит публике большое удовольствие. В заключение следовали очередные призывы к публике поддержать посещением концерта несчастного Бёрда, которому калькуттское общество многим обязано. Практически тот же текст воспроизвела 4 марта и “Calcutta Chronicle”. Судя по контексту, сам Бёрд в это время находился в долговой тюрьме.

В назначенный день, 10 марта 1790 г. концерт состоялся. Уже на следующее утро, 11 марта в “Calcutta Chronicle” (т. V, № 216) появилась пространная рецензия: «Концерт м-ра Бёрда». Мы поместим ее полный английский текст в Приложении 2, здесь же ограничимся кратким пересказом большей ее части.

Публика, согласно автору рецензии, не осталась безучастной к призывам Бёрда о помощи: «хотя зал и не был заполнен так, как нам хотелось бы», есть надежда, что выручка облегчит участь Бёрда настолько, «насколько это возможно в его бедственной ситуации». Соло Миллера на скрипке совершенно зачаровало публику, так что «можно было услышать, как упадет булавка. Тишина,

более выразительная, чем самые громкие аплодисменты, свидетельствовала о чувствах аудитории, но в финале зал был потрясен взрывом всеобщего восхищения». Исполнение Миллером *concerto* для пианофорте («в котором мы тут же узнали манеру Шрётера») своим изяществом едва не заставило рецензента отдать пальму первенства этому инструменту. Но, по размышлении, он все же заключил, что скрипка является подлинным *forte* Миллера.

Оркестр, «как бы воспламеняемый игрой своего руководителя» (по-видимому, в качестве первой скрипки), исполнил увертюры[79] Гайдна «с большим воодушевлением и нескончаемым успехом».

И только в самом конце мы находим несколько слов о Лебедеве, но они имеют очень большое значение как для характеристики героя этой книги, так и для истории русской музыки: “Mr. Lebedeff marked the music most characteristically; and, *in his concerto*, shewed great knowledge of the finger-board” (курсив мой. — *Я.В.*) [Васильков 2011: 175–176; Васильков 2017: 21].

Мне трудно судить о том, что может означать первая часть фразы: то ли то, что он придавал своей виолончелью общему звучанию оркестра какую-то характерную окраску, то ли то, что он характерным для него образом расставлял в музыке акценты… Но значение второй части высказывания очевидно и крайне для нас важно: «а при исполнении *своего concerto* (Лебедев) продемонстрировал великолепное владение грифом (виолончели; буквально: «знание грифа»)».

Выражение «свой concerto» может означать только одно: Лебедев исполнял собственный концерт. В европейской музыкальной традиции того времени «предполагалось, что инструменталисты исполняют кончерто (*concertos*) своего сочинения, по сути дела композиторство часто рассматривалось как нечто неотделимое от исполнения[80]. Это требование не распространялось, впрочем, на дам и вундеркиндов, а иногда и именитые музыканты играли кончерто других композиторов: известно, что Клементи играл кончерто Крумпхольца в 1790 г., а Уильям Парк — кончерто

---

[79] Словом «увертюры» калькуттские газеты, как я понял, обозначали то, что принято называть симфониями.

[80] Эта ситуация сохранялась и в начале XIX в. [Адаева 2010: 172–173].

для гобоя Баумгартена в Профессиональном концерте [McVeigh 1989: 17]. По данным рецензии на концерт в пользу У. Бёрда, Миллер, как мы видели, исполнял, скорее всего, фортепьянный *concerto* И.С. Шрётера, но Лебедев играл собственную музыку.

Таким образом, подтверждается мнение, высказанное в свое время известным музыковедом И.М. Ямпольским о том, что Г.С. Лебедев был не только музыкантом-исполнителем, но и *композитором* [Ямпольский 1973: 239]. Как было сказано в предыдущей главе, это мнение И.М. Ямпольского было основано лишь на том, что Лебедев, по собственным словам, «сочинял музыку» для интермедий в представлениях «Притворства», так называемую «Индийскую серенаду», и делал записи индийского музыкального фольклора. Теперь же мы знаем, что Лебедев писал музыку для виолончели в популярном тогда жанре *concerto*. Он играл свой виолончельный концерт в Калькутте, в концерте-бенефисе Бёрда, а потом, как мы увидим, выступал с собственным Concerto Violoncello в Лондоне. И это могло быть то же самое, а могло быть и другое его произведение.

Но вернемся к концерту У.Х. Бёрда. 15 марта 1790 г. “The India Gazette” (т. X, № 487) опубликовала еще одну рецензию на него, уже не столь оптимистичную, как рецензия в “Calcutta Chronicle”. В ней отмечалось благородство поступка Миллера, который, придя на помощь Бёрду, взял на себя руководство оркестром и блестяще выступил как исполнитель. Говорилось о надеждах, об уверенности перед концертом автора рецензии в том, что многократно засвидетельствованная щедрость калькуттского общества проявит себя и в этом случае. Но итогом было горькое разочарование: из надежных источников стало известно, что Бёрд не выручил за свой концерт и сотни рупий[81].

Стало ясно, что профессиональные концерты не окупаются. В апреле Миллер объявил, что в мае состоится его прощальный бенефис перед возвращением на родину. В программу концерта, состоявшегося 6 мая, бенефициант включил «Прощальную» симфонию («увертюру») Гайдна (№ 45), исполняемую «при свечах»,

[81] При том что стоимость билета составляла 12 рупий. Но Бёрд, по-видимому, должен был большую часть выручки отдать музыкантам оркестра.

легенда о происхождении которой как раз в это время появилась на страницах калькуттских газет (см., напр., “Calcutta Chronicle”, т. 5, № 222, 22 апреля и № 223, 29 апреля 1790 г.). Миллер, очевидно, сам играл первую скрипку, последним гасил свою свечу и уходил со сцены, прощаясь с калькуттской публикой столь драматическим образом.

Музыканты, остававшиеся в Калькутте, продолжали время от времени давать концерты, но все больше времени стали уделять другого рода занятиям. Тринкс работал как органист в одной из калькуттских церквей, Ёме занимался продажей музыкальных инструментов [Woodland 2000: 74]. Что касается Г.С. Лебедева, то для него затишье в концертной деятельности открыло наконец возможность заняться тем, что и составляло главную цель его приезда в Индию. В предисловии к своей грамматике он позднее писал:

> В 1789 г. в Калькутте я начал заниматься исследованием индийской литературы, но, к огромному своему огорчению, в течение почти двух лет не мог встретиться с таким переводчиком, который смог бы научно объяснить шамскритский алфавит, буквы которого используются в бенгальском языке, иначе называемом пракрит или bhadsha[82]. Я также не смог почерпнуть ничего существенно полезного из искаженных грамматик индийских диалектов. Все эти грамматики написаны европейцами и носят одно и то же название «Индостанский язык». Поэтому я уже готов был бросить всю затею, но в этот критический момент мой серкар (управляющий) познакомил меня с учителем-бенгальцем по имени Шри Голокнатх Даш, который хорошо разбирался в грамматике бенгальского языка и смешанных диалектов. Он же вполне сносно понимал священный шамскритский язык [Lebedeff 1801: 3; Мамуд 2012: 419].

Из этого можно заключить, что в 1789 г. Г.С. Лебедев начал в свободное от музицирования и преподавания музыки время понемногу учить основные местные языки: бенгали и разговор-

[82] Несомненно, написанное с ошибочно вкравшимся d санскритское, хинди и бенгальское bhāṣā — «язык». В параллельном месте английского текста «Меморандума» это слово написано кириллицей: «бхаша».

ный «базарный» хиндустани, который он называл «смешанными диалектами». Первые два года он занимался самостоятельно, используя грамматики, изданные ранее англичанами [Hadley 1772; Fergusson 1773; Halhed 1778], и пытаясь, вероятно, освоить в какой-то мере устную речь. Переломной в его занятиях стала встреча с Голокнатхом Дасом (в бенгальском произношении фамилия звучит как «Даш»), вероятно, в 1791 г.

Однако и в эти, и в последующие годы до тех пор, пока главным увлечением не стал, наряду с наукой, театр, Лебедев давал время от времени концерты, благо в ту пору у него были влиятельные покровители, авторитетной рекомендации которых было достаточно для того, чтобы организовать бенефис. Лебедев позднее упомянул их в своем «Меморандуме». В их числе были особо расположенный к Лебедеву судья Верховного суда Джон Хайд, один из отцов-основателей Азиатского общества, большой любитель музыки, в доме которого устраивались музыкальные вечера; военный комендант Калькутты Александер Кид, сыну которого Лебедев давал уроки музыки [Saha 1963: 12]; секретарь канцелярии генерал-губернатора и совладелец «Бенгальского банка» Эдвард Хэй с супругой, оба страстные меломаны, участники многих музыкальных вечеров; уже упоминавшийся видный масонский деятель и впоследствии Великий мастер Р.К. Бёрч; миссис Маккензи, по-видимому, супруга Джона Маккензи, заместителя Великого мастера (Deputy Grand Master) в первые годы Лебедева в Калькутте[83]; главный налоговый инспектор, знаток и преподаватель персидского языка Фрэнсис Глэдвин; старший торговый агент Ост-Индской компании, член Налогового совета Бёрриш Крисп, переводивший с персидского, и др.

По данным, которые приводит Х. Мамуд, не публикуя, к сожалению, текстов обнаруженных им в “Calcutta Gazette” объявлений, у Лебедева было два концерта-бенефиса в 1791 г. (в марте и ноябре). Еще мы знаем, что в этом же году Лебедев участвовал в бенефисе другого музыканта, господина Моро (Moreau). В № 370

[83] О том, что миссис Маккензи (Mackenzie) была большой любительницей музыки, свидетельствует ее имя в списке подписчиков на изданное У.Х. Бёрдом собрание «хиндустанских арий» [Bird 1789: 3].

“Calcutta Gazette” от 31 марта объявление о концерте оповещало, что г-н Моро пригласил для участия в концерте «всех лучших музыкантов» (“all the principal Musicians”) города. Приведены крупным шрифтом имена трех основных участников: самого Моро как руководителя оркестра, Лебедева как солиста-виолончелиста и еще одного солиста, игравшего на флейте [Мамуд 2012: 210, 423]. К сожалению, мы не знаем в данном случае, играл ли Лебедев собственное сочинение для виолончели или музыку другого композитора, что гораздо менее вероятно.

Можно не сомневаться, что Лебедев выступал также и в бенефисах других музыкантов, но, за исключением концертов Бёрда и Моро, сведений о них пока нет.

В следующем, 1792 г. единственный известный нам бенефис Лебедева состоялся 27 декабря. Мы знаем о нем из объявления, появившегося в “Calcutta Chronicle” (25 декабря, т. VII, № 362):

Концерт

Мр. Лебедев имеет честь сообщить своим друзьям и публике, что вокально-инструментальный концерт в его пользу состоится в Доме Гармонии в четверг вечером, 27-го числа сего месяца.

Билеты, стоимостью в один золотой мохур, можно приобрести у господ Орда и Нокса — в Доме Гармонии — и у м-ра Лебедева, 3, Уэстон Лэйн, рядом с Комиссией по принятию прошений (Weston Lane, near Court of Request) [Cakrabartī 1989: 16–17].

Адрес Лебедева, как мы видим, опять изменился. «Дом Гармонии» («The Harmonic House”) — зал, где проводилось в это время большинство концертов и всякого рода собраний, в прошлом — здание «Гармонической таверны» (“The Harmonic Tavern”). В 1793 г. объявление о концерте Лебедева появилось сначала в “Calcutta Gazette” в самом конце октября:

Концерт

Мр. Лебедев имеет честь сообщить своим друзьям и публике, что концерт в его пользу состоится в доме м-ра Ле Галлэ (Le Gallais), вечером в пятницу, 15 ноября.

Извещение о том, где можно приобрести билеты, и подробности о программе концерта будут опубликованы в одном из следующих номеров газеты. 31 октября 1793 [Мамуд 2012: 423].

Ближе ко времени концерта, 11 ноября, в “Calcutta Chronicle” было напечатано объявление, начало которого почти полностью совпадало с вышеприведенным, но после даты (15 ноября) шел такой текст:

> Билеты, стоимостью в один золотой мохур каждый, можно приобрести у м-ра Ле Галлэ и у м-ра Лебедева, № 3, переулок Мираджани (Mirajanie Gully). N.B. На тот случай, если дамы после концерта будут расположены танцевать, м-р Лебедев нанял оркестр [Cakrabartī 1989: 17].

Это дополнение интересно не только тем, что непоседливый Лебедев опять сменил адрес, но и свидетельством того, что он ради привлечения на свой бенефис публики был вынужден организовывать после концерта танцы. Другие музыканты, еще продолжавшие организовывать время от времени концерты в Калькутте, тоже прибегали к различным приемам для завлечения публики, поскольку для всех настали нелегкие времена.

Автор рецензии в “Calcutta Chronicle” (т. VII, № 317, 14 февраля 1792 г.) на состоявшийся 7 февраля концерт музыканта немецкого происхождения господина Ёме (Oehme), писал:

> Концерт м-ра Ёме в прошлый вторник собрал не так много публики, как можно было ожидать. <…> Странно, что музыка, которая еще несколько лет назад служила в нашем городе излюбленным средством развлечения, сейчас находит так мало поддержки. Профессионалы, для которых устраивались персональные концерты-бенефисы, редко выручали за них сколь-нибудь значительную сумму.

Затем обозреватель “Calcutta Chronicle” (т. VII, № 363, вторник, 1 января) в первый день нового, 1793 г. пишет о своем глубоком удовлетворении в связи с тем, что идет полным ходом подписка на бенефис… не самого мистера Ёме, а его юной дочери, мисс Ёме, о таланте которой как пианистки уже было известно в Калькутте. Всю выручку от концерта отец намерен вверить опекунам дочери до ее совершеннолетия, в чем обозреватель видит свидетельство исключительного благородства м-ра Ёме. Он верит также в то, что в концерте примут участие лучшие музыкальные силы

Калькутты, и это гарантирует ему большой успех. Подготовка концерта заняла много времени, наконец 15 марта он состоялся. Но, несмотря на все прежние старания обозревателя “Calcutta Chronicle” воззвать к лучшим чувствам публики, рецензия, появившаяся в газете 19 марта 1793 г. (т. VIII, № 374), начиналась словами: «То ли из-за опасения жары, то ли в силу убеждения, что музыка лучше всего звучит в определенное время года, но на концерт мисс Ёме пришло не так много публики, как мы надеялись. Впрочем, как мы рады были узнать, было выкуплено значительное число билетов. Присутствовавшие зрители получили большое удовольствие от музыки в целом и, в частности, от выступления мисс Ёме, вознагражденного продолжительными и заслуженными аплодисментами». В конце рецензии мы находим интересное свидетельство, характеризующее поведение определенной части публики во время концертов. «Один джентльмен (из числа деловых людей)» поставил в середине зала свою хукку (индийский кальян) и сопровождал музыку бульканьем в ней, распространяя по залу дым и запах табака. «Другой джентльмен» вошел в зал без билета, проигнорировав требования контролера и едва не вызвав скандал, который мистер Ёме предпочел замять[84].

Британский офицер Томас Уильямсон, в это время служивший в Индии, весьма скептически высказался в своем карманном справочнике о музыкальной жизни Калькутты:

> За исключением небольших семейных вечеров, где нам предоставляется возможность насладиться музыкальным дарованием одной из дам, в Калькутте особенно нечего предложить любителям высокого искусства <...> Правда, иногда устраивает себе бенефис какая-нибудь музыкальная знаменитость, которую манят в первую очередь деньги, а не слава. Это всегда привлекает большое количество слушателей. Увы, они приходят не для того, чтобы упиваться чистотой звучания, красотой мелодий, изысканными пассажами Гайдна. Нет, они собираются, чтобы других увидеть и себя показать, чтобы поговорить и быть услышанными.
>
> Индия не для эстетов и не для людей с глубокими познаниями, ожидающих, что этот край щедро вознаградит их за их усилия и не-

[84] Упомянутые номера “Calcutta Chronicle” доступны в Газетном зале Библиотеки Конгресса США.

удобства. Более того, она не оценит ни их талантов, ни достижений. Разумеется, бывают и исключения, хотя они не могут поколебать сказанного выше. Да, случается, что какая-нибудь знаменитость, имея высоких покровителей, обретает здесь и славу, и деньги. С другой стороны, можно предъявить нескончаемый список лиц, прошедших через многие унижения, но так и не получивших возможности продемонстрировать перед публикой свои скромные таланты. Они добивались этого годами, пока смерть не сжалилась над ними и не свела до времени в могилу [Williamson 1810: 212–213; Мамуд 2012: 123].

Г.С. Лебедев в эти годы, надо полагать, не видел перспектив дальнейшей концертной деятельности в Калькутте. В 1794 г. он дал один концерт-бенефис, последний перед перерывом в несколько лет. Мы знаем только его дату — 22 декабря, по книге Х. Мамуда, который ссылается на “Calcutta Gazette” [Мамуд 2012: 210]. Возможно, Лебедев продолжал в это время давать уроки и выступать за плату в домашних концертах, но главным его занятием и увлечением стало изучение индийских языков, а также традиционной индийской науки, религии и культуры. В 1794 г. он уже, вероятно, переводил на бенгальский пьесу Р. Джодрелла и планировал создание своего театра. Казалось бы, дав свой «прощальный» декабрьский концерт, он покончил с музыкой. Но, как мы увидим, именно в контексте занятий театром ему предстояло открыть совершенно новую и, возможно, наиболее интересную для нас страницу своей музыкальной деятельности.

Лебедев и Голокнатх Даш. Перевод «Притворства»

Начиная с 1789 г. Лебедев, как уже было сказано, пытался учить местные языки самостоятельно и неустанно искал наставника, способного не только учить его языкам, но и ввести в мир традиционной культуры.

Это было очень непростым делом. Носителями высшего традиционного знания были брахманы, а они не только не желали предоставить чужеземным варварам (*млеччхам*, к каковым они относили европейцев) доступ к текстам на священном языке — санскрите, но и вообще избегали общения с ними, опасаясь осквернения.

Знаменитый Уильям Джонс долго искал себе учителя санскрита, в Калькутте найти не смог, брахманы отказывались, несмотря на предлагавшееся им солидное вознаграждение. Во время отпуска осенью 1785 г. он снял коттедж в Надии, к северу от Калькутты, недалеко от знаменитого санскритского университета, в надежде войти в контакт с университетскими преподавателями-брахманами. Тотчас же выяснилось, что часть брахманов разъехалась в отпуска, а другая направилась на многодневный праздник богини Дурги. Оказалось, однако, что они не взяли на праздник преподавателя из касты врачевателей (*вайдья*) по имени Рамлочан (Рамалочана). Пандит Рамалочана прекрасно знал санскрит (хотя его не допускали к чтению некоторых священных текстов), в свое время преподавал грамматику этого языка большинству преподававших в университете брахманов. После долгих переговоров он согласился учить Джонса санскриту, поставив ему предварительно ряд жестких условий. Рамалочана научил Джонса правильному санскритскому произношению, помогал ему в работе над переводами сказочного сборника «Хитопадеша» и «Шакунталы» Калидасы [Cannon 2006: 229–230; Неру 1955: 339]. Впоследствии, когда Джонс продемонстрировал блестящие успехи в овладении санскритом, брахманы Надии сменили гнев на милость: они объявили Джонса *кшатрием*, т.е. членом сословия воинов, принимали его в своем университете и беседовали с ним на санскрите [Cannon 2006: 273].

Г.С. Лебедев за два года пребывания в Мадрасе так и не смог найти себе учителя. В Калькутте два года поисков тоже не дали результата, но в конце концов он встретил Голокнатха Даша.

К сожалению, кроме автобиографических текстов Г.С. Лебедева, других источников, в которых хоть что-нибудь было бы сказано о его бенгальском учителе, мы не знаем. Предположение Дж. Грирсона о том, что он может быть тождествен Голокнатху

Шарме, чей перевод на бенгальский «Хитопадеши» был издан в типографии баптистской миссии в Серампоре в 1801 г. [Grierson 1923: 85; Das Gupta 1934: 238], трудно чем-нибудь подтвердить. Можно, правда, высказать в этой связи другое предположение. В свое время Н.В. Гуров обнаружил в лебедевской тетради из архива П.П. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6081) перевод отрывка из библейской «Книги Екклезиаста» (Екк 3. 1–8) с английского на бенгальский и хиндустани. Этот лебедевский перевод Н.В. Гуров назвал самым первым переводом текста Ветхого Завета на новоиндийские языки и на основании дат, встречающихся в тетради, счел его выполненным в 1790–1795 гг. [Гуров 2006: 72]. Учитывая, что Лебедев встретился с Голокнатхом не ранее 1791 г. и едва ли за год достиг столь свободного владения двумя языками, эти хронологические рамки разумно будет сузить до 1792–1795 гг. Н.В. Гуров поставил в своей статье вопрос: «Какие цели преследовал Лебедев, переводя тексты Ветхого Завета на “живые” новоиндийские языки?». Предположительно он высказал мысль, что Лебедев, возможно, хотел с помощью этого текста «наглядно показать своим индийским наставникам близость двух религий» — индуизма и христианства. Но можно предложить и иное гипотетическое объяснение.

В ноябре 1793 г. в Калькутту прибыл с семьей основатель Баптистского миссионерского общества Уильям Кэри (Carey), целью которого была проповедь христианства индийцам. Он пробыл в Калькутте около года, изучая бенгали и подыскивая базу для миссионерской деятельности, затем перебрался в округ Миднапор недалеко от Калькутты. Его первоочередной задачей был перевод на бенгальский язык Священного Писания. Кэри приобрел печатный станок, заказал Панчанану Кармакару в Калькутте бенгальский шрифт для набора. Сам он занимался переводом Нового Завета, но вопрос в том, случайно ли лебедевские опыты перевода библейских текстов совпали по времени с начальным периодом деятельности Кэри? Не могло ли быть так, что Лебедев сотрудничал с Кэри, участвовал на раннем этапе в его проекте перевода Священного Писания на языки Индии, взяв на себя при этом Ветхий Завет? А если между Лебедевым и Кэри действительно существовала связь, то предположение Дж. Грирсона о тождестве

лебедевского Голокнатха Даса с Голокнатхом Шармой, издавшим в Серампоре бенгальский перевод «Хитопадеши», выглядит более весомым.

В «Меморандуме» Лебедев писал о том, что у них с Голокнатхом была взаимная заинтересованность друг в друге:

> По удачному стечению обстоятельств он не меньше желал брать уроки музыки у меня, чем я обучаться индостанским языкам у него. Мы начали на следующий же день после нашей первой беседы. На мой вопрос о том, какой из языков наиболее употребителен в восточных странах, он ответил, что, по его мнению, смешанное наречие является более распространенным, но не существует ничего подобного азбуке или грамматике, поскольку все общество пандитов и брахменов отличается осторожностью и эгоизмом. По этой причине он настойчиво рекомендовал мне заняться шанскритской азбукой, поскольку она является главным золотым ключом к бесценным сокровищам восточных наук и знания [Русско-индийские отношения 1965: 432; Мамуд 2012: 412].

Рассказ Лебедева о дальнейшем приведем уже по введению к «Грамматике»:

> Верные сведения, полученные от Голокнатха Даша, я принял с восхищением и, дабы не портить работу столь большой важности сомнительными действиями, а также сделать твердый первый шаг на пути обретения истинных знаний об индийских науках и прочего и избежать неправильных и искаженных методов познания основ их литературы, я, согласно его советам, сначала упорно занимался постижением основ азбуки и изучением составляющих ее пяти частей. После тщательного их исследования в течение нескольких лет я также познал научное единство азбуки, грамматики, арифметики, мифологии, астрономии и прочего и регулярно в доступной и полной форме систематизировал основы этих знаний в соответствии с индийскими представлениями, правилами и стилем изложения. Позже свои труды я открыто представил на суд некоторых в то время выдающихся пандитов, а именно Джагонмохонбида Пончанона Бхоттачарджо, Джогоннатха Торко и других ученых пандитов, которые, к моему полному удовлетворению, одобрили мои старания по прояснению этого доселе неизвестного европейцам предмета [Lebedeff 1801: 4; Мамуд 2012: 420].

Махадев Прасад Саха [Saha 1963: 33] отождествил упомянутых Лебедевым пандитов с двумя известными традиционными учеными того времени. Первый из них, Jagon-mahon-bidde Ponchanon Bhotta Charjo — это Jagannātha Vidyāpañcānana, представитель семьи выдающихся знатоков санскрита и традиционной науки из селения Матикомара в южной части Бенгалии. Лебедевский Jogonnat Tarko — это Jagannātha Tarkapañcānana, знаменитый пандит из Трибени (Тривени), который по инициативе Уильяма Джонса составил и прокомментировал на санскрите свод индусских законов, впоследствии переведенный на английский Генри Кольбруком [A Digest of Hindu Law 1801].

Лебедев во введении к «Грамматике» продолжает:

> Я достиг значительных результатов и перевел словарь индийских смешанных диалектов и бенгальского языка и составил несколько диалогов на общие повседневные и научные темы на бенгальском и на смешанных диалектах, чтобы лучше понять разницу между ними. Я заметил, что диалекты можно разделить на относящиеся к корням и ветвям и обнаружил, что смешанные индийские диалекты определенно восходят к двум древним исконным ветвям: бенгальскому и деб, или дабе нагор, шамскритскому языку, скорее, чем к языку любых других стран. На этих диалектах говорят во всем восточном мире [Lebedeff 1801: 4–5; Мамуд 2012: 420].

Дополним рассказ Лебедева о его занятиях под руководством Голокнатха Даша фрагментом из его письма от 8 мая 1797 г. о. Андрею Афанасьевичу Самборскому:

> Перевел краткой, но употребительной вообще словарь, написал несколько разговоров, часть календаря (3 м[еся]ца), из чего можно о многом справедливея уведомится четыре начальныя арехметическия деления. И также перевел из древних книг экстракт героическаго стихотворства, написанной славным гиндостанскаго света писателем господином Бгаротчондро-раи, которой с порядочным разделением частей написал так сладкоречиво, приятно, ясно и справедливо, что многие вытверживают наизусть, чтоб о языках испытанием справедливым услужить [Русско-индийские отношения 1965: 444].

Суммируя сказанное Лебедевым и сопоставив это с дошедшими до нас его трудами, мы можем сказать, что в первый период сотрудничества с Голокнатхом он перевел на русский (или английский) какой-то, по-видимому, хинди-бенгальский или бенгальско-хинди словарь. Этот перевод не сохранился или пока не найден[85]. Он также составил диалоги на двух языках, и некоторые из них, возможно, вошли впоследствии в состав «Грамматики» базарного хиндустани. Очевидно также, что в этот период Лебедев уже сформулировал для себя некоторые идеи, высказанные им позже в «Грамматике», как, например, весьма своеобразную мысль о происхождении хиндустани («смешанных диалектов») из смеси бенгальского с санскритом. Несомненно и то, что у него уже сложилось в то время представление, как он выразился, о «научном единстве» всех уровней и отраслей индийской традиции, единстве, основанном на санскритских текстах и брахманской философии. Из литературных своих трудов Лебедев, очевидно, именно тогда перевел (или начал переводить) среднюю, вторую часть трехчастной поэмы популярнейшего бенгальского поэта Бхаротчондро Рая «Оннодамонгол» — историю любви царевича Сундара (Шундор) и принцессы Видьи (Бидде), озаглавленную «Биддешундор»[86].

О начале следующего этапа своей научной и культурной деятельности в Калькутте Лебедев пишет во введение к своей «Грамматике» так:

---

[85] По-видимому, Лебедев привез с собой в Россию какую-то версию этого словаря, поскольку он в своем обращении к Александру I, предварявшему рукопись «Систематических… оснований арифметики», назвал «Краткой словарь на гражданском бенгальском и простонародном языках, с преложением на российской» среди трудов, дело издания которых «поврежденное от долговременных трудов зрение, слабость здоровья и бедное… теперешнее состояние» препятствуют ему довершить [АВ ИВР РАН. Ф. 90. № 2 — 1226/2. Л. 3]. Об этом «кратком словаре на бенгальском и народном индейском языках с преложением оных на российской и англинской» упоминает как о незавершенной работе мужа вдова Лебедева Настасья Яковлевна (урожденная Мордвинова) в прошении на имя императора Александра I о назначении ей пенсии [Русско-индийские отношения 1965: 514].

[86] «Биддешундор» — «[Поэма] о Бидде и Шундоре». Но, поскольку «Видья/Бидде» означает «мудрость, ученость», а «Шундор» может пониматься здесь как «красота», возможен и второй перевод, у Лебедева — «Красота учености».

По результатам своих изысканий я сделал перевод двух английских пьес, а именно “The Disguise” и “Love is the best Doctor”, на бенгальский язык. Из наблюдений за индийцами я знаю, что они предпочитают буффонаду и шутки серьезному, глубокому содержанию, насколько чисто оно бы ни было выражено. Вот почему я остановился на этих пьесах, в которых представлен великолепный набор стражей (чокидаров), савояров (канера), воров (гхуниа), а также законников (гумоста) и среди прочих почтенной банды мелких грабителей.

С одной стороны, работа над переводом пьес была для Лебедева прежде всего способом закрепления достигнутого им уровня знаний бенгальского языка. В своем прошении на имя императора Александра I в 1816 г. он писал о комедии «Притворство» как о переведенной им в Калькутте («в Калькоте») «для практического упражнения в бенгальском языке» [Русско-индийские отношения 1965: 512]. Но, с другой стороны, он в цитированном выше отрывке прямо заявляет, что сознательно выбрал для перевода пьесы, отвечающие вкусам бенгальской аудитории. Судя по всему, он тогда еще сам не знал, будут ли его пьесы поставлены на сцене или же их будут читать, но в любом случае они были адресованы бенгальцам.

Необходимо сразу сказать здесь несколько слов о второй из переведенных пьес. “Love is the best Doctor” («Любовь — лучший врач»), по всей вероятности, представляла собой английский перевод пьесы Мольера «Любовь-целительница» (“L’amour médécin”, 1665). Эту переводную пьесу под названием “Love is the Doctor” играли в Англии 4 апреля 1734 г. в театре “Lincoln’s Inn Fields”. Эти сведения Х. Мамуд приводит по статье Шиширкумара Даша в бенгальском журнале «Гондхорбо» за май-июль 1962 г., а тот нашел их, по-видимому, в книге [Allardice 1959] (см.: [Мамуд 2012: 307, 339]). Другой индийский специалист по Лебедеву, Махадев Прасад Саха (Мохадебопрошад Шаха), в статье «Основатель бенгальской сцены», опубликованной 27 ноября 1959 г. в газете «Шадхинота», писал, что Лебедев взял комедию «Любовь — лучший врач» (“Love is the Best Doctor”) из сборника, включавшего пять пьес Мольера в английском переводе. К сожалению, он не указал источника своей информации [Мамуд 2012: 90–91].

Установить, каким именно английским переводом пьесы воспользовался Лебедев, мы не можем уже потому, что текстом его перевода “Love is the best Doctor” на бенгальский не располагаем. Однако Лебедев, по-видимому, привез его с собой в Россию. Во всяком случае, в поданной Лебедевым в декабре 1801 г. президенту Академии наук барону А.Л. Николаи смете на типографские расходы по печатанию привезенных им трудов упомянуты «две комедии», которые «напечатаются на 60 листах в четвертку каждая книга на бенгальском, российском и англинском языках» [Русско-индийские отношения 1965: 499]. Тем не менее в реестре своих трудов по языкам Индии и переводов, поданном не ранее 1807 г. своему высшему начальнику, возглавлявшему Министерство иностранных дел графу Н.П. Румянцеву, Лебедев упоминает только комедию “Disguise” — «Притворство» («переведена на бенгальский и российской языки. Переписана начисто»), о второй комедии упоминания нет [Русско-индийские отношения 1965: 508]. Нет ни слова о переводе этой пьесы и в поданных Лебедевым 30 декабря 1817 г. прошениях на имя тогдашнего министра иностранных дел К.В. Нессельроде и императора Александра I, а также в прошении вдовы Лебедева о назначении ей пенсии; упоминаются только некие труды Г.С. Лебедева, «остающиеся вчерне» [Русско-индийские отношения 1965: 510–514]. Возможно, среди переданных надворной советницей А.Я. Лебедевой в Коллегию иностранных дел «оставшихся после покойного мужа… вчерне бумаг» был и перевод пьесы Мольера. Но он до сих пор не найден и, может быть, утерян навсегда.

Что касается перевода пьесы “The Disguise” (буквально «Переряжение», «Маскировка», в лебедевском русском переводе — «Притворство»), то вся работа над ним была проделана Лебедевым в Калькутте. У нас есть две рукописи полного текста «Притворства» с трехъязычным текстом, одна — переписанная набело и переплетенная уже в Петербурге, хранящаяся сейчас в РНБ (ф. 7, ед. хр. № 79). Вторая рукопись, московская (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 6076), несомненно, привезена из Калькутты, как и рукопись сокращенного, одноактного варианта пьесы (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 6075, л. 17–75).

Текст английского оригинала, приводимый рядом с бенгальским и русским переводом во всех рукописях «Притворства», практически полностью совпадает, если не считать ошибок или описок переписчика, с текстом пьесы “The Disguise” в анонимно изданном сборнике комедий и фарсов “Select Dramatic Pieces” [Jodrell 1787], авторство которого ни у современников, ни у историков английской литературы никогда сомнений не вызывало (см., напр.: [Annual Biography and Obituary 1832: 446–447; Goodwin 2004b][87]). Автором пьесы был английский филолог-классик и драматург Ричард Пол Джодрелл (1745–1831). Нельзя сказать, что он был чрезвычайно популярным и известным драматургом. На титульном листе упомянутого сборника скромно сказано, что помещенные в нем пьесы ставились на сценах провинциальных театров или были написаны для домашних спектаклей[88].

---

[87] Одним из немногих изъянов в весьма ценной и полезной книге Х. Мамуда является пространно аргументированное им предположение о том, что автором содержащихся в сборнике пьес, включая «The Disguise», мог быть не Р.П. Джодрелл, а некий «М. Джодрелл» [Мамуд 2012: 310–314]. Это предположение лишено серьезных оснований. Написание имени автора как «M. Joddrell» в программе представления трехактной пьесы, возможно, было следствием недоразумения. Лебедев обычно писал «Mr» (сокращение от Mister) в виде буквы «M» с приставленным к ней мельчайшим r в верхнем регистре («Mr»). Наборщик, по-видимому, не разглядел этого значка и принял «M» за инициал личного имени. Кроме того, в английских газетах того времени мне не раз встречалось написание сокращения от Mister (или Monsieur) в виде “M.”. Современники нисколько не сомневались в авторстве анонимного сборника: они надписывали на экземплярах книги имя автора от руки. А историки английской литературы всегда приводили этот сборник в перечне основных сочинений Р.П. Джодрелла. К сожалению, написание имени автора пьесы как «M. Jodrell» воспроизвел вслед за Х. Мамудом в своей книге и С. Чаттерджи [Chatterjee 2007: 19].

[88] Заметим, что Ф.М. Кемп, рассматривавшая “The Disguise” как анонимное сочинение, считала его адаптацией более ранней пьесы Уильяма Поппла «Двойной обман, или Исцеление от ревности», впервые поставленной около 1776 г. [Kemp 1958: 172]. Эта точка зрения воспроизводится и в более позднем исследовании [Solomon 1994: 340]. Между тем Хаят Мамуд, ознакомившийся с пьесой У. Поппла в Британской библиотеке, обнаружил, что в двух пьесах различны количество и состав персонажей. Сходство ограничивается тем, что в обеих пьесах героиня (одна из героинь у Поппла) и ее служанка переодеваются в мужское платье, но это мотив, весьма распространенный в комедиях того времени [Мамуд 2012: 308–310, 342].

Как это издание, увидевшее свет через два года после того, как Лебедев покинул Англию, оказалось в его руках? На этот счет можно сделать одно весьма правдоподобное предположение. В мае 1788 г. прибыл в Мадрас и поступил на службу к навабу Аркота врач по имени Пол Джодрелл. Х. Мамуд знал о его существовании, но почему-то решил, что Лебедев, уехавший из Мадраса в 1787 г., встречаться с ним никак не мог и что «каких-либо сведений о его связи с миром литературы обнаружить не удалось» [Мамуд 2012: 307, 308, 339–341]. Однако сэр Пол Джодрелл (1746–1803), придворный врач наваба, доводился младшим братом драматургу Ричарду Полу Джодреллу [Goodwin 2004a]. В 1790 г. сэр Пол вместе с женой приехал в Калькутту, поскольку здесь в Верховном суде рассматривался его иск к владельцам газеты “The Asiatic Mirror”, которые опубликовали клеветническую заметку, порочащую честь четы Джодреллов. Калькуттская элита сочувствовала сэру Полу и его супруге, о них писали все газеты, они даже с успехом играли в какой-то пьесе на сцене театра Ост-Индской компании. Дело в Верховном суде супруги выиграли, статья в газете была признана клеветнической. И, что для нас немаловажно, вел это дело судья Джон Хайд, большой любитель музыки, человек, которого Лебедев называл своим очень близким другом и покровителем (“my very Particular friend and Patron, Justice John Hyde” [Русско-индийские отношения 1965: 434]).

Было бы вполне естественным со стороны Пола Джодрелла подарить книгу своего старшего брата на память справедливому судье. А судья Хайд мог дать эту книгу Лебедеву для его упражнений в переводе на бенгальский[89]. Такое допущение наполняет смыслом одно место в письме Лебедева А.А. Самборскому, прежде остававшееся в лучшем случае непонятным. Лебедев писал о том, что по прошествии нескольких дней после успешного представления «Притворства» в сокращенном одноактном варианте «достойной памяти один из главных судей, его высокопревосходительство господин Иван Гайд (The Honorable John Hyde)… взялся зделать для

[89] Упомянем здесь, однако, и предположение Лоренса Сенелика о том, что Лебедев мог получить книгу “Select Dramatic Pieces” непосредственно от Пола Джодрелла [Senelick 2012: 23]. Ранее (в 1962 г.) такую же мысль высказал Р.К. Дасгупта (Робиндрокумар Дашгупто; см.: [Мамуд 2012: 340–341]).

второго разу подписку, не меньше для того, чтоб узнать, переведена ли мною вся комедия» [Русско-индийские отношения 1965: 445]. Почему судье Хайду так хотелось узнать, перевел ли Лебедев всю комедию целиком или же только те сцены, из которых состоял одноактный вариант пьесы, казалось непонятным, а в одном случае даже подозрительным. М.Г. Ваняшова усмотрела здесь первую попытку влиятельных врагов Лебедева скомпрометировать его: Хайд будто бы «должен был провести своеобразную экспертизу, уточнить, нет ли подлога в драматургическом материале. Впрямь ли г-н Лебедев перевел пьесу английского драматурга Джодрелла? Не выдает ли Лебедев… собственную поделку за английское качество?» [Ваняшова 2000: 192]. Но Лебедев вслед за этим тут же сообщал Самборскому, что именно Хайд организовал подписку на второе (как, вероятно, ранее и на первое) представление театра Лебедева. Когда же он не смог заниматься этим из-за болезни, дело продолжил его родственник и тезка, другой Джон Хайд[90].

Вопрос о том, переведена ли уже Лебедевым вся комедия, мог интересовать судью Хайда именно в том случае, если он дал Лебедеву книгу Джодрелла с текстом пьесы для перевода и следил за тем, как продвигается работа[91]. Кстати, для первого представления Лебедев перевел, как он сам писал в «Меморандуме», «очень сокращенный, по сравнению с оригиналом, вариант из-за того, что невозможно было в первый раз заполнить все роли» [Мамуд

---

[90] Джон Хайд младший (ум. в 1818 г.) — с 1793 г. главный бухгалтер Верховного суда, с 1797 г. — главный нотариус [Cannon 1970, II: 787].

[91] В числе других свидетельств уважения и благодарности Г.С. Лебедева по отношению к судье Хайду можно упомянуть и такое. В послесловии к своему историческому роману «Индийский мечтатель» один из первых исследователей биографии и трудов Лебедева Е.Л. Штейнберг рассказал о том, как он нашел в букинистическом магазине английский ежегодник “Asiatic Annual Register” за 1799 г. (издан в 1800 г.). В списке подписчиков Е.Л. Штейнберг обнаружил «Герасима Лебедева, эсквайра». На полях этого тома ему встретились заметки, сделанные рукой Лебедева. На с. 57, где была приведена надпись на памятнике покойному судье Хайду, Лебедев написал: «Джон Хайд был точно справедливейший судья и человеколюбец. И что он был таков, я свидетельствую сие через собственный опыт» [Штейнберг 1956: 267–268]. Добавлю к этому, что “Lebedeff, G. Esq.” числился подписчиком того же ежегодника и в 1803 г., когда вышел в свет выпуск за 1802 г., содержавший рецензию на его «Грамматику».

2012: 413]. Прежде чем объявлять подписку, Хайд, естественно, должен был поинтересоваться, успел ли Лебедев перевести пьесу в полном объеме.

Таким образом, Джон Хайд мог в некоторой степени содействовать работе Лебедева над переводом «Притворства». Были у него и другие помощники, точнее сказать, наставники, советчики и консультанты, роль которых несомненна и весьма значительна. Лебедев сам писал в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию», что он «в течение пяти лет *при помощи учителей моих* успел перевести с англинского языка на бенгальской две драммы» [Русско-индийские отношения 1965: 542]. Значит, работа над переводом, законченная в 1796 г., началась, по-видимому, в 1791 или 1792 г., вскоре после знакомства с Голокнатхом Дашем и начального освоения Лебедевым бенгальского языка. Возможно, перевод сначала осуществлялся в ходе совместных занятий с учителем или выполнялся частями в виде «домашних заданий». Но это не дает оснований подвергать сомнению, как делали некоторые индийские ученые прежних лет, то, что перевод в целом выполнен самим Лебедевым. Хемендронатх Дашгупто (Хемендранатх Дас Гупта) и Шунитикумар Чоттопаддхай (известный также как Сунити Кумар Чаттерджи) высказывали в разное время предположение, что перевод «Притворства» выполнен одним Голокнатхом Дашем.

Несколько других авторов (тот же Хемендронатх Дашгупто в более поздней статье, Шиширкумар Даш, Кази Дин Мухаммад, драматург Адья Рангачарья) полагали, что Лебедев и Голокнатх Даш работали над переводом совместно. Хаят Мамуд посвятил несколько страниц своей книги [Мамуд 2012: 300–305] опровержению этих взглядов. Главный его аргумент совершенно неоспорим: анализ текста перевода показывает, что его синтаксис и порядок слов (субъект-предикат-объект) не бенгальские, а характерные для английского и/или русского языка. Заключает свою аргументацию Х. Мамуд такими словами:

> Разве мог какой-нибудь бенгалец написать так на своем родном языке? О том, чтобы таким языком писал пандит по имени Голокнатх Даш и речи быть не может, да и существенных признаков того, что

носитель бенгальского языка вносил в сочинения Лебедева какие-то поправки, мы не замечаем. Мне думается, что упоминание Лебедевым о помощи Голокнатха Даша или других пандитов при выполнении перевода скорее есть выражение возникшей в ходе их взаимоотношений приязни и признательности, чем свидетельство того, что ему была оказана какая-то существенная помощь.

Из вышеизложенного с неизбежностью следует вывод о том, что переложение на бенгальский язык пьесы “The Disguise” Лебедев осуществил сам [Мамуд 2012: 305].

Помощь со стороны пандитов носила иной характер. Вот что об этом пишет Лебедев в «Меморандуме»:

Когда работа над переводом была закончена, я пригласил нескольких ученых пандитов, которые несколько раз очень внимательно изучили мой труд. У меня появилась возможность увидеть, какие фразы показались им наиболее приятными или вызвали у них подъем эмоций. Если я не льщу себе, при переводе комичные и серьезные картины стали еще ярче. Добиться этого не смог бы ни один европеец, у которого не было преимуществ такого наставника, которого мне исключительно повезло найти и в дополнение к его ежемесячному жалованью заключить с ним важное соглашение о взаимном обучении. Этот бенгалец счел мое предложение весьма выгодным для себя и с радостью согласился [Русско-индийские отношения 1965: 433; Мамуд 2012: 413–414].

Возможно, здесь имеются в виду те же пандиты, которых упомянул Лебедев во введении к «Грамматике», назвав имена двух из них. Примечательно, что один из этих двух — Jagannātha Tarkapañcānana — сотрудничал ранее с Уильямом Джонсом. Упоминаемый с благодарностью Лебедевым наставник — это, разумеется, Голокнатх Даш. Его роль не сводится только к тому, что он обучил Лебедева бенгальскому и «базарному хиндустани», познакомил с какими-то основами санскрита и свел с видными представителями традиционной учености. Судя по всему, Голокнатх предопределил направление действий Лебедева в последующие годы и, по существу, его дальнейшую судьбу. Лебедев продолжает свой рассказ в «Меморандуме» так:

После того, как пандиты похвалили мою работу, мой лингвист Голокнатх Даш *предложил мне помочь найти местных актеров и актрис, если я захочу представить эту пьесу перед публикой.* Я отнесся к *его идее* с чрезвычайным восторгом (курсив мой. — *Я.В.*). Не теряя времени, я обратился за советом к своим друзьям, но они предостерегали меня от того, чтобы я предпринимал столь необдуманные и сомнительные шаги, поскольку это оскорбит высокомерного руководителя театра Компании и многих совладельцев, заинтересованных в этом театре. Они, естественно, прибегнут к любым мерам, чтобы помешать моей деятельности, которая могла бы отвлечь внимание публики от их театра и лишить их того золотого урожая, который до этого времени им доставался беспрепятственно. Однако, несмотря на любые опасности, я твердо решил продолжать свое дело. Я немедленно направил генерал-губернатору сэру Джону Шору прошение о предоставлении постоянной лицензии, которое было незамедлительно удовлетворено [Мамуд 2012: 414].

«Бенгальский театр» Лебедева

Воодушевленный предложением Голокнатха, Г.С. Лебедев стал искать возможности для реализации задуманного. Несмотря на то что друзья предупреждали его о возможной негативной реакции «высокомерного руководителя театра Компании и многих совладельцев» на его затею, он то ли им не поверил, то ли решил нейтрализовать предполагаемых противников предложением им в некотором роде сотрудничества. Лебедев уже, вероятно, планировал строительство собственного театрального помещения, но для первой постановки попросил того самого «высокомерного руководителя театра Компании» Томаса Роуворта предоставить ему сцену «Калькуттского театра». Роуворт «отказал и з другими смеялся будто безумному предприятию» (из письма А.А. Самборскому, 8 мая 1797 г. [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6077. Л. 6; Русско-индийские отношения 1965: 445])[92].

[92] Об «отказе компанских слуг надзирателя ссудить меня театром» Лебедев упоминал также 15 июля 1797 г. в письме российскому послу в Лондоне гра-

Вскоре Лебедев арендовал у владельца, доктора Джогоннатха Гангули, подходящее здание на улице Домтолла, 25. Произошло это, вероятнее всего, 1 июня 1795 г. [Русско-индийские отношения 1965: 455]. В Колкате и сейчас можно найти такого рода большие старинные дома с высокими потолками и колоннами в центральном зале. Здание, по-видимому, давно не использовалось, так как Лебедеву пришлось чинить разбитые старые оконные ставни, вставлять новые замки, штукатурить стены, восстанавливать на лестнице сломанные ступени, ремонтировать пристройки и т.п. Кроме того, надо было переоборудовать здание под театр европейского типа, которому суждено было стать первым в истории современного индийского театра. Все эти работы Лебедев предпринял на средства, скопленные им за время концертной деятельности в Индии.

Вот как он сам описывал процесс обустройства театра в том же письме к А.А. Самборскому:

> Смело решился на остальныя деньги состроить в наемном доме в улице Домтола, № 25 свой театр, которой вмещал более трехсот персон, и быть архитектором, повелителем и надзирателем за столярами, плотниками, кирпишниками и другими работниками.
>
> И, когда на воздвигнутых кирпишных и деревянных столбах и подпорах, перекладах и на забойках положена была уже кровля, в портере (в зале) и в двух этажах (рядах) насланы были полы, старал[с]я я потом на отделенном для представления явлениев полу, подобно моему земляку, ярославцу Федору Совкову, в Калкуте, будто в Москве, намалевал ширмы в бенгальском вкусе. Признаюсь, не так, как быть должно, красиво, но был доволен по пословице: бологo[93] не делье, да свое ста рукоделье [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6077. Л. 6; Русско-индийские отношения 1965: 445].

фу Семену Романовичу Воронцову [Архив князя Воронцова 1880: 176; Русско-индийские отношения 1965: 460]. Кроме того, в «Меморандуме» Лебедев писал: «Я даже просил об аренде театра Компании, пока мой не будет готов, но, вместо того чтобы согласиться на мое предложение, они повсюду в частном кругу насмехались над тем донкихотским планом (как они его называли), которому я собирался следовать» [Русско-индийские отношения 1965: 433; Мамуд 2012: 129–130].

[93] *Бологo* — «благо; хорошо; ладно».

Как уже было сказано в предыдущей главе, фамилия «Совков», видимо, по ошибке заменила фамилию известного создателя русского театра Федора Волкова, уроженца Ярославля. Об этой подмене догадывались многие исследователи и раньше, но безусловным подтверждением догадки явилось открытие, сделанное М.Г. Ваняшовой [Ваняшова 2006: 188]. Оказалось, что весь рассказ Лебедева о строительстве своего театра смоделирован рассказом в книге Н.И. Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях» о первом русском театре в Ярославле, который «старанием г. Волкова и построен и столь был пространен, что мог помещать в себе до 1000 человек. При строении сего театра был он сам архитектором, живописцем и машинистом; а когда приведен был оный ко окончанию, то сделался он на сем театре и главным директором, и первым актером. На сем новом театре начал он с прочими представлять оперы: “Титово милосердие”, “Евдоксию венчанную” и другие драмы, переведенные на российский язык. Сделано было приличное к тому платье и прочее, чему всему сам он был изобретатель» [Новиков 1772: 36]. Слова «в Калкуте, будто в Москве» находят объяснение в том, что далее в книге Новикова говорится об учреждении Ф. Волковым в 1759 г. театра в Москве [Там же: 39].

Благодаря введению к «Грамматике» мы знаем, сколько времени Лебедев строил свой театр:

> Заручившись столь высокой поддержкой (имеется в виду лицензия, полученная от генерал-губернатора. — *Я.В.*), я жаждал приступить к постановке. По собственному проекту я начал строить просторный театр на улице Дом Толла (Доум лэйн), № 25, в центре Калькутты. Одновременно я поручил своему лингвисту найти мне местных актеров и актрис. *Через три месяца* (курсив мой. — *Я.В.*) и театр, и актеры были готовы к представлению пьесы “The Disguise” [Lebedeff 1801: 6].

С актерами и актрисами пришлось, по-видимому, немало поработать. От нанятых Голокнатхом Лебедев был не в восторге. В письме к А.А. Самборскому он характеризовал их весьма нелестными эпитетами, хотя обычно говорил об индийцах вообще и о бенгальцах в частности только хорошее.

Между многочисленными заботами успел также научить комедиальному действию дикокажущихся, вялых, лицемерных бенгальцов: трех женщин и десятерых мущин.

И такое ж число научил петь гиндостанскими словами и играть музыку, сочиненную мною на тот случай, их любимыми инструментами [Антонова 1956: 169; Русско-индийские отношения 1965: 445].

О музыке Лебедева у нас еще будет возможность поговорить отдельно, здесь же сосредоточимся пока на актерах и актрисах. Скорее всего, Хаят Мамуд прав, когда объясняет причину столь нелестного высказывания Лебедева о своих актерах тем, что участвовать в непонятной затее согласились лишь люди, ранее не игравшие в каких либо театральных труппах (например, традиционного народного театра — *джатры*) и принадлежавшие к самым низким, отверженным социальным слоям. По мнению Х. Мамуда, в распоряжении Лебедева «оказалась труппа из десяти неопытных и непрофессиональных актеров, возможно, сомнительного поведения и невысокого интеллекта» [Мамуд 2012: 383]. Но тот факт, что в течение всего трех месяцев они смогли научиться актерскому искусству, пению и музыке, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что у них все-таки были определенные навыки. Возможно, они были низкокастовыми или внекастовыми бродячими артистами, не исключено, представлявшими в прошлом какую-нибудь этническую группу, наподобие распространенных по всей Индии *банджара* [Успенская 2010: 355]. Весьма вероятно, это были описанные современником Лебедева именно в Бенгалии *наты* (бенг. naṛ-, от санскр. naṭa- ‘танцор, актер’) — этнического происхождения каста бродячих актеров, акробатов, певцов, плясунов и музыкантов, которую англичане считали близкой европейским цыганам. Социальное положение их было крайне низким [Williamson 1810: 413–420; Russell, Hira Lal 1916, IV: 286–294].

Хаят Мамуд считает введение Лебедевым в театр актрис для исполнения женских ролей новаторским шагом, скорее всего, продиктованным русской театральной практикой, поскольку, как он пишет, «в “Кэлката театре” женщины никогда не участвовали в спектаклях» [Мамуд 2012: 383, 386]. Действительно, в первые

годы существования «Калькуттского театра» женские роли исполняли молодые мужчины, как это было принято в Англии. Но в 1788 г. под влиянием славящейся своей красотой и популярной в обществе миссис Бристоу, объявившей о намерении открыть свой домашний театр, где будут играть и женщины, владельцы «Калькуттского театра» тоже решили наконец допустить на сцену женщин [Das Gupta 1934: 197–199, 219, 221; Senelick 2012: 24]. В том же году дебютировала миссис Харлоу, в 1790 г. газеты писали о бенефисе миссис Хьюз, а Пол Джодрелл и его супруга, как мы уже упоминали, выступали на сцене вместе.

Если решение Лебедева использовать в своем театре женщин-актрис и было «поразительным новшеством» [Senelick 2012: 24], то по отношению не к театру Ост-Индской компании, а к традиционному театру Бенгалии — мистериальной *джатре*. Правда, по преданию, еще во времена великого вайшнавского философа и проповедника Чайтаньи (1486–1533) другой проповедник вишнуитского бхакти, Рамананда, ставил при дворе царя Ориссы Пратапарудры свою пьесу на тему жизни Кришны, пригласив играть в ней красивых девушек-девадаси, и сам обучал их актерской игре [Das Gupta 1934: 99–101]. Поэтому иногда говорят, что в средневековой джатре участвовали женщины [Мамуд 2012: 385, 403]. Но история о Рамананде призвана лишь подчеркнуть степень достигнутого этим мистиком и аскетом бесстрастия, а кроме того, его пьеса не была джатрой, поскольку была написана на санскрите и продолжала, по-видимому, традицию классической древней и средневековой драмы. Женщины стали иногда участвовать в джатре лишь с появлением непрофессиональных, любительских трупп, засвидетельствованные случаи относятся уже к середине XIX в. [Das Gupta 1934: 126–127; Мамуд 2012: 385, 403; Simon 2013: 32]. Это было время упадка и деградации жанра. Но до этого всегда и, в частности, во времена Лебедева и его театра женские роли в джатре исполняли только мужчины.

Следовательно, актрисы, приведенные к Лебедеву Голокнатхом, никак не могли придти из джатры. По-видимому, это были либо женщины из касты *натов* — *нати* (отсюда англо-индийский термин для них: *nautee*, см., напр.: [Bhattacharya 2003]), либо так на-

зываемые *nautch-girls, nach girls* — «танцовщицы» [Yule, Burnell 1996: 620], буквально «девушки танца», поскольку nauch, notch, nach — это англо-индийская передача бенгальского и хинди *nāc* — «танец», продолжения санскритского *nṛtya* и пракритского *nacca* с тем же значением. Это были танцовщицы, они же обычно певицы, выступавшие главным образом перед мусульманской аудиторией (см. ил. 18). Наиболее выдающиеся исполнительницы могли выступать при дворах правителей, менее удачливые труппы вели кочевой образ жизни, переходя от одной населенной мусульманами деревни к другой. В описываемое время наиболее привлекательной для них аудиторией стали британские военные, труппы *nautch-girls* стремились закрепиться в крупных городах, где размещались воинские части. Здесь, помимо дохода от выступлений, многие из них добывали дополнительные средства, заводя себе щедрых «покровителей» из числа офицеров или просто занимаясь проституцией. Как в глазах местного населения, так и по описаниям англичан [Williamson 1810: 420–424; Ward 1818, LVII: 103], танцовщицы мало чем отличались от проституток. Многие из них не знали даже места своего рождения, поскольку были в раннем детстве похищены или проданы своими родителями. Поэтому все свои дополнительные заработки эти полурабыни должны были отдавать хозяину или хозяйке труппы.

Таким образом, актеры и актрисы, с которыми пришлось работать Лебедеву при подготовке своего первого спектакля, были, очевидно, забитыми, подавленными, но в то же время хитрыми и скрытными представителями самого что ни на есть социального дна. Этим и объясняется впечатление, которое они, «дикокажущиеся, вялые, лицемерные», произвели на своего «режиссера».

Какую же пьесу собирался Лебедев поставить на сцене с этой труппой? Что представлял собой его перевод? Прежде всего надо сразу подчеркнуть, что это был не просто перевод, а перевод со «склонением на местные нравы». Это свидетельствует о хорошем знакомстве Лебедева с русской драматургической и переводческой традицией XVIII в. Большинство русских пьес XVIII в. в той или иной мере использовали прием «склонения на русские нравы», т.е. переводили или пересказывали иноземную пьесу, переносили действие из европейских стран в Россию, давали персо-

нажам русские имена, а иногда и существенно перестраивали все действие (см., например: [Топоров 1989; Дерюгин 1995; Гуськов 1999]). Лебедев столь далеко не заходил. Он просто перенес действие пьесы из Испании (Севилья, Мадрид) в Британскую Индию (Калькутта, Лакхнау), а также дал героям индийские имена: герой, Дон Луис, стал Бхолонатхом Бабу, его слуга Бернардо получил имя Рам Шонтош. Отчасти Лебедев переложил действие пьесы «на индийские нравы». И это, как мы вскоре увидим, произвело эффект, которого, может быть, он сам не ожидал. Если англичан, зрителей и читателей пьесы Джодрелла, забавляло описание условной Испании (страны, традиционно враждебной Англии), где по улицам разгуливают воры и наемные убийцы, где царит коррупция, адвокаты беззастенчиво грабят своих клиентов, то совсем другая реакция была у тех же англичан, когда они видели в пьесе Лебедева все это происходящим в городах Британской Индии.

Сюжет вкратце сводится к следующему. Шукхомойи, дочь состоятельного и знатного жителя Лакхнау, одной из культурнейших и богатейших столиц Северной Индии, влюблена в знатного юношу Бхоланатха Бабу[94], который отвечает ей взаимностью. Однако отец Шукхомойи намерен выдать ее за другого, более богатого соседа. Бхоланатх Бабу убивает соперника в поединке и вынужден бежать из Лакхнау в Калькутту. Там он увлекается девушкой по имени Шошимукхи. Узнав об этом, Шукхомойи, отец которой умер, отправляется в Калькутту, переодевшись в мужское платье. Под именем Мохончанда Бабу, она встречается с Бхоланатхом, становится его другом и конфидентом и в то же время начинает ухаживать за Шошимукхи. Путем сложной интриги Шукхомойи (Мохончанду) удается поссорить Бхоланатха с Шошимукхи, доказать ему, что эта женщина недостойна его любви. В пьесе фигурируют наемные убийцы, которых обиженная Шошимукхи подсылает к Бхоланатху, стражники-чокидары (см. ил. 21), которые их арестовывают, уличные музыканты, торговцы, юрист и его клерки. Основные персонажи то и дело меняют обличье и имена:

---

[94] *Бабу* (бенг. bābu, хинди bābū) — почетный титул, добавляемый к имени, в значении «господин» или «уважаемый» (восходит к санскр. bappa-, в детской речи: «отец; папа»).

Бхоланатх в Калькутте (согласно петербургской рукописи перевода) живет под чужим именем, наперсница героини Ротонмони в мужской одежде сопровождает «Мохончанда» в качестве «слуги», служанка Шукхомойи Бхаггоботи, отправляясь с поручениями хозяйки, закрывает лицо покрывалом, отчего ее не узнает собственный муж — слуга Бхоланатха, комический персонаж Рамшонтош, который начинает ухаживать за «незнакомкой». Тот же Рамшонтош, дабы испытать верность своей жены, является перед ней в виде знатного раджпута под именем Шри Лохарам Синх и объясняется в любви. В финале, разумеется, Бхоланатх вспоминает о своей любви к Шукхомойи, «Мохончанд», которого герой едва не вызвал на дуэль как соперника, открывает свой истинный облик и дело кончается свадьбой.

Для первого представления Лебедев приготовил сокращенный одноактный вариант пьесы. Причины для этого он называл разные: в одном случае, ссылался на то, что для представления полной версии ему не хватало актеров. В другой раз в письме А.А. Самборскому Лебедев писал: «[К]омедия, называемая “Притворство”, была представлена в одном акте по совету и сокращена по причине, что весьма мало европейцов за тяжелостию разумеют бенгальский язык. И сего ради думали, долгое действо покажется скучным» [Русско-индийские отношения 1965: 445]. Не исключено также, что полный текст пьесы в это время еще дорабатывался, и Лебедев составил одноактный вариант из сцен, переведенных им набело в первую очередь.

«По приведении всего в порядок, — писал Лебедев А.А. Самборскому, — позвал я моих друзей на пробу, которыя, увидя до сего невидимое в Ынди(и), одели чистосердечно все приятностию, и во граде Калкуте весть разнеслась, распустилась во окрестных селениях и откличка в воздухе громко зашумела. Восстала во градах забота, и желающие видеть прехождением пыль заставили облака затмевать, и я без откладу должен был назначить день» [Русско-индийские отношения 1965: 445].

Пятого ноября 1795 г. в “Calcutta Gazette” появилось первое объявление о предстоящем спектакле, еще без указания даты и цены на билеты (см., напр.: [Banerjee 1943: 4; Solomon 1994:

341]). За ним последовали другие (напр., в “Calcutta Gazette” за 26 ноября 1795 г. [Banerjee 1943: 4, 5; Solomon 1994: 342]), а среди лебедевских бумаг в архиве Вяземских сохранилась афиша, отпечатанная накануне представления и содержащая все необходимые подробности [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6076. Л. 9–10; Антонова 1956: 179]. Вот ее перевод:

С разрешения достопочтенного генерал-губернатора

Господина Лебедева
Новый театр на улице Думтулла,
С декорациями в бенгальском стиле,
Откроется завтра в п я т н и ц у, 27-го числа сего месяца 1795 г.
пьесой
под названием
«ПРИТВОРСТВО»
(В ролях выступают актеры и актрисы)
Начинается с вокальной и инструментальной музыки, называемой
ИНДИЙСКАЯ СЕРЕНАДА
К инструментам, почитаемым бенгальцами, будут
добавлены европейские.
На музыку положены слова знаменитого
поэта Шри Бхарат Чандра Рая
Ложи и партер 8 сикка рупий
Галереи — 4 [сикка рупии].

Билеты продаются в театре
Калькутта, 26 ноября 1795 г.

Объявление от 5 ноября также обещало публике некие «забавные диковинки» (amusing Curiosities) в перерывах между актами.

Этими объявлениями и афишей засвидетельствован целый ряд невиданных новшеств, причем все эти новшества основаны на слиянии элементов европейской и индийской культур. Главное из них в афише даже не обозначено, поскольку всем и так было известно: впервые европейская пьеса будет представлена на индийских языках и действие ее будет перенесено в Индию. Декорации — характерный атрибут именно европейской сцены — были хорошо известны жителям города по спектаклям «Калькуттского театра»,

где их расписывал как раз будущий злодей Лебедева Джозеф Бэттл. Но Лебедев расписал декорации «в бенгальском стиле», т.е., как полагают, используя «религиозные мотивы в красном и желтом тонах» [Gargi 1962: 108; Solomon 1994: 325; Simon 2007: 32]. В пьесу европейского автора, перенесенную им на индийскую почву, Лебедев ввел музыку и пение, без которых не обходилось и было немыслимо ни одно представление традиционного индийского театра. При этом вся эта «Индийская серенада» (в самом названии которой уже звучала встреча культур) исполнялась совместно индийскими и европейскими музыкальными инструментами.

Встречей культур спектакль, состоявшийся 27 ноября 1795 г., был еще в одном смысле. До тех пор европейцы и индийские жители Калькутты жили в двух практически не пересекающихся театральных мирах. Лишь изредка богатый индиец мог пригласить знатного или чиновного англичанина на домашнее выступление nautch-girls или на представление *джатры*. Знатный или богатый индиец тоже мог попасть по приглашению, в виде исключения, на спектакль «Калькуттского театра». Многие индийцы уже в это время, несомненно, очень хотели бы побывать в английском театре, но свободного доступа туда они не имели, да и языка не знали. Теперь Лебедев впервые открыл для них театр европейского типа, игравший на понятном им языке. В первый раз индийцы и европейцы, владевшие хоть в какой-то мере индийскими языками, сидели в одном зале, смотря один спектакль, составляя одну аудиторию (ср.: [Kemp 1958: 137]).

«Собрание было столь многолюдно, что если бы театр мой был трижды больше, конечно был бы наполнен», — писал Лебедев. Оценили его труд и «знающие» люди, которыми он «был… одобрен для второго представления» [Русско-индийские отношения 1965: 445]. Уже через несколько дней судья Хайд, как ранее говорилось, начал подписку для второго представления.

На этот раз Лебедев предлагал вниманию публики уже полный трехактный вариант «Притворства». В первом акте персонажи говорили только на бенгали. Во втором акте первая сцена шла на «базарном хиндустани» или, как тогда говорили, на «маврском» (Moors) языке, вторая сцена — на бенгали и третья — на английском.

Объявление о предстоящем втором представлении пьесы появилось в “Calcutta Gazette” сначала 10 марта [Cakrabartī 1989: 27–28], затем 17 марта 1796 г. Приводим текст второго, более полного объявления в переводе с английского оригинала, фото которого содержится в книге Х. Мамуда [Мамуд 2012: 425]:

БЕНГАЛЬСКИЙ ТЕАТР,
№ 25, Думтолла.

М-р ЛЕБЕДЕВ (Lebedeff), обращаясь с почтительнейшим приветствием к подписчикам его БЕНГАЛЬСКОГО СПЕКТАКЛЯ, сообщает им, что второй спектакль назначен на понедельник, 21-го текущего месяца, и просит их послать (слуг) за билетами и за программой с изложением сюжета и явлений драмы не позднее 19 числа текущего месяца.

В целях наиболее комфортного размещения публики, число подписчиков ограничено 200-ми, каковое число уже почти достигнуто. Подписка в размере одного золотого мохура за билет будет приниматься м-ром Лебедевым вплоть до ее заполения. У входа деньги приниматься не будут, и никто не будет допущен (в зал) без билета.

Калькутта, 16 марта, 1796 г.

Упоминаемая в объявлении рассылавшаяся подписчикам печатная программа спектакля с изложением содержания каждой сцены всех трех актов сохранилась в той же лебедевской тетради из архива Вяземских, что и афиша первого представления. Перевод этой программы приводим по изданию К.А. Антоновой [Антонова 1956: 180–183]. Имена персонажей даны здесь в упрощенной и «англизированной» форме, при этом транскрипция имен не унифицирована.

Калькутта, понедельник 21 марта 1796 г.

БЕНГАЛЬСКИЙ ТЕАТР
Г-на Лебедева

№ 25
Думтулла
«ПРИТВОРСТВО»
Комедия в трех актах, написанная *М[-ром] Джодреллом*

АКТ I. Целиком на бенгальском. АКТ II, сц. I на маврском, сц. II на бенгальском и третья (последняя) сцена этого акта будет представлена на английском языке. АКТ III целиком переведен на бенгальский.

В оригинале действие происходит в Испании, но в переводе действие перенесено в Индию. Городами, о которых идет речь, вместо Мадрида и Севильи являются Калькутта и Лакнау. Имена действующих лиц из европейских изменены на свойственные Индии имена, как то:

Мужские:

В оригинале:	В переводе:
Дон Люис, переодетый доном	*Бхолонат Бабу, переодетый*
Педро	*как* Гьери Дхори Бабу
Бернардо, *его слуга*	*Рамшонтош*
Гузе Киллос, *адвокат*	Гомаста [агент]
Двое убийц:	Кхуньи:
Карва	Тинкоури
Веласко	Панчкоури
Савояр	Поуруч канн
Хозяин	по имени Шойс
Писец адвоката	по имени Оукулер наиб (моухурир)
Торговцы	Бипари или шодагеры
Женские:	
Клара, *переодетая* Антонием	Шукмой, переодетая как Мохан Чанд Бабу
Беатриса, *ее служанка*	Бхаггьо Боти
Урсула, *другая служанка*, *переодетая слугой*	Раттон Мони
Две девушки-савоярки	Две певицы по имени Ньел Мони и Рам Мони

Для понимания пьесы необходимо предположить, что Бхолонаут Бабу, знатный человек из Лакнау, и Шук Мой, дама из того же города, любят друг друга, но ее отец настаивал на том, что она должна выйти

замуж за другого, более богатого. Бхолонаут дрался с этим последним и убил его. В результате он был вынужден бежать из Лакнау и отправился в Калькутту, где он влюбился в женщину, но имени Шуки Муки. По смерти отца, узнав об этой привязанности, Шук Мой переоделась мужчиной и тоже отправилась в Калькутту. Будучи переодетой, она подружилась с Бхолонаутом и ухаживает за Шуки Муки, стремясь таким путем разъединить Шуки Муки и Бхолонаута. С этого начинается пьеса.

АКТ I, СЦЕНА I

Входит Шук Мой (переодетая как Мохан Чанд Бабу) с разными музыкантами и, следуя своему плану разъединить Шуки Муки и Бхолонаута Бабу, дает ей серенаду. Музыканты играют. Когда они кончают, Шук Мой сообщает им, что дама довольна и отпускает их, а затем уходит сама.

Затем входит Рамшонтош и рассуждает о том, как процветают в Калькутте любовные интриги. Затем входит Бхаггьо Бути, его жена, прикрывшая лицо покрывалом. Она делает вид, что она дама, влюбленная в него, и дает ему подарки, которые он должен положить в комнату его хозяина (посланные ее хозяйкой). Он ухаживает за ней, и она подает ему надежду. Он хочет увидеть ее лицо, но она не позволяет, дает ему пощечину и уходит.

СЦЕНА II. ДОМ ШУК МОЙ

Раттон Мони, одна из служанок Шук Мой, переодетая слугой. Входит Шук Мой с гитарой, а затем Бхоггьо Боти. В разговоре Шук Мой рассказывает о своем плане. При приближении Бхолонаут Бабу она перевязывает себе руку, и когда он входит, делает вид, что ранена в столкновении. Они говорят о любви Бхоланаута к Шуки Муки и, под предлогом, что она не может писать, Шук Мой заставляет Бхолонаута написать письмо, которое, по ее словам, она собирается послать одной недостойной девушке, чтобы порвать с ней. После того, как Бхолонаут Бабу написал письмо, она отсылает его под предлогом какого-то дела. Это письмо Шук Мой решает послать Шуки Муки от имени Бхолонаута, собирающегося расстаться с ней навек, и даст отнести его Бхаггьо Боти. Однако та боится, что тогда ее побьют Шуки Муки и ее слуги, и уходит, чтобы передать его для отправки Рам Шонтошу.

СЦЕНА III. УЛИЦА

С одной стороны появляется Рам Шонтош, с другой — Бхаггьо Боти. Он проходит мимо нее, напевая и делая вид, что не замечает ее. Она стремится привлечь его внимание и спрашивает, не надо ли

освежить его память еще одной пощечиной. От этого Рам Шонтош отказывается, говоря, что он к ее услугам. Она подает ему руку и во время разговора вынимает письмо для Шуки Муки и просит его отнести это письмо. Оба уходят.

АКТ II, СЦЕНА I. УЛИЦА

Рам Шонтош бежит со всех ног через сцену. Тин Коури и Панч Коури с палками в руках наблюдают за ним. Он возвращается, они нападают на него. Они спрашивают его, почему он не хочет подождать ответа па письмо, которое он принес Шуки Муки, дают ему письмо от Шуки Муки, являющееся, по их словам, ее ответом, а также сообщают, что им приказано хорошенько поколотить его. Рам Шантош хочет этого избежать и предлагает им половину своих денег, но они заставляют его отдать все и уходят.

Рам Шонтош (один) жалуется на свое положение и в порыве отчаяния бросает на землю письмо и уходит для того, чтобы утопиться.

Входит Бхолонат Бабу, замечает письмо, подбирает его и читает. Он не понимает, как его объяснить себе и, наконец, решает, что причина такого письма в Рам Шонтоше и уходит, стремясь разрешить загадку.

СЦЕНА II. ПАРК

Входят Поуруч кан и певицы. Рам Шантош, направляясь к реке топиться, замечает музыканта и певиц; они разговаривают с ним, отговаривают от намерения утопиться и убеждают обратиться к правосудию[95]. Все уходят.

Входит Шук Мой (в качестве Мохан Чанд Бабу) и Раттон Мони (в качестве слуги), желая встретиться с Бхолонатом Бабу. Они удивлены, что его нет, хотя он обещал быть. Они прогуливаются. Входит музыкант и певицы и, считая их мужчинами, приближаются и просят милостыню. Они поют и играют. Раттон Мони в гневе выдает себя. Музыкант хочет ее обнять, она убегает позвать чокидаров, а музыкант и певицы бегут за ней.

Входит Бхолонат Бабу в поисках Рам Шонтоша и, не найдя его, уходит. Шук Мой останавливает его. В разговоре она показывает ему письмо, полученное от Шуки Муки, в котором та просит ее помочь

[95] Во время их разговора «воздух наполняется вонью, и музыканты недоумевают, откуда она взялась. Рамшонтош объясняет, что воняет от него самого, и запах этот — подтверждение того, что его оскорбили» [Мамуд 2012: 281]. В английском тексте Джодрелла есть деталь, опущенная Лебедевым при переводе: отвергнутая возлюбленная велит своим слугам выбросить принесшего письмо в окно и вылить на него ночной горшок.

двум наемным убийцам лишить Бхолоната жизни, а потом бежать к ней в объятья. Наемные убийцы входят с мечами и нападают на Бхолоната, но в это время Раттон Мони входит с чокидарами, которые хватают убийц и уводят их в тюрьму. Бхолонат убедился в вероломстве Шуки Муки и объявляет о своем намерении немедленно уехать в Лакнау. В разговоре Шук Мой как бы нечаянно роняет свой портрет. Бхолонаут с восхищением поднимает его, целует и утверждается в своем решении уехать к ней в Лакнау, где она, по его мнению, находится. Он уходит.

Входит Бхаггьо Боти. Она спрашивает, удался ли замысел. Шук Мой говорит ей, что она убедилась в любви к ней Бхолоната, и сообщает, что она немедленно отправляется к себе домой. Все уходят.

СЦЕНА III. КОНТОРА АДВОКАТА. НЕСКОЛЬКО ПИСЦОВ ЛЕНИВО ОБЛОКАЧИВАЮТСЯ НА СТОЛЫ

После краткого разговора между адвокатом и его писцами входит Рам Шонтош и начинает излагать свое дело. После нескольких его смешных замечаний адвокат и писцы его выгоняют.

АКТ III, СЦЕНА I. УЛИЦА

Входит Бхаггьо Боти и, видя странную фигуру, прячется и подглядывает. Входит Рам Шонтош, одетый раджпутом, с длинным мечом. Он разговаривает сам с собой. Увидев Бхаггьо Боти и признав в ней свою жену, он ухаживает за ней и становится перед ней на колени. В последующем разговоре он стремится убедить ее, что является весьма важным раджпутом, что его зовут Шри Лоха Рам Синх, и что он по уши влюблен в нее. Он хочет снять ее покрывало и поцеловать ее. Бхаггьо Боти отказывается, но обещает встретиться с ним в парке. Она уходит. Рам Шантош горюет о вероломстве своей жены и уходит.

СЦЕНА II

Входит Бхолонат Бабу, говорит о великодушном поведении Мохан Чанд Бабу по отношению к нему со времени его приезда в Калькутту и, собираясь уехать в Лакнау, зовет трактирщика приготовить ему лошадей. Трактирщик так много говорит, что Бхолонат Бабу наконец выталкивает его и приказывает Рам Шантошу проследить за тем, чтобы лошади были готовы. Он опять говорит о своих надеждах на хорошую встречу со стороны Шук Мой и о том, с каким наслаждением он ее увидит опять. Он слышит голос с другой стороны, который он признает за ее голос, подходит к двери и стучит. На балконе появляется Раттон Мони и сообщает ему, что в этом доме живет молодая сирота, которую ее упрямый отец запер за страсть к человеку, убившему своего соперника в любви. Бхаггьо Боти уходит в дом и при этом сообщает ему, что имя сироты — Шук Мой.

Входит Рам Шонтош и сообщает, что лошади готовы. Бхолонат колеблется и уходит.

СЦЕНА III. БЕСЕДКА В САДУ ШУК МОЙ

Она появляется в собственной одежде. Следующей за ней Раттон Мони она выражает удивление, что женщины стремятся подражать мужчинам и перенимать их манеры. Услышав стук, она посылает Бхаггьо Боти приготовить все для свадьбы.

Входит Бхолонат Бабу, вздрагивает и изумляется, что она в Калькутте, когда он так недавно оставил ее в Лакнау. В разговоре он укоряет ее за любовь к Мохан Чанд Бабу. Входит Бхаггьо Боти и сообщает ему, что Мохан Чанд подслушал весь разговор. Бхолонат решает с ним драться и хочет его видеть. Шук Мой раскрывает, что это была она сама, в переодетом виде. Все рады и решают заключить брак. Разговор между Бхаггьо Боти и Рам Шантошом о любовных интригах. В заключение Шук Мой советует им помириться и обращается к зрителям, прося извинить все недостатки.

Изд. Купера. 1796 [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6076. Л. 5–9].

Как могли реагировать на этот сюжет индийцы? Ведь многое в нем совершенно не соответствовало их привычным представлениям и бытовым нормам. Например, активность героини, не только путешествующей без сопровождающего ее мужчины, но и переодевающейся в мужской наряд, плохо увязывалась с реальным положением женщины в индийском обществе. Но Лебедев, по его собственным словам, опробовал свой перевод, прочитав его перед собранием ученых пандитов и наблюдая за их реакцией на те или иные моменты в пьесе. И именно после этой пробы среди индийского населения Калькутты распространилась молва об этом необычайном новшестве, намного более эффективная, чем какая-либо реклама. Есть свидетельство, что калькуттцам нравился именно образ героини, дочери богача из аристократического, изысканного Лакхнау, которая последовала за своим возлюбленным в их город, воспетый в пьесе как город любви, и победила в борьбе за свое счастье [Simon 2013: 32]. Возможно, восприятие ими этого образа облегчалось ассоциациями с какими-нибудь общеизвестными романтическими балладами. Не исключено, что именно с целью вызвать подобные ассоциации Лебедев ввел в музыкальный фон пьесы положенные им на музыку стихи Бхаротчондро Рая о любви Видьи и Сундара.

В письме А.А. Самборскому Лебедев сообщал: «21 марта 1796 г. та же комедия “Притворство” в трех полных актах представлена была во второй раз. И безпристрастными нелицемерно все опять хоша и было зрителями похвалено, только промышленниками сего рода вскоре дано было знать, что за сие учащия гиндостанския языки и переводчики весьма на меня сердиты, да и не без причины, о которой, однако ж, буду говорить во удобнейшее время». О том, кто такие «учащия гиндостанския языки и переводчики» и за что они могли рассердиться на Лебедева, будет подробно сказано ниже. Пока что лишь отметим, что какие-то тревожные для Лебедева нотки прозвучали уже в первые дни после бесспорно успешного представления. Тогда он не придавал им значения, о чем свидетельствует продолжение письма: «Но могли ли оне остановить, когда фартуна на крыльях меня несла и когда в два удачливых представления возвратил только половину моих издержек, которые опять издержал при надежде возвратить и получить барыш» [Русско-индийские отношения 1965: 445, 446].

24 марта в “Calcutta Gazette” под заголовком «Бенгальский театр» появилось следующее обращение Лебедева к подписчикам:

> М-р Лебедев (Lebedeff) почтительнейшим образом выражает признательность дамам и господам сего поселения, подписчикам на его второй БЕНГАЛЬСКИЙ СПЕКТАКЛЬ, почтившим его своим непревзойденным покровительством, и имеет честь заверить их, что он испытывает чувство благодарности за весьма щедрую поддержку, оказанную ему в данном случае, и молит их благосклонно принять его сердечное «Спасибо!» [Banerjee 1943: 5; Cakrabartī 1989: 29–30; Solomon 1994: 343].

Опубликовавший этот текст в 1943 г. Браджендра Натх Банерджи, заключая свой рассказ о Лебедеве, писал: «Оставив это прощальное послание, изобретательный иноземец навсегда исчез из жизни обитателей Калькутты». Теперь мы знаем, что Лебедеву предстояло провести в Калькутте еще полтора с лишним года, самых драматичных в его жизни, а два века спустя вернуться в общественное сознание калькуттцев в качестве культурного героя, стоявшего рядом со своими бенгальскими друзьями у истоков индийского национального возрождения.

В своем введении к «Грамматике» Лебедев писал, что и первое, и второе представление прошли при «переполненном зале» [Lebedeff 1801: 6]. Опьяненный успехом, он вложил всю выручку от второго представления в подготовку следующего спектакля, совершив при этом ряд неосторожных поступков, которые приближали к гибели его, возможно, и без того уже обреченный театр.

Продолжая то же письмо А.А. Самборскому, Лебедев писал: «Выпросил я у того же господина губернатора позволенье представлять камеди[и] на бенгальском и англинском языках, чтоб боле нравиться публике и лутче научиться языкам». Генерал-губернатор сэр Джон Шор немедленно выдал требуемое разрешение, хотя, возможно, уже знал, что театру Лебедева существовать осталось недолго.

Лебедев позднее писал в «Меморандуме»: «После первого и второго представления “The Disguise”, которые прошли при переполненном театре, я получил полное разрешение представлять пьесы как на бенгальском, так и на английском языке. Это настолько взбесило руководителя и некоторых владельцев (театра), что они не остановились ни перед чем, стремясь помешать моему быстрому продвижению» [Антонова 1956: 166]. Хотя, как мы постараемся показать в дальнейшем, причина развернутой против Лебедева травли лежала глубже и главный толчок к ней был задан самим вторым представлением «Притворства», заявленное им намерение ставить пьесы на английском языке, несомненно, мотивировало менеджера и владельцев театра выступить застрельщиками интриги, направленной против конкурента.

Вторым опрометчивым ходом Лебедева, еще не осознавшего, что своим спектаклем он бросил вызов британской колониальной элите, было его обращение к жителям Калькутты и окрестностей с уведомлением о планировавшемся третьем представлении «Притворства» исключительно для индийских зрителей. Английский текст этого обращения сохранился в архиве, в той же тетради, где находятся афиша первого и программа второго представления (РГАЛИ, ф. 195, № 6076, л. 3–4). Он написан рукой Лебедева. По мнению публикатора, К.А. Антоновой, обращение

было составлено после второго спектакля, но не ранее 26 марта 1796 г.[96]

> Mr Lebedeff still has the presumption, but with the greatest respect, to invite the Asiatic Inhabitants only, at and in Vicinity of Calcutta to attend another representation of his Play written in the Bengallie and Hindostanie Languages, wherein for the Express purpose of enlivening the Scene will be introduced some Select Bengallie Songs, adopted to, and accompanied by European Instruments: and since he has enlarged the Performance to Three Complete acts, and taken particular pains to Instruct all the actors and actresses in their asigned Parts, he humbly confides that increased amusement will be now afforded to every auditor.
>
> Should it meet approbation Mr Lebedeff would fix the Subscription to a Determined Number of persons which taking effect the whole House will be at the entire Disposal of the Asiatic Subscribers.
>
> Due notice of the Performance will be previously given.

> Господин Лебедев опять, может быть, самонадеянно, но с чувством глубочайшего почтения приглашает только азиатских жителей города Калькутты и его окрестностей присутствовать при другом представлении его пьесы, написанной на бенгальском и индостанском языках, где, со специальной целью оживить сцену, будут включены некоторые избранные бенгальские песни, приспособленные к исполнению на европейских инструментах и в сопровождении последних. Поскольку он расширил представление до трех полных актов и приложил особые усилия к обучению всех актеров и актрис в отведенных им ролях, он смиренно надеется, что всем зрителям будет доставлено большее удовольствие.
>
> Если это встретит одобрение, господин Лебедев ограничит подписку на абонемент определенным числом лиц, и в этом случае весь театр будет тогда полностью в распоряжении азиатских подписчиков.
>
> Будет заранее сделано извещение о дате постановки.

На том же листке по-русски приписано: «Сие было писано для третьего разу[97]. Перевод по-бенгальски читай на обороте».

На обороте листа действительно можно увидеть текст того же обращения на бенгальском языке, в бенгальской графике, с под-

---

[96] Английский текст и перевод даны по изданию: [Антонова 1956: 184].

[97] Далее написано и зачеркнуто: «только завистливыя злодеи не только воспрепятствовали, но повредили и раззорили».

строчной транслитерацией и русским пословным переводом. Фото первого листа воспроизведено в изданиях: [Антонова 1956: 185; Мамуд 2012: 426]. Бенгальское обращение также написано рукой Лебедева.

Поиски английского или бенгальского текста этого обращения в калькуттских газетах того времени были до сих пор безрезультатны. Возможно, Лебедев и не стремился опубликовать его в прессе, возможно, вообще не желал привлекать внимание британской публики и властей к этой своей акции. Он мог заказать печатный текст в типографии, как сделал с афишей первого представления, и просто размещать эти афишки в кварталах, населенных бенгальским «средним классом». Но остаться тайной для представителей колониальной администрации такое обращение никак не могло. Попытка прямого общения Лебедева со сцены исключительно с индийской аудиторией, без контроля и даже без наблюдения со стороны англичан, должна была вызвать у колониальной администрации самые худшие подозрения. Точнее сказать, она должна была подтвердить и усилить те подозрения, которые возникли, как мы в дальнейшем покажем, при просмотре второго представления «Притворства».

* * *

Получив от генерал-губернатора разрешение ставить спектакли на бенгальском и английском, Лебедев тут же начал искать через знакомых хорошего театрального художника («моляра для писания декораций»), а также европейских актрис и актеров. В этом ему, как могло показаться, внезапно и неслыханно повезло. Знаменитый художник «Калькуттского театра», в честь которого многократно устраивались спектакли-бенефисы[98], Джозеф Бэттл собственной персоной явился к нему, жалуясь на прогнавшего его мэнеджера Томаса Роуворта и предлагая Герасиму Лебедеву свое сотрудничество в разных областях.

Лебедев показал себя, безусловно, человеком доверчивым и наивным, если он принял за чистую монету рассказ Бэттла.

[98] Например, 22 апреля 1790 г., 26 марта 1792 г. и 11 апреля 1793 г. (“Calcutta Chronicle”, vol. VII, 20 March, 1792, no. 322; vol. VII; см. также: [Das Gupta 1934: 201, 203]).

Возможно, его разжалобил вид Бэттла — инвалида на деревянной ноге [Corfield 1908: 179; Das Gupta 1934: 203], который теперь, по его словам, оказался выброшен на улицу и лишен средств к существованию. Позднее Лебедев писал об этом Самборскому:

> Он, Осиф Батль, <…> в первом письменном адресе уведомил меня, что по причине худого угощения от театрального надзирателя оставил он театр (притворная о ссоре весть разпущена была теми, кои с ним подговорены, кои от дохода театрального имеют доли) и что весьма будет рад, если признаю я его надобным и приму в товарищи. О будущих наших выиграшах искусно приманчиво и о неблагосостояни[и] с фамилиею его рассказал так лукаво-хитро-скорбно, что не привыкшаго обманы и плутовства проникать заставил почти прослезиться [Антонова 1956: 170–171].

Постоянная занятость, сначала музицированием и преподаванием, позднее изучением языков и переводом пьес, по-видимому, не позволяла Лебедеву регулярно читать газеты и быть в курсе происходящего в «Калькуттском театре». Иначе он знал бы, что Дж. Бэттл всегда был не только художником театра и популярным актером (см. о нем: [Williamson 1810: 204]), но и помощником менеджера, Томаса Роуворта, по управлению театром, его правой рукой, а в некоторых случаях — исполнителем для него некоторых поручений, сказать точнее, довольно грязных дел.

Лебедев мог бы прочитать, например, в калькуттской газете “The World” за 21 июля 1792 г. (т. XLI) отчет о заседании Верховного суда, в котором слушалось дело «М-р Роуворт против Уильяма Дуэйна». Истец, Томас Роуворт, обвинял Уильяма Дуэйна, отставного офицера, издателя «Бенгальского журнала» (“Bengal Journal”), многолетнего зрителя и участника спектаклей «Калькуттского театра», в том, что тот нанес ему оскорбление действием. В ходе разбирательства выяснилось, что в предшествующем сезоне Дуэйн, который не раз находил для театра новых актеров-любителей, рекомендовал Роуворту одну актрису, которую тот принял в труппу, но впоследствии в силу неких закулисных интриг начал ставить под сомнение ее способности. Когда же протеже Дуэйна доказала свою одаренность и незаменимость, Роуворт стал при всякой возможности притеснять ее и оскорблять.

В день ее спектакля-бенефиса он оскорбил ее в столь грубой форме, что некий присутствовавший при этом джентльмен «велел ему заткнуться, иначе он выпорет его кнутом, как он, Роуворт, того заслуживает». Дуэйн вступился за актрису и пригрозил Роуворту, что это не пройдет ему даром. В ответ Роуворт запретил Дуэйну являться в театр и отдал приказ слугам и охранникам не пускать его в здание. Через некоторое время к Дуэйну обратился Джозеф Бэттл, сообщивший, что скоро предстоит его собственный бенефис, что актриса, обиженная Роувортом, решила уйти из театра, а без нее бенефис Бэттла не состоится или много потеряет. По словам Бэттла, она согласилась участвовать в спектакле только в том случае, если Дуэйн придет поддержать и при необходимости защитить ее, а Роуворта, как Бэттл заверил Дуэйна, в этот день в театре не будет.

Дуэйн явился в театр и следил за спектаклем из-за кулис, когда внезапно появился Роуворт и приказал охранникам вывести Дуэйна из театра. Тот вышел, предварительно сказав Роуворту все, что он о нем думает, и пообещав задать ему взбучку при встрече за пределами театра. Когда спектакль окончился, Дуэйн вернулся в театр, чтобы проводить свою даму до паланкина. Здесь его опять встретил Роуворт, который стал звать на помощь стражу. На этот раз Дуэйн крепко схватил его за нос и подергал его голову из стороны в сторону. После этого он ушел до того, как подоспел стражник.

Бэттл выступал в суде как свидетель обвинения: он должен был подтвердить, что Дуэйну был запрещен вход в театр. Но в ходе заседания выяснилось, что он-то и пригласил туда Дуэйна.

Суд признал Дуэйна виновным, но, приняв во внимание все обстоятельства дела, назначил ему совершенно незначительный штраф.

Калькуттское общество было на стороне Дуэйна. В следующем номере “The World” (28 июля 1792 г.) появилось письмо в редакцию, автор которого сомневался в том, что присяжные вправе называть виновным человека, доказавшего со всей очевидностью, что на насильственные действия его толкнули возмутительные поступки и провокации со стороны истца. Не следовало ли ско-

рее, — задавался риторическим вопросом читатель, — назвать виновным самого истца (т.е. Роуворта)?[99]

Таким образом, Бэттл задолго до истории с Лебедевым уже использовался Роувортом в качестве провокатора, чтобы заманить Дуэйна в ловушку и дать возможность Роуворту посадить ненавистного ему человека в тюрьму.

Знай об этом Лебедев, он вряд ли повел бы себя так неосмотрительно, как сам потом вспоминал об этом:

> Почитая доброделание чести украшением и не имев о человеке, сыскивающем моей помощи, подозрения, решился уверить щедростию и чрез то надеялся обрести его дружество.
>
> Прежде обязательства однако ж неоднократно спрашивал, не есть ли он в долгу, на что и он со слезами по чести уверил, что не находится. И при том, сказал он, жалеет, что не имеет наличных денег заплатить мне за половину театра, кроме векселем, который согласился я взять. И того ж июня м[еся]ца перваго числа 1796 года для товарищества обязались мы по форме письменным договором с подписанием наших имян, з двумя свидетелями, и каждой из нас оной договор имеет (письмо А.А. Самборскому [Русско-индийские отношения 1965: 446]).

Своим архаичным русским языком не конца, а середины XVIII в. Лебедев дает здесь понять, что сделал Бэттла полноправным своим компаньоном. В «Меморандуме» он пишет о том же на своем вполне соответствующем концу века неплохом английском:

> В разгар приготовлений к спектаклю появился угрюмый Бэттл и предложил свои услуги. Я попался на его уловку, посочувствовал его неудачам, согласился взять его в качестве художника-оформителя сцены и зашел даже так далеко, что сделал его равноправным компаньоном в моем предприятии. За это он обязался внести приемлемую сумму к уплате в течение шести месяцев или оплатить ее из его доли чистой прибыли от каждого последующего представления. Условия этого соглашения были формально составлены в виде документа, удостоверенного соответствующими свидетелями.

---

[99] Вышеуказанные номера газеты “The World” доступны в виде микрофильмов в Газетном зале Библиотеки Конгресса США.

Кроме некоторых европейских и местных актеров, были наняты две европейские актрисы, которым я ссудил деньги на содержание соразмерно жалованью, а также продолжал ежедневно платить деньги ремесленникам и разнообразным рабочим для того, чтобы ускорить открытие кампании.

Воодушевленный тем, что получил звание менеджера театра, Джозеф Бэттл, желая продемонстрировать свою значимость и утонченный вкус, немедленно принялся уродовать мой театр и испортил все сценические декорации, притом сопровождая свои бесчинства лживыми обещаниями улучшить театр [Мамуд 2012: 416].

В письме Самборскому Лебедев приводит и другие, весьма живописные подробности:

В начале занялся он мои прежде написанныя декарацы иные замарать, другия перепортить и, при обнадежени[и] намолевать лутчия и привести в превосходной порядок, тотчас весь мой театр обнажил, верных слуг и прикащиков моих опасаясь, признал неисправными и, соглася, некоторых переменил, по мнению его, на лутчия. При совете о выгоде старался он знакомить меня с теми, с которыми он прежде зловымышленно согласился меня обмануть. <…> И из лукавой шайки начали со всех сторон ко мне подкатываться. Иныя просят взять в службу, другия требуют пристанища, искусныя снискивают знакомства, хватуны стараются иметь дружество и многия услуги предлагают. И все для того, чтоб без театрального действия в Калкуте лутчую камедию представить обо мне. Вертят молодца и кружат, хвалят в газетах, величают в компаниях и тем, насильно выманивая, заставляли обеды и ужины давать. Товарищ мой также все жует и глотает и не печется одеть обнаженный театр [Русско-индийские отношения 1965: 446–447].

Зародившееся у Лебедева подозрение окрепло после случившегося в театре пожара. Помощник Бэттла, растиравший для него краски, поставил на огонь большой глиняный горшок, полный смолы, и вышел из помещения. По-видимому, это была деревянная пристройка к театру, служившая мастерской, где производились всякого рода работы. Кипящая смола разорвала горшок и, воспламенившись, растеклась по всему полу. По счастью, пожар во время был замечен, и огонь засыпали песком. Лебедев не исклю-

чал того, что причиной могла быть неосторожность помощника Бэттла, но более вероятным ему казалось, что таким образом Бэттл намеревался покончить с «Бенгальским театром» раз и навсегда. Подозрительной показалась Лебедеву и реакция Бэттла на известие о пожаре. «Осиф Батль, — писал Лебедев Самборскому, — явился чрез два часа в театре и о причиненном вреде слышал от меня, только вместо сожаления, видел я, печаль моя к чувствам его не лутче прилеплялась, как горох к стене. Поведение его ясно изтолковало, какого друга я получил, да только уже не знал, как с приятелем рас[с]танусь [Русско-индийские отношения 1965: 447]. Этот эпизод странным образом был воспринят некоторыми авторами, писавшими, будто театр Лебедева был сожжен.

Далее в письме к Самборскому Лебедев сообщает:

> В последующий день один из чиновных, имеющий долю в другом театре, под видом дружества[100] уведомил (меня), что Осиф Батль находится боле десяти тысяч рупей в долгу и что за эти долги театр мой может быть конфискован. Я удостоверен был другими о правде сей, и, чтоб спастись… нужно было принудить Батля написать и дать лутчее обязательство: он будто по необходимости его часть заложил мне же. По получении[и] закладной, думал я, в короткое время мы представим приготовленную оперу «Дезертер»[101], но, ко удивлению

---

[100] В первом издании текста в сноске указано: «Далее зачеркнуто: ”(Глядвин)”». То есть человеком, сообщившим Лебедеву о долгах Бэттла, и пайщиком «Калькуттского театра» был сэр Фрэнсис Глэдвин, главный налоговый инспектор, видный член Азиатского общества, знаток персидского языка и литературы, любитель музыки. Лебедев, по-видимому, принимал участие в организуемых Глэдвином домашних концертах. Имя его Лебедев в своих дневниковых записях писал кириллицей именно как «Глядвин» [Антонова 1956: 190; Русско-индийские отношения 1965: 450].

[101] Первоисточник — комическая опера П.А. Монсиньи [Порфирьева 1998: 219, 220] «Дезертир» (“Le Déserteur”), по авторскому обозначению «драма в прозе с ариеттами» (либретто М.Ж. Седэна). Впервые поставлена в Париже в 1769 г., в Санкт-Петербурге немецкой труппой в январе 1776 г. Но Лебедев, скорее всего, предполагал использовать ее английскую адаптацию, поставленную как «пьеса с музыкой» в 1773 г. известным британским композитором, драматургом, поэтом, музыкантом и актером Чарльзом Дибдином, который добавил туда одну свою песню и переработал некоторые другие «ариетты». По мнению Л. Сенелика, Дибдин использовал в ней также музыку известного французского композитора и шахматиста Филидора. В этом виде «Дезертир» стал на долгие годы одной из наиболее популярных «протооперетт» на английской сцене [Senelick 2012: 25].

моему, он, Батль, через три дня писал и требовал дать ему все правление от театра, иначе он оставляет.

Далее в том же письме сказано:

Ширмописатель Осиф Батль, после второго контракту, написанного 27-го числа сентября 1796 года, безо всякаго со мной разчоту октября 8-го числа того же году мой театр оставил и тотчас принят был опять надзирателем Фомою Ровард, с которым (их дела показывают) подложили сети меня разорить [Антонова 1956: 172, 173; Русско-индийские отношения 1965: 146, 147].

В «Меморандуме» Лебедев писал об этом так:

Когда я выразил протест в связи с его недопустимым поведением и предупредил его, что я твердо настаиваю на том, чтобы он выполнял условия соглашения, он внезапно пропал и, в довершение своей подлой выходки, опять нанялся к Томасу Роуворту, руководителю театра, который (как брат) принял перебежчика с распростертыми объятиями, чтобы причинить мне страдания. Не удовлетворившись этим, они, в довершение всего, переманили моих актрис, которые под разными предлогами отказались выполнять заключенные со мной контракты. Несмотря на выплаченные авансы, они все вместе сбежали и впоследствии отказывались вернуться [Мамуд 2012: 415].

Сбежали, по-видимому, и все нанятые Бэттлом актеры и работники. Первоначальных же актеров Лебедева Бэттл, по-видимому, поувольнял. Теперь Лебедев не мог ни подготовить обещанное «азиатским жителям Калькутты» третье представление «Притворства», ни поставить музыкальную пьесу «Дезертир», для которой ему необходимы были английские актеры и актрисы. Кроме того, он практически лишился всего своего состояния, поскольку вложил все в подготовку представлений, потратил на авансы актерам, а покрыть расходы путем успешного спектакля было уже невозможно.

Единственное, что оставалось Лебедеву, это добиваться возмещения ущерба, нанесенного ему Бэттлом и другими перебежчиками, через суд. На руках у него были контракты, и казалось, что перебежчикам неизбежно придется ответить за их нарушение.

Но прежде Лебедев решил посоветоваться с некоторыми из своих высокопоставленных клиентов и покровителей. Пятого ноября 1796 г., спустя почти месяц после предательства Бэттла, он отправил нескольким лицам письмо следующего содержания. Приводим его перевод по изданию [Русско-индийские отношения 1965: 436, 427], уточнив написание имен.

Сэр,

я убежден, что по благосклонности Вашего характера Вы простите, что я осмелился на обращение к Вам с просьбой, тем более, что я до сих пор пользовался Вашим весьма любезным покровительством.

Поскольку любители драмы в этом городе поощряли меня поставить в моем театре на улице Домтолла ряд пьес на английском и бенгальском языке, я льстил себя надеждой, что через несколько дней я смогу объявить о [новой] постановке; раз я имел право ожидать всяческой помощи со стороны мистера Джозефа Бэттла, а актрисы также подписали письменный контракт, я считал, что не возникнет никакого препятствия, которое могло бы разбить мои надежды. Однако теперь я открыл, что мистер Бэттл интриговал, чтобы противодействовать и разрушить весь план, о котором мы торжественно договорились между собой, и он не удовлетворился тем, что совершенно отстранился сам, но еще вмешался в мои дела с актрисами, убеждая их отказаться от выполнения подписанного ими со мной контракта, и в результате они полностью покинули меня после того как получили от меня все указания, как им выполнять музыкальную часть оперы «Дезертир», постановку (которую я собирался через несколько дней объявить вместе с одним фарсом), хотя каждая из них получила от меня деньги в обеспечение ее услуг и, будучи уверен в соглашении с мистером Бэттлом и в помощи актрис, я сделал дополнительные затраты для того, чтобы подготовить здание к приему публики, что я и завершил. Однако мистер Дж. Бэттл обманывал меня во всем. Видимо, он стремился изо всех сил нанести мне ущерб, а теперь мне сообщили, что он полностью договорился работать в другом театре в нарушение подписанного им со мной контракта.

Поскольку [театральный] сезон уже наступил, я просто не знаю, сэр, что мне делать, чтобы спастись от полного разорения.

Поэтому я настоятельно прошу и надеюсь, что Вы соизволите оказать мне услугу своим советом и осчастливите меня личной беседой о том, каким методом я должен действовать, чтобы мои неустанные труды не оказались бы напрасными [РГАЛИ. Ф. Вяземских. Оп. 1. № 6077. Л. 4 об. — 6].

На обороте последнего листа с этим текстом содержится приписка, также на английском: «Получил ответ от сэра Джона Маррей[102]; получил ответ от мистера Ф. Глэдвина; пол[учил] отв[ет] от полковника А. Кида; не послал ответа советник Шоу; Джон Хайд, эсквайр, прислал ответ».

Эти ответы Лебедеву не сохранились, но общее их содержание он передал в письме Самборскому:

> После нанесеннаго мне вреда я надеялся [, что] разделаюсь с ним по суду по хвалостлавящимся англинским законам, и для лутчаго средства требовал совету от тех законодателей, на коих, думал, могу положиться, и от разных слышал истинно следующее.
>
> Господин Лебедеф, что твое необыкновенное трудолюбие, неожидаемое и отважное, не напрасно призвало неслыханное видеть, не откажется никто признать, ты два раза за сие был ободрен. Кем обманут и как, и любят ли тебя учащия бенгальской язык, тебе лутче других надобно знать, и можешь догадаться, ради представления драм здесь, в твоем театре, не будет дана такая помочь, как театру компанейских слуг и людям аглинской нацы[и], и, быть может, потерявши последнее, будешь осужден и себя сокрушишь. Резон сей правде заставил верить и видеть то, что доведен в тупик и в заблуждение, на какую дорогу ступить и пред кого: друзья разъехались, знакомцы разбежались [Русско-индийские отношения 1965: 448].

Резон ясен: если будешь пытаться добиться справедливости, «быть может, потерявши последнее, будешь осужден и себя сокрушишь». Тем не менее Лебедев бросился со своей жалобой к юристам, среди которых были и его давние знакомые. Можно не сомневаться в том, что он был шокирован и напуган их реакцией: все, как один, отказали ему в просьбе о возбуждении уголовного дела. Отговорки использовались разные: то ему говорили, что не понимают, в чем суть его претензий, потому что он не может внятно их изложить, то обвиняли его в том, что недостаточное знание английского языка мешает ему написать заявление по должной форме. В любом случае результат был один — отказ. Он столкнулся со стоящей на его пути невидимой стеной.

---

[102] По всей вероятности, John Murray, полковник, член Азиатского общества.

Оказавшись совсем без средств, Лебедев попытался возобновить музыкальную деятельность. 10 января 1797 г. он дал концерт в помещении своего театра (объявление появилось в “Calcutta Gazette” 5 января [Мамуд 2012: 221]). Едва ли концерт собрал достаточно публики, к этому времени вся британская элита Калькутты была настроена против Лебедева.

Целесообразно на этом прервать на время последовательное жизнеописание Г.С. Лебедева, вернуться немного назад, ко второму представлению «Притворства» и посмотреть, что же в этой пьесе могло вызвать столь резкое отторжение Лебедева британским обществом Калькутты и побудить власть имущих развязать против него кампанию подлинной травли, в которой мошенническая интрига Бэттла составила лишь самый первый этап.

Об истинной причине преследования Г.С. Лебедева властями колониальной Калькутты

Не вызывает сомнений то, что внезапный резкий переворот в отношении британской элиты Калькутты к Лебедеву последовал сразу за вторым представлением полного трехактного варианта пьесы «Притворство» в его «Бенгальском театре» 21 марта 1796 г. Еще недавно высшие чины колониальной администрации, судьи Верховного суда и других судебных инстанций, высокопоставленные военные, руководители масонской общины и многие другие покровительствовали русскому музыканту, помогая ему заработать немалое состояние, газеты писали о нем хвалебные рецензии. Теперь же, когда он, разоренный подосланным к нему мошенником Бэттлом, попытался восстановить справедливость через суд, предъявляя документы, свидетельствующие о его правоте, ни один из многочисленных его недавних знакомых-юристов не взялся за это дело, причем отказывали ему под нелепыми, надуманными предлогами. Позднее Лебедеву начали приходить вы-

зовы в суды по ложным искам, его даже арестовывали, и, хотя всякий раз он доказывал свою невиновность, его вынудили продать театр и довели до отчаяния.

В своем вышеприведенном письме, разосланном высокопоставленным бывшим покровителям сразу после того, как Бэттл, разорив его, вернулся к своему приятелю Роуворту, Лебедев обвинял в своем разорении исключительно Бэттла, лишь завуалированно указывая на Роуворта. Это неудивительно, поскольку «Калькуттским театром» на паях владели видные чиновники Ост-Индской компании, включая и некоторых адресатов письма Лебедева[103].

Год спустя в своем «Меморандуме», адресованном культурной общественности Калькутты, Лебедев объяснял причину своих несчастий иначе. Здесь он уже прямо обвинял менеджера и «некоторых из владельцев»[104] английского театра в том, что они затеяли интригу для устранения конкурента и подослали к нему Бэттла [Русско-индийские отношения 1965: 434, 437]. Но Хаят Мамуд в своей книге справедливо показал, что даже если менеджер театра Ост-Индской компании Т. Роуворт был в прошлом агентом британской секретной службы и, возможно, сохранял в Калькутте связи с этой организацией, у него все равно не было возможности сделать так, чтобы все суды, в которые обращался Лебедев, отказали ему под надуманными предлогами в возбуждении дела. Не мог Роуворт также организовать позднее вызовы Лебедева в суды по многочисленным ложным искам. Хаят Мамуд, очевидно, прав, когда пишет, что Роуворт был лишь орудием, что вся эта разветвленная сложная интрига могла быть инициирована и ор-

---

[103] В создании театра в 1776 г. участвовали 74 представителя калькуттской элиты во главе с тогдашним генерал-губернатором У. Хейстингсом (Гастингсом). Из числа знакомых Лебедева среди них были как минимум Р. Чэмберс и судья Джон Хайд [Das Gupta 1934:184–185].

[104] Позже в письме от 8 мая 1797 г. о. А.А. Самборскому Г.С. Лебедев прямо назвал ту роль, которую сыграли в интриге против него «некоторые из владельцев» «Калькуттского театра»: они распространили ложный слух о якобы имевшем место разрыве Дж. Бэттла с Т. Роувортом: «Притворная о ссоре весть распущена была теми, кои с ним (Роувортом. — *Я.В.*) подговорены, *кои от дохода театрального имеют доли*» (курсив мой. — *Я.В.*) [Русско-индийские отношения 1965: 446].

ганизована только на самой верхушке колониальной администрации [Мамуд 2012: 139–140, 152–153]. Недавно опубликованные документы — письма Лебедева И.Ф. Крузенштерну [Васильков 2012] — вполне подтверждают это предположение Х. Мамуда.

В письме из Калькутты от 23 июля 1797 г. русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову Лебедев писал, что он ограблен и разорен «по зависти промышленников театральных», и в то же время — что его притесняют и на него клевещут по причине его превосходства над британскими «переводчиками» в знании индийских языков [Антонова 1956: 176–177].

В том же «Меморандуме» Лебедев предлагал и другое объяснение тому, что британская элита Калькутты внезапно его отвергла. Он пишет, что пользовался покровительством многих влиятельных лиц в то время, когда давал концерты и уроки музыки. Однако, когда он стал заниматься также изучением языков и театром, он не смог, по его словам, «*посещать своих друзей столь же часто, как раньше. Это настолько сильно оскорбило некоторых любителей музыки, что заставило их оказывать всестороннее противодействие моим намерениям во всех делах, которыми я впоследствии занимался*» [Русско-индийские отношения 1965: 432, 436; курсив мой. — *Я.В.*].

Это объяснение уже совсем несерьезно. Складывается впечатление, что Лебедев в «Меморандуме», обращенном к британским жителям города, старался скрыть истинную причину, по которой общественное мнение британской Калькутты обратилось против него. Только в одном документе на русском языке — в письме к А.А. Самборскому от 8 мая 1797 г. — он об этой причине упоминает, вскользь, обещая когда-нибудь рассказать толком, в чем дело. Он пишет: «21 марта 1796 года та же комедия “Притворство” в трех полных актах представлена была во второй раз. И безпристрастными нелицемерно все опять хоша и было зрителями похвалено, только промышленниками сего рода вскоре дано было знать, что *за сие учащия гиндостанския языки и переводчики весьма на меня сердиты, да и не без причины, о которой, однако ж, буду говорить во удобнейшее время* (курсив мой. — *Я.В.*)» [Русско-индийские отношения 1965: 446].

Значит, что-то именно в представлении 21 марта вызвало неудовольствие англичан. И первыми, кто выразил это неудовольствие, были «учащие гиндостанские языки и переводчики». Иными словами, те немногие европейцы, которые единственно и могли не просто подивиться экзотическому представлению, адресованному главным образом «азиатским жителям Калькутты», но компетентно оценить владение Лебедева бенгальским и хиндустани, а также его труд переводчика. Кроме того, он хотел, по его словам, «дать угодной случай учащимся европейцам чрез общение с гиндостанцами лутче научиться бенгальскому, шанскритскому и другим индостанским языкам» [Русско-индийские отношения 1965: 429]. Лебедев, переняв от своих бенгальских учителей специфическое местное произношение санскритизмов, ошибочно полагал, что санскрит вообще должен звучать именно так, а изучающие «шанскритский» язык англичане, которых до своей безвременной кончины в 1794 г. возглавлял знаменитый Уильям Джонс, глубоко заблуждаются, считая правильным северноиндийское произношение. Хотя свое письмо генерал-губернатору Джону Шору, ставшему после смерти Джонса председателем Азиатского общества, с предложением обсудить проблемы санскритского произношения на одном из заседаний [Русско-индийские отношения 1965: 430] Лебедев, по совету друзей, не отправил, взгляды его, несомненно, были известны в Калькутте. Возможно, и в поставленной им пьесе он не упустил случая продемонстрировать так или иначе правильное, по его мнению, произношение санскритских слов. Не исключено, что это могло не понравиться индологам-британцам. Но последнее никак не могло послужить поводом к столь жестокой и тщательно организованной травле директора «Бенгальского театра».

Необходимо было выяснить, что же все-таки в переводе пьесы и в ее сценическом воплощении могло вызвать единодушное возмущение калькуттской элиты и колониальной администрации?

Текст лебедевского бенгальского перевода пьесы “The Disguise” и в московской, и в петербургской рукописях соседствует с английским оригиналом и русским переводом. Английский текст в обоих случаях занимает правую колонку. Сравнение английского текста по петербургской рукописи с текстом пьесы Р.П. Джодрелла по

книге “Select Dramatic Pieces” (Лондон, 1787) показало, что текст в рукописи Лебедева отличается от оригинала в книге Джодрелла лишь некоторым числом ошибок или описок.

Как уже говорилось, Лебедев «склонил» пьесу Джодрелла «на индийские нравы». То, что у Джодрелла происходило в условной Испании, теперь оказалось происходящим в колониальной Калькутте.

Пьеса в своем полном трехактном варианте, который и был представлен 21 марта 1796 г., шла на трех языках:

I акт — бенгали.

II акт — 1) хиндустани; 2) бенгали; 3) английский.

III акт — бенгали.

Наибольший интерес для нас в данном случае представляет третья, последняя во втором акте сцена, которая шла на английском. Лебедев ее оставил без перевода. Содержанию этой сцены до сих пор уделялось мало внимания даже бенгальскими учеными, которые в основном занимались именно лебедевским переводом «Притворства». Сказалось здесь, вероятно, то, что долгое время индийские исследователи располагали только бенгальским текстом «Притворства» по московской рукописи (РГАЛИ, ф. 195, оп. 6076), который издал в 1963 г. Модонмохон Гошшами. Об этой версии перевода Х. Мамуд на одной из страниц своей книги [Мамуд 2012: 327] пишет, что в ней опущен достаточно крупный фрагмент в начале третьей сцены второго акта, а на другой странице [Мамуд 2012: 329] — что эта сцена *вычеркнута* целиком. Х. Мамуд, впервые опубликовавший в Индии бенгальский текст «ленинградской» рукописи «Притворства», считал, что она содержит первоначальный перевод Лебедевым пьесы Джодрелла, выполненный им в Калькутте, а «московская» рукопись — это текст, отредактированный Лебедевым в процессе подготовки к представлению 21 марта 1796 г. Я же склонен скорее согласиться с В.С. Воробьевым-Десятовским в том, что «ленинградская» рукопись (РНБ, ф. 7, ед. хр. № 79) изготовлена им уже по возвращении на родину, в Санкт-Петербурге, но представляет собой первоначальный, хотя может быть в чем-то улучшенный текст перевода. Что же касается «московской» рукописи, в которой исключен ряд комичных и сатирических эпизодов, она действительно создана

в Калькутте, но, как я постараюсь в дальнейшем показать, в ней отражена редакция, не предназначавшаяся для представления, как полагает Х. Мамуд [Мамуд 2012: 328], а осуществленная после него с совершенно иной целью.

В любом случае ясно, что из спектакля 21 марта 1796 г. интересующая нас сцена никак не могла быть исключена, поскольку в отпечатанной типографским способом программе (по-видимому, для зрителей-англичан, не владевших индийскими языками) Лебедев, во-первых, оговорил, что третья сцена второго акта будет идти на английском [Антонова 1956: 180; Cakrabarti 1989: 29], а во-вторых, дал краткое описание составляющих эту сцену событий.

На английском в этой сцене говорили по той простой причине, что ее действие происходило в конторе юриста, а юристами (lawyers), как и клерками при них, могли быть только англичане. Индийцев к этому не допускали, да и образования соответствующего у них не было. К.А. Антонова, прекрасно знакомая с «московской» рукописью, видела действующими в этой сцене, кроме индийца-клиента, пришедшего оформить иск, именно англичан. По ее словам, «одну сцену, в адвокатской конторе, Лебедев не перевел, очевидно, потому, что процедуре и терминам английского суда невозможно тогда было найти соответствия в бенгальском языке, а может быть, и для того, чтобы подчеркнуть, что нормы английского суда чужды индийскому населению Калькутты» [Антонова 1956: 159].

Несмотря на то что юристами в адвокатской конторе могли быть только англичане, играли их у Лебедева индийцы, у него тогда не было английских актеров. Это создавало, с одной стороны, комический эффект, учитывая, как индийские актеры могли воспроизводить манеры англичан, их мимику, да и английскую речь. С другой же стороны, это открывало для актеров-индийцев возможность придать всей сцене сатирический характер, откровенно выразить в ней свое отношение к системе колониальной юстиции.

Что же происходит в этой сцене? Комический персонаж Рам Шонтош, слуга героя-любовника Бхолоната Бабу, был страшно оскорблен. Он доставил одной девице сомнительного поведения и бешеного нрава письмо, в котором Бхолонат Бабу сообщал ей,

что он более не желает поддерживать с ней прежних любовных отношений. Девица, придя в ярость, велела слугам выбросить Рам Шонтоша на улицу через окно, а кроме того, вылить на него ночной горшок. Рам Шонтош переполнен жаждой мести и наконец идет в контору юриста (lawyer, в русском переводе — «стряпчий»).

Сцена открывается картиной того, как два клерка, сидя за своими столами в конторе, в отсутствие хозяина валяют дурака, бездельничают. Входит с прогулки юрист. У Джодрелла он был Goose-Quillos («испанизация» английского goose-quill — «Гусиное перо»), у Лебедева в русском переводе — «господин Перов». Он говорит клеркам: мне показалось, мол, что я слышал шум, но ведь это не вы, ребята, вы сидите тихо, молодцы. Так работайте же усердно, служите закону! Клерки ему поддакивают, а как только он уходит в свой кабинет, начинают петь песню: «And who cares a fig for law?» — «Да кому есть дело до закона?» У Лебедева в русском переводе: «Да сохраняет ли кто его хотя на маковое зерно!» Сразу явлены лицемерие и цинизм этих молодых «законников».

Появляется Рам Шонтош. К нему выходит «господин Перов»[105]. Рам Шонтош заявляет, что его жестоко оскорбили и он хочет подать на обидчиков в суд. Реакция юриста: «О, это прекрасно!» Рам Шонтош пытается объяснить суть дела, но юрист, не давая ему открыть рот: «Постой, приятель! Прежде чем завести дело, надо соблюсти одну церемонию». Рам Шонтош: «Я бы предпочел без церемоний». «Перов», протягивая руку: «Нет-нет, эта церемония поддерживает закон. Коротко говоря, вы должны мне заплатить». «Как, заплатить раньше обращения в суд?» «Да, конечно. Никто никогда не обращается в суд, прежде не заплатив». Рам Шонтош дает ему золотую монету. Юрист затем начинает нести околесицу, заговаривая зубы клиенту, призывая его к краткости, но не давая ему при этом объяснить, что с ним случилось. Когда Рам Шонтош все же сообщает, что его выбросили из окна, «Перов» приходит в восторг: «О, это прекрасно! Это действительно серьезное пре-

[105] Мы здесь используем имя этого персонажа в русском переводе Лебедева, так как в спектакле на бенгальском он имени не имел. В списке действующих лиц в программке спектакля, в московской и петербургской рукописях «Притворства» этот персонаж обозначен лишь термином, указывающим на род его занятий (подробнее об этом см. далее).

ступление. Это будет уголовное дело, и это прекрасно. Но, как благоразумный человек, Вы должны понять: уголовное дело дороже гражданского. Поэтому Вы должны дать мне еще один золотой — и все будет прекрасно».

Затем юрист спрашивает, есть ли у Рам Шонтоша свидетели? «Их целый город». «О, это прекрасно! Однако закон предписывает на этом этапе задать Вам один важный вопрос: какой суммой Вы располагаете?» — «Четыре золотых». «Прекрасно! Покажите их мне» — выхватывает деньги у Рам Шонтоша. «Этого хватит как раз заплатить четырем свидетелям». «Да зачем же свидетелям платить?» «Чтобы они под присягой подтвердили: у Вас переломаны все кости». «Но у меня все кости целы…» Разговор затем становится совершенно абсурдным, Рам Шонтош никак не может (ему не дают) разъяснить, что произошло, и он наконец приходит в бешенство: «Так Вы не понимаете? Ни Вы, ни Вы? Так вот в чем дело — вот, вот, вот — и это просто прекрасно, не так ли?» С этими словами Рам Шонтош, как можно понять, каждому из них проводит пятерней по физиономии (ремарка в английском тексте Р. Джодрелла: “Rubbing his arm over their faces”; в русском переводе Лебедева: «Мажет руками своими их лица»)[106].

Это вызывает, разумеется, ответную реакцию. Юрист кричит: «Ах, дерзкая собака, как ты смеешь!» Клерки, вскакивая из-за своих столов, восклицают: первый — «Да, сударь, как ты смеешь бесчестить…», и второй заключает — «…господ законников!» «Перов» велит «грубому буяну» убираться вон. Тщетно Рам Шонтош пытается напомнить, что он заплатил им немалые деньги, в русском переводе Лебедева: «Так я веть заплатил за производ суда». «Так и еще заплатишь, есть ли не выдешь отсель», — отвечает ему «законник». Рам Шонтош грозится, что он добьется «законного удовлетворения» (у Джодрелла просто: “I will have justice done me”). Ответ юриста: «Вот тебе удовлетворение: вот,

[106] Нанесение оскорбления посредством такого рода рукоприкладства — касания рукой лица оскорбляемого — было, по-видимому, практикой, хорошо знакомой англичанам. В упоминавшемся ранее газетном отчете по делу 1792 г. «Роуворт против Дуэйна» ответчик обвинялся, как мы видели, в том, что он хватал истца и буквально пытался водить его за нос.

вот… Ступай к черту!», — и он вместе с клерками совместными усилиями выталкивают клиента на улицу.

Хаят Мамуд, убежденный, что зачеркивание третьей сцены второго акта в московской рукописи означало, что эта сцена не разыгрывалась в ходе представления, сожалеет об этом: «То, что Лебедев вычеркнул… третью сцену второго акта, кажется удивительным: эта сцена, связанная с хождением по инстанциям и судам, полна не только юмора, но и тонкой иронии. Причиной того, что Лебедев исключил эту сцену из либретто, могло явиться то, что он испугался, как бы высмеиваемое в ней лицемерие и фиктивность стремления суда к справедливости не вызвали в калькуттском обществе восемнадцатого века ассоциаций с местной, индийской системой судопроизводства и не были бы восприняты как насмешка над ней, что безусловно вызвало бы гнев колониальной администрации, усмирить который было бы отнюдь не просто» [Мамуд 2012: 329].

Но, как уже было сказано, Лебедев не мог исключить эту сцену из спектакля. В печатной программе было, во-первых, заявлено, что третья сцена второго акта будет сыграна на английском языке, а во-вторых, кратчайшим образом изложено ее содержание: «*Сцена III. Контора адвоката. <…> После краткого разговора между адвокатом и его писцами входит Рам Шонтош и начинает излагать свое дело. После нескольких его смешных замечаний адвокат и писцы его выгоняют*» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6076. Л. 7; Антонова 1956: 182].

Кроме того, в предшествующей второй сцене второго акта Рам Шонтош дважды заявляет о том, что пойдет к юристу, причем именно в заключительной своей реплике. Она начинается словами (в русском переводе Лебедева): «Тьфу, хотя моего стряпчего и не застал, да я опять пойду к нему тотчас: ни что не усыпит моего мщения». А завершается реплика, и с ней вся вторая картина словами: «Я хочу увериться, однако ж; но только теперь схожу к моему стряпчему, и потом зделаю опыт. (Уходит)».

Сцена в адвокатской конторе, несомненно, относилась к числу тех сцен, которые, при чтении Лебедевым текста пандитам, «показались им наиболее приятными или вызвали у них подъем эмоций» («Меморандум» [Мамуд 2012: 413]). Уже само по себе

изображение индийцами европейцев, имитация их речи, манер, мимики создавали комический эффект, в XVIII и XIX вв. это было, кстати, одной из популярнейших тем выступлений уличных актеров. Между тем зрителей-англичан, в большинстве своем не чуждых расизму, должно было шокировать пародирование поведения их соотечественников индийцами.

Г.С. Лебедев, по всей вероятности, предчувствовал, что реакция на эту сцену, в которой англичане или хотя бы даже «англизированные» индийцы — представители британского правосудия — грабят и выгоняют индийского клиента, при том что он и сам поднимает на них руку, может быть очень резкой. Он принял заранее меры к тому, чтобы слегка затушевать суть происходящего.

В программе спектакля на английском языке Лебедев в перечне действующих лиц называет персонажа, фигурирующего у Джодрелла как Goose-Quillos, не по имени, а определяет его по роду занятий индийским термином *gomasta*. Однако семантика этого термина совершенно не совпадает со значениями английского attorney или русского (в переводе Лебедева) «стряпчий». *Гомаста* (также *гомастха* или *гумастха*) — слово персидского происхождения, обозначавшее туземного агента Ост-Индской компании, посредничавшего в скупке у местных ткачей изделий из хлопка и шелка, пользовавшихся в Европе огромным спросом. *Гомаста* обладал правом оценивать ткани и, как правило, злоупотреблял им, скупая у ткачей их изделия по цене, намного ниже рыночной. К тем производителям, которые отказывались заключать невыгодные для них контракты, применялись террористические методы, вплоть до убийств (см., например: [Chatterji 1952]). У нас нет сведений о том, что *гомаста* имел право возбуждать уголовные дела, возглавлял юридическую контору, содержал при себе клерков, вел все дела на английском и т.д. Лебедев пытался таким способом отвести от себя обвинения в нападках на британское правосудие, но явно неудачно, поскольку присутствовавшие на представлении британцы, а особенно «учащия гиндостанския языки», об основном роде занятий которых будет сказано ниже, хорошо знали разницу между *гомастой* и профессиональным юристом.

Примечательно, что в списке действующих лиц, предваряющем текст петербургской рукописи «Притворства», которая переписывалась уже без оглядки на возможную реакцию британцев, Лебедев определяет этого персонажа двумя словами в характерном бенгальском произношении: «*гомошта* или *опилъ*». Второе слово, без сомнения, *opīl*, т.е. общеиндийское *apīl*, которое, согласно известному «англо-индийскому» словарю «Хобсон-Джобсон», есть заимствованное английское *appeal*. Это слово уже в XIX и, по-видимому, в XVIII в. широко применялось индийцами по отношению к введенной британцами судебной системе [Yule, Burnell 1996: 32] в значении «обращение за юридической помощью», «ходатайство о возбуждении судебного дела». Из лебедевского контекста ясно, что этим словом мог обозначаться и тот юридический агент, к которому обращаются в соответствующих случаях (англ. *attorney*).

Есть и прямое указание, что Лебедев в программе второго представления пьесы маскировал термином *gomasta* именно юриста, к которому обращаются для возбуждения уголовного дела. Ведь излагая краткое содержание третьей сцены второго акта, он прямо говорит, что в ней действуют «адвокат и его писцы» (“attorney and his clerks”)!

Конечно, приводя в программе краткое содержание сцены в адвокатской конторе, Лебедев умышленно исказил суть происходящего в сцене: причина конфликта ведь не в каких-то «смешных замечаниях» Рам Шантоша, а в том, что его ограбили, да еще морочат голову, и он возмущен. Может быть, Лебедев и убрал из текста какие-нибудь наиболее резкие высказывания перед самым представлением, но отказаться от демонстрации склонности «господ законников» к вымогательству, подкупу свидетелей и обману он никак не мог, поскольку, во-первых, у него явно была настоятельная личная потребность высказаться об этом, и, во-вторых, подвергшись преследованиям, он попытался избегнуть их, разъясняя калькуттской элите, что именно побудило его показать в своем спектакле и работу юстиции, и другие стороны жизни Британской Индии в столь мрачном свете. Чуть ниже мы продемонстрируем и то и другое на тексте лебедевского «Меморандума».

Наконец, в предисловии к своей «Грамматике» Лебедев рассказывает о переводе им двух пьес Джодрелла и замечает, что он выбрал эти пьесы для перевода, потому что они полны всяких забавных и колоритных фигур, в том числе воров (“thiefs, *ghoonia*”), юристов (“lawyers, *gumosta*”) и «мелких грабителей» (“petty plunderers”), а это, как он знал по опыту, должно понравиться индийской публике [Lebedeff 1801: VI]. Примечательно, конечно, то, в какой компании упоминаются здесь юристы. Интересно и то, что Лебедев приводит здесь слово *gumosta* как бенгальский эквивалент английского lawyer. Это наводит на мысль: возможно, бенгальцы, в ту пору еще не знакомые с английской юридической терминологией, переносили на юриста, адвоката как ходатая по делам, посредника в их отношениях с судебной властью термин *гомаста*, поскольку тот играл сходную роль агента-посредника, хотя и в другой — торговой — сфере. Такое объяснение было бы возможно, если бы Лебедев использовал слово *gumosta* в своем переводе для передачи на бенгальском английского lawyer или attorney. Но в программе спектакля, предназначенной для зрителей-англичан, заменив понятный им английский термин на дезориентирующее *gomasta*, он мог преследовать лишь одну цель: внушить им, что действующие в третьей сцене второго акта юристы — не англичане.

Тем не менее одна конкретная группа зрителей-британцев не просто поняла, что содержанием третьей сцены второго акта является издевательство над британской юстицией, но и испытывала в связи с этим особое негодование. И это были те самые «учащия гиндостанския языки и переводчики». Потому что индийская филология была не их основным, а побочным занятием. Многие из них прибыли в Индию по приглашению генерал-губернатора Уоррена Хейстингса (Hastings, в русских изданиях часто: Гастингс; 1732–1818). Это был человек, хотя и проводивший политику беззастенчивого колониального ограбления подвластных и захватываемых территорий, но, безусловно, просвещенный и стремившийся к достижению определенного взаимопонимания между британцами и индийцами. Он хотел распространить среди англичан знание местных языков и культуры. Одним из первых его шагов в должности губернатора Бенгалии (с 1772, с 1774 по

1784 — генерал-губернатор) было инициирование реформы судебной системы. Хейстингс считал, что английские судьи должны учитывать при принятии решений местные законы, для чего при каждом английском судье должны находиться *моулави* — толкователь шариата и *пандит* — толкователь законов индуизма [Антонова 1958: 110]. Но английских судей необходимо было обеспечить справочниками, сводами местных законов в переводе с санскрита или фарси, чтобы они могли по ним убедиться в обоснованности мнения моулави и пандитов или, напротив, найти основания отвергнуть его. Поэтому У. Хейстингс целенаправленно призывал на службу в Ост-Индской компании и в колониальной администрации, прежде всего в судебной системе, высокообразованных людей, владевших восточными языками или расположенных к их изучению.

В октябре 1774 г. в Калькутту прибыли судьи новоучрежденного Верховного суда (Supreme Court), в их числе Роберт Чэмберс (1737–1803) и Джон Хайд, оба они в 1784 г. стали отцами-основателями Азиатского общества Бенгалии, возглавленного только что прибывшим новым судьей Верховного суда и в то же время выдающимся филологом Уильямом Джонсом. Сэр Роберт Чэмберс, занявший в 1777 г. должность главного судьи, сыграл, как признают современные исследователи (см., напр.: [Curley 1998]), главную роль в создании новой, англо-индийской судебной системы. Восточных законоучительных текстов он сам не переводил, однако собрал большую коллекцию санскритских рукописей, а в 1797 г. после смерти У. Джонса и недолгого президентства генерал-губернатора Джона Шора был избран президентом Азиатского общества.

У. Хейстингс организовал работу группы пандитов, составивших свод санскритских юридических текстов[107], которые затем через посредство бенгальского устного перевода были переведены на фарси. Работу по переводу с персидского на английский он поручил в 1773 г. служащему компании Натэниэлу Брэсси Халхэду, а также, зная фарси, участвовал в ней сам. Плод этих трудов был издан три года спустя в Лондоне [A Code of Gentoo

[107] Он был озаглавлен *Vivādārṇavasetu* — «Мост через море судебных прений».

Laws 1776]. Позднее, уже при сменившем Хейстингса генерал-губернаторе Корнуоллисе, по инициативе Уильяма Джонса был подготовлен другой такого же рода дайджест, составленный и прокомментированный на санскрите пандитом Джаганнатхом Таркапанчананой, а затем переведенный на английский служащим налогового управления компании, впоследствии судьей и председателем Апелляционного суда, членом Азиатского общества Генри Кольбруком [A Digest of Hindu Law 1801; Rocher 1993: 219–224].

Младший брат Роберта Чэмберса Уильям, лингвистически одаренный и тоже член Азиатского общества, занимал с 1775 г. должность главного переводчика (в основном с персидского) при Верховном суде. В списках членов Азиатского общества можно найти и других лиц, причастных к отправлению правосудия и юриспруденции, например сэр Джон Ройдс, более 20 лет прослуживший судьей Верховного суда и все это время состоявший в Азиатском обществе, а в 1815 г. ставший его вице-президентом; Бёрриш Крисп — судья в суде Бенгальской провинции, которого Лебедев до известного времени числил одним из своих благодетелей [Русско-индийские отношения 1965: 432; Мамуд 2012: 117, 411, 418]; Сэмьюэл Дэвис, окружной судья и представитель генерал-губернатора в Бенаресе; Джон Харрингтон, член Налогового управления, владевший арабским и персидским языками, с 1801 г. — судья в высших апелляционных судах *садр дивани адалат* и *садр низамат адалат* (см. о них: [Синха, Банерджи 1954: 322]).

Вообще в Индии со времен Моголов существовала тесная связь между сбором налогов и судопроизводством, поэтому к числу «законников» можно отнести и тех членов Азиатского общества, которые служили в Налоговом управлении или являлись членами Комитета по налогам. Таковыми были, например, исследователь могольской налоговой системы, написавший книгу о ней, Чарльз Грант, Ричард Джонсон — сверхштатный сотрудник Налогового управления, владевший персидским и изучавший индийскую музыку, или Джон Шор, служивший в налоговых органах до того, как стать членом Верховного совета, ведая в нем секретной службой, а позднее занявший пост генерал-губернатора и избранный прези-

дентом Азиатского общества. Все эти люди, точнее, те из них, кто присутствовал на спектакле «Бенгальского театра», должны были быть в шоке от третьей сцены второго акта[108].

Лебедев, очевидно, сознавал, что главной причиной внезапной враждебности к нему со стороны британской элиты Калькутты является реакция англичан («учащих гиндостанские языки») на определенные сцены поставленного им спектакля. Иначе зачем бы ему понадобилось в «Меморандуме», не ограничиваясь жалобами на коварную интригу Бэттла и на отказ британских юристов привлечь к ответственности его обидчиков, объяснять, как бы оправдываясь, почему он избрал для перевода пьесу фарсового характера.

> Из наблюдений за индийцами я знаю, что они предпочитают буффонаду и шутки серьезному, глубокому содержанию, насколько чисто оно бы ни было выражено. Вот почему я остановился на этих пьесах, в которых представлен великолепный набор стражей (*чокидаров*), савояров (*канера*), воров (*гхуниа*), а также законников и почтенной банды мелких грабителей, сопутствуемых мелким своекорыстным писцом очень мелкого суда; он бесстыдно прикрывается девизом «совесть» лишь для того, чтобы утаить свои повседневные грабежи и прочие неслыханные, дьявольские насилия, (совершаемые) вместе с неизвестным скрывающимся организатором всей этой ужасной машины, более гнусной, чем смертоносная повозка ночью в Венеции для тех, кому злой рок сулит встречу с ее клыками. Впрочем, испытывая страшное отвращение к этой, казалось бы, преувеличенной, но по существу верной картине *какодемона*[109], я постараюсь поправить свои расстроенные чувства, вернувшись к более приятному предмету (перевод мой. — *Я.В.)* [Русско-индийские отношения 1965: 433].

Это один из тех неожиданных прорывов в лебедевских текстах, которые М.Г. Ваняшова назвала «экзистенциальными признания-

---

[108] Впрочем, категория «учащих гиндостанские языки» была шире, чем круг «законников». 16 сентября 1790 г. в газетах было опубликовано постановление генерал-губернаторского совета о необходимости клеркам, или писцам (writers), на службе Ост-Индской компании учить местные языки, на что им будут отпускаться 30 сикка рупий в месяц для платы учителю [Seton-Karr 1864–1865, II: 28, 29].

[109] У Лебедева “a Caco-demon”; по-видимому, английская трансформация греческого *какодаймон* — «злой дух».

ми». Лебедев, по ее словам, действительно испытывал страшное отвращение к этой «картине *какодемона* бенгальской действительности». Поэтому «интерпретация сюжета Лебедевым становится пророческой и символической, он предвидит, что вскоре сам столкнется с беспримерным Притворством и ”дьявольскими гнусностями” и для него откроется потаенный механизм драматической интриги» [Ваняшова 2010: 43]. А может быть, добавлю я, у него и до того, как он начал работать над пьесой, уже был случай столкнуться с тем, что творилось в судебной системе колониальной Бенгалии.

Свой «Меморандум» Лебедев не дописал и, разумеется, никому не послал. Он, по-видимому, перечитал написанное и вовремя понял, что этим текстом может сделать слишком явным свое истинное отношение к колониальной системе и ее «правосудию». Мы уже цитировали прежде его резкие, язвительные высказывания о членах Мадрасского совета Ост-Индской компании, грабивших подвластные им территории, в самом первом абзаце «Меморандума». В последнем же законченном абзаце этого текста Лебедев, рассказав о том, что ему пришлось «разрушить театр и продать всякого рода материалы» за бесценок «на случайном аукционе», опять не может сдержать своих истинных чувств:

> Публикуя эту записку, я преследую лишь одну цель: показать, сколь рискованно бывает отдельному человеку, какими бы великими ни были его заслуги и усилия, надеяться на то, что он получит какую-либо достаточную постоянную поддержку в поселении, вся *власть в котором принадлежит группе лиц* (*большая часть которых дурные* (*wicked*), а меньшая — добродетельные люди), *проживающих очень далеко от тех, перед кем они несут ответственность*. Это особенно верно по отношению к чужестранцу, у которого нет других поводов просить о защите и поддержке, кроме своих профессиональных достоинств, которые, пусть и ничтожные, он всегда усердно пытался проявить и всеми способами развивать в меру своих ограниченных возможностей и талантов (курсив мой. — *Я.В.*).

Написав два слова следующего абзаца, Лебедев прекратил работу над «Меморандумом». Значительную часть этого текста он использовал потом, убрав все выпады в адрес колониальной ад-

министрации, в предисловии к своей опубликованной в Лондоне «Грамматике» [Lebedeff 1801].

Косвенным подтверждением того, что Лебедева сочли подрывным элементом и начали преследовать именно за пьесу, представленную в его театре 21 марта 1796 г., служит эпизод с его обращением за помощью к сэру Роберту Чэмберсу (см. ил. 23).

После того как все юристы отказались принять от Лебедева иск для возбуждения дела против Бэттла и все адресаты его письма, отправленного 5 ноября 1796 г., посоветовали ему не обращаться в суд, чтобы не «потерять последнее» и не «сокрушить» себя самого, Лебедеву пришла мысль обратиться за помощью к человеку, с которым он был достаточно хорошо знаком[110] и который представлял высшую судебную власть, будучи главным судьей Верховного суда в Форт-Вильям, т.е. к сэру Роберту Чэмберсу. Заметим, что одновременно он представлял и верхушку Азиатского общества, президентом которого ему предстояло стать через несколько лет. Возможно, Лебедев также знал, что Чэмберс в 1775 г. был одним из основных пайщиков при строительстве английского «Калькуттского театра» и оставался, по-видимому, его совладельцем. Все это вкупе позволяло Лебедеву думать, что он обращается к человеку, который, если пожелает, имеет власть оградить его от преследований.

Четвертого февраля 1797 г. Лебедев послал Чэмберсу письмо, в котором обстоятельно описал мошеннические действия Дж. Бэттла, приведшие его, Лебедева, к разорению. Он просил о личном свидании и выражал надежду, что светило юриспруденции посоветует ему, «какие меры необходимо принять для воз-

[110] В самом первом концерте-бенефисе Лебедева в Калькутте, состоявшемся 28 декабря 1787 г., принимала заметное участие, как упоминалось ранее, леди Чэмберс, супруга сэра Роберта (см. рецензии в “India Gazette, or Calcutta Public Advertiser”, т. VIII, № 372 от 31 декабря 1787 г. [Мамуд 2012: 118] и “Calcutta Chronicle and General Advertiser”, вып. 102, от 3 января 1788 г.). Возможно, Лебедев бывал в доме Чэмберсов как участник их музыкальных вечеров или преподаватель музыки. Возможно также знакомство через других судей Верховного суда — Дж. Хайда и У. Джонса — или через Азиатское общество. Во всяком случае, Лебедев пишет о Чэмберсе: «мой прежде великой знакомец» [Антонова 1958: 186].

мещения, которого так громко требуют нанесенные мне обиды» [Русско-индийские отношения 1965: 427–428].

После копии этого письма (на английском) в тетради Лебедева имеется запись на русском, сообщающая о встрече с Чэмберсом и ее результатах:

> На показанное письмо 4-го февраля 1797 года получил я словесное сие позволение: естли угодно могу его навестить (видеть).
>
> Не преминул я того ж дня в вечеру отдать почтение и персонально главнаго судью опять уведомил о несносной неожидаемой обиде, и что мое намерение представлять камедьи было месть. Не подорвать другой превосходной театр, а чтоб дать угодной случай учащимся европейцам, чрез обращение с гиндостанцами лутче научиться бенгальскому, шанскритскому и другим индостанским языкам. Сего ради как от ободрителя наук и художеств прошу покровительства и достоин ли спасти от раззорения, *сообщаю ему на разсмотрение комедию* и другия мои переводы.
>
> Главнаго судьи мне ответ.
>
> О решени[и] мое мнение я объявляю в присудственном месте, и приватно совету тебе дать не могу. Просмотреть твои переводы почти не имею времяни. Однако же, естли изволишь их ко мне переслать, то может быть возъимею случай проглядеть! И по сем желал мне мой прежде великой знакомец доброй ночи. Речения его довольно показали, чего я могу ожидать по суду. Но, однако ж, я послал к нему мои переводы 5-го февраля 1797 [Антонова 1956: 186] (курсив мой. — *Я.В.*).

Весьма вероятно, Лебедев принес на встречу 4 февраля или послал 5 февраля вместе с другими переводами Чэмберсу правленный текст пьесы, в котором были устранены наиболее острые моменты. Скорее всего, это была именно «московская» рукопись, где сцена в адвокатской конторе была вычеркнута. Но опытного филолога Чэмберса это вряд ли могло обмануть. Несколько дней Лебедев, как можно понять, ждал реакции от Чэмберса, и, не дождавшись, 11 февраля послал ему еще одно письмо, в котором писал:

> Благодарность и удовольствие, которые я испытываю при мысли, что Вы любезно снизошли прочитать мои слабые опыты (имею

в виду алфавит и три личных склонения, кроме пьесы и книги моих переводов), поощряют меня просить Вас быть столь добрым указать те ошибки, которые Вы сочтете достойными замечания, и соблагоизволить вернуть их с подателем [Русско-индийские отношения 1965: 429].

Он уже понимал, что не дождется от «прежде великого знакомца» юридической помощи, и рассчитывал теперь получить сколько-нибудь благоприятный письменный отзыв на свою пьесу, хотя бы и самый краткий, хотя бы и сопровождаемый критическими замечаниями. Но искушенный Чэмберс явно не хотел давать Лебедеву возможность использовать такой отзыв для своей реабилитации. Поэтому он передал Лебедеву с выполнявшим, по-видимому, роль курьера серкаром (домоправителем) последнего устный ответ на оба его письма, очень короткий, на языке хинди [Антонова 1956: 186]. О пьесе Лебедева или других рукописях не было сказано ни слова. Суть ответа сводилась к тому, что Чэмберс готов рассмотреть претензии Лебедева к Бэттлу только в зале суда. Но Лебедеву уже было ясно, чего он «может ожидать по суду».

«Грусть чаще стала беспокоить…»: последний год в Индии

Было ли это случайным совпадением или нет, но встреча Лебедева с Чэмберсом стала вехой, у которой закончился начальный период его злоключений, когда он сам тщетно пытался через суд обличить Бэттла и взыскать с него компенсацию за причиненный ущерб. Теперь начался период подлинных судебных преследований, объектом которых был уже он сам.

Вероятно, еще до безрезультатного обращения к Чэмберсу Лебедев начал писать свой “Memorandum” — изложение всей своей истории, начиная от прибытия в Мадрас и до отказа всех «законников» принять его иск к Бэттлу и разбежавшимся актерам,

несмотря на то что он был готов предъявить все нарушенные ими договоры с условием о неустойке. Ближе к концу этого документа, перевод которого ввиду его значимости для биографии Лебедева дан в приложении, упомянуто неудачное обращение к Чэмберсу. Весьма возможно, что именно этот эпизод повлиял на решение Лебедева не дописывать и не публиковать «Меморандум». Да и ни одна калькуттская типография (например, того же Купера, который печатал программу второго представления) не взялась бы набирать этот «глас вопиющего в пустыне».

В марте 1797 г. Лебедев получил два письма от Джона Уэлча, человека, который требовал с него 240 рупий за работу, проделанную прежде в «Бенгальском театре». Лебедев через своего поверенного Тиррела Селби передал Уэлчу свое возмущение его неблагодарностью, поскольку никогда не заключал с ним письменного контракта, а просто поддерживал его, безработного и голодного, нанимая на временные работы за небольшие деньги и кормя за свой счет. Не исключено, что Уэлч был одним из тех временных работников, которых привел к Лебедеву Бэттл. Четвертого апреля пришло письмо от адвоката Уэлча Дж. Тейлора, который требовал немедленной уплаты долга, в противном случае обещая предпринять определенные действия для его взыскания. Лебедев в тот же день письменно отверг притязания Уэлча. Утром 8 апреля 1797 г. Лебедев был арестован по ордеру от шерифа, представленному в полицию адвокатом Тейлором. Он тут же обратился к судье Джону Шоу с просьбой освободить его до разбирательства дела под залог, равный сумме требуемого с него несуществующего долга (227 рупий). Судья ответил, что на это необходимо согласие адвоката Тейлора. Согласно записи Лебедева в его тетради, он встретился с Тейлором, был, по-видимому, освобожден, условился с Тейлором о встрече в назначенный день с Уэлчем. На эту встречу в доме адвоката Лебедев привел свидетелей, показавших, что притязания Уэлча ложны. Обвинение с него было снято, но в записи об этом он отметил, что «за арест… не получил никакого удовольствия», т.е. компенсации.

Третьего мая Лебедев получает повестку из калькуттского Court of Request (или Court of Requests — суд по взысканию долгов) с требованием явиться через несколько дней в суд по иску его

бывшего садовника Ласкара[111] Мухаммада. Лебедев, будучи больным, послал вместо себя знакомого европейца и своего серкара (домоправителя)[112]. Первый свидетельствовал о том, что требование садовника ни на чем не основано, второй заявил, что садовник ежемесячно получал жалование согласно договору, и Мухаммад это признал. Тогда судья стал требовать от серкара, чтобы он «побожился», т.е. дал клятву на священной книге, а это противоречит нормам индуизма. Судья, согласно записи Лебедева, собственноручно вытолкал серкара взашей из зала суда. Узнав об этом, Лебедев, превозмогая болезнь, явился в суд и в ответ на угрозы судьи высечь серкара, если тот не даст присягу, указал на «*меново* законное приказание»[113], т.е., по-видимому, на авторитет традиционного индуистского законодательства, которое обязаны были учитывать английские судьи. Таким образом, писал Лебедев, «я… уничтожил его гнев и спас моего серкара. Однако ж господин судья не оставил стараться пустошить наш кошелек чрез аресты, и чем забава его кончится, следующее покажет». Действительно, судья Дж. Аддисон взыскал с серкара некоторую сумму за отправленный ему вызов в суд [Антонова 1956: 190].

Всего неделю спустя после эпизода с серкаром, 16 мая Лебедев был вызван в тот же Долговой суд по иску со стороны неких музыкантов. Как можно судить по записям Лебедева, только ходатайство давнего знакомого — главного калькуттского налоговика (коллектора) и в то же время видного ориенталиста[114] Фрэнсиса Глэдвина побудило судью Аддисона предоставить Лебедеву трех-

---

[111] «Ласкар» здесь, по-видимому, прозвище, указывающее на прежний род занятий садовника. В англо-индийском обиходе это слово обозначало индийца-солдата или моряка [Yule, Burnell 1996: 507–509].

[112] Серкар (хинди sarkār) — букв. «господин, глава», здесь: «управляющий (всем хозяйством дома)» (см. ил. 24).

[113] В индийской традиции первым законодателем считался мифический прародитель послепотопного человечества Ману (у Лебедева — Мену). Речь здесь не идет об основополагающем древнеиндийском трактате «Ману-смрити» («Законы Ману»), поскольку там не мог содержаться запрет клясться в суде на священном тексте (европейская практика).

[114] Ф. Глэдвин известен своими переводами с персидского (часть «Айн-и-Акбари» Абу-л Фазла, «Гюлистан» Саади и пр.), а также «Историей Хиндостана» (1788).

месячную отсрочку для выплаты долга [Антонова 1956: 190]. Тем не менее 1 июля от того же Аддисона пришло требование произвести первую выплату в сумме 16 рупий одному из этих музыкантов (или их представителю) Энтони де Суза. Лебедев напомнил Аддисону о данной им отсрочке, сообщив, что в данный момент не располагает даже столь незначительной суммой [Русско-индийские отношения 1965: 458–459]. По мнению Х. Мамуда, иск со стороны музыкантов был единственно обоснованным, почему Лебедев и попросил отсрочки, все остальные иски были ложными [Мамуд 2012: 162][115].

Восьмого мая 1797 г., если не раньше, Лебедев начал писать письмо о. Андрею Самборскому, многократно прежде уже цитированное (весь текст черновика см. в приложении). Здесь он подробно рассказывает о своих занятиях языками, переводах, о создании театра и двух представлениях, подробно излагает всю историю с Бэттлом, говорит и об изматывающих судебных тяжбах: «От времяни разлуки з декорацописцом второй руки законники, его други, беспокоя[т] меня часто требованием заплаты ложных щотов, отчего, хоша и оправдаем первоначальными стряпчими (атторней эт ло), только сплотки эти отнимают время совершить мои розыски по желанию».

В этом же письме Лебедев пишет Самборскому о том, что болен: «Грусть чаще стала безпокоить, нежели во дни солнце печь, и из прикрытой ноздреватой кожею жидкой плоти, от теплаго зною и в ночи насильно стал пот течь, и противу воли день ото дня слабею, дрябею и состареваюсь» [Антонова 1956: 173]. Еще 3 мая он не мог явиться в суд по болезни, в архиве хранятся также черновики двух его записок, от 15 и 24 июня 1797 г., адресованных врачу с просьбой о лекарствах [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6077. Л. 25; Воробьев-Десятовский 1956: 52]. Вредный для здоровья климат Калькутты не мог не сказаться на уже немолодом человеке, и

[115] Заметим, однако, что Энтони де Суза (Anthony Desouza) — по-видимому, тот самый скрипач-португалец De Souza, который в 1784 г. упоминался в письме калькуттского купца и музыканта-любителя Джозефа Фоука к его сыну Фрэнсису, служащему компании и талантливому скрипачу. Де Суза характеризуется там как скверный музыкант, которого голод и нужда заставляют заниматься перепродажей музыкальных принадлежностей, при этом мошенничая и подсовывая покупателю негодный товар [Woodfield 2000: 66].

к тому же болезнь усугубилась, судя по письму к Самборскому, вызванной преследованиями депрессией.

В начале июня началась тяжба с владельцем дома, который Лебедев арендовал под свой театр, Джогоннатхом Гангули. Тот требовал с Лебедева, через адвоката Д. Макнабба, последнюю арендную плату плюс компенсацию за якобы причиненные дому разрушения. Лебедев настаивал, чтобы Гангули прежде возместил ему расходы на произведенный им ремонт здания. Это дело, скорее всего, закончилось достижением компромисса.

Двадцать третьего июня Лебедева вызывают повесткой в офис мировых судей в Форт-Уильям для разбора жалобы его служителя Бридду (или Бриддо) о невыплате ему жалования. Хаят Мамуд пишет: «В бумагах Лебедева никаких сведений ни об этом Бриддо (или Бриндо?), ни о том, была ли удовлетворена его жалоба или она тоже оказалась чистым вымыслом, не найдено» [Мамуд 2012: 161]. Однако Лебедев в посланной им в суд записке, объясняющей причину невозможности его явки в назначенный день, определяет должность Бриддо как *consomah*. Это англо-индийский термин персидского происхождения, обозначавший в Бенгалии времен Лебедева старшего из слуг, прислуживавших за столом (см. ил. 25). Англичане обычно переводили *consomah* (*consumah*, *khansama*) термином steward [Yule, Burnell 1996: 247]. Бриддо, следовательно, служил стюардом в доме Лебедева. Лебедев писал судье, что его поведение в отношении Бриддо было абсолютно оправданным, а подтвердить это и разъяснить дело в подробностях должен был мистер Даути (Doughty), принесший записку Лебедева в суд.

Лебедев в это время уже дошел практически до нищеты, ему не хватало средств даже на то, чтобы оплачивать мелкие судебные расходы (например, стоимость написания повестки, которой его вызывали в суд). При этом у него самого были состоятельные должники, взыскав долги с которых Лебедев тотчас поправил бы свое материальное положение. Упоминавшийся выше Фрэнсис Глэдвин должен был Лебедеву за «посещение концертов» (attending the concerts) 1800 сикка рупий [Русско-индийские отношения 1965: 452–453][116]. Полковник Александер Кид задолжал

[116] Документ № 239 в сборнике документов 1965 г. [Русско-индийские отношения 1965: 454] озаглавлен «Расписка Г.С. Лебедева в получении в оплату за его

Лебедеву за уроки, который тот на протяжении пяти с половиной лет давал его сыну [Антонова 1956: 157], еще большую сумму — 4755 сикка рупий. Все просьбы Лебедева рассчитаться с ним высокопоставленные должники игнорировали.

В июле Г.С. Лебедев пишет отчаянное письмо послу России в Лондоне графу Семену Романовичу Воронцову, которому писал еще за год до этого (письмо не сохранилось), но ответа не получил. Письмо свидетельствует о том, что он уже ищет возможности возвращения в Россию. В письме две основные темы. Во-первых, Лебедев, рассказав о своих трудах (словарь, перевод Бхаротчондро Рая, «две комедии», арифметика, календарь, создание театра), просит выхлопотать ему у нового государя, императора Павла I, «пристойный чин» с фантастическим жалованьем («[Я] б почел себя довольным иметь пять тысяч рублев в год <…> какую сумму я здесь получал до открытия моего театра»). Вторая тема касается способа, не менее фантастического, каким Лебедев надеялся выбраться из Индии. Он предлагал, ни больше ни меньше, установить прямую торговлю между Бенгалией и Россией.

> Хоша я до гола почти и разорен, только из подданных России, здесь находящихся, при желании и помочь исправить мое состояние, присоветовали ваше сиятельство просить исходатайствовать два паспорта ради трехмастных двух кораблей, или двумастных (если чрез линию проходить позволяется), чтоб оные под флагом Российским и с должными привилегиями из Индии, из реки Гонга (Gonga) из Восточнаго и Средиземнаго океана и других морей по выходе чрез Балтическое море мною могли введены быть в Неву и чтоб оные, как можно скорее, вы благоволили ко мне переслать.
>
> Разсуждая, что не требуется денег на покупку кораблей и на товары и что не токмо внесется умножение в казну пошлинами, но ободрится торг и мореплавание, кроме других обретениев, надеюсь, благоволите паспорты ко мне переслать [Архив князя Воронцова 1889: 177].

концерты 1800 рупий от члена Азиатского общества Ф. Глэдвина». Это ошибка: слова “Contents received” — «Содержимое получил» не относятся к запрашиваемой сумме, а удостоверяют получение счета адресатом. Таким образом, документ представляет собой не расписку Лебедева, а счет, отправленный им Ф. Глэдвину.

В сохранившемся черновике письма (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 6077, л. 35–39) имеется приписка:

> Прося о пересылке пашпортов[117], чуть было не позабыл, ваше сият[ельство], уведомить, что я знаком с купцами разных гиндостанских городов, чрез которых в таперешнее военное время[118] могу закупить товары так дешево, что покажется невероятно, естли бы здесь о цене вам объявил. И когда угодно нравит[ь]ся почтенного общества щеголихам и щеголям, благоволите предложить о подписке для 20 000 рублей и при пересылке, естли не вверятся мне, прикажите, чтобы за товары деньги были плачены мною. Позволя по приезде в Россию, кроме доли моей, иметь со ста двадцать процентов.

Приписку эту Лебедев в беловой вариант письма Воронцову включать не стал, но перенес ее в отправляемое им одновременно и с той же оказией письмо священнику Я.И. Смирнову, который, как он хорошо знал, занимался всеми практическими делами посольства. «Паспорта», т.е. экспортные лицензии и разрешения на проход торговых судов, нужно было «исходатайствовать» перед руководством Ост-Индской компании, обладавшей монополией на торговлю с Индией. Скорее всего, ни Воронцов, ни Смирнов Лебедеву не ответили. Довольно странным должно было показаться им заявление человека, «разоренного догола», о готовности на свои деньги закупить товаров на 20 тысяч рублей, снарядить корабли и привести их из Калькутты в Санкт-Петербург. Однако, по мнению В.В. Черновской, опирающейся на свои исследования по истории индийского предпринимательства [Chernovskaya 2005], Лебедев, обладая связями с индийскими купцами, при наличии «паспортов» вполне мог осуществить это предприятие и положить тем самым начало русско-индийской торговле [Черновская 2009: 16–18; 2012: 32–34].

Кто были те подданные России, которые, находясь в Калькутте, «присоветовали» Лебедеву просить о «паспортах»? И.Ф. Крузенштерн, имевший собственный план установления

---

[117] В черновике, в отличие от окончательного варианта письма, везде *пашпорты*.

[118] «Имеется в виду взятие Лахора афганским шахом Земаном, вызвавшее большие опасения в Калькутте» [Антонова 1956: 195].

прямой русско-индийской торговли, в это время еще не мог достичь Калькутты, он прибыл позднее. Если бы Крузенштерн был в это время в Калькутте, Лебедев непременно сослался бы на него в письме как на своего единомышленника и человека, хорошо знакомого Воронцову. Можно предположить, что совет Лебедеву мог подать кто-нибудь из армянских купцов, прибывший в местную армянскую колонию из российских владений на Кавказе. По крайней мере одному из калькуттских армян (Наркису Иоханнесу) Лебедев позднее помогал завязать торговые связи с предпринимателями из Южной Африки [Русско-индийские отношения 1965: 482–483].

Примечательно письмо С.Р. Воронцову также жалобами на то, что англичане не дают ему опубликовать результаты своих трудов:

> То, что бы могло и анличанам не токмо новостию опять нравиться, но ради вернейшего о языках уведомления, публиковать в Калкоте не могу; за тем, что иностранцово в науках уравнение переводчикам несносно, торговцам неприятно, и правление, для ободрения своих, знаю, как надлежит, иностранца не окуражит.

и на то, что «творящие правосудие» не желают защитить его от преследования со стороны «театральных промышленников»:

> И я… конечно, обогатился б, если б по зависти от промышленников театральных не был обманут, ограблен и разорен, и для чего от хранящих правосудие не мог сыскать для помощи расположения, коих я требовал [Архив князя Воронцова 1889: 176].

Лебедев видел теперь во всех своих судебных неприятностях козни уже не ненавистного ему Бэттла, а «промышленников театральных», т.е. владельцев театра, которым подыгрывают «законники». Он понимал, что ему не добиться никакой компенсации за потерю театра, и теперь стремился только получить от собственных должников деньги, необходимые для возвращения домой. Поскольку должники — влиятельные в Калькутте люди — упорно отказывались платить по его счетам, Лебедев решил официально обратиться на самую вершину пирамиды колониальной

юстиции. 27 октября он подает главному судье верховного суда Р. Чэмберсу петицию [Русско-индийские отношения 1965: 462–463], в которой заявляет о своих претензиях к Александеру Киду и Фрэнсису Глэдвину на суммы соответственно 4775 и 1800 сикка рупий — деньги, которые, как он пишет, покроют все издержки на его «возвращение в Европу с некоторыми удобствами». При этом он признает, что неспособен оплатить услуги ни своему юристу (attorney), через которого будет подан иск, ни судебному адвокату (advocate), и потому просит позволить ему с этого дня выступать в качестве истца или ответчика “forma pauperis”, точнее, “in forma pauperis”, т.е. «по форме для неимущих».

Суд, по-видимому, отказался удовлетворить иск Лебедева, поскольку в конце ноября, при посадке на корабль, увозивший его из Индии, он располагал лишь незначительной суммой, во много раз меньшей, чем обычная плата за проезд [Васильков 2012: 192].

«Творящие правосудие», конечно, не угождали таким мелким фигурам, как Бэттл или директор театра Томас Роуворт. Но они, несомненно, прислушивались к мнению о Лебедеве главного «законника» британских владений в Индии и одновременно одного из главных пайщиков «Калькуттского театра» Р. Чэмберса. О том, каким было это мнение, мы можем судить по результатам описанных выше обращений Лебедева к своему «прежде великому знакомцу».

Просматривается за упомянутыми Лебедевым в письме к А.А. Самборскому «сплотками» (вероятно, в смысле «сговоров», сообща разыгрываемых интриг) и еще одна фигура весьма высокопоставленного лица: в прошлом главы Секретного департамента, а в 1797 г. генерал-губернатора Бенгалии и одновременно президента Азиатского общества сэра Джона Шора.

Даже если С.Р. Воронцов и Я.И. Смирнов откликнулись бы на письма Лебедева, их ответы уже не застали бы его в Калькутте. Осенью у него появилась возможность покинуть Калькутту, и он не мог ее упустить. В это время в Калькутту прибыл молодой русский морской офицер, служивший на британском корабле “L’Oiseau”[119], в будущем знаменитый кругосветный мореплава-

[119] “L’Oiseau” — «Птица» (франц.). Возможно, это было трофейное судно.

тель Иван Федорович Крузенштерн. У него с Лебедевым были общие интересы: Крузенштерн тоже мечтал об установлении торговых связей России с Индией [Memoire of… Krusenstern 1856: 13]. Сложившиеся между ними отношения, несмотря на разницу в возрасте, есть основания называть дружескими. Крузенштерн был свидетелем того, как суд отказался принудить должников Лебедева выплатить ему требуемые суммы[120]. По-видимому, именно И.Ф. Крузенштерн ходатайствовал за Лебедева перед генерал-губернатором, прося позволить ему отправиться почти бесплатным пассажиром до Лондона на одном из судов Ост-Индской компании. Как раз в это время готовился к отплытию в Англию очередной «индийский флот». Лебедеву, по-видимому, было обещано такое разрешение, но предложено сначала договориться с капитаном какого-нибудь корабля. В таких случаях с пассажира брали за проезд столько, сколько он был в состоянии заплатить. Сначала Лебедев вел переговоры с Максвеллом, третьим помощником капитана корабля «Роза» (“Rose”), но соглашения достичь не удалось. Пришлось обратиться к Уильяму Томпсону, капитану «Лорда Тёрлоу» (“Lord Thurlow”), другого судна компании. Тот сказал, что примет пассажира, если на то будет приказ генерал-губернатора [Русско-индийские отношения 1965: 466].

Лебедев немедленно подал в генерал-губернаторский совет следующее заявление:

> Досточтимый сэр Джон Шор, баронет, генерал-губернатор и Верховный совет Форт-Вильяма в Бенгалии,
>
> досточтимые господа,
>
> состояние моих дел в соединении с плохим состоянием здоровья побуждает меня попытаться поправить как то, так и другое путем возвращения в Европу. Посему я смиренно ходатайствую о снисхождении сего досточтимого собрания и разрешении мне отправиться, в качестве частного пассажира, на борту собирающегося отплыть

[120] Из Южной Африки Г.С. Лебедев позднее писал другому моряку, С.И. Плещееву: «Я имел честь в Калкоте познакомиться с морским российским афицером господином Крузенштерн, которой по возвращени[и] засвидетельствует о потере моих денег по векселям и что судом должники не были принуждены мне заплатить» [ОР ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 27 об.; Русско-индийские отношения 1965: 474].

корабля досточтимой Ост-Индской компании «Лорд Тёрлоу» под командой капитана Томпсона.

Остаюсь, досточтимые господа,

с совершенным почтением ваш самый покорный и смиренный слуга

Г. Лебедев

Калькутта 23 нояб. 1797 [Русско-индийские отношения 1965: 464].

Вскоре капитан Томпсон получил записку от генерал-губернатора:

Вам разрешено взять на борт судна, разместить и доставить в Европу господина Герасима Лебедева с вещами первой необходимости. Оплата (проезда) за его счет [Saha 1963: 21].

Опубликовавший это распоряжение М. Саха (Шаха) почему-то датировал его 3 ноября 1797 г., что невозможно. Хаят Мамуд решил, что следует заменить «3 ноября» на «3 декабря» [Мамуд 2012: 163–164, 223]. Это тоже нереально, поскольку 30 ноября Лебедев был уже на борту «Лорда Тёрлоу», готовящегося к отплытию из Дайамонд Харбор, удаленной от Калькутты гавани судов Ост-Индской компании на Хугли [Васильков 2012: 199]. Сам Лебедев в жалобе, поданной им позднее генерал-губернатору Мыса Доброй Надежды лорду Макартни, со всей определенностью указал, что, получив от сэра Джона Шора 23 ноября 1797 г. приказ, он сам *на следующий день, 24 ноября*, доставил его капитану У. Томпсону, который тут же передал документ судовому комиссару, или казначею (purser), Джону Бэлли.

Учитывая все то, что происходило с Лебедевым во время плавания на «Лорде Тёрлоу» и как там с ним обращались, есть все основания полагать, что параллельно с распоряжением о доставке Лебедева в Европу генерал-губернатор устно или письменно предупредил капитана, о том, что пассажир — подозрительная личность, за которой следует присматривать.

Страсти в Индийском океане (по письмам Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну)

До недавнего времени о событиях, разыгравшихся на борту «Лорда Тёрлоу», мы знали из обращений Лебедева к лорду Макартни, из писем к С.И. Плещееву, Я.И. Смирнову и С.Р. Воронцову, т.е. из текстов, написанных уже в Южной Африке и фрагментарно освещающих происшедшее. Между тем, как выяснилось, в Российском архиве Военно-морского флота, в фонде И.Ф. Крузенштерна хранились письма, которые Лебедев писал на борту «Лорда Тёрлоу». Эти письма многое проясняют в сложившейся на корабле драматической ситуации. Но никто из пишущих о Лебедеве в последние годы о них не знал.

Однако письма Лебедева Крузенштерну были найдены еще полвека назад! 26 ноября 1967 г. в газете «Правда» появилось короткое сообщение следующего содержания:

ПИСЬМА ГЕРАСИМА ЛЕБЕДЕВА

Ленинград, 25 (ТАСС). В фонде знаменитого русского мореплавателя И.Ф. Крузенштерна, хранящемся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота СССР, найдены не публиковавшиеся ранее письма Герасима Лебедева — русского путешественника конца XVIII — начала XIX века.

С Крузенштерном он познакомился в Калькутте в 1797 году. Между ними установились дружеские отношения.

В найденных письмах говорится о последних днях пребывания русского путешественника в Индии. В одном из писем Лебедев просит Крузенштерна в случае его смерти передать книги и рукописи, вывезенные из Индии, в Петербургскую академию наук.

Сама по себе публикация такого сообщения в главной газете того времени свидетельствует о том, что имя Г.С. Лебедева еще не ушло из коллективной памяти общества, как это, к сожалению, имело место в последующие годы.

Казалось бы, после появления цитированной выше заметки в «Правде», должна была вскоре последовать публикация писем Лебедева к Крузенштерну. Однако этого не случилось. О находке надолго забыли.

Как нам удалось установить, письма Лебедева Крузенштерну были обнаружены в 1967 г. в Центральном государственном архиве ВМФ СССР ленинградским индологом-историком В.В. Перцмахером, который работал в ту пору над темой «Русские моряки в Индии». 27 ноября 1967 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР В.В. Перцмахер прочитал доклад «Неизвестные письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну (1797–1802 гг.)». Однако в последующих посвященных Индии выпусках издаваемого Восточной комиссией альманаха «Страны и народы Востока» статья по материалам прочитанного доклада не появилась, тогда как были опубликованы другие статьи В.В. Перцмахера по той же исследовательской теме [Перцмахер 1967; 1972].

Почему эта публикация не состоялась, можно только гадать. Представляется, в частности, вероятным, что препятствовала ей довольно «неудобная» по тем временам тема, затронутая Г.С. Лебедевым в письме от 30 ноября 1797 г. Обращаясь с удаленной от Калькутты стоянки судов Ост-Индской компании Дайамонд Харбор к остававшемуся в городе Крузенштерну, Лебедев жаловался ему на то, что его индийские слуги во главе с серкаром (домоправителем) при доставке пожитков хозяина в порт «растеряли», а скорее просто растащили часть вещей, исчезла и его любимая «приятного тону» скрипка. Лебедев просил Крузенштерна «попробовать принудить» слуг возвратить вещи, и, как видно из следующего письма, в отношении скрипки сделать это удалось. По понятным идеологическим мотивам советские историки в наследии Лебедева акцентировали осуждение им британского колониального гнета, тогда как отношения русского путешественника с индийцами рисовались абсолютно идеальными. Задержка с публикацией писем могла объясняться чьей-то боязнью, что рассказ о конфликте Лебедева с его индийскими слугами бросит тень на эту идиллическую картину.

Итак, мы уже знаем, что Лебедев 24 ноября 1797 г. вручил капитану У. Томпсону записку с распоряжением генерал-губернатора принять его на борт и доставить в Лондон. Капитан передал записку казначею Джону Бэлли (Bally), который, по-видимому, тогда же согласился принять от Лебедева в качестве платы за

проезд 120 рупий[121] [Русско-индийские отношения 1965: 467]. На следующий день Лебедев предъявил Бэлли свой дополнительный багаж, состоявший из тюка с индийскими тканями, а также распоряжение Торговой палаты принять этот груз и доставить «за счет и риск мистера Лебедева».

Капитану Уильяму Томсону[122],
командиру корабля досточтимой Компании «Лорд Тёрлоу».

Сэр,

настоящим приказываем Вам взять на борт своего корабля один тюк, принадлежащий мистеру Лебедеву, со следующими означенными и перечисленными содержанием и ценностью:

	сикка рупий
Два куска простого муслина 40 на 2	50
Один кусок муслина, затканного золотыми и серебрянными цветами	30
Два куска муслина ньянсук	24
Один кусок муслина чаркона [квадратного]	7
Десять кусков муслина буттадар 16 на 2/4	20
Шестнадцать муслиновых платков с каймой	20
Восемнадцать платков шандернагорских	90
Один кусок полосатой ткани и один кусок капа	20
Один кусок черного атласа 14 ярдов	10-8
	Итого ценностью в 271-8

Принадлежит мистеру Лебедеву
За счет и риск мистера Лебедева
На это подпишите акт о приемке груза

По приказу Торговой палаты

Эдмонтон, секретарь
Форт-Вилльям

25 нояб. 1797 (РГАЛИ. Фонд Вяземских. Оп. 1. № 6077. Л. 33. Копия на англ. яз., автограф Г.С. Лебедева; [Антонова 1956: 193–194]).

[121] Эта сумма была, вероятно, во много раз меньше обычной платы за проезд. Несколько ранее, в 1782 г., стоимость обратного путешествия из Индии в Англию составляла для семейной пары с маленькой дочерью 20 тысяч рупий [Blechynden 1905: 179]. Сам Лебедев был убежден, что по приказу генерал-губернатора его должны были везти бесплатно [Русско-индийские отношения 1965: 477], но цитированная записка, адресованная Томпсону, не оставляет сомнений в том, что Лебедев ошибался. По-видимому, в подобных случаях с пассажира брали столько, сколько он может заплатить.

[122] Лебедев везде пишет, по-русски и по-английски, фамилию капитана как «Томсон/Thomson». В действительности его фамилия, согласно английским документам и газетам, «Thompson».

Казначей тут же потребовал с Лебедева уже не 120, а 300 рупий. Лебедев пообещал заплатить по прибытии в Лондон[123]. Тогда же Бэлли спросил Лебедева, не желает ли он столоваться с капитаном. Как писал позднее Лебедев в жалобе, поданной генерал-губернатору Капской колонии лорду Маккартни, «услышав, что я собираюсь столоваться с третьим помощником, он сказал мне, что капитан не желает иметь меня на борту и что лучше бы мне приискать другое судно, поскольку он уверен, что проезд на Lord Thurlow будет для меня неприятен». Лебедев обратился к капитану Томпсону, который заявил, «что не может отказаться взять меня на борт, но что он прикажет хорошо обращаться со мной за столом его слуг» [Русско-индийские отношения 1965: 467]. Оскорбленный Лебедев настоял на том, чтобы столоваться с боцманами, и впоследствии писал Крузенштерну, что это оказалось удачным решением.

Разумнее Лебедеву было бы последовать совету Бэлли и уйти с «Лорда Тёрлоу», но, по-видимому, других вариантов у него уже не было. Он решил рискнуть.

Какой он видел перспективу своего путешествия, ясно из прощального письма, которое он 29 ноября, в день своего отъезда из Калькутты, послал И.Ф. Крузенштерну[124].

> Милостивый мой Государь Иван Федорович.
>
> В час разлуки нашей прими мою благодарность за твое для меня доброе расположение и ходатайство. Я желаю таперь только того, чтоб Бог позволил нас увидеться в нашем отечестве, где бы я, несумневайся, старался утвердить наше дружество. И более для того, что я бы мог воспользоваться вашими умными советами. Прошу вспомнить о мне и объявити о моих книгах во Отечестве нашем и в случае смерти моей на корабле, называемом Лорд Торло, требовать от капитана Вилиам Томсон и сообщить в Питербурскую академию. Оне есть следующия:

[123] Позднее Бэлли забрал у Лебедева этот тюк с тканями в качестве залога.

[124] Запятые у Лебедева встречаются редко и иногда употреблены не к месту; мы ввели запятые и другие знаки препинания там, где это помогает понять логику текста.

1я Гистория Шри Бгарот Чондро Рай[125] — которую раз продать для моей всей фамилии[и].

2я Словарь[126]. В академию.

3я разное шамскритское и бенгальское собрание в коем вся арехметика[127].

Но я к вам обстоятельнея напишу.

При окончании[и] сего с моим истинным почитанием есмь

Ваш покорны[й] слуга

Герасим Лебедеф

Калкота

29 ноября

1797 года

NB. Отпишите [Васильков 2012: 198–199].

Мы уже отмечали в этом письме выражение признательности Лебедева Крузенштерну за его «ходатайство». Не появись в Калькутте Крузенштерн, Лебедев, скорее всего, погиб бы там от болезней и нищеты, поскольку потерял уже все возможности добывать средства к существованию. Именно Крузенштерн, вероятно, выхлопотал для Лебедева разрешение покинуть Калькутту на корабле Ост-Индской компании. Влиятельность же молодого русского офицера объясняется, скорее всего, тем, что он получил прямой доступ к высоким чинам местной администрации через масонскую общину. По данным современных исследований, всякий иноземный путешественник, прибыв в Калькутту или другой крупный колониальный центр в Азии, прежде всего направлялся в масонскую ложу, так как это был лучший способ завоевать расположение местной элиты [Karpiel 2001]. Прямых свидетельств принадлежности И.Ф. Крузенштерна к масонству нет, однако это представляется весьма вероятным. Среди русских моряков тогда

[125] Имеется в виду переведенная на русский язык Лебедевым поэма Бхаротчондро Рая «Биддешундор» («Красота познания»).

[126] Над словарем бенгальского и «простонародного индейского» (хиндустани) языков, «с преложением на российской и англинской», Лебедев работал с 1796 или 1797 г. до конца жизни. В рукописном наследии Г.С. Лебедева материалов, определенно относящихся к этому словарю, пока не обнаружено.

[127] Вероятно, материалы, использованные Лебедевым в его двухчастном сочинении — так называемых «математических рукописях» [Васильков 2006; Крючкова 2011].

было много масонов [Соколовская, 1907], связи по этой линии были особенно полезны русским морякам, стажировавшимся на британских судах. Друг Крузенштерна Ю.Ф. Лисянский оставил в своем «Журнале» запись о посещении им в 1793 г. в Лондоне «концерта масонского братства» [Козлов 2007: 60]. Любимый командир и учитель молодого Крузенштерна, героически павший на глазах ученика в битве при Эланде и завещавший ему проект кругосветного плавания Г.И. Муловский (см. о нем: [Давидсон, Макрушин 1979: 231–246]), был членом «ложи Нептуна» в Кронштадте [Соколовская 1907: 232, 241, 249, 252] и, вероятно, ряда иностранных лож. В александровское время родственник И.Ф. Крузенштерна, секретарь дворянства в Ревеле Фридрих Филипп фон Крузенштерн постоянно посещал заседания Ложи Трех секир [СПбФ АРАН. Ф. 87. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 82 об., 111, 112, 180, 186, 198, 200; Серков 2001: 431: 1116], к которой принадлежал и представитель близкой Крузенштернам семьи — известный писатель и драматург Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу [Серков 2001: 425, 1116].

Уже в этом письме, написанном еще до отплытия на «Лорде Тёрлоу», когда Лебедев имел лишь опыт короткого общения с капитаном и казначеем (комиссаром) корабля, звучит очень тревожная нота. Лебедев просит Крузенштерна позаботиться о его рукописях в *случае его смерти* на борту этого судна! При этом он явно не имел в виду возможную смерть от болезни, поскольку в одном из последующих писем, как мы увидим, та же просьба повторяется сразу вслед за жалобами на открыто враждебное к нему отношение со стороны капитана и старших офицеров.

Второе письмо отправлено Лебедевым уже с борта «Лорда Тёрлоу» 30 ноября 1797 г. из Дайамонд Харбор, главной стоянки судов Ост-Индской компании (в 41 миле по реке Хугли ниже Калькутты).

Диамонд гарбур. Но по бенгальски келя кач[128].

Милостивый Государь мой Иван Федорович.

Между бумагами нашедши: для публикования в Калкоте приготовленную благодарность, я посылаю к вам и прошу переслать к г[оспо]дам Фери и Томсон[129], которые обещались в их газетах поместить и, думаю, то же сделает и Г[оспо]д[и]н Маклин[130] в Телеграфе.

Сожалею сказать, серкар и слуги растеряли или, может, хотели так украсть многое: ту самую трость, которую хотел подарить я г. Самборскому, не нахожу. И вы видели сами: она мною была отдана серкару. Вещей, нужных в проезде, которые я сам положил, уже не вижу, скрипку мою приятного тону, думаю, также боле не услышу. Которую, естли еще не возвратили, может попробовать принудить возвратить моих слуг и особливо моего власочесателя чрез вашего слугу, ибо он жил с ним в одном месте.

Если узнаете, что фрегат ваш идет с нашими кораблями, пожалуй, купи ежели не четыре дести[131], то хоша две, но необходимо. Без чиего, мню, оставлен в проезде моем мертвым, на половину рупи[и] песку, для засыпки. И также ради черни[л] две бумажки порошков. Две пары кожаных перчаток и два теплых колпаков, что в базаре найдется.

За все помянутое что заплатите, при перьвой встрече вам заплачу. Я б послал к вам денги со слугою, но не могу, для того, что не знаю, будите ли вы в Калкоте[132].

Прошедшей ночи холод заставил меня о сем вас трудить, предсказав о имени[и] нужного в холоднейших градусах. И для чего в сем

---

128 *Diamond Harbour* — гавань на реке Хугли (правый рукав Ганга), ниже (в 30 милях по суше и в 41 миле по реке) Калькутты. Главная стоянка судов Ост-Индской кампании [Yule and Burnell 1996: 317]. Келя кач — скорее всего, какая-то описательная характеристика данного места, принятая Лебедевым за топоним. Кач, во всяком случае, имеет значение «около, поблизости (от чего-то)».

129 *Фери, Томсон* — очевидно, калькуттские издатели.

130 *Маклин* — по-видимому, Charles Macklin, калькуттский издатель, год спустя (в 1798) учредивший газету Bengal Harkara («Бенгальский вестник»). В 1780-х годах некто Маклин был одним из ведущих в городе торговцев оттисками гравюр (см.: [Eaton, 2003: 54]).

131 *Десть* — мера или счет писчей бумаги, 24 листа.

132 И.Ф. Крузенштерн в эти дни готовился к скорому отплытию на фрегате «L'Oiseau» и большую часть времени, по-видимому, проводил на корабле.

письме посылаю половину гульдмора[133], и естли больше, персонально заплачу.

Я только теперь узнал штурмана (Маджи — Majy) о имяни, который без приказа моего положил на ево лодку мои вещи: он называется Дон Маджи (Don Majy), и слуга ваш всегда може[т] допросит[ь]ся в том месте, где я с тобой расстался.

Оскорбление мое и потери неоднократно уже заставляли забывать заливы моря и положение приятных мест, и сделать лутшее известие. Желаю, чтоб имели мы спокойний проезд.

Пребывай благополучно и уведомь о себе твоего знакомца, который с почтением пребывает

Герасим Лебедеф

30го ноября

1797

NB: Лицо и руки несколько уже опухло [Васильков 2012: 199–200].

Вместе с письмом (РГА ВМФ, ф. 14, оп. 1, дело № 221, л. 95, 96) в архиве хранится конверт с надписями. На внутренней стороне: «Бумаги неизволь покупать, я имею довольно». На внешней стороне конверта, в центре:

To
Leaumtinant J. Croosenstern
On Board Lauizo Frigate

т.е. «Лейтенанту Дж. Крузенштерну на борту фрегата “Луазо”».

На верхнем поле: “With half a Gold Mohour” («С половиной золотого мохура»).

На правом поле: «Два небольшия замка».

На нижнем поле: не поддающаяся прочтению надпись, возможно, бенгальской скорописью.

Из этого письма видно, что И.Ф. Крузенштерн приходил провожать Лебедева или по крайней мере присутствовал при отправ-

[133] *Гульдмор* — имеется в виду gold mohur — официальное название основной золотой монеты Британской Индии. Во второй половине XVIII в. выпускавшийся Ост-Индской компанией золотой мохур был эквивалентен приблизительно 16 серебряным рупиям [Yule and Burnell 1996: 573].

ке его вещей на корабль: он видел, как Лебедев отдал трость своему домоправителю (серкару), и знает место, где его вещи грузили в шлюпку. Лебедев обращается к Крузенштерну как к другу с различными просьбами, и Крузенштерн, как мы увидим, эти просьбы хотя бы отчасти выполнит. Особого внимания заслуживают здесь слова Лебедева, как бы оправдывающегося в том, что из-за огорчений и неприятностей он еще не начал наблюдать «заливы моря и положение приятных мест». Но он надеется сделать «лутшее известие» в будущем, если путешествие будет более спокойным. Это означает, что Крузенштерн, который в это время уже задумал проект установления пути морской торговли напрямую между Россией и Индией, и Лебедев, который незадолго до того, как мы знаем, обращался к С.Р. Воронцову, предлагая конкретные шаги в том же направлении [Русско-индийские отношения 1965: 461], скорее всего, много беседовали на эту тему, и Крузенштерн, очевидно, просил Лебедева вести своего рода «журнал» или просто делать отдельные наблюдения, отмечая удобные для стоянок бухты и т.п. Впоследствии Лебедев попытался это делать и в результате подвергся большой опасности.

Первого декабря, согласно Лебедеву [Русско-индийские отношения 1965: 466–467], корабль уже стоял на рейде, который он называет Сагурским путем (Sagur Road), — популярной корабельной стоянке, чаще называемой Sagur Roads или Saugor Roads, изначально по-видимому Sagar Roads, т.е. «Сагарские рейды»[134]. Название связано с тем, что отсюда открывается вид на соседний остров Сагар, священный для индуистов, поскольку на нем расположен один из главных объектов паломничества: Ганга-Сагарсангам — «Место слияния Ганги с Океаном». В наши дни идущие в Колкату суда на Saugor Roads принимают на борт лоцмана, чтобы он провел их вверх по Хугли. Экипажи и пассажиры выходящих в открытое море судов в последний раз видят отсюда индийскую землю. Драматическое описание такого прощания содержится в романе современного писателя Амитава Гхоша «Море маков» [Ghosh 2008: 386 и след.].

[134] Слово “roads” здесь имеет специальное морское значение: «рейды»; ср. «рейд Саугер» в журнале 1798 г. И.Ф. Крузенштерна [Козлов 2007: 251, 252].

Уже в первый день стоянки здесь, как уже было сказано, казначей Бэлли забрал у Лебедева его тюк с индийскими тканями в залог того, что деньги за проезд будут уплачены в Лондоне. Но было и нечто радостное: Лебедеву передали письмо и, по-видимому, какие-то необходимые вещи, присланные Крузенштерном. Приятной новостью было то, что, как сообщал Крузенштерн, скрипка нашлась. Приводим ниже ответное письмо Лебедева, написанное в день, когда корабли уже снимались с якоря и покидали стоянку.

Сагурьской путь (Sagur road) 10го декабря 1797

Милостивый мой Государь Иван Федорович.

Я удовольствие имел вчерась получить 2го числа писанной твой дружеский ответ на мои письма. И за все твое приятельское попечение искренне благодарю, также и за уведомление о поступке бесчестнаго крючкотворца, которого за плутовство лутчее время обличить.

Десять дней от прибытия моего на корабль Лорд Торло: одиннатцать трехмастных кораблей, кроме меньших, в (?) лавировали моря в проходе, называемом Сагурской путь. Вчерась показан был сигнал для приготовления, и сегодни поутру, подняв последней якорь, отправилися в путь.

С приезду моего я в нахлебничестве с теми, которых мы единодушно при конце назначили, и естьли они так, как таперь, до приезда в Англию хорошо будут обходит[ь]ся, по справедливости присоветую я тогда небогатому российскому вояжиру приятство их предпочесть искариотской и скотской грубости любящих всего больше мзду. Во всю мою бытность на корабле капитан В. Томсон только два раза говорил словами необделанного жорнова, столько же, даже учтивея, и его порсер[135]. Их (госпеталити[136]) угощение и приветствие истинно есть дичея степного калмыка.

Перьвой афицер, Вильсон, думаю, за неимением лутчих чувств, всегда отбегает.

Второй — сказано мне, житель города Петербурха, где и воспитан, но в рассуждени[и] дикости его не могу я догадат[ь]ся, какого зверя роже облек себя уподоблением, и с такою скотскою тенью пристойно человеческого удаляется обращения.

---

[135] *Порсер* (purser) — судовой комиссар, ведавший финансово-хозяйственными делами, в главной функции — казначей.

[136] *Госпеталити* — англ. hospitality — «гостеприимство».

Из остальных людей довольно хорошо обходятся, и льщу себя с ними скоро быть знакомым.

Великое щастие для меня, что на корабле посажирами есть три генерала, Доф, Морген, Чжонс: и полковник Бели. Которых бытие, думаю, в случае нужды извлечет из грубоделателей благоснисхождение.

Жизнь всей разной твари по воле Всемогущего Творца хранится и продолжается: сего ради в случае моей смерти Тебя соотечественника моего прошу по дружескому обещанию твоему требовать корабля Лорда Торло от капитана Вилиам Томсон: написанныя мною переводы избранные: Гиндостанским смешанным; бенгальским, русским и аглинским языками. Гисторию (поему) 1я книга на бракосочетание дочери Бордтманского Государя (Рачжа). 2я — словарь. 3я — собрание разное, в которой книге все арехметические деления находятся. 4е — перевод части Календаря. И все другое мое имение. которое означено в моей записке, положенной в сундуке. И по получени[и] прошу тебя Гисторию (поему) напечатать, и по заплате за печать, денги за продажу сей Гистори[и] книг разделить моим сродственникам, как мною написано. Бенгальскую азбуку, словарь, и разное собрание, отдать в академию. И за мои труды постарайтеся, чтоб во оной воспитаны были дети родственников моих.

О моих сундуках, в которых находятся помянутые книги и другое, спросите от моих нахлебников: (бот-свейн[137]) штурмана, имянуемого (J^{o}n Robbins) Чжон Роббинс, живущего (№ 10 Royall Row Lambeth London), и (карпентер) столаря, называемаго (James Laurie) Чжемс Лори, живущего № 9 Little Church Lane Lime House. London.

За нахлебство оне спросили от меня сто пятьдесят рупей, но, я думаю, согласятся взять только сто.

Я должен сократить мое письмо по причине пайлотов абходу[138] и при окончании[и] молю Всемогущева Творца сохранить нас в странствовани[и]: и по благополучном возвращени[и], особливо во отечество наше, утешить свиданием больше для того, чтоб усердные наши услуги сделались известны государства нашего обществам.

С моим истинным почитанием добраделателю и другу моему пребуду всегда искренны[й]

Герасим Лебедеф

Пожалуй, сбереги мою скрипку.

Говорят. что мы заедем в Мадрас, и оттуда я к вам отпишу.

To Mr H. Ma^{k}Kenly my respect.

---

[137] *Бот-свейн* — англ. boatswain — «шкипер», «боцман», «лоцман».

[138] *Пайлотов абход* — см. англ. pilot — «штурман; лоцман».

Мы дожидались вашей фрегаты, но ко оскорблению не увидели вас. Прощай, мой любезны[й] Друг [Васильков 2012: 200–202].

Из письма видно, что во время долгой стоянки Лебедев имел время для некоторых «морских» наблюдений. Именно к ним следует отнести описание того, как корабли направляющейся в Англию флотилии лавировали на Сагурском рейде. Пишет он и о том, что вполне доволен своим «нахлебством», т.е. сидением за одним столом с нижними чинами, среди которых его особое доверие вызывают боцман (boatswain) и корабельный плотник (carpenter). Но по-прежнему крайнюю враждебность проявляют к нему капитан, первый и второй помощники, казначей. Снова посещает Лебедева предчувствие, что он не сойдет с корабля живым, и он перечисляет Крузенштерну рукописи своих работ, о которых в таком случае нужно позаботиться. Надежду ему подает лишь то обстоятельство, что на судне есть высокопоставленные пассажиры: три британских генерала и полковник. Лебедев выражает в письме надежду, что их присутствие «в случае крайней нужды извлечет из грубоделателей благоснисхождение». И действительно, в момент крайней нужды Лебедев, как мы увидим, воспользовался присутствием этих начальственных персон для того, чтобы спастись с корабля.

В последующие дни Лебедеву могло показаться, что ситуация улучшилась: как он сообщал впоследствии, «11-го, 17-го и 19-го [декабря] я был приглашаем 2-м, 3-м, 4-м и 5-м офицерами провести вечер, наслаждаясь музыкой» [Русско-индийские отношения 1965: 467]. Появился шанс, что к нему станут относиться как к профессионалу, с должным уважением. Но на второй день после третьего музыкального вечера произошла подлинная катастрофа.

Два других письма Лебедева, хранящихся в фонде И.Ф. Крузенштерна, отправлены годы спустя, из Лондона и из Петербурга. О них мы расскажем позднее. Что касается дальнейших событий на борту «Лорда Тёрлоу», мы знаем о них из «Африканского дневника» Г.С. Лебедева и прежде всего из копии жалобы, поданной им 23 февраля 1798 г. генерал-губернатору и главнокомандующему войсками на Мысе Доброй Надежды лорду Макартни.

Лебедев, по-видимому, продолжал вести некоторые наблюдения для Крузенштерна. Именно в этом контексте надо понимать вопрос, с которым он 21 декабря, между 7 и 8 часами вечера обратился на палубе к корабельному казначею Бэлли: «На какой широте мы находимся?» Последующее сам Лебедев описывал так:

> Услышав это, первый помощник [капитана] спросил с презрением, что побуждает меня задавать им столь глупый вопрос, и обругал меня. Так как я говорил не с ним, то не стал отвечать, и снова спросил казначея: я надеюсь, что не обидел его своим вопросом? Он ответил: нет. И еще [я сказал]: удивляюсь, что первый помощник с самого моего прибытия обращается со мной столь грубо и дерзко. В тот же миг мистер Уилсон ударом сбил меня с ног, а окружающие не дали мне должным образом защищаться. Он потащил меня через ют и едва не убил; и вместо того, чтобы сжалиться, страшное чудовище угрожало заковать меня в кандалы и заткнуть мне рот куском дерева, как он говорил — за бунт. Хотя капитан У. Томсон и не позволил ему этого сделать, моя жалоба все же пришлась ему не по вкусу, и он сказал только, что я заслуживаю быть повешенным, а также запретил мне впредь, не объясняя — за что, появляться на юте. Как ужасно стали со мной обращаться после этого, я не в силах описать.

Вечером 27 декабря, когда Лебедеву пришлось все-таки по какой-то надобности проходить через ют, первый помощник Уилсон, незаметно подкравшись сзади, нанес ему несколько сильнейших ударов в спину, по-видимому, сломав ребра, так как Лебедев, по его словам, несколько дней после этого не мог ходить и даже в Южной Африке, в конце февраля, «не мог восстановить свое здоровье» [Русско-индийские отношения 1965: 467–468].

Обычно этот эпизод объясняли либо, как сам Лебедев, алчностью старших офицеров, недовольных появлением почти бесплатного пассажира (хотя в таком случае непонятно, зачем они потом умышленно испортили взятые в залог ткани), либо, как Ю.Ф. Лисянский, зверскими нравами, царившими на английском флоте [Козлов 2007: 270–271]. Но в свете писем Лебедева Крузенштерну вся ситуация выглядит иначе. Очевидно, наблюдения, которые Лебедев вел во время плавания, и его вопрос о координатах судна были восприняты старшими офицерами как прямое

подтверждение изначально имевшихся у них подозрений в том, что они, возможно, везут «шпиона». Отсюда и исключительная по отношению к пассажиру жестокость, и запрет выходить на палубу, и угрозы казнью через повешение.

Лебедеву пришлось терпеть такое обращение еще долго, до 11 февраля 1798 г., когда офицеры «Лорда Тёрлоу», накануне прибывшего в Кейптаун, около полудня приготовились сойти на берег. Понимая, что, если он не сойдет здесь с корабля, ему не пережить дальнейшего плавания, Лебедев с огромным трудом, несмотря на то что первый помощник прогонял его с палубы, все же прорвался к капитану. На просьбу Лебедева разрешить ему покинуть судно, капитан сказал ему: «Можешь уходить, забирай свои вещи и не возвращайся на корабль; ты заслуживаешь, чтобы тебя повесили». Но он отказался предоставить ему корабельную шлюпку для перевозки на берег имущества, злорадно заметив при этом, что вызвать портовую шлюпку с берега Лебедеву наверняка не удастся. И тогда Лебедев решился прибегнуть к уловке, о которой он писал Крузенштерну в третьем письме. При этом ему пришлось, правда, подвергнуть себя унижению, что он потом тяжело переживал[139]. В момент, когда высокопоставленные пассажиры — три генерала и полковник, вместе с капитаном и офицерами корабля готовы были сойти в шлюпку, он бросился перед капитаном Томпсоном на колени и во всеуслышание попросил объяснить ему, за что он подвергается столь бесчеловечному обращению. Если капитан может назвать какой-либо реальный дурной поступок с его стороны, он, Лебедев, готов принести извинения и принять любую заслуженную кару.

Вот тут и выяснилось, что какие бы подозрения ни питали офицеры корабля в отношении Лебедева, реальных оснований для них нет. Поколебавшись, капитан все же разрешил Лебедеву сойти на берег, не преминув при этом добавить: «Ты заслуживаешь быть повешенным».

---

[139] В своем обращении к лорду Макартни Лебедев писал, что в этот момент он попытался «смягчить их ярость [своей] низостью» (to tender their fierceness by meanness). В рукописи «Африканского дневника» напротив этих слов, на чистом листе — единственная фраза по-русски: «И чтоб уменьшить ярости гонящих меня, решился я сказаться им подлецом» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 10].

В Южной Африке

Основным источником, на основе которого восстанавливается последовательность событий во время пребывания Г.С. Лебедева в Южной Африке и в начальный период его пребывания в Лондоне, является хранящаяся в РО ИРЛИ РАН большая тетрадь (ф. 265, архив журнала «Русская старина», оп. 2, № 4025). В ней содержатся дневниковые записи Лебедева, черновики его писем к разным лицам, копии писем к нему от разных лиц, хозяйственные и другие записи, на русском и английском языке. Первая запись датирована 12 февраля 1798 г., последняя — 14 февраля 1800 г. Подавляющее большинство документов из этой тетради опубликовано в многократно цитированном нами издании: [Русско-индийские отношения 1965: 465–491]. Эту тетрадь и называют иногда «Африканским дневником» Лебедева.

Еще с борта «Лорда Тёрлоу» Лебедев послал письмо генерал-губернатору лорду Макартни (Macartney). Он мог, по-видимому, рассчитывать на его благосклонность, поскольку Макартни был генерал-губернатором Мадраса в 1781–1785 гг. Макартни сложил полномочия 14 июня 1785 г., но вернулся в Англию только в 1786 г., а Лебедев прибыл в Мадрас 15 августа, следовательно, они могли быть знакомы. Кроме того, Макартни был в 1764–1767 гг. чрезвычайным посланником в Санкт-Петербурге, среди его трудов были «размышления о Российской империи» [Давидсон, Макрушин 1979: 262], и поэтому ему мог быть интересен русский музыкант-путешественник.

В тот же день, 11 февраля, в четыре часа пополудни Лебедев перебрался на лодке с корабля на берег, но ему не позволили забрать свои вещи. Вечером того же дня Лебедев побывал в резиденции генерал-губернатора и договорился с секретарем, «господином Максвель» (Maxwell) о приеме у лорда Макартни на следующий день. Эта запись находится на 13-м листе тетради.

В той же тетради, на первом ее листе, Лебедев пишет, что все это произошло 12 февраля. Причина расхождения в датах остается загадкой.

Гостиниц в «городе Капе» не было, но квартировать можно было почти в любом частном доме [Давидсон, Макрушин 1979: 257–258]. Лебедев в первый же вечер без труда устроился на ночлег, благо какие-то деньги у него, по-видимому, еще оставались. 12 и 13 февраля он был принят лордом Макартни, жаловался ему на обращение с ним капитана Томпсона, первого помощника Уилсона и казначея Бэлли. Лебедев записал в своем «Африканском дневнике»: «Он (Макартни. — *Я.В.*) принял меня хорошо и больше для того, что я уверил ево свидетельством, данным мне в Колкоте от разных персон о поведени[и] моем» [Русско-индийские отношения 1965: 465]. Макартни явно ему сочувствовал. Лебедев пишет:

> 15-го. Лорд Макартней дал повеление… англинской купеческой почтенной компании агенту (Mr. Pringell) господину Прингелю приказать капитану Вилиам Томсон отдать мне мои сундуки и другия вещи.
>
> 16-го. Я ездил на корабли. Заплатил 75 рупей сикка за кушанье, получил сундуки, но добро разных кусков было мне не отдано.
>
> 17-го числа февраля дано другое приказанье об отдаче моего добра в свяске.
>
> Воскресенье 18-го. Поверенной (porser Mr. Bally) Бэли по второму приказанию отдал свяску моего добра, которую 22-го числа развязал осмотреть и нашел все 50 кусков перепорчены морскою водою, и которое добро в закладе им было взято для сохранения. 23-го числа я зделал опять письменную жалобу [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 2].

Как выяснилось, судовой комиссар Джон Бэлли, скорее всего, после первого инцидента с избиением Лебедева и запрещения ему появляться на юте, вынес взятую им в залог связку тканей на верхнюю палубу и оставил в таком месте, где она могла подвергаться действию морской воды во время шторма. Обнаружить все свои ткани испорченными было для Лебедева большим ударом. Первоначально он рассчитывал использовать их частично как подарки, частично как образцы товара, который мог бы заинтересовать российских предпринимателей и правительство, побудить их к установлению торговых связей с «Восточной Индией». Оказавшись без средств в Кейптауне, он намеревался продать

что-то из этой связки для пропитания и платы за жилье на первое время. Ошеломленный и оскорбленный до глубины души новой бессмысленной, жестокой выходкой со стороны офицеров «Лорда Тёрлоу», Лебедев написал и подал лорду Макартни ту самую жалобу, из которой мы знаем об издевательствах, которым он подвергся на корабле. Закончил он свой рассказ словами:

> В последнее воскресенье (18-е) по вторичному приказу корабельный казначей м-р Бэлли предоставил мне мой тюк с товаром в испорченном виде. Этим товаром я надеялся рассчитаться за долг. Теперь не чаю, как покрыть здесь свои расходы. Все, о чем я здесь написал, надеюсь, убедит Вашу Милость в том, сколь жестоко со мною обошлись. Как иностранец и как пассажир я, целиком полагаясь на Вашу справедливость, решительным образом прошу возмещения ущерба и Вашей защиты.
>
> С чувством глубочайшего уважения имею честь быть, Милорд,
>
> Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой.
>
> Г. Л.
>
> Кейп Таун
>
> 23 февраля 1798 г. [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 11; Русско-индийские отношения 1965: 469; Мамуд 2012: 169].

Надо отдать должное лорду Макартни: он сделал для Лебедева все, что мог в пределах своей компетенции. Как представитель королевской власти, он не вправе был рассматривать дело о том, что произошло на одном из судов компании. Но, будучи главнокомандующим британскими вооруженными силами и генерал-губернатором на Мысе Доброй Надежды, он поручил главному представителю («агенту»; у Лебедева также: «комиссару») Ост-Индской компании в Капе Джону Принглу (Pringle)[140] организовать слушания по этому делу.

В один из этих первых дней на земле Южной Африки состоялась встреча Лебедева с еще одним русским моряком, другом Крузенштерна Ю.Ф. Лисянским.

И.Ф. Крузенштерн, исхлопотав через С.Р. Воронцова разрешение от императора Павла I на поездку в «Восточную Индию»,

[140] «Джон Прингл, эсквайр» отставался в должности «Агента Достопочтенной Ост-Индской Компании» и в 1809 г. [Ross 1809: XXIV].

вместе с двумя друзьями, тоже стажировавшимися на английском флоте, Ю.Ф. Лисянским и М. Баскаковым, устроился на военный корабль, шедший к Мысу Доброй Надежды. Оттуда направлялся в Индию фрегат “L’Oiseau”, и друзья сговорились было уже с капитаном. Но тут выяснилось, что фрегат перед этим налетел на скалу, в днище его застрял большой камень, и в трюм постоянно натекала вода, которую приходилось вычерпывать. Лисянский и Баскаков не решились выходить в океан на судне в таком состоянии, и забрали свои вещи с корабля. Крузенштерн на следующий день пришел на корабль с той же целью, но капитан еще издали приветствовал его словами: «Рад, что Вы, по крайней мере, не побоялись идти со мной в Индию». Крузенштерн не мог его разочаровать [Memoire of… de Krusenstern 1856: 15–16]. Лисянский остался в Кейптауне, служил в эскадре контр-адмирала Томаса Прингла, но в конце 1797 г. заболел и довольно долго лечился.

В это время и посетил его Лебедев. Точную дату назвать нельзя, потому что Лисянский в своем дневнике датирует их встречу *восьмым февраля* 1798 г. Лебедев, как мы знаем, сошел на берег 11 февраля. Лисянский в самом начале своего дневника («Журнала») указал, что будет приводить в нем все даты «по новому щыслению» [Козлов 2007: 56], т.е. по «новому стилю», или григорианскому календарю, принятому в Англии со всеми ее колониями в 1752 г. Допустить, что Лебедев в своем «Африканском дневнике» приводит даты по принятому тогда в России юлианскому календарю (с 1918 г. — «старому стилю» и у нас), мы не можем по ряду причин. Главная из них состоит в том, что во всех своих официальных обращениях к лорду Макартни Лебедев указывает датой своего прибытия в Кейптаун 11 февраля 1798 г., следовательно, это дата по «новому стилю». Другое гипотетическое объяснение — тем, что Лисянский, пролежав больным дома несколько недель, потерял счет времени — ставится под сомнение тем фактом, что очень похожее расхождение дат, как мы вскоре увидим, существует между реальной датой концерта Г.С. Лебедева в Лондоне и записью Ю.М. Лисянского о визите Лебедева в Лондоне к нему с рассказом об этом концерте. Причину этих хронологических расхождений между первым русским индологом и товарищем

И.Ф. Крузенштерна по первому российскому кругосветному плаванию мы пока объяснить не можем.

Впечатления от встречи у них тоже остались разные. Лебедев в письме С.И. Плещееву 8 марта 1798 г. писал:

> Здесь в Капе имел удовольствие натти другого морского афицера господина Лисенского, который несколько недель был болен, но начинает теперь выздоравливать (РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 27 об. — 28; [Русско-индийские отношения 1965: 474]).

Лисянскому же знакомство с Лебедевым особого удовольствия не доставило. Порадовался он разве что известию о благополучном пребывании Крузенштерна в Калькутте.

> Сегодня адресовался ко мне господин Лебедев, российский музыкант, который пробыл несколько лет в Индии, а теперь возвращается в Европу. Я весьма от ево был рад слышать, что господин Крюзенштерн прибыл в Калькутту благополучьно и проводит там время довольно весело. Что же касается до самого Лебедева, то мне нетрудно было в несколько часов разговора узнать, что ето один из тех характеров, которые, не могши жить в своем отечестве, от распутства таскаются по свету, не делая ни малейшей чести нации, к которой принадлежат: коротко сказать, он от долгов уехал из Европы и точно в таком же положении оставил Индию [Козлов 2007: 132].

Хаят Мамуд, знакомый с этим эпизодом по его беллетризованному описанию в научно-популярном журнале «Вокруг света» [Лебедев 1963], заключил, что весь рассказ Лебедева о своих успехах и неудачах показался Лисянскому неправдоподобным и он счел его выдумкой [Мамуд 2012: 172]. Тут следует заметить, что к определенной части рассказа Лебедева, а именно к истории его мытарств на корабле «Лорд Тёрлоу», Лисянский отнесся с доверием и сочувствием. Месяц спустя, 8 марта 1798 г. он писал Крузенштерну:

> Господин Лебедев прибыл сюда с месяц назад, но желаю тебе сказать, что не прежде как повстречавшись с самопребезбожнейшим и варварскым обхождением его капитана, первого мета (первого по-

мощника капитана. — *Я.В.*) и комиссара, обхождения которого готентоты здесь стыдились бы, но ети умершия к совести люди, англичане, етим торжествуют. Ах! Жалко, что етот опыт случился над ним, а то я был бы рад, что мое мнение генерально оное подтвердилось. <…> Англичанин, вестимо, есть самой болшой тиран в свете [Козлов 2007: 270–271].

Причина того, что Лисянский при первой встрече отнесся столь подозрительно и критически к Лебедеву, состоит даже не в том, что он вообще был по характеру человеком желчным и щедрым на резкие высказывания. Лебедев явился к нему, несомненно, в первые дни пребывания в Кейптауне, в той самой одежде, давно не стиранной и мятой, в которой вырвался с корабля, больной, не оправившийся от побоев, оскорбленный и озлобленный, говоривший взволнованно и сбивчиво. Кроме того, появлению самого Лебедева, по-видимому, предшествовал слух о сбежавшем из Индии от долгов русском — подозрительном типе, авантюристе и смутьяне, едва не поднявшем бунт на корабле компании[141]. Почти наверняка Лебедев просил Лисянского одолжить ему денег. И этот человек рассказывал что-то о своем знакомстве с ныне правящим императором, с князьями и графами, о своих научных занятиях и о создании якобы театра в Индии!

Вероятно, среди британцев Мыса Доброй Надежды, за исключением генерал-губернатора, проявлявшего к Лебедеву сочувствие, за приезжим русским закрепилась, по крайней мере на первых порах, посеянная капитаном и офицерами «Лорда Тёрлоу» дурная слава. Не случайно, наверное, домохозяевами, у которых он арендовал жилье, и людьми, помогавшими ему в организации концертов, были не британцы, а местные старожилы-голландцы[142].

---

[141] Об этом Лебедев писал 4 апреля 1798 г. Я.И. Смирнову: «Помянутые обидчики, кроме оскорбления и потери, в городе Капе всячески старались объявить меня дурного поведения человеком» (Архив ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 38; [Русско-индийские отношения 1965: 480]). Слух о русском авантюристе, бежавшем от долгов, распространялся среди английских, прежде всего «компанейских» моряков. А Лисянский в своем дневнике писал, что, не найдя среди «мысовских жителей» (преимущественно голландцев) людей просвещенных, он водил знакомство главным образом с англичанами [Козлов 2007: 127].

[142] Ср.: «Презираемый английскими колонистами как нищий изгой, воспринимаемый русскими морскими офицерами как возможный источник неприят-

Следует, впрочем, заметить, что, согласно справочнику “African Court Calendar” (подобие российского «Адрес-календаря») за 1809 и 1812 гг., голландцы составляли подавляющее большинство в населении Капстада/Кейптауна. Англичане были в основном приезжими военными, торговцами или чиновниками. Город все еще оставался старым голландским Капстадом, лишь незадолго до этого, в 1795 г., захваченным британскими войсками. Ему еще предстояло вернуть свой голландский облик и старое название в короткий период восстановления здесь власти Нидерландов (Батавской республики) — с 1803 по 1806 г.

Самым первым приютом Лебедева, 12 и 13 февраля, был дом «(younfrau) Madame Dell», где словом younfrau Лебедев явно пытается передать голландское *jonkvrouw* — «дама, госпожа». Затем он переезжает в дом, по-видимому, родственника госпожи Делл, господина (“Heer”) Делл, где живет с 13 февраля по 1 марта. Возможно, это Альбрехт Делл, по данным справочника 1809 г., весьма почтенный горожанин, один из трех смотрителей (wardmasters) 13-й части города [Ross 1809: 10]. Потом Лебедев поселился на Бург-страат, в доме И.А. Рауха (Rauch), однако впоследствии не раз покупал у Делла, очевидно, понравившееся ему вино. Хаят Мамуд нашел в каком-то выпуске африканского справочника последующих лет упоминание о «Раух, вдове Иоханнеса Андреаса, пансион, Берг-стрит, 24», и справедливо заключил, что в этом доме, по всей вероятности и поселился Лебедев [Мамуд 2012: 173]. Затем 23 мая он перебрался в дом «господина Вильдта» (“My Heer Wildt”) на «Сики-стрит», и там уже жил до самого своего отъезда из Кейптауна.

Получив 16 февраля с «Лорда Тёрлоу» свой багаж, Лебедев на следующий день сдал в стирку свой немалый гардероб, и вскоре уже не выглядел таким оборванцем, каким, по-видимому, явился перед Лисянским. В «африканской» тетради сохранился список сданных в стирку вещей, который ранее не публиковался. Есть, однако, резон привести его здесь, чтобы дать представле-

---

ностей, он завязал дружбу с голландцами, торговыми соперниками англичан» [Senelick 2012: 27].

ние о том, как одевался концертирующий музыкант конца XVIII в. У Лебедева было:

19 рубашек,
одна с манжетами,
9 коротких штанов («портков»),
1 длинные штаны («шаравары»),
5 новых, длинных, полосатых шейных платков,
еще 4 треугольных,
3 платка (носовых) с голубой каймой,
еще 3 мадрасских и два бенгальских,
12 пар чулков,
1 скатерть,
3 салфетки,
4 полотенца («утиральники»),
2 тряпки для вытирания («тряпицы»),
3 жилета и 2 камзола,
3 ночные рубашки и 1 кафтан,
2 паламмпона (palampons)[143],
1 простыня и 2 подушки,
6 шелковых платков,
4 пары нанковых штанов,
еще панталоны,
3 пары штанов,
белые, коричневые и кашемировые (? — Casimir) [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 3] (перевод с английского; уточнения Г.С. Лебедева по-русски — в кавычках и круглых скобках).

В тетради есть еще несколько перечней сдаваемой «в мытие» (“for washing”) одежды, включающих рубашки с манжетами, шелковые жилеты, шейные платки, полосатые и белые чулки и т.д. Все это бесспорно свидетельствует, что одевался Герасим Степанович как джентльмен.

Лебедев прожил в Кейптауне с 11 февраля по 1 ноября 1798 г., что составило 8 месяцев и 19 дней (ср.: [Мамуд 2012: 173]). Первое время он главным образом стремился к восстановлению справедливости и наказанию своих обидчиков. 27 февраля

[143] *Palampon* — индийское название плотного хлопчатобумажного покрывала на постель.

1798 г., взяв с собой испорченные ткани, он направился утром в дом агента компании Дж. Прингла, чтобы продемонстрировать ему нанесенный ущерб, о чем была, видимо, предварительная договоренность. Однако Прингл не стал принимать от него жалобу, сказав, что она будет сейчас рассмотрена компетентным собранием. Как оказалось, без ведома Лебедева в этот день было организовано слушание его дела. Собралась комиссия, состоявшая вся из моряков Ост-Индской компании: двух капитанов судов и двух офицеров. Протокол вел писец (клерк), присланный лордом Макартни. В комнату, где они собрались, сначала был вызван первый помощник капитана Томпсона Генри Уилсон — тот самый, который избивал Лебедева. Прослушав его версию событий, пригласили Лебедева. Клерк прочитал жалобу, поданную Лебедевым Макартни. Потом Лебедеву был задан вопрос, есть ли у него свидетели, которые могут подтвердить его слова. Он назвал имена нескольких человек. Продолжение заседания перенесли на следующий день, когда явятся свидетели.

Лебедев, по-видимому, наивно полагал, что свидетели, приведенные к присяге, будут правдиво рассказывать о том, что видели.

На следующий день, 28 февраля, с большим опозданием, но все-таки пришли свидетели: два квартермейстера (флотских младших унтер-офицера), из которых один (J. Johnson) был пьян, корабельный столяр Митчелл, тоже пьяный, и слуга прибывшего на «Лорде Тёрлоу» генерала Джонса. Еще одного свидетеля, Джона Крукера, опросили уже на следующий день, 1 марта. К присяге никого, разумеется, не приводили. Когда кто-то из свидетелей, описывая происшедшее между Уилсоном и Лебедевым, давал показания, противоречившие версии Уилсона, или просто терялся, не зная, что сказать, его выводили и «вразумляли», после чего он показывал то, что требовалось. В третий день Лебедев с большим трудом добился того, что ему позволили зачитать следующее обращение к участникам заседания:

> Господа,
>
> если уж вас привлекли к рассмотрению моего несчастного дела, я вправе ожидать, что вы будете следовать букве закона и не станете принимать на веру показания свидетелей, не приведя прежде каждо-

го из них к присяге. Лицо в нетрезвом состоянии вообще не следует опрашивать, а если уж и принимать к сведению его показания, то не иначе как под присягою. Я заявляю протест, и снова буду просить (генерал-губернатора) о защите (моих интересов) [Мамуд 2012: 170].

О дальнейшем Лебедев пишет в дневнике:

По выслушании сего капитан Годсон (вероятно, председатель комиссии. — *Я.В.*) мне отвечал — оне думали: один был пьян; но де как сего матроса афицер (господин Вильсон) им сказал, что он не есть пьян, то оне его пьяным не признают: в разсуждени[и] же присяги оне не зделали для того, что этим не окончается мое дело, а только служит начальным доказательством, а что предисловие, сказанное свидетелю[144], служит вместо присяги.

Когда так, то весь расспрос есть несправедлив и зделан только для того, чтоб знать, чем меня напрасно обвинить.

По изложению Лебедева трудно понять, в чем хотели обвинить его офицеры компании и какие показания давали свидетели. Вспомним, однако, как напавший на Лебедева в первый раз Уилсон угрожал заковать его в кандалы и забить ему в рот кляп, «как он говорил — за бунт (for mutiny)». Бунт на корабле был в то время нередким явлением и считался наиболее тяжким из всех возможных преступлений. В английских газетах то и дело появлялись сообщения о повешении обвиняемых в бунте матросов. Неслучайно именно повешением — обычной казнью бунтовщика — угрожал Лебедеву капитан Томпсон. Ему, скорее всего, собирались инкриминировать подстрекательство к мятежу.

Оставалось рассмотреть еще и жалобу Лебедева на порчу его имущества. Возглавлявшие расследование капитаны «Годсон от карабля “Готтон” и Крист от “Альбион”» всячески старались поставить под сомнение принадлежность этой связки тканей Лебедеву. Он, однако, сумел доказать, что ткани принадлежат ему

[144] Согласно Лебедеву, только одному из свидетелей, «Ивану Крукеру», секретарь или клерк «господина Прингеля» зачитал следующие слова: «Ты должен говорить правду и зделать свидетельство о том, что видел и слышал между господином Вильсоном и Лебедевым» [Русско-индийские отношения 1965: 471].

и что он каким-то образом завещал[145] в случае его смерти передать связку священнику посольской церкви в Лондоне Я.И. Смирнову. Тогда Лебедеву было объявлено, что если он сошел с корабля в Кейптауне и забрал отданные в залог ткани, то он должен тут же и заплатить капитану Томпсону за проезд. Тщетно Лебедев объяснял, что заплатить он мог, только продав ткани, теперь умышленно испорченные, и уверял (надо признать, безосновательно), что по распоряжению генерал-губернатора Джона Шора он вообще не должен был платить. На прямо поставленный вопрос, заплатил ли он капитану хоть сколько-нибудь за свой проезд, он вынужден был ответить отрицательно.

Сознавая, что по результатам этого расследования он не только не получит возмещения ущерба, но может быть сам несправедливо обвинен, Лебедев вновь обратился к генерал-губернатору:

> Достопочтенному лорду Макартни, К[авалеру Ордена] Б[ани],
>
> Главнокомандующему войсками мыса Доброй Надежды, генерал-губернатору и пр.
>
> Милорд,
>
> С глубоким сожалением вынужден снова просить у Вас покровительства и защиты в надежде получить компенсацию за избиения и тяготы, мною перенесенные. Но, к сожалению, я не могу согласиться с тем, как проходят заседания Комиссии, подобранной и составленной из сослуживцев моего оппонента. Я отнюдь не против разбирательства, но сколь слабо я ни искушен в законах, я вынужден из уважения к своим собственным чувствам выразить несогласие с той формой, в которой проводится опрос свидетелей. Мало того, что их по очереди не обязуют под присягой говорить только правду; казначей мистер Бэлли и первый помощник мистер Уилсон (с корабля Досточтимой Компании «Лорд Тёрлоу») заранее обучают свидетелей с их стороны, что и как говорить, а Комиссия в целом принимает показания от лиц нетрезвых.
>
> В столь болезненной (для себя) ситуации, лишенный средств к существованию (поскольку все мои товары загублены), всеми унижаемый иностранец, в предчувствии того, что меня оставят безо всякого вознаграждения, я смиренно и покорнейше прошу Вас вмешаться и защитить меня.

[145] Возможно, еще в калькуттской Торговой палате, при уплате пошлины.

Имею честь оставаться премного благодарным слугой Вашим,
Г.Л.
Кейп Таун, 2-е марта 1798 г. [Мамуд 2012: 170].

Лебедев с нетерпением ждал ответа, поскольку уже близок был день, когда «Лорд Тёрлоу» покинет Кейптаун и продолжит свое плавание. Ответа не было, и 6 марта Лебедев направился сам в приемную генерал-губернатора, где после долгих уговоров прямо-таки умолил секретаря Максвелла доложить о нем лорду Макартни.

По словам Лебедева, генерал-губернатор ему сказал:

> Господин Лебедев, в моей силе есть только послать жалобу твою и оправдание Вильсона к штатским (Secretaries of the State), к правительству секретарям в Лондон. Зделать здесь я ничего не могу, ибо оне есть компанейския слуги, а я королевский афицер. Кроме сего многия говорили противу тебя, и афицеры компанейских кораблей, собранные для разобрания, подписали на распросе, что поведение твое весьма было худо и что капитан Вилиам Томсон (карабля «Лорд Торло») дурно сделал, что не привез тебя[146] сюда в железах (из письма Я.И. Смирнову от 8 марта 1798 г. (РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 32 об.; [Русско-индийские отношения 1965: 477]).

Это «в железах» еще раз указывает на то, что целью офицерской комиссии, рассматривавшей дело Лебедева, было представить его бунтовщиком или подстрекателем к мятежу. Макартни, в отличие от Лебедева, прекрасно понимал, что возбуждение данного дела в лондонском суде грозило тому виселицей. Вероятно, именно поэтому он отказал Лебедеву в просьбе посадить его пассажиром на какой-нибудь европейский корабль, сославшись на то, что это можно сделать только с разрешения калькуттского или бомбейского губернаторов. Он посоветовал Лебедеву самому «сыскать для себя посаж[147]». Зная Лебедева как хорошего музыканта,

---

[146] У Лебедева: «меня».

[147] Лебедев неоднократно употребляет в своих документах слово *посаж*, которое является, по-видимому, результатом переосмысления французского *passage* («проезд») в связи с глаголом *посадить/посажать* и такими формами, как *посажанье, посажденье* [Даль 1889–1882, III: 328]. Такого же происхождения, по-видимому, и многократно используемая Лебедевым форма *посажир*.

он, очевидно, понимал, что тот вполне может добыть себе средства не только на жизнь, но и через какое-то время на плавание до Лондона. За это время Лебедев и сам мог осознать бесперспективность, даже смертельную опасность, обращения в британский суд, и жалоба его могла где-нибудь успешно затеряться.

Лебедев был обижен. В том же письме Я.И. Смирнову он сообщал, что, получив такой ответ от генерал-губернатора, вспомнил: «Ворон ворону глаз не выклюет». И далее: «Мне весьма удивительно показалось, что губернатор, хранящей от землей ключ, как Петр апостол от небес, не имеет власти возобновить приказание бенгальскова губернатора господина Шор. И сие также заставило думать — желание есть не допустить меня быть скоро в Лондоне, дабы свидетели, по прибыти[и] оставив карабль, имели время разоттись. Имяна свидетелей я имею и которыя желают в Лондоне правду сказать».

Парадоксально, но Лебедев, высмеявший в спектакле своего театра британских «законников», все-таки верил в «правосудность» английского суда куда больше, чем генерал-губернатор Мыса Доброй Надежды.

Впоследствии лорд Макартни посетил первые два концерта Лебедева, весьма вероятно, что он помогал и в организации концертов[148]. При этом следует учесть, что именно в это время началась его болезнь, вынудившая его в ноябре 1798 г. подать в отставку. Возможно, это он помог Лебедеву устроиться осенью пассажиром на корабль очередного «индийского флота». С этим же флотом больной Макартни и сам отправился в Англию.

Лебедев после беседы с Макартни сел писать письма С.И. Плещееву и Я.И. Смирнову. Черновики обоих писем есть в «африканской» тетради. Описание в них злоключений Лебедева и нанесенных ему обид совпадает местами почти дословно. Однако письмо С.И. Плещееву начинается словами:

---

[148] В рекомендательном письме к бургомистру г. Лейдена, написанном на голландском языке другом Лебедева «капским купцом Михаилом Ки» (M.C. Gie), сказано, что Лебедев, прибыв в Капстад, «*благодаря великодушной помощи властей и видных горожан получил возможность заниматься своей профессией — музыкой*» (курсив мой. — *Я.В.*) (РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 43 об.; [Русско-индийские отношения 1965: 482]).

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Сергей Иванович.

Сколько в моих чувствиях хранится утешительное Вашего Высокопревосходительства вспомоществование и благоприятство, восприявшее от Вас, во отечестве и в чужих краях; и Его Имп:го Величества Всемилостивейшаго Государя нашего Павла Петровича милосердь, сияющее спасительное благопризрение и дар ободря в Момпильяре, в разных частях света до сего времени путеводствует мне [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 25 об. — 29].

Такому началу соответствует и выражаемая в письме просьба:

Свету известно, ваше Высокоп[ревосходительство] есть любитель наук, и как ради отечественной пользы издержал я мои деньги, я предуверен изволите защищить и скоро мне помочь возвратиться в Россию, и я предуверен, благоволишь без потери времени Е.И.В., нашему государю Пав[лу] Пет[ровичу] донести о несносной обиде, причиненной россианину, исходатайствовать его верноподданного воспокровительствовать за усердные труды для отечественной пользы и за издержки моих денег и имения, надеюсь позволите требовать вашего благоволения, уповаю не напрасно ожидаю, благоволено будет определить такое жалованье, какое позволит мне опять ни в чем не унизиться пред глупогорделивым англичанином и тем вновь допустить от таковых себя отличить.

До постройки моего театра я в Калкоте получал 3600 сика рупей в год, иногда (in the benefis) за концерты мои больше, иногда меньше.

Кроме того, Плещееву как моряку Лебедев сообщал о знакомстве с русскими морскими офицерами на чужбине: «господином Крузенштерн» и «господином Лисенским» [Русско-индийские отношения 1965: 473–476].

Лебедев также просил Плещеева «донести о сем его Сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину».

Специфика письма Я.И. Смирнову иная. Изложив историю своих мытарств примерно так же, как в письме Плещееву, Лебедев затем формулирует свою просьбу к нему.

Кто возмется отвести меня в Лондон и сколько долго принужден буду оставаться в Капе, мне теперь неизвестно, знаю, однакож, то, что

в сем для всячины дорогом месте (медные деньги здесь не употребляются) скоро должен буду я прожить оставшее мое имение и сносить опять неприятную жизнь, естьли не подадите скоро помощи. Признать, имею ли право требовать российского покровительства, истратив 50 000 рупей сика моего имения ради отечественной пользы, полагаюсь, м[илостивый] государь, на вас, и естьли не от тебя единого зависит защитить, помочь, спасти и воспрепятствовать торговщиков барышничья общества слугам так тирански обижать странствующих россиан, и особливо как вояжира, посажира и платящего за провос деньги, то покорно прошу донести его сиятельству графу Семену Романовичу Воронцову, нашему посланнику, и с согласием меня призрить так, как вам угодно.

Когда карабль «Лорд Торло» прибудет в реку, тогда, пожалуй, постарайся взять обязательство от капитана, от порсера и от первого афицера, чтоб можно было их натти при требовани[и] суду, и я думаю, вы можете начать с ним суд и что зачать всепокорно прошу [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 33; Русско-индийские отношения 1965: 478].

К письму были приложены две копии жалобы, поданной Лебедевым лорду Макартни.

Оба эти письма, продиктованные беспомощностью и отчаянием, Лебедев послал с «лейтенантом Nuelle Нюэль от фрегаты “Кресент”». Корабль снимался с якоря 8 марта, вместе с другими судами «индийского флота», среди которых был и «Лорд Тёрлоу».

Некоторое время спустя Лебедев, видимо, оправился от болезни и нашел в себе силы вновь добывать средства к существованию своим музыкальным искусством. Довольно быстро была проведена (вероятно, не без помощи Макартни) подписка на его первый концерт. 26 марта Лебедев уже опубликовал следуюшее объявление:

Концерт

Мистер Лебедев изъявляет свою признательность леди и джентльменам, подписавшимся на его концерт, и сообщает им, что концерт состоится в садовом домике госпожи Лёйтен (Luijten), Нуланд-стрит, вечером, в пятницу, 30-го числа сего месяца, и начнется ровно в 7 часов. После концерта для желающих танцевать оркестр будет играть народные танцы.

Подписчик, уплативший три р[ейкс]д[альдера], может получить билет на право входа не позднее вечера 29-го у мистера Лебедева, Бург-страат, в доме И.А. Рауха; у господ «Теннант и Ко.», Стрэнд-стрит; у господ «Робертсон и Кайзерс», (улица) Грагх (Gragh), на их складе.

Деньги у входа приниматься не будут, и никого не пропустят без билета. Мистер Лебедев просит подписчиков любезно прислать за билетами в день, предшествующий концерту.

Кейптаун, 26 марта 1798 г. [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 36 об.].

Тут же, в своей «африканской» тетради, Лебедев делает дневниковую запись на русском об уже состоявшемся концерте:

В Мысе Доброй Надежды (Cape of Good Hope) 30-го числа марта 1798 года в доме вдовы Льонтен (но теперь мадам Блесер) мною был дан концерт с позволением Губернатора лорда Макартней; и с помощью капскаго купца г[осподи]на Михаила Къи (Mikel Gie), его брата (Condra Gie) и французскаго афицера господина Сантъанчжьон (Santanjon), иначе, Сантъион, великих любителей музыки. Лорд Макартней зделал мне честь посещением его. В собрани[и] — больше двухсот персон, каждая заплатила 3 реихсталера (двенатцать аглинских шиллингов) за вход.

Эта запись многое может нам рассказать о контактах Лебедева в Капстаде. Хаят Мамуд по имени вдовы «Льонтен (но теперь мадам Блесер)», сделал вывод, что она, скорее всего, была француженкой. Но действительное написание ее имени латиницей в тексте объявления — Luijten (а не “Luyten”, как в [Русско-индийские отношения 1965: 479]) — заставляет думать, что она была скорее голландкой или в первом браке за голландцем. Второй же ее муж был, скорее всего, из французов-гугенотов, эмигрировавших в Южную Африку в XVII и XVIII вв. и много посодействовавших развитию здесь виноделия. Голландцы и французы-гугеноты интенсивно смешивались, образовав впоследствии этнос африканеров. Х. Мамуд обнаружил в “African Court Calendar” за 1810 г.[149] имя некой Джоанны Блесер, у которой была вилла с садом на

[149] К сожалению, именно этот выпуск справочника остался мне недоступен.

улице Руланд (Roeland) — не ошибка ли, вместо “Noeland”? Что касается «капского купца господина Михаила Кьи», то в тетради (л. 44 об.) есть начало рекомендательного письма для Лебедева, адресованного бургомистру и советникам ратуши города Лейдена. Приписка Лебедева поясняет: «написано по галански моим приятелем господином (Mitchel Gie) Ги, или Ки». Отношения, следовательно, были дружескими. Х. Мамуд отождествил этого человека с Michael Coenraad Gie, упомянутым в справочнике за 1810 г. К этому можно добавить, что в “African Court Calendar” за 1809 и 1812 гг. “Mr. M.C. Gie” фигурирует как заместитель главного сборщика податей в Управлении земельного налогообложения (Deputy of the Receiver General, Office of Land Revenue). «Французский офицер» Сантаньон (?) едва ли был военнопленным (Англия в это время воевала с Францией), но скорее местным французом на британской службе. Примечательно то, что Лебедев называет и братьев Ги, и «французского афицера» «большими любителями музыки». Это противоречит той точке зрения, что белые южноафриканцы, оторванные от европейской культуры, вряд ли могли оценить по достоинству концерты Лебедева [Давидсон, Макрушин 1979: 263–264]. Да и знакомство Михеля Ги с городскими властями Лейдена говорит о том, что местная элита Капстада не чувствовала себя оторванной от культуры по крайней мере Голландии.

После концерта Лебедев пишет (1 апреля) еще одно письмо Я.И. Смирнову, в котором снова просит установить местонахождение своих обидчиков и начать против них судебное дело. Сообщает он и о состоявшемся концерте.

> Я со многими в Капе познакомился и 30-го числа минувшего марта месяца ко удовольствию публики имел уже щастие дать концерт пред многолюдным собранием и надеюсь скоро дать другой. О прошедшем и о будущем я скоро вас уведомлю обстоятельнея, чего таперь зделать не могу по причине сегоднящнего отходу корабля. Вручитель, господин афицер, вам скажет, сколь велико было собрание, ибо он сам слышал музыку и танцевал [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 38–38 об.].

Далее в тетради на листе 41 находим дневниковую запись о втором концерте.

28-го числа апреля, в субботу, в доме Данила де Вал, в улице Странд, дан был мною второй концерт с позволением лорда Макартней. Из Мадраса лорд Гоберт и другия многие посажиры, также и из Калкоты, были в концерте.

Этот концерт тоже состоялся в частном доме, на сей раз — в доме Даниела де Вал. Это имя мы находим в справочниках за 1805 и 1809 гг.: и при Батавской республике, и при восстановленном британском правлении Daniël de Waal являлся вице-президентом так называемой «Сиротской палаты» (Colonial Weeskamer или Orphan Chamber). Это было специфическое для Голландии и ее колоний государственное учреждение, ведавшее наследством людей, погибших или пропавших без вести (например, в море), назначавшее опекунов детям-наследникам и следившее за соблюдением их имущественных прав. Президентом Сиротской палаты в Капстаде всегда был представитель Ост-Индской компании, а вице-президентом — состоятельный и уважаемый бюргер.

Посетивший концерт «лорд Гоберт» — это, несомненно, лорд Роберт Хобарт (1760–1816) — губернатор Мадраса с сентября 1794 по февраль 1798 г. [Buckland 1906: 59]. Он как раз возвращался по вызову в Лондон, сложив с себя губернаторские полномочия. Среди пассажиров, прибывших из Калькутты, возможно, был и тот, о ком Лебедев много позднее, незадолго до своего отъезда из Кейптауна, сделал запись в тетради (л. 47): «Сего 25-го числа октября 1798 умер в Капе поутру калкотской секретарь Эдвард Гей» (Edward Hay). Это был человек, несомненно, знакомый Лебедеву, секретарь генерал-губернатора, член Азиатского общества. Его супругу, миссис Хэй, Лебедев упомянул в «Меморандуме» в числе главных своих покровителей в Калькутте.

После второго концерта Лебедев разослал зрителям карточку с изъявлением своей признательности.

Господин Лебедев с глубоким удовлетворением просит разрешения принести свою искреннюю благодарность лэди и джентльменам этого города за то, что они оказали ему большую честь своим посещением его концертов, и глубоко сожалеет, если какое-либо обидное обстоятельство набросило хотя бы легкую тень на общее удовлетворение, но он будет радоваться тому, что ему вскоре будет предостав-

лена возможность проявить самым недвусмысленным образом то чувство благодарности, которое вызвано их безграничной щедростью и откровенностью, и тем самым в какой-то мере оправдать то благоприятное мнение, которое они себе составили о его стремлении их развлечь.

Кейптаун,

2-е мая 1798 г. [Русско-индийские отношения 1965: 481; Мамуд 2012: 174].

Лебедев также написал еще одно письмо Я.И. Смирнову (копия — л. 42 об.), в котором сообщал о своих успешных концертах, но тут же напоминал и о необходимости наказать его обидчиков.

Милостивой государь Яков Иванович (Смирноф),

Чрез сие письмо желаю только вас уведомить, что я в городе Капе нахожусь еще жив и что по желанию имел уже щастие публику позабавить двумя моими канцертами, обретши похвалу и ободрение.

Первый дан был 30-го числа марта, и другой — 28-го минувшего апреля, от которых после всех заплат[150] получил более 400 (рублев) талеров и оныя точно после утеснения в море без вины корабля «Лорд Торло» капитаном Вилиам Томсоном, порсером Чжон Бели и первым афицером Генри Вильсоном, преподлою каналиею, несколько облегчили здесь мое огорченное состояние. Жалоба моя и плутовской созванных афицеров распрос лорд Макартней послал, не расмотря, в Лондон к правлению, я думаю, — в парламент, чтоб возвратить мое добро, ими нарочно испорченное (которое адрисовано было на тебя, получить в случае смерти моей). Я тебя просил позвать их к суду и взять с помянутых афицеров обязательство, где их для суда сыскать, по приезде моем, естьли без меня за несносную обиду не сможете сыскать удовольствия.

4 майя 1798. Cape Town.

Послано чрез на корабле «Лорд Гекебори» J[ame]s Irwin.

О третьем концерте Лебедева в Кейптауне мы знаем только то, что он был, потому что следующий свой концерт, о котором есть запись (л. 46), Лебедев называет четвертым.

---

[150] О каких «заплатах» может идти речь, дают понять записи на листе 14: «О заплате для концертов нанятых домов», «О заплате музыкантам и другия потребности».

В городе Капе
четвертой публичной концерт
был мною дан 15го числа октября 1798
в понедельник
и следующее дано уведомление...

Приводим текст «уведомления» в переводе с английского.

Мистер Лебедев почтительно извещает подписчиков на его концерты, что первый концерт состоится в доме господина Вала, площадь Готтентотс, сегодня, 15-го числа сего месяца.

Представление начнется ровно в 7 часов.

Билеты можно получить у господ «Теннант и К^{о}», «Робертсон и К^{о}», а также у господ «Элмслис и Брэй».

Входные билеты для неподписавшихся стоят 3 рейксдальдера каждый.

Кейптаун, 15 октября, 1798 г.

Наконец, последняя запись, относящаяся к концертам (л. 46 об.), гласит:

Второй и последней подписной Концерт в Капе был дан 19 числа октября 1798 в пятницу.

Эти два последних концерта образуют подписную серию, которую Лебедев объявил перед тем, как отплыть в Лондон, возможно, для того, чтобы собрать недостающие для оплаты дороги средства.

Остается только пожалеть о том, что газет, по крайней мере англоязычных, в Капстаде — Кейптауне тогда еще не существовало. Поэтому вряд ли удастся когда-нибудь узнать, были ли это сольные концерты Лебедева с приглашенным оркестром, или выступали вместе с ним местные профессионалы, или любители, какого рода музыку он исполнял: свою, других европейских композиторов или, возможно, индийскую по собственным записям?

Еще 1 апреля 1798 г. Лебедев писал Я.И. Смирнову, что намерен пробыть в Кейптауне 3 или 4 месяца «для выздоровления, да и чтоб узнать по возможности о здешней Африке»[151]. В его днев-

[151] В черновике письма С.И. Плещееву, написанном 8 марта 1798 г., есть зачеркнутые слова: «Чтоб в Африке видеть разные места, я желал бы для сего на

нике, действительно, отражены некоторые естественнонаучные, географические и этнографические наблюдения.

К естественнонаучным занятиям Лебедева можно отнести собирание им редкостных раковин, сушеных морских коньков и прочих подобранных на берегу диковин. В Кейптауне этим занимался не он один. Возможно, сама идея собирания возникла у него во время многочасового визита к Лисянскому, у которого была собственная коллекция «морских редкостей». Пополняя ее на залитых солнцем песчаных побережьях, Лисянский даже «почти потерял глаза», поэтому долгое время носил зеленые очки [Козлов 2007: 127]. Есть запись в дневнике Лисянского о его визите к местному жителю, «которой со всем своим домом здесь собирает раковины. Он мне показал несколько бочек оных и продал до 30 сортов» [Там же: 131]. В «африканской» тетради Лебедева встречаются рисунки раковин и морских коньков. Много лет спустя в Петербурге он рассказывал об этой своей коллекции поэту В.А. Жуковскому и молодому П.А. Вяземскому, когда они заходили в Коллегию иностранных дел, где служил Лебедев [Давидсон, Макрушин 1979: 267][152].

Когда Лебедев начал понемногу выезжать из Кейптауна, «чтоб в Африке видеть разные места», он, возможно, и тут использовал опыт Лисянского. Тот еще 9 июня 1797 г. описал в дневнике, как он вместе с другими офицерами корабля, на котором в то время служил, пешком ходил за 13 миль к «горе Констансии», потому что ему, «наслышавшись столь много о констанском вине, которое щитается самым лутчим мускаделом в свете <…> весьма хотелось видеть место, на котором оное производится» [Козлов 2007: 110]. Лебедев однажды выезжал в окрестности «Конштанской» горы, о чем есть дневниковая запись (л. 39 об.).

несколько времени в ней остаться. <…> За неимением времени от Капа в отдаленных местах еще не был и сего ради о них таперь не могу ничего сказать, как также и о тех и о видимых великолепных и страшных горах, между которыми построен город Кап и которые точно есть такою защитою от неприятеля, что пять тысяч под добрым и верным полководцем лехко победят 50 000 к морской стороне» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 27 об.; Русско-индийские отношения 1965: 474].

[152] Первоисточник этой информации, полученной авторами, скорее всего, от Г.Ф. Фесечко, остается пока мне неизвестным.

> По римскому числению 8-го числа апреля 1789 Воскресение Христово было праздновано в Капе. И в сей день с капским купцом господином Меэром, его хозяйкою и другими обедали на мызе у господина Бекера, лежащей от Капа расстоянием 2 часа (рысью верхом ехавши), не доезжая до Конштанской (Constantion) виноградной горы, которая лежит далее, около четверти часа. Около шести часов в сей день ввечеру начался дуть сильной ветер и продолжался будущаго дня до 16 часов.

Упоминается эта гора и в более ранней записи, где совмещаются этнографические, метеорологические и географические наблюдения (л. 35).

> Празднество для нового году малайским народом в городе Капе исполнялося 18-го числа марта 1798 по римскому числению. В-ысходе сего месяца и в апреле, в осеннее сие время, собирается обыкновенный виноград и делается вино, но с горы Конштанской собирается посже. В начале апреля месяца перестает дуть восточный ветер и начинает северный холодной дуть, которой нередко выдувает из морскаго Капскаго заливу на берег корабли и где иногда разбиваются. Чтоб сохраниться от губления сего, карабли отплывают в половине апреля в Симонс Бей, иначе называется (Фалс Бей) Фальшивая пристань, в которой остаются до сентября месяца, иногда доле.

Упомянутых Лебедевым малайцев голландцы ввозили из Юго-Восточной Азии в качестве рабов, для работы, в частности, на виноградниках. На горе Констанция действовала крупнейшая и наиболее известная винодельческая ферма [Давидсон, Макрушин 1979: 266].

Справедливости ради следует сказать, что африканский дневник Лисянского [Козлов 2007: 109–140] гораздо богаче записями географических и натуралистских наблюдений, изложение намного более упорядочено и последовательно, да и язык Лисянского, хотя тоже не избавлен от архаизмов и просторечия, все же правильнее, чем язык Лебедева.

Дважды в «африканской» тетради Лебедев приводит рассказы о жестоком обращении с матросами и пассажирами на кораблях Ост-Индской компании, давая тем самым понять, что его случай

не является исключением. В одной записи (л. 22 об. — 23) он приводит рассказ слуги капитана Томпсона Питера Маунтэна, на которого он рассчитывал как на свидетеля.

> Он мне сказал, что (коннер) пушкарь, называемой Шмит (John Smith) <…> был посажен в тюрьму на 6 месяцов и от грусти утопился, но в Санкт-Гелене[153] мне сказано отставшим от корабля «Лорд Торло» матросом, что Шмит повесился, не стерпя мучительное гонение, о чем уверил меня ботсвейн[154] Роббинс того же корабля.

Второй подобный рассказ содержится в одном из писем Лебедева Я.И. Смирнову (л. 38 об.).

> Я за долг почитаю <…> вам донести о гишпанце, бывшем несколько месяцов на аглинском купеческом корабле, на котором он был, как говорят здесь в городе, худо уживаем, и по прибыти[и] в пристань, не могши больше сносить оскорбления, возимел случай заколоть ножем капитана и перваго афицера и матроса, которой выстрелил в него пистолетом, весьма опасно тем же ножем ранил. Заколонные были на другой день погребены, и гишпанец вчерась, 31-го числа марта, был повешен, следовательно, оне прекратили жизнь равно нещастно.
>
> Чтоб избавиться от губительства сего, я искренне желаю однем иметь больше милосердия, а другим — твердости, с которою хотя многих нередко обида принуждает <…> расставаться против желания.

Состоя, как уже говорилось, в дружеских отношениях с местными, голландскими и французскими фермерами и коммерсантами, Лебедев не мог не увидеть со временем, что их благополучие основано на использовании рабского труда африканцев. Как и в Индии, жестокое обращение пришельцев с коренными жителями вызывало у него взрывы негодования. Даже хозяин дома, в котором он жил, “My Heer Wildt”, 25 октября 1798 г., незадолго до отъезда Лебедева в Лондон шокировал его своим поведением.

---

[153] *В Санкт-Гелене*, т.е. на острове Святой Елены, уже на пути Лебедева из Кейптауна в Лондон. Этот текст, по-видимому, позднейшая приписка к ранее записанным лондонским адресам свидетелей: Джона Роббинса и слуги капитана Томпсона (Peter Mountain).

[154] *Ботсвейн* — см. выше, примеч. 129 к форме *бот-свейн*.

25-го числа я видел от Вильда тираническое дурачество, оказанное им без вины его слуге Малеты, и зверство оного заставило меня о сем записать [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 47].

Лебедев, впрочем, вполне сознавал, что жестокость в обращении с рабами не является индивидуальным свойством Вильдта, но глубоко укоренена в местных традициях, что видно из другой записи (л. 45).

10-го числа сентября 1798. — В субботу были повешены два чорныя человека, родом мозомбицкия, за убивство злого своего хозяина, которой купил их в аукцыоне. И когда (знавши о его злости) продающим сказали, что оне лутче желают быть повешены, нежели у него служить, и естьли будут ему отданы, статся может, что хозяин прежде своего времяни увидит другой свет. Оне скоро свое предвещание исполнили и за сие чрез 3 месяца оба были повешены в городе Капе.

Города Капа жителей за тиранство и их правителей за нехранение добрых установлениев ради народа, благочестивым и человеколюбивым надлежит уведомить свет и обличить их деланным ими несносным варварством.

Поживи Лебедев в Кейптауне подольше, может быть, и здесь подтвердил бы привезенную из Калькутты репутацию смутьяна. Но пришло время, когда после стоянки в Кейптауне готовился к отплытию в Лондон очередной «индийский флот». Разрешение отправиться в Англию с этим флотом дал Лебедеву тот самый представитель компании в Кейптауне, Джон Прингл. Лебедеву нужно было только, как и в Калькутте, договориться с капитаном корабля. Теперь, располагая средствами для оплаты за проезд, сделать это было несложно. 17 октября 1798 г., еще до своего последнего «подписного» концерта, Лебедев уведомил Прингла о том, что соглашение достигнуто.

Кейптаун, 17 октября 1798.

Сэр,

капитан Баскетт, командующий кораблем «Принц Уильям Генри», принадлежащим Высокочтимой Компании, согласился взять

меня пассажиром в Англию. Я буду признателен, если вы отдадите обычное распоряжение. Имею честь оставаться, сэр,

вашим покорнейшим слугой

Г.Л.

Джону Принглу, Эскв., Агенту Достопочтенной Ост-Индской Компании.

Ниже на том же листе (46 об.) Лебедев приписал по-русски: «Приказ был от него послан капитану Баскет в последующий день».

После небольшой задержки, вызванной неблагоприятным юго-восточным ветром, к концу октября флот был готов к выходу в море. 31 октября Лебедев перевез на судно свой багаж, который, согласно сохранившемуся списку (л. 49 об.), составляли:

2 сундука,
1 ящик,
2 инструмента[155] в футлярах,
1 ящик вина.

2 ноября 1798 г. Лебедев делает в тетради запись, завершающую ее собственно африканскую часть.

Из города Капа из дому (“My Heer Wildt”) господина Вилдт, Сики Стрит, перебрался английской соединенной компани[и] на корабль Принц Вилиам-Генри, под командою капитана Баскет.

С попутным ветром всего за две недели флотилия достигла острова Святой Елены. Здесь, однако, пришлось задержаться: ждали прибытия военного корабля, фрегата «Стэйтли» (“Stately”), для усиления конвоя.

Лебедев на Святой Елене не терял времени даром:

3-го числа декабря 1798. Я в театре играл концерт на виолончеле, за который заплатили мне (50 багодов) 150 рублей. На другой день поутру я был представлен доктором Дзон губернатору господину Брук, которой весьма учтиво меня принял.

[155] Вероятно, виолончель и скрипка.

В тот же день прибыл фрегат «Стэйтли». Пассажиром на нем был лорд Макартни, возвращавшийся в Англию.

Шестого декабря «индийский флот» продолжил свое плавание.

Новый 1799 год Лебедев встретил в море.

Утром 3-го февраля 1799 г. «Принц Уильям Генри» бросил якорь на рейде Даунз близ города Дил (Deal) на юго-восточном побережье Англии.

Снова в Лондоне

В тот же день после полудня Лебедев перебрался на берег. Он остановился, по-видимому, в гостинице, переночевал и на следующее утро на дилижансе направился в Лондон. На преодоление семидесяти миль до Лондона ушло немного менее суток. 5 февраля в 7 часов утра Лебедев уже поселился в гостинице «Лайонвуд» в лондонском Сити, т.е. в деловой и торговой части города. Оставив там свои вещи, он в этот же дань нанес два визита (л. 53 об.).

> В сей день прежде всех нашол и видел в его великолепном доме священника, господина Смирнова, которой взялся о мне доложить и представить российскому посланнику графу Воронцову, но великое затруднение зделано видеть сего бога.

Судя по этой записи, отношение Лебедева к Смирнову и Воронцову уже настороженно-скептическое. По-видимому, из разговора со Смирновым стало ясно, что никакого дела по поводу обращения с Лебедевым на корабле «Лорд Тёрлоу» они не возбуждали и названных им свидетелей по их адресам не разыскивали.

> Оставя г. С[мирно]ва, навестил господина Беркстoрфа, которой после учтивого приему на время позволил в доме его поместить мои вещи.

Очевидно, гостиница, в которой Лебедев остановился, сразу показалась ему ненадежной, и он решил, пока не найдет другую, оставить свои вещи у знакомого. Имя «Беркстorф» больше в лебедевских бумагах не упоминается. Зато в известной книге Энтони Кросса о русских в Англии XVIII в. встречается упоминание о русском подданном по фамилии Бергсдорф (Bergsdorf), который приехал в Лондон в 1785 г. как частное лицо [Cross 1980: 320]. Если он приехал в начале года, то есть некоторая вероятность того, что Лебедев перед своим отъездом в Индию мог с ним познакомиться и 14 лет спустя нашел его по старому адресу. Кроме того, в справочниках за 1812 и 1813 гг. мы находим имя именно *Беркстorфа* Федора Ивановича, частного врача для бедных в 3-й Адмиралтейской части города Санкт-Петербурга, отставного штабс-лекаря [Адрес-календарь 1812, I: 591, 634; Адрес-календарь 1813, I: 675]. В таком же справочнике за 1815 г. фамилия того же доктора Федора Ивановича превращается в «Бергсдорф» и указывается его чин: коллежский асессор.

> Сего 5-го числа, как и в последующие 2 дни, ночевал в трактире Гульден, Чаринк Крос.

Это означает, что Лебедев из сомнительной гостиницы перебрался в некий трактир «Голден» («Золотой»), находившийся на Чаринг-Кросс, т.е. на перекрестке главных улиц Вестминстера (Стрэнд, Уайтхолл и Пэлл Мэлл) — в богатом жилом районе столицы.

На следующем листе (54-м) Лебедев пишет:

> 6-го числа видел господина Лизакевича, российскаго шаржа дафер.

Василий Григорьевич Лизакевич (1737–1815) — российский дипломат, занимавший в это время должность секретаря посольства. В его обязанности входило при необходимости замещать посланника в качестве поверенного в делах (франц. chargé d'affaires). В этот момент, однако, он не имел данного статуса, а принимал Лебедева лишь потому, что С.Р. Воронцов был занят други-

ми делами[156]. Вероятнее всего, и к Лизакевичу Лебедев обратился с просьбой найти управу на своих обидчиков. В тот же день в 5 часов дня он говорил о своих проблемах с консулом Бакстером, к которому его, по-видимому, направил Лизакевич. 7-го числа вместе с консулом он побывал у Я.И. Смирнова. В результате состоявшегося разговора Бакстер обещал навести о деле Лебедева справки.

Восьмого февраля Лебедев снимает себе квартиру в доме № 24 по Брод-стрит (Broad street) у площади Golden Square, тоже в хорошем жилом районе. Он начинает приобщаться к благам цивилизации.

> 9-го числа парукмахер зачал чесать, уговорился платить 4 шил[-линга] в неделю.

Услугами «власочесателя» Лебедев постоянно пользовался и в Калькутте. Если вспомнить к тому же, как богат и разнообразен был его гардероб, можно заключить, что он старался выглядеть, как и подобало солирующему музыканту, вполне по-джентльменски.

Третьего февраля в лондонской газете “The Oracle” уже появился список пассажиров, прибывших на «компанейских» кораблях «индийского флота». Среди пассажиров «Принца Уильяма Генри» назван и Лебедев, фамилия которого, правда, была искажена: Leberdeff. В этом нет ничего удивительного: английские газеты того времени (да и последующих времен) искажали русские имена и фамилии самым фантастическим образом. «Ростопчин», например, превращался в “Rostopsin”, а “Никита Панин» — в “Nitika Panin”. Но в случае с Лебедевым ошибка вскоре была исправлена: в номере газеты “General Evening Post” за 5–7 февраля появился «верный список» пассажиров «Принца Уильяма Генри», где среди имен возвращавшихся на родину королевских офицеров и чиновников компании есть и имя Lebedeff. Тот же список с правильной формой имени опубликовали 7 и 8 февраля другие лондонские газеты[157].

---

[156] Лизакевичу еще предстояло некоторое время выступать в роли поверенного в делах после отставки С.Р. Воронцова в мае следующего, 1800 г. [Александренко 1898: 100].

[157] “Whitehall Evening Post”, February 5, 1799 — Febr. 7, 1799. Issue 8041 (“Arrivals from India”); “Morning Chronicle” (London) 7 Febr. 1799, issue 9630;

Несколько дней Лебедев томился в ожидании, когда же наконец Смирнов представит его послу Воронцову. У Воронцова в это время действительно было много хлопот: сбывались его мечты о прочном союзе между Россией и дорогой его сердцу Англией, император Павел наконец склонился к тому, чтобы в союзе с Англией и Австрией вступить в войну против Франции. Лебедев между тем узнал, что капитан Томпсон со своей командой, находившийся тогда в Лондоне, должен был вскоре вновь отправиться в Индию. 13 февраля он обратился к Я.И. Смирнову с письмом. Приводим его текст по копии в той же «африканской» тетради (л. 54 об. — 55).

> 13-го числа февраля 1799. Лондон. М[илостивый] г[осударь],
>
> я весьма жалею, что назначенной скорой отъезд злодеев, расзорителей моих, опять в Восточную Индию меня необходимо заставляет ваше священство беспокоить и всепокорно просить дать мне знать, могу ли я прежде их отъезду здесь, в правосудной земле, на них жаловаться, и что нашли ли вы хотя малое справедливое средство мне помочь, как и о сем — позволит или не позволит российской полномочны посланник граф Семен Романович россианину иметь щастие засвидетельствовать ему высокопочитание мое и, увидевши его сиятельнейшее лице, возиметь случай вручить ему письмо, данное мне в Момпильяре, чего сподобиться я точно верноусердной доброжелатель своему отечеству после издержек большой суммы денег, обретенной потокровавыми трудами, на познание гиндостанских языков, оставил Калкоту, земной рай, и с собранными плодами продрался сюда при надежде, по известному уверению, что россиан спасителя и призрителя найду <…> в вас <…>. И, вы знаете, Росия ничего не истратила на меня.
>
> При ожидани[и] ответа, с должным высокопочитанием имею честь называться, м[илостивый] г[осударь], всепокорны слуга.

Каждого, кто прожил долгое время в Калькутте/Колкате, несомненно тронут слова «оставил Калкоту, земной рай». Известно, что Калькутта — это, пожалуй, наименее комфортное место для жизни европейцев в Индии. Все туристические путеводители со-

---

”Times”, Febr. 7, 1799, Is. 4403; “The True Briton”, Febr. 7, 1799. Is. 1912; “Evening Mail”, Febr. 8 — Febr. 11, 1799; “Craftsman, or Say’s Weekly Journal”, Sat., Feb. 9, 1799. Issue 3223.

ветуют на протяжении большей части года не посещать этот город из-за его климатических условий. Лебедев и сам страдал в нем от климата и болезней. Тем не менее сожаление о том, что он оставил «Калкоту, рай земной», продиктовано не только желанием показать, какие великие жертвы ему пришлось принести ради науки. У всех или многих побывавших там со временем выветриваются воспоминания, связанные с климатическими или бытовыми неудобствами. Остается в памяти и влечет к себе образ города, полный необъяснимого обаяния.

Смирнов, не откладывая, ответил ему в тот же вечер (л. 56 об. — 57).

> Ввечеру 13 февраля 1799. Ответ от господина Смирнова получен.
>
> Точная копия.
>
> Милостивый государь мой, Герасим Стефанович,
>
> Третьяго дня говорил я графу Семену Романовичу о вашем деле, и его сиятельство обещать изволил поговорить об том с лордом Макартней при первом свидани[и], но токмо сказал, что он не думает, чтобы увиделся с ним на сей неделе. Для свидания с вами хотя граф дня еще и не назначил, но естьли завтра поутру после одиннадцатого часу изволите пойти к нему в дом, то я думаю, что его можно будет видеть, ибо он знает о намерени[и] вашем у него побывать. Кажется, я вам еще третьяго дня сказал, что гос[подин| Бакстер обедал в прошедшее воскресенье у графа, сказывал Василью Григорьевичу г. Лизакевичу, что он о вас говорил с г. Велденом, но что разговор его никак не клонился в вашу пользу, а напротив того, он еще обвинял поступок ваш на корабле, яко неблагопристойной.
>
> Прилагаю при сем письмо к господину советнику (Counseller) Dallas, человеку весьма искусному в законах здешних и весьма честному[158]. Естли вы решились начать судиться с кап[итаном] Томсоном, то я советую вам объяснить все во всей откровенности господину Далласу, показать ваши письма, писанные к лорду Макартней, и распросить у него, как начинать сие дело, естьли он начать оное посоветует. Здесь, я чаю, обыкновенно за таковой совет дают людям его

[158] Роберт Даллас (1756–1824) — английский юрист, сделавший себе имя выступлениями в качестве советника Уоррена Хейстингса в ходе затянувшегося на семь лет дела об импичменте последнего [Foss 1870: 211]. Как предположил Хаят Мамуд, Смирнов мог направить Лебедева к Далласу именно потому, что дело, связанное с Индией, принесло тому известность [Мамуд 2012: 230].

чину и звания по пяти или по шести гиней, что и вам предложить ему нужно будет, и как он посоветует, так и поступать. Он также может вам рекомендовать лутче меня искуснаго (Attorney) стряпчаго, которого вам иметь нужно будет при самом начати[и] дела.

Я с моей строны уверяю вас о крайней моей охоте и готовности к вашим услугам во всякое время.

Остаюсь вашим покорным слугою. (Написал) Я.И. Смирнов.

Лебедева такой ответ явно воодушевил. На следующий день утром он пишет письмо рекомендованному Смирновым юристу, прося назначить ему время для приема. Советник Даллас тут же ответил, что днем в этот день будет занят, но Лебедев может придти к нему домой в любое время от 7 до 10 вечера.

Лебедев вечером поспешил к нему, неся с собой рекомендательное письмо от Я.И. Смирнова. Поскольку содержание этого письма весьма важно для правильного понимания взимоотношений между Лебедевым и Смирновым в дальнейшем, приводим здесь лебедевскую копию английского текста письма и его русский перевод.

Dear Sir.

The Bearer Mr Lebedeff, who will have the honor to present this to you, is a Countryman and an old acquaintance of mine. On his return from the East Indies he has met with some very unpleasant Circumstances on Board of the Company's Ship commanded by Capt Thomson, the particulary of which he will be better able himself to explain to vou. He has an intention to seek for a protection for the ill Treatment he has Suffered, in the Laws of this Country, I have therefore by the advice of Count Woronzow & all the Russians of Harley Street taken the Liberty to introduce him to your friendly assistance and protection in his Business; I have desired him to avail himself of Your advice, Knowledge and Experience. For well I know that unless he be adviced by an experienced honest man, he may involve himself into greater difficulties that he is at present aware of.

I remain with great respect, Dear Sir,

Your most obedient humble Servant

(Signed) J — s Smirnove.

Robert Dallas, Esq. & &, № 3 Lincoln's Inn.

14 февраля 1799 г.

Дорогой сэр,

Податель сего мистер Лебедев, который будет иметь честь передать Вам это, является моим соотечественником и старым знакомым. Возвращаясь из Ост-Индии, он столкнулся с весьма неприятными обстоятельствами на борту корабля Компании под командой капитана Томсона, подробности которых он сможет лучше сам Вам рассказать. Он намерен искать защиты английских законов ввиду плохого обращения, которому он подвергся, и потому я, по совету князя Воронцова и всех русских с Харлей-стрит, осмеливаюсь свести его с Вами с просьбой оказать ему дружескую помощь и защиту в его деле; мне хочется, чтобы он воспользовался Вашим советом, познаниями и опытом, так как я уверен, что если он не получит совета от опытного и честного человека, то он навлечет на себя бóльшие неприятности, чем может сейчас себе представить.

Остаюсь весьма уважающий Вас, дорогой сэр, ваш нижайший и покорнейший слуга.

(Подпись) Д[жейм]с Смирнов.
Роберту Далласу эсквайру и т.д. и т.п.
№ 3, Линкольн Инн.

Разговор, состоявшийся у него с юристом, Лебедев отразил в своей дневниковой записи так:

Я ездил к нему ввечеру, был принят хорошо, и он признал, что я справедлив и что капитан и (порсер) расходчик должны меня удовольствовать, естьли только я не устану от сыску. Ему я отвечал: «Мне неможно устать, когда я неисцельно ранен».

На это советник Даллас, ссылаясь на письмо Смирнова, сказал:

«Письмо, тобой врученное, мне объявляет, что ты уже от хлопот и теперь скучаешь». И сказавши сие, показал написанное, — в продолжение сказал: «Сожалею, что не могу взяться ходить за твоим делом», — и отказался.

Здесь что-то явно не сходится. Как мы можем убедиться, в письме Смирнова Далласу нет ничего о том, что Лебедев будто бы устал от тяжбы со своими обидчиками. На какие же слова

Смирнова в этом письме мог тогда ссылаться юрист в обоснование своего отказа? Это могла быть только последняя фраза: о том, что Лебедеву в случае обращения его в лондонский суд с требованием пересмотреть решение комиссии, собранной по его делу в Кейптауне, могли грозить такие большие неприятности, каких он просто не представлял себе.

Надо признать, что Я.И. Смирнов был прав. В английском суде мнение «компанейской» комиссии почти наверняка перевесило бы мнение Лебедева, а свидетели, на которых он рассчитывал, вряд ли выступили бы в его пользу. В таком случае против Лебедева могло быть снова выдвинуто обвинение в бунте или подстрекательстве к нему, и дело могло кончиться для него виселицей.

Лебедев этого не понимал, а из визита к Далласу извлек только один вывод: в том, что юрист отказал ему в помощи, виноват Смирнов!

На следующий день, то есть 15-г февраля, Лебедев с утра явился к Смирнову.

> Переска[за]л ему о сказанном мне господином Далласом и благодарил за его пастырскую рекомендацию, которою он заставил Далласа отказаться ходить по моей жалобе. Во оправдание себя он мне сказал, что о усталости в письме написал ошипкою. Но после сего сколько и каких вредных ошибок он мне наделал персонально и советом, и заставил меня наделать <…> но о многих неописанных его мерзостях честь и совесть здесь не позволяет делать записку, чтоб оным не заразить равных ему тиранов (л. 60; [Русско-индийские отношения 1965: 490]).

В тот же день Лебедев, решив, по-видимому, обойтись без посредничества Смирнова, сам явился к послу.

> 15-го числа я сам представился к посланнику, его сия[тельству] графу Се[ме]ну Ром[анови]чу Воронцову, и при первом свидани[и] просил обедать в воскресенье 15-го (должно быть: «17-го». — *Я.В.*) числа. При входе посланник поздравил меня сим ипостасием: «Здравствуй, батюшка, г[осподин] Лебедев, я рад тебя видеть. Пожалуй, садись, садись, пожалуй. Жалею весьма слышать, что вы весьма обижены». «Но я таперь надеюсь, ваше сиятельство, мне по-

можешь отыскать за всю несносную обиду?». «Естьли могу, и переговори о сем с господином Смирновым». Чрез полчаса я с послом расстался.

Во время приема Лебедев вручил Воронцову подлинник рекомендательного письма, которое семнадцать лет назад написал для него А.Б. Куракин. Содержание письма для Воронцова не было новостью: его копию Лебедев прежде послал ему с одним из писем. Приведем его текст по копии полностью.

Етюб[159], близь Монбельяра. Августа 18/29 числа 1782.

Милостивой государь мой, граф Семен Романович, письмо сие будет вручено вашему сиятельству г. Лебедевым, российским музыкантом, на виолончелле с искуством и приятством играющим. Во время нашего пребывания здесь имел он частые случаи пред их императорскими высочествами играть и высочайшее благоволение их заслужить. Похвальное желание знания свои в музыке распространить и в оной учинить себя способнея, было причиною, что он отечество наше покинул. 4 годы уже употребил он в достижени[и] до сего предмета в некоторых городах Немецкой земли, и в Лондоне, а теперь намерен он еще год употребить в Итальи. Я осмеливаюсь препоручить его в милость вашего сиятельства как соотчича нашего, ободрения и покровительства заслуживающего, и за одолжение себе сочту, естьли вы в том городе, где пребывание свое иметь изволите, не откажетесь быть ему способствующим в доставлении для ево науки им желаемых способов.

В протчем пребываю я с совершенным почтением.

Вашего сиятельства всепокорны слуга князь А. Куракин

P.S. Почтение мое прошу засвидетельствовать м[илостивой] г[осударыне] м[оей] графине Катерине Алексеевне.

---

[159] Имеется в виду Этюп (Étupes) — летняя резиденция герцогов Вюртембергских близ Монбельяра, в Эльзасе. Здесь прошли детство и юность Софии-Доротеи-Августы-Луизы, принцессы Вюртемберг-Монбельярской, которая стала супругой наследника русского престола Павла Петровича, великой княгиней и императрицей Марией Федоровной. Г.С. Лебедев, представленный цесаревичу («графу Северному») в Париже, затем, возможно, проделал в свите великокняжеской четы путь от Парижа до Монбельяра и Этюпа.

Через два дня Лебедев обедал у Воронцова в обществе членов семьи, сотрудников и гостей посла.

> 17-го числа обедал в кампани[и] господ: вице-адмирала Макарова, контр-адмирала Тет, господина Лизакевича, господина Смирнова, графини девицы Воронцовой и ее губернаторши, господина Николая и молодова графа Воронцова.

Присутствовавшие за обедом в качестве гостей два адмирала, М.К. Макаров и Е.Е. Тет (George Tate), командовали двумя русскими эскадрами, которые Павел I прислал на помощь Англии в борьбе с французами [Александренко 1897: 76]. Под «губернаторшей» при дочери С.Р. Воронцова следует понимать, конечно, ее гувернантку. «Молодой Воронцов» — Михаил Семенович (1782–1854), впоследствии генерал-губернатор новороссийский и бессарабский, наместник Кавказский, с 1845 г. — князь. «Господин Николай» — это, несомненно, Павел Андреевич Николаи (1777–1866), сын Андрея Львовича (Генриха Людвига) Николаи (1737–1820), учителя Павла Петровича, который сопровождал цесаревича в поездке по Европе и мог быть знаком с Лебедевым. В 1800 г. Николаи-отец состоял президентом Императорской Академии наук (в связи с чем судьба скоро сведет его с Лебедевым), а сын незадолго до этого был причислен к штату посольства в Лондоне. Впереди его ждет долгая дипломатическая карьера. Фамилию Николаи-младшего в лондонском посольстве иногда действительно писали и произносили как *Nicolay* или «Николай» [Cross 1980: 329].

На следующий день у Лебедева была еще одна встреча:

> 18-го числа видел господина полковника Николая Николаевича Новосильцова.

Н.Н. Новосильцев (Новосильцов, 1768–1838) — еще одна незаурядная личность. В молодые годы участвовал в нескольких войнах. В 1796 г. подал в отставку и уехал в Англию, где в течение четырех лет изучал физику, математику и медицину. Лебедев встречался с Н.Н. Новосильцевым как с частным лицом, возмож-

но, просил совета или искал поддержки. Новосильцева в близком будущем ожидал стремительный карьерный взлет[160], о чем, разумеется, ни Лебедев, ни сам Новосильцев в то время не знали.

Двадцатым февраля 1799 г. датирована запись в тетради о другой встрече.

> Навестили меня российские купцы господин Орлов и господин Бухальц, последней есть курландской уроженец. В Лондоне находятся другие купцы руския: Ситнеф, Акулов, Сазонов, Орлов. Об них было посланником представлено государю, будто оне дурнова поведения, и за что повелено их из Лондона выслать. Гистория их священнику делает стыд, а обиду и бесчестье не токмо помянутым купцам, но и всем тем российским, которые с аглинскими торгуют.

Из этих купцов в книге Э. Кросса о русских в Англии XVIII в. упомянут только один Семен Сиднев, появившийся в Лондоне по торговым делам в 1799 г. [Cross 1980: 207, 332]. Чтобы вести торговлю с Англией, русским купцам следовало получить разрешение от английской «Российской компании», или стать ее торговыми агентами. Историю этих купцов, которых император, основываясь на донесениях Смирнова и Воронцова, повелевал выслать на родину, иногда связывают с неясными сообщениями о предполагаемой связи Лебедева с неким «кружком русских якобинцев в Лондоне, выдачи которых тщетно добивался Павел от английских властей» [Медведев, Рогова 1960: 11; Овчинников 1960: 76; Лебедев 1963: 52; Давидсон, Макрушин 1979: 267]. Р.В. Овчинников ссылался на устное сообщение московского историка-архивиста М.М. Медведева, который, насколько можно судить, располагал информацией о Лебедеве, недоступной в то время другим исследователям. Но источника, из которого Медведев почерпнул свою информацию, мы не знаем.

Очевидно, однако, что Лебедев искал общения и союза с людьми, которые, как и он, по его мнению, потерпели от происков свя-

---

[160] После воцарения Александра I Новосильцев вызван им в Петербург, состоял при императоре по особым поручениям, был одним из наиболее деятельных членов Негласного комитета. До конца жизни оставался видным государственным деятелем.

щенника. В более поздней записи он писал, что Смирнов его «точно так же крушил, как и безвинных российских купцов» [Русско-индийские отношения 1965: 491].

Купцов из Лондона, по-видимому, не выслали. Во всяком случае, в августе 1799 г. С. Сиднев находился еще в Лондоне, о чем свидетельствует выписанный им Лебедеву чек на 50 фунтов стерлингов [Русско-индийские отношения 1965: 491].

Капитан Уильям Томпсон 21 февраля 1799 г. нанес прощальный визит Совету директоров Ост-Индской компании перед новым плаванием в Индию (“The Oracle”, 21 февраля 1799 г.), а 3 марта снялся с якоря (“The Oracle”, 5 марта 1799 г.). Несмотря на это, Лебедев вплоть до мая не оставлял попыток привлечь своих обидчиков к ответственности. Он снова просил о защите графа Воронцова, но получил отказ.

> 20 майя месяца в третей раз я видел опять посланника г[рафа] В[оронцова] ради узнания, получил ли он от лорда Гринвеля ответ, и на спрос он мне сказал: «Письма о деле твоем переданы Индейской компании к директорам, и ты можешь сам о всем стараться, мне вступатца не надлежит в твое дело». И мы после сего растались.
>
> Что я справедливо почитал от англичан за несносную обиду, в-проезде из Индии причиненную, и надеелся, по приезде в Лондон, при покровительстве российскаго посланника г[рафа] В[оронцова] сыскать удовольствие, то священник Яков Смирнов, по природной ево подлости, согласил защитника признать правосудием, и сего ради я не мог сыскать суда на обитчиков. Моего добра и издержек им точно я заставлен лишиться.

На следующий день Лебедев обратился к адвокату (attorney) Мэйнстоуну (Mr. Mainstone), как он пишет, «в первой раз», из чего можно заключить, что были и следующие визиты. Но подать иск от лица Лебедева, по-видимому, так никто и не решился, сознавая, что у дела нет перспективы и оно может иметь для самого истца печальные последствия. В итоге Лебедев где-то к середине года понял и сам безнадежность своих усилий[161]. Вместо того

[161] Хаят Мамуд пишет, что Лебедев проиграл тяжбу, длившуюся более трех месяцев [Мамуд 2012: 181]. На основании доступных нам документов можно заключить, что тяжбы, т.е. судебного разбирательства, вообще не было.

чтобы подать в Ост-Индскую компанию жалобу на офицеров ее флота, Лебедев, как можно понять, обратился к компании с просьбой посодействовать изданию его книг. 8 сентября 1799 г. он писал Крузенштерну в Петербург: «Компанейские директоры мне уже позволили публиковать мои книги» [РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. № 221. Л. 99 об.; Васильков 2012: 202].

Отношение Смирнова и Воронцова к Лебедеву, их позиция в отношении его требований возбудить судебное дело против служащих Ост-Индской компании исследователями толковались по-разному, иногда совершенно противоположным образом. В советское время от священника и царского дипломата, к тому же графа, просто не полагалось ожидать ничего хорошего, поэтому на основании записей Лебедева лондонского периода делался безоговорочный вывод: «Оба они (Смирнов и Воронцов. — *Я.В.*) отнеслись к нему как к нахлебнику и авантюристу» [Русско-индийские отношения 1965: 21; Ямпольский 1973: 258; Россия и Индия 1986: 87]. Между тем в постсоветский период высказывалось, например, мнение о том, что Лебедев нашел в Лондоне «поддержку соотечественников, прежде всего своего искреннего друга священника Якова Смирнова» [Ваняшова 2000: 201].

Действительность, на наш взгляд, является куда более сложной и не подтверждает ни одного из этих крайних мнений. Следует учитывать то, что и граф Воронцов, и священник Яков Смирнов были выдающимися дипломатами, отстаивавшими интересы России[162]. Иногда одной из причин того, что они не поддержали стремление Лебедева добиться суда над обидчиками, называют то, что они, как и «все, кто служил в российском посольстве, были убежденными “англоманами”» [Мамуд 2012: 181]. Определенной степени «англомании» и у Воронцова, и у Смирнова отрицать нельзя. Недаром биограф Разумовских А.А. Васильчиков

[162] Я.И. Смирнов, будучи не только священником, исполнял ряд дипломатических функций и ответственных поручений (например, по шифрованию документов [Александренко 1897: 434] или сбору разведывательной информации [Орлов 2008: 21–22]), но когда в 1800 г. Павел I сместил Воронцова с его поста, а поверенный в делах Лизакевич внезапно был переназначен в Копенгаген, именно Смирнов по решению императора стал неофициальным представителем России в Лондоне.

в третьем томе своего труда, посвященном персонально Андрею Кирилловичу Разумовскому, многолетнему послу в Вене, ставшему в своем быту совершенным венцем, приводил в качестве параллелей этому примеры именно Я.И. Смирнова и С.Р. Воронцова. «Разительный тому пример представляют нам духовные особы, отправляемые в былое время к разным миссиям нашим за границею. Молодой, вполне русский семинарист, являясь в Англию и прожив там лет двадцать, принимал всю важность и сановитость английского right reverend'а[163]» [Васильчиков 1882: 2]. Это, несомненно, о Я.И. Смирнове, который не просто брил бороду и носил светскую одежду, но одевался богато и изысканно, как английский лорд [Орлов 2005: 524; Лоевская 2008: 335]. Такой же пример «мы видим во вполне русском, глубоко честном и совестливом графе Семене Романовиче Воронцове. <…> Нельзя не быть тронутым глубокою искреннею привязанностью к родине, которая на каждом шагу истекала из-под пера его. При чтении его писем иногда невольно себя спрашиваешь, не выдержки ли это из сочинений Хомякова, Самарина или Аксакова. И что же? Этот верный сын России с ужасом думал о необходимости вернуться на родину… на самый короткий срок и отказывался от блестящих мест, лишь бы не покидать дорогой ему Англии» [Васильчиков 1882: 3].

Однако такое врастание в английское общество позволяло Воронцову и Смирнову приобрести возможность определенного влияния на него, а в результате одерживать порой важнейшие дипломатические победы. Исключительное значение имела их деятельность во время так называемого «Очаковского кризиса», когда Лондон грозил России вмешательством в Русско-турецкую войну. Воронцов, секретарь посольства Лизакевич, личный секретарь Воронцова Жоли и священник Смирнов на протяжении пяти месяцев не спали много ночей, обсуждая информацию, полученную через обширную сеть своих знакомств, сочиняя газетные статьи, анонимные памфлеты на английском языке и т.п. В результате им удалось повлиять на английское общественное мнение и вопреки позиции британского премьер-министра У. Питта-младшего убедить общество в преимуществах не войны, а дружбы и тор-

[163] Right reverend — «высокопреподобный», титул англиканского священника.

говли с Россией [Орлов 2005: 54–55; 2008: 21–22; Лоевская 2008: 329–330].

Лебедев застал русскую дипломатическую миссию в Лондоне в период такой же лихорадочной деятельности, только на сей раз связанной не с кризисом, а, напротив, с моментом небывалого сближения, военного союза между двумя державами. Император Павел I в это время уже направил в Средиземное море для совместных с англичанами действий против Франции адмирала Ф.Ф. Ушакова, прислал эскадры Макарова и Тета (Тейта) к берегам Англии и повелел Суворову выступить вместе с австрийцами против французов на суше. Через посольство шли переговоры между союзниками, сотрудникам миссии приходилось заботиться и о прибывавших в Англию русских моряках, и о многом другом. У них не было времени заниматься делом Лебедева. Смирнов, хорошо знавший систему английской юстиции и имевший опыт общения с ней[164], ясно видел, что иск Лебедева не имеет перспективы и может обернуться тяжкими последствиями для самого истца. Вероятно, Смирнов опасался и того, что поддержка им Лебедева в его безнадежной борьбе со всемогущей Ост-Индской компанией может подорвать его многолетним трудом завоеванный авторитет среди англичан.

По мнению известного исследователя англо-российских отношений в XVIII в. Энтони Кросса, реакция Лебедева, клеймившего Смирнова за его позицию как «завистника» и «тирана», «была, хотя и вполне объяснимой, но преувеличенной. Смирнов руководствовался искренним стремлением поддерживать самые дружеские отношения между Британией и Россией на всех уровнях, и его очень тяготили любые политические или иные дела, которые могли поставить эти отношения под угрозу» [Cross 1980: 47].

Надо признать, что сам Лебедев всегда был человеком эмоциональным, легко возбудимым, а после всего им пережитого стал также очень мнительным и в своем стремлении наказать обидчиков глухим к предостережениям о возможных опасностях.

---

[164] Ему прежде неоднократно приходилось расследовать и улаживать «конфликты, возникавшие на кораблях с русским экипажем в английских гаванях» [Лоевская 2008: 328–329], взаимодействуя при необходимости с британскими «законниками».

Тем не менее, как уже было сказано, к середине 1799 г. он оставил попытки обращения к британскому правосудию и полностью сосредоточился на достижении другой важнейшей цели. Необходимо было сделать результаты его трудов в Индии достоянием России и всего цивилизованного мира.

Собственно, он начал действовать в этом направлении уже в первые свои дни в Лондоне. В ходе того решительного объяснения с Я.И. Смирновым утром 15 февраля 1799 г. Лебедев, обвинив священника в том, что тот настроил юриста не оказывать ему помощи, перешел к другой теме. Вот продолжение дневниковой записи о том разговоре:

> По неоднократным справедливым моим уведомлениям видел я — мне не делали никакой доверенности ни господин Смирнов, ни Бакстер, следовательно, я должен был начать просить г. Смирнова посмотреть привезенные из Индии мои манускрипты и дать мне случай показать оные господину посланнику и его просить, чтоб обо мне и о них он представил Государю нашему Императору.
>
> Господин Яков Иванович Смирнов к удивлению моему меня спросил: «Кем, думаешь ты, признаются оные быть полезны для государства?»
>
> Запросом своим он истинно чувства мои пошевелил, и в замешательстве едва мог ему сказать: «Государем и правительством».
>
> С усмешкою он ответил: «До государя далеко, а правительство глубоко, и имеют больше нужных дел. Твое вношение не может много добра зделать, но естьли и зделало малому числу из жителей, то для сего непристойно твоим вношением беспокоить все общества».

Лебедев настаивает на том, что результаты его исследований будут полезны как государству, так и российскому обществу. Наконец Смирнов соглашается с ними ознакомиться.

> «Хорошо, хорошо, принеси, я посмотрю».
>
> «Позволением твоим ты, батюшка, меня обрадовал, и я завтра словарь и грамматику тебе принесу и примечу проникание твое».
>
> «Принеси, братец, только я уверен, что найду их неисправными».
>
> «Для чего, сударь?»
>
> «Для того, что я приметил, вы говорите без штилю, таперь употребляемаго в России».

«Какой таперь штиль, пожалуй, скажи».

«Сей: вместо ты, у нас говорят — вы; вместо твое — ваше; вместо тебе — вам и пр. и пр. И к чиновным персонам иначе не могут люди говорить» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 4025. Л. 60–61; Русско-индийские отношения 1965: 490].

Лебедев действительно говорил языком середины XVIII в., но претензия Смирнова к лебедевскому стилю заключалась не в его архаизме. Смирнов и сам любил в литературе архаический стиль: его любимыми поэтами даже позднее, уже в пушкинский век оставались Ломоносов и Сумароков [Орлов 2005: 78]. Его, как высокообразованного человека, видимо, отталкивала неправильность, эклектичность стиля Лебедева, смешение в его языке церковнославянизмов с просторечием. А как человека, постоянно занимавшегося административной частью дел посольства, оформлявшего разного рода документы, его просто шокировало это то ли библейское, то ли масонское «братское» *ты*, обращаемое Лебедевым к людям даже самого высокого социального статуса. Лебедев обращался на *ты* не только к самому Смирнову, считавшему себя очень важной персоной, но иногда и к графу Воронцову[165]. Весьма вероятно, что и в письмах к императору Павлу I Лебедев также позволял себе обращаться к нему на *ты*[166]. В последние годы XVIII

[165] Например, в письме из Калькутты: «О рачительном упражнении моем отпиши к нашему государю и властям, и такие труды твоим превосходным знанием ободря, припомни им» [РИА 1965: 460].

[166] В посмертно опубликованной статье Н.В. Гурова было отмечено, что Лебедев в своих письмах и документах постоянно подчеркивал: «Инициатива поездки в Индию исходила от Павла и сопровождавших его приближенных. <…> При этом, по мере того как положение Лебедева ухудшается, и тон писем становится все более отчаянным, формулировки, касающиеся участия Павла в организации путешествия, становятся более категоричными: “с Твоего одобрения” → “выполняя монаршее предначертание” → “по повелению Твоему”» [Гуров 2013: 251]. К сожалению, статья сохранилась в черновом варианте, без ссылок. В данном случае отсутствие в авторском тексте ссылки на источники особенно досадно, потому что письма Лебедева, обращенные непосредственно к Павлу Первому, или документы, содержащие цитаты из них, неизвестны. Возможно, Никита Владимирович обнаружил такие письма или документы во время работы в московских архивах, скорее всего, в Архиве внешней политики Российской империи. Эти тексты еще ждут своего повторного открытия.

и в начале XIX в. такое обращение к вышестоящим, тем более к монарху, считалось уже недопустимым. Характерна в этом отношении история о том, как Александр I посетил однажды петербургскую масонскую ложу Трех Добродетелей. Никита Муравьев «рассказывал своим братьям, что во время этого посещения государь попросил его что-то разъяснить ему, и он в своем ответе обратился к государю по масонскому обычаю на “ты”. Это, видимо, произвело на государя неблагоприятное впечатление, и Муравьев утверждал, что с этого времени началось неудовольствие против него Александра I» [Семевский 1908: 25–26].

Предупреждению Смирнова Лебедев не внял, и в тот же день, 15 февраля, при первой встрече с Воронцовым говорил с ним, как с равным («Но я таперь надеюсь <…> мне поможешь отыскать за всю несносную обиду?»). Это явно не понравилось Воронцову. История Лебедева и его приключений посла заинтересовала, да и письмо князя А.Б. Куракина, вице-канцлера, человека, близкого к императору, обязывало уделить его подателю внимание. Поэтому он пригласил Лебедева на обед через день, 17-го числа, но впечатление о нем у Воронцова сложилось явно неблагоприятное.

При этой же первой встрече Лебедев без посредства Смирнова, лично вручил посланнику письмо, адресованное императору Павлу. Мы знаем о его содержании со слов самого Лебедева. В октябре 1801 г., вернувшись в Россию, он писал в прошении, поданном новому императору Александру, что в письме его отцу, императору Павлу, переданном им сразу по прибытии в Лондон через графа Воронцова, содержалось «мое предложение о желани[и] моем публиковать переводы и собрания мои <…> в России».

Воронцов, возможно, в тот же самый день, 15 февраля 1799 г., отправляя очередное донесение возглавлявшему Коллегию иностранных дел графу Ф.В Ростопчину, сопроводил его припиской:

> P.S. Прилагаю при сем другое письмо на имя Государя Императора, писанное одним россиянином, музыкантом Лебедевым, который был в Восточной Индии 14 лет, получая пропитание от своего ремесла и занимаясь, как говорит он, изучением тамошних диалектов. Он просил о пересылке в моем пакете его письма в доказатель-

ство, что он не авантюрье[167], да и действительно он человек честного нраву, но, кажется, недалек и слаб головой. Прошу Ваше сиятельство при случае поднесть сие письмо Его Императорскому Величеству.

Этот текст, со всей определенностью характеризующий отношение Воронцова к Лебедеву, более полувека игнорировался всеми исследователями, писавшими о первом русском индологе. Причина проста: он приводится только в беллетризованном изложении биографии Лебедева, напечатанном в 1963 г. журналом «Вокруг света» [Лебедев 1963]. Вероятно, в нем видели плод авторской фантазии. Однако, автором данного эссе, скрывшимся под псевдонимом «Михаил Лебедев» в действительности был московский историк-архивист М.М. Медведев[168]. Мы уже писали о том, что он много занимался биографией Лебедева и знал такие ее детали, которые не были известны другим исследователям. Ни в этом эссе, озаглавленном «Семь лиц Герасима Лебедева», ни в написанной им в соавторстве научно-популярной статье [Медведев, Рогова 1960] нет ничего, что не соответствовало бы документально подтвержденным фактам, а некоторые подробности в них, прежде воспринимавшиеся как авторский вымысел, сейчас подтверждаются результатами новейших поисков[169]. К сожалению, мы пока не знаем точного местонахождения цитированного документа, но с большой вероятностью его можно, на наш взгляд, считать подлинным.

Несмотря на то что Ростопчин, скорее всего, передал императору содержание этой приписки, Павел I был милостив к Лебедеву. Должно быть, он вспомнил музыканта, игравшего для него в Париже и Этюпе, и свое данное ему напутствие на поездку в Индию. Император прислал ответ, содержание которого Лебедев

---

[167] *Авантюрье* — франц. aventurier — «авантюрист».

[168] В последнем, 12-м номере журнала «Вокруг света» за 1963 г., в перечне публикаций этого года, на странице 63 автором материала «Семь лиц Герасима Лебедева» назван Михаил Медведев.

[169] Например, никто из исследователей не воспринял всерьез фразу в одной из медведевских статей [Медведев, Рогова 1960: 11]: «На концертах в Лондоне он исполнял свои записи индийских народных мелодий и песен». См. далее об организованном Г.С. Лебедевым концерте, включавшем исполнение «Восточной серенады», в Лондоне 17 марта 1800 г.

позднее в прошении на имя Александра I изложил так: «Е.И.В. соизволил удостоить ответом (которой имею при себе), что все будет напечатано на казенный кошт и, дабы мог я возвратить хоша несколько моих издержек за книги продажныя, деньги благоволил пожаловать мне, притом оставил на волю — когда хочу приехать в Россию» [Русско-индийские отношения 1965: 493].

Лебедев, однако, ехать в Россию не спешил, пытаясь предварительно заручиться какими-то гарантиями возмещения ему средств, затраченных на научные исследования. Вероятно, чтобы выяснить возможность этого, он написал Павлу I еще одно письмо, которое, однако, Воронцов принять у него отказался. Об этом Лебедев 23 июля 1799 г. записал в своем дневнике:

> Граф Семен Рома[нович] Воронцов отказался переслать к Государю Императору мое вторичное письмо по причине священника Смирнова зависти.

Вполне возможно, что Воронцов мотивировал свой отказ неподобающим «штилем» письма, а в этом Лебедев, разумеется, усмотрел происки Я.И. Смирнова. Пришлось искать тогда другие возможности для передачи писем императору и выяснения ситуации в Петербурге. Одного из возможных посредников Лебедев видел в И.Ф. Крузенштерне, о чем свидетельствует письмо, написанное им 8 сентября 1799 г. Крузенштерну в Петербург.

> (Л. 99) Милостивой Государь.
>
> О вашем приезде в Петербурх, известием меня весьма много обрадуете. Как вы там приняты, и нравится ль вам таперь также, как и прежде, Российской климат. И притом естьли можете уведомить меня сколько нибудь о внесени[и] дел моих в Россию по предложению на второе письмо К ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, вы тем много изволите меня одолжить.
>
> Я не получил еще ответу на второе письмо, и для сего писано «сильным к отечеству другом» о мне к Его сиятельству Графу Кушелеву[170], в которо[м] письме ему донесено, что вы и Г[оспо]дин

[170] Г.Г. Кушелёв (1754–1833) — русский морской офицер, которого великий князь Павел Петрович назначил командиром Гатчинской флотилии и позднее поддерживал его карьерное продвижение. После воцарения Павла I Кушелёв пе-

Баскакоф[171] мне знакомы, и уповательно он о этом вас спросит. И как мне сказано, что Его СИЯ:во есть точно доброжелатель своей нацы[и] трудолюбцам,

то

[на нижнем поле под текстом:]

Капитану Российского флота / Ивану Федоровичу / Крузенштерну

(Л. 99 об.) то, причинно надеюсь, меня удостоит скорым ответом.

Компанейские директоры мне уже позволили публиковать мои книги. И только из России ответ таперь удерживает зделать здесь подписку. И которой иметь хочется для того чтоб знать, растаяны ли в ней, как и другие, ободрить за дело, не бывающее еще никогда в России.

Разныя книгопродавцы желают от меня купить. Но для тойже причины и им не хочу еще продать.

Пожалуй, не забудь уведомить, имели ли вы случай, вручить персонально мое письмо Графу Федору Васильевичу Растопчину[172], видели ли Графа Ивана Павловича Кутайцова[173], и Г. Самборскова[174] и какое суть их мнение о мне. Также и о другом, для меня принадлежащем.

режил стремительный взлет: генерал-адъютант, генерал-майор (1796), вице-адмирал, адмирал, вице-президент Адмиралтейств-коллегии (1798). 22 февраля 1799 г. возведен в графское достоинство. После гибели Павла I отстранен от дел.

[171] М.И. Баскаков, русский морской офицер, проходивший стажировку на британском флоте одновременно с И.Ф. Крузенштерном и Ю.Ф. Лисянским. Г.С. Лебедев познакомился с ним, по-видимому, в 1798 г. в Южной Африке.

[172] Уже упоминавшийся Ф.В. Ростопчин (Растопчин; 1763–1826), занимая при Екатерине II незначительные военные должности, стремительно возвысился при Павле I: в течение 1798–1800 гг. сделан кабинет-министром по иностранным делам, великим канцлером ордена св. Иоанна Иерусалимского, директором почтового департамента, первоприсутствующим в коллегии иностранных дел и членом совета Императора, его генерал-адьютантом. Возведен в графское достоинство в 1799 г. В конце царствования Павла отставлен от всех дел. Впоследствии известен как главнокомандующий войсками, дислоцированными в Москве во время наполеоновского нашествия.

[173] Кутайсов Иван Павлович (1759–1834) — первоначально пленный турок, состоявший брадобреем и камердинером при великом князе Павле Петровиче. После воцарения Павла I достиг в течение трех лет звания обер-шталмейстера, в 1799 получил баронский и вслед за этим графский титул Российской империи. Через несколько дней после гибели Павла I уволен от службы.

[174] То есть Андрея Афанасьевича Самборского, который в то время едва ли мог быть полезен Лебедеву: в ноябре 1799 г. он в качестве духовника великой княжны Александры Павловны, вышедшей замуж за австрийского эрцгерцога, уехал в Вену.

Михайле Ивановичу[175] мое почтение.
С истинным моим высокопочитанием имею щастие быть
Милостиваго Государя
покорнейши(й) слуга
Герасим Лебедеф
Лондон
8 Сентября 1799
NB. Я живу в той же улице
34. Clipstone Street. Я болен глазами.

(Л. 100) To
John Crousenshtern
Captain in Russian Navy if his residence is not known, deliver <sic> it to Vice Admiral Baskacoff[176]
at St Petersburg

(Перевод: Джону Крузенштерну / капитану российского флота. / Если местожительство его неизвестно, доставить это / вице-адмиралу Баскакову / в Санкт-Петербурге) [РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. № 221. Л. 99–100; [Васильков 2012: 202–203].

Из этого письма ясно, что Лебедев сумел отправить второе письмо Павлу I каким-то иным путем, но ответа к сентябрю 1799 г. еще не было. Лебедев, однако, очень ждал ответа на второе письмо и потому стремился ускорить принятие царем решения по какому-то, очевидно, поставленному в этом письме вопросу. Речь шла, скорее всего, о компенсации за потраченные им средства и об отпуске конкретных сумм на издание его сочинений на родине. Он дает в письме понять, что отвергает предложения английских издателей, так как хочет, чтобы его книги были раньше напечатаны в России. Через некоего покровителя («сильного к отечеству друга») Лебедев пытался заручиться поддержкой имевшего влияние на Павла I вице-президента Адмиралтейств-коллегии, адмирала и новоиспеченного графа Г.Г. Кушелёва. Предполагалось, что по-

[175] Имеется в виду М.И. Баскаков.

[176] Письмо адресовано в дом отца М.И. Баскакова — Ивана Абросимовича Баскакова (1749–1802), служившего по морскому ведомству, и в 1792 г. произведенного в вице-адмиралы. При Павле I в 1799 г. произведен в адмиралы, а в ноябре 1800 г. уволен в отставку.

ложительные рекомендации Лебедеву дадут по запросу адмирала И.Ф. Крузенштерн и М.И. Баскаков. Кроме того, Лебедев просил, как можно понять, Крузенштерна передать от него письмо еще одному фавориту Павла I — Ф.В. Ростопчину, а также выяснить, что думают о Лебедеве возвеличенный Павлом I до графского достоинства его бывший брадобрей И.П. Кутайсов и давний знакомый Лебедева, близкий к царской семье А.А. Самборский.

Письмо характеризует Лебедева как человека, весьма умелого и опытного в искании поддержки у сильных мира сего. Он пытается разом склонить на свою сторону трех наиболее близких к Павлу I лиц, его фаворитов, вознесенных им из ничтожества к вершинам власти, а заодно выяснить, симпатизирует ли ему по-прежнему А.А. Самборский — тогда законоучитель царских дочерей и настоятель Софийского собора в Царском селе. Но было бы ошибочным заключить на основании подобных писем, что расчетливость и целеустремленность в поисках покровительства были индивидуальными, отличительными чертами Лебедева. Таков был в целом modus vivendi, обязательный для людей искусства и науки в те времена.

Поскольку будущее положение Лебедева в России пока оставалось неопределенным, а впереди были поздняя осень и зима, Лебедев после стольких лет, проведенных в тропическом климате, не спешил подвергать себя русским морозам. По крайней мере, так он объяснял впоследствии причину своей задержки в Лондоне Александру I[177]. Времени даром он в Лондоне не терял. Уже из письма Крузенштерну ясно, что он вел переговоры с Ост-Индской компанией об издании своих трудов в Англии, и получил на это разрешение. В поисках средств для публикации он обратился в посольство, к тем же Воронцову и Смирнову. 11 февраля 1800 г. Лебедев отдал «священнику Смирнову» для вручения графу Воронцову свою «пропозицию (Prospectus)», т.е., как можно

[177] «К нещастию моему, после долговременного странствия по прибытии из жарких климатов, за болезнию глаз и по причине изнуренного здоровья, я не мог тогда тотчас отправиться сюда, в холодную атмосферу, принести верноподданнейшее благодарение за явленную мне высочайшую милость» [Русско-индийские отношения 1965: 493].

понять, план публикации и краткое содержание готовящихся изданий, на которые предполагалось организовать подписку среди англичан. Но Смирнов, «продержавши… 3 дня, возвратил оную мне назад». Тогда Лебедев передал все-таки свою «пропозицию» С.Р. Воронцову через одного из слуг вместе с письмом, копией которого завершается «африканская», точнее сказать, африканско-лондонская тетрадь.

> Сиятельнейший Граф, м[илостивый] г[осударь],
>
> При надежде, что долговремянныя в Восточной Индии мною собрания ради общей пользы зделают хоша немногим, но, может быть, желаемое удовольствие, из знакомых моих знатоки <…> присоветовали мне оные по подписке публиковать. И при уповании, что такое мое упражнение возпокровительствуется больше моими соотечественниками, я возымел смелость ваше сиятельство, всенижайше просить удостоить меня на подносимой при сем пропазицы[и] подпискою высокопочтеннаго Вашего Сиятельства имяни, за что навсегда останусь благодарным.
>
> С истинным высокопочитанием и с глубочайшею преданностию есть Вашего Сиятельства и пр. и пр.
>
> 14 февраля 1800. Лондон

Хаят Мамуд предположил, что вместе с «пропозицией» Лебедев подал Воронцову и рукопись своей «Грамматики» [Мамуд 2012: 183]. Однако в лебедевском письме речь идет о различных вывезенных им из Индии «собраниях», т.е. не только о «Грамматике», которая в это время могла быть еще не написана, но и, вероятно, об «Индийской хронологии», которую он намеревался издать вслед за «Грамматикой». Словом же “Prospectus” Лебедев обозначал план и краткое изложение содержания сочинения (а в данном случае, может быть, и двух), что могло быть в принципе даже издано отдельной брошюрой. Так, более чем через год Лебедев объявит в газете “The Star” (29 мая 1801 г.) о поступлении в продажу только что (26 мая) вышедшей в свет его «Грамматики», и тут же предложит читателям купить за 1 шиллинг Prospectus находящейся в печати следующей его книги: “Indian Chronology Developed”.

Поставил ли Воронцов свою подпись под «пропозицией» и начал ли тем самым подписку на книги Лебедева, мы не знаем.

В обращении к императору Александру в конце 1816 г. Лебедев писал, что напечатал свою «Грамматику» в Лондоне «на свой же щет» [АВ ИВР РАН. Ф. 90. № 2 — 1226/2. Л. 2; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6081; АВПРИ. Ф. Коллегия иностранных дел. Административные дела. Р. IV-15. 1817. Л. 4].

Так или иначе, но до опубликования «Грамматики» было еще далеко. Лебедев пока, видимо, работал над ней и в то же время заводил знакомства с местными музыкантами и с представителями самых разных кругов общества. Русский музыкант, да и вообще просто русский, говорящий по-английски, был в то время многим интересен. Никогда еще Англия так не сближалась в политическом отношении с далекой, чуждой, неведомой Россией.

В мае-июне 1799 г. была спланирована, а в середине августа началась совместная русско-английская экспедиция против революционных французских войск и сил Батавской республики в Голландии. Английские суда доставили из Ревеля в Голландию 17 тысяч русских солдат. Первоначально союзники добились некоторых успехов, но вскоре начались неприятности. Повинно в этом было, во-первых, то, что командование всей операцией было доверено бездарному герцогу Фредерику Йоркскому, любимому сыну короля Георга III. Командовавший русскими войсками генерал-лейтенант И.И. Герман фон Ферзен в первом же крупном сражении попал в плен к французам. Русские войска проявили в боях исключительный героизм, что отмечали как герцог Йоркский (в письме к Павлу I)[178], так и главнокомандующий соединенными франко-батавскими силами генерал Брюн. Но русские войска были скверно экипированы, наступившая вскоре осенняя непогода застала их на голой голландской равнине без палаток, в изношенных и обветшавших мундирах, распутица препятствовала подвозу продовольствия. Голодные солдаты начали грабить голландские деревни, мародерствовать. При планировании опера-

[178] Павел I, получив известия о печальном исходе голландской экспедиции, был готов обрушить свой гнев на участвовавших в ней генералов, офицеров и солдат. Граф Воронцов и герцог Йоркский одновременно написали ему письма, описывавшие подвиги, совершенные русскими в Голландии, чем усмирили гнев императора. Оба письма были 27 марта 1800 г. опубликованы в лондонской газете “The Oracle”.

ции рассчитывали на поддержку голландцев-оранжистов, приверженцев свергнутого республикой принца Оранского. Однако народ вскоре увидел в англо-русских войсках оккупантов, а потому поддерживал, щедро снабжая припасами, французов и армию Батавской республики. К французам постоянно приходили подкрепления, тогда как силы экспедиционного корпуса таяли в результате больших военных потерь и болезней. К октябрю 1799 г. положение союзных войск стало отчаянным. По счастью, английскому командованию удалось добиться перемирия, в течение которого все оставшиеся англо-русские войска с больными и ранеными смогли спокойно погрузиться на корабли и отплыть в Англию. 8 ноября последние части союзных войск покинули Голландию. Из числа 17 000 русских солдат, отправленных из Ревеля в августе 1799 г., в Англию прибыли 10 539 человек под ружьем и еще 3308 больных [Милютин 1853: 7–94; Егоров 1996].

Злоключения русских солдат на этом не кончились. Предполагалось, что они перезимуют в Англии, а потом вместе с англичанами будут участвовать в высадке либо снова в Голландии, либо на севере Франции. Но сначала им пришлось несколько недель провести на судах, стоявших на Ярмутском рейде и в Портсмуте. Больных и раненых помещали в плавучие госпитали. Необходимо было лечить и большое число русских моряков, внешний вид и состояние которых ужаснули англичан. Неудивительно, ведь И.Ф. Крузенштерн в 1799 г., возвращаясь из Китая на торговом судне «Бомбей», в составляемом им проекте «организации русской экспедиции в интересах развития торговли и обогащения страны» писал о необходимости прежде всего изменить условия жизни и быта российских матросов. «Это позор нашей нации! — писал он, — Сколько погибло людей на военных кораблях по причине нехватки теплой одежды и других предметов, без которых невозможно сохранить здоровье наших матросов. <…> Ни одна страна так расточительно не обращается с людьми, как Россия” [Козлов 2007: 34].

Согласно английским газетам, госпитали были снабжены всем необходимым, в них строго соблюдались санитарно-гигиенические правила, пациентам были обеспечены внимание и необходимое лечение. Но уровень смертности оставался очень высоким.

Больных и раненых русских сначала переправляли на берег, где в приготовленном специально для их приема здании их стригли, мыли, осматривали, снабжали чистым бельем и после этого развозили по плавучим госпиталям (“The Oracle”, 4 декабря 1799 г.). Значительная часть госпиталей находилась в Портсмуте, и 8 декабря руководить их работой в качестве генерального инспектора (Inspector General) был назначен известный военно-морской врач доктор Уайт (White). Газеты писали: его способности и усердие являются залогом того, что страждущим будет оказана самая действенная помощь (“Portsmouth Telegraph”, 9 декабря 1799 г.; “The Oracle”, 10 декабря 1799 г.). 14 декабря доктор Уайт присутствовал в числе других почетных гостей на торжественном обеде, который давали в губернаторском доме местные военачальники в честь русских адмиралов, генералов и старших офицеров (“Portsmouth Telegraph”, 16 декабря 1799 г.).

Возможно, через кого-то из русских офицеров Лебедев и познакомился с этим английским врачом, который на протяжении долгого времени самоотверженно занимался спасением и лечением русских солдат и моряков. А может быть, Лебедев и не был лично знаком с доктором, но от тех же офицеров или от кого-то из посольства[179] слышал о бесценной помощи, которую доктор Уайт оказывал русским военным. Так или иначе, но когда по распоряжению Павла I весной 1800 г. был составлен и отправлен в Петербург список британских политических и военных деятелей, помогавших русским войскам в Англии, для награждения их русскими орденами и медалями, Лебедев был удивлен и возмущен, не увидев в этом списке имени доктора Уайта. По своей привычке бороться с любой несправедливостью он отправил каким-то образом письмо Павлу I с просьбой включить доктора Уайта в список награждаемых. Это, как мы увидим, обернулось для него вскоре новыми неприятностями.

Пока же он занимался делами приятными: готовил почву для издания своих трудов и для своего возвращения в музыкальный мир Европы в новой и для многих совершенно неожиданной роли.

---

[179] Двадцать седьмого декабря граф Воронцов, наверняка не один, ездил в Портсмут для ознакомления с положением дел там и для подготовки эвакуации русских солдат на острова Гернси и Джерси (“The Oracle”, 28 декабря 1799 г.).

Лондонский концерт Герасима Лебедева

Тридцатого марта 1799 г. по принятому тогда в России юлианскому календарю, т.е. 10 апреля по новому стилю, в газете «Московские ведомости» (№ 26, с. 606, раздел «Смесь») появилась заметка такого содержания:

> В одних Аглинских ведомостях помещено между прочим следующее: «Один музыкант из Руских, возвратившийся с последним флотом из Индии, намерен издать в Лондоне собрание Индостанских и Бенгальских арий. Поелику он весьма сведущ как в помянутых языках, так и в Музыке, то и ожидают, что он первый введет здесь в употребление восточную Музыку, мало известную между нами. По суждению знатоков, помянутые арии изполнены мелодии и чувствительности, и составляют средину между Итальянскою и Шотландскою Музыкою».

Несомненно, именно эта заметка дала основание И.М. Ямпольскому заявить, что Лебедев был не только композитором, но и фольклористом [Ямпольский 1973: 239], как мы можем сказать сейчас, этномузыкологом. Лебедев действительно, по-видимому, делал нотные записи индийских мелодий. В этом он был в то время не одинок: еще в 1780-х годах София Плауден (Plowden) и Маргарет Фоук (Fowke) записывали в европейской нотации «хиндостанские арии». Появлялись и печатные нотные издания индийской музыки. Первое из них опубликовал хорошо знакомый Лебедеву Уильям Бёрд [Bird 1789]. Из последующих изданий отметим собрание капитана Т. Уильямсона [Williamson 1797]. Возможно, Лебедев не стал публиковать свое собрание индийских мелодий именно потому, что такие нотные издания уже были хорошо известны в Англии. Впрочем, И.М. Ямпольский полагал, что «сборник народных песен» был подготовлен Лебедевым к печати. «Рукопись сборника могла быть оставлена Лебедевым с целью издания и, возможно, где-нибудь хранится. Обнаружение этой рукописи Лебедева явилось бы ценным научным открытием, так как она представляет одну из самых ранних записей музыкального фольклора Восточной Индии».

Завершая свой рассказ о лебедевском «Собрании индостанских и бенгальских арий» И.М. Ямпольский писал: «На этом, в сущности, завершается творческая деятельность Лебедева-музыканта» [Ямпольский 1973: 258–259][180].

Теперь мы можем уверенно сказать, что это заключение было ошибочным. В лондонских газетах за 1800 г. удалось обнаружить целую серию объявлений о ранее неизвестном концерте, организованном Лебедевым в Лондоне[181]. Концерте, главной целью которого была популяризация индийской музыки.

Сначала в номерах за 4 марта 1800 г. лондонских газет “Morning Post” и “The Oracle” появляется объявление о том, что 17 марта с разрешения лорда обер-гофмейстера (Lord Chamberlain) в зале Willy’s Rooms («Комнаты Вилли») состоится большой вокально-инструментальный концерт. Г-н Лебедев (Lebedeff), проведший 12 лет в Индии и составивший «собрание популярнейших индостанских арий», намерен познакомить интересующихся «характерной национальной музыкой» с этими «ариями», называемыми также «раги» и «рагини» (Raugs and Rauginees). Причем исполнены они будут «в подлинном индийском стиле» (in the original Indian style).

Прежде всего отметим, что Willy’s Rooms — это построенный в 1765 г. в самом сердце Лондона (Вестминстер, район Сент-Джеймс) концертный зал, на протяжении ста лет остававшийся одним из лучших в Лондоне. В конце XVIII в. объявления о кон-

---

[180] Хаят Мамуд писал: «Никаких сведений по поводу каких-либо его контактов с тамошним (лондонским. — *Я.В.*) музыкальным миром у нас не имеется [Мамуд 2012: 181]. М.М. Медведев в одной статье утверждал, что «в последний раз его (Лебедева. — *Я.В.*) виолончель пела на острове Святой Елены» [Лебедев 1963: 53], но в другой, более ранней, он же писал, что Лебедев «на концертах в Лондоне… исполнял свои записи индийских мелодий и песен» [Медведев, Рогова 1960: 11]. Трудно сказать, была ли последняя фраза результатом знакомства Медведева со старыми лондонскими газетами (объявлениями в них), или плодом беллетристического вымысла. По крайней мере, следующая фраза статьи («О нем заговорили газеты») явно не соответствует действительности. Рецензий на концерты газеты тогда не печатали.

[181] Эти объявления найдены нами в марте 2016 г. в электронной базе данных старых британских газет Мемориальной библиотеки Х.С. Файерстона Принстонского университета.

цертах в нем в газетах стояли рядом с объявлениями о спектаклях в двух королевских театрах: Ковент-Гарден и Друри-Лейн. Здесь выступали ведущие музыканты и вокалисты лондонской сцены.

Неделей позже в “Morning Post” от 11 марта 1800 г. то же объявление повторяется с небольшими изменениями, из которых наиболее существенным является то, что руководителем оркестра в концерте здесь назван «Mr. Salomon». То есть один из крупнейших музыкальных деятелей Лондона этого времени, Иоганн Петер Саломон (Заломон; 1745–1815), знаменитый скрипач, один из учредителей Профессиональных концертов, импресарио, привезший в Лондон Гайдна и организовавший серии его концертов в 1791 и 1794 гг., друг Моцарта и Бетховена, композитор, выдающийся музыкант-педагог.

Наконец, в газете “The Oracle, and Daily Advertiser” за 15 марта 1800 г. появляется объявление с программой концерта, которое мы приводим здесь в переводе, а английский текст помещаем в приложении.

«Комнаты Вилли», Кинг-стрит, Сэйнт-Джеймс.

М-р ЛЕБЕДЕФФ (из России), проведший двенадцать лет в Индии, по просьбе нескольких леди и джентльменов, с коими он имел честь познакомиться в этой стране, (намерен) представить вниманию любителей характерной национальной музыки некоторые из знаменитых хиндостанских РАГ и РАГИНИ, исполненные в подлинно индийском стиле. Нижеописанный смешанный концерт состоится в вышеуказанных «Комнатах» в ближайший понедельник, 17 марта.

I-е отделение. Большая увертюра, Гайдн. — Квартет, Плейель. — Песня, миссис Дуссек. — Concerto для виолончели, м-р Лебедефф. — Русское *гли* (Glee)[182], для трех голосов, исполнители: месье Гор, Пэйдж (Page) и Сэйл (Sale), с аккомпанементом. — Concerto для пианофорте, мастер[183] Филд.

---

[182] Популярный в XVIII в. жанр: песня для трех и более мужских голосов (один обычно контртенор), предполагающая чередование контрастных по настроению частей и исполняемая обычно а капелла (данный случай — исключение).

[183] Англ. master — в первичном значении «молодой господин»; термин, применявшийся обычно к юным музыкантам, «вундеркиндам». Из участников концерта Дж. Филду было в это время семнадцать лет, Дж. Пинто — четырнадцать.

II-е отделение. Восточная серенада, включающая в себя индийские *рагу* и *рагини*, вокальные партии (исполнят) месье Гор, Пэйдж и Сэйл, под аккомпанемент индийских инструментов и всего оркестра. — Concerto для скрипки, мастер Пинто. — Песня, миссис Дуссек. — Индийская *рага*. — Финал [Васильков 2017: 26–27][184].

Руководил оркестром, как мы знаем, И. Саломон. Участвовали в нем лондонские музыканты высшего уровня.

Юный Джон Филд (Фильд, 1782–1837), игравший собственный фортепианный концерт, наш будущий «русский ирландец». Всего через несколько лет он окажется в России, с которой и свяжет свою жизнь навсегда. Ему суждено было оказать большое влияние на становление русской музыкальной культуры: он стал одним из учителей М.И. Глинки и основателем всей русской пианистической школы. Известен он и как создатель жанра ноктюрна. В 1800 г. он был уже знаменитым пианистом-виртуозом и композитором. Если бы его «Вариации на русскую тему» действительно были созданы в лондонский период, как считали некоторые авторы [Кудрявицкий 2009], можно было бы предполагать здесь результат его знакомства с Лебедевым. Но давно уже доказано, что это сочинение гораздо более позднее [Hopkinson 1961: XVI, 19–21]. Однако интерес Филда к России и русской культуре, вследствие которого он остался работать в этой стране, вполне мог быть связан с воспоминаниями о концерте в Лондоне 17 марта 1800 г.

Джордж Пинто (1785–1806) — скрипач-виртуоз, пианист и в свои четырнадцать лет уже получивший признание талантливый композитор. Так же, как и Филд, ученик И. Саломона. Когда он умер, совсем молодым, из-за характерного для лондонской богемы тех лет крайне невоздержанного образа жизни, И. Саломон назвал его несостоявшимся «английским Моцартом».

Певица София Дуссек (Душек, жена чешского пианиста и композитора Яна Ладислава Душека, урожденная Корри), как свидетельствуют лондонские газеты того времени, участвовала в самых представительных концертах и была известна также как пианистка и арфистка. Упомянутые в программе мужчины-вокалисты,

[184] Программа была также опубликована в газетах “The True Briton” (15 марта 1800 г.) и “The Times” (17 марта 1800 г.).

Гор, Пэйдж и Сэйл, тоже являлись постоянными участниками первоклассных концертов.

Судить об уровне Лебедева как исполнителя и композитора по скудному отражению в калькуттской прессе полулюбительских концертов было невозможно. Но в Лондоне мы видим его исполняющим свой виолончельный концерт в окружении «звездных» исполнителей и талантливых композиторов, представителей самого раннего романтизма.

Вряд ли кто-нибудь, кроме Лебедева, мог написать музыку для «Русского гли» (Russian Glee), т.е. трехголосого (в данном случае) исполнения, скорее всего, попурри из русских песен. Лебедев-композитор, таким образом, занимался популяризацией русской музыки в Англии в благоприятный для этого момент исключительного интереса англичан к России как стране-союзнику.

Но самое неожиданное — это исполнение в Лондоне «Восточной серенады», в которой известные английские певцы пели индийские песни (скорее всего, на тексты Бхаротчондро Рая), а звучание индийских инструментов каким-то образом сочеталось со звучанием оркестра, руководимого И. Саломоном.

Как уже говорилось, нотной записью индийских песен занимались и сам Лебедев, и некоторые английские музыканты. Британский музыковед-историк И. Вудфилд, проанализировавший ряд нотных изданий такого рода, пришел к выводу, что «гармонизация противна самому духу» индийской музыки [Woodfield 2000: 168]. Недавно британская клавесинистка Джейн Чэпмен записала на компакт-диск сборник У.Х. Бёрда ”Oriental Miscellany”[185]. Мы теперь можем слушать адаптацию индийской музыки для клавесина, исполненную сотоварищем Лебедева по «профессиональным концертам» в Калькутте. Дух индийской музыки в этих записях, конечно, утрачен. Они, однако, интересны как историческая попытка одной музыкальной культуры понять другую, попытка, заранее обреченная, перевода с одного музыкального языка на другой, совершенно иной.

---

[185] The Oriental Miscellany. Airs of Hindustan. William Hamilton Bird / Jane Chapman, harpsichord. (Signum Classics Series). Signum Records Ltd.

Тем не менее Бёрда и других английских музыкантов, записывавших индийские мелодии, сейчас рассматривают как основоположников новой науки — этномузыкологии [Bor 1988].

На наш взгляд, Лебедев имеет не меньшее, а может быть, и большее право считаться одним из первых этномузыкологов. Ведь он не ограничился преданием индийских мелодий нотной записи. То, что делал Лебедев, на практике соединяя звучание европейских и индийских инструментов, это абсолютно уникальный смелый эксперимент, продиктованный его общей ориентацией на создание «контактных форм» [Simon 2013: 32]. Трудно представить себе, как мог звучать такой «смешанный» оркестр. И. Вудфилд, узнав об эксперименте Лебедева из афиши «Притворства», упоминающей о совместном использовании индийских и европейских инструментов в «Индийской серенаде», отнесся к нему скорее скептически. Отталкиваясь от факта имитации группой музыкантов-любителей выступления индийского ансамбля на маскараде в 1783 г. в Калькутте, он писал: «Одно дело попытка изображать из себя индийских музыкантов в ходе маскарада, и совсем другое — попытка ввести индийские инструменты в состав европейского оркестра <…> Мы можем только гадать, какие необычайные звуки (extraordinary sounds) могли раздаваться в Калькутте 5 ноября 1795 года, когда м-р Лебедефф, виолончелист, представлял свою новую пьесу». Заключает этот абзац Вудфилд словами: «Один случай такого “смешанного” музицирования имел место даже в Лондоне, когда концерт индийской музыки, исполнявшейся на индийских инструментах, шел в сопровождении “всего оркестра”» [Woodfield 2000: 173]. Любопытно, что ни Вудфилд, ни тот автор, на которого он ссылается [McWeigh 1993: 115], никак не связывали упоминаемый лондонский концерт с именем Г.С. Лебедева.

Мы, однако, знаем теперь, что организовал его Лебедев и что как минимум равное участие в его организации принимал Иоганн Саломон. Концерт предполагал серьезную репетиционную подготовку, и ясно, что его участники, музыканты высокого класса, считали поставленный Лебедевым абсолютно уникальный по тем временам эксперимент интересным и результативным.

К сожалению, в лондонских газетах почти никогда не печатались рецензии (кроме как на спектакли двух королевских театров), поэтому о реакции на этот концерт музыкальной общественности Лондона нам ничего не известно. Мы только знаем из другого источника[186], что в финансовом отношении этот концерт обернулся для Лебедева неудачей. В этом нет ничего удивительного, поскольку интересующихся «характерной национальной музыкой» в Лондоне могли быть лишь единицы, тогда как британская публика в большинстве своем считала индийскую музыку «варварской» и «дикой» [Woodfield 2000: 8].

Впрочем, у нас остается надежда узнать о Лебедеве — музыканте и композиторе еще много интересного. С каждым годом расширяются оцифрованные фонды старинных газет и нотных изданий в библиотеках и в Интернете. Может быть, отыщется когда-нибудь книга или подготовительные материалы к книге о Лебедеве, над которой в последние годы жизни работал И.М. Ямпольский. Не исключено, что где-то сохранилась статья о Лебедеве, написанная Г.Ф. Фесечко и содержавшая неизвестную по другим источникам информацию (об этом можно судить по отрывкам, которые были цитированы по рукописи, с разрешения автора, в книге: [Давидсон, Макрушин 1979: 253–254]). Местонахождение этой рукописи пока неизвестно[187]. Г.С. Лебедев по возвращении в Россию служил в Коллегии иностранных дел, печатал или готовил к печати свои труды, не имел времени для профессиональных заня-

---

[186] Находившийся в Лондоне в это время Ю.Ф. Лисянский 17 марта 1800 г. отметил в своем «Журнале» встречу с Г.С. Лебедевым и, в частности, написал: «Лебедев задолжал столько в Лондоне, что каждой день ожидает ити в тюрьму. Он было хотел поправить свое состояние концертом, который дал публике несколько дней назад тому, но и там вместо выиграшу претерпел потерю» [Козлов 2007: 175]. Странно, однако, что эта запись датирована тем самым днем, когда, по газетам, должен был состояться концерт Лебедева. Лисянский приводил в своем «Журнале» даты «по новому щыслению» [Козлов 2007: 56], т.е. по григорианскому календарю. «Новым» он был для Великобритании, где был введен взамен юлианского календаря 14 сентября 1752 г. Интересно, что расхождение в датах между Лебедевым и Лисянским мы отмечали и в их записях африканского периода. Тогда же сформировалось у Лисянского предубеждение против Лебедева, которое дает о себе знать и в этой записи.

[187] Небольшой фонд Г.Ф. Фесечко есть в ЦГАЛИ СПб, но он пока еще не обработан.

тий музыкой, но мог участвовать в домашних концертах[188] и уж наверняка хранил ноты своих сочинений. Поэтому есть надежда на то, что когда-нибудь историк музыки среди бесчисленных нот анонимных сочинений в архиве или библиотеке встретит запись индийской мелодии или Concerto Violoncello на английской бумаге конца XVIII в., местами проеденной насекомыми, как обычно бывает в Индии.

Последний год в Лондоне. «Грамматика» и «Хронология»

В то время, когда Лебедев занимался подготовкой к своему концерту, в русско-английских отношениях назревал резкий перелом, отразившийся и на его судьбе.

С начала декабря 1799 по начало февраля 1800 г. английские транспорты под конвоем английских и русских военных кораблей постепенно перевозили русских солдат с рейдов у восточного побережья Англии на острова Джерси и Гернси. На островах местные гарнизоны освобождали для них свои казармы, плотники строили бараки. В первые дни некоторые газеты печатали фантастические «страшилки», как, например, «репортаж» с острова Джерси в лондонской газете “The Times” от 10 декабря. Русские в нем описывались как «дюжие парни с нездоровым цветом лица и очень маленькими глазками», пожирающие селедку, треску и лососину с солью в сыром виде, любимым же их лакомством являются мыло и сальные свечи, которыми они закусывают огромные порции бренди. Правда, тут же говорилось об их исключительной дисциплинированности. Прошло немного времени, и страх перед пришельцами сменился сочувствием к ним: в суровую зиму на островах солдаты оставались без теплой одежды и обуви, и это

[188] Об участии Лебедева в «музыкальных вечерах в салоне Оленина» упомянуто в книге: [Давидсон, Макрушин 1979: 273], вероятно, по данным Г.Ф. Фесечко.

было в стране, которая, как писал позднее русский историк, «не имела достаточно сбыта для своей громадной мануфактурной промышленности» [Милютин 1853: 196]. На Джерси свирепствовала лихорадка, уносившая жизни русских солдат (“The Oracle”, 18 июня 1800 г.).

Павел I, недовольный обращением британских властей с русскими солдатами и их мелочными стараниями любым способом сократить предусмотренные межгосударственными договоренностями субсидии на их содержание, 20 января 1800 г. повелел Воронцову возвратить русские ордена, посланные для награждения английских адмиралов [Александренко 1897: 77]. Через несколько дней Павел I направил Воронцову депешу с требованием к английским властям заменить кем-нибудь по их выбору посланника в Петербурге лорда Уитворта (Witworth), которому он не доверял. Павел также повелел российским войскам возвращаться из Англии на родину. Однако из-за суровой зимы сообщение между Петербургом и Лондоном было на несколько недель прервано, и повеление императора дошло до Воронцова только в конце февраля. Российский посланник вступил в переговоры по этому поводу с английским Адмиралтейством. Вернуть русские войска было непросто: русские корабли почти все были в той или иной мере повреждены и потому подолгу чинились в разных доках. Требовалось также очень большое число транспортных судов. Англичане не спешили с отправкой русских солдат на родину, надеясь, что Павел I одумается и вернется к идее совместной англо-русской высадки на севере Франции. Воронцов в своих донесениях императору подчеркивал всякого рода затруднения, препятствующие возвращению войск. Надеясь на восстановление дружественных отношений между двумя странами, он старался вместе с англичанами замедлить отправку русских войск и флота и доносил Павлу I о разных новых предложениях лондонского Кабинета.

В конце концов Павел, раздраженный этими проволочками, а также тем, что Воронцов дважды отверг весьма заманчивые предложения должностей в России[189], 4 апреля 1800 г. собственно-

[189] Сначала Павел 8 сентября 1998 г. предлагал Воронцову занять должность вице-канцлера вместо знакомого нам князя А.Б. Куракина. В конце этого письма

ручно сделал на письме к нему Ф.В. Ростопчина приписку следующего содержания:

> Его Величество, усматривая из неоднократных донесений ваших разныя представления вопреки воле его, приказал вам сказать, что если исполнение оной вам в тягость, то невозбранно вам просить увольнения от службы [Милютин 1853: 199; Рябинин 1879: 354].

Воронцов, однако, желания уходить в отставку сразу не изъявил и продолжал свои попытки помирить Павла I с Англией. Тем временем император все больше убеждался в том, что его союзники по антифранцузской коалиции, Австрия и Англия, используют его бескорыстную помощь в собственных своекорыстных интересах. Австрийцы, после того как русские войска под командованием А.В. Суворова очистили от французов Италию, захватили весь полуостров, лишив власти неаполитанского короля, а Суворова отправили на почти верную гибель в Швейцарию. Англичане ценой крови русских солдат устранили опасного конкурента на морях, завладев всем голландским флотом. Разрыв англо-русского союза назревал, и его ускоряли следующие одно за другим свидетельства оскорбительного отношения англичан к своим русским союзникам, да и к самому императору. Свой вклад внес уже давно раздражавший Павла лорд Уитворт, который в одной из своих депеш (№ 73 от 18 марта 1800 г.) имел неосторожность написать: «Император буквально не в своем уме. Уже несколько лет это из-

---

были слова: «…а вы сами знаете расположение мое к себе». Это расположение было основано, вероятно, на том, что во время дворцового переворота 1763 г. молодой С.Р. Воронцов остался верен Петру III, вследствие чего долгое время был в опале у Екатерины II [Архив князя Воронцова 1876: 1–36; Воронцов 1876; Cross 1980: 23]. Затем 2 марта император послал, а 22 марта (2 апреля по новому стилю) 1799 г. Воронцов получил письмо с предложением прибыть в Россию и занять должность канцлера, освободившуюся в связи с болезнью князя А.А. Безбородко [Александренко 1897: 78]. Оба эти предложения Воронцов отклонил, не желая покидать Англию [Рябинин 1879: 318–323]. Уже при Александре I, после своей второй, добровольной, отставки, живя на покое в Саутгемптоне, он писал в 1807 г. по поводу поражения России, предшествовавшего Тильзитскому миру: «Русский Бог велик, и, конечно, не оставит совсем нашу бедную страну, гибнущую от глупости, коррупции и предательства» [Cross 1980: 28]. Родину он предпочитал любить на расстоянии.

вестно ближайшим к нему лицам, и я сам имел несколько случаев за этим наблюдать. С тех пор как он вступил на престол, его умопомешательство постепенно усиливалось, и в настоящее время приводит каждого в сильнейшее беспокойство» [Шумигорский 1907: 194; Эйдельман 1992: 201]. Письмо было перлюстрировано, расшифровано, и можно только удивляться тому, что Павел до мая еще терпел присутствие Уитворта в Санкт-Петербурге. Однако 25 марта курьеру Уитворта было отказано в выезде из России, что вызвало в апреле протест со стороны Англии. В апреле-мае Сент-Джэймсский Кабинет еще надеется восстановить союз. В Петербург направлена специальная правительственная миссия во главе с капитаном Попэмом (H. Popham), которая везла предложения новых совместных акций против Франции. Планировались совместные русско-английские высадки в Нормандии, Бретани и Вандее, а впоследствии, возможно, в Испании и Южной Франции. Павла пытались задобрить, предлагая ему принять отбитые у французов трофеи и пушки, принадлежавшие Мальтийскому ордену, уверяя его, что англичане осаждают французов на Мальте ради восстановления на острове власти Павла как гроссмейстера Ордена. Ему даже обещали, если он пожелает, содействовать в овладении испанскими островами Майоркой и Тенерифе [Милютин 1853: 200–201].

Но Павла I уже ничто не могло удержать в союзе с Англией. Слишком многие действия англичан по отношению к России и русским войскам в Англии были в его глазах оскорбительными. Миссия Попэма была отослана «без аудиенции» [Эйдельман 1992: 202]. В конце апреля выход из коалиции Павла I, образовавшего вместе с Пруссией, Данией и Швецией «Северную лигу», стал очевиден (“The Oracle”, 29 апреля 1800 г.). В мае, наконец, было предписано выехать из Петербурга Уитворту. Вслед за ним настала очередь и Воронцова, который по совету своего тайного единомышленника в то время [Станиславская 1962: 176–177] молодого вице-канцлера Н.П. Панина[190] в конце апреля все-таки попросил, ссылаясь на нездоровье, отставки.

---

[190] Никита Петрович Панин (1770–1837) — племянник Никиты Ивановича Панина, наставника цесаревича Павла Петровича. Один из организаторов переворота 11 марта 1801 г.

Двадцать третьего мая (по старому стилю) Ф.В. Ростопчин отправил С.Р. Воронцову в Лондон письмо следующего содержания:

> По высочайшему Его Императорскаго Величества повелению.
>
> Милостивый государь граф Семен Романович!
>
> Государь Император, удовлетворяя прошению вашего сиятельства, соизволил вас отставить следующим приказом от 22 Майя:
>
> «Генерал от инфантерии[191] граф Воронцов по прошению его за слабостию здоровья всемилостивейше увольняется от службы с ношением мундира»
>
> и при том предоставляется вашему сиятельству избрать место пребывания вашего, так же и на то, чтобы сын и дочь ваши оставались при вас столь долго, как вы заблагорассудите.
>
> Имею честь пребыть с совершенным почтением и таковою же преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою
>
> Граф Федор Ростопчин
>
> С.Петербург
> Майя 23-го дня
> 1800 года [Архив князя Воронцова 1876: 280–281].

По-видимому, с той же почтой пришла на имя Лизакевича, с отставкой Воронцова вступавшего в права поверенного в делах, шифрованная записка от Ростопчина.

> Pawlowsky. Le 22 May 1800.
> Par ordre de l'Empereur.
>
> Скажите г-ну Лебедеву, что он писал нелепое письмо о сумасшедшем враче, на коего он сам походит, и что если он думает служить сим Государю, то он весьма ошибся.
>
> Граф Растопчин [Архив князя Воронцова 1880: 179].

В понимание подоплеки этого резкого и злого окрика внес путаницу Р.В. Овчинников, написавший в своей статье, что «Лебедев имел неосторожность обратиться к Павлу I с личным письмом,

---

[191] Чин полного генерала С.Р. Воронцов стараниями преданного ему Ф.В. Ростопчина получил вскоре после воцарения Павла I [Воронцов 1876: 33; Рябинин 1879: 309].

в котором ходатайствовал о награждении русским орденом доктора Джона Уайта, начальника Портсмутского плавучего госпиталя. Джон Уайт принимал деятельное участие в спасении экипажа русского судна, потерпевшего в 1800 г. кораблекрушение у берегов Англии» [Овчинников 1960: 75; Лепехин 1999: 192]. По-видимому, Р.В. Овчинников неверно истолковал результаты разысканий М.М. Медведева, который первым установил, что речь шла именно о Джоне Уайте и писал о нем в научно-популярной статье: «За попытку вступиться за своего друга английского доктора Джона Уайта, лечившего русских моряков в плавучих *госпиталях* Портсмута, Лебедев по повелению Павла I был наречен сумасшедшим» [Медведев, Рогова 1960: 11] (курсив мой. — *Я.В.*). Не об одном каком-то кораблекрушении шла речь, а об общем контексте последствий Голландской экспедиции, когда в плавучих госпиталях на рейдах Портсмута и Ярмута лечили под руководством Д. Уайта множество русских моряков и солдат. Хаят Мамуд, к сожалению, потратил много усилий, отыскивая следы этого мифического кораблекрушения, прежде чем пришел к предположению, что доктор Уайт мог лечить моряков из экипажа русских судов, зазимовавших в Англии после Голландской экспедиции [Мамуд 2012: 182, 230–231]. Из английских газет того времени мы знаем, как знал и Медведев, что так оно и было.

Причину столь раздраженного и оскорбительного тона записки Ростопчина можно усмотреть, конечно, просто в том, что Лебедев взялся хлопотать о награждении англичанина в то время, когда Павел I готов был разорвать отношения с Англией. Однако Павел, уже отдав распоряжение о возвращении из Англии русских войск, все же намеревался наградить именно тех из англичан, кто оказывал русским военным и морякам реальную помощь. Поэтому представляется более правдоподобным, хотя и требующим документального подтверждения, предположение Х. Мамуда о том, что Джон Уайт отверг предложенную награду [Мамуд 2012: 182]. В это время в британском общественном мнении, насколько можно судить по газетам, налицо были сочувствие и симпатия по отношению к русским военным, готовящимся покинуть страну[192], но

[192] Например, та же лондонская “The Times”, которая в декабре 1799 г. писала о появлении на Джерси диких русских, пожирающих сырую рыбу, мыло

в то же время нарастала и неприязнь к Павлу I, фактически вышедшему из антифранцузской коалиции и оставившему Англию один на один с могущественным врагом. В этой обстановке известный английский военно-морской врач вполне мог демонстративно отказаться от предложенного Павлом I ордена.

Не исключено, что Ростопчин передал неудовольствие Павла в преувеличенно резкой форме, привнеся в записку собственное раздражение и досаду. Ему было крайне тяжело передавать повеление императора об отставке человеку, которого Ростопчин считал своим старшим другом и к которому относился с восторженным почтением [Воронцов 1876: 33–34; Рябинин 1879: 306–307]. Ростопчин тут же написал Воронцову личное письмо, в котором сообщал, что при чтении его прошения об отставке «не мог удержаться от слез» [Архив князя Воронцова 1876: 283; Рябинин 1879: 331–332]. Возможно, в какой-то мере он выместил злость на Лебедеве.

Что касается объявления Лебедева сумасшедшим, то весьма вероятным кажется высказанное М.М. Медведевым предположение о том, что император Павел сделал это «с легкой руки своего посла в Англии», т.е. памятуя о вышеприведенной записке Воронцова, давшего «музыканту Лебедеву» соответствующую характеристику [Лебедев 1963: 53].

и сальные свечи, через полгода (17 июля 1800 г.) уже рассказывала об исключительной дисциплинированности русских, их образцовом поведении, вызывавшем единодушное восхищение у жителей острова, о бесконечной череде устраиваемых ими для островитян балов и банкетов и, наконец, о прощальном бале, устроенном для русских офицеров весьма опечаленными их предстоящим отъездом местными дамами. Лондонская “The Oracle” (28 мая 1800 г.) поместила пространное описание настоящего праздника, устроенного десятью днями ранее на о-ве Гернси русскими офицерами для английских военных и местных жителей. Торжественный обед, официально устроенный по случаю годовщины восшествия Павла I на престол, в действительности был прощальным. За ним последовал бал для британских офицеров и местной знати, длившийся до четырех часов утра. «Островитяне некогда страшились прибытия этих отважных воинов, — писала газета, — теперь они будут искренне опечалены их отъездом». Наконец, 7 августа в той же “The Oracle” появилась душещипательная «Песнь, сочиненная молодым русским офицером на его родном языке, при прощании с островом Гернси». Заканчивалась она словами: Adieu, adieu, my dearest maid — / The Fates and Paul must be obey’d, что можно перевести примерно как «Прости-прощай, дражайшая девица, — / Судьбам и Павлу я обязан подчиниться».

Из записки Ростопчина, передававшей слова Павла, следовал один неизбежный вывод: путь в Россию теперь для Лебедева был закрыт. Если он хотел ознакомить мир с результатами своих трудов, ему оставалось только публиковать их в Англии. Причем на помощь Воронцова, отставленного и уехавшего в Саутгемптон, он рассчитывать уже не мог, а сменивший вскоре Лизакевича на посту поверенного в делах Я.И. Смирнов[193], как мы знаем, относился к его сочинениям неодобрительно.

Поддержку изданию «Грамматики» Лебедева оказали, скорее всего, «компанейские директоры», от которых он ранее получил, как мы знаем из письма И.Ф. Крузенштерну, разрешение на публикацию своих трудов. Не случайно Лебедев, посвящая свой труд «Достопочтенной Ост-Индской компании», выражает ей свою *благодарность*[194].

Самое первое найденное нами объявление о предстоящей публикации трудов Г.С. Лебедева было помещено в лондонской газете “The Morning Chronicle” от среды, 22 апреля 1801 г. Начиналось оно словами:

> Находится в печати и скоро будет опубликовано in Quarto
>
> Сочинение в двух частях, по цене одна гинея за каждую, в твердых переплетах (in Boards)
>
> ИНДИЙСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ в последовательном раскрытии (Developed), и ГРАММАТИКА смешанных ИНДИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ, обычно называемых МАВРСКИМИ (MOORS), с диалогами на практические и научные темы, такими, как говорят во всех восточных странах, и представляющими собой самую богатую подборку из тех, что когда-либо были доступны европейцам.

Далее идут сведения об «Индийской хронологии», о которой мы отдельно расскажем позже, а затем следует краткая аннотация к грамматике:

---

[193] Это был единственный случай в истории российской внешней политики, когда в роли дипломатического представителя России выступало духовное лицо [Бартенев 1879: 354; Орлов 2008: 23].

[194] “To the Honorable the East India Company this Grammar is inscribed, with the utmost deference, by their grateful, and obliged humble servant, Herasim Lebedeff. London, May 20, 1801”.

Грамматика охватывает все части речи, которые сгруппированы в строгом соответствии с брахманскими систематическими методами, правилами и идиомами. Разъяснена с достоверностью и настолько исчерпывающе, что европейцу, находящемуся в Индии, достаточно изучить одну только эту книгу, чтобы беседовать на наиболее важные темы с брахманами и всеми туземцами в этой обширной империи с легкостью, какой не способна дать ни одна из прежних путанных и полных ошибок публикаций, содержавших грамматику и диалоги на так называемом «маврском».

Автор начал (писать) эту книгу в Калькутте и в течение восьми лет упорно добывал фундаментальные знания касательно религиозного и светского употребительного бенгальско-санскритского языка, смешанных индийских диалектов и других научных принципов, намереваясь расширить поныне еще далеко не совершенные (наши) знания об индийской литературе. Посему он почтительнейше просит офицеров на службе Короля и достопочтенной Компании, так же, как и публику в целом, почтить его своими заказами, адресованными автору, Г. Лебедеву (H. Lebedeff), № 3, площадь Уорвик, Бедфорд-роу, или же м-ру Дебретту, книготорговцу, на Пикадилли, уточняя при этом, какую из двух частей (если только одну) они желают приобрести. Характер и содержание «Хронологии», а также «Грамматики» более детально разъясняются в проспекте, ценой в 1 шиллинг, который можно приобрести у автора.

«Грамматика» будет готова для доставки (заказчикам) в середине этого месяца. О дате выхода в свет «Хронологии» будет дано заблаговременное оповещение.

Отметим, что если лондонский концерт Лебедева состоялся в тот исторический момент, когда англичане еще верили, что Россия останется их союзником в борьбе с Францией, то публикация «Грамматики» пришлась на время после смерти Павла I, когда Лондон ликовал по случаю восстановления англо-русского союза императором Александром.

Цитированное выше объявление было, по всей вероятности, впервые напечатано где-то в начале апреля, поэтому слова «в середине этого месяца» следует понимать как «в середине апреля». Это же объявление с небольшими изменениями было сдано в “Morning Post” 1 мая, а напечатано 8 мая 1801 г. Здесь уже выход «Грамматики» был обещан «10 сего месяца». Но в действитель-

ности книга вышла 26 мая 1801 г. По крайней мере, в этот день Лебедев сдал в лондонскую “The Star” объявление, начинавшееся словами:

> Сегодня издана, в одном томе in Quarto <…> Грамматика чистых и смешанных Ост-Индских диалектов, с диалогами, методически построенная в соответствии с подлинной Брахменской системой Шамскритского языка, в Калькутте
>
> ГЕРАСИМОМ ЛЕБЕДЕВЫМ.
>
> Содержит наиболее полные и точные основания (предмета) из когда-либо изданных в Европе.
>
> Посвящена Достопочтенной Ост-Индской Компании…
>
> … 26 мая 1801 (“The Star”, пятница, 29 мая 1801).

Позднее в «Безпристрастном созерцании» Лебедев вспоминал об этом так:

> Издал я в Лондоне 1801 года собственным моим рачением и иждивением собранную индийских смешанных диалектов народную грамматику, каковой Европа еще никогда не имела; в чем оправдать меня могут все знающие оных диалектов свойство безпристрастныя испытатели, в надежде услужить купеческой Индийской компании. К изданию таковой книги в Лондоне, хотя и ободряем я был весьма лестным для меня обещанием, но событием оного имел я щастие воспользоваться в любезном моем отечестве, от щедрот собственного своего Монарха, когда то же самое издание самолично мною Е.И.В. было поднесено и удостоено было всевысочайшего его приятия и всемилостивейшаго благоволения [Лебедев 1805: X; Русско-индийские отношения 1965: 545].

Справедливости ради следует сказать, что Лебедев напрасно рассчитывал, если писал об этом всерьез, на вознаграждение за «Грамматику» со стороны компании. Реакция со стороны «компанейских директоров» должна была быть скорее гневной, поскольку Лебедев в своей книге подверг резкой критике (по большей части необоснованной) предмет гордости Ост-Индской компании — покойного основателя и президента Азиатского общества Уильяма Джонса и «учащих гиндостанския языки», т.е. авторов предшествовавших грамматик.

Эта критическая направленность книги Лебедева была заявлена уже в ее архаически тяжеловесном, даже по тем временам чересчур длинном названии, которое здесь дается в переводе:

> Грамматика чистых и смешанных Ост-Индских диалектов, с приложением диалогов, применимых во всех восточных странах, методически построенная в Калькутте в соответствии с брахменской системой шамскритского языка. Содержащая буквальное разъяснение сложных слов и иносказательных фраз, необходимое для усвоения идиоматики этого языка, и прочее. Предназначенная для использования европейцами. С критикой ошибок в предшествующих, составленных европейскими авторами грамматиках и диалогах на смешанных диалектах, именуемых «маврскими»; с разбором (recitation)[195] утверждений сэра Уильяма Джонса относительно шамскритской азбуки; и с несколькими образцами восточной поэзии, опубликованными (прежде) в «Азиатских исследованиях»[196].

Судьба этой книги сложилась своеобразно. Сначала она была, что неудивительно, решительно отвергнута современной Лебедеву британской научной и культурной средой. Затем лингвисты XX в. подвергали «Грамматику» по большей части, но не всегда, заслуженной критике, а ближе к нашему времени в ней все явственнее стали обнаруживаться определенные достоинства.

Отношение к «Грамматике» лондонских ориенталистов исчерпывающе выражено в краткой рецензии на книгу, опубликованной в «Азиатском ежегоднике» (“The Asiatic Annual Register”) за 1802 г., одним из издателей которого был тот самый «книготорговец Дж. Дебретт с Пикадилли», занимавшийся прежде продажей книги Лебедева. Приводим полный перевод рецензии.

---

[195] Слово “recitation” в одном из значений может быть понято как «перечисление», «описание последовательности вещей или событий», «изложение подробностей чего-либо», но предполагает, как правило, устный характер коммуникации. В данном контексте оно выглядит не очень уместным. Можно предположить в этом случае поспешную неудачную замену словом “recitation” первоначального “refutation” — «опровержение» (см. английский текст газетного оповещения о выходе «Грамматики», приложение 2, № 13).

[196] “Asiatic Researches” — под этим названием с 1788 по 1849 г. выходил журнал, издававшийся Азиатским обществом.

> В странном заглавии, которое м-р Лебедев предпослал своей еще более странной книге, он забыл проинформировать нас о том, какие именно языки и сколько их он намерен в ней рассмотреть. В самом начале мы видим строфу из современной поэмы на бенгальском, озаглавленной «Видья Сундара»; (грамматические) правила применимы только к маврскому (Moorish) языку; а в словаре отдельная колонка отведена тому, что автор определяет как «гражданский санскрито-бенгальский язык» (“The civil Shamscrit Bengal language”). Несообразность такого термина можно проиллюстрировать, определив словарь итальянского языка как «словарь гражданского латинско-итальянского языка». Что автор имел в виду, утверждая, будто на языках, которые он рассматривает, говорят «во всех восточных странах», понять трудно; еще менее ясно, какое отношение его сумбурная классификация имеет к глубокой и философичной системе индусских грамматистов; и уже совсем непонятно, какая именно часть его работы призвана облегчить изучение санскрита. Хотя опубликованные к настоящему моменту грамматики хиндустани (мы еще не знакомы с работой м-ра Гилкриста), вне всякого сомнения, крайне несовершенны, из книг Хэдли и Фергюсона начинающий почерпнет, как нам кажется, более полезную информацию, чем из рецензируемого труда. Читатель вряд ли ожидает от нас, что мы станем защищать сэра Уильяма Джонса от нападок м-ра Лебедева, основанных лишь на том, что он по ошибке сделал своим стандартом орфографии бенгальское произношение, тогда как сэр Уильям усвоил классическую форму речи Бенареса и Матхуры [Asiatic Annual Register 1803: 41].

Лебедев привез первый выпуск этого ежегодника в Россию [Штейнберг 1956: 267–268]. В четвертом выпуске, содержащем рецензию, «Герасим Лебедев, эсквайр» (Lebedeff G., Esq.) все еще числится среди подписчиков, но вряд ли ежегодник приходил к нему в Россию. Хочется верить, что он не читал этого малоприятного для него отзыва.

Автор рецензии довольно точно указал наиболее уязвимые утверждения в работе Лебедева. Совершенно справедливо его замечание о том, что все упреки Лебедева в адрес Уильяма Джонса и его школы основаны на недоразумении: восприняв от Голокнатха Даша бенгальское произношение санскрита и хинди, он считал классическое северноиндийское произношение Джонса, ставшее потом общепринятым в индологии, непонятным искажением.

Проблема взаимонепонимания между бенгальскими и европейскими санскритологами проявляет себя и в наше время, в чем мог убедиться автор этой книги во время своего полугодового пребывания в Калькутте по приглашению Азиатского общества в 1995 г. Некоторые бенгальские слушатели моих лекций или докладов не распознавали имен общеизвестных мифологических, литературных или исторических персонажей в моем «северном» произношении, а я испытывал иногда сходные затруднения, слушая бенгальских коллег. Впрочем, при хорошем знакомстве с бенгальским языком эта проблема, по-видимому, снимается.

Несмотря на то что в заглавии книги объектом рассмотрения в ней указаны «чистые и смешанные ост-индские диалекты», в действительности, как справедливо заметил русский индолог-лнгвист В.М. Бескровный, в ней «трактуется один язык, если не считать тех моментов, когда автор приписывает хиндустани некоторые грамматические формы бенгальского языка. В книге Г. Лебедева нет санскритской грамматики, если не считать некоторых санскритских грамматических категорий, приписываемых по ошибке хиндустани (например, три рода)» [Бескровный 1957: 40]. Язык, описываемый в «Грамматике», Лебедев называл «смешанными индийскими диалектами», имея в виду, несомненно, хиндустани в его региональных разновидностях, хотя речь в книге идет именно о калькуттской, бенгализированной форме хиндустани. Лебедев справедливо полагал, что неправильно называть этот язык «маврским» (Moors, Moorish), тогда как автор рецензии все еще придерживался этой давней традиции. Пройдет немало времени до того, как описанную Лебедевым форму языка станут называть «базарным хиндустани» (Bazaar Hindustani).

Никаких достоинств не обнаружил в «Грамматике» Лебедева известный индолог-лингвист Дж. Грирсон. «Не только его система транслитерации (*kou hay hooa* = «Кто здесь?») чудовищно неверна, но таково же и все описание грамматической структуры языка. Заключительные слова предисловия свидетельствуют, что он не сознавал несовершенства своей работы, и в то же время курьезным образом освещают нравы европейцев того времени в Индии: “Произношение было настолько выверено в разговорах с местными жителями, что изучающий язык европеец, вне всякого сомне-

ния, с минимальной помощью со стороны *пандита* или *мунши*, да что там: даже со стороны *биби-сахиб*[197], сможет уяснить себе особенности их говора и овладеть индийскими диалектами с невероятной легкостью”». Работа Лебедева, по мнению Грирсона, заслуживала того, чтобы быть отмеченной только в связи с описанными в ней «необычайными приключениями» ее автора [Grierson 1903: 23; 1916: 10].

Дж. Грирсон критически относился не только к «Грамматике» Лебедева, но и к трактованному в ней языку, который он видел сквозь призму «правильных», стандартных форм хиндустани, распространенных в северной части долины Ганга[198]. В своей статье о бенгальском театре, коснувшись лингвистической деятельности Лебедева, он сделал такое язвительное замечание: «Судя по этой грамматике, свое знание хиндустани он почерпнул на калькуттском базаре» [Grierson 1923: 85]. Со временем лингвисты начнут ценить «Грамматику» Лебедева именно как уникальный источник, зафиксировавший «образцы живой речи калькуттских улиц и базаров конца XVIII века» [Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 357].

Разумеется, самоучка Лебедев сильно уступал по степени образованности своим предшественникам Джорджу Хэдли и Джону Фергюссону, по основной своей профессии военным, не говоря уже о современнике — Джоне Гилкристе, военном враче, который проявил себя в качестве неплохого лингвиста. У них за плечами

---

[197] *Пандит и мунши* — соответственно, индусский и мусульманский термин для «ученого»; под мунши, скорее всего, подразумевается преподаватель языка урду [Yule, Burnell 1996: 581]. *Биби-сахиб* — термин, в языке хиндустани обозначавший знатную даму; в колониальной Калькутте относился к индийским женам, любовницам, наложницам английских офицеров и служащих компании [Dalrimple 2002: 26–31].

[198] Если учесть существенные отличия от стандартного хиндустани Дели и близлежащих районов тех форм жаргонного («базарного») хиндустани, которые использовались в иноязычных районах Индии, то «оказываются несостоятельными оба “критерия точности” старых грамматик хиндустани, выдвинутые Грирсоном: 1) различение форм единственного и множественного числа личных местоимений и 2) использование конструкции с послелогом деятеля ne. Как показывают работы С.К. Чаттерджи, формы единственного числа личных местоимений вообще не свойственны большинству жаргонных разновидностей хиндустани, а конструкция с послелогом ne была чужда не только им, но и литературному дакхни» [Зограф 1963: 143].

все-таки была хорошая школа с классическим образованием. Но по поводу замечания Грирсона о «чудовищной» транслитерации у Лебедева необходимо сказать, что, во-первых, в случае Лебедева речь должна идти о транскрипции, так как он фиксировал устную речь, а во-вторых, никакой «правильной» системы транскрипции хиндустани в то время еще не существовало: Хэдли и Фергюссон пользовались разными системами фонетической записи, не совпадавшими одна с другой [Зограф 1961: 10].

Автор анонимной рецензии 1803 г. недоумевал, какое отношение лебедевская «сумбурная классификация имеет к глубокой и философичной системе индусских грамматистов». Грирсон видел «описание грамматической структуры языка» у Лебедева совершенно неверным с точки зрения европейской грамматической традиции. В лебедевской «Грамматике» действительно нет единой выдержанной системы в описании языка, и повинно в этом его вечное стремление во всем создавать какие-то контактные, гибридные, смешанные европейско-индийские формы. Во введении к своей книге Лебедев упрекал предшественников в том, что они пренебрегали собственной грамматической традицией индийцев, ставили ее под сомнение для того, чтобы дать «совершенно недостаточное представление о народе, чья мудрость с древнейших времен была украшением мировой науки и искусства» [Lebedeff 1801: IV; 1963: 5; Бескровный 1957: 39]. Исходя из этого сам Лебедев попытался создать некий синтез европейской и индийской грамматических традиций [Воробьев-Десятовский 1956: 54]. «Не ограничиваясь европейской терминологией, Г.С. Лебедев в большинстве случаев дает и местные наименования грамматических форм <…> За основу принимается санскритская терминология, приводимая в бенгальском произношении (например, Karoc = kārak ‘падеж’ и др.). Наряду с ней попадаются термины собственно хиндустани (Geia = *gayā* ‘прошедшее время’ и др.)» [Зограф 1961: 13]. Благое намерение привело, однако, в данном случае к печальному результату: принять такую эклектическую классификацию европейские лингвисты, естественно, не могли.

Подлинно научную лингвистическую трактовку базарный хиндустани, причем именно в калькуттской его форме, впервые получил в работах крупнейшего индийского лингвиста Сунити Кумара

Чаттерджи (см. о нем: [Зограф 1977]). В своей ранней работе, специально посвященной калькуттскому хиндустани [Chatterjee 1931], он не использовал «Грамматику» Лебедева, хотя «она дала бы ему ценный материал по истории языка и помогла бы расширить ряд выводов, сделанных им на основании наблюдений над современным состоянием калькуттской формы разговорного хиндустани» [Воробьев-Десятовский 1956: 55]. Но в своем предисловии к индийскому переизданию «Грамматики» Лебедева тридцать с лишним лет спустя С.К. Чаттерджи, отметив многие ошибки и неточности в работе Лебедева и объяснив их излишним доверием Лебедева к своему недостаточно компетентному бенгальскому наставнику, признал, что «несмотря на это, работа Лебедева имеет определенную значимость, главным образом историческую. Проницательный исследователь сумеет извлечь из нее ценную информацию о том, как бенгальцы и другие (индийцы) в Калькутте использовали базарный хиндустани, особенно в общении с европейцами. Эта книга займет (в индологии) подобающее ей место как вклад в изучение базарного хиндустани, который служил подлинным lingua franca для народов Индии, говоривших на индоарийских языках» [Chatterjee 1963: 6]. Не исключено, что такой перемене во взглядах С.К. Чаттерджи на «Грамматику» Лебедева содействовало его знакомство, личное и по переписке, с индологами-лингвистами в СССР[199], прежде всего с теми, кто непосредственно изучал «Грамматику» Г.С. Лебедева.

На первое место среди них следует поставить Георгия Александровича Зографа (1928–1993) — выдающегося, всемирно известного российского индолога-лингвиста, автора фундаментальных трудов о языках Южной Азии, многочисленных исследований в области структурной типологии новых индоарийских языков, в свои последние годы — одного из пионеров в деле изучения южноазиатского языкового ареала (см. о нем: [Васильков,

[199] Начиная с первой поездки в СССР в 1958 г. и на протяжении почти двадцати лет С.К. Чаттерджи (1890 — 1977) поддерживал тесную связь с индологами-филологами России и других советских республик. В предисловии автора к русскому изданию своей книги, он подчеркивал общность научных интересов индологов Индии и СССР, пользу обмена идеями и сотрудничества между ними [Чаттерджи 1977: 32–33].

Гуров 1995]). В ранний период своей научной деятельности (с 1954 по 1963 г.) Г.А. Зограф занимался углубленным изучением хинди, урду и хиндустани, истории этих языков и путей формирования в них различных функциональных стилей. Завершением этого периода стали две работы: монография «Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв.» [Зограф 1961] и статья «Калькуттский хиндустани конца XVIII века в освещении Г.С. Лебедева» [Зограф 1963]. В монографии Г.А. Зограф дал краткую характеристику «Грамматики» Лебедева, рассматривая зафиксированный в ней язык как крайнее проявление упрощенной формы хиндустани, используемого в иноязычной среде [Зограф 1961: 15].

Монография в основном описывает литературные формы урду и хинди, привлекая лексику и другие данные из «Грамматики» Лебедева как сравнительный материал. Однако Г.А. Зограф считал, по-видимому, что калькуттскому хиндустани в освещении Г.С. Лебедева еще не было уделено должного внимания, поэтому он дал сжатое, но исчерпывающее описание этого языка на фоне современного калькуттского хиндустани в статье [Зограф 1963], опубликованной спустя два года после выхода в свет монографии. Приведем ниже характеристику «Грамматики» Лебедева из этой работы, которую и сейчас можно считать последним, наиболее весомым словом в науке на этот счет.

> Эта грамматика особенно интересна тем, что калькуттская разновидность разговорного хиндустани конца XVIII в. нашла в ней наиболее яркое отражение. Следует признать, что с методической точки зрения грамматика Г.С. Лебедева далеко не безукоризненна. В этом повинны как слабость общей подготовки автора, вызванная отсутствием у него систематического образования, на что он сам сетовал, так и недостаточное знание санскрита, систему которого он пытался использовать в построении грамматики. Языковые явления, столь многообразные в жаргоне, которым пользовались в Калькутте представители разных индийских народностей, изложены в грамматике Г. С. Лебедева без достаточно строгого отбора и классификации (особенно в разделах, посвященных местоимениям и глаголу), что должно было затруднять практическое пользование книжкой как руководством к изучению языка. Не слишком благоприятное впечатление производит и содержащаяся в обширном предисловии весьма резкая критика автора по адресу его предшественников в из-

учении хиндустани Г. Хедли и Дж. Фергюссона, а также санскритолога В. Джонса. Г.С. Лебедев вменяет им всем в вину использование неверной и дезориентирующей системы передачи индийских звуков латинским письмом и оспаривает правильность освещения отдельных грамматических явлений у Г. Хедли и Дж. Фергюссона. К сожалению, все эти обвинения основаны на недоразумении. Г.С. Лебедев учился у бенгальца, от которого перенял особенности бенгальского произношения, свойственные в основном и калькуттскому хиндустани, и распространил их на хиндустани вообще и на санскрит. Но остальные авторы, по-видимому, в какой-то мере были знакомы со стандартным хиндустани, а В. Джонс исходил из санскрита в его классической форме, так что ничего заведомо дезориентирующего их транскрипция при всем своем несовершенстве не содержала. Несоответствиями локальных разновидностей хиндустани, неизвестных Г.С. Лебедеву, были вызваны и многие из расхождений в трактовке грамматических явлений. Это неудачное предисловие вместе с недостатками построения грамматики и некоторыми сомнительными определениями порождали у исследователей недоверие к самим изложенным в ней фактам.

Тем не менее, каковы бы ни были частные слабости рассматриваемой работы, она имеет для нас неоспоримую научную ценность как богатый и в своем роде единственный источник конкретного материала по одной из старых разновидностей разговорного хиндустани [Зограф 1963: 143–144].

Да, грамматика Г.С. Лебедева в научной строгости, системности и последовательности уступала работам предшественников-англичан, но зато она обладала одним достоинством, которого те были полностью лишены.

В XVIII в. к сочинению по грамматике того или иного языка нередко прилагались диалоги — образцы живой речи на этом языке, иллюстрирующие употребление описанных грамматических конструкций, идиоматику и прочее. Лебедев в этом отношении следовал примеру предшественников. Но диалоги, приложенные к его «Грамматике», поразительным образом отличаются от диалогов в грамматике его предшественника Хэдли или «Диалогов», отдельно публиковавшихся его современниками, преподавателями Колледжа в Форте Уильям: Дж. Гилкриста (на хиндустани) и Уильяма Кэри (на бенгали).

В 1985 г. чикагский антрополог Бернард Кон опубликовал статью, в названии которой обыгрывалось двойное значение английского слова *command* — «приказание, команда» и «господствование, владение»: “The Command of Language and the Language of Command” — «Владение языком и командный язык» [Cohn 1985]. В расширенном виде эта статья стала позднее частью монографии [Cohn 1996: 16–56]. В этой работе именно на материале создававшихся англичанами в конце XVIII — начале XIX в. грамматик, словарей, диалогов и иных пособий для изучения живых индийских языков, прежде всего хиндустани и бенгали, прослежено, как формировался «ориенталистский», в терминологии Э. Саида, колониалистский дискурс. В том, что конечной целью создания всех этих текстов являлось предоставление британским администраторам, купцам и военным знания, необходимого для управления страной, красноречивее всего убеждают именно «диалоги», как теперь мы сказали бы, «разговорники». Они состоят почти исключительно из приказаний или команд, обращаемых сахибами, т.е. «господами», к «туземцам».

В Библиотеке Института восточных рукописей РАН есть экземпляр четвертого издания грамматики Хэдли с несколькими собственноручными пометками Г.С. Лебедева [Hadley 1796]. Темы для «диалогов» здесь весьма характерны. Это приказания мальчику-слуге (groom) («Дай мне мои сапоги», «Принеси хлыст и круглую шляпу», «Подай завтрак», «Завари чай» [Hadley 1796: 141–142]), распоряжения серкару, т.е. домоправителю («Подай мне счет расходов за последний месяц» [Там же: 145]), приказы офицера-европейца солдатам-индийцам [Там же: 151]. Мало чем отличаются по своей тематике «разговорники» Уильяма Кэри [Carey 1801] и Дж.Б. Гилкриста [Gilchrist 1809], с которыми работал Бернард Кон.

Совершенно иные по содержанию диалоги в «Грамматике» Лебедева. Это встречи равноправных и дружелюбных собеседников, «задушевные беседы на повседневные темы» [Simon 2013: 31][200]. Спрашивая дорогу у встречного индийца некий господин (скорее всего, европеец) обращается к нему «Бхаи!», т.е. «бра-

[200] Об этом же говорил в своем докладе на индо-российском семинаре по Г.С. Лебедеву в Калькуттском университете (февраль 2011 г.) профессор Амартья Мукхопадхьяй. К сожалению, материалы семинара остались неизданными.

тец», «друг». В другом диалоге собеседники говорят о погоде и решают, выйти ли им вместе погулять или остаться дома. Некий господин навещает друга, призывает его перестать нежиться в постели, говорит ему о пользе раннего подъема и шутливо угрожает стащить с него одеяло, если тот не встанет. Господин («сахиб») приглашает даму («биби-сахиб») на прогулку в сад, где они беседуют о красоте цветов. В пространном диалоге некий сахиб беседует с продавцом в лавке, слегка торгуется, обращаясь при этом к собеседнику «Бхаи!» Англичанин спрашивает индийца, нравится ли ему в Англии, и предлагает показать ему достопримечательности Лондона[201].

Контраст с диалогами в грамматиках предшественников-англичан должен был шокировать читателя, особенно если учесть, что к этому времени, на протяжении всех 1790-х годов, в британском обществе, как в Индии, так и в метрополии, неуклонно росли расистские настроения. Это должно было способствовать негативному восприятию «Грамматики». Можно предположить вслед за делийским профессором-русистом Кальпаной Сахни, что европейские ученые пренебрегали на протяжении долгого времени работами Лебедева не потому только, что считали их недостаточно научными, но и потому, что его работы не вписывались в сформировавшийся «ориенталистский» дискурс [Sahni 2006].

Основываясь главным образом на «Грамматике» Г.С. Лебедева, работавший в Уругвае индолог Н.А. Алтухов так характеризовал его деятельность: «Он фиксировал то, что видел и что узнал от своих учителей, оставшись свободным от предвзятых мнений, какие мы находим в других книгах, написанных европейцами. Он не осуждал обычаев, образа жизни, традиций, представлений и верований индийского народа. Сравнивая Восток и Запад, он видел скорее сходства, нежели различия. Он верил в единство человеческого мышления и стремился в своем поиске к вечной, универсальной истине» [Altukhow 1981: 14].

---

[201] См., напр., текст лебедевской «Грамматики» на сайте ИЛИ РАН <https://iling.spb.ru/projects/lebedev/hindgram.pdf> (дата обращения: 21.09.2016).

* * *

Одновременно с «Грамматикой» Лебедев, как мы видели, анонсировал выход и следующей своей работы — «Индийской хронологии» (“The Morning Chronicle”, 22 апреля 1801 г.). Когда же «Грамматика» увидела свет, в оповещении об этом, поданном в газету “The Star” 26 мая 1801 г. (опубликовано 29 мая и 2 июня), он сообщал о скором выходе «Хронологии» из печати и о том, что проспект (Prospectus), описывающий содержание этой работы, можно приобрести за один шиллинг у автора или у издателя м-ра Дебретта[202]. Prospectus «Индийской хронологии» не сохранился, но мы можем составить представление о содержании этого лебедевского сочинения по объявлению в лондонской газете “The Morning Chronicle” от 22 апреля 1801 г.

> «Хронология», основанная на трудах древнейших индийских астрономов Башшоти (Bashshotie) и Шурджодая (Shoorjoday), содержит полную систему Мироздания, с древнейшего (Кальпа) периода; ключ к астрономическим построениям (? Arrangements); теорию расширения Атмосферы; с полным объяснением имен планет, звезд и прочего, до сих пор неоткрытого и необъясненного. К чему присовокупляется историческое повествование о КАЙО (*KIO*), владетеле всей Российской Империи, коего можно, по-видимому, считать Завоевателем Севера; с информацией о знаменитом индийском монархе ШОКА-ДИТТЕО, который происходил из рода КАЙО, но время рождения которого наука в настоящий момент установить не в состоянии. Будут также во всех подробностях разъяснены причина и начало нынешней Эры, называемой Шок, по которой индийцы отсчитывают годы[203].

Наибольшее недоумение тут вызывают имена «древнейших индийских астрономов». Оба имени встречаются в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию»: «Бгашшоти» или «Бгаштоти» назван «писателем Лунной системы», которой посвящена первая книга «Безпристрастного созерцания», а «Шурдчжъодой» — «писатель Солнечной системы», которую Лебедев излагает во второй книге. Сколько-нибудь сходных имен реальных индийских астрономов мы не

[202] См. то же объявление в “The Morning Chronicle” (пятница, 3 июля 1801 г.).

[203] Публикуется впервые.

знаем. «Bashshotie»/«Бгашшоти» вполне может быть усеченной формой имени бога планеты Юпитер, санскр. *Брихаспати* в бенгальском произношении. Впрочем, во второй главе первой книги «Безпристрастного созерцания» мы находим имя Брихаспати в форме *Бригошпоти.* Второе имя: Shoorjoday — бенгализация санскритского Sūryodaya — «Восход Солнца». Об эре Шок (т.е. Śaka), отсчитываемой от «кончины любезнейшего и благотворительного последнего индийского монарха Шока Диттьо», говорится в конце второй книги «Безпристрастного созерцания». Имя «ШОКА-ДИТТЕО»/Шока Диттьо передает, несомненно, имя-эпитет некоего легендарного царя: Śakāditya — «Солнце шаков». В индийской традиции происхождение эры Шака, начавшейся в 78 г. н.э., объясняли разными способами, связывая эту дату с разными именами правителей. Лебедев зафиксировал уникальную бенгальскую версию, не известную другим источникам. В шестой главе третьей книги «Безпристрастного созерцания» сказано, что столицей этого древнего царя была «Дака» (Дакка, нынешняя столица Бангладеш).

Насколько мы можем судить по встречающимся в газетном объявлении именам, “Indian Chronology Developed” по тематике совпадала с первой и второй книгами БС (календарь и хронология) и содержала некую квазиисторическую информацию, использованную позднее во второй и третьей книгах «Безпристрастного созерцания». По существу, Лебедев готовил к изданию английскую, вероятно, более короткую версию того, что стало позднее «Безпристрастным созерцанием».

Но в газетном объявлении есть одно странное имя, отсутствующее в «Безпристрастном созерцании». Это некий «владетель всей [территории нынешней] Российской империи», «завоеватель Севера», имя которого в латинице выглядит как KIO и которое я предлагаю читать как *Кайо*. Обоснование такого чтения состоит в следующем. Легенда о последнем великом всеиндийском правителе по имени Śakāditya — «Солнце шаков», столица которого была на территории Бенгала, должна быть как-то связана с тем фактом, что еще в древности в восточную часть Северной Индии (исторические области Бихар и Бенгал) проникли носители иранской мифологии и религиозного культа, которые сумели вписаться в местную кастовую структуру под именем *шакадвипийя-брахма-*

нов, т.е. «брахманов из страны шаков». Шакадвипой, «областью шаков» (скифов-саков) назывался Восточный Иран. Выходцы из Восточного Ирана и их потомки оставили свой след в культуре Бихара и Бенгала. С ними, в частности, попал в Бихар иранский миф о Гайе — первочеловеке-гиганте, принесенном богами в жертву. В знаменитом всеиндийском культовом центре, носящем имя Гайи, этот миф трансформировался в историю о праведном царе-асуре, позволившем богам совершить жертвоприношение на своем теле, которое затем окаменело, а различные его части стали элементами местного рельефа, которым поклоняются паломники [Vassilkov 1999; Васильков 2008]. Имя Гайи Лебедев вполне мог передать как *Кайо*, он часто заменял начальное «Г» на «К», как, например, в названии реки Ганги («Къанкъа»). В таком случае обретает смысл сообщение Лебедева о том, что *Шока Диттьо* был «из рода Кайо»: чтимый *шакадвипийя-брахманами* легендарный царь шаков, правивший из Бенгала всей Индией, представлен здесь потомком более древнего мифологического персонажа тоже восточноиранского происхождения.

* * *

Весть о смерти (как многие догадывались, об убийстве) императора Павла I пришла в Лондон к середине апреля 1801 г., и Лебедев, казалось, мог бы теперь вернуться в Россию. Но хотелось дождаться выхода в свет «Грамматики», что произошло только 26 мая 1801 г. На очереди теперь была публикация анонсированной «Хронологии». Однако выяснилось, что денег на оплату услуг типографии нет. Возможно, Лебедев рассчитывал оплатить печатание «Хронологии» на доход от продажи экземпляров «Грамматики». Однако «Грамматика» расходилась не так быстро, как он надеялся. Тогда Лебедев решился просить о поддержке издания своей «Хронологии» нового императора — Александра I.

Мы знаем об этом из письма Лебедева А.Б. Куракину, которое было послано с курьером из Лондона 11/22 июня 1801 г.[204] С пись-

[204] ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. ст. Ед. хр. 194. Л. 505–506. Впервые опубликовано П.А. Дружининым в 2002 г. Исправляем дату отправки письма, указанную публикатором: одиннадцатому июня по принятому в России «старому» стилю могло соответствовать только 22-е, а не 27-е число по стилю «новому».

мом были отправлены два экземпляра «Грамматики»: один для самого А.Б. Куракина, другой Лебедев просил вместе с «проспектусом» «Хронологии» «повергнуть Его Императорского Величества пред стопы». Через Куракина Лебедев надеялся получить от Александра I разрешение посвятить ему готовящуюся книгу. Он предлагал напечатать «Хронологию» в Лондоне «на российском и англинском языках», от императора только требовалось «милостиво пожаловать такую сумму денег для заплат расходов при напечатании, какую Государь Благоволит». И тут же Лебедев уточнял: «Оне (типографские расходы. — *Я.В.*) будут стоить мне не менее пяти сот фунтов штерлингов» [Дружинин 2002: 188–189].

Пытается Лебедев через Куракина посодействовать и осуществлению давней своей мечты: назначению его на доходное место в чиновничьей «табели о рангах». Ранее он пытался заручиться обещанием Павла I об этой милости, но, как пишет в этом же письме, «не был уведомлен, был ли я за мои ради отечественной пользы великие издержки и труды определен к месту с жалованьем». Теперь же он просит А.Б. Куракина похлопотать о подобной награде для него перед императором Александром.

> Я искренне уповаю, Ваше сиятельство не отречетесь вашего знакомца милостиво воспокровительствовать и исходатайствовать мне от Его Императорского Величества такое пристойное место с жалованьем, каким Его Императорскому Величеству и Вашему Сиятельству будет угодно меня осчастливить. И чтоб мог я возвратить несколько моих издержанных денег, обрести Его Императорского Величества благоволение напечатать оныи на казенной щот, что Его Наипресветлейшим Родителем уже было мне и назначено.

Наконец, чтобы побудить Куракина к поддержке своих интересов, Лебедев напоминает ему о прежде существовавших между ними особых отношениях:

> Случай позволяет мне теперь удостоверить о моей благодарности за прежде полученные милости; и чтобы привести себя Вашему Сиятельству в память, я с неизяснимым удовольствием должен упомянуть 1782 Года то приятное время Вашего Сиятельства в Европе путешествия во свите от шедшаго в вечное блаженство Государя Императора Перьваго Павла, в которое я имел щастие, и особли-

во в Момпильяре, наслаждатся Его Императорского Величества и Вашего Сиятельства благоприятством и милостями; и уведомить, что Вашей персоны портрет, которой при растани[и] нашем Ваше Сиятельство благоволил мне подарить ради напоминания, вояжировал со мною в Инди[и] и Африке, и как совершенно превосходной наилутчим сокровищам, в путешествии на морях, и в пребывании в селениях был мною с обожением храним, для того что я по бессмертию души Тебя, благодетеля моего, буду обожать и в бесконечности [Дружинин 2002: 190–191].

Письмо это, как уже говорилось ранее, самым надежным образом свидетельствует, что Лебедев действительно был «ободрен» к поездке в Индию Павлом Петровичем и людьми из его окружения. Оно же сообщает нам кое-что и о некоторой общности мировоззрения, объединявшего этих сиятельных особ и скромного музыканта. Чем объяснить то, что представитель одной из знатнейших российских семей, позднее прозванный за свою страсть к драгоценным украшениям «бриллиантовым князем», вдруг подарил безродному Лебедеву свой хотя бы и самый миниатюрный портрет? Такое было возможно только в практике масонского братства. «Вольные каменщики» часто дарили друг другу свои портреты, чем можно объяснить расцвет портретной живописи в России именно во второй половине XVIII в. А.Б. Куракин щедро раздаривал свои портреты, поэтому их можно встретить во многих музейных собраниях. Возможность найти когда-нибудь портрет Г.С. Лебедева, разумеется, очень мало вероятна, но все же ввиду существования такой практики дарений не исключена.

Впрочем, несмотря на такого рода напоминания, никакого масонского эгалитаризма в письме Лебедева не ощущается. Обращение к адресату везде в высшей степени почтительное: «Ваше Сиятельство», «Сиятельнейший князь». Назидания «священника Смирнова» явно не прошли даром. И только когда нарастающая крещендо патетика эмоциональных излияний Лебедева достигает высшей точки, вырывается у него то ли библейское, то ли «братское» «Ты»: «Тебя, благодетеля моего, буду обожать и в бесконечности».

Обращаясь к А.Б. Куракину за поддержкой, Лебедев хорошо знал его возможности. При Павле Куракин занимал должность

вице-канцлера и был одним из ближайших к императору людей. В начале правления Александра до 5 сентября 1802 г. он управлял Коллегией иностранных дел. Конечно, он мог походатайствовать за Лебедева перед Александром I. Но сделал ли это, мы не знаем. Опубликовавший письмо П.А. Дружинин сомневался в этом, потому что по возвращении в Россию Лебедев подал Александру I еще одно прошение на высочайшее имя [Дружинин 2002: 193]. Однако в другом прошении, поданном много лет спустя, 30 декабря 1816 г., Лебедев писал императору: «Напечатав в Лондоне на свой же щет составленную мною на индейском общенародном и англинском языках Грамматику, *имел щастие оттуда препроводить Вашему Императорскому Величеству*, а по прибытии моем в Санкт-Петербург, имел я неописанное щастие лично поднести оную Вам, Всемилостивейший Государь» (курсив мой. — *Я.В.*) [АВПРИ. Ф. Коллегии иностранных дел. Административные дела. Р. IV-15. 1817. Д. 4. Л. 4; АВ ИВР РАН. Ф. 90. № 2 — 1226/2. Л. 2]. Отсюда можно заключить, что А.Б. Куракин все-таки передал экземпляр «Грамматики» Александру I и, вероятно, ознакомил императора с лебедевским прошением.

Письмо Лебедева Куракину позволяет сократить лакуну в биографии Лебедева. Хаят Мамуд пишет, что Лебедев вернулся в Россию «вероятно… между июнем и октябрем 1801 г., поскольку его “Грамматика” вышла на английском языке в конце мая 1801 г., а 24 октября он обращается с письмом к императору уже из Санкт-Петербурга» [Мамуд 2012: 183]. Но мы теперь знаем, что он отправил письмо Куракину 11 июня по принятому в России юлианскому календарю. Ответ никак не мог придти ранее первых чисел или середины августа, а Лебедев едва ли решился бы уехать, не получив столь важного ответа на свое письмо. Скорее всего, он дождался ответа от А.Б. Куракина и узнал, что император уже получил «Грамматику», а также положительно относится к его намерению приехать в Россию. Спеша воспользоваться благоприятной ситуацией, Лебедев должен был выехать на родину в конце августа или в течение сентября.

Возвращение в Россию

Первым датированным свидетельством пребывания Г.С. Лебедева после почти четвертьвекового отсутствия в России является прошение, поданное им Александру I 24 октября 1801 г. Причем поданное собственноручно, во время личной аудиенции у императора. Представил его Александру еще один из числа великих современников, с которыми Лебедева не раз сводила судьба: Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813), в будущем национальный герой России, командующий русской армией в войне 1812 г., победитель Наполеона, а в то время, в 1801–1802 гг., военный губернатор Санкт-Петербурга.

Появление М.И. Кутузова в роли очередного покровителя Г.С. Лебедева не удивляет, если учесть, что он принадлежал к тому же кругу российской знати, с которым Лебедев был связан и прежде. Вместе с А.Б. Куракиным он в последние годы жизни Павла I был одним из ближайших к императору людей, оба они ужинали с императором накануне его убийства. М.И. Кутузов был также в давних дружеских отношениях с А.А. Самборским (см., например, РО ИРЛИ РАН, ф. 620, № 114). Известно, что он был «вольным каменщиком» [Серков 2001: 991]. А.Б. Куракин вполне мог попросить Кутузова представить Лебедева императору, хотя бы уже потому, что у военного губернатора столицы было больше возможностей это сделать. По своей должности Кутузов был обязан ежедневно докладывать Александру I о положении дел в городе. По предположению Р.В. Овчинникова [Овчинников 1960: 76], именно во время одного из таких докладов Кутузов и представил императору Г.С. Лебедева.

В своем прошении Лебедев, разумеется, ссылался на то, что, занимаясь в Индии сбором научных сведений, он исполнял волю покойного отца Александра, Павла I. Писал он и о том, что в 1799 г. сообщил из Лондона императору «о желании моем публиковать переводы и собрания мои сперва в России», на что Павел I «соизволил удостоить ответом (который имею при себе), что все будет напечатано на казенной кошт». С просьбой имен-

но об издании своих трудов за счет казны Лебедев обращался теперь и к Александру. Перечисление планируемых к изданию трудов повторяет их список в письме А.Б. Куракину: это «брамгенский алфабет с индийскими и российскими буквами», словарь, «Бенгальская гражданского языка грамматика», «Арихметика», а также переводы индийских текстов по хронологии, этимологии и астрономии. О предоставлении какой-либо должности и размерах жалования в этом прошении речи нет. Как намек на желательность компенсации можно понять только слова Лебедева о том, что во время пребывания в Индии он зарабатывал ежегодно до 5000 рупий и мог бы обеспечить себя на всю жизнь, но потратил все на научные исследования «для пользы соотечественников и славы своего Государя» [Русско-индийские отношения 1965: 492–495].

Александр I через М.И. Кутузова передал прошение Лебедева на рассмотрение статс-секретарю Д.П. Трощинскому. 15 ноября Кутузов направил к Трощинскому Лебедева с его прошением и со своей запиской следующего содержания:

> Милостивый государь мой, Дмитрий Прокофьевич!
>
> Российский подданный Лебедев, возвратившийся из Восточной Индии, просил Государя Императора о отпечатании его переводов разных систем от наук и собраний о разных же предметах на щет казенной, для продажи в пользу его. На что Его Императорское Величество изъявил Монаршую волю и высочайше повелеть соизволил явиться ему, Лебедеву, к Вашему Превосходительству, во исполнение чего представляя его при сем, с истинным и свершенным почитанием имею честь быть, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства всепокорный слуга
>
> Голенищев-Кутузов
>
> [Русско-индийские отношения 1965: 495–496].

Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829), родом из мелкопоместных украинских дворян, достигший высших государственных должностей только благодаря своему исключительному трудолюбию и добросовестности при исполнении всякого рода поручений[205], принял у Лебедева прошение и выслушал его само-

[205] См. о нем: [Семевский 1882].

го. После этого он направил президенту Академии наук барону А.Л. Николаи запрос о том, сколько может стоить казне напечатание представленных Лебедевым трудов. При этом прилагались и сами эти труды, о составе которых мы можем только гадать. Кроме «Грамматики», это мог быть, допустим, перевод «Притворства», текст поэмы «Биддешундор» с русским переводом, английский текст «Хронологии» или черновой вариант того, что станет позднее «Безпристрастным созерцанием». Академики рассмотрели труды Лебедева и обнаружили в них отдельные слова и целые тексты на индийских языках, переданные бенгальским письмом. 28 ноября барон Николаи уже сообщал Д.П. Трощинскому:

> Сочинения, путешественником Лебедевым представленныя, писаны на индейском языке, и, поелику в типографии академической никогда никаких книг на индейском языке не было печатано, то не может она инако исполнить Высочайшей Государя Императора воли, как заведением особливой для сих сочинений типографии, то-есть, зделать пуансоны — пробивать матрицы, и лить индейские буквы на несколько листов. И как по сие время подобного предприятия в типографии не случалось, то не могу точно назначить цены всего к изданию рукописей господина Лебедева принадлежащего.

В этом же письме А.Л. Николаи упомянул о том, что в екатерининское время для того, чтобы осуществить издание Корана на арабском языке, книгоиздателю Шнору отпущено было единовременно 10 000 рублей для устройства типографии и ежегодно выдавалось по 1000 рублей на ее содержание. Впервые цитировавший по рукописи письмо Николаи Р.В. Овчинников сделал к этому месту важное примечание: «В действительности академическая типография в Петербурге уже в первой половине XVIII в. располагала словолитной палатой, а в начале 40-х гг. — пуансонной палатой, имела арабский шрифт и гравировала даже китайские иероглифы» [Овчинников 1960: 77]. Следовательно, отливка бенгальского шрифта была для академической типографии не очень сложным делом, и вряд ли президент АН не знал о такой возможности. Однако он подсказывает Трощинскому и Александру I мысль об учреждении для издания трудов Г.С. Лебедева особой типографии, понимая, что на решение этого вопроса уйдет много време-

ни. Барон Николаи, возможно, старался выиграть время, чтобы академия могла сформулировать свое отношение к Лебедеву и его трудам.

Д.П. Трощинский принял к сведению соображения Николаи и безотлагательно подготовил доклад императору, в котором речь шла уже только о создании специальной типографии. Предварительно он запросил у Лебедева смету предполагаемых расходов, которую приложил к своему докладу. Эта смета («вычет») представляет особый интерес, так как в ней перечислены все работы, которые Лебедев в то время (декабрь 1801 г.) считал завершенными или близкими к завершению.

ВЫЧЕТ

Для напечатания первоначальных сыстем древнейших брагменей о науках и разных нижеозначенных предметов, которые дадут иметь основательное знание о многих азиатских языках, и оных о производстве и что оне и доныне употребляются (никакая европейская нацыя о сем вернаго знания еще не имеет) живущими азиатскими народами в разных местах Европы, Америки, Африки и Азии.

1-е. Шамскритской алфабет, употребляемой во все[й] Восточной Индии; содержит в пятиазбучных отделениях одинаких и сложенных 130 букв; производных 19, означающих произношение и переимянование литер, просодиочных и растановочных имеется 7 знаков.

Для арихметической табели, которая составлена из четырех сот, имеется 6 цыфирей, и к дополнению десятного числа употребляются 4 азбучные буквы. Кроме сих, имеются 10 других цифирей, которые расположены во особливых пяти арихметических отделениях.

Азбучных и цыфирных букв надлежит вырезать 172. Ради букв, за вырезку матрисов и пуншонсов лутчим искуством, за каждую букву для наборов по 10 рублей, за 172 ***1720 руб.***

*З*а гравировку полного алфабета, составленного из вышеобъявленных 130 букв, на медной доске, и за доску, ибо без виду всех 130 букв в пяти азбучных отделениях вместе не можно узнать индейского языка правописание, азбучные и грамматические правила. ***250***

2-е. Словарь на бенгальском и российском языках и на индейском диалекте напечатается на 48 листах в четверку каждая книга. Для 1000 книг потребно бумаги 100 стоп, но 6 рублей каждая. ***600***

За напечатанье 48 листов для 1000 книг, по 20 рублей за лист. ***960***

3-е. Бенгальского языка грамматика (и провинцыальных диалектов, которыми переписываются по все[й] Восточной Индии и особ-

ливо по комерческим делам) на российском, индейском и англинском языках напечатается на 72 листах в четвертку. Ради 2000 книг потребно бумаги 300 стоп по 6 рублей каждая. ***1800***

За напечатание 72 листов для 2000 книг, по 30 рублей за лист ***2160***

7490

4-е. Всенаидревнейшая брамгенская хронология на индейском, российском и англинском языках напечатается на 24 листах в четвертку каждая книга. Для 2000 книг потребно бумаги 100 стоп, по 6 рублей каждая. ***600***

За напечатание 24 листов для 2000 книг, по 30 рублей за лист с табелями ***720***

Для разделения планетных и звездных растояней потребны 3 небольшие доски. ***100***

5-е. Две комедии, неоднократно представленные в Калкоте в собственном Герасима Лебедева театре, напечатаются на 60 листах в четвертку каждая книга на бенгальском, российском и английском языках. Для 1000 книг потребно бумаги 142 стопы, по 6 рублей каждая. ***852***

За напечатание 60 листов для 1000 книг, по 30 рублей за лист ***1800***

6-е. Лирической поемы перевод одного волюма на бенгальском и российском языках напечатается на 48 листах в четвертку каждая книга. Для 1000 книг потребно бумаги 100 стоп, по 6 рублей каждая. ***600***

За напечатание 48 листов для 1000 книг, по 15 рублей за лист ***720***

7-е. Сочинителева жизнь и путешествие, на российском языке полагается быть напечатано на 96 листах, в четвертку каждая книга. Для 1000 книг потребно бумаги 200 стоп, по 6 рублей каждая. ***1200***

За напечатание 96 листов для 1000 книг, по 15 рублей за лист ***440***

8032

7490

За все потребности сумма ***15 522 рубли***

С. Петербург.

2-го числа декабря 1801 года [Русско-индийские отношения 1965: 498–499].

Задача по отливке знаков «шамскритского алфавита», т.е. бенгальского письма, употребляемого в Бенгалии и для санскритских текстов, была, как мы знаем, успешно выполнена. Трехъязычного бенгальско-хиндустани-русского словаря среди дошедших до нас рукописей Лебедева нет, хотя кое-что в архивах можно рас-

сматривать как подготовительные материалы к нему. То же самое приходится сказать и о бенгальской грамматике: не обнаружен до сих пор даже сколько-нибудь законченный рукописный вариант такой работы. Однако в РГАЛИ содержится около 50 листов, содержащих параллельные парадигмы бенгальского языка и хиндустани. Исследовавшая их Е.Р. Крючкова заключает: «Эти записи, безусловно, не являются той самой планировавшейся грамматикой, а только каким-то подготовительным этапом к ней. При этом следует отметить, что там нашли отражение многие важнейшие грамматические явления бенгальского языка. Особый интерес представляет та русская грамматическая терминология, с помощью которой автор пытался описывать эти явления» [Крючкова 2007: 189–190]. На эту изобретенную Лебедевым терминологию впервые обратил внимание Н.В. Гуров: «Для характеристики различных видовременных форм глагола он использует, например, такие термины, как “минувшее исполненное”, “давно исполненное”, “уповательно исполненное”. Мы можем теперь с абсолютной точностью сказать, когда в нашей науке были сделаны первые шаги к созданию метаязыка индоарийской лингвистики» ([Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 358]; ср.: [Волошина 2013: 122]).

«Всенаидревнейшая брамгенская хронология» — это, по-видимому, материал, подготовленный Лебедевым для издания в Англии (“Indian Chronology Developed”) и какие-то тексты того же содержания на русском, легшие потом в основу «Безпристрастного созерцания». Относительно упоминаемых здесь «двух комедий, неоднократно представленных в Калкоте», прежде уже говорилось. Мы знаем, что была представлена в действительности только одна пьеса, Лебедев здесь немного приукрасил ситуацию. Но это упоминание важно, как свидетельство того, что перевод второй пьесы, “Love is the best Doctor”, все-таки существовал и был привезен Лебедевым в Россию, хотя он, вероятнее всего, был незаконченным или черновым. Во все последующие годы Лебедев только в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» упомянул переведенные им «с англинского языка на бенгальский две драммы, из которых одну в 1796 году имел я честь представить два раза». В последней фразе «Предуведомления» он выражал надежду, что ему удастся издать в числе других трудов и «выше по-

мянутые драммы на собственном нашем российском и индийском языках» [Лебедев 1805: X][206].

Относительно перевода «лирической поэмы» сомнений быть не может: это «Биддешундор» Бхаротчондро Рая — вторая, центральная часть его трехчастной поэмы «Оннодамонгол» («Поэма о благодарении Онноде»). Рукопись этого перевода, хранящаяся в фонде А.С. Шишкова РГАЛИ (ф. 1673, оп. 1, № 12), была исследована Е.К. Бросалиной и А.Л. Сладковым. Здесь уже можно точно сказать, что этот перевод, начатый, очевидно, в Индии в 1794 г., остался черновым и неоконченным. Продолжал его Лебедев, несомненно, уже в России, о чем свидетельствуют некоторые примечания переводчика и эпиграф, содержащий хвалу Александру I [Бросалина, Сладков 2009: 95–96]. За каждой строкой бенгальского текста следуют его кириллическая транскрипция и дословный перевод. Но «на некоторых страницах отсутствует русская транскрипция, а на последних трех страницах рукописи, кроме того, нет и подстрочного перевода» [Бросалина, Сладков 2009: 98].

Наиболее интригующим является, конечно, упоминание о «сочинителевой жизни и путешествии, на российском языке» — тексте, наибольшем по объему из всех перечисленных («96 листов в четвертку»). Если бы такой текст действительно существовал и был обнаружен, мы смогли бы заполнить немалую часть из обширных лакун в биографии Лебедева. В свое время высказывалась надежда на находку в архивах рукописи этих автобиографических записок — «крайне интересного и ценного источника для биографии замечательного ученого» [Овчинников 1960: 78]. Однако за все прошедшие годы никаких следов такого рода автобиографии, никаких подготовительных материалов к ней обнаружено не было. Вероятно, Лебедев в первое время на родине

[206] Впрочем, возможно и иное понимание слов «две комедии, неоднократно представленные в Калкоте». В рукописи своего перевода произведения Бхаротчондро Рая «Биддешундор» Лебедев оставил примечание: «Сии слова положены были мною к музыке, и хором, с инструментами пели в первой и во второй камеди[и] в моем театре в Калкоте» [Бросалина, Сладков 2009: 196]. В свете этого получается, что Лебедев планировал издать сокращенный (одноактный) и полный (трехактный) варианты своего «Притворства». Но это представляется странным и маловероятным.

планировал создание автобиографического сочинения, но позднее оставил мысль об этом. В списки своих трудов, составлявшиеся в последующие годы, автобиографию он уже не включал.

Александр I выслушал доклад Трощинского, «очевидно, в середине декабря 1801 г.» [Овчинников 1960: 78], и, судя по всему, счел стоимость расходов по устройству специальной типографии чрезмерно высокой. Трощинскому было дано распоряжение: «Объясниться: не можно ли вырезать доски для напечатания, и с самим Лебедевым, что для него будет можно». Соответственно, Д.П. Трощинский послал запрос в Академию наук барону Николаи: «Не можно ли вырезать доски для напечатания показанных сочинений, не заводя особой типографии, и что сие будет стоить», — и в то же время обратился к Лебедеву. Ответ А.Л. Николаи в архиве не найден, а Г.С. Лебедев, явно обеспокоенный тем, что проект типографии оказался под угрозой, составил новый вариант прошения на имя императора. С этим новым прошением Трощинский и направил его к Михаилу Илларионовичу Кутузову, который вновь показал себя истинным покровителем Лебедева, представив то ли его самого лично, то ли его прошение Александру.

В своем втором прошении, датированном 13-м января 1802 г., Лебедев соглашался начать работу по устройству типографии при ассигновании ему уже не 15 552, а всего 10 000 рублей. Эту сумму едва ли кто мог оспорить, поскольку был указанный бароном Николаи прецедент создания за такие же деньги типографии с арабским шрифтом. Кроме того, Лебедев просил в качестве единственной компенсации за свои труды предоставить ему должность в Коллегии иностранных дел: «Есть ли к преподаванию или к изъяснению языков Восточной Индии нужен человек для верноподданнической Тебе службы, повели, Государь, меня всемилостивейшее причислить к иностранной части» [Овчинников 1960: 79; Русско-индийские отношения 1965: 502]. Александр I к прошению отнесся благосклонно и предложил в деталях рассмотреть его тому же Д.П. Трощинскому, к которому направил и Лебедева.

К статс-секретарю Лебедев явился с адресованной ему запиской, в которой в дополнение к должности в Коллегии иностранных дел просил для себя еще и звания профессора восточных языков. В ней говорилось, в частности, следующее:

25 лет странствовал я, оставя свое отечество, на свое иждивение. Лучшее время моей жизни и мое имущество, доставленное мне собственным моим трудом, пожертвовал я для приобретения знаний, которыми я думал быть полезным для моих соотчичей. Наконец, посвящаемые мною хотя малые плоды Его Императорскому Величеству, но собранные в опасности и в стесненном состоянии, заслужили ныне всемилостивейшее внимание Государя Императора и подают мне надежду получить вскоре спокойствие и отраду в поздних моих летах. Остается вашему высокопревосходительству начатое довершить и сделать меня благополучным, в чем я и не сумневаюся, удостоверясь в Вашем великодушии и справедливости. Причисление к иностранной части с чином профессора (бенгальского языка и индейских диалектов) и жалованье против оклада, профессорам Академии наук определенного, составят мое благополучие.

Герасим Лебедеф

Профессору в год жалованья 1800 рублей
Квартирных 600
2400

[Русско-индийские отношения 1965: 502–503].

Поскольку можно было ожидать, что просьба о дополнительном благодеянии, не упоминавшемся в основном прошении, может вызвать у Трощинского недоумение, М.И. Кутузов счел необходимым еще раз поддержать Лебедева своим письмом от 16 января 1802 г.

Милостивый государь мой, Дмитрий Прокофьевич!

Г. Лебедев, возвратившийся из Индии, которого всеподданнейшее прошение поручено рассмотрению вашего высокопревосходительства, просил меня поручить его в милостивое покровительсто ваше. Я, удовлетворяя желание его, имею честь представить его при сем вам, милостивый государь мой, с запискою, прилагаемой при сем в дополнение всеподданнейшего прошения его, покорнейше прося удостоить его благорасположения вашего... [Овчинников 1960: 79].

В результате Д.П. Трощинский в своем окончательном докладе по делу Лебедева, поданном в конце января 1802 г., испрашивал для него у императора 10 000 рублей на устройство типографии и звание профессора бенгальского языка и индейских диалектов «с

жалованьем против оклада профессорам академии: по 1800 рублей и на квартиру 600 рублей», т.е. всего по 2400 рублей в год [Русско-индийские отношения 1965: 505].

Император наложил на этот доклад следующую резолюцию: «На напечатание книг отпустить из Кабинета по срокам 10 000 рублей. Лебедева ж принять в службу с званием профессора и с жалованием по 1800 рублей из почтовых доходов. *Но куда его в сем звании причислить — нужно объясниться*» (курсив мой. — *Я.В.*).

Кажется, император первым заметил, что просьба Лебедева содержала в себе неразрешимое противоречие. Он просил причислить его к Коллегии иностранных дел с *чином* профессора и жалованием «против оклада, профессорам Академии наук определенного», т.е. таким, каким представлялось ему жалование профессоров академии. Но «чина профессора» в Коллегии иностранных дел, согласно «табели о рангах», не было. Трощинский понимал уже так, что Лебедев просит не о «чине», а о звании профессора, которое позволило бы ему получать в Коллегии иностранных дел не обычное чиновничье, а «профессорское» жалованье. Александр I призвал «объясниться», т.е. разобраться в этой путанице.

Трощинский решил, что надо просто сделать выбор между академией и коллегией. Он склонился в пользу академии и подготовил два именных указа, которые царь и подписал. В первом указе было сказано:

> Господин тайный советник, президент Академии наук, барон Николаи!
>
> Российского путешественника Лебедева, отличившегося сведениями его в восточных индийских писмянах, издавшего в Лондоне грамматику индийских языков и представившего мне многие другие сочинения до сей части принадлежащие и к тиснению им изготовляемые, повелеваю причислить к Академии с званием профессора восточных языков; жалованье же будет он получать из почтовых доходов.
>
> Пребываю в прочем вам благосклонный
>
> Александр
>
> [Русско-индийские отношения 1965: 505].

Второй указ, адресованный Главному почтовому правлению, гласил: «Состоящему в Санктпетербургской Академии наук про-

фессору восточных языков Лебедеву повелеваю производить по 1800 рублей на год из почтовых доходов» [Овчинников 1960: 80; Русско-индийские отношения 1965: 506].

Но прежде чем ввести эти указы в действие, осторожный Д.П. Трощинский решил выяснить, как отнесется к ним А.Л. Николаи и какова в Академии наук процедура предоставления кому бы то ни было профессорского звания. 29 января 1802 г. он направил президенту Академии следующее письмо.

> По предыдущим отношениям моим вашему превосходительсту известен уже российский путешественник г. Лебедев, представивший к изданию собранные им сочинения, до восточных индийских письмен и хронологии принадлежащия. Государь император, пожаловав ему на напечатание их под собственным его смотрением 10 000 рублей из Кабинета, высочайше предназначить ему соизволил звание профессора восточных языков при С.-Петербургской Академии наук с жалованием по 1800 рублей из почтовых доходов. Я счел нужным, предварив о сем ваше превосходительство, просить вас уведомить меня, может ли Академия по правилам ея исполнить от себя сие высочайшее предназначение и облечь г. Лебедева в сем звании, или потребно ей к тому иметь особенный высочайший указ.
>
> В прочем с совершенным почтением честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга Дмитрий Трощинский [Семевский 1904: 717].

Ответное письмо А.Л. Николаи от 31 января 1802 г. поставило крест на планах зачисления Лебедева профессором в Академию наук. Президент академии обосновывал невозможность этого пункт за пунктом. Прежде всего, профессор академии не назначается, а избирается профессорами, сведущими в его специальности, но знатоков индийских языков, способных оценить по достоинству труды Лебедева, в Санкт-Петербургской академии нет.

> Правило, в подобных случаях во всех ученых обществах и в Академии наук наблюдаемое, состоит в том, чтобы человек, желающий удостоен быть звания профессора, показал опыты знания своего сочинениями, и чтобы люди, в том же роде учения упражняющиеся, судя по оным, засвидетельствовали о его достоинстве. А так как при Академии наук нет никого, кто бы судить мог о знании г. Лебедева,

то по сему Академия сама собою, без высочайшего повеления, г. Лебедева звания профессора восточных языков удостоить не может.

Подразумевалось, что император может, конечно, «высочайшим указом» назначить Лебедева профессором, но это противоречит уставу академии. Другой аргумент Николаи состоял в том, что в академии не существовало такого направления исследований, как «восточные языки», было лишь отделение исторических дисциплин. Как прокомментировал это Хаят Мамуд, «даже если Лебедев и получит назначение, его нечем будет занять, при том что жалованье ему платить придется» [Мамуд 2012: 188]. И наконец, размер запрашиваемого Лебедевым жалованья никак не соотносился с академической реальностью.

Не только никто из профессоров, но ниже из академиков, в высших науках упражняющихся, не имеет щастия получать жалования по 1800 рублев в году, и потому определение г. Лебедеву сего оклада и причисление его с оным к Академии, может посеять в многих академиках… некоторый род основательного уныния [Овчинников 1960: 80: Русско-индийские отношения 1965: 507].

Последней фразой А.Л. Николаи как бы подсказывал Трощинскому выход из затруднительного положения: пусть Лебедев получает назначенные ему 1800 рублей в год, но *причислен будет не к академии, а к другому ведомству.* И таким ведомством могла быть только Коллегия иностранных дел.

Трощинский немедля доложил о мнении Николаи императору, и тот приказал аннулировать ранее им подписанные два указа, что и было сделано путем надрезов бумаги по подписи Александра I [Овчинников 1960: 81].

Барону Николаи за его заключение о невозможности зачисления в академию досталось от исследователей биографии Лебедева, писавших в советское время, особенно от Р.В. Овчинникова. По его мнению, Николаи был «человеком, чуждым серьезной научной деятельности, получившим пост президента Академии наук за свою многолетнюю службу в качестве секретаря императрицы Марии Федоровны». Роль его в карьере Лебедева рисуется как «неблаговидная»: «Из-за происков Николаи, который некогда на-

чал свою служебную карьеру вместе с Лебедевым в свите графа А. Разумовского (Николаи — секретарем, а Лебедев — музыкантом), замечательный русский ученый оказался вне стен Академии наук, был лишен возможности в спокойной обстановке завершить свои труды и издать их» [Овчинников 1960: 80–81].

Эти обвинения представляются несправедливыми, а сообщаемые об А.Л. Николаи сведения — неточными. К серьезной науке Николаи был все-таки намного ближе, чем дилетант Г.С. Лебедев: он окончил Страсбургский университет со степенью кандидата права, был одним из образованнейших людей своего времени, воплощением духа Просвещения, дружил с французскими «энциклопедистами» (Вольтером, Д'Аламбером, особенно с Дидро), которые, однако, не поколебали его религиозности. Став учителем цесаревича Павла Петровича, он написал для него в 1772 г. труд «Обозрение политического состояния Европы». Талантливый поэт и драматург, Николаи оставил восемь томов сочинений на немецком языке. Собранная им в имении Монрепо библиотека является сейчас украшением Университетской библиотеки в Хельсинки, она содержит литературу (около 9000 томов) на французском, немецком, итальянском, английском, греческом и латинском языках с XV по XIX в.

По линии Разумовских Г.С. Лебедев и А.Л. (Генрих-Людвиг) фон Николаи никак пересекаться не могли: в 1764 г. молодой немецкий поэт был нанят в Страсбурге для сопровождения в поездке по Европе сыновей Кирилла Разумовского, Лебедев же в это время в России еще только начинал свое музыкальное образование. Зато они могли встретиться намного позже, когда А.Л. Николаи входил в свиту «графа и графини Северных» в их европейском путешествии. Думать, что в это время у Николаи могла почему-либо возникнуть неприязнь к Лебедеву, у нас нет оснований. Гораздо важнее то, что Николаи издавна, с 1762 г., был дружен с С.Р. Воронцовым, и с 1795 г. между старыми друзьями завязалась интенсивная переписка [Архив князя Воронцова 1881]. Сближало их еще и то, что Николаи, хотя и в меньшей степени, чем Воронцов, был англоманом, интересовался философией, наукой и искусством Англии. Интересы отца унаследовал и сын, Павел Андреевич Николаи, который в 1801–1802 гг. был секрета-

рем посольства в Лондоне, ближайшим сотрудником Воронцова, другом его сына и своим человеком в семье.

Позиция А.Л. Николаи по вопросу об определении Лебедева в Академию наук диктовалась отнюдь не личной неприязнью, а соображениями высокого порядка. Во-первых, ему важно было отстоять независимость академии, ее право самой избирать профессоров и академиков. Во-вторых, он стремился к тому, чтобы кандидаты на те или иные должности в академии и книги, рекомендуемые ею к публикации, отвечали требованиям современной науки. В Петербургской академии действительно некому было дать оценку трудам Лебедева. Однако у барона Николаи с 28 ноября 1801 г. (дата его ответа на первое письмо Трощинского) до 31 января 1802 г. времени было более чем достаточно, чтобы поинтересоваться, как реагировало на книгу Лебедева ученое сообщество Британии, и получить от своего сына или от друга, посла С.Р. Воронцова, ответ. Мнение английских ученых о лебедевской «Грамматике», год спустя нашедшее адекватное выражение в рецензии на страницах “The Asiatic Annual Register”, могло быть только негативным, учитывая необоснованную критику Лебедевым Уильяма Джонса и других английских индологов-лингвистов.

Следует учитывать и то, что отказ барона Николаи зачислить Лебедева на должность в Академию наук вовсе не разрушил заветной мечты последнего. Лебедев, как мы видели, на должность в академию отнюдь не стремился. Он изначально хотел получить должность именно в Коллегии иностранных дел, под началом своего покровителя князя А.Б. Куракина, и лишь жалованье получать не такое, как рядовой чиновник, а такое, какое в его воображении должен был получать профессор. Эта подлинная его мечта в конце концов и сбылась.

Четвертого февраля 1802 г. Александр I направил указ в Коллегию иностранных дел.

> Российского путешественника Герасима Лебедева, всемилостивейше пожаловав в коллежские асессоры, в уважение приобретенных им сведений в восточных индийских письменах, повелеваю причислить в Коллегию иностранных дел к Азиатскому департаменту с жалованием, которое он будет получать из почтовых доходов, о чем дать особый Указ Главному почтовому Правлению.

На подлинном подписано собственною Его Императорского величества рукою тако:

АЛЕКСАНДР

С подлинным верно:

В Санкт-Петербурге

февраля 4 1802 года [АВПРИ. Коллегия иностранных дел. Ф. 1. Административные дела. Р. IV-1. 1802. Д. № 5. Л. 1; Русско-индийские отношения 1965: 508].

В тот же день был дан указ и в Главное почтовое правление — о выплате коллежскому асессору Лебедеву в Коллегии иностранных дел жалованья 1800 рублей в год из почтовых доходов.

Семнадцатого февраля 1802 г. в Государственную коллегию иностранных дел из Главного почтового правления поступило письмо следующего содержания:

По высочайшему Именному Его Императорскаго Величества Указу, данному за собственноручным Его Величества подписаниемъ Главному почтовому Правлению въ 4й день сего февраля, въ коем

Написано: «Коллежскому Ассесору Герасиму Лебедеву по знанию его восточных Индейских языков определенному Коллегии Иностранныхъ делъ въ Азиатской Департамент, повелеваю съ 1го Генваря сего года производить жалованья по тысяче осмии сотъ рублей на год из почтовыхъ доходовъ»;

въ Главном Почтовомъ Правленіи ОПРЕДЕЛИЛИ: во исполнение такового высочайшаго Имянного Его императорского Величества повеления высочайше назначенное из почтовых доходов Коллежскому Ассесору Лебедеву жалованье по тысяче по восьми сот рублей на год производить из сего Правления на законномъ основании по третям года, доставляя оныя для выдачи ему Лебедеву въ Государственную Коллегию Иностранныхъ дел; о чем во известие оную уведомить и уведомляется сим сообщением. Февраля 17го дня 1802го года.

Александр Лавинской

Секретарь Михайло Иванов

Столоначальникъ Прохор Кулаков [АВПРИ. Коллегия иностранных дел. Ф. 1. Административные дела. Р. IV-1. 1802. Д. № 6. Л. 1] (копия: [АВ ИВР РАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. № 4])[207].

[207] Публикуется впервые.

25 февраля 1802 г. Герасим Лебедев, как всякий поступающий на государственную службу, был приведен к присяге в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга. Вот текст данной им клятвы.

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ.

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийскаго Престола Наследнику, который назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержеству, силе и власти принадлежащия права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовремянно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей [генеральной, так и по особливой] определенной и от времяни до времяни ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Имянем от предуставленных надо мною Начальников определяемым Инструкциям и регламентам и Указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать; и таким образом себя весть и поступать какъ верному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежит, и какъ я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключении же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

По сей форме присягался

Коллежской Ассесор Герасим Лебедев.

К присяге привел
Исаакиевскаго Собора Протоиерей
Михаил Соколов[208].
1802 Года Февраля 25 дня.

При приводе к присяге свидетелем был
Коллежский Ассесор Матвей Дубинин[209] [АВПРИ. Коллегия иностранных дел. Ф. 1. Административные дела. Р. IV-1. 1802. Д. № 5. Л. 5] (копия: [АВ ИВР РАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. № 4. Л. 2])[210].

По тексту присяги видно, что вступление в чиновную должность на службе императору практически исключало возможность какой-либо иной лояльности и членства, например в масонских ложах, с их тайнами и клятвами. Правда, на участие гражданских и военных чинов в ложах власти при Александре I долгое время смотрели сквозь пальцы, но иногда это могло обернуться и неприятностями, как случилось позднее с хорошо известной благодаря участию в ней А.С. Пушкина кишиневской ложей «Овидий». Мы не знаем, был ли Лебедев прежде формально связан с братством «вольных каменщиков» или просто разделял некоторые популярные в их среде идеи Просвещения. Но теперь, когда осуществилась его мечта, он получил на родине признание, доходную государственную должность, высокий чин в табели о рангах без предварительного восхождения по карьерной лестнице и средства на печатание своих трудов, он, конечно, не стал бы рисковать всем этим. Масонские архивы александровского времени сохранились в достаточной полноте, имени Г.С. Лебедева в них нет [Серков 2001] и, скорее всего, при обнаружении новых источников ситуация не изменится.

Начиная с 1802 г. имя Г.С. Лебедева, коллежского асессора в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел, неизмен-

---

[208] Принявший присягу Г.С. Лебедева протоиерей Михаил Алексеевич Соколов (1762–1829) был настоятелем Исаакиевского собора («Третьего храма») с 1800 г. до конца жизни.

[209] Коллежский асессор Матвей Дмитриевич Дубинин состоял в Департаменте казенных и текущих дел Коллегии иностранных дел «на месте Канцелярского служителя» [Месяцослов 1802: 78].

[210] Публикуется впервые.

но присутствует в «месяцесловах» и «адрес-календарях» — ежегодных справочниках Российской империи, содержащих списки «чиновных особ». Коллегия помещалась во дворце на Английской набережной (сейчас это дом № 32). В середине XVIII в. здание принадлежало семье Куракиных, но затем, по-видимому, в связи с опалой А.Б. Куракина и высылкой его в имение, перешло в казну. Вскоре в нем разместилась Коллегия иностранных дел, для чего здание в 1782–1783 гг. было перестроено знаменитым архитектором Д. Кваренги. Когда А.Б. Куракин при Павле I возглавил дипломатическое ведомство, он в некотором смысле вернулся в старое семейное гнездо. Г.С. Лебедев, однако, недолго служил под началом своего давнего покровителя: 5 сентября 1802 г. коллегию возглавил государственный канцлер и министр иностранных дел граф Александр Романович Воронцов (брат Семена Романовича, русского посла в Лондоне).

Г.С. Лебедев вскоре купил себе деревянный дом в четвертом квартале Рожественской части, на Богодельной (Богадельной) улице, под номером 398 (с 1804 г. — № 439)[211]. Сейчас это Орловская улица, от Таврического переулка за Кикиными палатами идущая строго на север, к Неве. Путь Лебедева от дома до места службы был неблизким, но приятным, пролегая, скорее всего, по невским набережным.

«Безпристрастное созерцание»: Лебедев о религии и науке индийцев

В первые годы Г.С. Лебедев проявил исключительную энергию, перестраивая дом и оборудуя в нем типографию. Довольно скоро ему удалось изготовить индийский (бенгальский) шрифт. Одновременно он писал свою главную книгу. Здесь возникли непредвиденные трудности. Лебедев отсутствовал в России около

[211]См.: [Реймерс 1809: 253; Воробьев-Десятовский 1956: 59].

четверти века. За это время произошла «карамзинская» реформа русского литературного языка, а язык Лебедева принадлежал середине XVIII в., да и по тогдашним нормам был не очень правильным. Готовя свой текст к печати, он, очевидно, осознал, что «священник Смирнов» был прав: его язык и «штиль» устарели. Неслучайно в «Предуведомлении» к своей книге Лебедев писал, что из-за какого-то «утеснения», которому подвергался его отец, он только в 15 лет смог «научиться национальной *тогдашнего времяни* грамоте» (курсив мой. — *Я.В.*). Судя по «Предуведомлению», в нем также росло понимание того, что для серъезных научных занятий его подготовка явно недостаточна. Впервые он допускал, что «исправнейшие испытатели систем и обычаев индийских жителей найдут и за мною недостатки, какие и я нахожу за моими предшественниками». Основываясь явно на собственном опыте, Лебедев предлагал будущим исследователям, «покушающимся на подобные предприятия, чтобы они к оным приступали, усовершась сперва познанием своих собственных наук, и для сообразования с тамошними по крайней мере главнейшия основания оных при себе имели, как-то: славенороссийскую азбуку… грамматику, географию, естественную историю, библию, даже и мифологию».

Заключительная фраза «Предуведомления»[212] свидетельствует о том, что у Лебедева были какие-то серьезные проблемы с художниками, оформлявшими книгу. Скорее всего, эти проблемы возникали в связи с рисованием и гравированием весьма сложной композиции, которую Лебедев назвал «Иконостасом индийцов» (см. ил. 37); вероятно, образцом для нее служила калькуттская лубочная картинка (*paṭa*).

В 1805 г. Г.С. Лебедев отпечатал в собственной типографии свое главное сочинение — «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов», в котором использовал изготовленный им бенгальский шрифт. Это была первая типография

[212] «А посему, естьли угодно будет провидению мою жизнь продолжить и отделить подобные тем затруднения, какие при сем издании случались со мною от художников, за верноподданнический почитаю долг выдать не токмо вышеозначенную грамматику смешанных индийских диалектов, но и бенгальского языка грамматику, словарь и арифметику, и выше помянутые драммы на собственном нашем российском и индийском языках» [Лебедев 1805: X].

в Европе, располагавшая наборным индийским шрифтом. Лишь тремя годами позже в Лондоне начнет работать типография Чарлза Уилкинса, в которой он издаст свою «Грамматику санскритского языка» [Wilkins 1808]. В типографии Уилкинса, помимо бенгальского, был также и другой индийский шрифт — деванагари.

* * *

В «Безпристрастном созерцании» Лебедев ставил задачу описать религию индийцев в соответствии с тем, что ему рассказывали о ней его бенгальские учителя, и с теми представлениями о ней, которые он привез с собой из Европы. Попытка совместить эти два взгляда на индуизм и дала в результате ту причудливую картину индийской религии в «Безпристрастном созерцании», которая долгое время не находила у исследователей убедительной интерпретации.

Ранее уже говорилось, что взгляды Лебедева на индуизм как религиозную систему на фоне представлений современных ему индологов, первых «ориенталистов», выделялись исключительным своеобразием. Индуизм он рассматривал как особого рода христианство. Известную индуистскую триаду верховных богов, *тримурти* (Брахма, Вишну, Шива), Лебедев представлял как «Святую Троицу». Он утверждал, что индийцы, «исповедуя согласно с нами единаго Бога по существу, почитают его в трех лицах нераздельно и неслиянно: и как творение, хранение, так и обновление Мира сего приписывают всей святой Троице, и каждому лицу свое равномощное полномочие и силу». Первым лицом этой «Троицы, называемой на их языке *Тройко*», индийцы почитают «самобытного, самовластного, всепремудрого и всемогущего» «единого истинного Бога, творца видимых всех и невидимых тварей» под именем *Брормго* или *Бромго* (санкр. *Brahmā* [Лебедев 1805: 2, 3, 5, 6]). Имя «второго Троицы лица» — Вишну — Лебедев заменяет именем его земного воплощения Кришны, к тому же в форме, намекающей на тождество этого персонажа с Христом (*Криштьо*, *Криштньо* или *Криштна*), называя при этом Кришну ниспосланным на Землю «воплощением Сына Божия» [Лебедев 1805: 6, 20]. В качестве «третиего тройческого лица» у Г.С. Лебедева в силу известной последовательности индийской Тримурти фигурирует

«Шиб» или «Шив», т.е. Шива. Лебедев называет его «преобразителем» и «обновителем», говорит, что ему приписывается «правление жизнию и смертию всех живущих на земле людей».

Однако какое-либо соответствие между Шивой и Святым Духом христианства обнаружить весьма трудно, поэтому к индийской «Троице» у Лебедева добавляется «некое духовное существо, облеченное формою мира сего, называемое *Шоттьо чъуг*, то есть чистый дух, или, по мнению древних философов, душа мира[213]» [Лебедев 1805: 3, 4, 7]. В более поздней, последней своей работе «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания арифметики…» Лебедев дает этому «духовному существу», четвертой ипостаси Бога, имя «*Адги Атма*… Душа вселенной», имея в виду индуистское понятие adhyātmā, в одном из возможных значений — «Вышний дух», действительно нечто вроде Души вселенной. Таким образом, индийцы, по Лебедеву, почитают единого Бога трехипостасным, «а совокупно с духовным существом, облеченным натурою света» — четырехипостасным.

Создав мир из хаоса и обустроив его, *Брормго*, согласно Лебедеву, поставил стражем над всем созданным «некое духовное существо, именуемое *Моишашур*». Однако этот страж стал потом «начальником» над «злыми ангелами», обуянными гордыней и восставшими против своего Творца. Этот *Моишашур*, «сиречь диавол» — несомненно, асура Махиша (Mahīṣāsura), демон-буйвол, противник богов. По Лебедеву, *Моишашур* сначала одержал победу над войском светлых «духовных существ» во главе с *Индрой*, причем Лебедев почему-то представляет себе *Индру* (царя богов и главного демоноборца ведийской мифологии) «духовным существом» женского пола. И тогда для «возстановления Мира и тишины в кругах небесных и земных» Бог, т.е. «Всемогущий Брормго благоволил низпослать на сие дело премудрость *Дургу*». Так в мир «духовных существ» индийской религии, по Лебедеву, оказывается введенной самая почитаемая в Бенгалии богиня — Дурга

[213] *Шоттьо чъуг* — бенгальское произношение санскритского Satyayuga, что в действительности является названием первого периода (индийского «золотого века») в рамках каждого мирового цикла. *Сатья* означает «истина» или «праведность», а *юга* — «мировой период».

или Кали. Ее главное мифологическое деяние — убийство возглавляющего демонские воинства асуры Махиши — на философском уровне индуизма понимается как победа знания, ведущего к Освобождению, над темными началами в психике, тормозящими духовное развитие. Вот почему Лебедев называет Дургу *премудростью*: он видит в ней христианскую Софию, Премудрость Божию, «безпредельную и вседействующую премудрость зиждителя», разгоняющую силы невежества и мрака.

В «иконостас Индийцов» (см. ил. 37), в центре которого помещено изображение многорукой Дурги и ее льва, убивающих асуру Махишу, включены также другие «духовные сущности», в которых можно узнать индуистские божества. Это богини Лакшми (у Лебедева — *Локки*) и Сарасвати (*Шоршоти*), боги Шива (*Шиб*), Ганеша (*Къонеш*)[214] и Сканда / Карттикейя (*Картик*). К воинству Дурги причисляется и вишнуитский Рама («некое существо, именуемое Рам… едущее на обезьяне, держащее в левой руке лук»). Объясняется это, по-видимому, тем, что антагонист Рамы, десятиглавый и двадцатирукий демон Равана (Рабон или Рабун) рассматривался бенгальскими наставниками Лебедева как военачальник в армии Махиши [Лебедев 1805: 20, 21].

Совершенно искусственной, надуманной является другая параллель «индуизма по Лебедеву» с христианством. В первой книге «Безпристрастного созерцания» за второй главой («О святей единосущней и нераздельней Троице») следует третья глава, озаглавленная «Об Ангелах Индийцами разнопознаваемых». Здесь приводится классификация «духовных существ, наполняющих небесные круги», которая построена по образцу христианской девятичленной иерархии ангельских чинов.

---

[214] У Лебедева Ганеша оказывается почему-то тождествен Джаганнатху: «Изо всех Индийских стран стекается во храм Къонешаев, называемый Чжъакъарнот, в безчисленном множестве народ ради прошения, дабы он ходатайствовал о них всевышнему Богу. Сей Мондир, то есть храм Къонешаев, находится во владении Маратского государя; в котором государстве говорят особенным диалектом, называемым Урия, произшедшим от Шомскритскаго языка» [Лебедев 1805: 26]. Орисса, действительно, входила какое-то время в состав государства маратхов.

Шоур лок	Ангелы
Топ лок	Архангелы
Брормго лок	Херувимы
Шоттьо лок	Серафимы
Бот матарер	Многоглавные
Окънирер	Огнезрачные
Бот оккьорер	Многоочитые
Бот Гатарер	Многоручные
Чоурер бачьу	Шестокрылатые

Все эти сотворенные Богом (*Брормго*) «духовные существа» впоследствии разделились на две партии: добрых, оставшихся преданными своему создателю (*Шоурер лок* или *Шоттьо лок*), и злых (*Ошурер лок*), составивших войско асуры Махиши (*Моишашур*) [Лебедев 1805: 8].

Иерархия организована по возрастанию могущества и близости к Богу: от низшей ступени («ангелы») до высшей («шестокрылатые»). Лебедев сконструировал ее следующим образом. Названия четырех младших ступеней соответствуют названиям небесных миров в пураническом индуизме: Tapaloka «мир подвижнчества», Brahmaloka «мир Брахмы», Satyaloka «мир праведности», неясно происхождение только термина *Шоур лок* — то ли это Suraloka «мир богов», то ли Śūraloka «мир героев», т.е. воинский рай Индры. Однако слово *loka* может означать как «мир», так и «люди, народ; любые существа во множественном числе», в этом последнем значении и использует его Лебедев. Отметим, что первым четырем ступеням лебедевской классификации соответствуют две младшие ступени (ангелы, архангелы) и две высшие ступени в христианской иерархии (херувимы, серафимы). Других Лебедев, скорее всего, вспомнить не мог, но знал, что иерархия должна быть девятичленной. Поэтому он дополнил ее описательными характеристиками, во-первых, изображений «духовных существ» в индийской храмовой скульптуре и живописи («многоглавные», «многоручные») и, во-вторых, ангелов в христианской традиции. При этом «многоочитыми» обычно называют тех же херувимов, а «шестикрылыми» (у Лебедева: «шестокрылатые») — серафимов.

Что же побуждало Лебедева видеть в индуизме особый вид христианства и для обоснования своей точки зрения создавать даже такого рода искусственные конструкции? Этому предлагались различные объяснения. Например, Лебедев стремился «объяснить незнакомые верования и обычаи посредством сопоставления с тем, что привычно для читателя». Кроме того, представляя индуизм христианством, он хотел оградить Индию и индийцев от конфессиональных предубеждений со стороны своих православных соотечественников [Вигасин 2008: 45]. Широко распространено объяснение отождествления индуизма с христианством наивностью и малообразованностью Лебедева: не зная другой религии, кроме православия, он мог воспринимать религию индийцев только через призму христианства. Х. Мамуд после долгих рассуждений о консерватизме менталитета русских, о том, что склад их ума «определялся религиозностью и верой в загробную жизнь», заключает: Лебедев отождествлял индуизм с христианством потому, что увидел «в мироощущении индийцев отражение ментальности русского человека» [Мамуд 2012: 247]. По существу это можно понять так: Лебедев интерпретировал индуизм как христианство потому, что он и сам в силу своего околоцерковного воспитания обладал средневековым, религиозно-мифологическим сознанием.

Но были и более близкие к истине объяснения. Например, В.С. Воробьев-Десятовский считал что Г.С. Лебедев постоянно проводил параллели между индуизмом и христианством, имея целью «доказать общность их происхождения», и объяснял это, в конечном счете, «уровнем развития общественной мысли того времени» [Воробьев-Десятовский 1956: 60]. Еще конкретнее определила источник взглядов Лебедева на индуизм Ф.М. Кемп. По ее мнению, стремление Лебедева сблизить индуизм с христианством базируется на его убеждении в изначальном единстве человеческого рода, а это убеждение, в свою очередь, восходит к «некоторым тенденциям (в идеологии) Просвещения XVIII века» [Kemp 1958: 151].

Теперь не приходится сомневаться в том, что поездку Лебедева в Индию за знаниями и его подход к индуизму как к наследию перворелигии человечества, «первохристианства», следует рассматривать на фоне идеологии Просвещения в ее религиозном ва-

рианте. Идеи, вдохновлявшие Лебедева, были им почерпнуты отнюдь не в консервативном мировоззрении крестьянства или околоцерковных кругов, а у просвещенных представителей высшей дворянской элиты второй половины XVIII в., в среду которых, как мы знаем, был вхож Г.С. Лебедев.

Надо сказать, наипросвещеннейший лидер первых британских «ориенталистов», основоположник научной индологии и индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, учредитель и глава Азиатского общества Бенгалии сэр Уильям Джонс в своих взглядах на древнейшую историю мировой культуры немногим отличался от Лебедева. Как показывают современные исследования, деятельность Джонса, с одной стороны, открывавшая новые научные направления и содействовавшая высвобождению востоковедения из-под власти теологии, с другой стороны, сама была в известной мере теологичной [App 2009: 77]. Джонс, как и Лебедев, видел своей главной задачей согласовать информацию впервые открывавшихся перед европейцами, поражавших своей древностью индийских источников с библейской картиной мировой истории. В нескольких своих ежегодных президентских речах («беседах», Discourses) на заседаниях Азиатского общества Джонс попытался гипотетически проследить происхождение и распространение по миру человеческих языков, мифов и религий. Как и Лебедев, Джонс полагал, что божественное Откровение в его самом чистом виде было дано Богом при сотворении мира первочеловеку Адаму [App 2009: 75]. После потопа человечество — потомство трех сыновей Ноя и, соответственно, некоего единого пранарода — распространялось из одного центра, предположительно на территории древнего Ирана. Важнейшим центром сохранения и дальнейшего распространения древних знаний, по мнению Джонса, была Индия, где нашли приют внуки Ноя: «Куш, Миср и Рама (имена которых в неизменном виде сохранены в санскрите и почитаются индусами)» [Jones 1799: 486]. Именно у Джонса позаимствовал Лебедев вполне для себя органичную идею о том, что древняя ученость некогда распространилась из Индии в Египет, Китай, Грецию и Италию (см., например «Беседу девятую: о происхождении и семьях народов», прочитанную Джонсом в Азиатском обществе 23 февраля 1792 г. [Jones 1799]). Но человечество в массе

своей утратило богооткровенную перворелигию, обратившись к политеистическому мифотворчеству и идолопоклонству. За пределами библейско-христианского наследия только в таких текстах, как веды и упанишады, комментарии к ним Шанкары, стихи суфийских поэтов, сочинения индийских и греческих философов, Джонс надеялся уловить отдаленное эхо допотопного, «адамического» прамонотеизма [App 2009: 76].

Картина религиозной истории человечества, начертанная Джонсом, в целом сходна, как мы видим, с такой же картиной в представлении Лебедева. Разница лишь в акцентах, но она влечет за собой очень серьезные следствия. Джонс полагал, что наследие перворелигии представлено только в некоторых текстах древности, современный же индуизм есть продукт деградации[215] и ожидать от современных индийцев правильной интерпретации древних религиозных текстов не приходится. Лебедев же, напротив, считал современный индуизм вполне достоверным, лишь слегка затемненным «некоторыми суевериями предков и пришельцов» выражением богооткровенного прамонотеизма, а потому обращался за сведениями о санскрите и за разъяснением древних текстов к бенгальским учителям.

Как и в случае с «Грамматикой», абсолютное доверие Лебедева своим бенгальским наставникам в «Беспристрастном созерцании» не во всем пошло ему на пользу. Голокнатх Даш и другие информанты Лебедева определенно были почитателями наиболее попу-

---

[215] Первые «ориенталисты» круга Уильяма Джонса имели прекрасное классическое образование и знали из античных и эллинистических источников о существовании в древней Индии гимнософистов, «нагих философов», поражавших пришельцев (таких, как Александр Македонский или Аполлоний Тианский) своей мудростью (см., напр.: [Halbfass 1990: 2–23]). В Индии они обнаружили санскритские религиозно-философские тексты, дошедшие из глубокой древности, но представители доминировавших в конце XVIII в. религиозных культов казались им утратившими связь с древним наследием. Формированию у «ориенталистов» пренебрежительного отношения к живой религиозной культуре Индии способствовало и их знакомство с индийским традиционным учением о четырех веках (югах) в развитии человеческого общества, смена которых, от первого, совершенного и праведного века (крита-юга или сатья-юга), подобного «золотому веку» греков, до нынешнего века (кали-юга), наихудшего из всех, отмечена нарастанием деградации и упадка [Rocher 1993: 226].

лярной в Бенгалии богини Кали (Дурги), возможно, связанными с ее главным храмом — Калигхатом. Из санскритской литературы они лучше всего были знакомы, по-видимому, с индуистскими пуранами. Что касается четырех ведийских самхит, почитаемых как богооткровенные первоисточники всей ведийско-индуистской традиции, то представления о них были, насколько можно судить по описанию их в «Предуведомлении» к книге Лебедева, весьма смутными. Главной из самхит здесь названа *Шомо бед*, т.е. Самаведа, «Веда напевов». Однако в силу того, что в бенгальском произношении санскритское sama(n) «напев» и Soma «месяц» одинаково звучат как *шомо*, Лебедев переводит *Шомо бед* как «Книга лунная, или луннаго времяни». Вероятно, Лебедев следовал здесь за Голокнатхом или другим информантом, который воспользовался в данном случае популярным в традиционной индийской науке приемом «этимологической реинтерпретации», когда термину или имени, основываясь на созвучии, приписывают новое значение, отвечающее представлениям автора. *Яджурведа*, «Веда жертвенных формул» описывается как *Чъочъур бед*, т.е. «Душепитательная или нравственная книга» (?). *Ригведа*, «Веда гимнов (*рич*, *риг*-)» представлена у Лебедева как «третия — Рит бед, а народно называемая Рик бед: в ней описываются кругообращения планет и временные по оным изменения». Для того чтобы сделать возможной такую интерпретацию Лебедеву (или его информанту) понадобилось «реконструировать» несуществующую форму *Рит бед*, позволяющую увидеть в первом компоненте продолжение санскритского *ритý* — «время года» или ведийского *ритá* — «круговорот времен года». Наконец, Атхарваведа, «Веда Атхарвана», представляющая собой собрание заговоров и заклинаний, описана как «Оторбо бед, народно называемая Уттор или Оттор бед; в ней описывается размер и состояние уделов света». Здесь содержание этой самхиты определяется по созвучию диалектального произношения в бенгали или базарном хиндустани санскритского *uttara* «северный» или *uttarā* «северная сторона света» [Русско-индийские отношения 1965: 543].

В «Безпристрастном созерцании» можно встретить немало такого рода «этимологических реинтерпретаций». Например, одна из грандиозных единиц мирового времени, насчитывающая мно-

гие миллионы человеческих лет, называется на санскрите *манвантара* «период [начинающийся правлением] Ману»[216]. Лебедев же, оспаривая У. Джонса и читая это слово по-бенгальски — *Моннонтора*, поясняет, что оно состоит «из двух оных речений: *Мон* небесная твердь и *Онтора* конец» [Лебедев 1805: 18].

«Духовные сущности» в «системе» индуизма по Лебедеву порой комбинируются и сливаются без всяких на то оснований в реальной религиозной мифологии. Так, другим именем Шивы (*Шиб*) является *Биштньо*, т.е. Вишну [Лебедев 1805: 6]! В одну «духовную сущность» женского пола оказываются слиты индуистский бог планеты Юпитер Брихаспати, царь богов, воитель Индра и богиня процветания и плодородия Лакшми (у Лебедева: «*Локки*, или *Бригошпоти*, иначе именуемая *Индро*, а народно *Индра*», «наместница премудрости, то есть Юпитер») [Лебедев 1805: 19, 21].

Выше уже говорилось об «иконостасе Индийцов», оригиналом для которого послужила, по-видимому, либо храмовая картина на ткани, либо народная (уличная, «лубочная») картинка. На ней были представлены Великая богиня — Дурга (Кали) и различные божества, по мнению ее почитателей связанные с ее мифом и культом. По сути дела, это индуистский пантеон, каким представляли его себе калькуттские бенгальцы — информанты или наставники Лебедева. Для него же это изображение «премудрости Божией Дурги» и различных связанных с нею «духовных сущностей». Как могло случиться, что почитатели Великой матери содействовали Лебедеву в его христиански-монотеистической интерпретации индуизма, превращающей Тримурти в Троицу, а грозную и требующую кровавых жертв Кали — в Софию, Премудрость Божию?

Известно, что не только Джонс, но и некоторые другие ориенталисты его круга занимались поисками параллелей между мифической историей санскритских текстов и библейской историей. В частности, член Азиатского общества лейтенант Фрэнсис Уилфорд обнаружил в пуранах индийский миф о потопе, который действительно имеет сходство с библейским и, возможно,

---

[216] Герой по имени Ману, каждый раз после вселенской катастрофы в начале нового мирового периода возрождающий и просвещающий человечество.

связан с ним генетически (см.: [Vassilkov 2013–2014; Васильков 2016; Vassilkov 2016]). В тексте, который он считал относящимся к «Падма пуране», ему встретился рассказ о том, что герой мифа о потопе Ману Сатьяврата имел трех сыновей: Джьяпети, Чхарма и Шарма; в простонародном произношении имена двух последних звучали будто бы как Чхам и Шам. Любимцем царственного патриарха был Джьяпети, которому он даровал все земли к северу от Гималаев, простирающиеся от моря и до моря, включая Кавказ. Шарме (Шаму) достались все земли к югу от тех же гор. А Чхарма (Чхам) был проклят отцом за то, что смеялся, когда увидел наготу отца, царя Сатьявраты, выпившего слишком много вина; и стал он рабом у рабов своих братьев [Wilford 1799: 312–313]. В этой истории безошибочно узнавались библейский Ной с сыновьями Яфетом, Симом и Хамом, а также эпизод с наготой пьяного Ноя и проклятием Хама. Тем самым была как бы бесспорно доказана истинность библейской истории.

«Открытие» Уилфорда чрезвычайно воодушевило Джонса, который тут же использовал его в своей вышеупомянутой «Беседе девятой», основав на нем фактически всю свою картину распространения человечества по земле [Jones 1799]. Однако очень скоро выяснилось, что «пуранический текст» о «Ное и его сыновьях» — подделка. Пандит, помогавший Уилфорду в его поисках, желая, видимо, сделать ему приятное, собственноручно написал текст о сыновьях Сатьявраты на листке, который он искусно обработал «под старину» и затем вложил в рукопись пураны. Убедившись, что текст произвел нужное впечатление на Уилфорда, он затем изъял его, опасаясь разоблачения. Но как раз исчезновение листка и вызвало у Уилфорда подозрения, в результате чего обман был раскрыт [Teignmouth 1835: 157–159][217].

Это самое красноречивое свидетельство того, что индусские пандиты, сотрудничавшие с европейцами, подыгрывали последним в их стремлении сблизить индуизм с христианством. Отчасти

[217] Упомянем здесь также, что пандиты, составлявшие свод санскритских юридических текстов, впоследствии переведенных через посредство бенгальского и персидского на английский, в предисловии к итоговому изданию [A Code of Gentoo Laws 1776] высказывались в духе религиозного универсализма и деизма, находясь, очевидно, под влиянием У. Хэйстингса и Н.Б. Халхэда [Halbfass 1990: 56].

они делали это в своих интересах, желая доказать, что индуизм не уступает по древности христианству или даже превосходит его[218]. Сходными мотивами руководствовались, возможно, бенгальские учителя и информанты Г.С. Лебедева. Если он что-то конкретно искал, богатство индийской мифологии позволяло ответить на любой вопрос. Спросит он, например, есть ли в индийской религии понятие божественной триады — сразу можно вспомнить концепцию *тримурти*. На вопрос, есть ли в индусском космосе борьба светлых и темных сил, ответ готов: есть боги (санскр. *sura*, у Лебедева: *Шоурер лок*), ведущие борьбу с антибогами (*asura*, у Лебедева: *Ошурер лок*). Вот откуда появляются в «Безпристрастном созерцании» добрые и злые, падшие «ангелы». Архизлодей, богоборец и враг всего святого, глава темных сил? Конечно, для почитателей Кали (Дурги) это асура Махиша, демон-буйвол (у Лебедева: *Моишашур*). А кто же возглавляет ангельское воинство? Разумеется, Кали (Дурга), самая чтимая богиня в Калькутте, убийца Махиши, грозная истребительница сил мрака и невежества. Она и превращается у Лебедева в «премудрость Божию» *Дургу*-Софию.

Разумеется, такая позиция информантов и учителей Лебедева способствовала созданию им искаженной картины индуизма. Но в чем-то общение с бенгальцами давало Лебедеву определенное преимущество даже перед намного превосходящим его научной подготовкой, эрудицией и талантом Уильямом Джонсом. Надеясь выявить наследие богооткровенной перворелигии в философии упанишад (представление о которой было тогда еще весьма смутным), Джонс видел в мифологии индуизма «систему религиозных небылиц (fables)», а в почитании индуистами богов — идолопоклонство[219] (idolatry; «Беседа

---

[218] Не исключено, что у некоторых представителей бенгальской интеллигенции, сотрудничавших с первыми индологами-европейцами, уже в то время вызревала идея монотеистической интерпретации упанишад и других древних текстов, благодаря которой индуизм сближался с христианством. В будущем эта идея получила воплощение и развитие у мыслителей Бенгальского Возрождения, родоначальником которого был Раммохан Рай (Рам Мохан Рой, 1772–1833; см. о нем: [Рыбаков 1996; Скороходова 2008]).

[219] Что не мешало Джонсу сочинять на английском гимны индийским богам, в подражание античным образцам (см.: [Teignmouth 1807: 234–320]).

в третью годовщину», 2 февраля 1786 г. [Asiatick Researches 1788: 426]). Что касается Лебедева, то для него было несомненно существование у современного ему индуизма с его мифологией и иконографией философско-теологического уровня. Не случайно среди «главнейших Восточной Индии брамгенов начал, на коих они утверждаются», Лебедев называл, наряду с санскритской «азбукой», «словарем» и «арифметикой», *веданту* — «Бед анто», «Книгу откровения» (под которой он, правда, понимал совокупность четырех вед [Русско-индийские отношения 1965: 543]). В мифах и образах божеств он видел теологические аллегории и решительно выступал против господствовавшего среди европейцев представления об индуизме как о «языческом» многобожии и идолопоклонстве. Описав «иконостас индийцев», Лебедев заключает:

> Все сии аллегорическия изображения кажутся быть подобными обыкновенным в древности Мифологическим баснословиям.
>
> Да и неудивительно, ибо не одни Индийцы, но и целый свет, до некотораго времяни совершеннаго понятия о богопознании лишался… но что касается до нынешняго их исповедания, то оно есть не что иное, как некоторыми суевериями предков и пришельцов запутанное Христианство; как-то явствует из предуведомления и первых первыя части глав.
>
> А по сему и все изображаемыя здесь духовныя существа не значат особенно признаваемых ими богов, как некоторые толкуют; но они суть те духовныя рода мужескаго и женскаго существа, которыми по мнению Индийцов наблюдается благоустройство и равновесие во всех частях видимаго и невидимаго света [Лебедев 1805: 28–29].

Такого рода высказывания Г.С. Лебедева дают основание заключить, что он, в отличие от У. Джонса, видел в *современном* ему индуизме монотеистическую, сотериологическую религию, одну из мировых религий, имеющую много общего с христианством и так же, как христианство, являющуюся продолжением богооткровенной перворелигии человечества.

* * *

В конце первой части своего труда, завершив свой комментарий к изображению «премудрости Дурги» в «иконостасе Индийцов», Лебедев замечает, что так выглядела Дурга в течение «первоначального века лунного», который у него тождествен «золотому веку» индийской мифологии, *Сатья-юге* (*Шоттьо чъуг*). Но с началом «второго века по системе лунной, а по солнечной первого, именуемого *Дуа-Пор Чъуг*» (санскр. *Двапара-юга*), «тую же премудрость Дургу Индийцы представляли уже в образе мужа». Для ясности он приводит еще одну иллюстрацию: «А как они и по ныне образ божества сего представляют, подробное онаго описание и с картиною его здесь читателям предлагается» [Лебедев 1805: 29].

Лебедеву это изображение «Дурги в образе мужа» (см. ил. 38) кажется весьма сходным с изображением «на престоле славы сидящего Саваофа», из чего он заключает, что «премудрость Дурга не что иное у Индийцов обозначает, как первое лицо святыя Троицы» [Лебедев 1805: 30]. К такому неожиданному выводу Лебедев приходит, очевидно, под влиянием как своих бенгальских наставников, почитавших Кали-Дургу как верховное божество, так и современных ему европейских масонов, наделявших исключительным значением «Софию Премудрость Божию».

До самого конца первой части книги (стр. 30–32) Лебедев занят разъяснением символического значения атрибутов, которые изображенная «особа» держит в каждой из своих шестнадцати рук.

«В первой на правой стороне держит она сердце, которыми означается любовь Божия к созданным от него тварям.

Во второй руке держит скрипку, в знак того, что всего создания согласие и порядок от него единого зависит».

Продолжать не имеет смысла. Все эти толкования — плод фантазии Лебедева, да и само изображение с индийской иконографией не имеет почти ничего общего. Неудивительно, что у индийцев оно может вызвать разве что недоумение и насмешки. Индийский литературовед-русист и культуролог Кальпана Сахни заподозрила в предмете, который Лебедев называет сердцем, изображение перевернутой бутылки, а появление в другой руке божества скрипки объяснила пристрастием Лебедева к этому инструменту, посколь-

ку он, по ее мнению, был скрипачом [Sahni 2006; Sahni 2010: 66–68]. Но Лебедев повинен только в фантастической интерпретации картинки. Скрипкой и прочими атрибутами наделил изображаемое «индийское божество» автор гравюры, которую использовал Лебедев, — Бернар Пикар (Bernard Picart; см. ил. 39).

Скорее всего, уже в Петербурге Лебедеву попал в руки семитомник, выдержавший в XVIII в. несколько переизданий на разных европейских языках, «Религиозные церемонии и костюмы всех народов мира». Эта книга, изданная впервые в Амстердаме двумя протестантами: гравером Бернаром Пикаром и литератором и издателем Жан-Фредериком Бернаром, должна была прийтись Лебедеву по душе. Это было первое в европейской литературе издание энциклопедического характера, описывающее различные религии мира *не* с позиций евроцентризма и христианской апологетики. Пикар и Бернар искали в религиях мира скорее сходства, чем различия, они основывались на убеждении, что все религии, каждая своим языком, свидетельствуют о существовании единого Бога или божественного начала. В наши дни труд Пикара и Бернара называют «книгой, которая изменила Европу» и от момента его появления отсчитывают историю новой в Европе научной дисциплины: сравнительного религиоведения [Hunt, Jacob, Mijnhardt 2010; Stuurman 2010: 15–16].

Гравюра Б. Пикара из третьего тома «Религиозных церемоний и костюмов» изображает, несомненно, Шиву (*Ixora* — искаженное *Īśvara* — «Владыка, Господь», имя-эпитет преимущественно Шивы). Б. Пикар, создавший эту гравюру в 1728 г., в Индии не был, а свои изображения индийских божеств и религиозных обрядов основывал не столько на изобразительных, сколько на письменных источниках, относящихся к более раннему времени, главным образом, вероятно, к XVII в. Знания об Индии в то время у европейцев были все еще весьма ограниченными и смешанными с вымыслами, поэтому и изображение Шивы на гравюре имеет мало общего с реальной иконографией этого бога. Почти все атрибуты в шестнадцати руках изображенной Пикаром фигуры являются вымышленными. Соответственно, и толкование Лебедевым предполагаемого символического значения этих атрибутов и картины достоверной информации не содержит.

В целом описание Лебедевым в первой части «Безпристрастного созерцания» доктрины индуизма создавало об этой религии, надо признать, превратное представление. Достоинством, как уже сказано, можно считать лишь то, что Лебедев, в отличие от британских ориенталистов, видел в современном ему индуизме не «идолопоклонство» и «мифологические баснословия», а великую, достойную всяческого уважения религию. Он даже верил, что знакомство с этой религией может послужить духовному прогрессу всего человечества, способствовать установлению «желаемого между народами дружелюбия», а также достижению «всеобщего и всемирного блага» [Лебедев 1805: X].

Полезных сведений о действительном характере индуизма в Бенгалии первая часть «Безпристрастного созерцания» нам не дает, зато она очень наглядно показывает нам, какой хотел видеть индийскую религию человек эпохи Просвещения — Герасим Лебедев, и какой представляли ему эту религию его бенгальские информанты.

Россиянину — современнику Лебедева, доведись ему побывать в Индии, могли бы, впрочем, пригодиться содержащиеся в четвертой главе первой части книги сведения об индийских названиях планет и образованных от них названиях дней недели, а также некоторые сведения о единицах измерения времени в главе шестой.

Еще богаче реальными сведениями об индийской науке вторая часть книги. Здесь Лебедев приводит явно почерпнутые им в «Астрономических индийских календарных табелях»[220] [Лебедев 1805: 42] по большей части достоверные сведения об известных индийцам планетах, а также точный список двадцати семи *накшатр* — астеризмов лунного зодиака ([Лебедев 1805: 43–44]; ср. такой же список, но с указанием соответствия накшатр группам звезд или отдельным звездам, выступающим как «лунные стоянки» в европейских лунных каталогах: [Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 275]). Вполне достоверны также списки индийских календарных месяцев с их знаками по солнечному зодиаку и шести индийских времен года [Лебедев 1805: 47–49].

---

[220] Имеются в виду, очевидно, индийские астрологические календари — *панчанги*.

Более всего места во второй части книги занимает индийский календарь на весь 1716 год по эре Шака, первый день которого соответствовал 11-му апреля 1794 г. по европейскому «новому штилю» [Лебедев 1805: 57–129]. Как указывает сам Лебедев, это перевод подлинного индийского календаря, выполненный им при помощи индийского астронома и переводчика-посредника [Там же: 133]. Он представляет собой таблицу, в которой при названии каждого дня всех двенадцати месяцев (например, «*Будго Бар* — день Меркурия») указан его порядковый номер в неделе («4», т.е. четверг), его номер по лунному счислению (*титхи*), затем ночное созвездие этого дня, время восхождения Луны в этом созвездии, утренняя звезда этого дня и время ее восхождения, а также некоторые другие данные. В целом можно согласиться с характеристикой В.С. Воробьева-Десятовского: «Содержащиеся в этой части сведения весьма оригинальны, и количество неправильных сопоставлений незначительно» [Воробьев-Десятовский 1956: 60].

Видимо, почувствовав, что чтение, а точнее изучение этого многостраничного «Восточной Индии брамгенского календаря» может утомить «любознательных соотчичей», Лебедев в заключение приводит от себя перечень месяцев индийского года, соотнося каждый из них с европейскими месяцами и давая каждому, я бы сказал, поэтическую характеристику. Описание месяцев — это самый живой и в то же время реалистичный и достоверный текст во второй части «Безпристрастного созерцания», и поэтому заслуживает быть приведенным здесь полностью. Этим мы и закончим рассказ о первой и второй частях книги.

> Первый Индийский месяц *Бойшак (Вайшакха*[221]*),* уравнивающийся частию Апрелю месяцу и частию Маию, имеет приятное время, и в нем молайский[222] (южный) ветер, при запахе разных цветов чувства услаждает.
>
> Во втором месяце *Чойштьо* (*Джьяйштха*), уравнивающемся частию Маию месяцу, и частию Июню, созревают лутчие во всем свете

[221] В круглых скобках приводим санскритские названия месяцев, общие для всей Индии.

[222] *Молайский,* или *малайский* — так в индийской поэзии называется южный ветер, дующий якобы с гор Малайя, на крайнем юге субконтинента.

яблоки, называемые *Амра, Ам,* или *Манкъо*[223] и многие другие древесныя плоды и цветы.

В третьем месяце *Ашаркэ* (*Ашадха),* уравнивающемся частию Июню месяцу и частию Июлю, дождливые облака покрывают небо, и с великим громом наполняют дождем реки.

В четвертом месяце *Шрабоне* (*Шравана*)*,* уравнивающемся частию Июлю месяцу и частию Августу, бывает равноденствие, в которое время: нощь от дня распознается чрез нощный цвет, называемый *Кумудо, или Кумуд*[224]*,* растущий с синими и белыми цветами и распускающийся в нощи, а во дни сжимающийся; а день от нощи распознается чрез дневный цвет, называемый *Подо*, растущий с красными и белыми цветами, который во дни распускается, а в ночи сжимается; в сем месяце реки бывают пренаполнены дождем столь много, что земляным путем не можно иметь во многия места проезду.

В *Бгадре* (*Бхадрапада*), пятом месяце, уравнивающемся частию Августу месяцу и частию Сентябрю, делается в пренаполненных дождевою водою реках тишина, и начинается приятное время; которое на несколько месяцов продолжается быть весьма удобным для разъезду во всей Индии по всеобщим и коммерческим делам.

В *Ашине* (*Ашвающжа*), шестом месяце, уравнивающемся частию Сентябрю месяцу и частию Октябрю, совершается великое празднество в честь премудрости именуемой *Дурга.*

В *Картике* (*Карттика*), седьмом месяце, уравнивающемся частию Октябрю месяцу и частию Ноябрю, совершается также великое празднество, в честь первоименуемой премудрости *Кали;* в сем месяце постепенно настает быть холодноватое приятное время.

В *Акрогоне* или *Акгоне* (*Маргаширша*)*,* осьмом месяце, уравнивающемся частию Ноябрю и частию Декабрю месяцу, настает тамошней земли чувствительный холод, в кое время сбирают с полей хлеб и делается великое произрастание огородных овощей.

В *Поуше* (*Пауша*), девятом месяце, уравнивающемся частию Декабрю и частию Генварю месяцу, уменьшается день, а ночь увеличивается.

В *Макге* (*Магха*), десятом месяце, уравнивающемся частию Генварю и частию Февралю месяцу, бывает тамошней земли с туманами и росой большой холод.

---

[223] Лутчие во всем свете яблоки, называемые *Амра, Ам,* или *Манкъо* — имеется в виду манго *(хинди ām, āmra).*

[224] *Кумуда* — санскр. kumuda, индийская водяная лилия.

В Пъалъкъроне или *Пъакъуне* (*Пхалгуна*), одиннадцатом месяце, уравнивающемся частию Февралю и частию Марту месяцу, бывает весьма жаркий и несносный молайский ветер, который возпламеняет во всех животных кровь, в деревах плодорастительныя соки, и в самых человеках распаляет мысли; Индийские дрозды, называемыя *Кокиль*[225], в то время воспевают, пчелы и жуки жужжат, все дерева цветами и плодами обогащаются.

В *Чойтрие* или *Чойтре* (*Чайтра*), двенадцатом месяце, уравнивающемся частию Марту и частию Апрелю месяцу, собирается великое изобилие меду и других разновидных сладостей.

«Безпристрастное созерцание»: Лебедев как этнограф

Лебедев сам однажды определил приоритетное направление своих занятий в Индии, сказав: «Главным для меня предметом было проникнуть там во нравы жителей» [РИО 1965: 511]. И действительно, тексты Лебедева свидетельствуют о том, что его интересовали больше всего и описывал он лучше всего такие относящиеся к этнографии предметы, как, говоря современным языком, социальные институты, быт, обряды и обычаи, соционормативная культура.

Надо полагать, Лебедев до отъезда в Индию, скорее всего еще на родине, в России, читал какие-то книги, содержавшие описания «нравов» и обычаев народов мира. Потому что, обращаясь время от времени к такого рода «этнографическому» описанию, он сразу находит нужный для этого тон. Так, заканчивая свое многостраничное письмо из Индии А.А. Самборскому от 8 мая 1797 г., после длительного описания своих несчастий он вдруг решает, с одной стороны, развлечь адресата, а с другой стороны продемонстрировать, что он продолжает вести наблюдения и исследования, ради которых был послан в Индию Павлом и его окружением, куда входил и отец Андрей Самборский.

[225] *Кокиль* — санскр. kokila, хинди kokil, индийская кукушка.

Кончивши о печальном, уведомляю о празднике гиндостанцов, называемом чорок, значит прошествие года, и празднуется 31-го числа, Чойтро, их 12 м[еся]ца. Перваго м[еся]ца Бойшака 1-е число 1719 шок (году) бангальской эры и 1204 от завладения мусельманцов, есть равно 11 числу апреля 1797 году по римскому числению.

Три [дня] пред сим и в сей день в разрезанной коже, с продетыми веревками на боках и железными прутьями, проткнутыми сквозь язык, ходят стадами по городам и в других селениях, при барабанном, колокольном, побрякушек и раковин разном стуке и звуке пляшут вприсятку з дураческими и скверными для виду европейцов движениями, и потом в три часа пополудни 31-го числа Чойтро вешаются и вертятся вокруг, в которое время нередко случается, иной, слетевши, руку, иной — ногу переломит, другой шею свихнет и некия, переломавши ребра, умирают. И сим шоннеши (страдальцы, монахи) оканчивают празднество [Русско-индийские отношения 1965: 449].

Лебедев дает здесь вполне достоверное описание известного бенгальского весеннего («новогоднего») обряда *чорок* (или *чарак-пуджа*), в ходе которого участники (здесь — *шоннеши*, санскр. *санньяси*, аскеты) вращались, как на карусели, вокруг столба, подвешенные либо в веревочных петлях, либо на железных крюках, вонзенных в мышцы спины (см. подробнее: [Brighenti 2013; Васильков 2014], а также ил. 40).

Заметки этнографического характера встречаются и в подневных записях Лебедева. Например, в «Африканском дневнике» он пишет: «Празднество для нового году малайским народом в городе Капе исполнялося 18-го числа марта 1798 по римскому числению» [Русско-индийские отношения 1965: 479]. «Малайский» здесь следует понимать не так, как «молайский» в описании индийских месяцев из «Безпристрастного созерцания» (см. примеч. 219). Здесь речь идет о малайцах — рабах, которых голландцы привозили из своих колоний в Юго-Восточной Азии в Капскую колонию для работы на виноградниках.

По-видимому, именно из многочисленных такого рода записей составилась в итоге третья часть «Безпристрастного созерцания», озаглавленная «О священных брамгенских обрядах и народных обычаях».

Основную часть первой главы третьей книги («О священных брамгенских обрядах») составляет описание ритуалов посвящения

(«помазания»), совершаемых представителями разных направлений в индуизме: шактизма, вишнуизма, шиваизма, культа Солнца и культа «детей премудрости Дурги, именуемых *Къонеш* (санскр. *Ганеша*. — *Я.В.*) и *Чаоиштьонно* (?)». Из пяти описанных обрядов в трех первых случаях отмечены характерные для этих традиций детали посвящения. При «помазании во имя божией премудрости Дурги» «брамген, то есть священник, сперва испытывает помазуемого, разумеет ли он основания веры и закона, и разумеющего помазывает волоса и лоб приготовленным на сие из благовонных трав красного цвета смешением; потом надевает на его выю (шею) нитку с кристальными зернами, называемыми *Бичи*; и от сего дня отрок тот именуется *Шокто*... а женскаго пола детище называется *Шокти*». Красный цвет действительно играет большую роль в шактизме и тантризме, это цвет Богини, символизирующий ее активность (*раджас*), благодаря которой она побеждает темные силы, враждебные богам[226]. Посвящаемому надевается на шею ожерелье (оно же — четки, *джапа-мала*), зерна которого называются *биджа* («семя; зерно»; ср. у Лебедева: *Бичи*). Чаще всего это, как и у шиваитов, семена (по виду больше похожие на орехи) дерева *рудракша* (*Eleaocarpus ganitrus*), но также могут использоваться самые разные материалы[227].

Описывая посвящение вишнуитов, Лебедев сообщает, что при нем «воспитаннику или воспитаннице» надевают на шею «повешенную на нитке маленькую четвероугольную дщицу из дерева *Толоши* или *Тулоши*… и от сего времени помазанник тот называется *Биштньоб* (хинди *вайшнав*. — *Я.В.*), что значит Христов; помазанница же *Биштньоби* (хинди *вайшнави*. — *Я.В.*), то есть Христова». Речь идет, разумеется, о священном для вайшнавов деревце *тулси* (санскр. *туласи*; *Ocimum tenuiflorum L.*), из древесины и корня которого обычно делают бусины вайшнавского *кантхи-мала* — ожерелья, которое можно использовать и как четки. Что же касается «дщицы», то в другом месте (глава вторая, см.: [Русско-

[226] Ср. у Лебедева далее об этом посвящении: «Чрез которой обряд назначается им долг благодарности к премудрости Божией, востановившей разстроенное в небесных кругах согласие».

[227] Сведениями о посвящении в шактизме я обязан А.А. Игнатьеву (личное сообщение).

индийские отношения 1965: 548]) Лебедев упоминает «*Рам номи*, имя Божие, изобразуемое на маленькой четвероугольной дщице, носимое вместо креста». Бенг. *Рам ном*, хинди Rām nām означает «имя Рамы», *Рам номи* (Rāmnāmī) — нечто, на чем написано имя Рамы, а также название одной из разновидностей рамаитского бхакти (*рам бхакти*), сформировавшейся в среде неприкасаемых и положившей в основу своей религиозной практики почитание священного имени Бога (Rām). Возможно, Лебедев составил представление о вишнуитском посвящении, наблюдая обряд какой-нибудь общины *рамнами*, в которой имя Рамы было принято носить на повешенной на шею дощечке, а не так, как обычно: вытатуированным на теле или написанным на одежде[228].

О шиваитском посвящении Лебедев пишет, что при нем «Брамген, по испытании в вере и законе воспитанников, все тело помазует смешением, составленным из душистых трав с золою, коровья молока и коровья кала; потом надевает на шею ожерельник из нанизанных на нитку фигурных зерен дерева Рудра» [Русско-индийские отношения 1965: 546]. Указаны, таким образом, основные отличительные признаки представителей шиваитских общин, особенно аскетических орденов: умащенность пеплом, смешанным с коровьим навозом и прочим, а также ношение ожерелья из семян дерева *рудракша*.

Достоверные сведения об индийской обрядности Лебедев, впрочем, почти всегда сопровождает большей частью сомнительными параллелями с христианством: «К вышеозначенным духовным помазаниям их принадлежит также и внешнее их в реке Къанке (Ганге. — *Я.В.*) омовение, сообразно оным Спасителевым словам: “А еще кто не родится водою и духом, не внидет в царствие небесное[229]”. На место же обыкновенного у христиан причащения тела и крови христовой, преподаваемого им под видом хлеба и вина, раздается у индийцов освященное сорочинское пшено, называемое на их языке *Чал*». В последнем случае парал-

[228] Подробнее о рамнами см. в: [Lamb 2002; Гаралите 2013].

[229] Приводим текст по: [Русско-индийские отношения 1965: 547], возможно, искаженный. В Евангелии от Иоанна (3.5) церковнославянский текст выглядит так: «Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити во Царствїе Божїе» (ц.-сл. аще — «если»).

лель представляется не вполне точной, но уместной. По окончании индуистской храмовой службы верующим раздается часть жертвенной пищи, воспринимаемая как символ божественной благодати [Краснодембская 1996]. Чаще всего это рис, каковой и имеется в виду у Лебедева под «освященным сорочинским пшеном». Бенгальское *чаль* и означает рис (правда, обычно сырой, не вареный).

Завершается первая глава третьей части описанием браков у индийцев.

> Браки их совершаются не ранее 12-летняго детей возраста. Брамгены вступающих в супружество напутствуют внушением взаимных супругов обязанностей, и благословляют по обычаю их церкви испрашиванием у бога чадородия, согласия и всякаго благопоспешества. А кому и с кем именно в союз вступать, родители предназначают еще от шестилетняго их возраста, что никогда и не изменяется, разве по непредвидимым случаям или очевидным законным препятствиям.
>
> Святость сего супружеского обязательства столь строго у благонамеренных наблюдается, что никому из мужеского пола не позволяется видеть жену какого ни есть мужа, кроме их родителей; братьям же и не каждым сестрам не иначе отверзается вход, как только в присутствии тех же родителей.
>
> Но сие примечается наиболее в первых знаменитого происхождения классах, а прочим не всегда бывает совместно.

Короткая вторая глава [Русско-индийские отношения 1965: 547–548], соответствуя своему заглавию («О храмах и украшениях, к оным принадлежащих»), посвящена описанию индуистских храмов, «именуемых *Мондира*, а европейцами называемых *погода*»[230]. Лебедев делит храмы на «общенародные, в которые свободно все желающие приносить богу молитвы собираются, и частные или домашние, в домах вельможей и богачей сооружаемые; в сии не возбраняется входить в большие праздники не токмо единоверцам, но и разноверцам». Вероятно, ему и самому демонстрирова-

[230] *Мондира* — ср. санскр. *ма́ндира*, хинди *мандир* — «храм». *Погода* — бенгализированное англо-индийское pagoda — «храм, кумирня», слово заимствованное из португальского, неясного происхождения, возможно, искажение сингальского dagoba — «храм» под влиянием португальского pagão — «язычник».

ли какое-то домашнее святилище, как это нередко делают индийцы в отношении уважаемого гостя.

Кроме того, Лебедев делит индийские храмы на одноглавые («одноглавные»), двуглавые («двоеглавные»), трехглавые («троеглавные»), пятиглавые и девятиглавые. В данном случае он переносит на Индию вообще бенгальскую специфику: именно здесь популярны храмы с пятью или девятью «главами», или башнями (*шикхара*). Наиболее известным образцом бенгальского девятиглавого храма является Дакшинешвар близ Колкаты — храм, в котором был жрецом известный индийский святой нового времени Шри Рамакришна.

Внутренность храмов, пишет далее Лебедев, «особенно украшается разными описанными книги сей в первой части иконами». Несомненным преувеличением является утверждение Лебедева, что «в каждом храме безизъятно изображается у них в разных аллегорических видах вседействующая премудрость Божия, называемая Дурга». Удивляться этому не приходится, поскольку, как говорилось выше, Лебедев в изображении Шивы видел «Дургу в образе мужа». По-видимому, так же он воспринимал изображения и других богов. Возможно, здесь сказалось влияние его бенгальских наставников, для которых Дурга была великой Богиней, высшим началом во вселенной.

Храмовый образ Дурги, «с разными по их обычаю украшениями, называемыми Олонкар» (санскр. *alaṃkāra* — «украшение». — *Я.В.*), дает Лебедеву повод представить перечень всевозможных украшений (браслеты, серьги, украшения для носа, ожерелья и т.п.), носимых индийскими женщинами, вкупе с их бенгальскими названиями.

О богослужении в храмах сообщается только, что на жертвеннике «курится из разных благовоний составленный фимиам и совершаются разные действия одними только брамгенами; кроме же их никому прикасаться оному не позволяется». Внимание Лебедева привлекло и то, что богослужение в индийских храмах «состоит больше в пении, нежели в чтении <…> молитв».

Наибольшее число достоверных сведений любознательные современники Лебедева могли извлечь из третьей главы третьей части книги, посвященной индийским обрядам. Да и сейчас мы

должны признать, что с точки зрения исторической этнографии содержащаяся здесь информация имеет немалую ценность. Лебедев описывает здесь весь цикл бенгальских календарных обрядов, начиная с нового года, канун которого празднуется «в Чоитро (Чайтра. — *Я.В.*) месяце 31-го числа», что соответствовало в XVIII в. 10 апреля. «Новый год начинается у них Боишака (Вайшакха. — *Я.В.*) месяца 1-го числа, уравнивающагося 11-му числу апреля»[231].

На это время приходится характерный для Бенгалии праздник «новолетия» — *чорок* (или *чарак пуджа*). Краткое его описание Лебедев прежде дал в письме к А.А. Самборскому (см. выше). Теперь он описывает его гораздо более детально и точно.

> Недели за две пред начатием нового года брамгены приуготовленных прежде на вольное страдание благочестия рачителей, называемых *шоннеши* (Санньяси. — *Я.В.*), выпускают в народ в разнообразных страдания видах, а именно: у иных прокалывают между плечами на обеих сторонах сквозь кожу отверстия и продевают в оныя сперва тонкие веревки, за которые народ водит их по сельским и градским улицам; у других же прорезывают язык и продевают в оный железный прут, длиною полуторых или двух аршин, которые страдальцы сии, по их произволению, удобно могут и вкладывать в отверстие и вынимать из оного когда хотят.
>
> Водя их таким образом, народ и, предшествуя им с пением и музыкою, окуривает их благовониями, и сопровождает от места до места с великими толпами, в сопровождении которых сии, страдальцы, торжественно, веселяся на разных местах, скачут и пляшут.
>
> В самый же день новолетия приводят их на назначенные обширные места, где приуготовлены для них подобные нашим колодезным подъемам столбы, вышиною от шести до осьми сажен, с вертящимися вокруг перекладами.
>
> Потом на место вышеозначенных веревочек вдевают в отверстия страдальцов железные крючья с кольцами, за которые к одному концу переклада их привязывают, а к другому прикрепляют веревки, за кои народ, держась, вертит вокруг страдальцов, которые между тем,

[231] Сейчас праздник Байшакх/Вайшакх приходится на 13 апреля. Свое древнее значение «новолетия» и главного праздника в году он сохраняет именно в Бенгалии [Котин, Успенская 2005: 36–37]. В других районах Северной Индии в роли главного выступает более ранний весенний праздник Холи [Там же: 21–27].

имевши у себя в фартуках довольное количество тамошних древесных плодов и цветов, бросают оные в народ, народ же подъемлет их с жадною стремительностию, ибо признает оные особенным знаком благословения сих мнимых угодников и с благоговением оныя съедают.

Сим обрядом изображают они, по-видимому, необходимость жизненных искушений и злоключений, предлежащих истинным подвижникам, стремящимся к безсмертной славе, и подражают тем союзникам Дурги, с которыми она некогда вооружалась на противуборника своего Ошура [Русско-индийские отношения 1965: 548–549].

Это описание дает нам ценнейший материал, который можно использовать для сравнения с современными формами обряда, регулярно практикующегося в наши дни в Западной Бенгалии (прежде всего в Колкате) и особенно в Бангладеш. Отдельные детали лебедевского описания могут быть также полезны для сравнительного изучения сходных обрядов, известных и в других областях Индии (см. о них: [Brighenti 2013; Васильков 2014]).

Лебедев кратко упоминает еще несколько праздников, приходящихся на тот же первый месяц, «Бойшак» (Вайшакх). Сутью второго праздника в этом месяце, отмечавшегося, по Лебедеву, 11 вайшакха, было «призрение или утешение детей». Название его, согласно Лебедеву, *шкондо*. В связи с этим можно только предположить, что этот праздник был связан с мифом о рождении и детстве Сканды — юного бога войны, полководца богов.

Следует заметить, что постоянно приводимое Лебедевым соответствие даты праздника европейскому календарю означает только то, что в год описания этого праздника Лебедевым он совершался в такой-то конкретный день по европейскому счислению. Большинство индийских праздников проводится в соответствии с лунным календарем, в котором месяц делится на две половины по 15 дней: светлую и темную. Поэтому названное выше 11 число вайшакха индийцы назвали бы «одиннадцатым числом светлой половины» месяца. А фигурирующее в следующем абзаце 19-е число того же месяца правильнее было бы назвать «4-м днем темной половины вайшакха». Отождествление же Лебедевым этого дня с 25 апреля действительно только для года записи и для нас значения не имеет.

«Третий праздник того же Бойшака месяца 19 числа, или 25 апреля, отправляется в честь покровительницы скотов, именуемой *Къошого шри* (?)». По-видимому, в этот день почитали какую-то особую форму богини процветания и изобилия Шри (Лакшми).

«Четвертый праздник оного же их месяца 26 числа, а европейскаго 6 майя, установленный у них в честь одного святым и чудотворным почитаемого государя, именуемого Рачъа Бгокъирот». Имеется в виду раджа Бхагиратха, легендарный царь Восточной Индии, усилиями и мольбами которого священная река Ганга, ранее протекавшая по небу, сошла на землю и заполнила водами прежде обезвоженный, пересохший океан (см. об этом: [Махабхарата 1987: 234–237]). Вполне объяснимо существование культа Бхагиратхи именно в Бенгалии, на территории которой воды Ганги сливаются с водами Индийского океана.

Последний, пятый праздник в месяце вайшакх/байшакх — 31 числа — «учрежден для поминовения усопших». «В сей день индийцы приготовляют в домах пшено (видимо, рис. — *Я.В.*), разные фрукты и цветы, а для питья древесного соку Тарьи, народно называемого Тади, и выносят к местам умерших для употребления, хотя обычай погребения умерших у них и не весьма почтителен, ибо в Бенгальской округе тела их пускаются на воду, где рыбы и птицы оные терзают, а в селениях Мальбарских оные сожигают». Под «местами умерших» подразумеваются, видимо, места кремации (*шмашаны*). *Тарьи*/*Тади* — ср. хинди tāḍī, англо-индийское toddy — «пальмовое вино».

Лебедевские описания праздников, следующих за «новолетием», хотя и очень краткие, могут оказаться ценными, потому что старые праздники месяца байшакх ныне забыты, на их место пришли новые, прежде всего *Пахела Байшакх*, бенгальский светский Новый год, приходящийся на 14 или 15 апреля. В Бангладеш он объявлен государственным праздником [Pahela Baishakh 2015].

В начале следующего месяца (у Лебедева — *Чъойштхьо*, санкр. *джьяйштха*, хинди *джхьештх*, май-июнь), второго числа «отправляется у них праздник в честь человекольва, по индийски называемого *Нар шинго*». Речь идет, конечно, о *Нарасимхе*, Человекольве, одной из аватар Вишну. Лебедев далее демонстри-

рует знакомство с иконографией данного персонажа и кратко излагает связанный с ним миф.

> Лев сей весьма различествует от обыкновенного нами знаемаго льва, потому что они изображают его двуестественным и представляют до половины только тела львом, а далее имеющим человеческий стан.
>
> Лев у всех вообще гиероглификов и символистов берется за признак царского достоинства и полномочия, чего ради и поныне многие государства поставляют его своим гербом.
>
> Индийцы же под именем сего льва разумеют Сына Божия, именуямого у них Криштьа или Криштньо. Они приписывают ему, что в сей день разодрал он сильнейшаго князя, именуемого *Гориннъо кошшоп* (*Хираньякашипу*. — *Я.В.*), то есть высокогордого, который, противу воли Криштьо, хотел убить сына своего, называемаго *Пролгат* или *Перлгат* (*Прахлада*. — *Я.В.*), но сей человеколев сохранил сына, а истребил отца [Русско-индийские отношения 1965: 550].

Неточность здесь в том, что Лебедев, последовательный в своем стремлении к «христианизации» индийской религии, заменяет имя Вишну, аватарой которого является Нарасимха, именем другой его аватары, Кришны, в форме, которая дает возможность соотнести его с Христом (*Криштьа*).

«11-го числа Чъойштьо месяца, или 21 майя, совершается у индийцов праздник в честь Тройческого лица Шива». Здесь Лебедев излагает, слегка видоизменив, миф о том, как Шива испепелил взглядом бога любви Каму (у Лебедева — «купидона Роти[232]»), нарушившего его йогическое сосредоточение, а потом воскресил его по просьбе Рати, супруги Камы. В изложении Лебедева, однако, миф существенно перестраивается: уже не боги посылают Каму к Шиве с тем, чтобы он обратил внимание на прелести богини Парвати (= Дурги), а сама Дурга через «купидона» вызывает к себе Шиву «для некоторого важнейшего совета». Она же сама воскрешает затем «купидона», который, как и в классическом мифе, остается и именуется потом «Бестелесным» (*Ононкъо* = санскр. *Ананга*). В других районах Индии этот миф, в его исконной

[232] Здесь Лебедев по ошибке дает индийскому «Купидону» Каме имя его мифологической супруги (Рати — «Страсть»).

форме, иногда привязывают к празднику Холи [Котин, Успенская 2005: 23].

Далее, по Лебедеву, следует «женский праздник, называемый *Ша битри*, в который когда замужняя женщина, по обыкновенному их обряду, с усердием молится, то она не лишится своего мужа, до последнего дня и в будущем веке будет с ним неразлучна». В этом безошибочно узнается женский обряд *савитри-врата*, совершаемый обычно при дереве *vaṭa* (баньян, индийская смоковница) и иногда включавший исполнение эпического сказания о легендарной Савитри, которая отстояла и вернула к жизни своего мужа в прениях с богом смерти Ямой (см. об этом общеиндийском обряде: [Stevenson 1920: 300–301; Афанасьева, Васильков 1997: 85–87; Краснодембская 2005: 91]). Датой совершения этого обряда Лебедев указывает шестнадцатый день месяца *джйештха*.

Двумя днями позже в бенгальском обрядовом цикле имел место, согласно Лебедеву, «праздник, основанный на благотворении» и называемый «праздником слона»[233]. В этот день «хотя и малейшая, подаваемая милостыня <…> уравнивается слоновой величине».

«Того же месяца (*джйештха. — Я.В.*) 23 числа <…> собираются зятья к своим тестям и получают от них подарки». Этот обряд, называемый *джамаишаштхи* «шестой день зятьёв», совершается на шестой день светлой половины месяца *джйештха* и поныне.

На 28-й день того же месяца индийцы, как пишет Лебедев, совершали десятикратное омовение в Ганге в воспоминание о нисхождении священной реки с небес по просьбе раджи Бхагиратхи (у Лебедева: «король Бгокъирот»). Вероятно, это местная интерпретация широко распространенного в Северной Индии обряда Джйештха Дашара, в ходе которого «члены всех каст вместе совершают омовение в водных источниках или в пруду. Считается, что это смывает все грехи». Совершается этот обряд на десятый день после новолуния в месяце *джйештха* [Котин, Успенская 2005: 41].

В третьем месяце бенгальского года (у Лебедева: *Ашарго,* санскр. āṣāḍha, хинди *ашāṛх*, июнь-июль) описан только один

[233] У Лебедева: *Къочъо* (ср. санскр. gaja — «слон»), *Гати* (ср. хинди hāthī — «слон»).

праздник, но зато довольно подробно. Несомненно, Лебедев лично наблюдал этот праздник в Калькутте. Название этого праздника — *ратхаятра*, что означает «поездка на колеснице». Лебедев по ошибке принял слово *ратх(а)* за имя главного фигурирующего в этом обряде божества («*Рот*»). В действительности на колеснице едет Вишну в своей особой форме *Джаганнатха* «Хранителя» или «Опоры мира». За исключением этой погрешности праздник описан довольно точно.

> Сего месяца 18-го числа отправляется у индийцев торжественное шествие по всему граду в честь Рота, которого резный истукан сперва они выносят из храма, на приуготовленную для сего нарочно с киотом колесницу, а иногда и без оного, зделанную наподобие храма; везома колесница людьми за прицепленныя к оной веревки сопровождается великими толпами народа в предшествии музыки и пляшущих пред ним и поющих девиц; и когда довезут его таким образом до назначенного места, то оставляют его там на восемь дней, по прошествии которых паки возвращают его с таким же пением и торжеством в тот храм, где он всегдашнее имеет пребывание; и от того времяни остается у них земля так покойною, что ни орут ее, ни копают, ибо в сие время начинаются у них весьма неумеренные дожди, продолжающиеся до месяца Ашина.

Этот праздник, как и культ Джаганнатха, происходит из г. Пури в Ориссе, который считается его главным общеиндийским центром. Однако справляют его поныне и в других областях Индии, в частности в Бенгалии. Дата праздника — со второго по одиннадцатый день светлой половины месяца *ашарх*.

Опуская праздники четвертого (*шраван*, июль-август) и пятого (*бхадрапад*, август-сентябрь) месяцев бенгальского календаря, Лебедев переходит к описанию главного праздника месяца *ашвин* («по-шомскритски *Ашино*, а по-бенгальски *Ашин*»), приходящегося на сентябрь-октябрь. Это праздник *Дурга пуджа* (см. ил. 41), дни почитания Великой Богини, известной также, как отмечает Лебедев, под именами Кали, Ума, Шакти и др.

У Лебедева Дурга пуджа приурочена к «месяца Ашина 18 числу, уравнивающемуся октября 1-му», однако в действительности этот праздник, по существу, главный в Бенгалии, продолжается

несколько дней. Сначала в шестой день светлой половины месяца *ашвин* совершается ритуал пробуждения Богини. Затем три дня подряд идет храмовая служба в ее честь, и лишь на десятый день торжественная процессия несет ее образ к реке. Лебедев описывает именно этот, заключительный день праздника.

> Порядок торжества сего у индийцов производится следующим образом.
>
> В сей день из молитвенных храмов и из домов, с приличным пением и музыкою, выносят на украшенных носилках великолепно убранные ее иконы и проходят с ними чрез назначенныя в селениях их места к реке *Къанке* (*Ганге*. — *Я.В.*), где по окончании молитв и пений, сему празднику приличных, пускают оные образа на воду сей реки, как будто бы уплачивая тем долг благодарности к Дурге за разогнание мрачных и дождевых облаков. С которого числа и в самой вещи продолжается у них благоприятное и прохладное время до *Макга* месяца (*магх,* январь-февраль. — *Я.В.*), уравнивающегося частию генварю, в который месяц у них распускаются древа.
>
> А между тем ругающиеся простосердечною оною набожностию индийцов, сопредельные и корыстолюбивые мосолъимамцы, всячески стараются пущенные индийцами на воду иконы для корысти своей перенимать, отчего не редко происходят между ими и народом индийским драки, а иногда и кровопролитие [Русско-индийские отношения 1965: 551].

В связи с этим праздником Лебедев проводит свои фантастические индусско-христианские параллели. Наименование Дурги, пишет он, «иногда приписывают <…> Криштьовой матери <…> в честь которыя и христианская греко-российская церковь в тот же самый день совершает празднество. Да и у индийцов сей образ Дуркъи (Дурги) ничем почти не различается от образа христианами изображаемого матери божией, ибо и венец, и наручники, и ожерелье в сходственном виде представляются, с тем только различием, что лице ея изображается черным цветом».

Уделил внимание Лебедев и главному празднику в месяце *карттик* (октябрь-ноябрь) *Кали пудже*, еще одному празднику в честь Великой богини. Справляют его в новолуние месяца *карттик* в Бенгалии, Бихаре, Ориссе, Ассаме, т.е. в восточной Индии, в других регионах это просто один из дней общеиндийско-

го праздника Дивали. Для калькуттцев *Кали пуджа* имела и имеет особое значение, так как общепризнанным и наиболее известным центром ее празднования был и остается здешний храм Калигхат (см. ил. 42).

> На сей день празднования совершается у них богомолие чрез целую ночь во всех обыкновенных молитвенных храмах, а при разсвете относят ее в местечко, отстоящее в трех милях от Калькоты, называемое Кали къот (Калигхат. — *Я.В.*), где, как они говорят, первее воздвигнут был в древности во имя ее храм, которое и поныне именем премудрости называют Кали къот <…> да и самый ныне процветающий город Калькота оттуда же свое имянование получил.
>
> Брамгены же повествуют о некоем в местечке оном камне, яко бы река Къанкъа из-под онаго восприяла первобытное произтечение.

Что могут значить слова «относят ее», неясно. Сомнительно, чтобы это означало, будто образы Кали из всех храмов свозят в Калигхат. Скорее Лебедев имеет в виду, что туда переносится основное праздничное действо. В то, что название Колкаты/Калькутты произошло от названия Калигхата, верят как сами индийцы, так и многие ученые. Передаваемая Лебедевым местная легенда о том, что некогда здесь был первоначальный исток Ганги, по-видимому, как-то связана с тем, что речка, на которой сейчас стоит храм[234], носит имя *Ади-Ганга*, т.е. «Изначальная Ганга».

Завершается описание годового цикла бенгальских календарных праздников обрядом *дол джатра*, букв. «качельным хождением», в весеннем месяце *чайтра* (у Лебедева: *Чойтрио* или *Чойтро*). Этот обряд известен во многих других областях Индии под названиями *долаятра*, *хиндоли чайтр*, *долотсав* и др.). Обычно его начинают справлять начиная с третьего дня светлой половины месяца. Суть «праздника качелей» в Бенгалии Лебедев передает так:

> Месяца Чоитрио 5-го числа, или 15 марта, совершается у них народное празднество, называемое Дол чъотра.
>
> В сей день как мущины, так и женщины намазывают не токмо лице, власы, руки и ноги, и у оных ногти, но и самые одежды,

[234] Когда-то Калигхат находился на берегу р. Хугли, главного рукава Ганга, но потом течение реки ушло в сторону от храма.

красною краскою, составленною из смолы некоего древа, именуемой Алъта, и в таком виде, собираясь они в садах или в собственных своих дворах, качаются на подобных нашим качелях, привязанных за веревки к столбам.

В самом конце третьей главы третьей части книги Лебедев добавил следующую заметку:

Заключение о праздниках

Кроме сих вышеозначенных церковных их праздников, имеются у индийцов некоторыя празднества, установленныя в честь благотворных государей и отличившихся храбростию ироев, в подробное которых изследование входить мне не позволили обстоятельства.

Помимо этого Лебедев по той или иной причине умолчал и о некоторых крупных религиозных праздниках, которые, скорее всего, отправлялись при его жизни в Калькутте, например *Кришнаджанмаштами* (день рождения Кришны), *Шитала пуджа* (почитание Шиталы, богини оспы) или *Шиваратри* («Ночь Шивы»). Интересно было бы сравнить список бенгальских праздников по Лебедеву с другими свидетельствами современников о калькуттской праздничной обрядности в конце XVIII в. Акцентирование Лебедевым одних обрядов и умолчание о других наверняка сможет что-то сообщить нам о религиозных предпочтениях и пристрастиях его бенгальских друзей.

В четвертой главе третьей книги Лебедев описывает варново-кастовую структуру индийского общества. Варны он называет четырьмя «классами». Это *брамгены* (брахманы), *кхетри* (кшатрии), третий «класс» у Лебедева образуют самые разные профессиональные касты, а к четвертому «классу» относятся все «землепахатели», крестьяне (*Райот-лок*). Описание четырех «классов» по Лебедеву существенно отличается от традиционных древнеиндийских характеристик четырех варн. Для брахманов он выстраивает иерархию, которая, как ему кажется, аналогична христианской духовной иерархии, от патриарха до приходского священника. Ступени брахманской иерархии Лебедев видит в почетных титулах или прозвищах некоторых пандитов, таких как *видьясагара* («океан знания»), *видьяратна* («драгоценность зна-

ния») или *видьяламкара* («украшение знания»). Классификацию кшатриев (*кхетри*) он сводит к нескольким титулам и названиям властных должностей, от правителя-«самодержца» до «полицмейстера». В третий «класс» Лебедев включил 36 профессиональных каст, причем, наряду с обладателями относительно высокого статуса (напр., *Бойдьо*, т.е. *вайдья/байдья*, врачи, или *Каэшто*, т.е. *каястха,* писцы), здесь оказались и внекастовые, «неприкасаемые»: *хариджан* (у Лебедева: «*Гари*, дрянечистители») и кожевники *чамары* («*Чамрари*, кожеделатели»). Крестьяне, совокупно образующие у Лебедева четвертый, низший класс (*Райот-лок,* ср. хинди *райят* — «народ; крестьяне») в реальности, конечно, по статусу намного превосходили «внекастовых».

Систему каст Лебедев воспринимает как данность, не задавая себе вопроса о ее происхождении. Исключение составляют «в древности порабощенные, а ныне своевольные парии, иначе называемые *Гари*», относительно которых он выдвигает собственную гипотезу: их происхождение «не к одной какой-нибудь относится нации, но зависело от некоторых индийских завоеваний и составляло или род иностранных пленников, или недостойных своего отечества изгнанников» [Лебедев 1805: 154–155; РИО 1965: 554].

Лебедев точно подметил «кастовую замкнутость ремесла, наследственность различного рода занятий в определенной касте, невозможность изменить кастовую принадлежность» [Гамаюнов 1956: 115]. По его словам, «каждый класс особо к своему званию так привязан, что никогда добровольно один род жизни на другой переменить не согласится и что ни один промышленник в иное рукомесло и должность, кроме своего цеха и того дела, которым родители его занимались, никогда в чужое не вступит». Соответственно, родители воспитывают детей в традициях своей касты и обучают наследственной профессии.

> Брамгены и все духовенство стараются научать своих детей глубочайшим познаниям, как то: закону Божию, грамматике, реторике, философии, математике, физике, астрономии, астрологии и прочим важнейшим познаниям, и посему в их роде более ученых, нежели в других классах, отыскать можно.

А сие самое доказывает, что системы и нравы индийские не суеверными какими-либо управляются преданиями, но основанными на откровении и на здравом разсудке правилами.

Чины военные *Кетри*, хотя и различным образом от европейцов, но по древнему обычаю они приспособляют также своих детей к свойственному им воинскому упражнению.

А письмоводители *Коит* (вероятно, *каястха*. — *Я.В.*) приучают детей своих к судебным делам, также и *Шодокъар лок* (ср. хинди *саудагар лог*, торговцы. — *Я.В.*), то есть купцы, приготовляют детей своих к домашней и взаимной *с* другими нациами торговле.

Прочие же промышленники каждый к своему промыслу и рукоделию заблаговремянно приучают и тем самим подкрепляют непоколебимость своего состояния [Лебедев 1805: 157–158].

Несмотря на некоторые неточности в описании Лебедевым кастового общества, основные его особенности переданы им верно. Книга Лебедева впервые давала россиянам возможность познакомиться с индийской системой каст, при этом получая информацию из первых рук.

Пятая глава третьей части («О нравах и обычаях индийцов») наиболее известна и часто цитируется, поскольку в ней Лебедев смог наконец откровенно выразить и свою искреннюю симпатию к индийцам, и сочувствие народу, страдающему от колониального угнетения.

Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что индийцы ни мало не похожи на диких, и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожаждущие лютые звери.

Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собою надмевающихся нашельцев, которые, жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, [к] несчастью рода человеческого пожирают целые государства.

Они признают единого истинного Бога и ранее многих европейцов содержат христианский закон, с тем только различием, что более или менее имеют у себя оставшихся языческих суеверий, которые, может статься, и поныне еще не у одних у них не совсем очищены, по причине беспрерывных на их край неприятельских нападений, почти насильно побуждающих забыть и самое человечество.

При всех, однако ж, чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазнах, удерживают они достойную подражания непреклонность во благочестии.

Странными кажутся для пришельцов аллегорические их изображения, в которые вникать не могут они за неведением первоначального их шомскритского языка, но индийцы более имеют права над сими пришельцами издеваться, когда они, хвалясь своим православием, забывают, по-видимому, что и сам Спаситель притчами учение свое предлагал.

Благоговение их к верховному существу уже доказано всеми выше реченными обрядами и праздниками, в воспоминание великих благодеяний Божиих и в засвидетельствование их благодарности установленными [Лебедев 1805: 155–156].

Симпатия Лебедева по отношению к индийцам и его восхищение их культурой, несомненно, сказываются в описании им их этнической психологии и стереотипов поведения.

Супружеские настоящих индийцов союзы так свято у них соблюдаются… что ни женщина, ни девица при входе сторонняго мущины в одном покое не остаются, но выходят в другой, даже и в публичных и в домовых торжествах их помещаются они в особых отделениях за решетками, из-за которых видеть лиц их не можно[235] <…>

Дети из пределов повиновения и почтения к родителям выходить не смеют, под опасением строгих наказаний.

Сему подобный наблюдается порядок между начальниками и подчиненными, между хозяевами и служащими, между старшими и младшими.

Уважение у него вызвали следование индийцами принципу ахимсы (непричинения вреда живому) и их вегетарианство.

[235] Впрочем, Лебедев отмечал существование в индийских городах и проституции, что он объяснял исключительно иностранным влиянием: «При все том, однако ж, есть у них вольные домы, которые, особливо в тех частях, где помещаются разные приезжие иностранцы, пренаполнены распутными женщинами из роду магометанцов, чрез которую вольность, без сомнения, в продолжении времяни, прокралась сия зараза и в некоторые домы индийцов».

От кровопролития индийцы так удалены, что не токмо животных, но и пресмыкающихся и насекомых убивать почитают за грех, чего ради никогда они не употребляют ни мяс, ни рыбы, а довольствуются только земными произрастениями и плодами.

Обыкновенное их кушанье есть вареный *чъаль,* по-европейски называемый рис; поутру и вечером употребляют они сию пищу холодною, а в полдни ту же самую едят они теплую с некоторыми горькими приправами и фруктами, едят также печеный *ям,* который видом и величиною походит на нашу редьку, имеющий красноватое тело, но вкус имеет сладковатый. Он у мореплавателей столько же употребителен, как и земленые яблоки, называемые кортофель.

На место пирожного большею частию употребляются у них пресные сладкие лепьошки, называемые *Муто къондо,* и оладьи *Кал баташа*[236] или подобные нашим пряничные орехи.

Кушают иные в день два раза, а некоторые и три. Они наблюдают также и посты, установленные у них в разные года времена.

Но возобладавшие ими европейцы стараются против воли индийцов определить их к торговле мясами, и хотя уже составили и самый мяснический цех, не из индийцев, однакож, а из магометанцов и париев, дабы тем самым приучить их к единообразному с европейцами житию, однако ж из сего предприятия нередко раждается более огорчений и неустройств, нежели желаемого единообразия.

Не укрылись от внимания Лебедева характерные для индийцев нормы гигиены, а также практика традиционной медицины — *айюрведы*.

Первосуществующие природные индийцы любят много чистоту и опрятность и как перед столом, так и после оного умываются и каждый день два раза купаются в реке *Къанкэ (Ганге. — Я.В.).*

Они для предохранения своего здоровья по наставлению их врачей употребляют некоторые травы и древесные соки, а для сбережения тела своего от воздушных перемен и для доставления оному свободного и легкого движения намазывают маслом, называемым *Норелька телъ,* или *коконатовым (кокосовым. — Я.В.).*

---

[236] *Муто къондо* — бенг. муто кхондо «сладкие лепешки». *Кал баташа* — бенг. «сахарные лепешки» [Русско-индийские отношения 1965: 593–594].

Вкратце рассказывает Лебедев соотечественникам об одежде и украшениях индийцев.

> В домах своих ходят они все нагие, имея только легкие препоясания для прикрытия срамных частей. А когда из домов выходят, то некоторые из мущин покрываются легкими кисейными намётами[237], а некоторые носят из таковых же материй, подобные нашим русским, сборами[238] кафтаны, а на ногах шитые золотом, серебром или шелками туфли с выгнутыми кольцом острыми носами. Женский индийцов пол носит белые и разноцветные кисейные намёты и такие ж мущинские туфли. Знаменитых мужей жены довольно приятно украшают свои головы, руки и ноги драгоценностьми, которых можно видеть в праздничные только дни, когда приносят их по улицам в открытых паланкинах.

Здесь у автора появляется повод сказать о средствах передвижения и об образе жизни знати.

> Сластолюбивые и пышные вельможи их редко ходят пешие, а большею частию носят их в паланкинах, устроенных двояко: или наподобие коретных ящиков, или наподобие кроватей, укрепленных на шестах легкого, но весьма крепкого дерева *Бамбу*. Носильщики их, именуемые *Бира,* заменяют место наших извозщиков и лошадей силою и проворством бега. Они ходят также нагие, с одними только, как выше сказано, обвязсками.
>
> У тех же самых вельможей, когда они покоятся дома, есть обычай заставлять тех же носильщиков обмахивать себя большим махалом, называемым *Панка,* как для охлаждения их от жара, так и для отгнания насекомых, и все тело слегка разминать. Те же самые слуги и не один раз в день омывают им ноги, к которому служению так они привыкли, что естьли кто из иностранцов по незнанию окажет к сим обыкновениям презрение, то они не признают его господином, да и в самых нужных его требованиях окажутся ему нерадивыми.

В последней фразе чувствуется, что Лебедев в данном случае делится собственным опытом. Мы уже знаем, что у него был серкар, за которого он заступался перед судьей, стюард, садовник и

---

[237] *Намёты* — всякого рода покрывала, накидки [Даль 1880–1882, II: 439].

[238] По словарю В. Даля, *сбо́ры* — «складки, морщинки на одежде». Впрочем, здесь возможно и чтение *с бора́ми* (*бора́* имеет то же значение, что и *сбо́ра*, *сбо́рка*; пример: *Кафтанъ съ бора́ми* [Даль 1880–1882, I: 114; IV: 141]).

целый штат других слуг. Содержать их было обременительно, но положение обязывало, и Лебедев считает своим долгом предупредить об этом будущего русского путешественника.

> В рассуждении же сих слуг нужно заметить и то, что ни один из них не примется за дело другого, потому приезжие иностранцы неминуемо должны их порядку и обычаю сообразоваться и число особенных услуг заблаговременно разуметь. А для найма и содержания их в порядке нужно иметь домоправителя, по-индийски называемого *Ширкар,* а народно *Серкар.* Сей управитель обыкновенно бывает индиец, а прочие домашние служители, кроме вышеозначенных носильщиков, набираются из магометанцов, из чего нетрудно понять, какое потребно для пребывающих там иностранцев содержание.

Если и замечает Лебедев в бытовом поведении индусов какие-либо неприглядные черты, то объясняет их незамедлительно иноземным влиянием.

> Индийцы, как выше мы несколько сказали, хотя совесть имеют весьма нежную, и более наклонны к справедливости и верности, однако ж, будучи научены торгующих с ними иностранцев вероломством, в соответствие сего и сами невеждам иностранным уплачивать обманом не стыдятся.
>
> Чужова похищать (изключая учеников) они не расположены, и завидовать никакой нации не имеют нужды. Однако ж примером обращающихся с ними чужестранцев, под видом нашего хлеба, соли и фруктов, а индийскаго Чаля, Нимок и попельмосов[239], умеют и подборными ключами отворить сердце, и золотым дождем орошать набожныя души притворных политиков.

В данном случае любовь к индийской культуре завела Лебедева, пожалуй, слишком далеко. Задолго не только до появления англичан, но и до мусульманских вторжений индийские купцы, случалось, плутовали в торговле. Иначе в древнеиндийских правовых трактатах на санскрите, *дхармашастрах*, в числе поводов для судебного разбирательства не назывались бы такие явления, как

[239] *Чаль* — «рис» (бенг.), *нимок* (урду *намак*) — «соль», *попельмосы* — предположительно искаженное урду *пхул-мева* — «фрукты» [Русско-индийские отношения 1965: 594].

«продажа чужого» или «неотдача проданного»[240]. Да и практику взяток в Индию едва ли занесли иностранцы.

В последней главе «Безпристрастного созерцания» (шестой в третьей части книги), «О изобилиях Восточной Индии», Лебедев пространно аргументирует сформулированную в самом конце мысль о необходимости и выгодности установления прямых торговых связей между Россией и Индией.

Сначала он перечисляет бывшие прежде независимыми индийские государства («королевства», а точнее сказать, княжества), находившиеся на территории в основном Бенгалии и соседних Бихара и Ориссы (*Ориша*). Почти о каждой такой области Лебедев сообщает, чем она богата, какие в ней развиты производства, какой доход в крорах или лакхах[241] получал прежде правитель этой области и какого размера годовой доход получают с нее англичане. Так, о Дакке (ныне — столица государства Бангладеш) он пишет:

> Город Дака, бывший некогда главною резиденциею прежде помянутого нами добронравного бенгальского монарха Шока Диттьо, изобилует всякаго сорта лучшими во всей Индии кисеями, называемыми мольмуль или мульмуль, и в множестве другими бумажными разными полотнами, платками и чулками; в коем городе англинских купцов таможня ежегодно собирает пошлин с земных произрастаниев и с товаров по крайности два крора рупей, иначе называемых *така,* который доход получается ими там с хлеба, соли, табаку, с листов, называемых *битель*, и орехов *шупари*[242], с разного масла и проч., также и с привознаго из Европы сукна, шелковых и бумажных материй и проч.

Далее Лебедев сообщает о том, чем «вся вообще Индия изобилует». Здесь речь идет не только о товарах, но вообще о разных удивительных вещах: диковинных животных и птицах, деревьях и плодах. Однако упомянуты и имеющие товарный интерес рас-

---

[240] См., напр.: [Дхармашастра Нарады 1998: 58]; ср.: Mānavadharmaśāstra VIII.4.

[241] *Крор* — 400 000 рупий, лакх — 100 000 рупий.

[242] *Шупари* (бенг.), хинди *супари* (supārī) — орехи арековой пальмы (*Areca catechu L.*), главный компонент жвачки, заворачиваемой в листья бетеля (см. о ней: [Васильков 2015]). Иногда термин используют для обозначения в целом этой жвачки, являющейся легким наркотиком.

тительные красители (индиго, кошениль), а также «разных сортов кисеи, а имянно: гладкие, тканые, белые и цветные, шитые серебром, шелками и золотом, кисеи, называемые *мольмуль*, и полотна, именуемые *бапъта* или *бафта* и пр.». Пишет Лебедев, разумеется, и о том, что Индия богата «наипаче разными драгоценными каменьями, жемчугом, серебряными и золотыми рудами, которых в подробность здесь описывать неуместно».

Лебедев завершает последнюю главу третьей части и вместе с тем всю книгу рассуждениями на давно волнующую его тему. Как мы видели, он еще из Калькутты писал С.Р. Воронцову, предлагая наладить прямую торговлю между Россией и Индией. Эту же тему он, несомненно, обсуждал перед своим отъездом из Индии с И.Ф. Крузенштерном. Теперь в «Безпристрастном созерцании» Лебедев получил возможность напрямую обратиться к соотечественникам, объясняя им выгодность установления торговых связей с Индией.

Последний раздел главы («О торговле индийской») Лебедев начинает словами:

> Индийская торговля по своему пространству почитаться может всегда материю всеобщей коммерции[243].
>
> Она состоит в отпуске собственных индийских товаров и продуктов в разные страны света и в получении взаимно от разных наций в оную привозимых товаров.

Затем Лебедев рассказывает, торговцы каких стран (Англия, Франция, Португалия, Голландия, Дания, Швеция, Америка) привозят в Индию какие товары и что оттуда вывозят. Он особо отмечает, что купцы некоторых стран привозят в Индию российские товары, получая от их продажи значительную прибыль. Например, об англичанах, «которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии», а также датчанах и шведах Лебедев пишет:

---

[243] Ср. более раннее высказывание русского ученого-экономиста: «По самой истине должно признать, что Ост-Индской коммерции во всем свете богатее нет» [Чулков 1785: 46].

Они привозят в Индию по большой части из России получаемые товары, по мнению их грубые, как *рушен бер*, то есть русские медведи, коим именованием, подобно как и французов честят *френч док*, то есть французская собака, так, равно как непросвещенных, снисходительно величают и россиан. Таковые товары суть: мачтовые деревья, пильные доски, пенька, лен, парусинное полотно, юфты, диоготь, сало, железо полосное и дельное, сталь, гвозди, икра, клюква и брусника и собственные свои произведения, как то галантерейные разных металлов вещи, сукна, шелковые и бумажные материи, башмаки, сапоги, разные свиные окорока, сыры и приготовленные соусы; разной портер и полпиво, красные и белые виноградные вина, арак, ром, французскую водку, прянишные душистые орехи, именуемые *каровей*, рыбу сальмон[244] и разные другие товары <…>

Датчане, наследники голландцов, имеющие селение, называемое Серампур[245], привозят датцкое красное вино, пиво, разные водки, сыр, сельди, русскую паесную икру, клюкву и бруснику, парусину и веревки, смолу и диоготь и пр.

Шведы, ближайшие наши соседы, привозят железо полосное и в деле, медь, ружья, замки, железную разную рухлядь и разные собственные и российские товары.

Подробно описывает Лебедев, как реализуются привезенные товары в Индии.

Все из сих наций приходящих в Индию корабли, выгружают свои товары в построенные нарочно для сего анбары или магазейны; и сперва оные весьма дорого продают с публичного торгу; оставшиеся после того отдают по сходной цене своим коммисионерам, которые или платят им деньгами, или выменивают индийскими товарами, которыми нагрузив они свои корабли, развозят оные товары в разные нации, как-то в Китай, Африку, Америку, Ишпанию, Португалию и в другие отдаленнейшие места, а возвращаясь оттуда, приводят тех наций продукты и товары. В должности же коммисионеров обыкновенно поступают или из тех же европейских наций, или из тех же акционистов[246], или капитальные армяне и индийцы.

---

[244] Сальмон — англ. salmon — «лосось».

[245] См. примеч. 13.

[246] Акционисты — вероятно, имеются в виду «аукционисты», т.е. организаторы ранее упомянутых публичных торгов.

Здесь Лебедев, очевидно, вспомнил тех самых «капитальных» (т.е. располагающих капиталами) армян и индийцев, с помощью которых он планировал закупить товары и снарядить корабли для отправки в Россию, когда писал в июле 1797 г. письма из Калькутты С.Р. Воронцову и Я.И. Смирнову.

Вероятно, с целью еще больше заинтересовать соотечественников в торговле с Индией Лебедев в заключение сообщает им способ обогатиться в Калькутте, скупив за бесценок при распродаже товары, не нашедшие покупателя до ухода привезшего их судна в обратное плавание.

> Но как, без сумнения, всякому известно, сколь важен для мореплавателей попутный к намереваемому месту ветр, изменяющийся в разные времена года, называемые масонами[247], то отъежжающие корабли, одну выгоду другой предпочитая, стараются в то время как вольным купцам, так и их коммисионерам оставшиеся непроданные товары уступать не в пример дешевле настоящей цены; и в сие то самое время покупающие имеют чрезвычайной выигрыш, а наипаче ежели не едут по отбытии первых кораблей другие купцы, которым их товары понадобятся.
>
> Из чего не трудно усмотреть можете, любезные соотчичи, коликих мы лишаемся выгод, чрез сии толь многими оборотами доставляемые нам иностранцами нужные потребности.
>
> Конец третей последней части.

Лебедев был не первым, кто писал в России о роли Индии в мировой торговле. В 1781–1788 гг. печатался, сначала в Петербурге, а затем в Москве, многотомный труд историка, экономиста и литератора М.Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах…», в одной из книг которого [Чулков 1785: 541–646] есть географические сведения об Индии, история проникновения в нее европейцев, информация об их факториях, базах, важнейших портах, о торговых кораблях

---

[247] *Масонами*, т.е. муссонами (англ. monsoon, франц. mousson). Муссоны — ветры, периодически меняющие свое направление в зависимости от времени года и использовавшиеся для плавания парусных судов в Индийском океане. Учитывая вероятные контакты Лебедева с «вольными каменщиками», в употребленной им форме можно увидеть так называемую «оговорку по Фрейду».

и т.п. Подробно описаны основные вывозимые из Индии товары, указаны для каждого из них сорта, цены, спрос и условия сбыта. Труд Чулкова считается серьезным научным исследованием, однако раздел, посвященный Индии, является компилятивным по своему характеру, автор основывался в нем преимущественно на европейских источниках [Люстерник 1958: 15]. Книга Лебедева впервые предоставляла русскому читателю информацию о торговле в Индии конца XVIII в., собранную автором-соотечественником на месте, в результате непосредственного наблюдения.

В своих мечтаниях об установлении прямой торговли с Индией Лебедев не был одинок. Его единомышленником оставался И.Ф. Крузенштерн, предпринявший в этом направлении некоторые практические шаги. Вероятно, именно по настоянию И.Ф. Крузенштерна в задачи первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 гг. под его началом было включено «обозрение всего того на пути сем, что может быть полезно и в других местах Азиатских и в обеих Индиях для российской торговли». Организовавшая экспедицию Российско-американская компания дала задание своему представителю установить связи с индийскими фирмами, торговыми домами и отдельными купцами. Правление компании выражало в связи с этим надежду, что Россия сможет из Индии «со временем привозить сахар, кофе, индиго и прочее прямо к петербургскому порту». В отчете, поданном Александру I, правление компании писало о благоприятных перспективах русской торговли «в селениях иностранных Ост-Индских компаний, как-то Калькутте, Бенгалах, Батавии и прочих местах, где по уверению бывшего там того же господина Крузенштерна все порты и народы нас благосклонно принять готовы» [Люстерник 1986: 93].

Тем не менее планы Лебедева и Крузенштерна еще очень долго не могли осуществиться по той причине, что у России не было мощного торгового флота, способного обеспечить бесперебойный обмен товарами с далекой Индией. Лишь в 1870-х годах, после открытия Суэцкого канала, Русское общество пароходства и торговли смогло организовать пароходные рейсы из Одессы в Бомбей. Но эти рейсы не стали регулярными и не повлекли за собой избавления от западноевропейских, главным образом британских,

посредников. Прямая торговля между Россией и Индией в достаточно крупных объемах стала возможной только после обретения Индией независимости и установления дружеских отношений между двумя странами в середине 1950-х годов.

Поздние годы: Г.С. Лебедев и Г.Р. Державин

«Безпристрастное созерцание», насколько нам известно, единственная книга, изданная Г.С. Лебедевым в собственной типографии[248], хотя в «Предуведомлении» к книге он обещал, что, если Провидению будет угодно продлить его жизнь, «выдаст» в свет еще многие свои сочинения: грамматику «смешанных диалектов», бенгальскую грамматику и словарь, «арифметику», а также переведенные им две «драммы на собственном нашем российском и индийском языках» [Русско-индийские отношения 1965: 545]. Вероятно, осуществлению этих планов мешала загруженность служебными обязанностями в Департаменте азиатских дел. Вряд ли ему приходилось переводить что-либо с индийских языков, зато наверняка нашло применение его хорошее знание английского [Венгеров 1916: 21; Воробьев-Десятовский 1956: 58].

Тем не менее Лебедев все свободное от служебных занятий время посвящал, по-видимому, подготовке к печати других своих трудов. О том, над чем он работал конкретно, можно судить по документу, сохранившемуся в фонде графа Н.П. Румянцева (ф. 256) Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Это список сочинений и переводов Лебедева, готовых к изданию или находящихся в процессе подготовки. В первой публикации [Русско-индийские отношения 1965: 508] документ датирован «не ранее 1807 г.», на основании водяного знака бумаги

[248] Если не считать брошюры, состоящей из четырех листов и озаглавленной «Шлоке мога мудгаро. Стихи нравоучительные», о которой см. далее в этом разделе.

«1807». Указано также, что это «реестр трудов Г.С. Лебедева по языкознанию Индии, поданный им государственному канцлеру графу Н.А. (Н.П. — *Я.В.*) Румянцеву». Эти данные, мне кажется, следует скорректировать. Н.П. Румянцев был возведен в чин государственного канцлера 7 сентября 1809 г. С февраля 1808 г. и по август 1814 г. он был министром иностранных дел, т.е. возглавлял ведомство, в котором служил Лебедев. Несомненно, Лебедев подавал ему свой «реэстр» именно как своему высшему начальнику. Возникает вопрос: зачем понадобилась Румянцеву информация о работах его подчиненного в области изучения Индии?

В связи с этим привлекает внимание последняя фраза письма. Лебедев говорит в ней, в частности, что он рад быть полезен «в такое время, в кое паче протекших веков возникает между Россиею и Индиею вящее сношение».

Поскольку никаких других прямых сношений между Россией и Индией в те годы не было, речь может идти только о торговых связях, которые установили в эти годы с Северной Индией семипалатинские купцы Семен Мадатов, Мехти Рафаилов и Захар Шаргилов. В начале 1808 г. их, вернувшихся из Кашмира, принял в Петербурге глава МИД Н.П. Румянцев и поручил им снова ехать с торговой целью в Кашмир и Западный Китай. Рафаилов с Шаргиловым вскоре уехали и вернулись из Кашмира только в 1811 г. В 1809 г. выехал в Индию и Мадатов, успешная торговая поездка которого продолжалась около четырех лет. Успех этих торговых предприятий, предпринятых при содействии российского кабинета министров, привел к тому, что к 1815 г. установление прямой торговой линии между Семипалатинском и Кашмиром стало свершившимся фактом [Россия и Индия 1986: 101–102].

Представляется наиболее вероятным, что Г.С. Лебедев представил свой реестр Н.П. Румянцеву в период подготовки этих торговых экспедиций, т.е. в 1807 или 1808 г. Приводим текст документа.

Реэстр ниже означенным предметам (в роде словаря), переведенным в Калькоте с индейского языка на российской Герасимом Лебедевым:

1-е. Азбука шамскрито-бенгальского духовного и светского языка, состоящая из 147 букв, расположенная в трех отделениях, име-

ющих пять отличий[249]. Подлинник с переводом на российской язык изготовлен к тиснению.

2-е. Словарь на бенгальском и общенародном индийском (смешанном из разных азиатских) языках. Должно переписать начисто.

3-е. Грамматика на народном Индийском и Англинском языках, отпечатана и поднесена Государю Императору. Долженствует быть переведена на российской язык.

4-е. Грамматика бенгальского чистого языка, на коем индийцы ведут по делам переписки. Подлинник с переводом на российской язык: должно переписать начисто. Сия грамматика может путеводствовать к научению шамскритского языка[250].

5-е. Несколько разговоров на разные предметы. Написаны на бенгальском, народном индейском, на российском и англинском языках. Должно переписать начисто.

6-е. Комедия прозванием (Disguise) «Притворство». Переведена с англинского на бенгальский и российской языки. Переписана начисто.

7-е. Ключ от начальных оснований индийской арифметики, расположенных в пяти отделениях, в каждом особенно сто числами, для вычесления разных весов и мер, твердых и жидких тел и четвероякого рода денег, как-то: раковок, вместо денег употребляемых, чеканеных медных, серебреных и золотых.

Признаются ли вышеозначенные предметы быть полезными для любезного моего отечества и почтет ли оное мое ревностное содействие услугою в такое время, в кое паче протекших веков возникает между Россиею и Индиею вящее сношение, — то обозначить для существующего и грядущего потомства представляю вашего сиятельства благоусмотрению.

Неопубликованные переводы и сочинения Лебедева вряд ли оказались полезны в деле установления торговых контактов с Индией, но его знания о стране могли внести определенный вклад. Не исключено, что это стало одним из поводов для состоя-

---

[249] «Здесь, очевидно, имеется в виду пособие по бенгальскому письму, употребляющемуся в Бенгалии и для записи санскритских текстов» [Воробьев-Десятовский 1956: 56].

[250] «В литературном бенгальском языке употребляется большое количество санскритских слов, благодаря чему в пособиях по этому языку часто излагаются элементы санскритской грамматики» [Воробьев-Десятовский 1956: 56].

вшегося в 1811 г. повышения его по службе. 31 октября этого года Коллегия иностранных дел во главе с тем же графом Румянцевым постановила представить Правительствующему Сенату коллежского асессора Герасима Лебедева к награждению чином надворного советника[251]. Это был чин, автоматически приносивший его обладателю личное дворянство.

Из поданного Г.С. Лебедевым графу Румянцеву «реэстра» видно, что к этому времени в каком-то виде уже существовало его «арифметическое» сочинение, здесь обозначенное как «Ключ от начальных оснований индийской арифметики…», а в более поздней, беловой рукописи[252] озаглавленное «Арифметическия восточных Индийцев Таблицы» (Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 90, № 1, 1226/1). Написание этого текста в первоначальном виде по времени, должно быть, непосредственно предшествовало составлению «реэстра», поскольку в дошедшей до нас рукописи Лебедев выражает надежду, что его труд послужит «к облегчению многих затруднений в ращетах торговых, производимых Россианами на границах Азиатских» (л. 2 об.). Здесь, по-видимому, имелось в виду предприятие семипалатинских купцов. Однако Лебедев продолжал работать над своим «арифметическим» сочинением вплоть до 1815 г., когда к «таблицам» добавился отдельный том «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания Арифметики…» (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 1, 1226/2). Поэтому содержание обеих частей «арифметического» сочинения в окончательном его виде имеет смысл рассмотреть позднее, поскольку это был последний труд, над которым работал Лебедев.

Из перечисленного в «реэстре» дошла до нас также рукопись комедии «Притворство»: английский текст Р. Джодрелла (“The

---

[251] В числе нескольких других представляемых к повышению сотрудников, показавших «усердие к высочайшей Его Императорскому Величеству службе» и «отличные способности», а также выслуживших в прежнем чине установленные сроки [Русско-индийские отношения 1965: 509].

[252] Хранящаяся в Архиве востоковедов рукопись «выполнена очень аккуратно, ей предпослано обращение к читателю и она совершенно готова к печати. Работа над ней была окончена не ранее 1815 г., так как ее последний лист имеет знак этого года» [Воробьев-Десятовский 1956: 65].

Disguise”), бенгальский перевод с подстрочной кириллической транслитерацией и русский перевод, в три столбика. Она заключена в тисненый золотом зеленый картонный переплет. После смерти Лебедева ее, по-видимому, приобрел Ф.П. Аделунг, в составе коллекции которого она и поступила позже в Публичную библиотеку, где и хранится ныне (ОР РНБ, ф. 7, Аделунг Ф.П., № 79). В «реэстре» Лебедев пишет о ней: «переписана начисто». Но, как и в случае с «арифметическим» сочинением, он представляет готовым текст, работа над которым еще не была закончена. Тщательно исследовавший «ленинградскую рукопись» пьесы В.С. Воробьев-Десятовский отметил, что бенгальский перевод местами «отсутствует либо полностью, либо частично, хотя в калькуттской[253] рукописи он имеется всюду» [Воробьев-Десятовский 1956: 67].

Все остальные упомянутые в «реэстре» работы либо даже не были начаты (перевод на русский грамматики «смешанных диалектов»), либо остались в черновиках и до нас не дошли. Сохранились подготовительные материалы к грамматике бенгальского языка, исследованные Е.Р. Крючковой [Крючкова 2007], и у нас нет оснований полагать, что работа продвинулась далее этого раннего этапа. Черновики словаря бенгальского и хиндустани, а также «разговоров» на этих языках не обнаружены. «Азбука шамскрито-бенгальского духовного и святского языка», «изготовленная к тиснению», также не найдена.

Не упомянут в «реэстре» перевод поэмы Бхаротчондро Рая «Биддешундор», который Лебедев назвал среди предполагаемых будущих изданий в смете типографских расходов, представленной 2 декабря 1801 г. Это объяснимо, так как даже работа над черновым, пословным, подстрочным переводом текста, начатым в Калькутте, по всей вероятности, в 1794 г., не была Г.С. Лебедевым при жизни доведена до конца. В рукописи (РГАЛИ, ф. 1673, оп. 1, № 12), насчитывающей 169 страниц, на некоторых из них «отсутствует русская транскрипция, а на последних трех страницах рукописи, кроме того, нет и подстрочного перевода» [Бросалина, Сладков 2009: 98]. Литературный (стихотворный) перевод фрагмента текста на

[253] Имеется в виду рукопись, привезенная Лебедевым из Калькутты и хранящаяся в Москве (РГАЛИ, ф. 195, архив Вяземских, оп. 1, ед. хр. 6075, 6076).

небольшом листке находится в самом конце рукописи. Эпиграф, восхваляющий Александра I, и некоторые примечания к тексту перевода свидетельствуют, что работа над ним продолжалась и по возвращении Лебедева на родину, в Петербурге.

* * *

В 1811 г., заполняя формулярный список, вероятно, перед представлением к возведению в следующий чин, коллежский асессор Г.С. Лебедев в графе: «Женат ли, имеет ли детей, кого именно, коликих лет, и где они находятся», написал: «женат». В формулярном списке, заполненном 3 декабря 1803 г., он указывал, что холост [Куликова 2001: 15]. На основании этого можно заключить, что Лебедев женился где-то между началом 1804 г. и осенью 1811 г. О жене его до настоящего времени было известно лишь то, что ее звали «Настасья Яковлевна», что она после смерти мужа обратилась к императору Александру с письмом, в котором просила распорядиться о приеме бумаг мужа в Коллегию иностранных дел, а себя «ощастливить определением от монарших щедрот пенсиона на пропитание» [Русско-индийские отношения 1965: 513–514].

В наши дни, однако, широкие возможности для поиска открывают генеалогические информационные порталы (MyHeritage, Родовод). На них Герасим Степанович Лебедев фигурирует как супруг одной из представительниц разветвленного дворянского рода Мордвиновых[254]. Анастасия Яковлевна Мордвинова (в замужестве Лебедева) родилась в 1771 г., в семье отставного капитана Я.Я. Мордвинова (1729–1799), владевшего деревенькой Верхняя Усть-Кумбита (на речке Кумбита, притоке р. Паши) в Новоладожском уезде Санкт-Петербургской губернии. Несколькими деревнями в том же уезде, особенно по реке Паше, владели другие представители рода Мордвиновых, который обосновался в этих местах еще в XVI в. [Руммель, Голубцов 1887: 81, № 127; Описание Санктпетербургской губернии 1838: 92–96; Мурашова, Мыслина 2009: 203–204, 292–293].

[254] Информацию о А.Я. Мордвиновой как супруге Г.С. Лебедева я впервые нашел на сайте семьи Суббот-Масловых на портале MyHeritage. Пользуюсь случаем выразить свою признательность администратору этого сайта Антону Субботе.

Эти новые данные позволяют впервые объяснить цель и маршрут единственного выезда Г.С. Лебедева из Петербурга за все годы службы. В архиве (АВПРИ, ф. № 1. «Административные дела», р. IV-14, 1810, д. № 16, л. 1 и 3; копии — в АВ ИВР РАН, ф. 90, д. № 3, л. 4–5) хранятся документы, связанные с оформлением отпуска для этой поездки. В сентябре 1810 г. Лебедев подал прошение на высочайшее имя, написанное на гербовой бумаге с печатью. Курсивом в публикуемом ниже документе передан текст, написанный рукой Лебедева, — действительно с наклоном, в отличие от остального.

Писано 16 сентября 1810

Всепресветлейший Державнейший
Великий Государь, Император
Александр Павлович, Самодержец
Всероссийский, Государь Всемилостивейший!

Просит Государственной Коллегии иностранных Дел
Коллежский ассесор Герасим Степанов сын
Лебедев о нижеследующем

Имею необходимую надобность побывать здешней
Губернии в Ладожском уезде для исправления домашних дел, по сему всеподданнейше и прошу *К СЕМУ*

Дабы Высочайшим Вашего Императорскаго
Величества указом повелено было сие мое прошение
в Государственную Коллегию Иностранных Дел
принять и меня имянованного уволить на 28 дней по *ПРОШЕНИЮ*

Всемилостивейший Государь прошу Вашего
Императорскаго Величества о сем моем
прошении решение учинить сентября “__“ дня 1810 года
к поданию надлежит в Государственную
Коллегию иностранных дел прошение писал
Коллежский ассесор Матвей Дубинин
Коллежский Ассесор Герасим Лебедев руку приложил.

В своем докладе на российско-индийской конференции «Герасим Лебедев и его время» в Ярославле 16 декабря 2009 г. М.П. Лепехин высказал предположение, что Г.С. Лебедев, предполагая вскоре обрести личное дворянство, выезжал в Новоладожский уезд, чтобы присмотреть там себе имение. Однако до обретения дворянского статуса Лебедеву было в то время еще далеко. Только через год с лишним, в октябре 1811 г., будет он представлен к повышению в чине до надворного советника, и неизвестно, как долго это повышение оформлялось в бюрократических инстанциях[255]. Теперь предположение М.П. Лепехина, разумеется, можно снять, поскольку Лебедев, указавший в вышеприведенном документе, что отпуск ему нужен «для исправления домашних дел», несомненно ехал в Верхнюю Усть-Кумбиту, которой владела после смерти родителей его жена, совместно с братом и сестрами. Известно, что и позднее, в 1838 г., когда Анастасия Яковлевна, возможно, жила или бывала в Усть-Кумбите, имение числилось принадлежащим «наследникам майора Мордвинова» [Описание Санктпетербургской губернии 1838: 93].

Разрешение на отпуск вместе с необходимым для проезда «пашпортом» Лебедев получил две недели спустя, при этом время отпуска ему сократили на восемь дней.

Возвратиться в срок

No. 5044

По Указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая,

Показатель сего ведомства Государственной Коллегии Иностранных Дел Коллежский Ассесор Герасим Лебедев уволен в отпуск на дватцать дней здешней Губернии в Ладожской Уезд, по сему для свободнаго туда и обратно проезда и сей пашпорт из упомянутыя Коллегии дан ему.

В Санктпетербурге.

Сентября. 30го дня 1810го Года.

Иван Вейдемейер

(Круглая гербовая

печать) Секретарь Огиевский

[255] В месяцеслове за 1812 г. Лебедев на одной странице (167) упомянут еще как коллежский асессор, а на другой (182) — уже как надворный советник.

Как видно из этих документов, в то время получить отпуск и паспорт для беспрепятственного проезда по территории Российской империи было для государственного служащего совсем не простым делом. Кроме того, документы свидетельствуют, что в сентябре 1810 г. Г.С. Лебедев определенно был уже женат на Анастасии Яковлевне, урожденной Мордвиновой.

* * *

Мы намного лучше знаем о жизни Г.С. Лебедева в Калькутте, Южной Африке и Лондоне, чем о его жизни в Петербурге после возвращения. Мы не в состоянии определить, например, какой была реакция русского образованного читателя на его книгу. На этот счет высказывались совершенно противоположные мнения. Писали, например: «Представления об Индии в России в начале XIX века значительно расширились… Особенно большую роль сыграла книга Г. Лебедева, выдержавшая несколько изданий (sic! — *Я.В*)» [Западов, Прохоров 1957: 18]. В наши дни преобладает более близкий к истине противоположный взгляд, например: «Деятельность его (Лебедева. — *Я.В.*) не имела существенного значения для судеб отечественной индологии… “Беспристрастное созерцание” воспринималось как дилетантское и архаичное сочинение. Русская образованная публика предпочитала читать об Индии на иностранных языках» [Вигасин 2008: 46–47][256].

Тем не менее углубленные исследования в дальнейшем, возможно, откроют, что ни книга Лебедева, ни его экзотические рас-

[256] В 1836 г. санскритолог П.Я. Петров писал о Лебедеве: «Забвение, которому предали современники труды его, много зависит от недостатков воспитания, не ознакомившего его с систематическим изложением мыслей, необходимым для каждого образованного писателя. Он оставил по себе описание Индии на русском, грамматику ост-индских наречий на английском и несколько других, нигде не напечатанных сочинений. Все это, даже для нас, не заключает в себе ничего важного, кроме имени соотечественника» [Петров 1836: 195]. Как санскритолог, П.Я. Петров слишком строго судил о Лебедеве, который был мало знаком с санскритом, хотя и был уверен в обратном. Вышедшая несколькими годами ранее статья в альманахе С.В. Руссова [Воспоминания 1832: 64–78], автор которой с уважением и интересом отнесся к «Безпристрасному созерцанию», свидетельствует о том, что и 27 лет спустя после выхода в свет главного труда Лебедева забвение не было полным.

сказы, ни его личность не остались без внимания хотя бы какой-то части петербургской культурной элиты. Предстоит еще проверить на достоверность некоторые сведения о контактах Лебедева с деятелями культуры, сообщаемые в уже неоднократно цитировавшейся книге А.Б. Давидсона и В.А. Макрушина и, возможно, почерпнутые ими из не найденной до сих пор статьи Г.Ф. Фесечко. Эти сведения, в совокупности с некоторыми другими, документально подтвержденными, указывают на то, что определенный интерес к привезенным Лебедевым из Индии знаниям и коллекциям проявлялся в литературных кругах.

Прежде всего отметим упоминания о контактах Лебедева с Алексеем Николаевичем Олениным (1763–1843) — видным государственным деятелем в царствование Александра и в то же время покровителем наук и искусств, держателем известного литературно-художественного салона. Сказано, например, что «коллекции индийских рукописей (привезенные Г.С. Лебедевым. — *Я.В.*) поразили директора Императорской Публичной библиотеки А.Н. Оленина» [Давидсон, Макрушин 1979: 267].

Несмотря на все трудности пути, Лебедев привез в Россию первую коллекцию индийских рукописей. Помимо пяти бенгальских календарей, в чем отразился интерес Лебедева к индийской хронологии, в коллекцию входили также рукопись лирической поэмы на брадже (средневековом хинди) «Мадху-Малати» и две санскритские рукописи: знаменитый санскритский словарь синонимов «Амаракоша» и дидактический сборник сказок «Хитопадеша» («Полезное получение»). Последняя рукопись была впоследствии использована немецкими индологами Х. Лассеном и А. Шлегелем при первом издании этого литературного памятника [Воробьев-Десятовский 1956: 57]. Интерес А.Н. Оленина к этим рукописям, составлявшим тогда частную коллекцию Лебедева, вполне объясним. Встреча Лебедева с Олениным на этой почве могла состояться, скорее всего, не ранее 27 апреля 1808 г., когда Оленин вступил в должность товарища главного директора императорских библиотек А.С. Строганова; в его ведении была Публичная библиотека. Официально ее директором Оленин стал в 1811 г. Оленина могла интересовать возможность приобрести рукописи для Публичной библиотеки. Но судьба распорядилась иначе.

После смерти Лебедева рукописи оказались каким-то образом в коллекции востоковеда (тибетолога и монголоведа) и известного изобретателя барона П.Д. Шиллинга фон Канштадт (1786–1837), от которого в 1835 г. попали в Азиатский музей Академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН). Там они находятся и сейчас (см. о них: [Петров 1836; Миронов 1914: № 140, 242, 314–318, 462; Зограф 1960: 14–17, № 2; Посова, Чижикова 1999: 26, № 26; 86, № 391; 128, № 568; 147, № 777–781]).

В той же научно-популярной книге А.Б. Давидсона и Е.А. Макрушина в беллетризованной форме, без ссылки на источник говорится о посещениях Лебедевым заседаний знаменитого оленинского кружка. «На музыкальных вечерах в салоне Оленина Лебедев знакомил петербуржцев и с жизнью Индии. Храмы, дворцы раджей, священные обычаи и повседневная жизнь. Санскрит и живые языки. Вкус плодов манго, кокосов и мадрасских бананов» [Давидсон, Макрушин 1979: 273]. Здесь трудно отделить литературный вымысел от, вероятно, реального, но не подкрепленного, увы, документально факта посещений Лебедевым салона Оленина. Эта информация интересна в двух отношениях. Во-первых, подразумевается, что Лебедев участвовал в вечерах у Оленина как музыкант[257]. Во-вторых, если Лебедев бывал у Оленина, становится понятным, где он мог познакомиться с литераторами, причем принадлежащими к обоим противостоящим лагерям: и с «архаистами», поэтами, составившими «Беседу любителей русского слова», и с молодыми «новаторами», карамзинистами. Кружок Оленина был тем и знаменит, что его участники, даже размежевавшись со временем на «Беседу» и «Арзамас», продолжали встречаться в оленинском салоне[258].

---

[257] Выступления в салоне А.Н. Оленина музыкантов и композиторов засвидетельствованы (правда, для более позднего времени) воспоминаниями его дочери [Устимович 1890: 389].

[258] «В перечне людей, у которых Пушкин искал тогда наставлений, нельзя забыть об А.Н. Оленине. Почтенный председатель Академии художеств, будучи родственником и почитателем Г.Р. Державина, разумеется, склонялся на сторону “Беседы” и не совсем одобрительно смотрел на полемические замашки “Арзамаса”, но он имел важное качество. По званию артиста и по прямому знакомству с классическим искусством, он понимал эстетические законы, которые лежат в основании художнического производства вообще, а потому мог уразу-

С сообщением о посещении Лебедевым салона Оленина логически связанным выглядит упоминание в той же книге о том, что Лебедев рассказывал о своей коллекции «перламутровых раковин, редких минералов и сушеных морских коньков, собранных в Индии и на Капе… поэту Жуковскому и молодому Вяземскому, когда они заходили в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел» [Давидсон, Макрушин 1979: 267]. Это могло произойти и в 1810–1811 гг., когда между молодым Жуковским и совсем юным П.А. Вяземским установились тесные дружеские отношения, и позднее, в период «Арзамаса» (с 1815 г.). Показательно, что поэтов из партии «карамзинистов» интересовали не переводы Лебедева с индийских языков и не сведения об индийском стихосложении, а его коллекция экзотических раковин.

Зато литераторам другого направления в салоне Оленина, создавшим в 1811 г. свое отдельное общество — «Беседу любителей русского слова», книга Лебедева и иные его сочинения, видимо, пришлись по душе. Лебедевский стиль, в котором архаизмы и церковнославянизмы сочетались с просторечием, отвечал требованиям ведущего теоретика «архаистов» А.С. Шишкова. Проявляли они интерес и к индийской поэзии. Поэтому вряд ли можно считать случайностью то, что именно в архиве А.С. Шишкова сохранилась рукопись бенгальского текста поэмы «Биддешундор» с пословным переводом Лебедева (РГАЛИ, ф. 1673, оп. 1, № 12).

Разумеется, А.С. Шишков мог приобрести рукопись и после смерти Г.С. Лебедева: о том, что между ними были прямые контакты, свидетельств нет. Но иначе обстоит дело с самым почтенным и знаменитым из членов «Беседы» — Гавриилом Романовичем Державиным.

О контактах Лебедева с Державиным впервые стало известно в 1963 г. из статьи М. Г. Альтшуллера, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки».

меть изящество произведения, если бы даже оно явилось и не с той стороны, откуда он привык его ожидать. Так, он был один из первых, которые признали поэтическое достоинство “Руслана и Людмилы”. Качество это сделало самый дом его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположных воззрений» [Анненков 1874: 120–121; 1998: 94]. О принципиальной «надпартийности» как раннего кружка, так и салона Оленина в 1810-х годах см. также в статье: [Евсеева 1999: 420, 421].

Обнаруженные М. Г. Альтшуллером архивные материалы относились к последним годам жизни Г.Р. Державина и связаны с его работой над одним из последних его творческих проектов — монументальным теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии». В этой книге (издать которую Державин так и не успел) он намеревался собрать и проанализировать образцы поэтического творчества (в лирическом роде) всех народов мира, как современных, так и живших в глубокой древности. В рукописи «Рассуждения» и подготовительных материалах к этой книге, хранящихся в ОР РНБ и РО ИРЛИ РАН, мы находим отрывки из Ветхого Завета, образцы поэзии труверов и трубадуров, отрывки из древнеисландских саг, арабские касыды и даже сочинения древнекитайских поэтов эпохи Сун.

Согласно книге А.Б. Давидсона и Е.А. Макрушина (вероятно, опиравшихся в данном случае на статью Г.Ф. Фесечко), Державин познакомился с Лебедевым в салоне А.Н. Оленина [Давидсон, Макрушин 1979: 273]. Впрочем, Г.Р. Державин, в течение многих лет занимавший министерские посты, мог знать о том, что в Коллегии иностранных дел переводчиком индийских языков состоит надворный советник Лебедев, «бывший 14 лет в Индии», и прямо обратиться к нему за сведениями об индийской поэзии.

Лебедев, надо полагать, с готовностью и немедленно откликнулся. В марте 1815 г. он прислал Державину обстоятельную записку «О стихосложении индийцов», в которой не только описал разные стихотворные размеры (от 8- до 15-стопных), но и подробно рассказал о характерной для индийской поэтической культуры манере исполнения стихов, об органической связи поэзии и музыки и т.д. В записке нет обращения и каких-либо сопроводительных слов, на основании чего М.Г. Альтшуллер правомерно заключил, что записка могла быть вручена при личной встрече.

> Стиха, или стихов стопы, у индийцев составлены ниже означенными слогами:
>
> Из односложных, двусложных и тресложных стоп составляется у них стих, который по числу стоп бывает: 1) одностопный, 2) двустопный, 3) трестопный, 4) четырестопный, 5) стопный, 6) 7) 8) 9) 10) 12) и 13-стопный, а в некоторых стихотворениях бывает 14-стоп-

ный и 15-стопный. Смотри в грамматике Натаила Брассея Галгет[259] на стр. 200-й в четвертку: а здесь показываются стихотворения образцы или примеры, взятые из книги, называемой Биддьэ шундор («Биддешундор». — *Я.В.*), т.е. Учености Красота; сочиненной славным Индийским стихотворцем, именуемым шри Бгарот Чондро рай.

Приведя примеры бенгальских стихов в русской транскрипции с подстрочным переводом, Лебедев далее рассказывал о манере песенного исполнения стихов индийцами.

Сочиненные в индийских стихах, по приличию праздников их песни, печальные, тихие или томные: веселые и громкие: некоторые из мущин и женщин в публичных их храмах и приватных домах поют голосами, а музыканты окомпанируют им на инструментах называемых: *шоникала* или *шаникала,* род габоев или шалмоев; *Бгела,* гуды или балалайка; *шонга*[260], раковиною белою, которую индийцы почитают Божиим инструментом, и употребляют оную вместо трубы: железными треугольниками, с навешенными на них колокольчиками и другими приспособлениями к музыке, побрякушками[261], с окампонировкою барабана называемого *дол,* или *том том.* При таковом оркестре в некоторых богомольных домах, народные певцы из собрания, налагают себе на ноги железные цепи и, накладывая один другому на плечи руки, переходят в богомольном зале от стороны в сторону, и производят звуком цепей, пением и инструментальною их музыкою подобно буре большой шум, заставляющий поздних времен любопытных взять древние обычаи на замечание.

Сия выписка учинена по желанию Его Высокопревосходительства Гаврила Романовича Державина, надворным советником Г. Лебедевым, бывшим в восточной Индии 14 лет.

21-го Марта 1815 года (РО ИРЛИ РАН, ф. 96, оп. 1, л. 58–59; [Альтшуллер 1963: 126–127]).

---

[259] Бенгальская грамматика Нэтэниела Брэсси Халхэда (Nathaniel Brassey Halhed [Halhed 1778]) — первый печатный текст, в котором использовался наборный бенгальский шрифт.

[260] *Шонга*, санскр. шанкха, хинди *шанкх* — белая раковина, употребляемая как музыкальный инструмент.

[261] Имеется в виду картал, индийская разновидность кастаньет. Состоит из двух деревянных, иногда окованных металлом, иногда металлических блоков, один из которых надевается на большой палец, а другой — на остальные пальцы. При ритмичном сжимании и разжимании ладони раздается резкий сухой щелчок или металлический звук. К карталу часто подвешиваются колокольчики, добавляющие к звуку удара звон. См. подробнее: [Альбедиль 2015: 74; Альбедиль, Васильков 2015: 32–33].

Державин захотел знать больше, и, видимо, попросил у Лебедева дополнительных сведений. Тот послал ему еще два текста. Второй дополнительно посланный Державину текст был озаглавлен «Имена отличнейших индийских песнопевцов, той света страны, где еще находятся следы древней мудрости и добродетели». Название напоминает нам о «древней мудрости», на поиски «следов» которой Лебедев и был, по-видимому, послан в Индию. В этой рукописи содержатся три отрывка из поэмы Бхаротчондро Рая «Биддешундор» (РО ИРЛИ РАН, ф. 96, оп. 1, л. 65–66).

Сведения об индийской поэзии и ее образцы, полученные от «господина надворного советника Лебедева», Державин в «Рассуждении о лирической поэзии» рассматривает на фоне широкого круга памятников мировой литературы. При этом индийскую традицию он считает одной из древнейших. Описывая один за другим различные виды лирической поэзии, Державин останавливается на «перекличной, или амбеической оде», «в которой поэт, представляя два лица, заставляет их перекликаться, спорить или говорить между собою». Примеры такой оды он находит «у Горация, в книге III под числом IX, к Лиде. У индейскаго брамина Шри Бхарота Чондро Рай, в книге Бидде Шундор (красота учености); у господина Дмитриева в 1-й части Ермак. У меня в III части Пьяной и трезвой философы. Но оставив новейшия, покажем для любопытства в отрывках переводы древних восточных лириков» (ОР РНБ, ф. 247, т. 5, л. 110–111). Державин цитирует тексты из русской Псалтири и Песни песней Соломона, а вслед за ними, на следующем листе, приводит текст, полученный от Лебедева. В подстрочном примечании ко всему этому тексту Державин пишет: «Перевод сообщил Г^н^ Лебедев, переводчик Иностранной Коллегии, живший в Индии 14 лет, искусный в Шамскрито-Бенгальском Индейском языке».

Из Индейского Брамина Шри Бгарот Чондро Рая

Князь
Дщерь сына времени я вижу,
Или Богиню красоты?
Какая прелесть несравненна

Видна во всех ее чертах!
Лице — цветов весны нежнее,
А взор — как луч блестящих звезд.
Щастлив, тебя кто часто видит;
Щастлив, кто близ тебя живет; —
Богов щастливее тот будет,
Тобою будет кто любим.
Смотря на прелести небесны
Мущины млеют пред тобой, —
В восторг приводит несказанный
Единый взор твоих очей.
Трепещут жилы, сердце бьется
От прикасания руки. —
Как камню твердому быть должно,
Тебя чтоб видя не любить.

Княжна
Как кокос (норель) средь дерев Индийских
Так ты среди других Мужчин. —
Твой стан и вид твой благородны,
Являет выступ белого слона[262];
Как лев пред прочими зверями,
Так пред людьми отличен ты.

Князь
Когда я взор твой ни встречаю,
Вся кровь волнуется во мне;
Себя и все позабываю,
Когда твой слышу разговор. —
С тобой в восторгах утопаю,
Тоскую, мучусь без тебя.

Княжна
Я с равнодушием смотрела
Всегда доселе на мужчин.
Любовной страсти я не знала,
Когда не видела тебя. —
С тех пор совсем переменилась

[262] «Индийское выражение для означения предмета, величественного или прекрасного». — Примеч. в рукописи. — *Я.В.*

Сама не знаю от чего, —
И чувства сделались живее,
И в жилах горячее кровь,
И грудь вздымается скорее, —
Я чувствую к тебе любовь
(ОР РНБ, ф. 247, т. 5, л. 112; [Альтшуллер 1963: 128–129]).

Вот еще одно место из рукописи Г.Р. Державина, где используются присланные Г.С. Лебедевым материалы.

Г^н^ Лебедев, ссылаясь на 200 страницу Грамматики Натанаила-Брассея-Галгета, показывает примеры индейских стихов из книги Бидде-Шундор (красота учености). Основывая весь их состав на пресечениях или разстановках (цензурах [sic]), ознаменованных знаками ι, υ и точками, которыя имеют особые названия, как-то: *Ек Дарьи, Тотом Чондо, дди поди* или *дуй поди* и прочия, по коим они приспособлены к музыке, и отличая в пении одним, двумя и тремя щелчками перстов, сопровождаются разными инструментами, как то: Гобоями, или дудками, гудками, балалайками, железными треугольниками и раковинами, из коих последния почитаются божественным инструментом. — При таковых оркестрах в богомольных домах народные певцы, налагая себе на ноги железныя цепи, и положа на плечи один другому руки, переходят из стороны в сторону, производя звуком, голосами и инструментами страшный шум, подобный буре (ОР РНБ, ф. 247, т. 5, л. 124 об. — 125; см. ил. 48).

Ранее Г.Р. Державин приводит фрагмент еще одного поэтического перевода Лебедева, предваряя цитату рассуждением о глубокой древности поэзии индийцев, как и некоторых других восточных народов.

Поелику же Египтяне, Евреи, Индейцы, Персы и прочия восточныя народы не могут не почесться древнейшими Греков и Латинян; от коих в средние века, как многие писатели уверяют, на Западе Барды, а на севере Скальды, принесли образцы песен к Цельтам, Германам, Англосаксам, Исландам, Коледонянам и Скандинавам; то и скажу я нечто для любопытных о формах Индейских Браминов, Аравлян, Персов, Грузин и Скандинавских скальдов.

У Индейцов стихи на Шомскрито-индейском языке бывают разностопные. — От одной стопы простираются иногда и до 15^ти^, но

более шестистопные. — Вот пример оных взятый из славного их вышеупомянутого стихотворца Мага Шри Бгарота Чондро Рай, переведенный на русской язык Г^м^ Надворным Советником Лебедевым:

Престань искать богатств, о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми делами,
Учись вкушать плоды от собственных трудов:
Вот средства погасить желанья похотливы…
Что жизнь твоя? Она есть капелька воды,
Которая дрожит на розовом листочке…
(ОР РНБ, ф. 247, т. 5, л. 124–124 об.).

Обнаружив в рукописи «Рассуждения о лирической поэзии» эти стихотворные строки, В.Г. Альтшуллер тотчас определил их источник: «Стихи, процитированные Державиным, взяты из хранящейся в его архиве брошюры “Шлоке мога мудгаро, стихи нравоучительные”».

Такую брошюру действительно можно обнаружить в 31-м томе «Архива Державина», заключающем в себе (по каталогу) «сборник рукописных и печатных книг» (ОР РНБ, ф. 247, т. 31, л. 153–156). Описывая эту брошюру, М. Г. Альтшуллер отмечает, в частности: «Эта брошюра состоит из четырех листов. Текст начинается на обороте первого листа. Рядом с бенгальскими стихами даны транскрипция и перевод на русский язык. Указание на место и время издания отсутствует: первая и последняя страница брошюры пусты» [Альтшуллер 1963: 127].

Указав на ошибку в описи, где содержание отпечатанной типографским способом брошюры определялось как «стихи на тибетском языке», М.Г. Альтшуллер, однако, ошибся и сам, назвав эти стихи «бенгальскими»[263]. В 2005 г. Н.В. Гуров обнаружил, ознакомившись с текстом брошюры, что бенгальским в ней является только шрифт, а язык стихов — это чистый санскрит.

Отличительную особенность этих «нравоучительных стихов» составляет их рифмованность, что для санскритской поэзии боль-

[263] Ошибка эта вызвана и объяснима, по-видимому, тем, что Лебедев дает рядом с санскритским текстом (в бенгальской графике) и русским переводом не транслитерацию, а кириллическую транскрипцию текста в характерном бенгальском произношении.

шая редкость. Поэтому нам не потребовалось много времени для того, чтобы опознать изданный Лебедевым в оригинале и в переводе поэтический текст. Наиболее известным и вероятно достаточно ранним образцом рифмованной санскритской поэзии является гимн (*стотра*) «Бхаджа Говиндам» («Возлюби Говинду», т.е. Кришну) или «Мохамудгара» («Молот, [сокрушающий] заблуждение”»). Авторство гимна приписывается великому индийскому философу и религиозному реформатору Шанкаре (Ади-Шанкара, Шанкара-ачарья, VII–VIII вв.).

Указание на авторство «Шлоке Мога Мудгаро» («Мохамудгара»), содержащееся в рукописи Державина, ошибочно. Трудно сказать, то ли Державин не понял объяснений Лебедева по этому поводу, то ли сам Лебедев ошибался, приписывая этот текст своему любимому поэту, но Бхарот Чондро Раю (который действительно писал не только на бенгальском, но и на санскрите) эти стихи не принадлежали.

К XVII–XVIII вв. этот текст вошел в состав своего рода хрестоматийной литературы, изучение которой считалось обязательным для молодых людей высших сословий.

«Мохамудгара» — это основное название текста во всех его вариантах, и это же название его кратчайшего варианта: двенадцати строф, сочиненных, по преданию, самим Шанкарой (этот вариант называется также «Двадашаманджарика-стотра» — «Гимн-двенадцатицветие»).

Существует также развернутый вариант (точнее, совокупность вариантов), известный как «Бхаджа Говиндам» («Возлюби Говинду[264]!»). Название дано по первым словам первой строфы. Легенда, комментирующая эту строфу, такова: однажды Шанкара, прогуливаясь с учениками по улице священного города Варанаси (Бенареса), услышал, как кто-то твердит грамматические правила. И увидел старого ученого, больного, изможденного, который вместо того, чтобы думать о душе в преддверии смертного часа, был по-прежнему поглощен всецело своей грамматикой. И тогда Шанкара пропел ему стих, который в приблизительном переводе (не лебедевском, а нашем, у Лебедева нет этой строфы) звучит так:

[264] Гови́нда — «Пастырь», имя Бога, Вишну-Кришны.

Возлюби Говинду, возлюби Говинду, возлюби Говинду,
ученый глупец!
В смертный час
от знания грамматики
Велика ли польза
будет тебе?

Затем Шанкара, по преданию, произнес строфы «Двенадцатицветия». Каждый из сопровождавших его четырнадцати учеников добавил к этому по одной строфе, в результате чего образовалась вторая часть гимна, известная как «Чатурдашаманджарика-стотра» («Гимн-четырнадцатицветие»). Пространная версия совмещает «Двенадцатицветие» и «Четырнадцатицветие», начальную строфу, заключительную «мангала-шлоку», иногда также некоторые строфы из других вариантов «Четырнадцатицветия». Вариант «Бхаджа Говиндам», опубликованный Т.М.П. Махадеваном в многократно переиздававшемся сборнике «Гимны Шанкары», содержит 31 строфу [Mahadevan 1990: 37–77]. Все строфы гимна проповедуют подавление страстей, очищение души, вступление на духовный путь. При распевной рецитации пространной версии цитированная выше первая строфа со словами *bhaja govindam* повторялась как рефрен после каждого «куплета».

Тот вариант «Мохамудгары», который перевел Лебедев, — это «Гимн-двенадцатицветие», плюс подытоживающая тринадцатая строфа.

Вот как выглядит перевод Г.С. Лебедева:

СТИХИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

Престань алкать богатств, о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми делами;
Учись вкушать плоды от собственных трудов:
Вот средства погасить желанья похотливы. (1)

Чей сын ты, знаешь ли? и кто твоя жена?
Скажи, кто ты? За чем сюда явился?
Познал ли ты теперь превратность жизни сей?
Познай же власть, мой друг, Правителя вселенной. (2)

По что во младости гордишься суетой,
Когда в минуту смерть со всем нас разлучает?
Не лучше ль отложить к мирским забавам страсть,
И шествовать стезей, Творцом определенной? (3)

Что жизнь твоя? Она как капелька воды,
Которая дрожит на розовом листочке;
Подобна челноку, в иной плывущу мир:
Пожертвуй хоть часом ты истине священной. (4)

Уже ты без зубов, бледнеют и уста,
Трясется голова, и члены все ослабли,
Валится из твоих дрожащих посох рук;
Но ты и тут еще стяжать богатства алчешь. (5)

Рожденным будучи, ты должен умереть,
Оставить бурный свет, и спать в земной утробе;
Коль зришь ты в свете сем мечту и суету,
Так в злате ли найдешь ты щастие надежно? (6)

Ты видишь как текут нощь, вечер, утро, день,
И года времена на крыльях пролетают;
Не видишь ли как смерть разит всегда людей,
Почто ж твой алчный взор стремится лишь к богатству? (7)

Под древом жизни храм тебе назначил Бог,
Постелей шар земной, растения покровом;
В наружном блеске благ нет истинных отрад;
Доставить может их одна лишь чиста совесть. (8)

Коль хочешь угодить Создавшему тебя,
Не делай зла друзьям, не мсти врагам ты лютым;
В жестоки сварливы, ни в тихи мирны дни:
Вот правило тебе, вот истина священна. (9)

Осмь гор[265] и седмь морей под властью состоят
Единого Творца, создавшего вселенну;
Один лишь ими Он всесильно управляет;
Так что ж крушить тебя? Скажи о чем скорбишь? (10)

[265] Разумеются планеты (примеч. Г.С. Лебедева).

Когда един есть Бог, Создатель тварей всех;
На что же умствуешь, душею ты мятешься;
Смотря на вымыслы и хитрости других,
Стараешься всегда блеснуть умом пред всеми? (11)

В младенчестве игрой твой разум занят был,
В цветущи юны дни страстям ты покорялся,
Под старость жизнь твою болезни тяготят,
Когда ж на помощь ты Творца призвать подщишься? (12)

Уста наставника гласят ученикам
Законы мудрости двенадцать наставлений;
Но кто вещания сии пренебрежет,
Что делать более осталось с таковыми? (13)

Г.С. Лебедев не был первым, кто перевел «Мохамудгару» на европейский язык. Это сделал ранее Уильям Джонс. Его «диссертация» о «правописании азиатских слов латиницей» была посмертно опубликована в журнале “Asiatick Researches”, выходившем в Калькутте, а вскоре в первом томе избранных трудов Джонса, была издана и в Лондоне [Jones 1799: 175–228]. В качестве приложения к этой работе У. Джонс опубликовал подлинные тексты на восточных языках, в том числе два индийских (санскритских) текста: фрагмент из «Бхагавадгиты» в графике деванагари (по изданию Ч. Уилкинса) и «Мохамудгару», набранную бенгальским шрифтом. Тексты сопровождались транслитерацией по предлагаемой Джонсом системе и переводами на английский.

Опубликованный в Лондоне перевод «Мохамудгары» [Jones 1799: 207–212] был сразу же замечен. Вскоре юный Юлиус Клапрот, в будущем — адъюнкт ориенталистики в Санкт-Петербурге и профессор восточных языков в Париже, опубликовал немецкий перевод гимна, сделанный на основе перевода У. Джонса. В это же время великий немецкий философ И.Г. Гердер, всю жизнь посвятивший исследованию различных проявлений человеческого духа в культуре разных народов, цитирует «Мохамудгару» в одном из своих сочинений, излагающем «учение брахманов» [Winternitz 1962: 166; Halbfass 1990: 70–71]. Через несколько лет Л. Ланглэ, издававший каталог санскритских рукописей, поместил там фран-

цузский текст «Мохамудгары», также основывавшийся на переводе У. Джонса [Hamilton, Langlés 1807: 71–72]. Для полноты картины нужно отметить, что перевод У. Джонса был известен и россиянам. В издаваемом И. И. Мартыновым журнале «Северный Вестник» было опубликовано в русском переводе несколько стихов из текста, озаглавленного «Предохранительный способ против возмущений душевных. Поэма санскритская». Публикаторы особо отмечают, что «изданием в свет на Санскритском» и «переводом на Английский язык» этого небольшого сочинения «мы одолжены единственно Вильяму Джонсу» (Северный Вестник. Ч. VI. СПб., 1805. С. 40–45).

В отличие от всех вышеназванных европейских ученых, Лебедев переводил не с английского У. Джонса, а прямо с санскрита. Перевод Джонса был ему известен: Лебедев ссылается на него, как всегда, полемизируя с Джонсом, в предисловии к своей «Грамматике» [Lebedeff 1801: XVIII–XIX]. И перевод его тоже во многом полемичен. При том что Лебедев переводил тот же краткий вариант текста «Мохамудгары»[266], что и Джонс, расхождения его перевода с переводом Джонсом весьма показательны.

Сопоставительный анализ переводов Джонса и Лебедева проделал в свое время Н.В. Гуров. Он обнаружил, что в целом ряде случаев Лебедев, скорее всего сознательно, избирает для перевода тех или иных санскритских слов и выражений варианты, вполне соответствующие как чисто языковому контексту, так и общему настрою «Мохамудгары», но в то же время никак не совпадающие с вариантами, избранными Джонсом. Например, во второй строфе мы находим в оригинале: saṃsāro ‘yam atīva vicitram. Джонс переводит это как «How extremely *wonderful* is even this world». У Лебедева же мы находим: «Познал ли ты теперь *превратность* жизни сей?» Санскритское vicitram допускает, как известно, оба толкования. В следующей строфе читаем: harati nimeṣāt kālaḥ sarvam. Перевод Джонса: «All these <u>time</u> snatches away in the *twinkling of an eye*». Лебедев же переводит: «*В минуту* <u>смерть</u> со всем нас

[266] Возможно, этот краткий вариант был наиболее распространен в бенгальском обществе того времени. Не исключено и то, что Лебедев переводил текст, изданный Джонсом.

разлучает». Здесь также Джонс и Лебедев используют различные значения санскритских слов kāla («время; смертный час, смерть») и nimeṣa («мигание; миг, мгновение») [Васильков, Гуров 2007: 43].

Между переводами Г.С. Лебедева и У. Джонса существует и еще одно весьма существенное концептуальное отличие. Джонс бережно сохраняет в тексте все культурологические реалии, связанные с индийской мифологией и религией. В то же время в переводе Лебедева эти реалии, прежде всего имена индийских божеств, последовательно исключаются из текста, заменяясь некоторыми общерелигиозными или прямо христианскими терминами. Например, в девятой строфе: *vāñchasy acirād yadi viṣṇutvam* — Лебедев переводит: «Коль хочешь угодить *Создавшему тебя*». У Джонса: «If thou desirest… to attain the nature of *Viṣṇu*». Следующая строфа говорит о вечности вселенной и, в частности, богов Брахмы, Индры, Рудры и Солнца (*Brahmāpurandaradinakararudrāḥ*). Джонс сохраняет все эти имена, в то время как в лебедевском переводе строфа начинается со слов «Осмь гор и седмь морей под властью состоят *Единого Творца, создавшего вселенну*». В следующей, 11-й строфе снова упоминается Вишну, который в переводе Лебедева именуется «*един Бог, Создатель тварей всех*». И, наконец, встречающемуся в 12-й строфе наименованию *parama Brahman* (Supreme Brahma у Джонса) в лебедевском тексте соответствует *Творец*.

В этом, несомненно, сказалось стремление «христианизировать» индуизм, увидеть в нем наследие «прамонотеистического» откровения, полученного от Бога Адамом. В данном случае это стремление завело Лебедева слишком далеко. В его переводе оказалось утраченным многое из того, что сделало переводы «Мохамудгары» весьма популярными у европейских читателей в первые десятилетия XIX в.[267] Вот, например, 11-я строфа, своим «пантеизмом» восхитившая Гердера:

> tvayi mayi ca ‘nyatraiko viṣṇuḥ / vyarthaṃ kupyasi mayyasahiṣṇuḥ /
> sarvaṃ paśyā ‘tmanyātmānaṃ / sarvatro ‘tsṛja bhedajñānam //

[267] По данным библиографов [Gildemeister 1847: 81], в это время текст «Мохамудгары», в оригинале и в переводе, публиковался в европейских странах едва ли не чаще, чем другие образцы санскритской литературы.

Буквально это означает следующее: «В тебе, во мне и в других — один Вишну; напрасно ты, проявляя нетерпимость, сердишься на меня. В своем “Я” надо видеть все другие “Я”; избавься во всем от представления о различии». Приблизительно так и переводит Джонс. Перевод этой строфы Лебедевым («Когда един есть Бог, Создатель тварей всех…» и т.д.) показывает, что смысла ее он не понял или не захотел понять.

Исключительную популярность «Мохамудгары» у европейских санскритологов первой половины XIX в. можно объяснить тем, что этот маленький стихотворный текст казался им на фоне других образцов санскритской поэзии как по форме (рифмованность), так и по содержанию (утверждение бренности бытия и необходимости спасения души) наиболее близким к определенным жанрам и образцам европейской поэзии XVII–XVIII вв.[268] Как писал Н.В. Гуров, «откровенная назидательность “Мохамудгары” ассоциировалась в сознании английского читателя с поэзией Дж. Мильтона и А. Поупа, немецкого — с поэмами М. Опица и А. Грифиуса, французского — со стихами П. Ронсара, Ж. Дю Белле и др. Начитанный европеец без труда мог бы обнаружить в этом тексте прямые аналогии со стихами английского поэта-мистика Эдварда Юнга, которые в это время переводились на все языки и были у всех на устах. Нет ничего удивительного и в том, что именно этот текст привлек внимание Г.С. Лебедева. Дидактизм, апеллирующий к авторитету Священного Писания, был характерен, как известно, не только для европейского, но и для российского Просвещения, особенно для тех его представителей, которых, по выражению А.С. Пушкина, отличала “странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства” [Пушкин 1978: 241], то есть для петербургских и московских вольных каменщиков» [Васильков, Гуров 2007: 41].

Лебедевский перевод «Мохамудгары» своей метрикой, интонацией, лексикой близок некоторым образцам современной ему

[268] Возможно также и встречное движение: индийские пандиты, сотрудничавшие с европейскими индологами, специально обращали их внимание на «Мохамудгару», желая показать, что и в санскритской поэзии были тексты, по форме и содержанию близкие европейским поэтическим текстам определенных жанров.

русской философской поэзии высокого стиля. Сравним, например, седьмую строфу «Стихов нравоучительных»:

Ты видишь как текут нощь, вечер, утро, день,
И года времена на крыльях пролетают;
Не видишь ли, как смерть разит всегда людей,
Почто ж твой алчный взор стремится лишь к богатству?

И фрагмент из «Стихов на Страшный суд» М.М. Хераскова [Сахаров 2004: 53–54]:

Сколь Ты, о Господи, велик, непостижим!
Все в совершенстве здесь устроено Тобою;
За осенью зима и лето за весною,
Час идет за часом, за ночью идет свет,
И все в вселенной сей порядочно течет.
Во всем мы Бога зрим, Тебя нам все являет,
Тебя, о Боже мой, все в мире прославляет.

Следует, однако, заметить, что при общей философичности и дидактизме содержания между «Мохамудгарой» и европейской поэзией такого рода есть существенное различие. «Мохамудгара» отмечена исключительной простотой стиля. Наряду с коротким размером, энергичным ритмом, рифмованностью многих стихов, эта простота, доходящая порой до использования грубоватых выражений, делает «Мохамудгару» уникальным явлением на фоне всей санскритской поэзии.

Если искать аналогии стихам «Мохамудгары» в европейской философской поэзии эпохи Просвещения, то следует скорее обратиться к ее наиболее демократичным, стилистически сниженным формам, близким народно-песенной стихии, таким, например, как стихи Г.С. Сковороды (см. стихи из его «Сада божественных песней» в книге: [Сковорода 1973: 57–68]).

Постараемся показать на примере разницу между высоким стилем лебедевского перевода и стилистической простотой подлинника. Возьмем пятую строфу в оригинале и в переводе Лебедева:

angaṃ galitaṃ palitaṃ muṇḍaṃ dantavihīnaṃ jātaṃ tuṇḍam /
karadhṛtakaṃpitaśobhitadaṇḍaṃ (вариант: vṛddho yāti gṛhitvā daṇḍaṃ) tadapi na muñcati āśābhāṇḍam //

Перевод:

Уже ты без зубов, бледнеют и уста,
Трясется голова, и члены все ослабли,
Валится из твоих дрожащих посох рук;
Но ты и тут еще стяжать богатства алчешь.

А вот перевод этого стиха, в котором мы попытались передать одновременно в максимально возможном приближении и ритмику, и стиль, и в целом дух этого текста [Васильков, Гуров 2007: 43]:

Сивый, плешивый, хворый, убогий
Старец с клюкою бредет по дороге.
Нет уже ни зуба у грешника в пасти,
Но, как прежде, душу сжигают страсти.

Особо следует отметить употребление в санскритском тексте слова *tuṇḍam*, первичным значением которого является «клюв (птицы); морда, пасть (животного)»; в применении к человеку это звучит грубовато-уничижительно.

Таким образом, Г.С. Лебедев переводил «Мохамудгару», на наш взгляд, более высоким стилем, нежели того требовал текст. Не лишен его перевод и других недостатков. Лебедев, как известно, сам оценивал свои знания санскрита довольно сдержанно: говоря о том, что ему удалось «выразуметь» бенгальский язык, он одновременно указывал, что о «Шомскритском языке» ему лишь «удалось добыть сведения» [Лебедев 1805: V]. Анализ лебедевской транскрипции текста «Мохамудгары» свидетельствует о том, что она производилась, скорее всего, на слух, причем в роли информанта выступал носитель бенгальского языка. Можно также предположить, что Лебедев сумел вникнуть в содержание текста благодаря знакомству с неким устным бенгальским комментарием.

Впрочем, этим никак не умаляется значение того факта, что Лебедев первым из европейцев после Джонса переводил «Мохамудгару» с санскритского подлинника. А для России «Шлоке мога мудгаро, стихи нравоучительные» — это хотя и вы-

полненный не без помощи бенгальских пандитов, но первый русский перевод с санскрита[269].

Примечательно также то, что брошюра была издана типографским способом, с использованием наборного бенгальского шрифта. Следовательно, это было второе после «Безпристрастного созерцания» издание, вышедшее в типографии Г.С. Лебедева, хотя и в количестве одного или, может быть, двух экземпляров. Можно также присоединиться к заключению М.Г. Альтшуллера о том, что «брошюра “Шлоке Мога Мудгара, стихи нравоучительные” является первой в России попыткой напечатать произведение индийской художественной литературы в переводе с языка оригинала» [Альтшуллер 1963: 128].

К сожалению, Г.Р. Державин не закончил подготовку к печати своего «Разсуждения о лирической поэзии». 8 июня 1816 г. он умер. Сообщенная Державину Лебедевым информация об индийской поэзии не дошла до русского читателя, а первый перевод с санскрита на русский язык остался на долгие годы лежать погребенным и неопознанным в архиве поэта.

Последние труды: «Арифметика» и ее «Систематические основания»

В самом конце 1816 г., 30 декабря, Герасим Степанович Лебедев обратился к своему высшему начальнику, недавно назначенному управляющим Министерством иностранных дел графу Карлу Васильевичу Нессельроде с письмом, в котором просил передать императору Александру свое прошение об издании подготовленных им трудов: «азбуки» и «первоначальных арифметических оснований». Адресат письма до своего повышения по службе

[269] Следующий, до сих пор считавшийся первым появился только в 1833 г.: это перевод «Песни Налы из Махабхараты», выполненный П.Я. Петровым и опубликованный в журнале «Телескоп» (т. XXV, 1833).

состоял при коллегии как «Статс-Секретарь, при докладах ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ по иностранной части» [Месяцеслов 1816: 239], теперь же он совмещал должности управляющего Министерством иностранных дел, первоприсутствующего в коллегии и статс-секретаря, докладывающего лично императору [Месяцеслов 1818: 365][270].

Поскольку это письмо содержит достойную внимания информацию, приводим его полностью.

> Сиятельнейший граф, милостивый государь!
>
> С 1775 по 1801 год, чрез целые 25 лет, первый, может быть, я из россиян странствовал на своем иждивении в Европе и в отдаленных частях света, как-то: в Восточной Индии и Африке. Лучшее жизни моей и приобретенное с трудом немалозначущее для меня имущество, могущее в теперешних поздних моих летах сделать мне спокойствие, истощил я для пользы моих соотчичей, стараясь воззаимствовать главнейшие основания брамгенской учености. Что самое оправдывая, имел щастие вывести из Индии азбуку, словарь, грамматику, первоначальные арифметические основания и несколько разговоров. Из коих грамматику на народном индейском и англинском языках и созерцание брамгенских систем на российском и бенгальском имел щастие уже выдать в свет при помощи нарочно для сего заведенныя мною типографии.
>
> А ныне едва успел при оскудении сил моих и зрения приготовить к изданию азбуку и вышесказанные арифметические основания, словарь же, шамскрито-бенгальская грамматика и другие некоторые предметы, за слабостию моего здоровья и по неимению переписчика, остаются вчерне.
>
> Имея честь под начальством Вашего сиятельства служить в Азиатском департаменте и в особе Вашей предполагая непосредственного трудящихся попечителя, сим осмеливаюсь, Ваше сиятельство, покорнейше просить меня и посильный труд мой пред лице Государя Императора представить, исходатайствовав на то высочайшее Его Императорскаго Величества соизволение чрез подносимое при сем Вашему сиятельству письмо.

---

[270] В первой публикации этого письма [Русско-индийские отношения 1963: 510] адресатом его ошибочно назван «*канцлер* К.В. Нессельроде» (курсив мой. — *Я.В.*). Канцлером Российской империи Нессельроде стал много позже: 17 августа 1844 г.

Сиятельнейший граф!

Вашего сиятельства, милостиваго государя, всепокорнейший слуга

Герасим Лебедев,

надворный советник, служащий в Государственной коллегии иностранных дел. 30 декабря 1816 г.

(АВПРИ, ф. Коллегия иностранных дел, Административные дела, р. IV-15, 1817, д. 4, л. 1–1 об. Подлинник; [Русско-индийские отношения 1963: 510]).

Интересно, что здесь, как и в некоторых более ранних документах, Лебедев указывает датой начала своих странствований, к тому же «на своем иждивении», 1775 г., что возвращает нас к вопросу о том, как это может соотноситься с выездом за границу посольства А.К. Разумовского в 1777 г.

Причиной того, что некоторые его работы до сих пор остаются в черновиках, Лебедев называет «оскудение сил… и зрения». Можно полагать, что в это время он уже был близок к слепоте, поскольку впервые он жаловался на зрение («я болен глазами») еще в письме из Лондона И.Ф. Крузенштерну от 8 сентября 1799 г.

Просьба Лебедева к Нессельроде состояла в том, чтобы тот передал императору его письмо-прошение и «представил» Александру I его готовые к печати работы: «азбуку» и «первоначальные арифметические основания». Целью, которую стремился достигнуть Лебедев, подавая императору прошение через графа Нессельроде, было, по-видимому, не столько получение денежных средств для печатания книг (на закупку, например, бумаги и других материалов), сколько разрешение Александра I на то, чтобы Лебедев лично «поверг к его стопам» свои труды и чтобы книги вышли, подобно «Безпристрастному созерцанию», с посвящением «Всеавгустейшему монарху» и с уведомлением о том, что напечатаны «по Высочайшей воле Его Императорскаго Величества».

Прилагаемое обращение к Александру I, датированное тем же 30 декабря 1816 г., начиналось словами:

Всемилостивейший Государь!

Блаженныя и вечнодостойныя памяти Вашего Императорскаго Величества Родитель с неизреченным для меня Монаршим благово-

лением, в 1782м году, путешествуя по Европе, во время пребывания своего в Париже, Всемилостивейше одобрив мое предприятие странствовать для соискания соразмерного моим дарованиям просвещения в пользу отечества, соизволил объявить мне Монаршую волю, чтоб ехал в Восточную Индию, в которой я на своем иждивении прожил 14 лет в безпрестанном выведывании от Брамгенов всего того, что Восточная Индия в отношении к учености имеет сокровенного и любопытного для просвещенного ума. Главным для меня предметом было проникнуть там во нравы жителей, а с тем вместе приобрести нужные сведения в их языках и учености, в чем и получил посильный успех.

Далее Лебедев напоминал императору о том, как издал в Лондоне за собственный счет «Грамматику», как передал ее государю (по-видимому, через А.Б. Куракина), а затем «имел неописанное щастие лично поднести оную». Не забыл он сказать и о том, как по милости «препрославленного Богом Великого Монарха» сумел завести «типографию на Индийском, равно как и на Европейских языках», отпечатал в ней «Безпристрастное созерцание» и «удостоился в 1805м году оную (книгу) посвятить Августейшему Вашего Императорскаго Величества имени». Только после этого переходил он к изложению нынешней своей просьбы.

Ныне всеподданнейше осмеливаюсь просить Ваше Императорское величество ощастливить меня всемилостивейшим соизволением повергнуть лично к стопам Вашим на благоусмотрение плод долговременных трудов моих, состоящий в подробном объяснении Индийского, как простого, так и таинственного изчисления, совершенно различествуюшаго от Европейских, которое должно обратить особенное внимание просвещенного света: потому что оная Брамгенская Арифметика имеет основания свои на философской и Богословской системах и служит Брамгенам к умозрительному их созерцанию Божества и ключем к таинствам природы; и потому что сие начальное Индийское изчисление необходимо нужно и для торгующих, ибо без основательного знания онаго, некоторые богатые купцы, подвергшись неизбежным обманам, теряли большие капиталы, чему я неоднократно был свидетелем.

Отсюда ясно, что Г.С. Лебедев просил разрешения «повергнуть к стопам» Александра I то, что принято было до сих пор называть двумя его «математическими» или «арифметическими» рукописями. Одна из них, («Арифметические таблицы…»), содержала основные правила индийского счета и сведения о единицах денежного обращения. В другой же рукописи («Систематические… основания») излагаются сведения о религиозной философии индуизма, которая, как полагал Лебедев, лежит в основе индийской системы счисления.

Далее в прошении говорилось:

> Преклонность лет моих, поврежденное от долговременных трудов зрение, слабость здоровья и бедное мое теперешнее состояние, едва служащее к пропитанию, препятствуют мне довершить в полной мере обет мой, данный Вашему Императорскому Величеству, — насадить под осенением благодатныя десницы Вашея в умы верноподданных Ваших самые нужные пособия к изучению Индийских языков, кои бы отверзли соотечественникам благонадежный путь к распространению в России древнейшей Брамгенов и политической той страны учености, и именно:
>
> 1е Азбуку Брамгенского священного языка, называемого Шомкрито (а не Санкритской), в подлиннике с переводом и с подробным объяснением коренных и производных букв и знаков, руководствующую к познанию сего языка и произведеннаго от него Гражданскаго Бенгальскаго и простонароднаго.
>
> 2е Краткой Словарь на Бенгальском Гражданском и простонародном языках с преложением на Российской.
>
> 3е Несколько разговоров употребительных в общежитии на Гражданском Бенгальском и народном Индийском языках, переложенных на Российской и Англинской языки, для желающих объясняться на оных.
>
> 4е Для практическаго упражнения в Бенгальском языке комедию под названием «Притворство» (Disguise), переведенную мною с Англинского языка на Бенгальской и Российской языки в Колкоте, где в 1795 и 96 годах она была неоднократно представлена Индийскими актерами и принята тамошнею публикою с одобрением.
>
> Всемилостивейший Государь, Августейший Покровитель просвещения! Благоволите оживить старца милостивым воззрением на многолетние труды его, имеющие послужить россиянам, а может

быть целой Европе новым пособием к правильному и основательному познанию Брамгенской учености, для обретения коей он не щадил ни здоровья своего, ни стяжания; да соберет от щедрот Твоих, за оные и в последние дни жизни своей благословляя Великого Монарха своего, насладится и успокоится мыслию, что предприятие его и сугубые труды, понесенные в толиком отдалении от отечества, послужили в пользу онаго.

Всемилостивейший Государь!
Вашего Императорскаго Величества
верноподданный
Герасим Лебедев.

Этот текст сохранился в двух списках. Один из них представляет собой то самое прошение, поданное Александру I через К.В. Нессельроде. Он хранится там же, где и письмо Г.С. Лебедева к Нессельроде, т.е. в АВПРИ (ф. Коллегия иностранных дел, Административные дела, р. IV-15, 1817, д. 4, л. 4–5 об). В этом варианте к подписи Г.С. Лебедева добавлено: «надворный советник, служащий в Государственной коллегии иностранных дел. 30 декабря 1816 г.». Этот рукописный текст был ранее полностью опубликован [Русско-индийские отношения 1963: 510–512], к сожалению, со многими «цензурными» искажениями (везде «в.и.в.» вместо «Ваше Императорское Величество», и т.п.) и просто ошибками.

Мы приводим текст обращения по рукописи «Систематических оснований», хранящейся в АВ ИВР РАН (ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 2–3 об.). Это обращение предваряет текст «Систематических оснований» точно так же, как обращение к Александру I предваряло в 1805 г. текст «Безпристрастного созерцания». Сам факт наличия в рукописи такого обращения свидетельствует о том, что именно «Систематические основания» следует считать первым томом лебедевской «Арифметики», который предшествовал «Арифметическим таблицам», хотя зарегистрированы они в обратном порядке («Таблицы» — под номером 1 — 1226/1, «Основания» — под номером 2 — 1226/2). Оба тома рукописи выполнены, по-видимому, профессиональным переписчиком, имеют формат 32×20 см и облечены в дорогостоящие красные, сафьяновые, тисненые золотом переплеты. Несомненно, Лебедев

приготовил свое двухтомное сочинение для подачи императору Александру на утверждение к печати.

Прежде чем охарактеризовать содержание каждого тома, следует сказать о том, как они попали в Архив востоковедов ИВР РАН. Здесь же в архиве хранятся два документа, ранее не привлекавшие внимания исследователей. Один из них, на бланке «Антикварной книжной торговли И.Г. Мартынова» (АВ ИВР РАН, ф. 90, ед. хр. 4, л. 1), представляет собой счет.

В Правление Императорской Академии наук.

Лебедев. Систематические восточных Индийцев основания Арифметики.
Рукопись
- — - — - -. *Арифметические восточных Индийцев таблицы.*
Рукопись.
Рб 40.

Второй документ (АВ ИВР РАН, ф. 90, ед. хр. 4, л. 2) — расписка в получении.

Две рукописи: 1/ Арифметические восточных индийцев таблицы,
2/ Систематические восточных индийцев начальныя умозрения и существенныя основания арифметики (Лебедева)
Для Азиатского Музея принял.
Директор Азиатского Музея
ординарный академик
Радлов
С. Петербург, 18 февраля 1885.

Под распиской стоит личная подпись В.В. Радлова (1837–1918), выдающегося востоковеда, филолога и этнографа, который в 1885–1890 гг. возглавлял Азиатский музей. При регистрации рукописей в архиве Азиатского музея был, по-видимому, воспроизведен тот порядок, а каком расположил их в своей расписке директор.

Мы же все-таки начнем с «Систематических оснований», так как по замыслу Лебедева это был первый том подносимого императору сочинения.

В рукописи «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания Арифметики, называемой Нам мата, сокращенно Намта или Гунона на Шомскрито, Бенгальском и Российском языках…» 21 лист. Из них первый лист содержит общий для обоих томов титул[271], листы 2–3 об. занимает обращение к императору. Собственно текст сочинения располагается на листах 4–21 (страницы 1–35). В.С. Воробьев-Десятовский по неизвестной причине считал «Арифметическия таблицы» и «Систематические основания» не связанными друг с другом сочинениями. «Систематические основания» он считал неоконченной работой, первым разделом какого-то недописанного труда [Воробьев-Десятовский 1956: 68]. Однако заключительные слова рукописи не оставляют никакого сомнения в том, что «Систематические основания», по мысли Лебедева, были своего рода необходимым «предуведомлением» к «Арифметическим таблицам»:

> Хотя бы кто и имел оные таблицы пред своими глазами, и видел в них ясно по арифметическим правилам расположенныя числы, но не ведая причин сопряжений, и не имев подробного объяснения о числительных знаках, которыя прилагаются к цифрам и делаются в сложениях оных по местам, в иных числителем, а в других знаменателем для количественнаго означения: не может на ниве ума своего и сердца представить и воглубить образ носящий в душе невидимаго, вечнаго, безпредельнаго существа; разгнуть воли его чувства и пересмотреть врожденное в натуре и насеянное в творении. Он уподобится тому человеку, который в весьма благоустроенной махине видел бы едино токмо движение и не мнил бы, что надлежит быть здесь первому движителю, имеющему естество особенное, искусство бесконечное. Невозможно сего понятия отторгнуть от понятия о провидении, ниже уверится, что оно удовлетворяется единым познанием

[271] «Арифметическия восточных Индийцев Таблицы, заключающие в себе сообразное основание философской и Богословской Брамгенских Систем числительныя правила, служащия объяснением количества четвероякого рода денег, а именно: 1е) Морских раковок, употребляемых в Индии вместо метальных денег; 2е) медных чеканеных; 3е) серебреных; 4е) золотых и всех совокупных в одно число веществ, взимаемых по числу, весу и мере.

Таблицы сии основаны 18ю числами, и расположены особенно в пяти отделениях сотенными количествами».

без творения. Итак, под руководством всевышняго продолжим наш путь бодрственно, познакомит(ь)ся с священными Брамгенов числами и вычислениями Индийцев.

Начинает же Лебедев свое последнее, как справедливо определил его В.С. Воробьев-Десятовский, сочинение словами о том, что индийская арифметика, «служащая основанием математических познаний», основана на «философической и богословной системах, произведенных от сотворения мира». Арифметику Лебедев видит органической частью индийской религии (см. ил. 50):

Философическая, Богословная, Арифметическая и прочия системы у Брамгенов имеют свое на единственных правилах основание, которое, сообразно Богословной системе и изображениям их Божеств, они чрез умозрительное пресущественного существа созерцание, извлекая единственныя, двойственныя, тройственныя и четвертичныя степени, составляют из оных шестнадцатиричныя совершеннаго целаго разных веществ, умственно и существенно числительныя малыя и большия количественности, соединенныя в одну началоосновавную о Боге и сотворении мира систему, из которой каждая на сказанном выше основании составлена особенно.

Обосновав таким образом необходимость предпослать арифметическим таблицам разъяснение религиозно-философских оснований арифметики, Лебедев заявляет:

Теперь приступаю открыть, сколько мне малыя мои способности позволят, сокровеннейшее Брамгенов о Боге познание, сопровождаемое глубоким учением, которое имеющий ум, образованный на познание отвлеченной веками древности, узнавши их таинственное мудрствование, освободится от ига недоумений. Оно есть Царственное искусство, Царственное таинство, высокое, сокрытое, постигаемое умозрением, исполненное силы, не изчерпаемое и удобное для понятия о Творце и Твари, и предопределеннаго ей исполнения, соответственнаго общим законам природы.

В дальнейшем Лебедев стремится показать, как те или иные числовые соотношения в индийской денежной системе связаны с различными числовыми комплексами индийской мифологии или

религиозной философии, подвергнутыми, разумеется, специфической лебедевской интерпретации. Здесь, как и в «Безпристрастном созерцании», речь идет о едином Божестве и его «триипостасии», а «в совокупности с пресущественным, неисповедимым духовным существом»[272] — и о «четыреипостасии» (л. 8–9 об., стр. 9–12). Упоминаются три *гуны* (у Лебедева «качества» или виды «движения»): раджас («Рочъо»), сатья («Шоттьо») и тамас («Томо»)[273], взаимодействие которых порождает различные стихии. В результате «из лона тьмы» является вселенная с семью небесами и семью мирами. Она будет существовать «до великого разрушения <…> когда все вещи возвратятся в недра всевышняго, в первобытность» (л. 10, стр. 13). Описывается сотворение Богом («Брормго», первое «тройческое лицо») растений, животных и «для управления всем» Человека. Брормго (Брахма) повелевает «Биштне, значит: второму своему произволению Криштне… образовать оного Человека, дабы он мог знать своего Бога и безсмертие души». Далее следует проповедь Кришны, обращенная к этому первозданному «Человеку», в которой уже при первом нашем знакомстве с текстом выявились специфические образы, а также целые блоки образов и идей, известных по знаменитой религиозно-философской поэме «Бхагавадгита» из грандиозного санскритского эпоса «Махабхарата» [Васильков 2006]. Отличие состоит лишь в том, что в «Бхагавадгите» Кришна обращает свою проповедь не к безымянному Первочеловеку, а к Арджуне, одному из главных героев «Махабхараты», братьев Пандавов.

Ниже мы приводим для наглядности некоторые параллельные места из лебедевских «Систематических оснований» и из «Бхагавадгиты» (буквальный перевод с санскрита выполнен мною):

---

[272] У Лебедева — «Адги Атма», санскр. adhyātma.

[273] Три гуны соотносятся, соответственно, с тремя «лицами Троицы»: раджас — с Брахмой («Бромго»), сатья — с Кришной («Криштьо», «Криштньо»), тамас — с Шивой («Шиб»).

«Систематические основания…»	«Бхагавадгита»
Криштьо: О человек! теперь открою тебе начальное высшее всех других знание, уразумением которого достигнешь до высочайшего совершенства, и получишь бессмертие.	(Кришна): Высшее я вновь возвещу, величайшее знание из знаний, которое познав, все святые подвижники к высшему совершенству отсюда ушли (XIV.1).
Великий Брормго есть моя матка: в него полагаю плод мой и из него производится вся натура.	Великое Брахмо* для Меня — лоно, в него я помещаю зародыш; от этого и идет происхождение всех существ (XIV.3).
Великий Брормго есть матка всех разных образов (форм), зачинаемых в каждой натуральной матке, а я есмь Отец, посевающий семя…	Во всех лонах, о Каунтея, какие формы рождаются, тех лоно — великое Брахмо, я же — отец, дающий семя (XIV.4).
Кришньо: Теперь открою тебе, человек (*Адмо*), сокровеннейшее таинство, сопровождаемое глубоким учением о познании Высочайшего Духа, и о пользе, происходящейся от познания первого начала, которое узнавши освободишься ты от ига неразумения.	(Арджуна): Из милости ко мне высочайшее, тайное, до-Высшего-Духа-относящимся именуемое какое слово тобой изречено, тем устранено это мое заблуждение (XI.1).
Зри чудеса, никогда тобою доселе невиданные.	(Кришна): …Многие прежде-не-виденные чудеса узри, о Бхарата! (XI.6cd)
Зри в сем теле (*в числах*) моем целый мир, одушевленный и неодушевленный, и все существа, естьли имеешь ум для зрения.	Здесь в-одном-месте-пребывающим весь мир со всем подвижным и недвижным узри ныне в теле моем, о Гудакеша!.. (XI.7)

* *Великое Брахмо*. — Используем здесь прием известного переводчика «Махабхараты» на русский акад. Б. Л. Смирнова, который стремился таким образом подчеркнуть средний род термина *brahman*.

Но как ты не способен узреть то сими естественными глазами, то я дам тебе око небесное, коим узришь божественную связь мою!	Но ты не можешь увидеть Меня этим вот своим зрением. Дарую тебе «чудесное око». Виждь мою владычную (=божественную) йогу (XI.8)
Знай, что неизследимое существо Брормги уподобляется небесному древу (*Акашер пипол*…), на коем он представит (предстает? — *Я.В.*) в виде Человека и изливает всякое плодородие. Древа сего корень поднят вверх, а ветви вниз обращены, и которого листвие суть священные книги, называемые Беда, т.е. Беды. Знающий сие познал Беды.	(Кришна): О (растущей) вверх корнями, вниз ветвями ашваттхе (смоковнице) нетленной рассказывают, листья которой — ведийские размеры; кто ее знает — тот знаток Веды (XV.1).
Ветви его, произрастающиеся из трех тройственных гунов, значит Пресущественнаго мудрствия, или качества, которых меньшие отростки суть предметы чувственных органов, распространяются и вверх, и вниз. Корни, простирающиеся вниз, в области человеческие, удерживаются действием.	Вниз и вверх простерты ее ветви, из гун выросшие, с листочками — объектами чувств; и вниз вытянуты корни, связывающие деяниями в мире людей (XV.2).
Часть самого меня есть всеобщий дух всех существ в сем животном мире. Весь мир распространен в невидимом моем образе. Она совокупляет пять органков и ум, который есть шестой (орган), дабы получить тело и дабы паки его оставить.	Частица Меня самого, (пребывающая) в мире живых, став душой (*джива*), вечная, притягивает к себе относящиеся к Пракрити (миру природы) органы чувств, из коих шестой — ум (*манас*) (XV.7),

Ишшор (Бог) *Брормго*…, принявши их под свое управление, сопровождает их из собственного жилища, как дыхание ветра сопровождает запах цветка.	когда тело обретает. Когда же исходит из него Владыка (=Господь, *Ишвара*), то, забрав их, с собой уносит, как Ветер — запахи с места их распространения (или: носителя, вместилища) (XV.8).
Он управляет органами слуха, зрения, осязания, вкуса и обоняния, купно с умом, и устремляется к их предметам.	Слухом, зрением, осязанием, вкусом и обонянием, а также умом (манасом) повелевая, он посвящает себя объектам чувств (XV.9).
Глупый, сопровождаем будучи мраком в бытии, не видит сего, но имущий око мудрости усмотрит сие.	Исходит ли он, пребывает ли в (теле), или, сочетаясь с гунами, наслаждается, — ослепленные его не видят, зато видят те, у кого «око знания» (XV.10).
Употребляющий прилежно ум свой к размышлению может ощутить сие всажденное в груди его, но имеющий ум необразованный и слабое разсуждение, трудясь, того не найдет.	А подвижничающие йогины тоже видят его в себе пребывающим. Те же, чей дух не совершенен, даже прилагая усилия, не видят его, неразумные (XV.11).
Когда человек срубит сие небесное древо *Акашер Пипол*, которого корень толь твердо укреплен, сильною секирою безкорыстия, тогда насытится он живою водою *Амрито*…, и будет безсмертен…	Эту *ашваттху* (пипал, вид смоковницы) с сильно разросшимися корнями крепким мечом непривязанности срубив, дóлжно затем искать то место, куда придя, более не возвращаются (XV.3cd — XV.4ab),

Я открываю тебе того первого человека, от которого производится начальное шествие ряда всех существ.	(сказав): «Я прибегаю к тому Изначальному Пуруше (букв. «[Перво]человеку»), от которого изошло это извечное развертывание» (XV.4cd).
Знай, что свет, происходящий от солнца и весь мир освещающий, тот же свет, находящийся в Луне и в огне, суть его.	Который свет, вошедший в солнце, озаряет весь мир, который в месяце и который в огне, — то Мой свет, знай! (XV.12).
Я проницаю все существа и храню их по его воле моими лучами.	И, войдя в Землю, (все) существа Я поддерживаю своею мощью и питаю все растения, став Сомой, напитанным соком (XV.13).

Кроме того, в начале речи Криштьо (Кришны), обращенной и «Человеку», после слов «я есмь Отец, посевающий семя» начинается описание «Брормго»:

> Он есть не имеющий начала и высочайший… Он весь руки и ноги; он весь лица, главы и очи, и весь ухо; он сидит в средине мира, занимая все пространство.

Здесь сведены вместе несколько мотивов из описания Арджуной явленной ему вселенской формы Вишну (Вишварупа) в кульминационной XI главе «Бхагавадгиты» (стихи 16, 19, 20), несколько стихов из которой Лебедев далее дает в переводе целиком.

По результатам предварительного анализа я пришел в свое время к заключению, что текст беседы «Криштньо» с «Человеком» у Г.С. Лебедева восходит к санскритской «Бхагавадгите» из «Махабхараты», хотя и не непосредственно. Поскольку в тексте Г.С. Лебедева встречаются индийские имена и термины, транслитерированные кириллицей и/или записанные знаками бенгальского алфавита, и это совершенно определенно не санскритские слова, хотя бы и видоизмененные специфическим бенгальским произ-

ношением, но чисто новоиндийские, бенгальские формы (*акашер пиппол* и т.п.), я тогда предположил, что Г.С. Лебедев основывал свой текст на сделанных во время его пребывания в Калькутте записях устного изложения «Бхагавадгиты» неким бенгалоязычным информантом, который при этом рассказывал текст не в обычной последовательности, а так, как помнил: «блоками» или «пучками» наиболее образных, четко запечатлевшихся в его сознании стихов[274]. Но тогда же [Васильков 2006: 36] я оговорил необходимость в ходе дальнейшего исследования выяснить, как соотносится текст речи Криштьо-Кришны у Лебедева с изданным в Лондоне в 1785 г. переводом «Гиты» Чарлза Уилкинса [Bhăgvăt-Gēētā 1785] и с русским переводом (с английского) А.А. Петрова[275], увидевшим свет всего тремя годами позже [Багуат-Гета 1788].

Проведенный позднее сопоставительный анализ показал, что перевод Лебедевым стихов «Бхагавадгиты» в «Систематических основаниях» по большей части совпадает с русским переводом А.А. Петрова. Лебедев не переводил сам с английского Ч. Уилкинса. Будь так, расхождения его с переводом Петрова были бы гораздо более значительными. Он просто взял перевод Петрова и воспроизвел одни стихи слово в слово, другие же подверг редактуре в свете своего ви́дения религии индийцев. В ряде случаев видно, что Лебедев принимает чтения Петрова и в конечном счете Уилкинса, которому тот близко следует. Например, в переводе шлоки (стиха) XI.8 Лебедев передает слова Кришны *paśya me yogam aiśvaram* (букв. «Виждь мою владычную [=божественную] йогу») как «узришь божественную связь мою». Этот перевод целиком взят у Петрова, а тот следует за переводом Уилкинса: “behold my divine connection”. Или в стихе XV.11 слова *yatanto yoginaḥ* («подвижничающие» или просто «усердствующие

---

[274] Выявленная последовательность цитируемых Лебедевым и достоверно отождествленных стихов из БхГ, выглядит так: XIV.1, 3, 4; …XIII.11–12, 13, 14; …XI.1, 6cd, 7, 8; XV. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 11, 3, 4, 12, 13. Как мы видим, группы стихов, заимствованные из разных глав, от XI до XV, чередуются весьма произвольно.

[275] Об авторе русского перевода Александре Андреевиче Петрове (1760–1793) — яркой личности, безвременно умершем друге юности Н.М. Карамзина, который считал его своим наставником в области литературы, см.: [Топоров 1989: 48–49; Бакунина 1991: 132].

йогины») Лебедев перевел, почему-то в единственном числе, как «употребляющий прилежно ум свой к размышлению». Это соответствует переводу Петрова («употребляющие прилежно ум свой к размышлению») и исходному переводу Уилкинса (“Those… who industriously apply their mind in meditation”).

Редактура Лебедевым перевода А.А. Петрова состоит прежде всего в том, что он заменяет имена божеств и термины, воспроизводящие санскритские формы, именами и терминами в бенгальском произношении. Так, «великий Брам» (Брахма) превращается у него в «Великого Брормго», «Исвар» (Ишвара, «Бог») — в «Ишшор», небесная «Ассвата» у Петрова (санскр. *ашваттха*) заменяется бенгальским «Акашер Пипол». Он уклоняется от перевода характерно индуистских понятий и терминов, заменяя их тем, что более соответствует христианским представлениям. Например, у Петрова стихи XIV.1–2 переводятся так: «Кришна: Теперь открою тебе весьма высокое знание, высшее всех других, научившись которому все Мунии дошли чрез оное до высочайшего совершенства. Они… паки уже не рождаются». Лебедев убирает упоминание о *муни*, т.е. аскетах, подвижниках, и заменяет идею избавления от новых рождений идеей достижения бессмертия: «Криштьо: О человек! теперь открою тебе начальное высшее всех других знание, уразумением которого достигнешь до высочайшего совершенства, и получишь бессмертие». Позаимствовав у Петрова перевод слов из стиха XV.2 о небесном древе: «Ветви его, произрастающиеся из трех тройственных *гунов*, или качеств», — Лебедев вставляет сюда собственное определение *гун*: «Ветви его, произрастающиеся из трех тройственных *гунов*, ***значит, Пресущественного мудрствия***, или качества». В целом вся лебедевская редактура перевода Петрова направлена к тому, чтобы реинтепретировать текст «Гиты» в свете его представления о религии индийцев как особого рода «христианском» монотеизме.

Кроме того, иногда в изложение Лебедевым содержания того или иного стиха явно вторгаются смыслы, почерпнутые из устных комментариев к этому стиху, сообщенных, вероятно, бенгальскими учителями Лебедева. Например, в переводе стиха XV.1 у Г.С. Лебедева «небесная смоковница» (*акашер пипол*) представлена как символ «неизследимой сущности Брормго (т.е. Брахмо,

Брахмана в среднем роде)». В переводах Уилкинса и Петрова *Брахман* в этом стихе не упоминается. Однако Шанкара начинает свой комментарий к этому стиху со слов о том, что Брахман является корнем описываемого «Мирового древа», а другой авторитетнейший комментатор — Рамануджа — отводит эту роль персонификации того же понятия, богу Брахме (источником для обоих комментаторов является, по-видимому, более древний вариант стиха в «Катха-упанишаде» VI.1). При этом в само́м комментируемом стихе «Бхагавадгиты», как и во всей XV главе, упоминания о Брахмане в связи с космической смоковницей отсутствуют. К переводу этого же стиха Лебедев от себя добавляет, что на этом древе Брормго «предстает в виде Человека и изливает всякое плодородие». Здесь он, несомненно, имеет в виду образ, представленный одной из иллюстраций в «Безпристрастном созерцании» (см. ил. 53).

Завершив изложение речи Криштьо, обращенной к «Человеку», Лебедев тут же поясняет:

> Предстоящего на выше сказанном небесном древе пресущественнаго Бога Брамгены Иероглифически изображают в виде человека, окруженного Атмосферою, имеющим на Главе венец или Диадему, с опущенными вниз распростертыми руками и раставленными в соразмерности ногами.
>
> К правой руке на груди сего изображения означен круг, представляющий полномесячие и страну востока, называемую **Пурбер кон** или **Ишшорер Кон,** а народно **Ишен кон,** т.е. первую или Божию страну.
>
> На среди чрева изображен круг с точкою, и подобно как от однаго центра и шести полупоперечников составленная правильная Геометрическая фигура шестиугольник, сложенный из семи пунктовъ: означаетъ на левой руке южную страну **Доккин кон** <…> или полуденную **огни кон <…>** или Епитерову страну **Индрер кон.**
>
> Правой ноги на пяте означены два круга, из коих один больше, а другой меньше, показуют север **Уттор** <…>, иначе называемый **Байю кон** <…> (ветер), или **Барун** <…> т.е. Нептуна, Бога морей, страну.
>
> Левой ноги на пяте, означен один круг, показующий запад **пошчим** <…> Индийцы запад почитают смертных страною **Норит кон** <…> или страною Ада **чъон кон.**

Отметим, что если здесь Лебедев определяет божество «на древе» как «Брормго», ранее, в «Безпристрастном созерцании», он называл фигуру, возлежащую на древесном листе, прожилки которого образуют целое дерево, «духовным существом *Шоттьо Чъуг*». В «индийском богословии» Лебедева, по «Безпристрастному созерцанию», «Брормго» являлся «первым лицом Троицы», тогда как «духовное существо *Шоттьо Чъуг*» — «четвертая ипостась» Бога[276]. Теперь в «Систематических основаниях» Лебедев в той же картинке видит изображение «пресущественнаго Бога», Брормго. Иконографическим источником гравюры, выполненной явно рукой европейца, послужило, вероятно, индийское изображение Вишну на мировом древе или на его листе посреди мирового океана во время пралайи (изложение мифа см., например: Мбх III. 186: 80–86 [Махабхарата 1987: 385]).

Снова, как и в «Безпристрастном созерцании», Лебедев приводит в «Систематических основаниях» подробное описание шестнадцатирукого божества, которое теперь представляет у него «неисповедимое пресущественное существо, ознаменованное именованием Брормго», хотя ранее он видел в нем «Дургу… в образе мужа» [Лебедев 1805: 30]. Как мы уже говорили, изображение этого божества заимствовано Лебедевым с гравюры Б. Пикара, является в значительной мере фантастическим и не имеет соответствий в индийской иконографии. Тем не менее именно к этому шестнадцатирукому образу возводит Лебедев определенную роль числа «16» в денежной системе индийцев[277].

---

[276] «По соделании всего, Всемудрый Брормго облек формою света сего, яко образец для сотворения из натуры всей различной твари, духовное существо, именуемое Шоттьо Чъуг, облекши его формою света и оживотворя оным плододательную натуру, преобразил Калпу, то есть: хаос, месяцем Чондро и звездами Тара, иначе называемыми Парар Прек, то есть, высот небесных гвоздьми; различил тьму от света» [Лебедев 1805: 3, 4, 7].

[277] «Сообразно сему шестнадцати-ручному Иероглифическому изображению, Брамгены, для первоначальнаго Арифметическаго основания, раковку умозрительно дробят на 4 сотенные частицы, полагая в оных на 16ю Индейской медной копейки долю по 6 ¼ частиц; таковаго дробления их и таблицу прилагаю в своем месте» (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 9). Соответствующая таблица дана

Сотворению Богом (*Брормго*) земли с животными и людьми в последней работе Лебедева предшествует описание раннего этапа космогонии (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 8–10, с. 9–13). Брормго, «своим произволением, именуемым *Маяг* (*майя*?)» дает толчок развертыванию космогонического процесса. Упоминаются некоторые *таттвы* — иерархически организованные принципы или элементы, из которых строится мироздание: «Адаришто» (т.е. *адришта* — «незримое», тончайшая форма природы-*пракрити*), «Агенкар» (т.е. *аханкара* — «то, что формирует Я», «самость»). Здесь же перечисляются три *гуны*, которые Лебедев представляет видами движения или «произволениями» Бога, их взаимодействие порождает «*Акаш* (ефир)… начало (стихию) невидимое, имеющее свойство переносить звук». Это начало в свою очередь порождает четыре первоэлемента (ветер, огонь, вода, земля). Все это элементы иерархии психокосма, которая впервые была выстроена в древней философии санкхья-йоги и позднее усвоена другими индийскими религиозно-философскими системами, прежде всего наиболее распространенной адвайта-ведантой.

При описании индийской религиозной философии Лебедев отчасти опирается на мнения Готамы, легендарного основоположника школы ньяя (*ньяя-даршана*), которому приписывалось авторство базового трактата «Ньяя-сутра». У Лебедева он фигурирует как «Гутама, т.е. писатель откровения (Ниа-дершон)». Излагается атрибутируемое «Гутаме» учение о пяти вечных началах мироздания. Первое из них — «Пурбо Атима, т.е. душа вселенныя» (вероятно, pūrvātmā — «извечный Атман»), второе — «Чъибе Атима <…> т.е. душа жизненная» (вероятно, jīvātmā — «индивидуальный Атман»). Другими вечными началами являются время (вероятно, санскр. kāla), пространство (вероятно, санскр. diś) и «небо (Акаш)». Последнее (санскр. akāśa) правильнее перевести как «эфир[278]». Это, согласно Лебедеву, «начало чистейшее, тончайшее, наполняющее всякое пустое пространство и состоящее из частиц

в той же рукописи на л. 14 об., стр. 22.

[278] «Хотя в индийской литературе А[каша] иногда используется как синоним неба, небесного свода <…> это значение является скорее маргинальным. В своем физическом аспекте А[каша] предстает прежде всего как субстрат звука» [Лысенко 2009: 61].

безконечно малых и вечных. “Бог, говорит Индийский философ Гутам, не может ни сотворить, ни уничтожить сии Атомы, как по причине любви ко всему созданию хранимой, так и по необходимости их существования, но они токмо подвержены его воле. Бог, он же Гутам говорит, некогда одарил сии Атомы (как справедливо сим их почтить можем) Грубостию и таким влиянием, по которому они, соединясь между собою, произвели четыре великия начала, огонь, воздух, воду и землю”» (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 16). Отсюда мы можем заключить, что Лебедев, располагал некоторыми сведениями о школе ньяя-вайшешика и характерном для нее атомизме. Вопрос в том, откуда он мог получить такую информацию.

В свое время В.С. Воробьев-Десятовский отметил, что Лебедев в рукописи и постраничных примечаниях к «Систематическим основаниям» постоянно исправляет написания индийских слов в двух книгах. Одна из них — это «Бхагавадгита» в переводе А.А. Петрова [Багуат-Гета 1788]. Вторая книга — «Краткое и общее объяснение и рассуждение о нравах, обыкновениях, языке, вере и философии индийцев. Переведено с французскаго» (СПб., 1789). Эта книга представляет собой анонимный русский (через посредство французского) перевод двух глав из истории Индостана, «изданной перед сим в Англии Александром Довом в двух томах in 4º и переведенной по большей части с персидскаго подлинника Магомета Казима Фериста из Дели» [Воробьев-Десятовский 1956: 68]. Первоисточником была книга Александра Доу «История Хиндостана», первый том которой вышел в Лондоне в 1768 г.

В обеих книгах написание немалого числа индийских слов действительно подлежало исправлению. Даже в профессиональном переводе «Бхагавадгиты» Чарльза Уилкинса транслитерация санскрита была еще несовершенной, к этому прибавились искажения, внесенные французским переводчиком, а затем и А.А. Петровым. Совсем плохо дело обстояло с книгой Доу, поскольку индийские термины он давал в лучшем случае в бенгальском произношении (“Shanscrita” и т.п.), но в подавляющем большинстве случаев санскритские имена и термины у Доу, пройдя через посредство персидского, изменились до неузнаваемости. К этому добавились

ошибки французского и русского переводчиков. Так что правка Лебедева часто была обоснованной.

Но на примере «Бхагавадгиты» в переводе А.А. Петрова мы видим, что исправляя на свой лад написание терминов, Лебедев в своем фрагментарном изложении содержания этого памятника следовал переводу предшественника. По сути дела, его текст — это редакция перевода А.А. Петрова.

Нечто подобное проделал он и с переводом книги Доу (по-русски «Дова»). Мы имели возможность сопоставить текст «Систематических оснований» со вторым изданием первого тома книги Доу [Dow 1770]. Выяснилось, что описание космогонии в духе санкхьи и адвайта-веданты Лебедев строит на основании цитированной Доу через посредство персидского перевода «шастры, или комментария к Бедам, под названием Беданг». Начинается эта «шастра», согласно Доу, беседой бога *Бримха* (или *Брихм*; имеется в виду, очевидно, Брахма) со своим сыном по имени *Наруд* (святой мудрец-риши Нарада санскритских текстов). Именно здесь говорится о том, что у Бога изначально наличествовало то, что Лебедев перевел как «произволение» (у Доу: affection, passion) — Maiah, что и дало в русском переводе странное «Маяг». Это влечение или стремление было трех видов: созидательное, охранительное и разрушительное. Созидательное представляет у Доу бог Бримха (Брахма) и *гуна раджас* (Redjo-goon). Охранительному аспекту в природе Бога соответствуют Бишен (Вишну) и *гуна саттва* (Sittoohgoon). Разрушительную функцию представляет *гуна тамас* (Timmugoon), а персонифицирует Шива (Shibah). Именно в космогонии по Доу упоминается затем *адришта* (Addaristo), затем *аханкара* (Ahankar); взаимодействие гун порождает Акаш (Akash[279]). В эфире или из эфира рождаются четыре первоэлемента, из их сочетаний возникают семь небес и семь миров и т.д. Сопоставительный анализ показывает, что описание Лебедевым космогонического процесса, от зарождения у Бога «произволения» до сотворения мироздания, предшествовавшего сотворению человека (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 8–10 об., с. 9–14),

[279] Отсюда в русском переводе текстов из книги Доу появляется форма «Акасг», что, разумеется, исправил Лебедев.

повторяет описание творения в беседе *Бримхи* и *Наруда* в книге Доу [Dow 1770: XLI–XLV]. Лебедев только кое-где дает дополнения от себя или пояснения и регулярно вставляет в текст санскритские формы терминов в бенгальском произношении.

То же самое можно сказать и об изложении Лебедевым учения «Индийского философа Гутама» или *ньяя-даршаны* («Неадершон»). У Доу учение «философа по имени Гаутам» (Goutam) называется “Neadirsen”. Цитируемое Лебедевым учение «Гутама» о пяти великих началах мироздания и об атомах, из соединения которых возникают первоэлементы (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 15 об. — 16 об., с. 24–26), воспроизводит сказанное в оригинале книги Доу [Dow 1770: LXIII–LXV].

Таким образом, если в «Безпристрастном созерцании», книге 1805 г., Лебедев опирался в основном на материалы, лично собранные им в Индии, то в «Систематических основаниях», сочинении, написанном десятью годами позже, он ставит целью соотнести свое ви́дение индуизма с тем, как индийская религия представлена в двух переводных книгах об Индии, уже известных русскому читателю[280]. С одной стороны, он критически относится к написанию в этих книгах санскритских имен и терминов, предлагая свои формы письменной фиксации этих слов, иногда действительно более близкие к санскриту, но чаще бенгализированные. С другой стороны, он стремится материалом, черпаемым из этих двух книг, поверить и подкрепить свою концепцию индуизма.

Несомненно, и исследовательская часть книги Доу, и «Гита» в переводе Ч. Уилкинса, а затем А.А. Петрова, предоставляют Лебедеву хорошую возможность дополнительно обосновать его взгляд на религию индусов как на близкий к христианскому монотеизм. Доу, например, писал о религиозно-философских взглядах предполагаемого автора «книги Беданг»: «Воззрения автора Беданга на предмет религии не лишены философичности. Он заявляет, что мир был сотворен Богом из ничего и что впоследствии

[280] Хотя и в «Безпристрастном созерцании» можно найти вероятный след влияния книги Доу: три «лица» индуистской «Троицы», Брормго, Криштьо и Шиб, связаны там, соответственно, с гунами: раджасом, саттвой и тамасом [Лебедев 1805: 5–6].

он будет опять уничтожен. Неустанно твердит он о единстве, бесконечности и всеведении верховного божества: ибо, хотя он и знакомит нас с длинной чередою второстепенных существ, ясно, что все они являются попросту аллегориями. Ни сам он, ни мыслящая часть его последователей не верят в их реальное существование. Нельзя отрицать, что более невежественные индусы полагают эти подначальные божества реально существующими, точно так же, как христиане верят в существование ангелов. Но понятие о едином Боге всегда оставалось фундаментальной догмой неискаженной веры более образованных брахманов» [Dow 1770: LIII]. Зримые в созерцании символические образы незримого, единого и вечного Бога (Бримх) — Бримха, Бишен и Руддер (Шибах), представляют триаду его божественных свойств или атрибутов [Ibid.: LXXIV–LXXV]. Но сопоставления этой триады с христианской Троицей в книге Доу нет, как нет и подталкивающей к такому сопоставлению гипотезы об «адамическом», «допотопном», богооткровенном монотеизме.

Что касается «Бхагавадгиты», то у читателей переводов Ч. Уилкинса и А.А. Петрова в конце XVIII — начале XIX в. определенно возникали мысли о близости религиозной философии этого текста христианству. Один из самых первых читателей, Уоррен Хейстингс, письмо которого к президенту Ост-Индской компании Н. Смиту предваряло перевод Ч. Уилкинса, охарактеризовал рекомендуемый им к печати текст следующим образом (в переводе А.А. Петрова): «По выше писаным заключениям, или лучше сказать, изследованиям качеств Геты, не сомневаюсь я признать ее оригинальным творением несравненно высокого изобретения, разсуждения и выражения, в котором содержится отличное от всех других известных религий рода человеческаго богословие, сходное с Христианским учением» [Багуат-Гета 1788: 16–17]. В подлиннике у Хейстингса сказано даже сильнее: «Теология, в точности соответствующая богословию христианской традиции и наиболее выразительно иллюстрирующая его (или свои? — its) фундаментальные доктрины»[281].

[281] “A theology accurately corresponding with that of the Christian dispensation, and most powerfully illustrating its fundamental doctrines” [Bhagvat-Geeta 1785: 9].

Александр Доу, доказывая монотеистический характер религии брахманов, видел пользу этого в том, что таким образом будет развеяно предубеждение европейцев, осуждавших индуизм как язычество и идолопоклонство [Dow 1770: LX, LXXIV–LXXVI]. Уоррен Хейстингс полагал, что обнародование индийских религиозно-философских текстов, подобных «Гите», станет «прибытком для человечества» (так в переводе А.А. Петрова [Багуат-Гета 1788: 23], в оригинале: “It is the gain of humanity” [Bhagvat-Geeta 1785: 11]). Но никто из них не ожидал от знакомства Европы с индийской религией таких грандиозных результатов, как Г.С. Лебедев. Свое описание «Систематических оснований» он завершает, выдавая желаемое за действительное, фантастической картиной того, как ставшая достоянием Европы «умозрительная Брамгенов философия» преображает христианский мир. Он пишет о «Брамгенской учености»,

> …которая своею системою доказывает, что из Восточной Индии распространена была в Египет, Китай, Грецию и Италию: а потом, будучи от случайных замешательств многие веки в упадке, ныне в северной стране, в самое, всемогущим Богом возвеличеннаго и препрославленнаго в знаемых частях света нашего благочестиваго Монарха Александра перваго время <…> озаряет новым блистанием не только всю Европу, но и в другия распространяется части света: способствует нераспространению лживых писателей учений, которыми во все времена оскверняем был закон Христианский, [и] руководствует знать оный в первообразной и не поврежденной его чистоте (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 20 об., с. 34).

Завершает Лебедев текст «Систематических оснований» обращенным к читателю приглашением ознакомиться теперь с «Арифметическими таблицами».

> И так, под руководством всевышняго продолжим наш путь бодрственно, познакомит[ь]ся с священными Брамгенов числами и вычислениями Индийцев (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2, л. 21, с. 35).

Перейдем и мы к рассмотрению «Арифметических таблиц». Эта рукопись выполнена той же рукой переписчика, на той же бу-

маге с водяным знаком 1815 г. и заключена в такой же переплет, что и рукопись «Систематических оснований». Однако, как мы уже знаем из «реэстра», поданного Лебедевым графу Румянцеву предположительно в 1808 г., какой-то текст, содержавший арифметические таблицы с неким «ключом» к ним, существовал уже в то время. Его создание, возможно, было связано с подготовкой поездок в Северную Индию семипалатинских купцов. Но работа продолжалась и в последующие годы, параллельно с развитием торговых отношений между Семипалатинском и Кашмиром, которые как раз к 1815 г. стали регулярными [Россия и Индия 1986: 101–102].

Рукопись «Арифметических таблиц» (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/1) имеет, как и рукопись «Систематических оснований», формат 32×20 см, по объему превосходит последнюю более, чем вдвое: в ней 34 листа и 74 страницы. Первый лист занят общим для обоих томов титулом («Арифметическия восточных Индийцев таблицы…»). На обеих сторонах второго листа (стр. 2–3) помещено обращение «К читателю, от трудившегося в переводе». Листы 3 об. — 34 об. заняты текстом сочинения (стр. 4–74).

Краткий обзор содержания рукописи был дан в свое время В.С. Воробьевым-Десятовским [Воробьев-Десятовский 1956: 62–65]. Относительно недавно специальную статью посвятила «Арифметическим таблицам» Е.Р. Крючкова (2011). Это позволяет нам изложить здесь содержание рукописи лишь в самых общих чертах.

Начинает Лебедев с того, что приводит знаки в бенгальской графике, обозначающие числа от 1 до 10, а также некоторые денежные единицы (л. 3 об., с. 4). Самой мелкой и древнейшей такой единицей является *кора* (бенг. kaḍā, санскр. kaparda, т.е. маленькая морская раковина каури, *Cypraea moneta*). Четыре *кора* составляют одну *гонда* (санкр. и бенг. gaṇḍā), пять *гонда* — единицу *бури* (бенг. buḍī), двадцать *гонда*, или 80 *кора*, равны одной *пона* (санскр. и бенг. paṇa = 1 āna в могольской денежной системе). Наконец, 16 *пона* (ана), или 1280 *кора*, образуют *кагон* (бенг. kāhaṇa, санскр. karṣapāṇa) или, по мусульманской системе, одну *рупию*.

Далее, как пишет Е.Р. Крючкова, в пяти таблицах, занимающих около 25 страниц рукописи, «приводятся подряд все без исклю-

чения обозначения денежных сумм, начиная от 1 *кора* и до 25 *кагонов*, с указаниями на то, скольким более мелким единицам они равны. <…> Таблицы поражают той скрупулезностью, с какой они составлены, притом что общий принцип соответствий становится ясным очень быстро. Возможно, Лебедев готовил их как учебное пособие, предполагающее заучивание наизусть» [Крючкова 2011: 190, 193]. Можно к этому добавить, что Лебедев мог взять за образец какой-либо индийский учебник, в котором многократная демонстрация работы одного и того же принципа использовалась как мнемонический прием.

Из подобного учебника, по свидетельству самого Лебедева, заимствован им бенгальский мнемонический стишок, с помощью которого учащиеся «народных училищ» в Бенгалии заучивали соотношение различных мер веса. Этот стишок, воспроизведенный Лебедевым в бенгальском письме с кириллической транслитерацией и с переводом «из слово в слово» как в «Систематических основаниях» (л. 19–19 об., с. 31–32), так и в «Таблицах» (л. 6–6 об., с. 9–10), сочинен, по словам Лебедева, «индийским философом, именуемым Шубгонкор» (бенг. Subhaṃkar, санкр. Śubhakara или Śubhaṃkara — «Благодетель», «Благоделатель»).

Вслед за этим Лебедев приводит небольшую таблицу употребляющихся в Бенгалии мер длины с указанием их взаимных соотношений (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/1, л. 6 об.). По его собственным словам, он использовал здесь материал из «Грамматики бенгальского языка» Н.Б. Халхэда, но с существенными дополнениями (ср.: [Halhed 1778: 175]). Как пишет Е.Р. Крючкова, «приведенные здесь сведения не утратили своего значения и теперь, поскольку старые меры длины, наряду с другими обозначениями вышедших из употребления реалий, не всегда должным образом бывают отражены в словарях» [Крючкова 2011: 193].

Не утратившими значения можно, по-видимому, считать также некоторые данные сравнительной таблицы количественных числительных в санскрите, бенгальском языке и калькуттской форме «базарного хиндустани» (л. 30–33, с. 57–63). Приводятся все количественные числительные от единицы до ста, а затем идет ряд чисел, являющихся результатом умножения предыдущего числа на 10, от сотни до тысячи триллионов. Дан также список количественных

числительных от «первого» до «двадцатого» (у Лебедева: «двадесятой»). Все санскритские и бенгальские числительные в этих таблицах взяты Лебедевым из раздела о числительных в грамматике Халхэда [Halhed 1778: 160–166, 168]. От себя Лебедев добавил кириллическую транскрипцию санскритских и бенгальских слов и, что особенно важно, транскрипцию числительных в калькуттском базарном хиндустани, который он называет здесь «смешанным народным диалектом». В.С. Воробьев-Десятовский отметил, что пятая графа (таблиц) «представляет едва ли не единственную полную форму числительных калькуттской формы разговорного хиндустани конца XVIII века», и добавил в подстрочном примечании: «В напечатанной грамматике Г.С. Лебедева числительные отсутствуют» [Воробьев-Десятовский 1956: 54]. Это не совсем точно: отдельные количественные и порядковые числительные первого десятка в «Грамматике» Г.С. Лебедева все-таки есть [Зограф 1963: 148].

Лебедев сообщает читателю, ссылаясь на мнение «одного из отличных английских писателей» Н.Б. Халхэда, что «нумерические знаки» изобретены были в Индии, и к ним восходят в конечном счете европейские цифры (л. 30, 34, с. 57, 65; ср.: [Halhed 1778: 166]). К тому же источнику восходит рассказ о «потаенном» счете индийских торговцев, «котораго европейцы не разумея, могут претерпевать великие убытки». Это так называемый пальцевый счет, при котором цифры обозначаются прикосновением к тому или иному суставу (суставам) на пальцах руки. Он позволяет продавцу и покупателю тайно от конкурентов и нежелательных свидетелей, накрыв руки тканью и касаясь по определенным правилам пальцев друг друга, договариваться о цене товара. Сходная с индийской система пальцевого счета распространена также в портах Аравии и Восточной Африки.

Примечательно, что, по Халхэду, четыре пальца, кроме большого, имеют по три сустава, а у большого, кроме двух суставов, за единицу считается также подушечка пальца, что дает в итоге пятнадцать [Halhed 1778: 167]. У Лебедева же, вопреки очевидности, на большом пальце «окружающая ноготь мягкоть составляет в вещественных их щетах шестнадцатое полное основательное число» (л. 34, с. 65). В этой ошибке сказалось, по-видимому, пред-

ставление Лебедева об исключительной роли в индийской системе счета числа 16, о чем он писал в «Систематических основаниях».

Завершает рукопись таблица умножения, в которой перемножаются цифры от 1 до 20 (л. 34–34 об., с. 65–66). Последний пример в ней: 20×20 = 400. На следующих страницах (л. 35–38 об., с. 67–74) каждый пример из таблицы записан словами бенгальским письмом, с транскрипцией и пословным русским переводом.

Эке-ке	*Эк*
Один, единожды,	Один 1…
Чей ду гуне	*Баро*
Шесть дважды щитая,	Двенадцать 12….
Кури кури	*Чар шоо*
20ю Двадцать,	Четыре ста 400.

В последних словах Лебедев еще раз заявляет о предопределенности правил индийской арифметики системой «брамгенской» религиозной философии.

> Когда при сем заключении любомудрый читатель приведет себе на память те четыре великия начала, о коих писано первой части в Систематических умозрительных и существенных основаниях Брамгенской Арифметики, то легко может доуразуметь, что выше предложенныя пять числительныя таблицы… расположены сообразно Богословской системе, на самых твердых основаниях; и в совокупности с табелью умножения, составлено оными пятью таблицами целое, обращенное в точную четырех степеней определительность, вразумительную для каждого человека, знающаго вычисление на словах и на письме (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/1, л. 38 об., с. 74).

Ознакомление россиян и европейцев с индийской «Богословской системой» было одной из тех целей, которые Лебедев ставил перед собой, работая над «Арифметическими таблицами», и которые он четко сформулировал в своем обращении «К читателю, от трудившегося в переводе».

> А выгоды, происходящия от разумения основания таблиц, могущих составить пользу, суть следующие:

1е. К распространению Богословских понятий о вере: ибо индийцы, также как и мы, все познания о Боге и нравственности относят к самому началу мироздания, и приписывают их Божию откровению.

2е. К распространению философских и математических познаний, поелику в них заключаются ясныя и неоспоримые доказательства о всех предлежащих умствованию нашему предметах; особенно же пояснение и дополнение Математических истин, до которых посредством сих таблиц, вникающие в оныя, доходить могут.

3е. К облегчению многих затруднений в ращетах торговых, производимых Россианами на границах Азиатских; ибо самые ныне первейшие торговцы, и почти всей восточной Индии обладатели, не разумея в точности сих таблиц систематическаго основания, еще и поныне от непосредственнаго изследования ожидают точнаго объяснения.

В изданиях Англичан, а именно: в Грамматике Галгеда, публикованной а Калькоте 1778го года в большую четвертку; в Словаре Стокделя, изданном в Лондоне 1788го года в малую осьмушку[282]; в Таблицах Бакстера, публикованных в Лондоне 1788 года в четвертку; истинной индийскаго числения смысл во многих местах показан не верно и превратно, что читатель усмотреть может в моих примечаниях.

4е. Цифры индийские могут с великою пользою употреблены быть: в отношениях Государей к резидентам и взаимно, поелику оне не многим живущим в Индии европейцам, да и то несовершенно известны.

Поистине не зря проработал Лебедев столько лет в Азиатском департаменте МИДа: он рассчитывает своим трудом принести пользу в областях, входивших в компетенцию внешнеполитического ведомства, таких как развитие торговых связей с Северной Индией и безопасность переписки с «резидентами». Но все-таки главной для него была цель, сформулированная в последнем абзаце обращения к читателю. С этой целью работал он над обоими томами «арифметической» рукописи, отдавал переписывать ее набело, редактировал, переплетал, готовился поднести императору. Вот слова, в которых слышен подлинный «крик души»:

---

[282] Возможно, имеется в виду неизвестный нам словарь какого-то из индийских языков, вышедший в известном издательстве Джона Стокдейла (John Stockdale, 1749[?] — 1814), в Лондоне.

Все сие, что частным человеком в восточной Индии в уединенной простоте постепенно приобретено было трудом и бдением, открывается теперь взорам и вниманию целаго просвещеннаго света: при всем том, однако ж, сие толь новое и полезное в России произведение не может иметь желаемаго успеха, ежели не будут назначены для сего уже образованные юноши, к приятию сих открытий способныя: а сие все зависит от воли предержащих властей.

В последние свои годы страдающий от болезней, слепнущий Лебедев осознал, что дело всей его жизни не принесло ожидаемого плода. Ведь когда он просил в январе 1802 г. предоставить ему должность в Коллегии иностранных дел со званием «профессора восточных языков», он, конечно, имел в виду, что сможет передавать добытые им знания ученикам. Еще в 1797 г. из Индии Лебедев писал о. Андрею Самборскому: «Не друзей только российских обществ и человеческаго рода позабавить, а больше *для возрастающих* (курсив мой. — *Я.В.*) во обширно цветущей России старался [я] узнать и научиться бенгальскому и общему смешанному гиндостанскому языкам, и сколько мог шанскритскому» [Русско-индийские отношения 1965: 444]. Но в его должностные обязанности по Азиатскому департаменту не входило обучение кого-либо индийским языкам. Обращение к императору, поднесение ему двухтомного сочинения под общим названием «Арифметических таблиц» было последней отчаянной попыткой Лебедева доказать «предержащим властям» возможную выгоду от знания индийских языков и тем самым побудить их к поощрению индологических занятий в России. Надеялся он, вероятно, и на то, что публикация при поддержке императора новой книги заставит соотечественников разделить его искреннее восхищение «Брамгенской ученостью». Публикацией за двенадцать лет до того «Безпристрастного созерцания» достичь этой цели ему, по-видимому, не удалось.

Прошение Лебедева было подано графу Нессельроде вместе с прошением к императору Александру о разрешении «повергнуть лично к стопам» двухтомную рукопись «Арифметических таблиц» 30 декабря 1816 г. К Александру I прошение поступило, по-видимому, уже после того, как 1 января 1817 г. был издан именной указ императора Капитулу российских орденов о награждении ряда чиновников Коллегии иностранных дел за их «усердную

службу и отличные труды». В числе награжденных орденом святого Владимира 4-й степени был и надворный советник Герасим Лебедев [Русско-индийские отношения 1965: 512].

Это было весьма почетной наградой. Кавалер ордена св. Владимира автоматически приобретал потомственное дворянство. Но детей у Герасима Степановича и Анастасии Яковлевны, насколько нам известно, не было.

О последующих шести с лишним месяцах жизни Г.С. Лебедева почти нет документированных данных. Мы знаем только, что беловая рукопись «Систематических оснований» и «Арифметических таблиц» оставалась все это время у него. По какой причине — можно только гадать. То ли разрешение лично поднести ее императору («повергнуть к стопам») получено не было, то ли Лебедев не смог сделать этого из-за болезни. Известно, что все это время он был тяжело болен. И болезнь эта была последней.

В архивном фонде Коллегии иностранных дел сохранился документ, засвидетельствовавший окончание жизненного пути Герасима Степановича Лебедева.

> Под[ано] 16 июля 1817.
>
> В Государственную Коллегию иностранных дел от нижеподписавшегося
>
> Рапорт
>
> Ведомства оной Коллегии надворный советник и кавалер Герасим Степанович Лебедев сего июля 15-го числа волею Божиею помре, о чем государственной Коллегии иностранных дел и рапортую.
>
> Экзекутор, коллежский советник *Константинов*
>
> Июля 16 дня 1817 г.
>
> (АВПРИ, ф. Коллегия иностранных дел, Административные дела, р. IV-15, 1817, д. 4, л. 6; [Русско-индийские отношения 1965: 513]).

Единственный документ, донесший до нас некоторые сведения о последних месяцах жизни Г.С. Лебедева, — это прошение, поданное Анастасией Яковлевной на имя императора Александра I

через Коллегию иностранных дел. Вдова просила принять на хранение рукописи покойного мужа и назначить ей пенсию.

По[дано] 27 июля 1817.

Всепресветлейший, державнейший Государь Император Александр Павлович, Самодержец всероссийский, Государь всемилостивейший!

Просит вдова надворная советница Настасья Яковлева дочь, жена Лебедева, а о чем, — тому следуют пункты:

1. Покойный муж мой, надворный советник Лебедев, для приобретения полезных сведений отечеству, странствуя в разных государствах Европы, имел щастие в 1782 году представиться в Париже Августейшему родителю Вашего Императорскаго Величества во время его там бытности и получить Высочайшее его соизволение на отъезд свой в Восточную Индию, куда, отправясь на собственном иждивении в 1785 году, находился два года в Мадрасе, а 12 лет — в Калькоте. И, обучась тамошним языкам, возвратился в Лондон, а оттуда по высочайшей воли — в Санкт-Петербург. В 1802 году имянным Высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом пожалован чином коллежского ассесора и определен в государственную Коллегию иностранных дел к переводам тех языков, с жалованьем по 1800 рублей в год, где, продолжая службу свою, в 1811 году пожалован в надворные советники, а в 1817 году удостоен вместе с прочими награждения орденом св. Владимира 4-й степени. После сего от труднопродолжавшейся болезни 15-го числа сего июля умре.

2. До прибытия его в Санкт-Петербург, находясь в Лондоне, издал трудов своих индийскую грамматику, которую и напечатал собственным иждивением. По приезде же сюда имел шастие поднесть ее Вашему Императорскому Величеству и, удостоясь монаршаго воззрения на посильные труды его и получения от щедрот Вашего Величества десяти тысяч рублев к заведению собственной типографии на индийском, равно и на европейских языках, ту типографию с немалым для себя трудом и с значительными издержками завел, но, найдя необходимо нужным к содержанию оной иметь свой дом, купил оной, состоящей Рожественской части в 4-м квартале под № 439. И, отпечатав здесь другую сочинения его книгу под названием «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов», удостился и оную поднесть Вашему Императорскому Величеству на благоусмотрение.

3. После оного, непрестанно занимаясь по усердию к службе сочинением азбуки брамгенского языка и переводом ее, также сочинением краткого словаря на бенгальском и народном индейском языках, с преложением оных на российской и англинской, и нескольких разговоров, имел намерение все оные, посвятя Августейшему имяни Вашего Императорскаго Величества, напечатать яко плод долговремянных усердных трудов своих, но, за постигшею его смертию не успев привесть к концу, оставил, также его сочинения две книги, из коих одну под названием «Систематические восточных индийцев умозрительные собрания аримфметики», а другую — арифметические таблицы тех же индейцев, которые относящиеся к его званию, и в которые истощил он все свое здоровье, осмеливаюсь к сему приложить.

Всеподданейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелено было сие мое прошение в Коллегию иностранных дел, с представляемыми всеподданнейше у сего помянутыми двумя книгами и прочими принадлежащими к ним оставшимися после покойнаго мужа моего вчерне бумагами принять, и меня, именованную, без помощи и оставшуюся в горести с одними только долгами его, нажитыми через переделку вышеуказанного деревянного дома и ныне состоящего в залоги в двух тысячах рублях сроком на 10 лет у титулярного советника Протопопова, считая по 4 сентября сего года, и коего я должна лишиться, естьли не успею той суммы внесть с узаконенными процентами и оплатить оставшиеся на нем прочие долги, — ощастливить определением от монарших щедрот пенсиона на пропитание, какой Вашему Императорскому Величеству в вознаграждение столь долгой, трудной и усердной к пользе отечества службы всемилостивейше пожаловать благоугодно будет, и снабдить узаконенным видом на прожитие остатка горестных дней моих.

Всемилостивейший Государь! Прошу Ваше Императорское Величество о сем моем прошении решение учинить.

К поданию надлежит в государственную Коллегию иностранных дел.

Июля дня 1817 года.

Прошение со слов просительницы писал Артиллерийскаго департамента Военного министерства канцелярист Иван Васильев сын Топоров.

После каждого пункта и под текстом прошения содержится формула:

К сему прошению вдова, надворная советница Настасья Яковлевна дочь, жена Лебедева руку приложила (АВПРИ, ф. Коллегия иностранных дел, Административные дела, р. IV-15, 1817, д. 4, л. 8–9 об.; [Русско-индийские отношения 1965: 514]).

В том же деле (л. 16) содержится доклад главы МИДа и статс-секретаря К.В. Нессельроде Александру I, к которому было приложено прошение А.Я. Лебедевой. Император направил затем министру финансов Д.А. Гурьеву распоряжение назначить вдове пенсию в размере половинного жалования ее покойного мужа, т.е. 900 рублей в год (АВПРИ, ф. Коллегия иностранных дел, Административные дела, р. IV-15, 1817, д. 4, л. 18). Этого оказалось, по-видимому, достаточно для того, чтобы поправить ее материальное положение. А.Я. Лебедева сохранила дом за собой. Установлено [Воробьев-Десятовский 1956: 72], что она владела им до 1837 г., когда переехала в дом № 21 по Садовой улице (ныне Потемкинская). Скончалась она 5 октября 1849 г. и была похоронена на Пашском погосте возле церкви Рождества Христова, ктитором (т.е. вкладчиком и, вероятно, церковным старостой) которой до своей смерти в 1799 г. был ее отец[283]. Погост расположен на берегу реки Паши, противоположном родовой усадьбе Мордвиновых в Верхней Усть-Кумбите, и был обычным местом захоронения членов этой семьи.

Сам Герасим Степанович был похоронен на Георгиевском кладбище, расположенном на правом берегу Невы (сейчас — Большеохтинское кладбище). А.Я. Лебедева поставила ему памятник с краткой стихотворной эпитафией на мраморной плите[284].

---

[283] Яков Яковлевич Мордвинов (1729–1799) был личностью незаурядной; память о нем до сих пор сохраняется у жителей части бывшего Новоладожского уезда (сейчас это часть Волховского района Ленинградской области). Участник Северной войны, он совершил на протяжении своей жизни несколько плаваний-паломничеств по Северу России, оставил ценные описания Ладоги, Валаама и Соловков. См. о нем: http://www.solovki.info/?action=archive&id=394, выдержки из его записок о Соловках: http://www.solovki.info/?action=archive&id=395 (дата обращения: 15.11.2016). Анастасия Яковлевна была, таким образом, дочерью и женой путешественника.

[284] Надгробие Лебедева не сохранилось, и место его могилы неизвестно. Мраморная плита с эпитафией до недавнего времени хранилась в фи-

Приводим ниже ее текст, исправляя некоторые явные ошибки, допущенные резчиком.

Сей муж с названием согласно
Три части света пролетел.
Полет он делал не напрасно
Во отдаленнейший предел.
Он первый из сынов Российских
[В] Восточну Индию проник
И, списки нравов сняв индийских,
В Россию их принес язык.
Без всех ума образований
Толь важный совершил полет.
Состав индийских мудрований
Не без успешно выдал в свет.
Судьба всеобща упредила
Труды покоем наградить.
Супруга нежно разсудила
Сей памятник соорудить.
Да сим любви ея залогом
Пришельцев убедит земных,
Да с нею воздохнет пред Богом,
Ему желая мест святых.

Этот текст принадлежит к определенному типу эпитафий XVIII — начала XIX в., которые «живописали жизнь конкретного адресата, перечисляли его заслуги, свершения перед страной и согражданами» [Царькова 1999: 143]. В то время существовали профессиональные эпитафисты, которым можно было заказать «надгробную надпись» [Там же: 116–117]. Однако автор лебедевской эпитафии обнаруживает такое детальное знание основных тем занятий покойного и вклада его в русскую культуру, какого нельзя ожидать от ремесленника-эпитафиста. Упомянутые «три части света», через которые «пролетел» Лебедев — это, конечно, Азия (Индия), Африка и Европа. Из них «отдаленнейший предел», разумеется, «Восточна Индия». Точно названы основные деяния

лиале Государственного музея городской скульптуры, располагавшемся в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Лебедева как индолога. «Снятые» им «списки нравов», безусловно, означают собранные сведения этнографического характера. Он действительно первым «принес язык» индийцев в Россию, точнее, два языка: бенгали и разговорный хиндустани. А также «выдал в свет» на страницах «Безпристрастного созерцания» очерк религиозной доктрины индуизма, какой она ему представлялась. Вряд ли профессионал-эпитафист включил бы в посмертный панегирик упоминание о том, что покойный достиг стольких успехов в науке «без всех ума образований», т.е. не имея достаточной образовательной подготовки. Хотя сам Лебедев не раз говорил об этом. Если к этому добавить, что в эпитафии есть и характерная для Лебедева лексика («мудрования»), и орфография («не без успешно»), то напрашивается предположение: не мог ли Лебедев заготовить этот текст «впрок», сочинив его сам или заказав эпитафисту, снабдив его нужными данными? Случаи такого рода заготовки эпитафий для себя впрок специалистам известны [Царькова 1999: 12–13]. В любом случае, эпитафия выглядит именно такой, какой хотел бы видеть ее сам Лебедев.

Эпитафией можно было бы и закончить рассказ о жизни и трудах Г.С. Лебедева, как мы с Н.В. Гуровым однажды сделали в совместной статье [Васильков, Гуров 2009: 75]. Но в эпитафии уже дана некоторая оценка деятельности Лебедева, которую необходимо дополнить и расширить с учетом всего того, что было сказано в этой книге. Эту задачу мы постараемся решить в Заключении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТВОРЕЦ КОНТАКТНЫХ ФОРМ

В эпитафии Г.С. Лебедева сказано, как мы видели, точно: он принес в Россию сведения об Индии этнографического характера («списки нравов»), свои знания языков и определенную информацию об индийских «мудрованиях», т.е. религии и традиционной учености. Если бы суждено было увидеть свет «Разсуждению о лирической поэзии» Г.Р. Державина, возможно, стали бы достоянием русской культуры и некоторые полученные из первых рук сведения о поэзии индийцев. Но в целом, надо признать, сделать то, о чем он мечтал, т.е. основать традицию научной индологии в России, Лебедеву не удалось. Да у него как у талантливого дилетанта и не было для этого ни достаточных знаний, ни профессиональной выучки. Индологическая традиция в России в то время еще не могла сформироваться. Первый период истории индологии в России, начавшийся в эпоху петровских преобразований, вообще отмечен неровностью и прерывистостью развития. Время от времени приезжий европейский индолог-профессионал или русский востоковед-автодидакт[285] начинал распространять индологические знания в России, порой добиваясь определенных успехов, но основать традицию никому не удавалось. Создателем российской школы научной индологии суждено было стать И.П. Минаеву (1840–1890), причем подготовить достойных преемников он смог лишь в последнее десятилетие своей жизни [Вигасин 2008: 153; Васильков 2010в: 58–67]. Относительно Г.С. Лебедева приходится согласиться с заключением А.А. Вигасина: «Деятельность его не имела существенного значения для судеб отечественной индологии» [Вигасин 2008: 46].

---

[285] По меткому определению А.А. Вигасина, вся первая половина XIX в. была периодом «немецкой санскритологии в России и русского дилетантизма» [Вигасин 2008: 139].

Однако есть основания полагать, как было показано выше, что Лебедев своими практическими знаниями внес вклад в дело становления первых регулярных торговых связей России с Индией в те годы, когда возглавляемое Н.П. Румянцевым Министерство иностранных дел поддерживало направленную на это инициативу семипалатинских купцов.

Несомненной заслугой Г.С. Лебедева перед российской и мировой наукой было то, что он привез с собой, несмотря на все трудности пути, несколько индийских рукописей. Как мы уже говорили, это была первая коллекция индийских рукописей, попавшая в Россию. Именно восемь рукописей, привезенных Лебедевым, положили начало собранию индийских текстов в Азиатском музее. Ныне они хранятся в Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН — наследника Азиатского музея. Если пятью из этих восьми рукописей, представляющих собой бенгальские календари [Миронов 1914: № 314–318; Посова, Чижикова 1999: № 777–781], по-видимому, пользовался главным образом сам Лебедев при работе над «Безпристрастным созерцанием», то остальные три использовались определенным кругом специалистов. Как мы уже упоминали, лебедевская рукопись «Хитопадеши» [Миронов 1914: № 140; Посова, Чижикова 1999: № 658] была использована крупнейшими немецкими санскритологами Х. Лассеном и А. Шлегелем при самом первом критическом издании этого выдающегося, всемирно известного литературного памятника [Lassen, Schlegel 1829]. Большую научную ценность имела и рукопись знаменитого санскритского словаря синонимов «Амаракоша» («Словарь Амары») [Миронов 1914: № 242; Посова, Чижикова 1999: № 27]. Правда, возможности работы с ней были ограничены тем, что санскритский текст в ней был зафиксирован не письмом деванагари, а менее известным бенгальским письмом. Рукопись лирической поэмы «Мадхумалати» (Madhu-Mālatī), написанной на брадже (западный диалект хинди), по мнению Г.А. Зографа, была наиболее интересной среди рукописей на языках хинди и панджаби, имевшихся в Азиатском музее к середине XIX в.[Зограф 1960: 6]. В этой малоизвестной поэме, автором которой назван Чатурбхудж Дас, представлен один из вариантов старой истории о любви Малати, дочери царя

Чандрасаина, и Мадху, сына министра, наиболее ранним воплощением которой была санскритская драма Бхавабхути (VIII в.) «Малати-Мадхава»). Рукопись «Мадху-Малати» [Миронов 1914: № 462; Посова, Чижикова 1999: № 390] достаточно подробно описана в каталоге Г.А. Зографа [Зограф 1960: 14–17, № 2].

Надо, однако, признать, что труды и заслуги Г.С. Лебедева на его родине впервые получили подлинно высокую оценку только в середине XX в., уже в контексте установления и развития политических, экономических и культурных связей между советской Россией и независимой Индией. И сказалось здесь, несомненно, то, что активность Лебедева в Индии имела следствия куда более значительные, чем его деятельность в России.

Г.С. Лебедев был, по-видимому, единственным европейцем в Британской Индии, которому отсутствие сознания своего цивилизационного превосходства, а также конфессиональных и расистских предубеждений позволило настолько погрузиться в индийскую этнокультурную среду и достичь с ее представителями такого взаимопонимания, что он в значительной мере стал разделять их взгляды и настроения.

Лебедев чутко уловил тенденцию, еще только нарождавшуюся в среде зажиточных горожан-индийцев: знати, торговцев, ученых, писцов и всех, кто так или иначе соприкасался в своей деятельности и повседневной жизни с британцами. Первоначальный шок от столкновения с носителями чуждой европейской культуры сменился двойной реакцией. С одной стороны, индийцы отвечали на вызов европейской цивилизации утверждением превосходства и исключительной древности ценностей (прежде всего религиозных) собственной культуры. Но, с другой стороны, все больше проявлялось среди них стремление к освоению определенных элементов культуры Запада. Лебедев мог наблюдать действие обеих тенденций на примере своих бенгальских учителей и друзей. Они поддерживали его представление об индуизме как о великом монотеистическом учении, превосходящем древностью европейское христианство, но в то же время проявляли интерес к западной культуре. Ведь не кто иной, как Голокнатх Даш, попросил Лебедева в обмен на обучение его бенгальскому и хиндустани давать ему уроки европейской музыки. Позднее он же подал

Лебедеву идею поставить переведенную тем с английского пьесу на сцене и помог в осуществлении задуманного. Инициатива создания «Бенгальского театра» исходила, таким образом, от представителя индийской интеллигенции, хотя и Лебедев, переводя пьесу Р. П. Джодрелла с «переложением» ее «на местные нравы», несомненно, уже имел в виду возможность ее театральной постановки.

Перевод пьесы Джодрелла можно отнести к разряду «гибридных», или «смешанных», культурных форм [Chatterjee 2007: 25], подлинным мастером создания которых показал себя Г.С. Лебедев. Их называют также контактными формами [Simon 2013: 32], поскольку возникают они только в контексте встречи и взаимодействия различных культур. Лебедевский перевод «Притворства» был лишь первым опытом создания такого рода формы. Этот перевод был «гибридным» уже в языковом отношении: персонажи пьесы говорили в нем на трех языках: бенгали, базарном хиндустани и английском.

Сам театр, построенный Лебедевым, представлял собой «гибридную» форму, так как был результатом переделки дома богатого калькуттского горожанина, традиционного по своему облику, в театр европейского типа с партером, двумя ярусами и просцениумом. О «контактной» природе оформления сцены мы уже говорили: декорации, никогда не использовавшиеся в традиционном индийском театре, Лебедев расписал в традиционном бенгальском стиле, т.е. в красном и желтом тонах. Абсолютным новшеством было и то, что спектакли театра Лебедева смотрела «смешанная» публика: никогда еще раньше англичане и индийцы не были зрителями одного представления. В спектакль по переводной пьесе европейского автора Лебедев ввел музыку и пение, ориентируясь на практику индийского народного театра. «Индийскую серенаду», звучавшую в ходе спектаклей «Бенгальского театра» и позднее на концерте в Лондоне, вполне можно определить как «контактное музицирование», поскольку ее исполнение предполагало совместное использование индийских и европейских инструментов.

Шерри Саймон указала на возможную связь между лебедевским пристрастием к контактным, или гибридным, формам и его особым интересом к «смешанным диалектам», т.е. «базарному хиндустани», контактному языку, на котором разноязыкие жи-

тели «города-полиглота», Калькутты, общались между собой и с европейцами [Simon 2013: 35]. Добавим к этому, что в своей «Грамматике» тех же «смешанных диалектов» Лебедев при описании структуры языка пытался, как ранее уже говорилось, создать некий «гибрид» европейской и индийской грамматических традиций.

Новаторское создание Лебедевым «контактных», прежде всего драматических, форм сыграло значительную роль в истории индийской культуры Нового времени. Ф.М. Кемп первой усмотрела в умонастроениях Г.С. Лебедева и его индийских друзей предвосхищение идей Бенгальского Возрождения — культурного движения, зародившегося десятилетиями позже и развивавшегося на протяжении всего XIX в. [Kemp 1958: 164]. Позднее ту же мысль высказал Махадев Прасад Саха [Saha 1963: 29]. Американский театровед Ракеш Соломон считает появление первых национальных театров в разных областях Индии в конце XIX — начале XX в. продолжением лебедевского эксперимента. После рассказа о «динамическом смешении западной и индийской культурных традиций и сложной антиколониальной политике маратхского театра в Бомбейском президентстве» в начале XX в. он пишет: «Это не было внезапной аномалией. По существу, это было продолжением традиции, восходящей через многие десятилетия к зарождению индийского национального театра в Бенгалии» [Solomon 1994: 337]. Далее излагаются сведения о «Бенгальском театре» Г.С. Лебедева [Ibid.: 340–343].

В другом месте той же статьи Р. Соломон пишет, что «индийские драматические образования современного типа, [возникшие] сперва в Калькутте, затем в Бомбее и, наконец, в Мадрасе[286], в своем происхождении связаны с событиями, относящимися к самому раннему периоду индо-британского культурного противостояния во второй половине восемнадцатого века. Зародившись в точках пересечения британской и индийской культур, современный индийский театр воплотил в себе коллизии, в том числе стратегические, между разными культурными традициями. Исходя из реаль-

[286] Имеются в виду первые национальные театры современного типа, появившиеся во второй половине XIX — начале XX в.

ностей колониального проекта и патриотического сопротивления ему современный индийский театр сделался и сам полем борьбы между колониалистскими и националистическими идеями, идеологиями и программами» [Solomon 1994: 323–324]. Сказанное, несомненно, относится и к театру Г.С. Лебедева.

В чем-то «Бенгальский театр» отвечал (по крайней мере внешне) целям колониального проекта: в своем письме судье Р. Чэмберсу от 5 февраля 1797 г. Лебедев писал, будто открыл свой театр, чтобы «дать угодной случай учащимся европейцам чрез обращение с гиндостанцами лутче научиться бенгальскому, шанскритскому и другим индостанским языкам» [Русско-индийские отношения 1963: 429]. Во «Введении» к своей «Грамматике», рассчитанном на прочтение членами правления Ост-Индской компании, он позже указывал, что его театр был создан в интересах «европейской публики» (for the benefit of the European public [Lebedeff 1801: VII]). Но мы знаем, что в действительности его основными зрителями были индийцы и что после негативной реакции изучающих местные языки англичан на второе представление «Притворства» на третье представление он приглашал уже «только азиатских жителей Калькутты и ее окрестностей» [Русско-индийские отношения 1965: 425].

Что же касается антиколониальных взглядов Г.С. Лебедева и его индийских единомышленников, нашедших выражение во втором представлении пьесы, то, как уже говорилось ранее, именно они, скорее всего, и стали истинной причиной преследования Лебедева властями и гибели «Бенгальского театра».

Индийский театральный деятель Судипто Чаттерджи, глава о Лебедеве в книге которого послужила основой для дальнейшего развития лебедевских исследований на Западе [Senelick 2012; Simon 2013], считает что «Лебедев, осознанно или нет, привел в действие апокалиптический часовой механизм, который начал отсчитывать время вплоть до кульминационной точки, установленной на 80 лет вперед, когда в 1872 году был основан “Национальный театр”[287]» [Chatterjee 2007: 35].

---

[287] «Национальный театр» — первый (после театра Г.С. Лебедева) индийский публичный театр современного типа, открытый группой энтузиастов-просвети-

Роль Г.С. Лебедева как основоположника современного национального театра высоко оценена в Индии. Почитают его также за то, что он разделял убеждения своих индийских друзей (был «антиколониалистом в той же мере, что и любой индиец» [Senelick 2012: 20]), а за совместную с ними попытку создания «Бенгальского театра» претерпел жестокие преследования, едва не стоившие ему жизни.

Многим авторам, пишущим о Лебедеве, казалось странным то, что создатель первого индийского национального театра был русским. Об этом свидетельствует устойчивая формула, переходящая из одной работы о Лебедеве в другую. Так, анонимная статья в бенгальской газете «Башонти», которую написал в 1921 г., по-видимому, Оморендронатх Рай (Amarendranāth Rāy), начиналась с констатации того, что «первым театральным деятелем Бенгалии» был «не житель Индии и даже не англичанин. Он из России. Да, Герасим Лебедев по национальности русский» [Мамуд 2012: 77]. Через 76 лет Судипто Чаттерджи сообщает в своей книге, что первая попытка создания национального индийского театра «была предпринята в 1795 году не бенгальцем и даже не англичанином, а русским, которого звали Герасим Степанович Лебедев» [Chatterjee 2007: 25]. За этой формулой угадываются удивление и связанная с ним убежденность в том, что появление в роли основателя индийского национального театра нового времени пришельца из России было чистой случайностью.

Однако, по данным нашего исследования, результаты которого представлены в этой книге, Лебедев именно как россиянин был более подготовлен к деятельности по созданию «гибридных», или «контактных», форм, чем англичанин или какой-либо иной представитель западноевропейской цивилизации. Мы видели, что адаптируя переводимую им английскую пьесу, приспосабливая ее к индийской действительности, он просто использовал российский опыт «переложения» иностранной пьесы «на местные нравы». Воспроизводя в индийских условиях конструкцию европейского театра с партером, ярусами, сценой и просцениумом, декорациями и прочим, он, по собственному его признанию, повторял

телей на Бидон стрит в северной части Калькутты в 1872 г.

то, что проделал в России поколением раньше его «земляк» Федор Волков. Предавая нотной записи индийские мелодии, Лебедев тоже мог опираться на русский опыт. Если действительно ему принадлежала музыка исполненного на концерте в Лондоне «русского glee», то он был, возможно, знаком с практикой гармонизации на европейский лад русских народных песен. Конечно, его экспериментальному музицированию одновременно на европейских и индийских инструментах вряд ли найдется соответствие в истории русской музыки[288], но можно усмотреть в этом своеобразное и намного опередившее свое время[289] применение Лебедевым принесенного им из России общего принципа «гибридизации».

Г.С. Лебедев прибыл в Индию в то время, когда эта страна переживала последствия столкновения своей многовековой культуры с принесенной извне культурой западноевропейской, искала пути диалога (сближения и противостояния) с культурой колонизаторов. Родина Лебедева, Россия, за несколько десятилетий до рождения Лебедева, в петровскую эпоху, прошла через такое же столкновение культур и выработала с годами рецепты снижения остроты конфликта, в числе которых было создание «контактных», или «гибридных», форм. С начала XVIII в. культура России навсегда осталась двуприродной, сочетая в себе наследие и Востока[290], и Запада. Эта двуприродность на протяжении Нового и Новейшего времени не раз позволяла России достигать взаимопонимания как с Западом, так и с Востоком и выступать в роли посредника между Западом и азиатскими странами, в том числе и в политических отношениях.

Культурное сознание самого Г.С. Лебедева было двуприродным[291]: его воодушевляли идеи европейского Просвещения, эгали-

---

[288] В елизаветинское время при русском дворе какое-то время существовал оркестр турецкой музыки [Штелин 1935: 121–122], но нет сведений о том, что кто-либо пытался совместить звучание турецких инструментов с европейскими.

[289] Ничего подобного музыке «Индийской серенады», исполнявшейся в Лондоне в 1800 г., нигде более не звучало до тех пор, пока индийские и европейские музыканты не начали иногда играть вместе во второй половине XX в.

[290] В данном случае под наследием Востока понимается комбинация восточного христианства, унаследованного от Византии, и традиций, привнесенных веками доминирования Золотой Орды.

[291] Это обстоятельство отметил в своей книге Хаят Мамуд: «Г.С. Лебедев…

таризма и в известной мере космополитизма[292] [Chakrabarti 2015; Dubyanskaya 2015: IX], но он был также искренним патриотом России, а по возвращении на родину нашел общий язык с предшественниками российского почвенничества — литераторами круга Шишкова и Державина. В Индии он стремился приобщить своих индийских друзей к достижениям европейской музыкальной и театральной культуры и в то же время разделял с ними идеи нарождающегося индийского национализма.

Все вышесказанное позволяет заключить, что выступление россиянина в Индии в качестве посредника между культурами не было делом случая. Действуя в духе традиций своей страны, Г.С. Лебедев перенес на индийскую почву накопленный в предшествующие десятилетия российский опыт культурного диалога (отчасти взаимодействия, отчасти противостояния) с цивилизацией Запада.

являлся для нас в ту эпоху единственным человеком, представлявшем в одном лице обе культурные традиции — западную и восточную» [Мамуд 2012: 45].

[292] Лебедев адресовал свои труды «друзьям человеческого рода», и к таковым же определенно относил себя.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агафонов А.С. Маньчжурского и китайского Шунь-Джи-хана книга — полезный и нужный образ к правлению. СПб.: тип. Вильковского, 1788. 93 с.

Адаева Е.С. Становление романтического фортепианного концерта в творчестве И.Н. Гуммеля, Дж. Фильда, И. Мошелеса // Теория и практика профессиональной исполнительской и педагогической подготовки в высшей музыкальной школе / Сост. и науч. ред. В.Л. Яценюк. Минск: Белорусская государственная академия музыки, 2010. С. 172–186.

Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1897. Т. I. VII, 414, 6 с.

Альбедиль М.Ф. Индийские музыкальные инструменты (по материалам коллекции 2980) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 51–76. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Альбедиль М.Ф., Васильков Я.В. Виды индийских аскетов (по материалам коллекции 2993 в собрании МАЭ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 11–50. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Альтшуллер М.Г. Лебедев и Державин // Народы Азии и Африки. 1963. № 4. С. 126–129.

Анненков П.В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799–1826. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. 334 с.

Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху / Сост А.И. Гарусов. Минск: Лимариус, 1998. 360 с.

Антонова К.А. К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797) // Исторический архив. М., 1956. № 1 (январь — февраль). С. 156–195.

Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 326 с.

Архив князя Воронцова. Книга осьмая. Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. Ч. 1. М.: тип. Грачева и К., у Пречистенских ворот, д. Шиловой, 1876. 604 с.

Архив князя Воронцова. Книга двадцать четвертая. Бумаги разного содержания. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1880. 438 с.

Архив князя Воронцова. Книга двадцать вторая. Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Переписка с А.Л. и П.А. Николаи. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1881. 588 с.

Афанасьева В.К., Васильков Я.В. Древнеиндийская «Повесть о Савитри» в переводе Н.В. Лобановой // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 85–114.

Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном, с примечаниями, переведенныя с подлинника, писаннаго на древнем Браминском языке, называемом Санскритта, на Английской, а с сего на Российской язык. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1788. 213 с.

Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М.: Интербук, 1991. 142 с.

Баранников А. П. О культурных отношениях между Россией и Индией // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 5. Вып. 6. М., 1946. С. 461–465.

[Бартенев П.] Лондонский священник Яков Смирнов // Русский архив. Год семнадцатый. 1879, ч. 1–4. С. 354–356.

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и в России. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 282 с. (Издания факультета восточных языков С. Петербургского университета, № 38).

Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1977. Т. IX. Работы по истории востоковедения. 966 с.

Бонгард-Левин Г.М., Герасимов А.В. Мудрецы и философы древней Индии. М.: Наука, 1975. 367 с.

Бросалина Е.К. Г.С. Лебедев и Бхаротчондро Рой: перекрестки судеб // Герасим Лебедев и его время: Междунар. науч. конф. 15–16 декабря 2009 г. Доклады и сообщения. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. С. 35–36.

Бросалина Е.К., Сладков А.Л.. Рукопись Г.С. Лебедева «Красота учености» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII: Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. СПб.: Наука, 2009. С. 92–100.

Булгаков Ф.И. Герасим Степанович Лебедев, русский путешественник-музыкант по Индии в конце XVIII века // Исторический вестник. Год первый. Ноябрь 1880. С. 515–524.

Булганин Н.А., Хрущев Н.С. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. М.: Госполитиздат, 1955. 27 с.

Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. (XIII в. — 1825 г.). С приложением, вместо вступления, «Введения в изучение языка» Е. Дельбрюка. СПб.: тип. М. Меркушева, 1904. XI, (3), 1248 с.

Ваняшова М.Г. Мельпомены ярославские сыны: Волков. Дмитревский. Лебедев. Ярославль: Александр Рутман, 2000. 223 с.

Ваняшова М.Г. Герасим Лебедев: режиссерские интерпретации пьес Мольера и Р. Джодрелла на сцене бенгальского театра (к проблеме единства творческой и бытийной биографии) // Герасим Лебедев и его время: Мат-лы Междунар. конф. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. С. 37–49.

Васильков Я.В. Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева: предварительное сообщение // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X: Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. 19–21 июня 2006 г. СПб.: Наука, 2006. С. 30–37.

Васильков Я.В. Об одном способе организации сакрального пространства в индийской практике паломничества // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 126–133.

Васильков Я.В. Герасим Лебедев как переводчик на русский язык индийских религиозно-философских текстов // Герасим Лебедев и его время: Мат-лы Междунар. конф. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010а. С. 110–123.

Васильков Я.В. Интерпретация индуизма Герасимом Лебедевым и мировоззрение масонства эпохи Просвещения // Идеалы. Ценности. Нормы. VI междунар. науч. конф. по востоковедению (Торчиновские чтения). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010б. С. 359–371.

Васильков Я.В. Иван Павлович Минаев — основатель российской школы научной индологии // Минаевские чтения: Мат-лы науч. конф. Тамбов, 25 ноября 2009 г. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010в. С. 58–81.

Васильков Я.В. Новые данные о Герасиме Лебедеве в Калькутте конца XVIII века и о мировоззрении Уильяма Джонса // Laurae Lorae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. ред. Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 164–187.

Васильков Я.В. Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16), весна — лето. С. 188–206.

Васильков Я.В. Никита Владимирович Гуров (15.06.1935 — 04.12.2009) // Зографский сборник. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2013.

С. 289–299 (с прилагаемым списком опубликованных трудов Н.В. Гурова, с. 300–306).

Васильков Я.В. Архаическая пространственно-временная модель мира и отношение к ней в основных религиях Индии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 182–193.

Васильков Я.В. Употребление бетеля в Индии по данным древних письменных источников // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 17–31. (Маклаевский сборник. Вып. 4).

Васильков Я.В. Момент разрыва: о непосредственной причине преследования Г.С. Лебедева властями колониальной Калькутты // Зографский сборник. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН, 2016а. С. 273–298.

Васильков Я.В. Месопотамский и древнеиндийский мифы о потопе: случайны ли сходства? // Tamiḷ tanta paricu: Сборник статей в честь Александра Михайловича Дубянского. М.: Изд-во «Перо», 2016б. С. 172–198. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. LXIII).

Васильков Я.В. Индийский этномузыкальный текст в контексте европейской музыки конца XVIII века: о концерте Г.С. Лебедева в Лондоне // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 18–30.

[*Васильков Я.В., Н.В. Гуров.*] Памяти Георгия Александровича Зографа (1928–1993) // Стхапакашраддха: Сборник статей памяти Г.А. Зографа / Под ред. Я.В. Василькова и Н.В. Гурова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. С. 7–17.

Васильков Я.В., Н.В. Гуров. Первый русский перевод с санскрита: «Мохамудгара» Шанкары в переводе Г.С. Лебедева // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI: Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. 18–20 июня 2007 г. СПб.: Наука, 2007. С. 31–46.

Васильков Я.В., Н.В. Гуров. Новое о Герасиме Лебедеве // Санкт-Петербург — Индия: история и современность. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 62–76.

Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 3. Светлейший князь Андрей Кириллович. Ч. I. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1882. IV, 530 с.

Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Изд. 2-е. Т. 2, вып. 4. Пг.: тип. «Товарищество художественной печати», 1916. Т. II. 112 с.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг.: тип. Акц. о-ва типогр. дела в Петрограде, 1917. XXIV, 287 с.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 2-е, испр. и расшир. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999. 576 с.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: Издатель Степаненко, 2008. 543 с.

Волошина О.А. Индийский мечтатель (о путешествии Герасима Лебедева в Индию) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 5. С. 114–129.

Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. М., 1956. С. 36–73.

Воробьев-Десятовский В.С. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 1999. С. 7–20.

[Воробьева-Десятовская М.И.]. Становление индологии в России // История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, 1990. С. 318–349.

Воронцов С.Р. Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. Вып. 1. С. 33–59.

Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. Руссовым. Июль. Книжка VII. СПб.: тип. Главного управления, 1832. 98 с.

Гамаюнов Л.С. Из истории развития культурных связей нашей страны с Индией. М.: Знание, 1955. 40 с.

Гамаюнов Л.С. Герасим Лебедев — основоположник русской индологии // Советское востоковедение. 1956а. № 1. С. 145–154.

Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России (к вопросу о деятельности Г.С. Лебедева) // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. М., 1956б. С. 74–117.

Гаралите К. Традиция комментирования «Рамаяны» в общине неприкасаемых рамнами // Зографский сборник. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 208–223.

Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетии. Берлин, 1880. Т. 2. Ж — М. 440 с.

Герасим Лебедев и его время: Междун. науч. конф. 15–16 декабря 2009 г. Доклады и сообщения. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. 172 с.

Гинзбург Л.[С.]. История виолончельной музыки. М.: Музгиз, 1957. Т. 2. 607 с.

Глаголева Е. Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012. 432 с.

Горошко Г., Скосырев В. Береза и баньян (российско-индийские отношения вчера, сегодня, завтра). М.: Славянский диалог, 1999. 207 с.

Гуров Н.В. Герасим Лебедев — переводчик текстов Ветхого Завета на языки Индии // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X: Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. СПб.: Наука, 2006. С. 68–74.

Гуров Н.В. Почему Герасим Лебедев поехал в Индию? (Еще раз об истоках отечественной индологии) // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций: XXV междунар. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 22–24 апреля 2009 г. Тез. докл. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 159–160.

Гуров Н.В. Новое о Г.С. Лебедеве: почему Герасим Лебедев поехал в Индию? // Герасим Лебедев и его время: Мат-лы Междунар. конф. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. С. 124–126.

Гуров Н.В. Новое о Г.С. Лебедеве (почему Герасим Лебедев поехал в Индию?) // Зографский сборник. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 248–259.

Гуров Н.В., Е.К. Бросалина, Я.В. Васильков. У истоков российской индологии: научное наследие Г.С. Лебедева (1749–1817) // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сборник статей к 75-летию проф. А.Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. ред. М.Н. Боголюбов. СПб.: Наука, 2006. С. 50–59.

Гусева Н.Р. Г.С. Лебедев и его «Беспристрастное созерцание» (из истории русской индологии) // Советская этнография. 1956. № 1. С. 114–116.

Гуськов Н.А. Проблема «склонения на русские нравы» в комедиографии Я.Б. Княжнина // Взаимодействие и взаимовлияние русской и европейских литератур: Мат-лы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 1997 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 110–114.

Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М.: Наука, 1979. 326 с.

Даль В. Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1880–1882.

Дерюгин А.А. Содержание переводческого приема «склонение на наши (русские) нравы» // Известия Академии наук СССР. 1995. Т. 54. № 5. С. 61–64.

Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М.: Трутень, 2002. 504 с.

Дхармашастра Нарады / Пер. с санскр. и коммент. А.А. Вигасина и А.М. Самозванцева; вступит. ст. А.А. Вигасина. М.: Восточная литература, 1998. 256 с.

Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М.: Издание Москвитянина. В Университетской типографии, 1845. Т. II. 290+XVI с.

Евсеева М.К. Оленин Алексей Николаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1999. Т. 4. М — П. С. 419–423.

Егоров А. Конфуз союзного войска: секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37–42.

Елагин И.П. Учение древнего любомудрия и богомудрия (отрывки) // Новиков В. И. Масонство и русская культура. М.: Искусство, 1998. С. 223–235.

Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 205–337.

Западов А.В. Индия в русской литературе и журналистике XVIII столетия // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 110–121.

Западов А.В., Прохоров Е.П. Вступительная статья // Глазами друзей. Русские об Индии. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 5–49.

Захаров В.А. Император Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. СПб.: Алетейя, 2007. 283 с.

Захарова О.Ю. Русские в Британии (конец XVIII — начало XIX веков) // Труд и социальные отношения. 2013. № 1. С. 142–152.

Землянская Н.С. К вопросу о происхождении Г.С. Лебедева // Герасим Лебедев и его время: Мат-лы Междунар. конф. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. С. 127–136.

Зограф Г.А. Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1960. 100 с.

Зограф Г.А. Хиндустани на рубеже XVIII и XIX веков / Отв. ред. В.М. Бескровный. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1961. 134 с.

Зограф Г.А. Калькуттский хиндустани конца восемнадцатого века в освещении Г.С. Лебедева // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.: Институт народов Азии АН СССР, 1963. С. 142–153.

Зограф Г.А. В.С. Воробьев-Десятовский. 3.X.1927 — 2.VII.1956 // Проблемы истории языков и культуры народов Индии: Сб. статей. Памяти В.С. Воробьева-Десятовского. М.: Наука, 1974. С. 3–11.

Зограф Г.А. Предисловие // Сунити Кумар Чаттерджи. Введение в индоарийское языкознание: Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад). М.: Наука, 1977. С. 5–30.

Зотов А. Граф и графиня дю Нор: блистательный визит в Европу // Гатчина сквозь столетия. Исторический журнал. URL: http://history-gatchina.ru/paul/nord/nord2.htm (дата обращения: 04.11.2016).

Зызыкин М. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София: Новая жизнь, 1924. 193 с.

Івченко Л. Реконструкція нотної коллекції графа О.К. Разумовського за каталогами XVIII сторіччя. Кіїв: Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, 2004. 644 с.

Карпеев Э.П. Г.З. Байер и истоки норманнской теории // Первые Скандинавские чтения: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 19–25.

Климовицкий А.И. Моцарт // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. СПб.: Композитор, 1998. Кн. 2. К — П. С. 224–242.

Козлов С.А. Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб.: Историческая иллюстрация, 2007. 303 с. (Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 3).

Котин И.Ю., Успенская Е.Н. Календарные обычаи и обряды хиндустанцев // Индийские праздники: общее и локальное в календарной обрядности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 10–74.

Краснодембская Н.Г. Прасада // Индуизм. Джайнизм. Буддизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. С. 337.

Краснодембская Н.Г. Праздники у маратхов // Индийские праздники: общее и локальное в календарной обрядности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 76–112.

Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю., Соболева Е.С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2017 (в печати).

Кросс Э. У Темзских берегов: россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996. 387 с.

Крючкова Е.Р. Неизданная грамматика бенгальского языка Г.С. Лебедева // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI: Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. СПб.: Наука, 2007. С. 189–197.

Крючкова Е.Р. Герасим Лебедев — лингвист (работы Г.С. Лебедева по грамматике новых индоарийских языков) // Герасим Лебедев и его время: Мат-лы Междунар. конф. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. С. 50–52.

Крючкова Е.Р. «Арифметическая» рукопись Герасима Лебедева // Laurae Lorae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. ред. Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 188–197.

Кудрявицкий А. Юность композитора Джона Филда, русского ирландца // Окно: Электронный журнал. 2009. № 4 (7). URL: http://okno.webs.com/No4/essays.htm (дата обращения: 12.10.2016).

Кузьмишин Е. Л. Масонство. М.: Ганга, 2016. 496 с.

Куликова А.М. Автобиография первого русского индианиста Г.С. Лебедева (к 230-летию со дня рождения) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XV годич. науч. сессия ЛО ИВ АН (доклады и сообщения). 1979. Декабрь. Ч. 1. М.: Наука, 1981. С. 26–30.

Куликова А.М. Автобиография первого российского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817) // Куликова А.М. Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 13–16.

Лебедев Г.С. Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. СПб.: тип. Герасима Лебедева, 1805. X+173 с.

Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов (sic!), священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009. 127 с.

Лебедев М. [*М.М. Медведев*]. Семь лиц Герасима Лебедева // Вокруг света. 1963. № 2. С. 49–54.

Лепехин М.П. Лебедев Герасим Степанович // Словарь русских писателей XVIII века. / Отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 1999а. Вып. 2. К — П. С. 191–193.

Лепехин М.П. Плещеев Сергей Иванович // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 1999б. Вып. 2. К — П. С. 441–444.

Лоевская А.Ю. Служение Отечеству: православный священник в Лондоне Яков Смирнов // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. С. 321–339.

Лысенко В.Г. Акаша // Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2009. С. 61–63.

Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические связи в XIX в. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 95 с.

[Люстерник Е.Я.] Русско-индийские экономические отношения в первой половине XIX века // Россия и Индия / Отв. ред. Н.А. Халфин и П.М. Шаститко. М.: Наука, 1986. С. 89–108.

Малиновский А.Ф. Известия об отправлении в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 год // Труды и летописи Московского общества истории древностей российских. М., 1837. Ч. 7. С. 121–207.

Мамуд Х. Герасим Степанович Лебедев / Пер. с бенгал. Ярославль: ООО «Академия 76», 2012. 447 с.

Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987. 799 с. (Памятники письменности Востока, LXXX).

Медведев М., Рогова В. Африканский дневник Герасима Лебедева // Неделя (Воскресное приложение к газете «Известия»). 7–13 августа 1960. № 24. С. 10–11.

Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб.: Императорская Академия наук, 1802. XXIV, 514, VIII с.

Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1816. СПб.: Имп. Академия наук, 1816. Ч. I. XXXVII, [2], XXII, 792 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. СПб.: Имп. Академия наук, 1818. Ч. I. XL, 856 с.

Милютин Д.А. История войны России с Франциею в царствование императора Павла I в 1799 году. СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1853. Т. 5. 512, V, [6] с., 10 л. карт.

Миронов Н.Д. Каталог индийских рукописей. Вып. 1. Пг.: тип. Императорской Академии наук, 1914. 360 с. (Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук. Т. 1).

Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Южное Приладожье. Кировский и Волховский районы. СПб.: Алаборг, 2009. 368 с., 249 илл.

Неру Д. Открытие Индии. М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1955. 652 с.

Новиков В.И. Масонство и русская культура. М.: Искусство, 1998. 496 с.

Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. В Санктпетербурге 1772 года. 276 с.

Нянковский М.А. Герасим Лебедев и его книга // Герасим Лебедев и его время: Мат-лы Междунар. конф. Ярославль: Изд-во Потребительского общества «Еще не поздно!», 2010. С. 53–57.

О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1984. 520 с.

Овчинников Р.В. Из истории русской индологии (новые данные о биографии Г.С. Лебедева) // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 4. С. 74–83.

Огурцов Н.Г. Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718–1924). Ярославль: Изд-во с.-х. и кредит. союза кооперативов, 1924. 467 с.

Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. СПб.: печатано в Губернской типографии, 1838. 142 с.

Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 367 с.

Орлов А.А. Священник Яков Иванович Смирнов: 60 лет служения в Лондоне // Вестник ПСТГУ. Серия II «История. История Русской православной церкви». 2008. Вып. II. № 3 (28). С. 18–34.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб.: Императорская Академия наук, 1773. 786 с.

Перцмахер В.В. Русские моряки в Индии в 60-х годах XVIII в. (по архивным материалам) // Индия — страна и народ / Отв. ред. И.В. Сахаров. М., 1967. С. 220–228. (Страны и народы Востока. Вып. V).

Перцмахер В.В. Ю.Ф. Лисянский в Индии (1799) // Индия — страна и народ / Сост. и отв. ред. И.В. Сахаров. М., 1972. Кн. 2. С. 248–259. (Страны и народы Востока. Вып. XII).

Песков А. Павел I. М.: Молодая гвардия, 2005. 422 с. (Серия «ЖЗЛ». Вып. 1152).

Петров П.Я. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музеуме Императорской С. Петербургской Академии Наук // ЖМНП. 1836. Ч. XII. № 10. С. 194–198.

Петровская И.Ф. Академия художеств // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. 1. СПб.: Композитор, 1996. Кн 1. А — И. С. 20–22.

Петровская И.Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. 1. СПб.: Композитор, 1999. Кн. 3. Р — Я. С. 115–118.

Плещеев С.И. Начертание путешествия Их Императорских Высочеств, Государя Великого Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Марии Феодоровны под именем графа и графини Северных. СПб.: Императорская Академия Наук, 1783. 20 с.

Порфирьева А.Л. Масонов петербургских музыка // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. 1. СПб.: Композитор, 1998. К. 2. К — П. С. 189–194.

Порфирьева А.Л. Монсиньи // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. 1. СПб.: Композитор, 1998. Кн. 2. К — П. С. 219–220.

Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 1999. 168 с.

Проскурина В. Миф об Астрее и русский престол // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 153–185.

Пумпян Г.З., Федосеева М.В. Байер и русское востоковедение // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 22–28.

Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1978. Т. VII. Критика и публицистика. С. 239–246.

Пятигорский А.М. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.: НЛО, 2009. 448 с.

Россия и Индия / Отв. ред. Н.А. Халфин и П.М. Шаститко. М.: Наука, 1986. 356 с.

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1887. Т. 2. 918 с.+44 с.

Русский биографический словарь / Издан под наблюдением пред. Имп. рус. ист. общ-ва А.А. Половцова. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1914. Т. Х. Лабзина — Ляшенко. 846 с.

Русский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М.; СПб.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Филол. факультет СПбГУ, 2002.

Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сборник документов. М.: Наука, 1965. 656 с.

Рыбаков Р.Б. Рой, Раммохан // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. С. 378–379.

Рыцарева М. Композитор Д. Бортнянский. Л.: Музыка, 1979. 256 с. (Серия «Жизнь и творчество»).

Рябинин Д.Д. Биография графа С.Р. Воронцова. Глава III (1796–1801) // Русский архив. 1879. Кн. 1. № 3. С. 305–345.

Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков: масонство и русская культура XVIII — начало XIX века. М.: Изд-во «Жираф», 2000. 216 с.

Сахаров В. Русское масонство в портретах. М.: АиФ Принт, 2004. 512 с.

Сафонов М.М. «Памятник удачному выстрелу» или? (опыт масонской интерпретации Павильона Орла в Гатчинском парке) // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия». URL: http://history-gatchina.ru/article/temple.htm (дата обращения: 19.11.2016).

Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 1–50.

[Семевский М.И.] Дмитрий Прокофьевич Трощинский, 1754–1829 // Русская старина. 1882. июнь. С. 441–682.

[Семевский М.И.] Письма Д.П. Трощинского к А.Л. Николаи // Русская старина. 1904. Вып. 10–12. С. 717–719.

Семека А.В. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. М.: Изд-во «Задруги» и К.Ф. Некрасова, 1915. Т. I. С. 124–174.

Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.

Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии / Пер. с англ., ред. и предисл. К.А. Антоновой. М.: Изд-во иностран. литературы, 1954. 440 с.

Сковорода Г.С. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 1. 509 с.

Скороходова Т.Г. Раммохан Рай, родоначальник Бенгальского Возрождения (опыт аналитической биографии). СПб.: Алетейя, 2008. 372 с.

Смирнов А.В. Руссов Степан Васильевич // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением пред. Имп. рус. ист. общ-ва А.А. Половцова. Пг.: тип. общ-ва «Кадима», 1918. Т. 17. Романовы — Рясовский. С. 627–633.

Смирнова-Ракитина В.А. Герасим Лебедев. М.: Советский писатель, 1959 (переиздания в 1969 и 1980 гг.). 385 с.

Смольянинов В.Н. Предисловие к восьмой книге // Архив князя Ф.А. Куракина. Книга восьмая <…> под редакцией В.Н. Смольянинова. Саратов: товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1899. С. III–XII.

Соколовская Т.О. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. год VI (1907). № 1 и 2. С. 216–253.

Соколовская Т.О. Два портрета Императора Павла I с масонскими эмблемами // Русская старина. Год XXXIX. Октябрь 1908. С. 85–95.

Соловьев О.Ф. Из истории русско-индийских связей. М.: Соцэкгиз, 1958. 100 с.

Соловьев О.Ф. [Рецензия на книгу:] P. M. Kemp. Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to the October Revolution. Delhi: ISCUS. 1958 // Вопросы истории. 1959. № 9. С. 170–176.

Соловьев О.Ф. Споры вокруг масонства: некоторые итоги // Вестник АН СССР. 1990. № 9. С. 11–28.

Сорокин Ю.А. Павел Первый и «вольные каменщики» // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 19–37.

Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 504 с.

Сучков С. «Гроссмейстер, или Падение и возвышение души»: Заметки о князе Г.П. Гагарине // Гагарин, Гавриил. Забавы уединения моего в селе Богословском. М.: АГРАФ, 2002. С. 220–232.

Топоров В.Н. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции (к проблеме «индианизма» начала XIX века) // Wiener Slawistischer Almanach. 1989. Bd. 23. S. 33–80.

Топоров В.Н. (а) «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения (об одном из источников фонвизинского «Недоросля») // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1989. Вып. 855. С. 106–126.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / Пер. с англ., общ. ред. и предисл. Б.А. Успенского. Изд. 2-е, испр. М.: Прогресс, 1995. 167 с.

Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.

Устинович П.М. Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина // Русская старина. 1890. Т. 67. С. 387–412.

Фесечко Г.Ф. Новые материалы о композиторах П.А. Скокове и Е.И. Фомине // Музыкальное наследство. М.: Музыка, 1966. Т. 2. Ч. 1. С. 9–39.

Фесечко Г.Ф. Иван Евстафьевич Хандошкин: Монографический очерк. Л.: Музыка, 1972. 86 с., 6 л. ил., нот. ил.

Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 546 с.

Флоровский Г., прот. Пути Русского Богословия. 4-е изд. Париж: YMCA-PRESS, 1988. 603 с.

Хайкина Л.В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I // Отечественная история. 2000. № 2. С. 164–170.

Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 200 с.

Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание / Пер. с англ. В. П. Липеровского. М.: Наука, 1977. 256 с.

Черновская В.В. Об авторе и его книге // Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов (sic!), священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009. С. 3–21.

Черновская В.В. Город, в котором родился Герасим Лебедев // Мамуд Х. Герасим Степанович Лебедев: Пер. с бенгал. Ярославль: ООО «Академия 76», 2012. С. 29–36.

Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени: Роман. М.: Время, 2017. 640 с.

Чудинова И.А. Придворный певческий хор // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. 1. СПб.: Композитор, 1998а. Кн. 2. К — П. С. 456–467.

Чудинова И.А. Придворный певческий хор: певчие // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. XVIII век. 1. СПб.: Композитор, 1998б. Кн. 2. К — П. С. 467–478.

[*Чулков М.Д.*] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великаго и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. II. Кн. III. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1775. 646 с.

Штейнберг Е.Л. Пионер русского востоковедения // Огонек. 1947. № 10. С. 28.

Штейнберг Е.Л. Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского. М.: Военное издательство, 1948. 216 с.

Штейнберг Е.Л. Индийский мечтатель. М.: Детская литература, 1956. 271 с.

Штелин Я.Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л.: Муз. издат., 1935. 175 с.

Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1907. 264 с.

Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. М.: Издательство «Задруги» и К.Ф. Некрасова, 1915. Т. II. С. 135–176.

Эйдельман Н.Я. Грань веков: политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб.: СПб комитет союза литераторов РСФСР; ЭТС «Экслибрис», 1992. 510 с.

Ямпольский И.М. Первый русский музыкант в Индии // Советская музыка. 1955. № 8. С. 69–71.

Ямпольский И.М. Первый русский музыкант в Индии (из истории русско-индийских связей) // Музыка народов Азии и Африки. Вып. II. М.: Советский композитор, 1973. С. 239–259.

Ямпольский И.М. Лебедев Герасим Степанович // Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 3. Корто — Октоль. С. 78.

Adelung J.C. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Erster Theil. Berlin: In der Vossischen Buchhandlung, 1806. 686 S.

Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg: Friedrich Drechsler, 1815. 237 S.

Allardyce N. A History of English Drama 1660–1900. Vol. VI: A Short-title Alphabetical Catalogue of Plays produced or printed in England from 1660 to 1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 580 p.

Altuchow N. Herasim Lebedeff (1746–1817) // Indologica Taurinensia. 1981. Vol. 8–9. P. 9–14.

[Anderson J.] The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London Printed; Anno 5723. Re-printed in Philadelphia by special Order, for the Use of the Brethren in North-America. In the Year of Masonry 5734, Anno Domini 1734. 97 p.

The Annual Biography and Obituary: 1832. Vol. XVI. L.: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, Green & Longman, 1832. 476 p.

App U. William Jones's Ancient Theology. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2009. VIII, 125 p. (Sino-Platonic Papers. 2009. No. 191).

App U. The Birth of Orientalism. Philadelphia; Oxford: University of Pennsylvania Press, 2010. 568 p.

Asiatick Researches, or Transactions of the Society instituted in Bengal for inquiring into the History and Antiquities, The Arts, Sciences, and Literature of Asia. Calcutta: Manuel Cantopher, 1788. XVI, 465 p.

Babinger F. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Inaugural-Dissertation. München: Verlag Schön, 1915. 85 S.

Banerjee B.N. Bengali Stage 1795–1873. Calcutta: Ranjan Publishing House, 1943. VIII, 58 p.

The Bhăgvăt-Gēētā, or Dialogues of Krēēshnă and Ărjŏŏn; in Eighteen Lectures; with Notes. Translated from the Original, in the Sănskrēēt, or Ancient Language of the Brăhmăns, by Charles Wilkins… London: Printed for C.Nourse, M.DCC.LXXXV (1785). 117 p.

Bhatia T.K. A history of the Hindi grammatical tradition. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill, 1987. XII, 229 p.

Bhattacharya R. The nautee in “the second city of the Empire” // The Indian Economic and Social History Review. 2003. Vol. 40. No. 2. P. 191–235.

Bird W. The Oriental Miscellany: Being a Collection of the Most Favourite Airs of Hindoostan, Compiled and Adapted for the Harpsichord. Calcutta: Joseph Cooper, 1789. [6], 72 p.

Blechynden K. Calcutta Past and Present. London; Calcutta and Simla: W. Thacker & Co.; Thacker, Spink & Co., 1905. 326 p.

Bongard-Levin G., Vigasin A. The Image of India: The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR. Moscow: Progress Publishers, 1984. 270 p., 32 p. of plates.

Bor J. The Rise of Ethnomusicology: Sources on Indian Music c. 1780 — c. 1890 // Yearbook for Traditional Music. 1988. Vol. 20. P. 51–73.

Brighenti F. Hindu Devotional Ordeals and their Shamanic Parallels // Electronic Journal of Vedic Studies. 2013. Vol. 19, issue 4. P. 103–175. URL: https://www.academia.edu/2369986/Hindu_Devotional_Ordeals_and_Their_Shamanic_Parallels (дата обращения: 12.11.2016).

Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. L.: Swan Sonnenshein & Co., 1906. 524 p.

Cakrabartī A. Bhāratpremik Liyebedef. Kalikātā: Śrī Narendrakumār Nāth, 1989. 228 p.

Cannon G. (ed.) The Letters of Sir William Jones. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1970. 977 p.

Cannon G. The Life and Mind of Oriental Jones: Sir William Jones, the Father of Modern Linguistics. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 432 p.

Carey W. Dialogues, Intended to Facilitate the Acquiring of the Bengalee Language. Serampore: at the Mission Press, 1801. VIII, 113 p.

Carey W.H. The Good Old Days of Honourable John Company. 1600 to 1868. Simla: Argus Press, 1882. 320 p.

Chakrabarti G. ‘Pure and Mixed’ in East India: Gerasim Lebedev’s Intercultural Enthusiasms // Crossing over “on the Birds’ Wings”: South Asian Literature in Local and Global Contexts. Cracow: Księgarnia Akademicka, 2015. P. 115–132. (Cracow Indological Studies, T. 17).

Chatterjee S. The Colonial Staged: Theatre in Colonial Calcutta. L.; N.Y.; Calcutta: Seagull Books, 2007. 344 p.

Chatterji S.K. Calcutta Hindustani: A Study of a Jargon Dialect // Indian Linguistics. Bulletin of the Linguistic Society of India. Lahore, 1931. Vol. 1, part II–IV. No. 3. P. 1–57.

Chatterji S.K. Foreword // Saha M.P. (ed.). Lebedev H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects. Edited with biography and by Dr. Mahadev Prasad Saha and Foreword by Dr. S.K. Chatterji. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1963. P. XXIII–XXVIII.

Chernovskaya V. Indian entrepreneurship: its past and present. New Delhi: Shipra Publications, 2005. XII, 239 p.

A Code of Gentoo Laws, or, Ordinations of the Pundits, from a Persian Translation, made from the Original, written in the Shanskrit Language. L.: [s.n.], 1796. 506 p.

Cohn B. The Command of Language and the Language of Command // Ranajit Guha (ed.). Subaltern Studies IV: Writings on South Asian History and Society. Delhi: Oxford University Press, 1985. P. 276–329.

Cohn B. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton: Princeton University Press, 1996. 216 p.

Corfield W. A Review and Some Remarks // Bengal Past and Present / Ed. by W.K. Firminger. 1908. Vol. II, part 1. P. 161–187.

Cotton H.E.A. Calcutta Old and New: A Historical and Descriptive Handbook to the City. Calcutta: W. Newman & Co., 1907. 1063 p.

Cross A. G. By the banks of the Themes. Russians in the 18th century Britain. Newtonville, Mass., 1980. VIII, 358 p.

Curley T. M. Sir Robert Chambers: Law, Literature and Empire in the Age of Johnson. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. 640 p.

Dalrymple W. White Mughals: Love and Betrayal in Eighteenth-century India. N.Y.: Penguin Books, 2004. XLVII, 459 p.

Das Gupta H. The Indian Stage. Vol. I. Calcutta: Metropolitan Printing & Publishing House, 1934. 353 p.

Dasgupta R.K. G.S. Lebedev (1749–1817): The First Russian Indologist // Oxford Slavonic Papers. 1957. Vol. VII. P. 1–16.

A Digest of Hindu Law, on Contracts and Successions: with a Commentary by Jagannát'ha Tercapanchána. Translated from the Original Sanscrit by H.T. Colebrooke, Esquire, Judge of Mirzapore… In Three Volumes. L.: Wilson and Co. Oriental Press, 1801. XLIII, 516; XVII, 571; XII, 644 p.

[*Dow A*.] A History of Hindostan. Translated from the Persian. The 2nd edition, revised, altered, corrected and greately enlarged by Alexander Dow, Esq. In two volumes. Vol. I. L.: T. Becket and P.A. De Hondt, MDCCLXX (1770). 470 p.

Dubyanskaya T. Introduction // Crossing over "on the Birds' Wings": South Asian Literature in Local and Global Contexts. Cracow: Księgarnia Akademicka, 2015. P. V–XIII. (Cracow Indological Studies. T. 17).

Eaton N. Excess in the City? The Consumption of Imported Prints in Colonial Calcutta, ca 1780–1795 // Journal of Material Culture. 2003. Vol. 8. No. 1. P. 45–74.

Engel L. Geschichte des Illuminaten-Ordens. Ein Beitrag zur Geschichte Bayerns. Berlin: Hugo Bermühler Verlag, 1906. 467 p.

Fergusson J. A Dictionary of the Hindostan Language. I. English and Hindostan. II. Hindostan and English. To which is prefixed a Grammar of the Hindostan Language. L.: T. Cadell, 1773. VIII, 58, [224] p.

Firminger W.K. The Early History of Freemasonry in Bengal and the Panjab. Calcutta: Thacker, Spink & Co., 1906. 326 p.

Foss E. Biographia Juridica: A Biographical Dictionary of the Judges of England (From the Conquest to the Present time: 1066–1870). L.: John Murray, 1870. 792 p.

Franklin M.J. Orientalist Jones: Sir William Jones, Poet, Lawyer and Linguist, 1746–1794. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2011. 408 p.

Gargi B. Theatre in India. N.Y.: Theatre Art's Books, 1962. 245 p.

Ghosh A. Sea of Poppies. N.Y.: Picador; Farrar; Straus and Giroux, 2009. 543 p.

Gilchrist J.B. Dialogues, English and Hindustanee, calculated to promote the Colloquial Intercourse of Europeans on the most useful and familiar subjects with Natives of India, upon their Arrival in That Country. 2nd edition. Edinburgh: Manners & Miller et al., 1809. LXIII, 253 p.

Gildemeister I. Bibliothecae Sanskritae sive Recensvs Librorum Sanskritorum… Bonn; L.: H.B. Koenig; Williams & Norgate, 1847. XIII, 192 p.

Goodwin G. Jodrell, Sir Paul (1746–1803) // Oxford Dictionary of National Biography / Ed. by H.C.G. Matthew and Brian Harrison. Vol. 30. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 151.

Goodwin G. Jodrell, Richard Paul (1745–1831) // Oxford Dictionary of National Biography / Ed. by H.C.G. Matthew and Brian Harrison. Vol. 30. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 152.

Grierson G.A. A Bibliography of Western Hindi, including Hindostani // The Indian Antiquary: A Journal of Oriental Research. Bombay; L., 1903. Vol. XXXII. P. 16–25, 59–76.

Grierson G.A. The Linguistic Survey of India. Vol. IX. Indo-Aryan Family. Central Group. Part I. Specimens of Western Hindī and Pañjābī. Calcutta: Superintendent Government Printing, India, 1916. 842 p.

Grierson G.A. The Early English Theatre and the Bengali Drama // The Calcutta Review. Third Series. 1923. Vol. IX. P. 84–86.

Guha-Thakurta P. The Bengali Drama, Its Origin and Development. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner and Co., 1930. XII, 244 p.

Halhed N.B. A Grammar of the Bengal Language. Printed at Hoogly in Bengal, 1778. 217 p.

Halbfass W. India and Europe: An Essay in Philosophical Understanding. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1990. 604 p.

Harland-Jacobs J.L. Builders of Empire: Freemasons and British Imperialism. 1717–1927. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007. 416 p.

Head R. Corelli in Calcutta: Colonial music-making in India during the 17th and 18th centuries // Early Music. 1985. Vol. 13. No. 4. P. 548–553.

Hadley G. Grammatical Remarks on the Practical and Vulgar Dialect of Indostan Language commonly called the Moors. With A Vocabulary, English and Moors. L.: T. Cadell, in the Strand, 1772. XVI, 133 p.

Hadley G. A Compendious grammar of the current corrupt dialect of the jargon of Hindostan (commonly called Moors); with a vocabulary, English and Moors, Moors and English. For the use of the Bengal and Bombay Establishments. The fourth edition corrected and much enlarged. L.: S. Russeau, at the Arabic and Persian Press, 1796. 332 p.

Halhed N.B. A Grammar of the Bengal Language. Printed at Hoogly in Bengal, 1778. 217 p.

Hamilton A., Langlés L. Catalogue des MSS Samskrits de la Bibliotéque Imperiale. P.: Imprimerie Bibliographique, 1807. 118 p.

Hopkinson C. A Bibliographical Thematic Catalogue of the Works of John Field. 1782–1837. L.: Harding & Curtis, 1961. XXIII, 175 p.

Hunt L., Jacob M.C., Mijnhardt W. The Book that Changed Europe: Picart & Bernard's Religious Ceremonies of the World. Cambridge, Mass.; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. 400 p.

[*Jodrell R.P.*]. Select Dramatic Pieces; some of which have been acted on Provincial Theatres, others written for Private Performance or Country Amusement: viz. The Boarding-School Miss, One and All, The Disguise, The Musico, Who's Afraid and The Bulse. L.: Printed for W. Lowndes, 1787. 499 p.

[*Jones W*.] Discourse the Ninth on the Origin and Families of Nations / Delievered 23 February 1792. By the President // Asiatic Researches, or Transactions of the Society instituted in Bengal… Vol. III. Printed verbatim from the Calcutta Edition. L.: Printed for J. Sewell et al., 1799. P. 479–492.

Joseph Haydn: Eighteenth-Century German Gentleman and Genius. A translation with introduction and notes by Vernon Gotwals of the Biographische

Notizen über Joseph Haydn by G.A. Griesinger and the Biographische Nachrichten von Joseph Haydn by A.C. Dias. Madison: The University of Wisconsin Press, 1963. 312 p.

Karpiel F. Freemasonry, Colonialism and Indigeneous Elites / Paper presented at: "Interactions: Regional Studies, Global Processes, and Historical Analysis", Library of Congress, Washington D.C., February 28 — March 3, 2001. URL: http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/2005/history_cooperative/www.historycooperative.org/proceedings/interactions/karpiel.html (дата обращения: 20.09.2016).

Kemp P.M. Bharat — Rus: An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Mediaeval Times to the October Revolution. Delhi: ISCUS, 1958. IV, 288+2 p.

Lamb R. Rapt in the Name: The Ramnamis, Ramnam, and Untouchable Religion in Central India. Albany: State University of New York Press, 2002. 250 p.

Larousse P. Grand dictionaire universel du XIXe siècle. T. 10. P.: Administration du Grand dictionaire universel, 1873. 1494 p.

[*Lassen Ch., Schlegel A.W.*] Hitopadesas id est institution salutaris: textum codd. Mss. collatis recensuerunt interpretationem Latinam et annotationes criticas / adiecerunt Augustus Guilelmus a Schlegel et Christianus Lassen. Pars I. Bonnae ad Rhenum: prostat apud Eduardum Weber, 1829. 288 p.

Lebedeff H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogues Affixed, Spoken in All the Eastern Countries; Methodically arranged at Calcutta according to the Brahmenian System of the Shamscrit language. Comprehending literal explanation of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the errors in the former grammars and dialogues of the Mixed Dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches. London, printed by J. Skirven… 1801. xxiv, xii, 86 p.

Lebedev H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects. Edited with biography and bibliography by Dr Mahadev Prasad Saha and Foreword by Dr. S.K. Chatterji. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1963. 40+118 p. (2-е издание — 1988).

Madge E.W. Calcutta Stage: Some Chapters from its Early History // The Statesman. 2005. October 22.

Māmūd H. Gerāsim Stepānavhich Liyebedeph. Dhākā: Navayūg Prakāśanī, 2010. 420 p.

McVeigh S. Felice Giardini: a Violinist in Late Eighteenth-Century London // Music and Letters. 1983. Vol. 64. P. 162–172.

McVeigh S. The Professional Concert and Rival Subscription Series in London, 1783–1793 // Royal Musical Association Research Chronicle. 1989a. No. 22. P. 1–135.

McVeigh S. The Violinist in London's Concert Life: 1750–1784: Felice Giardini and his Contemporaries. N.Y.: Garland, 1989b. III, 423 p.

McVeigh S. Concert Life in London from Mozart to Haydn. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 300 p.

McVeigh S. Freemasonry and Musical Life in London in the late Eighteenth Century // Music in Eighteenth-Century Britain / Ed. By D.W. Jones. Aldershot: Ashgate, 2000. P. 72–100.

Memoire of the celebrated admiral Adam John de Krusenstern, The First Russian Circumnavigator, translated from the German by his daughter, Madame Charlotte Bernardi and edited by Rear-Admiral Sir John Ross C.B., etc. L.: Longmans, Green, Brown and Longmans, 1856. II, 75 p.

Mukherji S.P. The Bengali Theatre // Calcutta Review. Third Series. January 1924. P. 109–136.

Mukhopadhyay A. India in Russian Orientalism: Travel narratives and beyond. New Delhi: Manohar Publishers, 2013. 360 p.

Nair P. *Thankappan*. Lebedev's Life in Calcutta // Lebedev H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1988. P. I–XXII.

Pahela Baishakh // Bandlapedia, 2015. URL: http://en.banglapedia.org/index.php?title=Pahela_Baishakh (дата обращения: 3 января 2017 г.).

Panja Sh. Lebedeff, Kendal, Dutt: Three Travelers on the Indian Stage // Transnational Mobilities in Early Modern Theater / Eds. R. Henke and E. Nicholson. L.; N.Y.: Routledge, 2014. P. 245–264.

Perfect Ceremonies of the Supreme Order of the Holy Royal Arch. L., 1907. 192 p.

Picart B., Bernard J.F. Cérémonies et coutumes réligieuses de tous les peoples du monde. T. I–VII. Amsterdam: J.F. Bernard, 1723–1737.

Radzinski E. Le premier indianiste russe et fondateur du theatre Bengali // Informations UNESCO. Paris, 1958a. No. 315. P. 23–25.

Radzinsky E. The First Russian Indologist and Founder of the Bengali Stage // UNESCO Features: a fortnightly bulletin for the news media. 1958b. No. 315. November 17. P. 24–26.

Rocher R. British Orientalism in the Eighteenth Century: The Dialectics of Knowledge and Government // Orientalism and the Postcolonial Predicament:

Perspectives on South Asia New Cultural Studies / Eds. C.A. Breckenridge and P. van der Veer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. P. 215–249.

Ross G. The African Court Calendar for MDCCCIX. Cape Town: Government Printing Office, 1809. 189 p.

Russell R.V., Hira Lal R.B. The Tribes and Castes of the Central Provinces of India. Vol. I–IV. L.: Macmillan &Co, 1916.

Saha M.P. Gerasim Steppanovich Lebedev // Lebedev H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects / Ed. with biography and bibliography by Dr. Mahadev Prasad Saha and Foreword by Dr. S.K. Chatterji. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay Private Limited, 1963. P. 7–32.

Sahni K. Fiddler on the loose // Daily Times (Pakistan). 2006. Saturday. June 17. URL: https://web.archive.org/web/20060622104127/http://dailytimes.com.pk:80/default.asp?page=2006\06\17\story_17-6-2006_pg3_5 (дата обращения: 22.04.2017).

Sahni K. Multi-stories: Cross-cultural Encounters. L.; N.Y.; New Delhi: Routledge, 2010. 195 p.

Said E.W. Orientalism. N.Y.: Pantheon Books, 1978. 368 p.

Senelick L. Russian Enterprise, Bengali Theatre, and the Machinations of the East India Company // New Theatre Quarterly. 2012. Vol. XXVIII, part 1. P. 20–29.

Seton-Karr N.S. Selections from Calcutta Gazettes. Vol. I–II. Calcutta: Military Orphan Press, 1864–1865.

Simon S. Cities in Translation: Intersections of Language and Memory. L.; N.Y.: Routledge, 2013. 204 p.

Solomon R.H. Culture, Imperialism and National Resistance: Performance in Colonial India // Theatre Journal. 1994. Vol. 46. No. 3. P. 323–347.

Stevenson [M.], Mrs. The Rites of the Twiceborn. L.: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1920. XXIV, 474 p.

Stuurman S. Global Equality and Inequality in Enlightenment Thought. Amsterdam: Felix Meritis, 2010 (Burgerhart Lecture 2010). URL: https://achttiendeeeuw.files.wordpress.com/2013/04/stuurman.pdf (дата обращения 21.04.2017).

Teignmouth, Lord. The Works of Sir William Jones, with the Life of the Author. Vol. XIII. L.: J. Stockdale & J. Walker, 1807. XVI, 453 p.

Teignmouth, Lord. Memoirs of the life, writings and correspondence of Sir William Jones. Vol. 2. L.: John W. Parker, 1835. VIII, 311 p.

Tolley T. Music in the Circle of Sir William Jones: A Contribution to the History of Gaydn's Early Reputation // Music & Letters. 1992. Vol. 73. No. 4 (Nov.). P. 525–550.

Vassilkov Ya. An Iranian Myth in Eastern India: Gayōmart and the Mythology of Gayā // Orientalia Suecana. 1999. Vol. XLVII. P. 131–149.

Vassilkov Ya.V. From the history of Indian Studies in Russia: Gerasim Lebedev and the Freemasons // Pūrvāparaprajñābhinandanam. East and West. Past and Present. Indological and Other Essays in Honour of Klaus Karttunen / Eds. B. Tikkanen & A.M. Butters. Helsinki, 2011. P. 317–330. (Studia Orientalia. 110).

Vassilkov Ya. Some Observations on the Indian and the Mesopotamian Flood Myths // The Black & the White. Studies on History, Archaeology, Mythology and Philology in Honor of Armen Petrosyan on Occasion of His 65th Birthday / Eds. A. Kosyan, Y. Grekyan, A. Bobokhyan. Yerevan: Association for Near Eastern and Caucasian studies, 2013–2014. P. 262–281.

Vassilkov Ya. Birds as Scouts above the Waters: An extended commentary on a motif in the Near Eastern Flood myth // Power and Speech: Mythology of the Social and the Sacred / Ed. by M. Lisiecki, L. Milne, N. Yanchevskaya. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON, 2016. P. 63–79.

Vorobyov-Desyatovsky V.S. Concerning Early Contacts between Russia and India // ISCUS. Summer 1955. P. 47–50.

Vorobyov-Desyatovsky V.S. Gerasim Stepanovich Lebedev // ISCUS. Spring 1956. P. 57–62.

Ward W. A View of the History, Literature and Mythology of the Hindoos: Including a minor Description of their Manners and Customs, and Translations from their Principal Works: In two Volumes. The Second Edition. Serampore: The Mission Press, 1818. Vol. I. 728 p.

Wilford F. On Egypt and Other Countries adjacent to the Cálí River, or Nile of Ethiopia. From the Ancient Books of the Hindus // Asiatic Researches. Vol. III. L.: Printed for J.W. Sewell et al., 1799. P. 292–468.

Wilkins Ch. Grammar of the Sanskrĭta Language. L.: W. Bulmer and Co., 1808. XXX, 662 p.

Williamson T.G. Twelve Original Hindoostanee Airs: Compiled and Harmonized by T.G.W. L.: [s.n.], 1797. 25 p.

Williamson Th. The East India Vade-mecum; or, Complete Guide to Gentlemen intended for the Civil, Military or Naval Service of the Hon. East India Company: In Two Volumes. L.: Black, Parry and Kingsbury, 1810. Vol. II. 506 p.

Winternitz M. History of Indian Literature. Vol. III, pt. I. Classical Literature / Transl. from the German by S. Jha. Delhi; Patna; Varanasi: Motilal Banarsidass, 1963. IX, 452 p.

Woodfield I. Music of the Raj: A Social and Economic History of Music in Late Eighteenth-Century Anglo-Indian Society. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000. XVI, 274 p.

Yule H. and Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Ware; Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1996. XLVII, 1021 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ТЕКСТЫ ЛЕБЕДЕВА

Меморандум

12 февраля 1785 г. в Грэйвсенде я поднялся на борт корабля Ост-Индской компании «Родни» под командованием капитана Уэйкмана и направился в Портсмут, откуда 25 марта мы продолжили путешествие в место нашего назначения — Мадрас (называемый также Фортом Св. Георга в честь покровителя Англии) на Коромандельском побережье в Ост-Индии. Это поселение теперь второе по значению, хотя прежде оно было первым из принадлежащих английской Ост-Индской компании. Это следствие того, что королевская Палата юстиции, учрежденная между 1773 и 1777 г. (даты расходятся у разных авторов) в форте Вильям, заявила о своем верховенстве и, конечно, затмила собой мадрасские суды, во главе которых стоит только гражданин, называемый «мэром» и тучный Кабинетский совет. Последнему однажды надоело довольствоваться одним лишь навабовским (набобовским) пловом; и тогда, словно по наитию, они стали употреблять в пищу, кроме карри и риса, некоторые роскошные лакомства на золотых блюдах и всячески себя потчивать, что, безусловно, нужно признать, было наиболее правильным из всех возможных вариантов показать миру свою истинную ценность[1]. В это место мы и прибыли, «насладившись недолгим пятидневным пребыванием на острове Джоана[2]» 27 июля.

На следующий же день после прибытия чрезвычайно вежливо пригласил меня сойти на берег капитан Вильям Сиднэм (тогда

[1] Об этой язвительной сатире Лебедева в адрес правивших в Мадрасском президентстве чиновников Ост-Индской компании см. в тексте книги, с. 110–111.

[2] Остров Джоханна, ныне — Анжуан (см. в тексте книги, с. 106–107).

комендант Мадраса, но потом заслуженно и к моей несказанной радости он получил высокий чин подполковника). Ему доставило удовольствие произведение, которое я сыграл, чтобы он узнал о моих музыкальных способностях. Тотчас же он оказал мне честь: не размениваясь на пустые хвалебные речи, предложил заключить контракт на целых два года на особых условиях, обозначенных им самим, которые я тогда считал и до сих пор с благодарностью считаю особо привлекательной оплатой, а именно: стабильное жалованье 200 фунтов в год без учета многих случайных, но ценных вознаграждений. Он самолично и упорно настаивал на том, чтобы я принял это предложение.

Когда два года, в течение которых мне было столь приятно работать, подходили к гармоничному завершению, я был полностью захвачен ходившими в народе слухами о том, что Бенгалия является более просторным, чем Мадрас, театром для энергичной деятельности смелого племени искателей приключений, к классу которых по своему характеру я осмеливаюсь причислить и G. L. (по-русски так же — Г. Л.). Движимый желанием расширить свой багаж знаний о вещах и о людях, я тотчас же решил посетить эту местность, признаюсь, и не без искреннего намерения улучшить свое финансовое положение в том благодатном месте, где, как говорят, бесчисленные скитальцы почти изо всех стран быстро обретают приличное состояние.

На *сноу,* который возвращался из Малакки под командованием капитана Форстера, за 15 дней мы добрались до реки Ганг. Проплывая мимо Форта Вильям, мы салютовали и бросили якорь в Салки, как раз напротив города Калькутты, теперь главного города всей Могольской империи, хотя сам Великий Могол живет в Дели.

Здесь, так же как и в Мадрасе, я был встречен всеми вплоть до самых высоких чинов со всем возможным гостеприимством. За проявленное ко мне великодушие я особо обязан [м-ру Бёрчу и миссис Макензи, и многим другим, назвать которых здесь было бы неделикатно][3] Александру Киду (тогдашнему коменданту

[3] Слова в квадратных скобках были Лебедевым зачеркнуты. Показательно, что имена м-ра Бёрча и миссис Макензи даны здесь без всяких титулов и указаний статуса. Как нам удалось установить, «м-р Бёрч» — это Ричард Каминз Бёрч, один из покровителей Лебедева, в момент написания «Меморандума» — Великий мастер

Калькутты, потом получившему чин полковника), а еще больше миссис Э. Хэй, супруге секретаря Правительства, судье провинции Бенгалия Бёришу Криспу, полковнику Кристоферу Грину и досточтимому судье Хайду, а также многим другим, список которых слишком велик, чтобы их можно было здесь перечислить. Перед этими людьми я находился в большем долгу, чем перед кем-либо в своей собственной стране, и это было вплоть до того времени, когда из-за своей напряженной и упорной работы я не смог посещать своих друзей столь же часто, как раньше. Это настолько сильно оскорбило некоторых любителей музыки, что заставило их оказывать всестороннее противодействие моим намерениям во всех делах, которыми я впоследствии занимался.

В 1789 г. я начал поиски, но, к огромному своему огорчению, в течение долгих двух лет не мог встретиться с таким пандитом или переводчиком, который смог хотя бы объяснить санскритский алфавит, буквы которого используются в бенгальском языке (иначе называемом пракрит, или бхаша[4]). Я также не смог почерпнуть сколько-нибудь значительных справочных сведений из книг. Поэтому я уже готов был бросить эту идею, но в этот критический момент мой серкар познакомил меня с учителем-бенгальцем по имени Шри Голокнатх Даш, который хорошо разбирался в грамматике бенгальского языка и смешанных индостанских диалектов (жаргон). Он же вполне сносно понимал священный шанскритский язык. По удачному стечению обстоятельств, он не меньше желал брать уроки музыки у меня, чем я — обучаться индостанским языкам у него. Мы начали на следующий же день после нашей первой беседы. На мой вопрос о том, какой из языков наибо-

---

Провинциальной Великой ложи Бенгалии. «Миссис Макензи» — скорее всего, супруга Джона Маккензи, заместителя Великого мастера (Deputy Grand Master) той же масонской ложи в 1786–1788 гг., т.е. как раз в то время, когда Лебедев прибыл в Калькутту [Firminger 1906: XXXI, XXXII, XLIII и др.]. Называя эти два имени, Лебедев, скорее всего, хотел намекнуть адресатам «Меморандума», что в прошлом его деятельность поддерживали высшие фигуры в иерархии «вольных каменщиков». Но затем он осознал, что прямое упоминание этих имен будет нарушением традиционной масонской секретности и тем самым not delicate — неделикатным. Поэтому Лебедев и вычеркнул упоминание этих имен из текста «Меморандума» [Васильков 2011: 177].

[4] Слово «бхаша» написано по-русски.

лее употребителен в восточных странах, он ответил, что, по его мнению, смешанное наречие является более распространенным, но не существует ничего подобного азбуке или грамматике, поскольку все общество пандитов и брахменов отличается осторожностью и эгоизмом. По этой причине он настойчиво рекомендовал мне заняться шанскритской азбукой, поскольку она является главным золотым ключом к бесценным сокровищам восточных наук и знания. В течение многих лет я продолжал упорно изучать пять частей азбуки. Согласно своим собственным идеям, я расположил их в наиболее удобном порядке. Свои труды я открыто представил на суд некоторых выдающихся пандитов, которые, к моему великому удовольствию, одобрили мои старания в столь темном прежде деле. Я им весьма прямо дал понять, что болезненные слепые предрассудки были использованы, по меньшей мере, для маскировки, а, по возможности, и для полного сокрытия [знаний] от всего мира, кроме их эгоистичных особ.

Я перевел словарь и составил несколько диалогов на разные темы, как на бенгальском, так и на смешанном хиндустани, ободряя (теша) себя надеждой, что вскоре я смогу разговаривать. Однако я очень ошибался, потому что не понимал общеупотребительных диалектов. Я обнаружил, что они восходят к бенгальскому шанскриту и дабе нагри. Это побудило меня составить их грамматическое описание, чтобы самому выяснить разницу. Я сделал это и определил те диалекты, которые характеризуют группы, занимающие разное положение в обществе, и понял, что для высших и низших диалектов неизменно используются бенгальские шанскритские письмена и на высшем и низшем смешанном диалекте говорят во всем восточном мире.

После этих изысканий я сделал перевод двух английских пьес: “The Disguise” (очень сокращенный, по сравнению с оригиналом, вариант из-за того, что невозможно было в первый раз заполнить все роли) и “Love is the best Doctor” на высший диалект бенгальского языка. Из наблюдений за индийцами я знаю, что они предпочитают подражание и шутки серьезному, глубокому содержанию, насколько чисто оно ни было бы выражено. Вот почему я остановился на этих пьесах, в которых представлен великолепный набор стражей (чокидаров), савояров (канера), воров (гхуниа), а также

законников и почтенной банды мелких грабителей, которых сопровождает мелкий своекорыстный писец очень мелкого суда, который бесстыдно прикрывается девизом «совесть» лишь для того, чтобы утаить свои повседневные грабежи и другие беспримерные и дьявольские поступки, вместе с неизвестным скрывающимся организатором всей этой ужасной машины, более гнусной, чем смертоносная повозка ночью в Венеции для тех, кому злой рок сулит встречу с ее клыками. Я испытываю жуткое отвращение к этой внешне преувеличенной, но по существу верной картине злобного демона, поэтому буду стараться улучшить свое подавленное состояние, перейдя к более приятному сюжету.

Когда работа над переводом была закончена, я пригласил нескольких ученых пандитов, которые несколько раз очень внимательно изучили мой труд. У меня появилась возможность увидеть, какие фразы показались им наиболее приятными или вызвали у них подъем эмоций. Если я не льщу себе, при переводе комичные и серьезные картины стали еще ярче. Добиться этого не смог бы ни один европеец, у которого не было преимуществ такого наставника, которого мне исключительно повезло найти и в дополнение к его ежемесячному жалованью заключить с ним важное соглашение о взаимном обучении. Этот бенгалец счел мое предложение весьма выгодным для себя и с радостью согласился.

После того, как пандиты похвалили мою работу, мой лингвист Голокнатх Даш предложил мне помочь найти местных актеров и актрис, если я захочу представить эту пьесу перед публикой. Я отнесся к его идее с чрезвычайным восторгом. Не теряя времени, я обратился за советом к своим друзьям, но они предостерегали меня от того, чтобы я предпринимал столь необдуманные и сомнительные шаги, поскольку это оскорбит высокомерного руководителя театра Компании и многих совладельцев, заинтересованных в этом театре. Они, естественно, прибегнут к любым мерам, чтобы помешать моей деятельности, которая могла бы отвлечь внимание публики от их театра и лишить их того золотого урожая, который до этого времени им доставался беспрепятственно. Однако, несмотря на любые опасности, я твердо решил продолжать свое дело. Я немедленно направил генерал-губернатору сэру Джону Шору прошение о предоставлении постоянной лицензии, которое

было незамедлительно удовлетворено. Заручившись поддержкой, мне не терпелось приступить к постановке. По собственному проекту я построил вместительный театр на улице Домтолла (Дом стрит) № 25 в центре Калькутты. Я даже обращался с просьбой об аренде театра Компании, пока не закончится постройка моего театра, но вместо того, чтобы принять мое предложение, они частным образом высмеивали мой донкихотский план (как они его называли) еще до того, как я успел показать свою пьесу перед публикой и посрамить критические нападки своих недругов.

На моем пути намеренно было расставлено столько препятствий, что мне было чрезвычайно тяжело найти актеров, однако, в конце концов, я нашел их при помощи Голокнатха, притом я должен был обеспечивать им средства к существованию за много месяцев до того, как смог воспользоваться их услугами.

После первого и второго представления “The Disguise”, которые прошли в переполненном театре, мне было выдано полное разрешение на исполнение пьес на бенгальском и английском языке. Это настолько взбесило руководителя и некоторых владельцев театра, что они стали применять новые приемы. Джозеф Бэттл, художник-оформитель сцены был нанят и использован именно в качестве орудия борьбы.

Было решено, что Бэттл покинет театр Компании под предлогом плохого к нему отношения со стороны Томаса Роуворта (менеджера). В разгар приготовлений к спектаклю появился угрюмый Бэттл и предложил свои услуги. Я попался на его уловку, посочувствовал его неудачам и согласился взять его в качестве художника-оформителя сцены. Я так проникся к нему, что даже сделал его равноправным компаньоном в моем предприятии. За это он обязался внести приемлемую сумму к уплате в течение шести месяцев или оплатить ее из его доли чистой прибыли от каждого последующего представления. Условия этого соглашения были формально составлены в виде документа, удостоверенного соответствующими свидетелями.

Кроме некоторых европейских и местных актеров, были наняты две европейские актрисы, которым я ссудил деньги на содержание соразмерно жалованью, а также продолжал ежедневно пла-

тить деньги ремесленникам и разнообразным рабочим для того, чтобы ускорить начало кампании.

Воодушевленный тем, что получил звание менеджера театра, Джозеф Бэттл, желая продемонстрировать свою значимость и утонченный вкус, немедленно принялся уродовать мой театр и испортил все сценические декорации, притом сопровождая свои бесчинства лживыми обещаниями улучшить театр. Когда я выразил протест в связи с его недопустимым поведением и предупредил его, что я твердо настаиваю на том, чтобы он выполнял условия соглашения, он внезапно пропал и, в довершение своей подлой выходки, опять нанялся к Томасу Роуворту, менеджеру театра, который (как брат) принял перебежчика с распростертыми объятиями, чтобы причинить мне страдания. Не удовлетворившись этим, они, в довершение всего, переманили моих актрис, которые под разными предлогами отказались выполнять заключенные со мной контракты. Несмотря на выплаченные авансы, они все вместе сбежали и отказывались вернуться впоследствии.

Понимая, что помощь суда является единственной оставшейся у меня возможностью разрешения моих неприятностей, я обратился к некоторым адвокатам, но, к моему удивлению, у них у всех нашелся предлог уклониться, а некоторые из них свой отказ обосновали тем, что я не знаю в совершенстве английского языка и не могу разъяснить им, как положено, сущность дела. Поскольку Уильям Джонс и мой очень близкий друг и покровитель судья Джон Хайд уже умерли к этому времени, я обратился к главному судье Верховного суда (одному их моих знакомых), сэру Чэмберсу, который сказал, что он, как судья, должен лишь разбирать дела в суде и что его достоинство было бы унижено, если бы он стал давать частные консультации. Это, конечно, было мудро, но вопреки всем своим ожиданиям, я обнаружил, что закон на этом меридиане по отношению к нарушителям применяется более милосердно, чем меня убеждали ранее. Таким образом, я не смог добиться компенсации ущерба, хотя у меня были письменные гарантии с указанными штрафами ото всех нанятых мной актеров, которые по договору должны были строго исполнять свои обязанности перед публикой в моем театре.

Мне сразу стало понятно, что в разных странах принято по-разному отправлять правосудие. Если сравнить, как при первом императоре (Петр Великий) правосудие отправлялось по отношению к самым низшим, например, в случае с мистером Гордоном, с тем, какое отношение продемонстрировано к простой личной обиде частной компании, то это является красноречивым свидетельством непреходящего величия этого императора. Чтобы самому не быть повинным в несправедливости, я не могу также не упомянуть о произведшем на меня столь неизгладимое впечатление великодушии великой императрицы Екатерины Второй в случае с одним английским купцом, которому она по собственному желанию оказала содействие, предоставив сто тысяч рублей в такой переломный момент, когда без столь щедрой помощи он бы неминуемо сгинул.

Когда все мои усилия потерпели крах, мне пришлось прибегнуть к унизительной необходимости разрушить свой театр и продать все материалы на случайном аукционе за гораздо меньшую сумму, чем я прежде платил рабочим за возведение театра, и уступить моим более удачливым конкурентам славу и прибыли от распоряжения театром.

Публикуя эту записку, я преследую лишь одну цель: показать, сколь рискованно бывает отдельному человеку, какими бы великими ни были его заслуги и усилия, надеяться на то, что он получит какую-либо достаточную постоянную поддержку в поселении (месте), вся власть в котором принадлежит группе лиц (большая часть которых нечестивцы, а меньшая — люди добродетельные), проживающих очень далеко от тех, перед кем они несут ответственность. Это особенно верно по отношению к чужестранцу, у которого нет других поводов просить о защите и поддержке, кроме своих профессиональных достоинств, которые, пусть и ничтожные, он всегда усердно пытался проявить и всеми способами развивать в меру своих ограниченных возможностей и талантов[5].

---

[5] Английский текст см. в: [Антонова 1956: 160-164; РИО 1965: 431–435]; русский перевод дан по: [Мамуд 2012: 410–417] — с некоторыми уточнениями.

Черновик письма о. Андрею Самборскому

Из Восточной Инди[и], из города Калкуты 8 числа майя 1797.

Достойнопочтенны[й] пастырь, ваше высокопреподобие, м[илостивый] государь, Андрей Афан[асьевич] Самборской.

Благоприятство твое прежнее мне позволяет опять искать твоего новаго дружества.

Когда найдете, [что] мои труды признаются услугою для нашего отечества, и когда заслуживаю призрения, как полезны[й] для общества член, то пекущейся о спасени[и] пастырь, кормилец батюшка, выпроси от всемилостивейшей государыни матери нашей великой императрицы Екатерины Алексеевны и от российского престола наследников ея изволение меня, странствующаго сына, возпокровительствовать. Щедрость российской самодержицы известна свету. И я уверен, оне, желающия своему государству блага, благоволят обрадовать верноподданного их. При надежде сей я страдал, сносил жесток[ой] жар, несносной холод, знобливой лихорадки трясенье.

Генваря 31 числа 1794 году я писал дацкой компани[и] карабля (Augustenborg) «Августенборг» с капитаном Солинк, которое письма я слышал к тебе переслано, только, как и на другия, противу святых отцов благовествования, ты не удостоил меня не малейшим ответом и не утешил сим в чужой дальней стороне. Непристалая забывчивость не запретит, однако ж, к тебе писать и по воле хранящаго всякое бытие уведомить о том, о чем, без сумнения, уже вам известно из газетов. Не друзей только российских обществ и человеческаго рода позабавить, а больше для пользы возрастающих во обширно цветущей России старался [я] узнать и научиться бенгальскому и общему смешанному гиндостанскому языкам и сколько мог шанскрицкому, дабы тем напомянуть и уверить, что без знания оных странствующей, как и я, в разных государствах Гиндостанской земли о многом никогда не допытается, и о поселившихся в них в разныя времяна о народах вернаго известия (чего ожидаемо было от покойнаго президента — Sir William

Johnes, Господина Василья Жонс и какое он зделал по времяни узнают) точно обрести не может.

Перевел краткой, но употребительной вообще словарь, написал несколько разговоров, часть календаря (3 м[еся]ца), из чего можно о многом справедливея уведомит[ь]ся четыре начальныя арехметическия деления. И также перевел из древних книг экстракт героическаго стихотворства, написанной славным гиндостанскаго света писателем господином Бгаротчондро-раи, которой с порядочным разделением частей написал так сладкоречиво, приятно, ясно и справедливо, что многия вытверживают наизусть, чтоб о языках испытанием справедливым услужить. Растопленное или разжегшее стремление вело меня дале осмотреть непроводимое до сего, как мышь перекусать тенятныя будто узлы для освобождения из тенят льва.

Ради обозрения действительного и заставило перевести на бенгальской, вообще употребительной, язык две англинския камеди[и]: называемую «Притворство» (Disguise) и другую «Любовь есть лутчей доктор» (Love is the best Doctor), чтоб правда владычествовала с кривдой. Смысл слов и произношения писал по-рус[с]ки под бенгальскими словами. Без сего тебе, достойны[й] пастырь, известно, [что] и воспитанным добродушным гражданином, как и знающим читать только челоутешительное описание честным мещанином, сладкоречивая ложь признаться может глупым, как раскольничья пушистая запачканая грязная брада вместо освященной чистой иерейской.

По переводе помянутыя комедеи мне надобно было зделать известными и для сего выпросил я у господина губернатора (Sir John Shore) Ивана Шора позволение представить публично, и он позволил. Потом на первой случай просил я компанейских слуг у надзирателя театра, но да как он отказал и з другими смеялся будто безумному предприятию прежде представления комеди[и], то обратился я непоколебимостию и распаленнаго (и пылающего) предприятия твердость замкнувши (творивши) во уме. Смело решился на остальные деньги состроить в наемном доме в улице Домтола, № 25, свой театр, которой вмещал боле трехсот персон, и быть архитектором, повелителем и надзирателем за столярами, плотниками, кирпишниками и другими работниками.

И когда на воздвигнутых крипишных и деревянных столбах и подпорах, перекладах и на забойках положена была уже кровля, в портере; (в зале) и в двух этажах (рядах) насланы были полы, старал[с]я я потом на отделенном для представления явлениев полу, подобно моему земляку ярославцу Федору Совкову[6], в Калкуте, будто в Москве, намолевал ширмы в бенгальском вкусе. Признаюсь, не так, как быть должно, красиво, но был доволен по пословице: болого не делье, да свое ста рукоделье.

Между многочисленными заботами успел также научить комедиальному действию дикокажущися, вялых, лицемерных бенгальцов: трех женщин и десятерых мущин.

И такое ж число научил петь гиндостанскими словами и играть музыку, сочиненную мною на то[т] случай их любимыми инструментами.

По приведении всего в порядок позвал я моих друзей на пробу, которыя, увидя до сего невидимое в Ынди[и], одели чистосердечно все приятностию и во граде Калкуте весть разнеслась, распустилась во окрестных селениях и откличка в воздухе громко зашумела. Востала во градах забота, и желающия видеть новость прехождением пыль заставили облака затмевать, и я без откладу должен был назначить день.

27 числа ноября м[еся]ца 1795 года в первой раз комедия, называемая «Притворство», была представлена в одном акте по совету и сокращена по причине, что весьма мало европейцов за тяжелостию разумеют бенгальский язык. И сего ради, думали, долгое действие покажется скучным, но да как каждое явление, было представлено без замешательства, то за краткое новостию утешение не разсуждающия о непредвидимых и о непреоборимых несколько роптали, но знающими [о] почти невозможных трудах был я одобрен для второго представления. Собрание было столь многолюдно, что естли бы театр мой был трижды больше, конечно, был бы наполнен. Смех надзирателя другаго театра после сего переменился в зависть, и мне на ум не приходило, что ополчит противу меня врагов.

---

[6] Имеется в виду, по-видимому, Федор Волков (см. с. 73, 147–148 в тексте книги).

(л. 8) По прошестви[и] несколька дней достойной памяти один из главных судей, его высокопревосходительство господин Иван Гайд (The Honorable John Hyde), преселившийся июля 8 числа (17) 96 в вечное блаженство, взялся зделать для втораго разу подписку, не меньше для того, чтоб узнать, переведена ли мною вся комедия, которая подписка при [помощи] покойнаго и особливо при помощи ныне живущаго родственника его, господина Гайда, была скоро наполнена, и 21 марта 1796 года та же комедия «Притворство» в трех полных актах представлена была во второй раз. И безпристрастными нелицемерно все опять хоша и было зрителями похвалено, только промышлениками сего рода вскоре дано было знать, что за сие учащия гиндостанския языки и переводчики весьма на меня сердиты, да и не без причины, о которой, однако ж, буду говорить во удобнейшее время. Но могли ли оне остановить, когда фартуна на крыльях меня несла и когда в два удачливыя представления возвратил только половину моих издержек, которые опять издержал при надежде возвратить и получить барыш. Выпросил я у того же господина губернатора позволенье представлять камеди[и] на бенгальском и английском языках, чтоб боле нравиться публике и лутче научиться языкам.

Не вспамятовал при заботах, что в купеческом государстве златоблестящая руда, как и серебросияющая кровь в театральных и жадных богатства людях, возпаля ненависть, заставит суетиться, опорочить и повредить иностранцево похвальное дело и довести до падения.

И как до бедности дотащен, следующее покажет.

По получении[и] вторичнаго позволения (признавал я привилегию для театра, думаю, не напрасно, моим имением увеличил пристройкою мой театр и потом) старался найти хорошаго моляра для писания декорацей, актрис и камедиантов — для представления ролей. Музыкальной друг, не будучи тогда известен, кто мой злодей, рекомендовал щоткописателя Осифа Батля, которой молевал компанейских слуг в театре и которой кистомаратель, как и актрисы, узнал я после раззорения, научены были познакомиться со мной, и следующе[е] покажет.

Он, Осиф Батль, после в первом письменном адресе уведомил меня, что по причине худаго угощения от театральнаго надзира-

теля оставил он театр (притворная о ссоре весть разпущена была теми, кои с ним подговорены, кои о[т] дохода театральнова имеют доли) и что весьма будет рад, естли признаю я его надобным и приму в товарищи.

О будущих наших выиграшах искусно приманчиво и о неблагосостояни[и] с фамилиею его расказал так лукаво-хитроскорбно, что не привыкшаго обманы и плутовства проникать заставил почти прослезиться. Почитая доброделание чести украшением, и, не имев о человеке, сыскивающем моей помощи, подозрения, решился уверить щедростию и чрез то надеялся обрести его дружество.

Прежде обязательства однако ж неоднократно спрашивал, не есть ли он в долгу, на что и он со слезами по чести уверил, что не находится. И при том, сказал он, жалеет, что не имеет наличных заплатить мне за половину театра, кроме векселем, которой согласился я взять. И того ж июня м[еся]ца перваго числа 1796 года для товарищества обязались мы по форме письменным договором с подписанием наших имян, з двумя свидетелями, и каждой из нас оной договор имеет.

Осиф Батль с сообщниками его уже знает, что я запутан стал лукавыми сетьми, и как змеи, не имущия другаго сколько ничего, кроме яда, напружился жалить мое сердце, дух и чувства томить.

В начале занялся он мои прежде написанныя декарацы иныя замарать, другия перепортить и, при обнадежени[и] намолевать лутчия и привести в превосходной порядок, тотчас весь театр мой обнажил, верных слуг и прикащиков моих опасаясь, признал неисправными и соглася некоторых переменил, по мнению его, на лутчия. При совете о выгоде старался он знакомить с теми, с которыми он прежде зловымышленно согласился меня обмануть, распустя о мне худое имя, раззорить за его скверныя дела. И из лукавой шайки начали со всех сторон ко мне подкатываться. Иныя просят взять в службу, другия требуют пристанища, искусныя снискивают знакомства, хватуны стараются иметь дружество и многия услуги предлагают. И все для того, чтоб без театральнаго действия в Калкуте лутчею камедию представить обо мне. Вертят молодца и кружат, хвалят в газетах, величают в кампаниях и тем, насильно выманивая, заставляли обеды и ужины давать. Товарищ мой также все жует и глотает и не печется одеть обнаженный театр.

Когда увидел, что не зделал он, Осиф Батль, в 3 м[еся]ца того, что при присмотре моем другими было зделано в три недели, и мне не можно уже было с ним растаться: с людьми, которыя прежде нашего обязательства взялись в театре представить явления и тем меня одолжить, перессорился и отлучил иметь их помочь.

Без совету с подговоренными сообщниками, чтоб потерять только время, переменял комедьи и роли и, без уведомления противу обязательства нашего, приготовил на общей щот для действующих лиц одежду, не зная сам, кто и какую играть будет ролю, ставя на щот лживую цену, и за то, может, что по силе нашего контракта требовал дать мне знать о издержках. Не известно мне до сего, по неосторожности ли его помощника, которой растирал краски и варил, или при намерении, повредя, все скорея прекратить в один день, помянутой работник, по приказанию его, поставил в глиняном горшке на огонь около пуда смолы и сам вышел из покоя, в котором тогда у самаго театра было все приготовляемо. О сем никто не знал, пока разтопившая смола разорвала горшок и раскинулась по всему покою; густой ея большой дым вихрем непрозрачным влетел в мои покои и неожидаемо обратил видеть в разных углах горяшия пламя, которыя ввели нас в замешательство и сверх чаяния точно моих работников старанием оныя были потушены находящимся в доме песком. Осиф Батль явился чрез два часа в театре и о причиненном вреде слышал от меня, только вместо сожаления, видел я, печаль моя к чувствам его не лутче прилеплялась, как горох к стене. Поведение его ясно изтолковало, какого друга я получил, да только уже не знал, как с приятелем растанусь. Тотчас после сего зделано было известие не облехчить, а чтоб во усталых составах и костях завялить окруженной мозг лутчим манером. В последующей день один из чиновных, имеющий долю в другом театре, под видом дружества уведомил [меня], что Осиф Батль находится боле десяти тысяч рупей в долгу и что за эти долги театр мой быть может канфискован. Я удостоверен был другими о правде сей, и, чтоб спастись от неопаснаго составленнаго вреда, нужно было принудить Батля написать и дать лутчее обязательство: он будто по необходимости его часть заложил мне же. По получении[и] закладной, думал я, в короткое время мы представим приготовленную оперу «Дизертер», но, ко удивлению

моему, он, Батль, через три дни писал и требовал дать ему все правление от театра, иначе он оставляет.

Суди, милостивый государь, мог ли я сего ожидать от человека той нацы[и], которая хвалится и которую объявляют боле других правосудною. Поведением злодейским и изменническим уязвил и разстроил меня. Однако ж права, которое только мне надлежит ему дать, запретили лутчия причины, ибо я уже знал, что и гиндостанской законодатель Мену в его законах написал, что Северною страною означится правда, следовательно, испытывающими писания трудолюбцами, благородным музыкантом, а не ширмописателем. Константиноградской император Лев объявил в писаниях, что льняного цвету семейством (нацыею) изгнаны будут магометанцы и победят владетелей семи гор. Спон думал, язуит писатель, находит сие между греческим пророчеством. И доктор Придос точно московцов признает быть победителями. И известно, что оне находятся в долгу за Тамерлиново в 1382 году посещение и ныне подумать можно, что ради праведных очистить дорогу, сумасводной сатана отворил Плутовы врата, [чтобы] загнать грешников во ад, и туда вкинуть Осифа Батль, думаю, за несносную мерзость возгнушался и оставил вероломный пах любящему как розовой нюхать Фоме Ровард (Thomas Roward). По силе, думаю, условия. Ибо его брат, Марк Ровадр, понеже последней во время исполняющих лукавств построил театр, и где также таперь употребляется подлец Батль. Нравится на англинском языке землякам точно оне лутче могут и о сравнени даже во сне никогда не виделось мне не в одну ночь. И я при начале знал — потомки не за англинской, а за гиндостанския языки будут о мне напоминать.

Для научения оных владельцам почти всей Гиндостанской страны в таперешнее способное время больше всех должно агличанам, оставя глупую оскорбительную для самих себя гордость, трудившегося какой бы нацы кто не был, его ободрить, ибо не в их единой силе оным научиться и выразуметь без помощи других ту сокровенность, которую Создатель насадил в чорных лицах проникнуть, разсеял способность в разных обширнейших нацыях и, кажется мне, больше от востока на север, нежели от западу на юг. О правде сей лутчей случай уверит. И таперь продолжу мою повесть о театре.

Ширмописатель Осиф Батль, после втораго контракту, написаннаго 27-го числа сентября 1796 года, безо всякаго со мной разчоту октября 8-го числа того же году мой театр оставил и тотчас принят был опять надзирателем Фомою Ровард, с которым (их дела показывают) подложили сети меня раззорить.

После нанесеннаго мне вреда я надеялся разделаюсь с ним по суду по хвалостлавящимся англинским законам, и для лутчаго средства требовал совету от тех законодателей, на коих, думал, могу положиться, и от разных слышал истинно следующее.

Господин Лебедеф, что твое необыкновенное трудолюбие, неожидаемое и отважное, не напрасно призвало неслыханное видеть, не откажется никто признать, ты два раза за сие был ободрен. Кем обманут и как, и любят ли тебя учащия бенгальской язык, тебе лутче других надобно знать, и можешь догадаться, ради представления драм здесь, в твоем театре, не будет дана такая помочь, как театру компанейских слуг и людям аглинской нацы[и], и, быть может, потерявши последнее, будешь осужден и себя сокрушишь. Резон сей правде заставил верить и видеть то, что доведен в тупик и в заблуждение, на какую дорогу ступить и пред кого: друзья разъехались, знакомцы разбежались.

Грусть чаще стала безпокоить, нежели во дни солнце печь, и из прикрытой ноздреватой кожею житкой плоти, от теплаго зною и в ночи насильно стал пот течь, и противу воли день от дня слабею, дряблею и состареваюсь. Знайте, однако ж, я не жалуюсь на добровоспитанное общество, а только на таких, который безчестят их государства похвальное имя. За лехковерия я виню, конечно, всех больше себя, только при таком деле чужестранцу от искушения спастися, почтенной отец, было не можно.

При напоминовении, что всякая нацыя имеет особливой симпати[и] род для защищения и призрения единоземцов, думаю, не ошибусь, изволишь сообщить о мне нашему царю молитву и присоветуешь трудящаго обрадовать опечаленныя чувства и по изволению наградить в дальной Восточной стране.

О остатках, пребывающих до сего в раззоренных перестроенных селениях, между развалинами и в полях, между каменьями, болотами, ручьями и озерами и в дремучих лесах, и о спасенном от неизвестной нам древности, хранящем ныне народами в зем-

ном раю достойнаго знания в законах и во обычаях для каждого классу разных родов, верноусердное приношение мое государю и от обществ, властям, от коих зависит благосостояние и падеж, надеюсь явится приятно и многия пожелают купить.

Когда достигло тебя, ваше протоиерейство, то мое письмо, в котором вложенное прошение просил вручить Его Императорскому Высочеству, государю Павлу Петровичу, и по получении не удостоил ответом, я резонно грущу и жалею, что пастырь по долгу не показался щедр утешить странствующаго сына по обещанию и силою животворнаго сего мира не дал способ вылечить плоти раны и из крови выгнать яд. При ожидан[ии] сего я должен сообщить ради спасения других: от времяни разлуки з декорацописцом второй руки законники, его други, безпокоя[т] меня часто требованием заплаты ложных щотов, отчего, хоша и оправдаем первоначальными стряпчими (аторней эт ло), только сплотки эти отнимают время совершить мои розыски по желанию.

Кончавши о печальном, уведомляю о празднике гиндостанцов, называемом *чорок*, значит прошестие года, и празднуется 31-го числа *чоитро*, их 12 м[еся]ца. Перваго м[еся]ца Боишака 1-е число 1719 шок (году) бангальской эры и 1204 от завладения мусельманцов, есть равно 11 числу апреля 1797 году по римскому числению.

Три пред сим и в сей день, в разрезанной коже с продетыми веревками на боках и железными прутьями, проткнутыми сквозь язык, ходят стадами по городам и в других селениях, при барабанном, колокольном, побрякушек и раковин разном стуке и звуке пляшут вприсятку з дураческими и скверными для виду европейцев движениями и потом в три часа пополудни 31-го числа *чоитро* вешаются и вертятся вокруг, в которое время нередко случается, иной, слетевши, руку, иной — ногу переломит, другой шею свихнет и некия, переломавши ребра умирают. И сим шоннеши (страдальцы, монахи) оканчивают празднество.

При заключени[и], достойны[й] пастырь, бью тебе челом, и прошу объявить также мой с почтением поклон твоей всей фамили[и], то же самое знакомцам, богумольцам моим и доброжелателям.

Неожидаемо сего 8-го числа 1797 я арестован (by Mr. Hall) стряпчим по приказу господина Тейлера за ложной долг 240 ру-

пей, не получа от меня ответу, должен я или нет. И был, как и за другия сего рода, оправдан в тот же день.

Пастырю добры[й], услыши молитву мою и по твоему святому обещанию будь милосерд и не забудь призрить родственников моих. Естли не в силах другим, то, переправя в лутчей штиль сие мое письмо, постарайся зделать подписку и, напечатавши, публикуй и собранныя за оное деньги, по заплате издержек, раздели на четыре части, раздай: одну часть в воспитательной дом для воспитания бедных детей; другую часть в Лондон и в посланническую церковь священнику Якову Ивановичу Смирнову, и для помочи таковым недостаточным студентам, или несщастным, кои достойны ободрения и которыя на малое жалованье не могут хорошо учиться.

Третью часть отцу моему Стефану и матере моей Парасковье и четвертую, последнюю часть, двум братьям моим, Афонасью и Трефилу и сестре Антониде Стефановым детям Лебедевым. И естли отец и мать, наши родители, уже умерли, то их часть, когда не нужна для твоих, почтенны[й] пастырь, Андрей Афонасьевич Самборской, издержек (ибо я думаю, ты уже разбогател), тогда, а не иначе, разделить между помянутыми моими братьями и сестрой.

За должным почитанием пребуду навсегда вашего высокопреподобия, милостивого государя покорны[й] слуга.

Во время приготовления сего письма я делал апликацыю к первоначальным судьям, как господину Роберту Чамберс, так и другим, только никто не зделал защищения. И после сего принужден был продать все мое имение за безценок, и таперь, по прозьбе злодея моего, которой не хочет заплатить мне около трех тысяч сика рупей, на меня нападают. Чем очищусь от нападения, не могу теперь сказать. О! Неправдою поврежденной свет. Приметить надлежит: было ли что-небудь в моей силе зделать им подрыв[7].

7 Текст дан по: [РИО 1965: 443–450] — с некоторыми уточнениями.

Письмо И.Ф. Крузенштерну из Петербурга в Ревель 12 июля 1802 г.

Санкт Петербург
12го июля 1802
Милостивы[й] мой Государь
Иван Федорович.

Я вспомнить не могу, сколько прошло времяни, как я лишон удовольствия знать о вашем пребывании. Думаю, вы изволили слышать о моем отъезде из Лондона, но сколько я был занят хлопотами по приезде моем в Петербург, я воображаю, вы об этом не знали.

Вчерась неожидаемо я познакомился с вручителем сего письма с Константином Ивановичем Рикардом[8], который меня весьма много обрадовал уведомлением о вашем благополучном пребывани[и]. Он завтра отправляется в Кронштат и от туда в Ревель, я непреминусь с ним к вам писать и как моего доброжелателя вас уведомить. По приезде моем в Петербург я был представлен ныне щастливо царствующему Государю Императору и Императрицам[9], и удостоился их всемилостивейшего благоприятия. По расмотрении поднесенных мною индейских собраниев, минувшаго Марта 4го числа[10] Государь соизволил пожаловать меня Коллежским Ассесором и определил при Государственной Коллегии иностранных дел в Азиатской департамент с хорошим жалованьем и при-

---

[8] Лебедев, по-видимому, плохо расслышал фамилию своего нового знакомого: при ударении в ней на первый слог второй гласный звучал неопределенно. Фамилия эта широко известна благодаря Петру Ивановичу Рикорду (1776–1855) — выдающемуся российскому мореплавателю, адмиралу, дипломату и ученому. В числе его братьев был и Константин Иванович (за эту информацию я глубоко признателен историку российского флота П.А. Головнину). Возможно, он тоже был моряком. С самим Петром Рикордом Лебедев познакомился еще в Лондоне, в 1800 или 1801 г. Есть данные о принадлежности П. Рикорда к масонству [Соколовская 1907: 236].

[9] *Императрицы* — Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, и вдовствующая императрица Мария Федоровна.

[10] *Марта 4го числа* — ошибка Лебедева. Указ о его зачислении в Азиатский департамент подписан Александром 4 февраля 1802 г.

казал мне напечатать все мною вывезенные собрания на казенный щот в пользу мою, которых для публикацы[и] я таперь весьма много занимаюсь.

Мне сказали вы что женаты[11], на сей случай от глубины души моей и сердца имею честь поздравить вас с бракосочетанием, желаю вам союзного благоденствия, изобильного богатства и совершенного щастия; и покорно вас прошу засвидетельствовать мое искреннее почтение моей Милостивой Государыне вашей Супруге мадам Крузенштерн. Уведомить меня о Ея имяни и познакомить с ней чрез переписку до личного знакомства.

Апропо! я думаю, вы отложили ваше попечение о торговле; пожалуй, дай мне знать, взяли ли вы хоша одну Акцыю от новоучрежденной Россо-Американской Компани[и], или не в мешались. Я б и о другом Вас спросил, но сию минуту должен окончать сие письмо и для сего оставляю до будущего случаю, и особливо до получения вашего ответа.

С истинным моим почтением пребуду на всегда

Милостивого моего Государя Покорный Слуга

Герасим Лебедев

(РГА ВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 221, л. 101–101 об.; [Васильков 2012: 204]).

[11] 14 сентября 1801 г. И.Ф. Крузенштерн женился на Юлии (Юлиане Шарлотте) фон Таубе из ревельской дворянской семьи.

Приложение 2

Новонайденные лебедевские материалы из калькуттских и лондонских газет

Mr. Lebedeff's benefit afforded the moſt elegant public entertainment ever exhibited in this country; for which we are indebted to the condeſcenſion and abilities of Lady Chambers, Mrs. Shee, Mrs. Dunn, Miſs Prince; Capt. Haynes, Meſſrs. Carter, &c. who performed on the occaſion.

Отклик на первый концерт-бенефис Г.С. Лебедева в Калькутте.
“Calcutta Chronicle, and General Advertiser”,
3 января 1788 г. См. с. 84

We underſtand that a concert, for the benefit of Mr. Lebedeff, is now in rehearſal, and that a gentleman lately come down the country, of very diſtinguiſhed abilities and execution, is to perform that night on the harpſichord.

Сообщение о репетициях второго концерта-бенефиса Г.С. Лебедева
“Calcutta Chronicle, and General Advertiser”,
14 августа 1788 г. См. с. 84

Mr. Lebedeff's Benefit Concert.

Mr. LEBEDEFF

PRESENTS his beſt reſpects to the LADIES and GENTLEMEN of the ſettlement, who are diſpoſed to honour him with their patronage and aſſiſtance, and begs to notify to them, that he propoſes having his

CONCERT

OF

Vocal and Inſtrumental Muſic

On MONDAY next, the 18th Inſtant,

AT THE OLD COURT-HOUSE.

The CONCERT to begin preciſely at 8 o'clock, and TICKETS to be had, at One GOLD MOHUR each, at at the CALCUTTA CIRCULATING LIBRARY, or of Mr. LEBEDEFF, No. 21, near the RANAMOODY GULLEY.

Объявление
о втором концерте-бенефисе
Г.С. Лебедева.
“Calcutta Chronicle, and General Advertiser”, 14 августа 1788 г.
См. с. 84-85

CONCERT.

Mr. Lebedeff's ſubſcription concert was performed, at the Old Court-houſe, on Monday evening laſt, and, owing to the united exertions, vocal and inſtrumental, of ſeveral ladies and gentlemen who did him the favour of lending their aſſiſtance, fully anſwered the benevolent purpoſes intended.

Отклик на второй концерт-бенефис Г.С. Лебедева.
"Calcutta Chronicle, and General Advertiser",
21 августа 1788 г. См. с. 85

PROFESSIONAL CONCERT.

Meſſrs. Bird, Miller, and Lebedeff,

HAVING determined upon the Performance of THREE PROFESSIONAL CONCERTS, ſimilar to thoſe given in England, hoping they will prove more Satisfactory than SUBSCRIPTION CONCERTS, beg Leave to inform the Ladies and Gentlemen of the Settlement, that Mr. MILLER's Night will take place on THURSDAY, the 28th of this Month.

Tickets, Twelve Rupees, to be had at the Circulating Library, and of Mr. MILLER. Loll Bazar.

Объявление гг. Бёрда, Миллера и Лебедева о совместно планируемой серии из трех профессиональных концертов.
"Calcutta Chronicle, and General Advertiser", 21 января 1790 г.
См. с. 87

MR. BIRD'S CONCERT.

And ſuch a concert, and on ſuch an occaſion, will ſeldom meet again. The unfortunate ſituation of a gentleman, who, while fortune ſmiled, never refuſed *his* aſſiſtance, to poverty and merit in diſtreſs, called loudly for public ſpirit. The public was not inſenſible to the claim; and although the room was not *all* we could have wiſhed, yet we hope much advantage wil accrue, to render the predicament he labours under, as eaſy as in ſuch an unfortunate ſituation he can be made.

Mr. Miller's ſolo on the violin was all that the fineſt tone, delicate taſte, aſtoniſhing execution, and the moſt exquiſite finiſhing, could make it.—*A pin* might have been heard to fall. A ſilence more emphatic than the loudeſt plaudiſts, teſtified the feelings of the audience; but at the end, *one* burſt of univerſal admiration echoed through the room.

"So ſhould deſert be crowned."

The eaſe and elegance of Mr. M's performance, joined to a fine perſon, gave a zeſt to his playing, which though it wanted not the adventitious aid of ornament, received from that circumſtance the *greateſt*. *One* note was held ſo long, that the ſouls of the audience ſeemed to hang on its concluſion.

The concerto on the Piano Forte (in which we inſtantly diſcerned the touch of a *Schroeter*) was ſo exquiſite in cadenza, expreſſion, and rapidity of execution, that it ſeemed for a moment to bear away the palm from the violin; but we will hazard our judgement in declaring that the latter inſtrument is his *forte*.

The band ſeemed to catch fire from the leader; and the overtures of *Haydn* went off with great ſpirit, and infinite ſucceſs.

This is but bare juſtice, and they ſhall have it.

Mr. Lebedeff marked the muſic moſt characteriſtically; and, in his concerto, ſhewed great knowledge of the finger-board.

Рецензия на профессиональный концерт в пользу У.Х. Бёрда.
В последнем абзаце — свидетельство того, что Лебедев играл концерт для виолончели с оркестром собственного сочинения.
“Calcutta Chronicle, and General Advertiser”, 11 марта 1790 г. См. с. 88-89

Per Prince William Henry—Capt. and Mrs. Kenzie; Captains Merryless and White; Lieutenants Harty, Dickson, Wade, Hovendon, and M'Kenzie; Messrs. Pendergast, Ross, Leberdeff, Harvey, and Mrs. Hart; Capt. Andrew Hannay, late Commander of the Woodcot; also William Hannay and John Adair.

Первая публикация списка пассажиров, прибывших в Англию на корабле «Принц Уильям Генри», с искаженной фамилией Г.С. Лебедева. “The Oracle , and the Daily Adfvertiser”, 3 февраля 1799 г. См. с. 173

Arrivals from India.—The packets by the under-mentioned Eaſt Indiamen having at length arrived, we are now enabled to preſent our Readers with the following correct liſt of paſſengers :

Per Ganges.—Lieut. Col. Hope, Major Sharpe, Captains Broughton and Lambert, Lieutenants Orde, Waller, and Byne, and Mr. Wake.

Per Phœnix—Mr. Roſs, Capts. Orrok, Keating, and Bickwith, Meſſrs. Ferguſon and Orrok, Lieutenant Wade.

Per Lord Walsingham—Capt. and Mrs. Emerſon, Lieutenant and Mrs. Short, Lieut. Paris, Meſſrs. Caruthers and Temple.

Per Prince William Henry—Captain and Mrs. M'Kenzie, Capts. Merryleis and White, Lieutenants Harty, Dickſon, Wade, Havenden, and M'Kenzie, Meſſrs. Pendergraſt, Roſs, Lebedeff, Harvey, and Mrs. Hart, Captain Andrew Hannylate, Commander of the Woodcott, alſo Mrs Hanway, and John Adair.

Уточненный список пассажиров, прибывших в Англию на корабле «Принц Уильям Генри», с фамилией Lebedeff. “General Evening Post”, 5–7 февраля. См. с. 173-174 и примеч. 159

By PERMISSION of the LORD CHAMBERLAIN.
A GRAND MISCELLANEOUS CONCERT of VOCAL and INSTRUMENTAL MUSIC.

MR. LEBEDEFF, who resided Twelve Years in India, and has made a Collection of the most favourite INDOSTANIC AIRS, having been desired by several Ladies and Gentlemen, whom he had the honour of being acquainted with in that country, to produce them to the curious of National Characteristic Music, intends to have A CONCERT, on MONDAY, the 17th Inst. at WILLIS's ROOMS, King-street, St. James's; in which, besides other distinguished Vocal and Instrumental Performances, several of the celebrated antient Hindostanic Airs, called RAUGS and RAUGINIES, will be executed in the original Indian style.

Further Particulars will be advertised in a few days.

Tickets, 10s. 6d. each, may be had at Willis's Rooms; and No. 34, Clipstone-street.

Первое объявление о предстоящем концерте Лебедева в Лондоне с исполнением индийской музыки. “Morning Post”, 4 марта 1800 г. См. с. 192

By PERMISSION of the LORD CHAMBERLAIN.
A GRAND MISCELLANEOUS CONCERT of VOCAL and INSTRUMENTAL MUSIC,
With an ORIENTAL SERENADE,
Will be performed at WILLIS's ROOMS, King-street, St. James's, on MONDAY, March 17.

MR. LEBEDEFF, who resided Twelve Years in India, has made a Collection of the most favourite HINDOSTANIC AIRS; and having been desired by several Ladies and Gentlemen, with whom he had the honour of being acquainted in that country, to introduce them to the lovers of National Characteristic Music (Airs at once so beautiful and novel, called RAUGS and RAUGINIES), which, besides other distinguished Vocal and Instrumental Performances, will be performed in the original Indian style.

Leader of the Band Mr. SALOMON.

Particulars of the Performances will be announced in the next Papers:

Tickets, 10s. 6d. each, to be had at Willis's Rooms; of Mr. Lebedeff, No. 34, Clipstone-street, Fitzroy-square; and at the principal Music Shops.

Второе объявление о предстоящем концерте Лебедева в Лондоне с сообщением о том, что руководить оркестром будет И.П. Саломон. “Morning Post and Gazetteer”, 11 марта 1800 г. См. с. 192

WILLIS'S ROOMS, KING-STREET, ST. JAMES'S.

M. LEBEDEFF (of Russia), who resided Twelve Years in India, having been desired by several Ladies and Gentlemen, whom he had the Honour of being acquainted with in that Country, to introduce to the Lovers of National Characteristic Music, some of the celebrated HINDOSTANIE RAUGHS and RAUGHINIES, performed in the true Indian Style, the following Miscellaneous CONCERT will be at the above Rooms, on MONDAY NEXT, March 17th inst.

Part. I. Grand Overture, Haydn.—Quartetto, Pleyel.—Song, Mrs. Dussek.—Concerto Violoncello, Mr. Lebedeff.—Russian Glee, for Three Voices, sung by Messrs. Gore, Page, and Sale, with Accompaniments.—Concerto Piano Forte, Master Field.

Part II. Oriental Serenade, in which an Indian Raugh and Raughinie, are introduced, the Vocal Parts by Messrs. Gore, Page, and Sale, Accompanied by Indian Instruments, and a full Band.—Concerto Violin, Master Pinto.—Song, Mrs. Dussek—Indian Raugh—Finale.

The Doors to be opened at Seven, and the Concert to begin at Eeight o'clock. Tickets half a Guinea each, to be had of Mr. Lebedeff. No. 34, Clipstone-street, Fitzroy-square; at the Thatched-House, St. James's-street; and at the principal Music Shops.

Программа концерта Г.С. Лебедева в Лондоне
с участием выдающихся лондонских музыкантов.
“The Oracle , and the Daily Advertiser”, 15 марта 1800 г.
См. с. 192–193 и примеч. 186

In the press, and speedily will be published in Quarto,
A Work, in two parts, price One Guinea each, in Boards,

INDIAN CHRONOLOGY Developed, and a GRAMMAR of the mixed INDIAN DIALECTS, commonly called MOORS; with Dialogues on Useful and Scientifical Subjects, as spoken in all the Eastern Countries, being the most Copious Selection that has ever been offered to Europeans.

The Chronology, which is grounded on the works of the most ancient Indian Astronomers, Bhaskhatic, and Shoorjodoy, contains a complete System of the Universe, from the (Calpa) earliest period; a Key to the Astronomical Arrangements; the Theory of the Expansion of the Atmosphere; with a full explanation of the Names of the Planets, Stars, &c. hitherto undiscovered, or unexplained. To which is added, an Historical Account of KIO, Professor of the whole Russian Empire, who may perhaps be considered as the Conqueror of the North; with information respecting the well-known Indian Monarch SHOKA-DITTEO, who was of the Family of KIO, but the time of whose Nativity History to this hour is at a loss to ascertain. The Cause and Commencement of the present Indian Epoch also, whence the Indians now date their Year called Shok, will be familiarly explained.

The Grammar comprises all the different parts of Speech, which are distinctly arranged according to the Brahminian systematical methods, rules, and idioms; explained with certainty, in so comprehensive a manner, that by the study of this Work alone, an European resident in India may be enabled to converse upon the most important subjects with the Brahmins, and all the Natives of that immense Empire, with a facility not to be acquired from any of the former confused and erroneous publications of the Grammar and Dialogues called Moors.

The Author commenced this Work at Calcutta, and persevered for eight years in obtaining fundamental information respecting the Religious and Civil Current Bengal Shanscrit Language, the mixed Indian Dialects, and other scientifical Principles; with a view of increasing the hitherto imperfect knowledge of Indian Literature: He therefore respectfully solicits the Officers in the King's and the Honourable Company's service, as well as the Public in general, to favour him with their Orders, addressed to the Author, H. Lebedeff, No. 3, Warwick-place, Bedford-row; or to Mr. Debrett, Bookseller, Piccadilly, specifying which of the Two Parts (if only One) they require. The Nature and Contents of the Chronology, and of the Grammar, are more particularly explained in a prospectus, which may be had of the Author, price 1s.

The Grammar will be ready for Delivery in the middle of this month, and due notice will be given when the Chronology will be published.

Первое объявление о предстоящей публикации «Грамматики» и «Хронологии» с изложением краткого содержания обеих книг. “The Morning Chronicle”, 22 апреля 1801 г.
См. с. 201-202, 210-211, примеч 204

In the Press, and speedily will be published, in quarto,
An entire new Work, in Two Parts, price One Guinea each, in boards, hot-pressed, 1l. 11s. 6d. entitled,

INDIAN CHRONOLOGY DEVELOPED, and A GRAMMAR of the MIXED EAST INDIAN DIALECTS, commonly called MOORISH, with Dialogues on useful and scientifical Subjects, as spoken in all the Eastern Countries; being the most copious Selections, at Calcutta,

By Mr. LEBEDEFF,

that have ever been offered to Europeans.

The Grammar will be ready for delivery on the 10th instant, and due notice given when the Chronology will be published. The Grammar comprises all the Parts of Speech, which are distinctly arranged according to the Brahmenian System, Rules, and Idioms, and explained in so comprehensive a manner, that, by the study of this Work alone, an European resident in India may with certainty be enabled to converse with Indians upon the most important subjects, with a facility not to be acquired from any of the former confused and erroneous Publications of the Grammars and Dialogues called Moors, or Moorish.

The Author, therefore, respectfully solicits the Officers in His Britannic Majesty's, and the Honourable East India Company's Service, as well as the Public in general, to favour him with their Orders, addressed to Mr. Lebedeff, No. 3, Warwick-place, Bedford-row; or to Mr. Debrett, Bookseller, Piccadilly; and other principal Booksellers, specifying which of the two Parts (if only one) they require.

The Nature and Contents of the Chronology, and of the Grammar, are more particularly explained in a Prospectus, which may be had at No. 3, Warwick-place, price One Shilling.—May 1, 1801.

Объявление о предстоящей публикации «Грамматики» и «Хронологии» с указанием предполагаемой даты выхода в свет «Грамматики»: «10 сего месяца». “Morning Post”, 8 мая 1801.
См. с. 202

This day was publiſhed, in One Volume Quarto, price 1l. 1s in boards, or hot-preſſed 1l. 11s. 6d.

A GRAMMAR of the PURE, and MIXED EAST INDIAN DIALECTS; with Dialogues, methodically arranged at Calcutta, according to the true BRAHMENIAN SYSTEM OF THE SHAMSCRIT LANGUAGE.

By HERASIM LEBEDEFF.

Containing the moſt copious and accurate Rudiments, that has hitherto been publiſhed in Europe.

Dedicated to the Honourable the Eaſt India Company.

This Work compriſes all the Parts of Speech, literal explanations of the compound Words, and circumlocutory Phraſes, neceſſary for the attainment of the Idiom of the SHAMSCRIT LANGUAGE. With remarks on the errors in former Grammars and Dialogues of the Mixed Indian Dialects, written by different Europeans: together with a refutation of the aſſertions of Sir William Jones, reſpecting the SHAMSCRIT ALPHABET, and ſeveral ſpecimens of Oriental Poetry publiſhed in the Aſiatic Reſearches.

Printed for, and by the Author, No. 3, Warwick-place, Bedford-row; and ſold by Mr. Debrett, Piccadilly.

By the ſame Author, in the Preſs, and ſpeedily will be publiſhed, INDIAN CHRONOLOGY DEVELOPED: a Proſpectus, price One Shilling, explaining the Nature of this Work, and the Contents, may be had of Mr. Debrett, or the Author.—May 26, 1801.

Оповещение о выходе в свет «Грамматики»
с предложением покупать «проспект» готовящейся к изданию
«Хронологии». “The Star”, 29 мая 1801 г. См. с. 265

Приложение 3

Список калькуттских и лондонских газет, содержащих сведения о Лебедеве

Калькуттские

Calcutta Chronicle, and General Advertiser

January 3, 1788 (№ 102)
August 14, 1788 (№ 134)
August 21, 1788 (№ 135)
January 21,1790 (№ 209)
March 11, 1790 (№ 216)
December 25, 1792 (№ 362)
November 11, 1793

Calcutta Gazette

September 13, 1787, vol. VIII, № 185
January 3, 1788, vol. IX, № 201
July 31, 1788, vol. IX, № 231
August 21, 1788, vol. IX, № 234
August 20, 1789
February 24, 1791
March 1, 1791
March 8, 1791
March 31, 1791, № 370
October 27, 1791
November 11, 1791
December 27, 1792
October 31, 1793, № 505
December 11, 1794
December 18, 1794
December 22, 1794
October 5 , 1795
October 26, 1795
November 5, 1795
November 26, 1795

March 10, 1796
March 17, 1796
March 24, 1796
January 5, 1797

India Gazette, or Calcutta Public Advertiser
22 Dec. 1787 (vol. VIII, № 371)
18 August 1788 (vol. VIII, № 405)

Лондонские

Craftsman, or Say's Weekly Journal
Sat., Feb. 9, 1799. Issue 3223

Evening Mail, Febr. 8 — Febr. 11, 1799

General Evening Post
February 5–7, 1799

Morning Chronicle
7 Febr. 1799, issue 9630
22 April, 1801

Morning Post
4 March, 1800
11 March 1800
8 April 1801
8 May 1801

Oracle (The Oracle, and Daily Advertiser)
February 3, 1799
March 4, 1800
March 15, 1800

Star
May 29, 1801
June 2, 1801

Times
Febr. 7, 1799, Is. 4403

True Briton
Febr. 7, 1799. Is. 1912

Whitehall Evening Post
February 5, 1799 — Febr. 7, 1799

Рис. 1. Таким представляют себе Г.С. Лебедева в Индии:
а — портрет на обложке книги [Cakrabartī 1989],
б — портрет из книги [Chatteree 2007: 26].
Источник (по-видимому, общий) неизвестен

Рис. 2. Афиша международного семинара в Колкате
«Герасим Лебедев и его наследие: хроника
индо-российских отношений»

Рис. 3. Автор книги о Лебедеве Хаят Мамуд (Бангладеш) и известный индийский филолог-русист профессор Пуроби Рай

Рис. 4. Профессор Амартья Мукхопадхьяй выступает с докладом на семинаре 2011 г. в Колкате. Впоследствии автор книги «Индия в русском ориентализме» [Mukhopadhyay 2013]

Рис. 5. Профессор А.К. Чакраборти — автор книги «Друг Индии Лебедев» [Cakrabartī 1989]

Рис. 6. Улица Герасима Лебедева в Колкате

Рис. 7. Памятная стела на месте,
где стоял «Бенгальский театр» Г.С. Лебедева

Рис. 8. Портрет графа Андрея Кирилловича Разумовского. Александр Рослин. 1776 г. Национальная галерея Виктории, Мельбурн. Public domain

Рис. 9. Император Павел I. Гравюра по картине Аргунова «Портрет императора Павла I», 1797 г.
По изданию [Русские портреты 1905–1909: I, № 26]

Рис. 10. Портрет князя Александра Борисовича Куракина. Мастерская А. Рослина. После 1781 г. Podstanitsky Collection, общественное достояние. URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=9725819

Рис. 11. Портрет А.А. Самборского. В.Л. Боровиковский. Государственный музей А.С. Пушкина, Москва

Рис. 12. Сергей Иванович Плещеев.
По изданию: [Русские портреты 1905–1909: I, № 180]

Рис. 13. Вид с юго-востока на Форт Сэйнт-Джордж, Мадрас.
Т. и У. Дэниэлл. Раскрашенная гравюра (акватинта). 1793–1820

Рис. 14. Старое здание суда и Дом писцов в Калькутте. Т. Дэниэлл.
Раскрашенная гравюра (акватинта). 1786–1788. Британская библиотека.
В Старом здании суда проходили первые концерты-бенефисы
Г.С. Лебедева

Рис. 15. Старое здание суда и вид на улицу с севера. Т. Дэниэлл. Раскрашенная гравюра (акватинта). 1786–1788.
URL: https://puronokolkata.com/tag/old-court-house/

গবর্ণর জেনেরেল অনুমতি প্রদান—

লেবেডেব মহাসএব

নওব বাচ ঘব নং ২৫ মোকাম-ডোমতোলাব পাশ—
এক বাঙ্গালি নাচ সং বদোল নামে প্রকাশ করাজাইবেক—

কাল নাচ হইবেক এই মাহ ১৪ অগ্রহায়ন ইংরাজি ২৭ নবাব
বাঙ্গালি প্রকার বুনা হইয়াছে পরস এবং দ্বি হইতে নাচিবেন
বেলাতি আর বাঙ্গালি জনাএব সহিত গিতবাদ্য হইবেক—
ইংরাজ চন্দ্র বাংলব কবিতা জনাএব গান হইবেক—

Объявление о первом представлении

দিতেব বাহাঙ্গ এবং ঘবব ভিতব সিকা ৮
উপাবব বাহাঙ্গ — — ৪

নাচব টিকীট বাচ ঘবে পাওয়া জাইবেক—

Рис. 16. Афиша первого представления театра Г.С. Лебедева (на бенгальском языке)

Рис. 17. Страница «московской» рукописи лебедевского перевода пьесы “The Disguise”

Рис. 18. Индийские танцовщицы (nautch-girls). Раскрашенная гравюра Ф.Б. Сольвена. Brandon Museum of Art, The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr. URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/pages/Solvyns-Etchings.htm

Рис. 19. Портрет Джона Хайда (1737–1796),
судьи Верховного суда Бенгалии. Роберт Хьюм (Robert Home).
Частная коллекция. Public domain

Calcutta, Monday, the 21st of March, 1796.

BENGALLIE THEATRE,

No. 25,

DOOMTOOLAH.

THE DISGUISE,

A Comedy, in three Acts,

Written by M. JODDRELL, ESQ

TRANSLATED

ACT I. Entirely Bengalese.—ACT II, Scene the First, into Moors,—the Second Scene into Bengalese, and the Third (and last) Scene of this Act, will be delivered in English.—ACT III. translated entirely into Bengalese.

In the original, the Scenes are laid out in Spain; but in the translation, the Scenes are changed to this Country;—the Places spoken of, instead of being Madrid and Seville, are Calcutta and Lucknow; and the Names of the Persons in the Drama, are changed from European Names, to proper Names of this Country; as follows:

Рис. 20. Первая страница печатной программы второго спектакля «Бенгальского театра» с пометками Лебедева на русском и английском языках

Рис. 21. Чокидар (стражник). Ф.Б. Сольвен. Раскрашенная гравюра. 1799 г. Brandon Museum of Art, The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr. URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/pages/Calcutta122.html

Рис. 22. Объявление Лебедева о предстоящем (несостоявшемся) третьем представлении «Притворства», предназначенном «только для азиатских жителей» Калькутты и окрестностей. На бенгальском языке, с кириллической транскрипцией и русским подстрочным переводом

Рис. 23. Портрет сэра Роберта Чэмберса. Роберт Хьюм (Robert Home). Публикуется с разрешения University College, University of Oxford, UK

Рис. 24. Саркар (сиркар). Ф.Б. Сольвен. Раскрашенная гравюра. Brandon Museum of Art, The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr. URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/pages/Paris100.html

Рис. 25. Khansama (старший из слуг, прислуживающих за столом). Ф.Б. Сольвен. Раскрашенная гравюра. Brandon Museum of Art, The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr. URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/pages/Paris104.html

Рис. 26. Портрет
И.Ф. Крузенштерна. Г.Ф. Гиппиус.
Литография. 1822 г.
Государственный Русский музей.

Милостивый мой государь
Иванъ Федоровичъ

Вчерашнюю нашу прощальную
благодарность за мое для меня
разнообразные и одолжения. Я долгъ
матерь только то чтобы вновь подвелъ
насъ увидеться въ нашемъ отечестве здесь
я надеюсь Ларосе утверждъ наше
дружество. Прошу и болѣе для того что
для моего всегда работа вашими умными
совѣтами. Прошу вспомнить обо мнѣ
всей вашей семьи и нашей
обо мнѣ и моей Княгинѣ, увидимся смотрѣть
мнѣ называть названомъ лордъ торло
отъ Капитана Вилиамъ Томсон
исчезнуть въ Петербургъ Адмиралтейство
онъ бы слѣдующая 1е Генваря шра
второй конторо ран — Которую разъ
прощай

Рис. 27. Прощальное письмо Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну
перед отъездом из Калькутты. См. с. 206–207.

Рис. 28. Юрий Федорович Лисянский. Гравюра с портрета работы В.Л. Боровиковского. По изданию: [Русские портреты 1905–1909: V, № 250]

Рис. 29. Запись в «африканском дневнике» Г.С. Лебедева о его концерте, состоявшемся в Капстаде 30 марта 1798 г. См. с. 232

Рис. 30. Портрет графа С.Р. Воронцова.
Томас Лоуренс. Ок. 1805–1806. Государственный Эрмитаж

A

GRAMMAR

OF THE

PURE AND MIXED EAST INDIAN DIALECTS,

WITH DIALOGUES AFFIXED,

SPOKEN IN ALL THE EASTERN COUNTRIES,

Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmerian System,

OF THE

SHAMSCRIT LANGUAGE.

COMPREHENDING

LITERAL EXPLANATIONS OF THE COMPOUND WORDS, AND CIRCUMLOCUTORY PHRASES,

NECESSARY FOR THE ATTAINMENT OF THE IDIOM OF THAT LANGUAGE,

Calculated for the Use of Europeans.

With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the Mixed Dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a refutation of the assertions of SIR WILLIAM JONES, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches.

Shoono anondit, Raja kohila tdhare; beia-koron adie shastro porako Beddere.
Agge pac beprobor, beddere porny; beia-koron adie kelbeo shongito : Bnoy.
Joitish, tipponic, tica, koteco percar; alpo ca'e bohoo shashtre koila odhicar.
Chitro korie ak-shloc lekelec pate; nijo poricchoy deia tooilo tahate.

BEDDE SHOONDOR, VOL. 1. SHRIE CHONDRO RIY.

BY HERASIM LEBEDEFF.

London:

PRINTED BY J. SKIAVEN, RATCLIFF-HIGHWAY;
FOR, AND SOLD BY THE AUTHOR, NO. 3, WARWICK-PLACE, BEDFORD-ROW; AND BY MR. DEBRETT,
BOOKSELLER, PICCADILLY.

1801.

Рис. 31. Обложка книги Г.С. Лебедева «Грамматика чистых и смешанных восточноиндийских диалектов» (Лондон, 1801)

Рис. 32. Портрет императора Александра I. Неизвестный художник. 1800-е годы. Государственный Эрмитаж

Рис. 33. Портрет М.И. Голенищева-Кутузова. По изданию: [Русские портреты 1905–1909: I, № 193]

Рис. 34. Дмитрий Прокофьевич Трощинский. Гравюра с портрета работы В.Л. Боровиковского. По изданию: [Русские портреты 1905–1909: II, № 10]

Рис. 35. Барон Андрей Львович Николаи.
Гравюра с портрета работы И.Б. Лампи Старшего.
По изданию: [Русские портреты 1905–1909: IV, 29]

БЕЗПРИСТРАСТНОЕ СОЗЕРЦАНІЕ

СИСТЕМЪ

ВОСТОЧНОЙ ИНДІИ

БРАМГЕНОВЪ

Священныхъ обрядовъ ихъ

и

народныхъ обычаевъ,

ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ МОНАРХУ

Посвященное.

по Высочайшей волѣ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

напечатано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Герасима Лѣбедева.

1805 года.

Рис. 36. «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов». Издание типографии Г.С. Лебедева. Санкт-Петербург, 1805 г.

Рис. 37. «Картина премудрости Дурги, представляемая на иконостасе Индийцов ярусами в пяти отделениях» [Лебедев 1805: 23]

Рис. 38. «Изображение премудрости Дурги в первоначальном веке солнечном, а по Лунной Системе во втором» [Лебедев 1805: 30]

Рис. 39. «Иксора, божество Восточной Индии».
Гравюра Б. Пикара из третьего тома издания
«Религиозные церемонии и костюмы всех народов мира»
[Picart 1723–1737]

Рис. 40. Праздник чарак-пуджа в Калькутте.
Раскрашенная гравюра Ф.Б. Сольвена. Brandon Museum of Art,
The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr.
URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/
pages/Paris193.html

Рис. 41. Праздник Дурги (Дурга-пуджа) в Калькутте.
Раскрашенная гравюра Ф.Б. Сольвена. Brandon Museum of Art,
The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr.
URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/pages/Paris194.html

Рис. 42. Женщина перед храмом Калигхат в Калькутте.
Ф.Б. Сольвен. Раскрашенная гравюра. Brandon Museum of Art,
The University of Texas at Austin, Gift of Professor Robert L. Hardgrave, Jr.
URL: https://www.laits.utexas.edu/solvyns-project/solvynsonline/pages/etching_woman_kalighat.html

Рис. 43. Обложка лебедевского перевода комедии «Притворство». «Петербургская рукопись» (РНБ)

Dramatis Personæ

Men

Don Lewis (disguised as Don Antonio).
Bernardo, his Servant.
Goose quillos, an Attorney.
Carva and Velasco } two assassins
Savoyard – Musician.
Host.
Tradesmen and Attorney's Clerks.

Women.

Clara (disguised as Don Pedro).
Beatrix, her maid.
Ursula (a Duenna disguised as a man Servant).
Two Savoyard Girls.

Действующія Лица.

Мужчины.

Донъ Луисъ (притворно называющійся Донъ Антоніо).
Бернардо, его слуга.
Перовъ, Стряпчій.
Рубаловъ и Обираловъ } Два Мошенника.
Савояръ – Музыкантъ.
Конюхъ. (Постаціонъ).
Торговцы и писцы.

Женщины.

Клара (притворно называвшаяся Донъ Педро).
Беатрикса, ея служанка.
Урсула (Старуха надзирательница одѣтая въ Лакейское платье).
Двѣ дѣвочки Савояранки.

Рис. 44. Страница из «петербургской» рукописи «Притворства» (РНБ)

Рис. 45. Алексей Николаевич Оленин.
Гравюра с портрета работы А.Г. Варнека.
По изданию: [Русские портреты 1905–1909: I, № 34]

Рис. 46. Гавриил Романович Державин.
Гравюра с портрета работы В.Л. Боровиковского.
По изданию: [Русские портреты 1905–1909: I, 39]

শ্লোকে ৪৯ ШЛОКЕ

মহা মুদগর МОГА МУДГАРО

মূঢ়জহীহি ধনাগম তৃষ্ণাং Мурдго чъогиги дганагомо тришшня
কুরু তনু বুদ্ধি মনঃসু বিতৃষ্ণা Куру шону Буддги моношшу битришшня I
যল্লভসে নিজ কর্ম্মো পাত্তং Чъолло Бгоше ничъо корммо паштто
বিত্তং তেন বিনোদয় চিত্তং Биштто тено Бинодойо чиштто II

কা তব কান্তা কস্তে পুত্রঃ Ка тобо канта кошше пуштро
সংসারোয় মতিব বিচিত্রঃ Шоншаройо мотибо бичишшро I
কস্য ত্বং বা কুত আয়াতঃ Кошшьо штъо ба куто аято
তত্ত্বং চিন্তয় তদিদং ভ্রাতঃ Штоштто чиштойо тодидо брато II

মা কুরু ধন জন যৌবন গর্ব্বং Ма куру дгоно чъоно чъоубоно горббо
হরতি নিমেষাৎ কালঃ সর্ব্বং Гороши нимешашъ кало шорббо I
মায়া ময় মিদ মখিলং হিত্বা Мая мойо мидо мокъило гишшуа
ব্রহ্ম পদং প্রবিশাশু বিদিত্বা Бромго подо пробишашу бидишшуа II

নলিনী দল গত জল বৎ তরলং Нолини доло гото чъоло бошъ шоролъо
তদদৎ জীবন মতিশয় চপলং Тоддошъ чъибоно машишойо чополъо I
ক্ষণ মিহ সজ্জন সংগতি রেকা Ккьоно миго шодчъоно шонгоши река
ভবতি ভবার্ণব তরণে নৌকা Бгабоши бгобарнобо шороне наука II

অঙ্গং গলিতং পলিতং মুণ্ডং Онго голишто полишто мундо
দন্তং বিহীনং জাতং তুণ্ডং Доншо бигино чъашо шундо I
করং কম্পিত শোভিত দণ্ডং Коро дгришто компишто шобгишто дондо
তদপি ন মুঞ্চ ত্যাশা ভাণ্ডং Тодопи номунчо шьаша бгандо II

Рис. 47. Страница из отпечатанной типографским способом брошюры «Шлоке Мога мудгаро».
Санскритский текст приписываемого Шанкаре стихотворения «Мохамудгара» и его кириллическая транскрипция (в бенгальском произношении). См. с. 381–391

ихъ выше упомянутаго Стихотворца Шри Бхартри Чондро раи, переведенный на русской языкъ Г^на^ Надворнымъ Совѣтникомъ Лебедевымъ:

„Престань хлопать богатствомъ о бренной головѣ!
„Но душу украшай ты добрыми дѣлами,
„Учись видимать плоды отъ собственныхъ трудовъ: —
„Сотъ средства почасить желаньѣ похотливыю....
„Что жизнь твоя? Она есть капельна воды,
„Которая дрожитъ на розовомъ листочкѣ.....“

Г^нъ^ Лебедевъ ссылаясь на 200. страницу Грамматики Натанаила-Брассей-Галхета, показываетъ примѣры Индейскихъ Стиховъ изъ книги Видде-Шундоръ (красота учености). Основывая весь ихъ составъ, на пресѣченіяхъ или разстановкахъ (цензурахъ), ознаменованныхъ знаками: (|, ||) и точками (:), которыя имѣютъ особыя названіи, какъ то: Есеъ Дарбу, Тотомъ гондо, Дди поди, или дуй поди и прочія, по коимъ они приспособлены къ музыкѣ, и отмечаютъ въ пѣніи однимъ, двумя и тремя щелчками перстовъ, сопровождаются разными инструментами, какъ то: Бобовыми, или дудками, гудками, балалайками, желѣзными треугольниками и рапозинами, изъ коихъ послѣдніе почитаются божественнымъ инструментомъ. — При таковыхъ оркестрахъ въ бочомольныхъ домахъ народныя пѣвцы, намачая себѣ на ноги желѣзныя цепи, и положа на плеча одинъ другаго руки, переходятъ изъ стороны въ сторону, производя з в у н о м ъ, —

Рис. 48. Страница из рукописи Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии» (ОР РНБ). См. с. 380

Рис. 49. Граф Карл Васильевич Нессельроде. Портрет работы Ж.Б. Изабе. По изданию: [Русские портреты 1905–1909: V, № 156]

চারি Часи

Ключъ

Къ систематическимъ восточныхъ Брамгеновъ умственнымъ и существеннымъ начальнымъ основаніямъ.

Ариѳметики

называемой Мам-мата গণিত или Гунна গুণন, значитъ: имянъ числавныхъ объявленіе служащей основаніемъ Математическихъ познаній, имѣющей два начала (Дуй Ѳомбо দুই অবস্থ) умозрительное и существенное: основаніе (тана кожоне গণন কোষ্ঠ) сіе имѣютъ на философической и Богословной системахъ произведенныхъ отъ сотворенія міра, изъ коихъ началъ:

Первое, Брамгены называютъ Адги Атма আদি আত্মা или Ядоб Атма ঊর্ধ্ব আত্মা, а исподреннемъ народнымъ нарѣчіемъ называютъ Ядоумъ Атма, значитъ: Душа вселенная, которую они признаютъ несущественною, единою, невидимою, вѣчною нераздѣлимою всепремудрою, совершенно имѣющею спокойствіе, произволеніе и блаженство. Единоначіе Божіе у Брамгеновъ есть главнѣйшимъ правиломъ священнаго ихъ ученія.

Второе, вѣчное начало называютъ они Чыоб Атма জিব আত্মা то есть душа жизненная; которую они почитаютъ существенною, приписывая ей слѣдующія свойства: умъ, качество, понятіе, протяженье, дѣлимость умаленіе, скуку, желаніе, отвращеніе случайность и чину. Проникающіе въ начала существъ убѣдятъ цѣль всякаго существа.

Философическая, Богословная Ариѳметическая и прочія системы у Брамгеновъ имѣютъ свое на единственныхъ правящихъ основаніе, которое особрязно Богословной системѣ и изображеніямъ ихъ Божествъ, они грязь умозрительное предсущественнаго существа осязаніе, изъемкая единственныя, двойственныя тройственныя и четверичныя степени составляютъ изъ оныхъ шестнадцатеричныя совершеннаго

цѣлаго

Рис. 50. Первая страница рукописи «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания арифметики…» (АВ ИВР РАН). См. с. 399

16

Человѣкъ

О превозвышенный! Ты какъ бы описалъ себя. о могущественный составъ и Божественное существо повѣдай мнѣ, что присутствіе твое здѣсь предзнаменуетъ? нетерпѣливо желаю знать источникъ твой.

Криштьо

Я есмь сий! о сбѣщающій умъ необразованный. Итакъ возмужайся и пріими уготованное для тебя царство! честь и славу. Будь ты не посредственнымъ исполнителемъ опредѣленіи судьбы и дѣйствователемъ; пріими даръ тебѣ уготованной, не смущайся и не потеряй способностямъ твоимъ прійти въ смятеніе, возвысти свѣтлу славу сотворившаго тебя.

Человѣкъ.

Вижу тебя неособ-зримаго сіяющаго свѣтомъ, не измѣримымъ достойнаго быть познаннымъ; я вижу тебя безъ начала, безъ средины и безъ конца, имѣющаго безпредѣльное мнѣщество, съ безчисленными руками; Солнцъ и Луна очи твои, уста твои огнь пламенѣющій и весь міръ сіяетъ отъ лесомъ великолѣпія твоего! Почитаніе да воздается тебѣ! преклоняюсь и простираю по землѣ тѣло мое предъ тобою, владыко небесъ! вмѣстилищу вселенной!

Криштьо.

Теперь открою тебѣ человѣкъ (Адмо) сокровѣнное таинство, сопровождаемое глубокимъ ученіемъ, о познаній Высочайшаго Духа, и о пользѣ происходящей отъ познанія перваго начала, которое узнавши освободишся ты отъ ига неразумѣнія.

Зри чудеса, никогда тобою до сель невиданныя. Зри всемъ тѣлъ (въ числахъ) моемъ цѣлый міръ, одушевленный и неодушевленный, и всѣ существа, сотвори имѣешъ умъ для зренія. Но какъ ты

Не способенъ

Рис. 51. Страница из рукописи «Систематических… оснований»: начало диалога Бога (Криштьо) с сотворенным им Человеком (Адмо), в котором использованы фрагменты перевода «Бхагавадгиты» А.А. Петрова

БАГУАТ-ГЕТА,

или

БЕСѢДЫ

КРИШНЫ

съ

АРЖУНОМЪ,

съ примѣчаніями,

Переведенныя съ подлинника писаннаго на древнемъ Браминскомъ языкѣ, называемомъ Сансхритта, на Англійской, а съ сего на Россійской языкъ.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова.

1788.

Рис. 52. Перевод «Бхагавадгиты» с английского перевода У. Джонса, выполненный А.А. Петровым и изданный Н.И. Новиковым

Рис. 53. Иллюстрация в книге Г.С. Лебедева «Безпристрастное созерцание», изображающая «духовное существо Шоттьо Чъуг» [Лебедев 1805: 3–4]

2

К читателю,

Отъ трудившагося въ переводѣ.

Прежде нежели я приступлю къ объясненію ариѳметическихъ восточной Индіи таблицъ, расположенныхъ въ пяти отдѣленіи составляющихъ совершенное основаніе, нетокмо Ариѳметики но и Математики; за нужное почитаю предварить благосклоннаго читателя: что Ариѳметика Браминовъ, Канъ и Азбяка ихъ, заключаютъ въ себѣ таинственныя смыслы Индійскаго Богопознанія: и что нѣкоторыя ариѳметическія ихъ знаки, берутся иногда за признакъ Божества, или божественнаго свойства; о чемъ я и прежде увѣдомлялъ въ созерцаніи браминскихъ системъ.

Что касается до отдѣленій и до расположеній въ нихъ особенностей каждаго предмета, то единое возрѣніе на оглавленіи и заключеніи оныхъ, подаетъ о томъ достаточное понятіе.

Вообще порядокъ соблюденъ Математическій: каждое отдѣленіе расположенъ на разныя статьи, и каждая статья на особыя отдѣленіи, которыя естественнымъ образомъ произтекаютъ одни отъ другихъ, и имѣютъ между собою взаимную связь, и каждое отдѣленіе служитъ другому доводомъ: и различныя въ статьяхъ мѣста, такъ Канъ и различныя предварительныя примѣры, которыя присоединены для того же предмета и съ тѣмъже намѣреніемъ; связаны между собою искусственно для того, чтобъ взаимнымъ служили себѣ доказательствомъ: и притомъ, все въ нихъ раскрывается основательно и постепенно, неусувствительнымъ и естественнымъ образомъ одно послѣ другаго: все находится на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ такъ основательномъ, ясномъ и доказательномъ, что благомыслящему человѣку, почерпнувъ совершенное понятіе о расположеніяхъ, остается только соображать ихъ въ обстоятельствамъ своихъ выгодъ: а выгоды происходящія отъ разуменія основанія таблицъ, могущихъ доставить пользу, суть слѣдующія:

1°. Къ распространенію богословскихъ понятій о вѣрѣ: ибо Индійцы, также Канъ и мы, всѣ познанія о Богѣ и нравственности относятъ къ самому началу міроздранія, и приписываютъ ихъ Божію откровенію.

2е

Рис. 54. Первая страница рукописи «Арифметических таблиц» (АВ ИВР РАН). Обращение «К читателю, от трудившегося в переводе». См. с. 301

Рис. 55. Заключительная страница в рукописи «Арифметических таблиц» (АВ ИВР РАН).
См. с. 300

Рис. 56. Мраморная плита с эпитафией Г.С. Лебедева. Филиал Государственного музея городской скульптуры в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

АВПР — Архив внешней политики России.

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва.

ГАРФ — Государственный архив Российской федерации, Москва.

ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

РИИИ — Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург.

РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом).

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва (1941-1991). Ныне — РГАДА.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва (ныне РГАЛИ).

ЦГАЛИ СПБ — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (с 1991 г.): в 1988-1991 — ЦГАЛИ Ленинграда; в 1969–1988 — Ленинградский государственный архив литературы и искусства).

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве (1941–1961), ныне — ГАРФ.

ЮНЕСКО — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абу-л Фазл 194
Авраам 103
Агафонов Алексей Семенович 78
Адам 66, 79, 100, 102, 103, 326, 387
Аделунг Иоганн Кристоф 10, 11, 13, 15, 23, 24, 43, 73, 74, 105,
Аделунг Фридрих (Федор Павлович) 10, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 24, 43, 109, 368
Аддисон Джон 194, 195
Акулов, купец 252
Александр I 7, 17, 39, 62, 70, 79, 81, 85, 86, 93, 104, 138, 139, 140, 252, 259, 261, 264, 266, 278, 284, 298, 299, 301–304, 308, 309, 311, 313, 315–318, 363, 369–371, 373, 391, 393, 395, 396, 397, 414, 420–422, 424
Александр Македонский 327
Александра Павловна, великая княжна 262
Алтухов Николай Владимирович (Николас) 37, 295
Альтшуллер Марк Григорьевич 38, 39, 63, 375, 376, 381, 391
Ананга (Ононкъо) 347
Андерсон Джеймс 102
Антонова Кока Александровна 36, 39, 41, 48, 156, 163, 179
Апджон Аарон 106, 124
Аполлоний Тианский 327
Арджуна 103, 400, 401, 404
Ашраф Кунвар Мухаммад 42

Бабошин Андрей 77
Баженов Василий Иванович 98, 113
Бакленд Чарльз 23, 26, 106
Бакстер Александр, консул 244, 246, 257
Бакстер (?) 419
Байер Готлиб Зигфрид 7
Банерджи Браджендра Натх, см. Бондопадхьяй Броджендронатх
Банерджи Лили 68
Баскаков Иван Абросимович 263
Баскаков Михаил Иванович 220, 262–264
Баскетт (Баскет), капитан 240, 241
Бекер 238
Бенкендорф Христофор Иванович 90
Бёрд Уильям Хэмильтон 122–125, 127, 129, 130, 269, 273, 274, 482, 483
Бернар Жан-Фредерик 334
Бернардо 152, 157
Бёрч Ричард Каминс 117, 129, 462,
Баранников Алексей Петрович 31, 32
Бартольд Василий Владимирович 21, 33

* Включены имена, содержащиеся в основном тексте. Не включены имена, встречающиеся только в сносках и в списке литературы.

Баумгартен Карл Фридрих 127
Бах Иоганн Кристиан 113
Башшоти (Бгашшоти) 296, 297
Бели (Бейли?), полковник 213
Беркстoрф (Бергсдорф) 242, 243
Бескровный Василий Матвеевич 37, 288
Бетховен 82, 271
Бидде (Видья) 17, 24, 25, 63, 67, 138,
Биддебхушан Омуллочорон 28
Бир-Шинго 17
Блесер Джоанна 232
Богданович Роман 77
Бонгард-Левин Григорий Максимович 52, 60
Бондопадхьяй Броджендронатх (Б. Банерджи) 28, 29, 30, 162
Бордье, мистер 117
Боровиковский Владимир Лукич 113
Бортнянский Дмитрий Степанович 113, 447
Бошу Нагендронатх 24
Брахма (Брормго) 103, 321,322, 324, 400–404, 406–408, 411
Бриддо (Бридду) 196
Бристоу, миссис 150
Брихаспати (Бригошпоти) 297, 329
Бросалина Елена Кирилловна 22, 62–64, 67, 307, 308
Брук, губернатор 241
Брюн, генерад 266
Буини Маттео 77
Булгаков Федор Ильич 16–19, 21, 31, 73, 74
Булич Сергей Константинович 19–21, 29, 109
Бухальц (Бухгольц?), купец 252
Бхавабхути 429
Бхаггьо (Бхоггьо) Бути 157–161
Бхагиратха (Бгокъирот), царь 346, 348
Бхоланатх (Бхолонат, Бхолонаут, Бхоланаут) Бабу 152, 157, 159–161, 179,
Быкова Евгения Михайловна 48
Бэлли (Бели, Бэли) Джон 202, 204, 205, 206, 212, 215, 218, 219, 227, 235
Бэттл («Батль») Джозеф 25, 155, 165–172, 174, 175, 188, 190, 192, 193, 195, 199, 200, 466, 467, 472–476

Вадковский Федор Федорович 90
Ваняшова Маргарита Георгиевна 8, 61, 62, 68, 78, 143, 148, 188
Варма Нагендра 44
Вейдемейер Иван 371
Велден 246
Вернадский Георгий Владимирович 89, 94
Вигасин Алексей Алексеевич 52, 60, 427
Вильдт (Вильд, Вилдт) 223, 240, 241
Вильсон, см. Уилсон
Вишну 321, 329, 346, 347, 349, 382, 387, 388, 404, 408, 411
Волков Федор Григорьевич 61, 62, 73, 74, 77, 113, 148, 433, 473
Вольтер 89, 101, 314
Воробьев-Десятовский Владимир Святославович 14, 33, 35, 39, 43, 178, 325, 366, 368, 398, 399, 410, 415, 417
Воронцов Александр Романович 70, 319

Воронцов Михаил Семенович 251
Воронцов Семен Романович 11, 17, 18, 36, 83, 84, 104, 105, 147, 176, 197–200, 203, 211, 219, 231, 242, 243–245, 248–255, 258–261, 264- 266, 268, 277–279, 280, 282, 283, 314, 315, 319, 360, 362
Воронцова Екатерина (Катерина) Алексеевна 250
Воронцова Екатерина Семеновна 251
Вудфилд Иэн, музыковед 273, 274
Вяземские 17, 18, 21, 36, 41, 64, 154, 156, 172, 205, 368,
Вяземский Павел Петрович 17, 62, 135
Вяземский Петр Андреевич 237, 375

Гагарин Гавриил Петрович 94, 96, 103
Гайдн Йозеф 82, 113, 116, 123, 126, 127, 132, 271
Гайя, см. Кайо
Гамаюнов Леонид Степанович 33, 34, 36
Гангули Джогоннатх 147, 196
Ганеша (Къонеш) 323, 340
Гаутам 412
Гей Эдвард, см. Хэй Эдвард
Гендель Георг Фридрих 121
Геннади Григорий Николаевич 16
Георг III 266
Гердер, Иоганн Готфрид 385, 387
Герман фон Ферзен Иван Иванович 266
Ги Михель (Михаил Къи) 232, 233
Ги Конрад 232
Гилкрист Джон 287, 289, 293, 294
Гинзбург Лев Соломонович 36
Глэдвин Фрэнсис 129, 170, 173, 196, 197, 200
Годсон (Ходсон?), капитан 226
Голицин (Голицын) Дмитрий Михайлович 82, 83
Головнин Петр Андреевич 479
Гольдберг Николай Максимович 39
Гор, певец 271–273
Гордон 468
Готама (Гутама) 409, 410, 412
Гошшами Модонмохон 45, 46, 178
Грант Чарльз 187
Грин Кристофер 463
Гринвель (Гренвил Уильям), лорд, государственный секретарь по иностранным делам 253
Грирсон Джордж 23, 27, 87, 134, 135, 288, 289, 290,
Грифиус Андреас 388
Гуров Никита Владимирович 3, 62–66, 89, 135, 258, 307, 381, 386, 387, 388, 426
Гурьев Дмитрий Александрович 424
Гусева Наталья Романовна 33
Гуха-Тхакурта Прабху 29
Гхош Амитав 211.
Гхош Гаутам 68
Гхош Ч.Р. 4, 53
Гьери Дхори Бабу 157

Давидсон Аполлон Борисович 58, 74, 373, 374
Даллас Роберт 246–249
Даль Владимир Иванович 357
Дан (Dunn), миссис 117
Дас Чатурбхудж 428

Датт Утпал 54
Даути, мистер Даш (Дас) Голокнатх 27, 28, 128, 129, 133, 134, 135, 136, 138, 144, 145, 146, 149, 151, 327, 328, 429, 463, 465, 466
Даш Шиширкумар 139, 144
Дашгупто Робиндрокумар (Р.К. Дасгупта) 40, 41, 42, 142
Дашгупто (Dasgupta, Das Gupta) Хемендронатх 28, 29, 30, 144
Де Сушил Кумар 28
Де Вал Даниел (Данила) 234
Дебретт Джон, книгоиздатель 284, 286, 296
Де Суза Энтони 195
Делл, мадам 223
Делл Альбрехт 223
Державин Гавриил Романович 38, 39, 364, 374–378, 380, 381, 382, 391, 427, 435
Джаганнатх 323, 349
Джаганнатха Видьяпанчанана 136, 137
Джаганнатха Таркапанчанана 136, 137, 145, 187
Джардини Феличе 124
Джодрелл Пол 142, 150
Джодрелл Ричард Пол 44, 68, 133, 141, 142, 143, 152, 157, 159, 177, 178, 180, 181, 183, 185, 367, 430,
Джонс (Чжонс), генерал 213, 225
Джонс (Жонс) Уильям 13, 45, 60, 134, 137, 145, 177, 186, 187, 190, 285–287, 293, 315, 326, 327, 329–332, 385–388, 390, 467, 469
Джонсон, священник 114
Джонсон Дж., квартермейстер 225
Джонсон Ричард 187
Дзон, доктор 241
Дибдин Чарльз 170
Доу (Дов) Александер 410,
Дмитревский Иван Афанасьевич 77, 113
Дружинин Петр Александрович 62, 298, 301
Дубинин Матвей Дмитриевич 318, 370
Дурга 41, 42, 134, 322, 323, 328, 329, 331, 333, 337, 340, 343, 345, 347, 349, 350, 408
Дуссек София, певица 271, 272
Душек (Дуссек) Ян Ладислав, композитор 272
Дуэйн Уильям 166–168, 181
Дэвис Сэмьюэл 187
Дю Белле Жоашен (Иоахим) 388
Дю Перрон Анкетиль 87

Евгений (Болховитинов), митрополит 15, 16
Елагин Иван Павлович 88–90, 95, 102
Елизавета, принцесса Вюртемберг-Монбельярская 94
Елизавета Петровна 74, 80
Елизавета Алексеевна 479
Екатерина II (Великая) 12, 14, 88, 89, 91–93, 96, 109, 262, 278, 468, 469

Ёме, музыкант 123, 128, 131, 132
Ёме, мисс 131, 132

Жоли 255
Жуковский Василий Андреевич 237, 375

Земан, шах 198
Землянская Наталья Сергеевна 61, 68, 69, 75, 76,
Зограф Георгий Александрович 37, 45, 48, 291, 292, 428, 429

Иванов Михайло 316
Игнатьев Андрей Александрович 340
Индра 322, 324, 329, 387

Кайо (Гайя) 296–298
Кали 323, 328, 329, 331, 333, 337, 349, 351
Калидаса 134
Кальметт Жан 101
Кама 347
Карамзин Николай Михайлович 113, 405
Кармакар Панчанан 135
Картер, певец 117–119
Картер Томас 124
Кваренги Джакомо 319
Кендалл Джоффри 54
Кемп Филлис Мэри 42–44, 54, 62, 65, 86, 141, 325, 431
Кид Александер 129, 173, 196, 200, 462
Клапрот Юлиус 385
Клементи Муцио, пианист 126
Кольбрук Генри 137, 187,
Кольцов Алексей Васильевич 72
Кон Бернард 294
Корвин-Круковская Татьяна Александровна 31
Корнуоллис Чарльз, генерал-губернатор 187
Корфилд (Corfield) Уилмот 25, 166
Костина Екатерина Александровна 22
Коттон Харри Ивэн А. 25
Коуплэнд, вокалист 124
Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон 208
Крамер Вильгельм 124
Крисп Бёрриш 129
Крист, капитан 226
Кришна (Криштьо, Криштньо) 103, 150, 321, 347, 350, 352, 382, 400–402, 404–407, 412
Кросдилл Джон 116
Кросс Энтони 92, 243, 252, 256
Крузенштерн Иван Федорович 13, 66, 109, 176, 198, 199, 201, 203, 204, 206–212, 214–216, 219–221, 230, 254, 261–264, 267, 283, 360, 363, 393, 479, 480
Крузенштерн Фридрих Филипп фон 208
Крузенштерн (фон Таубе) Юлия (Юлиана-Шарлотта) 480
Крукер Джон 225, 226
Крумпхольц Иоганн Баптист (Ян) 126
Крючкова Евгения Родионовна 62, 64, 67, 70, 207, 307, 368, 415, 416
Кулаков Прохор 316
Куликова Алла Михайловна 9, 59, 60
Купер, издатель 124, 161, 193
Куракин Александр Борисович 5, 62, 83, 84, 90, 94–96, 104, 105, 230, 250, 259, 277, 298–303, 315, 319, 394, 441
Кутайсов (Кутайцов) Иван Павлович 262, 264

Кутузов Михаил Илларионович 302, 303, 309, 310
Куш 326
Кушелев Григорий Григорьевич 261, 263
Кэри Уильям 27, 135, 293, 294,
Кэри Уильям Генри 22, 23, 24, 29

Лавинский Александр 316
Лакшми (Локки) 323, 329, 346
Ламотт Франц 124
Ланглэ Луи-Матьё 385
Ларусс Пьер 19
Ласкар Мухаммад 194
Лассен Христиан 373, 428
Лебедев Афанасий (Афонасий) 69, 478
Лебедев Иоасаф 69
Лебедев Михаил, см. Медведев, Михаил Михайлович
Лебедев Степан (Стефан) 69, 73, 74, 478
Лебедев Трефил 69, 478
Лебедев Филипп 76
Лебедева (Мордвинова) Анастасия (Настасья) Яковлевна 60, 72, 138, 140, 369, 371, 372, 421, 422, 424
Лебедева Антонида 69, 478
Лебедева Парасковья 69, 478
Лев, император 475
Ле Галлэ 130, 131
Лёйтен (Льонтен), вдова 231, 232
Лепехин Михаил Пантелеевич 61, 371
Лизакевич Василий Григорьевич 243, 244, 246, 251, 254, 255, 280, 283
Линицкий, см. Смирнов
Лисянский (Лисенский) Юрий Федорович 215, 219–223, 230, 237, 238, 262, 275
Лобковиц, семья 82
Ломоносов Михаил Васильевич 78
Лопухин Иван Владимирович 96
Лори Джеймс 213
Луис, дон 152

Мадатов Семен 365
Маджи (Мэджи?) Дональд (?) 210
Мадху 428
Макаров Михаил Кондратьевич, адмирал 251, 256
Макартни (Макартней), лорд Джордж 202, 203, 214, 216–220, 225, 227–229, 231, 232, 234, 235, 242, 246
Маккензи Джон 129, 463
Маккензи (Макензи), миссис 129, 462
Маклин Чарльз, издатель 209
Макнабб Дональд 196
Макрушин Валентин Александрович 58, 373, 374, 376
Максвелл, помощник капитана 201
Максвелл (Максвель), секретарь лорда Макартни 217, 228
Малати 428
Малета 240
Малиновский Алексей Федорович 14
Мамуд Хаят 4, 8, 14, 21–28, 31, 34, 37, 40, 41, 43–54, 56, 65, 71, 76, 86, 87, 108, 119 –121, 129, 133, 136, 137, 139, 141, 142, 144,

149, 150, 156, 159, 165, 175, 176, 178, 179, 182, 195, 196, 202, 221, 223, 232, 233, 246, 253, 265, 270, 281, 301, 313, 325, 434
Ману (Мену) 194, 329, 330, 475
Мария Федоровна 62, 85, 88, 90, 91, 94, 97, 250, 313, 479
Маррей Джон 173
Мартынов И.Г., книготорговец 397
Мартынов Иван Иванович 386
Маунтэн Питер 239
Махиша (Моишашур) 322–324, 331
Мациевич Арсений 69
Медведев Михаил Михайлович 38, 252, 260, 270, 281, 282
Меншиков Александр Данилович 77
Мерварт, супруги 31
Мерварт Александр Михайлович 30, 31
Меэр, купец 238
Миллер, скрипач, пианист 123, 124, 125, 126, 127, 128, 482
Миллер (Мюллер) 77
Мильтон Джон 121, 388
Минаев Иван Павлович 54, 427
Миср 326
Миттро Шайлендронатх 26, 27
Митчелл 225
Михайловский Н.М. 89
Моишашур, см. Махиша
Мольер 68, 139, 140
Монсиньи Пьер-Александр 170
Мордвинов Николай Семенович 92, 93
Мордвинов Яков Яковлевич 369, 424
Мордвиновы 369, 424
Моро (Moreau, Morreau) 123, 129, 130
Мохан Чанд Бабу 157, 158, 159, 160, 161
Моцарт Вольфганг Амадей 82, 83, 113, 123, 271 , 272
Моцарт Леопольд 82
Мукерджи Шьяма Прасад 29
Мукхопадхьяй Амартья 7, 54, 294
Мукхопаддхай Мохинимохан 27
Муловский Григорий Иванович 208
Муравьев Никита Михайлович 259
Мустофи Бэмокеш 24, 25
Мухаммад Кази Дин 144
Мухаммед Али 110
Мэдж (Madge) Элиотт Уолтер 24, 25
Мэйнстоун, адвокат 253

Наир П. Тханкаппан 45
Нарасимха (Нар шинго) 346, 347
Наркис Иоханнес 199
Наруд (Нарада) 411
Наталья Алексеевна 80
Неру Джавахарлал 31, 33, 134
Нессельроде Карл Васильевич 80, 140, 391–393, 396, 420, 424
Никитин Афанасий 5, 21, 33, 54
Николаи Андрей Львович (Генрих Людвиг фон) 140, 251, 304, 305, 309, 311–315
Николаи Павел Андреевич 251, 314
Новиков Николай Иванович 61, 73, 74, 78, 79, 90, 91, 93, 95–97, 103, 113, 148
Новикова Вера Александровна 48

Новосильцов Николай Николаевич 251, 252
Ной 326, 330
Нокс (Knox) 130
Нюэль (Nuelle), лейтенант 231
Нянковский Михаил Александрович 4, 70

Овчинников Реджинальд Васильевич 37, 39, 252, 280, 281, 302, 304, 313
Огиевский 371
Огурцов Николай Григорьевич 74
Оленин Алексей Николаевич 276, 373–376
Оннода 24, 63, 308
Опиц Мартин 388
Орд 130
Орлов, купец 252
Остервальд Тимофей Иванович 94

Павел I (Павел Петрович) 5, 6, 7, 61, 62, 65, 74, 80, 84–99, 105, 197, 219, 230, 245, 250–252, 254, 256, 258–264, 266, 268, 277–284, 298–300, 302, 314, 319, 338, 477
Пайпс Ричард 65
Паллас Петр Симон 78
Панджа Шормиштха 54, 55
Панин Никита Иванович 90, 91, 94, 95, 279
Панин Никита Петрович 244, 279,
Панин Петр Иванович 94
Панч Коури 157, 159
Парвати 347
Парк Уильям 126
Перов («Перов») 180, 181,
Перси Томас 124
Перцмахер Виталий Вульфович 204
Песков Алексей Михайлович 96
Петр III 278
Петр Великий 468
Петров Александр Андреевич 103, 405, 406, 407, 410, 411, 412, 413, 414,
Петров Павел Яковлевич 372, 391
Пикар Бернар 42, 334, 408
Пинто, Джордж 271, 272
Питт-младший, Уильям 255
Плауден София 269
Плейель Игнац 123, 271
Плещеев Сергей Иванович 5, 61, 62, 89, 90, 96, 201, 203, 221, 229, 230, 236, 444, 447
Погодин Михаил Петрович 15
Поппл Уильям 141, 142
Попэм капитан 279
Поуп Александер 388
Пратапарудра, царь 150
Прахлада (Пролгат, Перлгат) 347
Придос 475
Прингл (Прингель) Джон 218, 219, 226, 241
Прингл Томас, контр-адмирал 220
Принс, мисс 116, 117, 119
Пушкин Александр Сергеевич 318, 374, 388
Пэйдж, певец 271–273

Равана (Рабон, Рабун) 323
Радзинский Эдвард Станиславович 37
Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) 397
Радхакришнан Сарвепалли 32
Разумовский Алексей Григорьевич 80

Разумовский Андрей Кириллович 11, 21, 58, 59, 74, 80, 81, 82, 83, 255, 314,
Разумовский Кирилл Григорьевич 74, 76, 80, 314
Разумовские 59, 75, 76, 80, 81, 254, 314
Рай Бхаротчондро (Бгарот Чондро Рай) 17, 23, 24, 25, 38, 55, 63, 67, 138, 161, 197, 207, 273, 308, 368, 378, 382
Рай Оморендронатх 26, 433
Рангачарья Адья 144
Рай Тарун 62
Рама (Рам) 323, 326, 341
Рамакришна 343
Рамалочана (Рамлочан) 134
Рамананда 150
Рамануджа 407
Рам Шонтош (Рамшонтош) 152, 153, 157–161, 179, 180, 181, 182
Рати 347
Раттон Мони 157–161
Раух, вдова 223
Рафаилов, Мехти 365
Раух Иоханнес Андреас 223, 232
Репнин Николай Васильевич 94, 96
Рикорд (Рикард) Константин Иванович 479
Рикорд Петр Иванович 479
Роббинс Джон 213, 239
Рой Раммохан 61
Ройдс Джон 187
Ронсар Пьер де 388
Ростопчин (Растопчин) Федор Васильевич 244, 259, 260, 262, 264, 278, 280–283
Роуворт (Ровард, Ровадр) Марк 475
Роуворт (Ровард) Томас 51, 69, 146, 165, 166, 167, 168, 171, 175, 181, 200, 466, 467, 475, 476
Румянцев Николай Петрович 140, 364, 365, 367, 415, 428,
Руссов Степан Васильевич 14, 15, 18, 73, 76, 78, 372

Саади 194
Саваоф 333
Савитри 348
Сазонов, купец 252
Саид Эдвард 54, 99, 294
Саймон Шерри 8, 430
Саломон (Заломон) Иоганн Петер 271–275, 485
Салтыков Николай Иванович 91
Самборский Андрей Афанасьевич 5, 17, 36, 62, 68, 73–75, 79, 82, 83, 91–93, 105, 137, 142, 143, 147, 149, 153, 162, 163, 166, 168, 169, 170, 173, 175, 176, 195, 196, 200, 209, 262, 264, 302, 338, 344, 420, 469, 478
Сантаньон (Сантъанчжьон, Сантъион) 232, 233
Сарасвати (Шоршоти) 323
Саркар Арчан 56, 68
Саха Махадев Прасад, см. Шаха Мохадебопрошад
Сахни Кальпана 295, 333
Седэн Мишель-Жан, драматург 170
Селби Тирелл, адвокат 115
Семевский Василий Иванович 95
Сенгупта Смита 56,
Сенелик Лоуренс 8, 142, 170

Сен-Мартен Луи-Клод де 94
Серебряный Сергей Дмитриевич 48
Серков Андрей Иванович 94
Сиднев (Ситнеф) Семен, купец 252, 253
Сиднэм (Siddenham) Уильям 107, 112, 461
Сим 330
Сирадж-уд-Доула 101
Сканда (Карттикейя, Картик) 323, 345
Сладков Андрей Леонидович 22, 67, 308
Сковорода Григорий Саввич 389
Слонимский Николай Леонидович 57
Смирнов Борис Леонидович 401
Смирнов (Линицкий) Яков Иванович 17, 36, 72, 74, 75, 83, 84, 105, 198, 200, 203, 222, 227–230, 233, 235, 236, 239, 242, 244–259, 261, 264, 265, 283, 300, 320, 362
Смирнова-Ракитина Вера Алексеевна 36, 47
Смит Натэниэл 413
Совков Федор 73, 147, 148, 471
Соколов Михаил Алексеевич, протоиерей 318
Солинк, капитан 469
Соломон Ракеш 8, 431
Сорокин Юрий Алексеевич 96
София, Премудрость Божия 103, 323, 329, 331, 333
София-Доротея, принцесса Вюртемберг-Монбельярская (Мария Федоровна) 88, 90, 94, 105, 250
Спон Жакоб 475
Сталин Иосиф Виссарионович 32
Стокдейл (Стокдель) Джон 419
Строганов Александр Сергеевич 373
Суббота Антон 369
Суворов Александр Васильевич 256, 278
Сумароков Александр Петрович 113, 258
Сэйл, певец 271–273

Тейлор (Тейлер) Джеймс 193, 477
Тет (Тейт) Егор Егорович, адмирал 251, 256
Тин Коури (Тинкоури) 157, 159
Томпсон (Томсон) Уильям 201, 202, 204–206, 209, 212, 213, 215, 216, 218, 225–228, 235, 239, 245, 246, 248, 253
Томсон, издатель 209
Топоров Иван Васильевич 423
Тринкс Чарльз (Карл) 118, 128
Трипатхи Двиджендра 68
Трощинский Дмитрий Прокофьевич 37, 303, 304, 305, 309–313, 315
Тун Елизавета фон 82
Тун Иоганн Йозеф фон 82
Тун-Гогенштейн Мария-Вильгельмина фон 82

Уайт Джон, доктор 268, 281
Уилкинс Чарльз 103, 321, 385, 405–407, 410, 412, 413
Уилсон Генри 212, 215, 225–228, 235
Уилфорд Фрэнсис 329, 330
Уильямсон Томас 132, 269
Уитворт, лорд 277–279
Ума 349

Ушаков Федор Федорович 256
Уэар Тимоти 65
Уэлч Джон 193
Уэйкман Генри 106, 461

Фергюссон (Фергюсон) Джон 287, 289, 290, 293
Фердинанд, принц 94
Фери, издатель 209
Фериста (Феришта) Мухаммед Касим 410
Фесечко Григорий Федорович 58, 59, 74, 76, 77, 78, 84, 237, 275, 276, 373, 376
Филд (Фильд) Джон 271, 272
Филидор Франсуа-Андре 170
Финдейзен Николай Федорович 57
Форстер, капитан 112, 462
Фоук Джозеф 195
Фоук Маргарет 269
Фоук Фрэнсис 195
Франц, эрцгерцог 94
Фредерик Йоркский, герцог 266
Фридрих-Вильгельм, наследный принц 94

Хайд (Гайд) Джон 48, 129, 142, 143, 144, 155, 175, 186, 190, 463, 467, 472
Хайд Джон (младший) 143, 173
Хайнем (Hynam) 92, 93
Халхэд (Галгет, Галгед) Натэниэл Брэсси 186, 330, 377, 380, 416, 417, 419
Хам 330
Хандошкин Иван Евстафьевич 77
Харлоу, миссис 150
Харрингтон Джон 187
Хейнс, капитан 117, 119
Хейстингс (Гастингс) Уоррен 109, 175, 185, 186, 187, 246, 413, 414
Херасков Михаил Матвеевич 113, 389
Хираньякашипу (Гориннъо кошшол) 347
Хобарт Роберт, лорд (лорд Гобарт) 234
Холуэлл Джон Зифаниа 101, 117
Хрущев Никита Сергеевич 32, 40
Хьюз, вдова 114, 150
Хэдли Джордж 287, 289, 290, 294
Хэй, миссис 234, 463
Хэй Эдвард 129, 234

Цигенбальг Бартоломеус 100

Чайтанья 150
Чакраборти Алоке Кумар 4, 52, 54
Чаттерджи Судипто 8, 53, 54, 141, 432, 433
Чаттерджи Сунити Кумар 43, 45, 46, 144, 289, 290–291
Черветто Джеймс 116
Черновская Валентина Вениаминовна 61, 68–70, 198
Чилкот Томас 117
Чоттопадхай Шунитикумар, см. Чаттерджи Сунити Кумар
Чудаков Александр Павлович 72
Чулков Михаил Дмитриевич 362, 363
Чэмберс (Чамберс) Роберт 117, 175, 186, 187, 190, 191, 192, 193, 200, 432, 467, 477
Чэмберс Уильям 187,
Чэмберс Фанни 117, 119, 190
Чэпмен Джейн 274

Шакти 349
Шанкара 63, 327, 382, 383, 407
Шарма Голокнатх 27, 136
Шаннел Орун. 4, 47
Шаргилов Захар 365
Шаха Мохадебопрошад (Саха, Махадев Прасад) 44, 45, 121, 124, 137, 139, 202, 431
Шварц Иоганн-Георг 95
Ши (Shee), миссис 117
Шива (Шиб) 42, 321, 322, 323, 329, 334, 343, 347, 352, 400, 411
Шиллинг фон Канштадт Павел Львович 474
Шитала 352
Шишков Александр Семенович 38, 67, 308, 375, 435
Шлегель Август 373, 428
Шмит (Джон Смит) 239
Шнор, книгоиздатель 304
Шока Диттео (Шока Диттьо, Шакадитья) 296, 297, 359
Шор Джон 6, 41, 146, 163, 177, 186, 187, 200–202, 227, 229, 465, 470
Шоу Джон 173
Шрётер Иоганн Самуэль 117, 126, 127
Шри (Лакшми) 346
Штейнберг Евгений Львович 32, 36, 143
Шубгонкор (Шубхамкар) 416
Шуки Муки 158, 159, 160
Шукхомойи (Шук Мой, Шукмой) 152, 153, 157, 158, 159, 160, 161
Шумигорский Евгений Севастьянович 95
Шундор (Сундар) 24, 25, 63, 67, 138
Шурджодай 296

Щербатов Михаил Михайлович 89

Эдмонстон, мистер 117
Эстергази, семья 82

Юнг Эдвард 388
Юсупов Николай Борисович 90, 91

Яма 348
Ямпольский Израиль Маркович 33, 36, 57, 59, 127, 269, 270, 275
Яфет 330

ОГЛАВЛЕНИЕ

Друг, о котором помнит Индия 3

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ
И НАСЛЕДИЯ Г.С. ЛЕБЕДЕВА
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XXI В.)..... 10

Лебедевские исследования в дореволюционной России..... 10

Изучение лебедевского наследия в Индии
(с 1882 до 1946 г.)..... 22

Изучение лебедевского наследия в СССР (1946–1965 гг.) 30

Изучение лебедевского наследия в Индии
(с 1955 г. по настоящее время) 40

Исследования биографии и трудов Г.С. Лебедева
в России в XXI в..... 56

ЖИЗНЬ ГЕРАСИМА ЛЕБЕДЕВА 72

Туманная юность..... 72

В Вене 80

Париж и встреча с «графом Северным» 84

Мадрас..... 106

Русский музыкант в Калькутте..... 112

Лебедев и Голокнатх Даш.
Перевод «Притворства» 133

«Бенгальский театр» Лебедева 146

Об истинной причине преследования
Г.С. Лебедева властями колониальной Калькутты 174

«Грусть чаще стала беспокоить…»:
последний год в Индии 192

Страсти в Индийском океане
(по письмам Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну)..... 203

В Южной Африке 217
Снова в Лондоне 242
Лондонский концерт Герасима Лебедева 269
Последний год в Лондоне.
«Грамматика» и «Хронология» 276
Возвращение в Россию 302
«Безпристрастное созерцание»:
Лебедев о религии и науке индийцев 319
«Безпристрастное созерцание»: Лебедев как этнограф 338
Поздние годы: Г.С. Лебедев и Г.Р. Державин 364
Последние труды: «Арифметика»
и ее «Систематические основания» 391

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТВОРЕЦ КОНТАКТНЫХ ФОРМ 427

БИБЛИОГРАФИЯ 436

ПРИЛОЖЕНИЯ 461
Приложение 1. Тексты Лебедева 461
Меморандум 461
Черновик письма о. Андрею Самборскому 469
Письмо И.Ф. Крузенштерну
из Петербурга в Ревель 12 июля 1802 г. 479
Приложение 2. Новонайденные лебедевские материалы
из калькуттских и лондонских газет 481
Приложение 3. Список калькуттских и лондонских газет,
содержащих сведения о Лебедеве 490

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 493

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 494

Научное издание

Ярослав Владимирович Васильков

**«Буреборственный путешественник»:
жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева
(1749–1817)**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор М.В. Банкович
Корректор Е.З. Чикадзе
Компьютерный макет А.А. Банковича

Подписано в печать 14.09.2017. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 32.
Тираж 150 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в

ISBN 978-5-88431-341-5

9 785884 313415